

ВЕСТНИК СНО

ВЫПУСК 10

Том 4:
Юриспруденция
Часть 2

ISSN 2522-4824

ГОУ ВПО «ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
СТУДЕНЧЕСКОЕ НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО

ВЕСТНИК

СТУДЕНЧЕСКОГО НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА

ГОУ ВПО «ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЫПУСК 10

ТОМ 4

Юриспруденция

Часть 2

Донецк – 2018

ББК Х.я52
УДК 378:34(05)

Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». – Донецк: ДонНУ, 2018. – Вып. 10, том 4: *Юриспруденция*. Часть 2. – 342 с.

**Редакционная коллегия
Вестника студенческого научного общества
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»**

Главный редактор – Данилов В.В., д-р техн. наук, профессор, проректор по научной и инновационной деятельности

Зам. главного редактора – Бровец А.И., председатель Совета СНО

Ответственный редактор – Фоменко М.В., канд. физ.-мат. наук

Ответственный секретарь – Самарёва Т.Н., зав. лабораторией

Члены редакционной коллегии:

Асланов П.В., канд. физ.-мат. наук, доцент

Зайцева Н.В., канд. экон. наук, доцент

Карасенко Е.А., канд. филол. наук, доцент

Миннуллин О.Р., канд. филол. наук, доцент

Никольский В.Н., д-р ист. наук, профессор

Сафонов А.И., канд. биол. наук, доцент

Тимошенко Н.А., канд. юрид. наук, доцент

Тофан А.Л., канд. экон. наук, доцент

Химченко А.Н., канд. экон. наук, доцент

Щепин Н.Н., канд. физ.-мат. наук, доцент

Щепина Н.Д., канд. хим. наук, доцент

В десятом выпуске ежегодного сборника (в 4-х томах) опубликованы результаты научных исследований студентов ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» в области естественных и технических (том 1), гуманитарных (том 2), экономических (том 3) и юридических наук (том 4). Работы печатаются в авторской редакции, максимально снижено вмешательство в структуру отобранных материалов. *Ответственность за содержание статей, аутентичность цитат, правильность фактов и ссылок несут авторы статей.* Редакционная коллегия не несет ответственность за достоверность информации, представленной в рукописях, и оставляет за собой право не разделять взгляды некоторых авторов на те, или иные вопросы.

Адрес редакции:

283001, г. Донецк, пр-т Гурова, 14, гл. корпус ДонНУ, к. 115;

Тел.: (062) 302-92-26;

E-mail: t.samareva@donnu.ru

URL: <http://donnu.ru/science/sno>

*Печатается по решению Ученого совета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
протокол № 4 от 30 марта 2018 г.*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Козырь А.А.</i> ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: БАНКОВСКОЙ ТАЙНЫ	6
<i>Кокош Е.Ю.</i> К ВОПРОСУ О НАЗНАЧЕНИИ ОСУЖДЕННЫМ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ НА ОПРЕДЕЛЕННЫЙ СРОК ВИДА ИСПРАВИТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ ..	10
<i>Кононова А.О.</i> ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ПРАВА РЕБЕНКА НА СЕМЬЮ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ	14
<i>Корсун А.А.</i> АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УСЫНОВЛЕНИЯ	19
<i>Котова А.И.</i> ПРЕДМЕТ ПРИОБРЕТЕНИЯ ИЛИ СБЫТА ИМУЩЕСТВА, ЗАВЕДОМО ДОБЫТОГО ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ	23
<i>Кохан Д.А.</i> ПРИВЛЕЧЕНИЕ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СРЕДСТВ АВТОМАТИЧЕСКОЙ ФИКСАЦИИ	27
<i>Краснощека В.В.</i> ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ ЖИВОТНОГО МИРА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ	31
<i>Кротова О.В.</i> ИНТУИЦИЯ И СИТУАЦИОННАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ВЕРСИИ	35
<i>Кривоносова Я.Е.</i> ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРА КУПЛИ-ПРОДАЖИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ	39
<i>Крюкова С.Г.</i> ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ОБЫСКА В ПОМЕЩЕНИИ	44
<i>Кудринская М.А.</i> АБСЕНТЕИЗМ КАК ОТКАЗ ОТ АКТИВНОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА	49
<i>Куренкова М.И.</i> КРИТЕРИИ КАТЕГОРИЗАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	52
<i>Кучмистый В.С.</i> ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВЕ	57
<i>Лазарев П.Л.</i> ЦЕЛИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАЛОГА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	62
<i>Леонов Н.В.</i> ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА В ГОСУДАРСТВАХ С РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ФОРМОЙ ПРАВЛЕНИЯ	65
<i>Маланчук Ю.А.</i> ЗЛУОПОТРЕБЛЕНИЕ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ: ОСОБЕННОСТИ СПЕЦИАЛЬНОГО СУБЪЕКТА	70
<i>Марченко А.Г.</i> ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ЗАРАЖЕНИЯ ВИЧ-ИНФЕКЦИЕЙ	75
<i>Мелешко А.И.</i> СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДОСЛЕДСТВЕННОЙ ПРОВЕРКИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ, РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И УКРАИНЫ	81
<i>Мельник Е.И.</i> ПРАВО ЧЕЛОВЕКА НА ЖИЗНЬ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ	86
<i>Мельникова И.В.</i> ДОЗНАНИЕ КАК ВИД УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ	91
<i>Мельникова О.Н.</i> ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО II-ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА	95
<i>Миронова А.С.</i> ПРОБЛЕМА ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ СМЕРТНОЙ КАЗНИ НА ТЕРРИТОРИИ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ	99
<i>Москаленко Т.А.</i> РОЛЬ НАЧАЛЬНИКА СЛЕДСТВЕННОГО ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ И НАЧАЛЬНИКА ОВД В ОРГАНИЗАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	104
<i>Нагорная Е. И.</i> О МЕХАНИЗМЕ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПООЩРЕНИЯ К ГОСУДАРСТВЕННЫМ СЛУЖАЩИМ	108
<i>Настека Я.И.</i> ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕСТВЕННОСТИ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ В СФЕРЕ ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ	114
<i>Нечаева О.В.</i> РОЛЬ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В ПРАВООЗАЩИТНОМ МЕХАНИЗМЕ	119
<i>Нещадимова С.А.</i> ПОРЯДОК УСЫНОВЛЕНИЯ В ДНР	122

<i>Никишина А.В.</i> О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ» И «ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ»	127
<i>Новиков И.А.</i> ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ	132
<i>Ноздреватых М.Ю.</i> РАЗДЕЛЕНИЕ ВЛАСТЕЙ КАК ПРИНЦИП ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА	139
<i>Ночная Ю.С.</i> ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ	142
<i>Овинникова Р.В.</i> СООТНОШЕНИЕ КАТЕГОРИЙ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ОБЩЕСТВА» И «ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ»: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ	146
<i>Осипов В.В.</i> ПОНЯТИЕ И ВИДЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ	151
<i>Панкратова И.О.</i> ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ	155
<i>Петраченко В.В.</i> ЮРИДИЧЕСКАЯ КОЛЛИЗИЯ КАК НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О СОЦИАЛЬНОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ	159
<i>Петрова К.С.</i> ТЕРРОРИЗМ КАК КРАЙНЯЯ ФОРМА ПРОЯВЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИЗМА	164
<i>Подлесная Н.В.</i> ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ФОРМЫ СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ МЕЖДУНАРОДНОГО ХАРАКТЕРА	168
<i>Попкова П.М.</i> КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА, СОВЕРШАЕМЫХ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ	171
<i>Попов В.Г.</i> ФУНКЦИЯ ОБВИНЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	176
<i>Рацупкина А.Н.</i> ОЦЕНКА ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	180
<i>Ревазов Н.С.</i> ЦЕНТРАЛЬНЫЙ РЕСПУБЛИКАНСКИЙ БАНК ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ КАК СУБЪЕКТ БАНКОВСКОГО ПРАВА	184
<i>Ревский Я.С.</i> РЕГУЛИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РАСХОДОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОПЫТ ДЛЯ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ	188
<i>Резник А.А.</i> РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА НАСЛЕДОВАНИЯ ВНЕБРАЧНЫМИ ДЕТЬМИ ПО ЗАКОНУ В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ	191
<i>Рудь Ю.А.</i> МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНЫ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В СИСТЕМЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ РЕБЕНКА	197
<i>Рябченко Е.Ю.</i> СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ	202
<i>Сергеев В.Л.</i> ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ПРАВА	208
<i>Скорик А.В.</i> ФОРМЫ И СРЕДСТВА ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ	213
<i>Слайковский Е.А.</i> ОПРЕДЕЛЕНИЕ СТАТУСА ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА В РАМКАХ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ ВЕТВИ ВЛАСТИ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РФ И ДНР)	217
<i>Спивак Л.С.</i> ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ПОДВЕДОМСТВЕННОСТИ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	221
<i>Ставская Т.В.</i> ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ХИЩЕНИЯ ПРЕДМЕТОВ, ИМЕЮЩИХ ОСОБУЮ ЦЕННОСТЬ	225
<i>Старчик Е. О.</i> ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	229
<i>Стасев С.О.</i> ТАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДОПРОСА ПОДОЗРЕВАЕМОГО И ОБВИНЯЕМОГО	235
<i>Ткаченко А.А.</i> РИСКОВОСТЬ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА ПОЖИЗНЕННОГО СОДЕРЖАНИЯ	239
<i>Толчеев Н.П.</i> ПРАВОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ ФЕНОМЕНА «ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ»	243
<i>Удалов Р.С.</i> ПООЩРИТЕЛЬНЫЕ НОРМЫ КАК НЕОТЪЕМЛЕМЫЙ КОМПОНЕНТ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА	247
<i>Ушакова К.С.</i> ПРЕДМЕТ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О НАРУШЕНИИ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЖИЛИЩА И ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ЛИЦА	251

<i>Федосеева Я.О.</i> ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ КАК ВЕТВЬ ВЛАСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ	255
<i>Филенко Л.В.</i> К ВОПРОСУ О ГРАНИЦАХ ПРИНЦИПА СВОБОДЫ ДОГОВОРА В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ	259
<i>Фильцов А.Г.</i> ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА ОЧНОЙ СТАВКИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	263
<i>Харахулах Е.С.</i> ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА И ПРАВОВОЙ СТАТУС ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖАЩЕГО КАК АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ	265
<i>Харламбиева А.А.</i> КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КРАЖ ИЗ ПОМЕЩЕНИЙ	270
<i>Хисамутдинов И.Р.</i> ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ И ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ГРАЖДАН	274
<i>Хобта Т.Д.</i> КВАЛИФИЦИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ ГРАБЕЖА	279
<i>Цветкова А.А.</i> ИНСАЙДЕРСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ КАК ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 207 УК ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ	284
<i>Чаленко А.Н.</i> ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ	288
<i>Чегоненко А.О.</i> ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ И ОРГАНОВ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	292
<i>Чегоненко Ю.В.</i> ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НОТАРИУСА ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	296
<i>Чёрная А.В.</i> ПРАВО ЛИЦ НА СВОБОДУ ОТ ПЫТОК, ДИСКРИМИНАЦИИ И ЖЕСТОКИХ ВИДОВ НАКАЗАНИЯ В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА НА ДОНБАССЕ	300
<i>Шептунова А.В.</i> К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «ОТЧУЖДЕНИЕ ПРАВ НА ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ»	304
<i>Шмелькова Ю.Э.</i> ЭВОЛЮЦИЯ ПРИНЦИПОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ КООПЕРАЦИИ	309
<i>Шокурова В.А.</i> ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА КАК ПРИОРИТЕТНАЯ ЗАДАЧА ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА	314
<i>Щедрина Д.С.</i> ОБЩЕОБЯЗАТЕЛЬНОЕ СОЦИАЛЬНОЕ СТРАХОВАНИЕ ЖЕНЩИН С ДЕТЬМИ	319
<i>Щедринов Д.В.</i> СУЩНОСТЬ ВЕДОМСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ	323
<i>Щербинин А.А.</i> ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	327
<i>Юсупова А.А.</i> ЗАЩИТА ЛИЧНЫХ НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ В ПЕРИОД ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ	330
<i>Ющенко В.А.</i> К ПРОБЛЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ	334
<i>Яковенко А.М.</i> МОТИВ И ЦЕЛЬ КАК ЭЛЕМЕНТЫ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ВОИНСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	337

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: БАНКОВСКОЙ ТАЙНЫ

Резюме. В статье рассмотрена банковская тайна как основной источник информации получаемый банками от своих клиентов. Изучены основные проблемы определения и регулирования «банковской тайны» на законодательном уровне.

Ключевые слова: банковская тайна, банк, органы власти, информация, коммерческая тайна, защита информации.

В современных условиях жизни важную роль играет информация. Владение определенной информацией может, как сыграть положительную роль в жизни не только определенного человека, но и всего государства в целом, так и отрицательную только уже с противоположным эффектом. Но определить информацию на правовом уровне, как объекта права, весьма проблематично, в силу чего вызывает проблемы обеспечения банковской тайны на правовом уровне. Эффективная работа права в сфере банковской деятельности обеспечивает и выступает гарантом безопасности между банком и потребителем. Поэтому вопрос об обеспечении информационной безопасности в банковской сфере, а именно банковской тайны остается открытым.

Изучению данного вопроса посвящены работы следующих авторов: В. А. Белов, М. В. Гвирцман, Я. Л. Гейвандов, Л. Г. Ефимова, А. Ф. Жигалов, С. Н. Жуков, С. Карчевский, Е. И. Корнах, В. Н. Лопатин, Л. А. Новоселова, А. М. Плешаков, П. И. Седугин, С. В. Сарбаш, А. А. Фатьянов, Р. О. Халфина, С. Чубаров и другие. Большинство современных ученых, например, А. Ю. Викулин, К. А. Маркелова, О. М. Олейник.

Цель исследования состоит в том, что бы рассмотреть основные проблемы обеспечения банковской тайны и найти пути решения выявленных проблем.

В настоящее время лидером рейтинга стран, где банковская тайна сохраняется строжайшим образом в любых обстоятельствах, остается Лихтенштейн. Доступ к информации о владельце счета в Лихтенштейне могут получить только редкие представители правоохранительных органов в очень ограниченных случаях. На втором месте находятся знаменитые «цюрихские гномы» – банкиры Швейцарии [1, с. 124].

На сегодняшний день, единственным действующим банком на территории Донецкой Народной Республики является Центральный Республиканский Банк ДНР. В силу того, что республика является молодым государством, ее законодательная база сформировано не в полном объеме. Согласно ч.2 ст. 86 Конституции Донецкой Народной Республики законы и другие правовые акты, действовавшие на территории Донецкой Народной Республики до вступления в силу настоящей Конституции, применяются в части, не противоречащей Конституции Донецкой Народной Республики [2]. Т.е. частично на территории Республики действует украинское законодательство. Однако стоит говорить о том, что законодательная деятельность наибольшим образом имеет вектор направления на российское законодательство. В силу чего стоит рассматривать данную проблему не только с точки зрения законодательства республики, но и законодательства Российской Федерации.

В настоящее время лидером рейтинга стран, где банковская тайна сохраняется строжайшим образом в любых обстоятельствах, остается Лихтенштейн. Доступ к информации о владельце счета в Лихтенштейне могут получить только редкие представители правоохранительных органов в очень ограниченных случаях. На втором месте находятся знаменитые «цюрихские гномы» – банкиры Швейцарии [1, с. 124].

Сущность правового понятия «банковская тайна» изначально имеет гражданско-правовую природу. Об этом свидетельствует, прежде всего, то, что банковская тайна как один из видов информации является объектом гражданских прав, а правоотношения, складывающиеся по поводу банковской тайны, возникают с момента заключения определенного гражданско-правового договора об оказании банковских услуг.

Частноправовое начало банковской тайны не исключает возможность ее применения в качестве объекта публично-правовых отношений, связанных с обеспечением конфиденциальности данной информации. При этом иные отрасли российского права не формируют собственных понятий банковской тайны, а опираются на ее гражданско-правовое определение. То есть, публично-правовые отношения зависимы от гражданско-правового содержания банковской тайны, должны не противоречить ему и дополняться нормами гражданского законодательства. Вместе с тем, в налоговых, административных, уголовно-процессуальных и иных публичных правоотношениях образуются и проявляются новые качественные свойства правового понятия банковской тайны. Поэтому их исследование необходимо для уяснения сущности банковской тайны как объекта правового регулирования [3, с. 96].

Что же такое «банковская тайна»? Известный российский специалист в банковском праве М. Агарков писал, что под банковской тайной понимают обязанность кредитного учреждения сохранять тайну по операциям клиентов. Иную точку зрения имеет О. Олейник, которая считает, что сведения, устанавливаемые кредитной организацией, должны быть соотносимы с ее клиентами: «если даже банк в ходе предоставления, например, кредита получит какие-либо сведения о состоянии здоровья клиента или его семейном положении, эти сведения, а не только операции, произведенные для выдачи кредита, могут быть включены в банковскую тайну». К иным сведениям, могут относиться любые данные о правовом, семейном и т.п. положении клиента, кроме тех, которые перечислены в постановлении Правительства РСФСР от 5 декабря 1991 года № 35 «О перечне сведений, которые не могут составлять коммерческую тайну»: например, информация о наличии у клиента несовершеннолетнего ребенка, на содержание которого он регулярно переводит деньги, должна быть включена в понятие банковской тайны [1, с. 125].

Законодательное регулирование понятия «банковская тайна». Согласно Постановлению Совета Министров Донецкой Народной Республики № 24-1 от 04.12.2015 года «Об утверждении Временного положения о банковской тайне в Донецкой Народной республике» под банковской тайной понимается – информация о деятельности и финансовом состоянии клиента, которая стала известна Центральному Республиканскому Банку Донецкой Народной Республики (далее – Центральный Республиканский Банк) или финансовому учреждению в процессе обслуживания клиента и взаимоотношений с ним или третьими лицами при предоставлении услуг банка или финансового учреждения, а также осуществления контрольных функций [4].

В информационном письме Председателя Верховного Суда Донецкой Народной Республики Якубовского Э. Н. «О применении судами Донецкой Народной Республики законодательства по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности» в п.19 так же раскрывается понятие банковская тайна, а именно: банковская тайна включает тайну об операциях, о счетах и вкладах своих клиентов и корреспондентов. Банковскую тайну могут составлять и иные сведения, устанавливаемые кредитной организацией, если это не противоречит федеральному закону [5].

Стоит отметить, что в Уголовном кодексе Донецкой Народной Республики в ч. ч. 1 и 2 ст. 199 предусмотрены самостоятельные составы преступлений, которые объединяет предмет преступного посягательства, – сведения, составляющие коммерческую, налоговую или банковскую тайну [6].

В Гражданском кодексе Украины не дается четкого определения понятия «банковская тайна». Однако исходя из ст. 1076 ГКУ банковская тайна – это сведения об операциях и счетах клиента, а также ведомости о самом клиенте [7].

Правовое регулирование банковской тайны в Российской Федерации осуществляется нормами Гражданского кодекса Российской Федерации, Уголовного кодекса Российской Федерации, Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности», а также рядом инструкций Банка России и налоговых органов Российской Федерации. Так, в Гражданском кодексе Российской Федерации понятие банковской тайны так же раскрыто не в полном объеме и согласно ч. 1 ст. 857 понимается как тайну банковского счета и банковского вклада, операций по счету и сведений о клиенте.

На сегодняшний день законодательство о банковской тайне недостаточно развито, основные вопросы в данной сфере не урегулированы, например, не проработан вопрос об ответственности лиц, виновных в незаконном получении или разглашении информации, составляющей банковскую тайну. Согласно ст. 26 Закона «О банках и банковской деятельности» справки по операциям и счетам юридических лиц и граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, выдаются кредитной организацией им самим, судам и арбитражным судам (судьям), Счетной палате Российской Федерации, органам государственной налоговой службы и налоговой полиции, таможенным органам Российской Федерации в случаях, предусмотренных законодательными актами об их деятельности, а при наличии согласия прокурора – органам предварительного следствия по делам, находящимся в их производстве [3, с. 98].

Согласно п. 8 Постановления Совета Министров Донецкой Народной Республики № 24-1 от 04.12.2015 года «Об утверждении Временного положения о банковской тайне в Донецкой Народной республике» информация о юридических и физических лицах, содержащая банковскую тайну, раскрывается банком и финансовыми учреждениями:

1) по письменному запросу или с письменного разрешения клиента на раскрытие информации, которая содержит банковскую тайну и владельцем которой является этот клиент;

2) органам прокуратуры Донецкой Народной Республики, Министерства государственной безопасности Донецкой Народной Республики, Министерства внутренних дел Донецкой Народной Республики, – по их письменному требованию относительно операций по счетам конкретного юридического лица или физического лица, или физического лица – субъекта предпринимательской деятельности, за конкретный промежуток времени;

3) органам доходов и сборов Донецкой Народной Республики – по вопросам налогообложения и валютного контроля относительно операций по счетам налогоплательщиков в случаях и в порядке, предусмотренных законами и нормативными правовыми актами Главы Донецкой Народной Республики и Совета Министров Донецкой Народной Республики;

4) Министерству финансов Донецкой Народной Республики как республиканскому органу исполнительной власти, уполномоченному принимать меры по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, или финансированию терроризма, и координирующему деятельность в этой сфере иных республиканских органов исполнительной власти, на его запрос относительно финансовых операций, связанных с финансовыми операциями, которые стали объектом финансового мониторинга (анализа) согласно законодательству о предотвращении и противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, или финансированию терроризма, а также участников указанных

операций. а также в случаях и порядке, установленных действующим законодательством;

5) Министерству финансов Донецкой Народной Республики по его письменному требованию по вопросам использования бюджетных средств;

6) органам государственной исполнительной службы по их письменному требованию по вопросам исполнения решений судов и решений других органов, подлежащих принудительному исполнению в соответствии с законодательством Донецкой Народной Республики, о состоянии счетов конкретного юридического лица или физического лица, физического лица – субъекта предпринимательской деятельности;

7) Пенсионному фонду Донецкой Народной Республики, фондам социального страхования Донецкой Народной Республики, Министерству труда и социальной политики Донецкой Народной Республики по их письменным требованиям относительно получателей пенсий, социальных выплат, иных выплат, предусмотренных законодательством Донецкой Народной Республики, или в порядке, установленном законами и нормативными правовыми актами Главы Донецкой Народной Республики и Совета Министров Донецкой Народной Республики, а также в порядке, установленном договорами, заключенными между этими органами и Центральным Республиканским Банком [4].

Однако информацию, составляющую банковскую тайну, желают часто получить и те организации, которые не имеют к ней доступа в силу закона. По мнению автора Коровяковского Д.Г. наиболее правильным было бы установление возможности получения сведений, составляющих банковскую тайну, только по решению суда, как во многих зарубежных странах (Швейцария, Люксембург, Германия). Это повысило бы доверие к российским банкам и способствовало прекращению «оттока» капиталов за рубеж. Однако данная мера требует внесения изменений и в процессуальное законодательство, которое в настоящий момент практически не регламентирует порядка получения и использования конфиденциальной информации. Мнение же авторов Переверзевой Е.С., Ждановой В.А., Карагодина А.В. Российская судебная система сегодня с большим трудом справляется с тем потоком дел, которые имеет. Запросы по банковской тайне лишь усложняют имеющуюся ситуацию. Существующее законодательство достаточно противоречиво и хаотично в определении вопроса предоставления банковской тайны третьим лицам. Подавляющее большинство экспертов считают, что банковская тайна переродится в самое ближайшее время в защиту банковской информации от несанкционированного доступа. При этом любые госорганы в конечном итоге получают право доступа к банковским счетам юридических и физических лиц во всем мире [8, с. 23].

В теории банковского права дается множество понятий банковской тайны, но, к сожалению, сохранность конфиденциальной информации оставляет желать лучшего. Часто сведения о физическом или юридическом лицах разглашаются как работниками банка, так и лицами, незаконно завладевающими данными сведениями. Хотя банк и правонарушителей можно привлечь к ответственности за разглашение конфиденциальной информации вред чаще всего уже будет нанесен. По моему мнению, в законодательстве необходимо ограничить случаи предоставления сведений составляющих банковскую тайну, что поможет обеспечить ее сохранность, в том числе и для органов власти, путем жесткого ограничения случаев, когда можно получить информацию, составляющую банковскую тайну.

Таким образом, мы можем сделать вывод, о том, что законодательством Донецкой Народной Республик не в полном объеме урегулированы взаимоотношения, возникающие в банковской деятельности, а именно, взаимоотношения, регулируемые банковской тайной. В силу того, что законодательство Донецкой Народной Республики

направленно на российское, мы сталкиваемся с той проблемой, что и законодательство Российской Федерации имеет свои шероховатости и некоторые проблемы. Курс направления задан и ориентирован, поэтому стоит сделать акцент на основных пробелах и коллизиях в банковской деятельности, что позволит с нуля выстроить идеальную систему взаимоотношений между банками и клиентами регулируемую законодательством Донецкой Народной Республики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Казакова Е.Б., Воронюк Е.П. БАНКОВСКАЯ ТАЙНА // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2014. – № 8-1. – С. 124-126;
2. Конституция Донецкой Народной Республики от 14.05.2014 года;
3. Гладкова С.Б. Банковская тайна: «камень преткновения» взаимодействия правоохранительных органов с кредитными организациями? // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2015. – №3 (67). – С. 95-100;
4. Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики №24-1 от 04.12.2015 года «Об утверждении Временного положения о банковской тайне в Донецкой Народной Республики»;
5. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики от 19.08. 2014 года;
6. Информационное письмо Верховного Суда Донецкой Народной Республики «О применении судами Донецкой Народной Республики законодательства по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности» – электронный ресурс – <https://supcourt-dnr.su/zakonodatelstvo/infm/o-primenenii-sudami-doneckoy-narodnoy-respubliki-zakonodatelstva-po-delam-o-0>;
7. Гражданский кодекс Украины.
8. Коровяковский Д.Г. Проблемы правового регулирования банковской тайны // Правовое регулирование. – 2008. – №4(112). – С. 18-26;

УДК 343.241.2

Кокош Е.Ю.

Научный руководитель: Карпенко Л.К., к.ю.н., доцент

К ВОПРОСУ О НАЗНАЧЕНИИ ОСУЖДЕННЫМ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ НА ОПРЕДЕЛЕННЫЙ СРОК ВИДА ИСПРАВИТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

Резюме. Исследованы вопросы эффективности назначения наказания в виде лишения свободы на определенный срок. Выявлены проблемы в части исполнения данного наказания. Сформированы выводы и возможные пути решения дискуссионных вопросов.

Ключевые слова: исправительные учреждения, назначение наказания, рецидив, преступление, осужденный.

Лишение свободы на определенный срок занимает в системе наказаний важное место. Это один из наиболее строгих видов наказаний, который оказывает существенное воздействие на человека, так как его объектом является личная свобода осужденного.

Отбывание наказания в виде лишения свободы на определенный срок связано со значительными ограничениями прав и свобод осужденного и, как правило, влечет для него определенные физические лишения и нравственные переживания. Поэтому действующее законодательство Донецкой Народной Республики ориентирует на необходимость взвешенного, обдуманного подхода к применению данного наказания, особенно в случаях совершения в первый раз преступлений небольшой или средней тяжести при наличии обстоятельств, смягчающих ответственность.

Актуальность данной темы обуславливается тем, что на практике возникает немало вопросов, связанных с пониманием сущности и содержания лишения свободы, определением вида исправительных учреждений, в которые надлежит направлять

осужденных к лишению свободы, что в целом существенно снижает эффективность этого наказания.

Целью данного исследования является рассмотрение теоретических аспектов проблемы наказания в виде лишения свободы на определенный срок, подготовка предложений по совершенствованию уголовного законодательства.

При рассмотрении данной темы за основу взяты труды таких учёных как Ю. М. Антоян, О. Г. Ковалев, Т. В. Непомнящая, О. А. Малышева, Е. А. Марина, Н. С. Таганцев и др.

В соответствии со ст. 334 Уголовно-процессуального кодекса Украины (в ред. 1960 г.) суд в обвинительном приговоре обязан мотивировать назначение наказания в виде лишения свободы, если санкция уголовного закона предусматривает и другие наказания, не связанные с лишением свободы. При этом должно соблюдаться указание ч. 1 ст. 59 УК ДНР о том, что более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершенное преступление назначается только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания.

Кроме того, для обеспечения принципа справедливости, а также во избежание вреда для осужденных и обеспечения их личной безопасности закон предусматривает отбывание наказания в виде лишения свободы в специально предназначенных для этого учреждениях различного вида.

Основания направления осужденных в учреждения того или иного вида установлены ст. 57 УК ДНР. Так, в колониях-поселениях отбывают наказание достигшие восемнадцатилетнего возраста к моменту вынесения судом приговора (совершеннолетние) лица, осужденные за неосторожные преступления, а также осужденные к лишению свободы за совершение умышленных преступлений небольшой и средней тяжести, ранее не отбывавшие лишения свободы. С учетом обстоятельств совершения преступления и личности виновного суд может назначить указанным лицам отбывание наказания в исправительных колониях общего режима с указанием мотивов принятого решения.

Совершеннолетним мужчинам, осужденным к лишению свободы за совершение тяжких преступлений и ранее не отбывавшим это наказание, а также осужденным к лишению свободы совершеннолетним женщинам отбывание наказания назначается в исправительных колониях общего режима.

В исправительные колонии строгого режима направляются совершеннолетние мужчины, ранее не отбывавшие лишения свободы, но осужденные за совершение особо тяжких преступлений, а также совершившие преступления при рецидиве и ранее отбывавшие лишения свободы.

В исправительных колониях особого режима отбывают наказание в виде лишения свободы на определенный срок совершеннолетние мужчины, совершившие преступления при особо опасном рецидиве.

Отбывание части срока наказания в тюрьме может быть назначено лицам, осужденным на срок свыше пяти лет за совершение особо тяжких преступлений, а также при особо опасном рецидиве преступлений, в случаях когда суд считает необходимым усилить карательно-воспитательное воздействие на конкретное лицо. При этом суд засчитывает время содержания осужденного под стражей до вступления в законную силу обвинительного приговора в срок отбывания наказания в тюрьме.

Как указано в ч. 3 ст. 57 УК ДНР, несовершеннолетние, осужденные к лишению свободы, отбывают наказание в воспитательных колониях.

Следует учитывать, что нормы уголовно-исполнительного права предусматривают раздельное содержание определенных категорий осужденных в исправительных и воспитательных учреждениях одного вида. Поэтому в исправительных и воспитательных колониях содержатся раздельно осужденные

мужского и женского пола, осужденные к лишению свободы впервые содержатся отдельно от осужденных, ранее отбывавших лишение свободы.

С учетом поведения осужденного к лишению свободы в период отбывания наказания он может быть переведен в учреждение другого вида в порядке, предусмотренном нормами уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального законодательства [1, с. 200].

Если лицу в порядке ст. 86 УК актом помилования смертная казнь заменена лишением свободы (на определенный срок или пожизненно), оно должно отбывать это наказание в исправительной колонии особого режима.

При осуждении лица на срок свыше пяти лет за совершение особо тяжкого преступления, а также при особо опасном рецидиве преступлений и назначении ему согласно ч. 2 ст. 57 УК отбывания части срока наказания в тюрьме суду надлежит мотивировать это в приговоре принятое решение и указать, в исправительном учреждении какого вида он должен отбывать оставшуюся часть наказания (после отбытия части срока лишения свободы в тюрьме).

Представляют собой интерес мнения ученых относительно влияния рассматриваемого наказания на рецидив преступлений. Ковалев О. Г. указывает, что применение уголовного наказания в виде лишения свободы на определенный срок влечет за собой ослабление, а нередко и полный разрыв социальных связей осужденных, влияет на формирование дезадаптивной направленности в поведении, что нередко является условием совершения новых преступлений, и поэтому его следует рассматривать в качестве криминогенного фактора, обуславливающего рецидивную преступность [2, с. 47–48].

В первую очередь в перечне условий, способствующих рецидиву преступлений, следует назвать ряд факторов, связанных с недостаточной эффективностью исполнения и назначения наказания в виде лишения свободы на определенный срок и пожизненного лишения свободы.

К неизбежным негативным последствиям исполнения этой меры наказания относятся: выключение осужденного из обычных условий жизни общества, ослабление или даже полный разрыв его прежних социально полезных связей, своеобразное привыкание к режиму и обстановке мест лишения свободы и связанные с этим психологические трудности социальной адаптации после отбытия наказания, а также другие обстоятельства. За годы изоляции от общества вырабатывается жизненная пассивность, притупляющая адаптивные способности. В итоге эти лица после освобождения не могут активно включаться в жизнь общества, преодолевать трудности, соблазны и отрицательное влияние среды [3, с. 43–45].

Курганов С. И. к факторам, снижающим эффективность наказания и, следовательно, влияющим на рецидивную преступность, относит различные недостатки в практике его исполнения. В колониях по исполнению наказаний многое делается для исправления осужденных, искоренения у них антиобщественных взглядов и привычек. В то же время в этой работе не всегда удается избежать и отрицательного влияния на осужденного со стороны его окружения. Негативно воздействуют на осужденных лица, совершающие преступления в местах лишения свободы или собирающиеся продолжить преступную деятельность после освобождения, а также злостные нарушители режима. Тюремная субкультура включает в себя ряд поведенческих императивов: цинизм, жестокость, дерзость, необходимость обязательного реагирования на оскорбления [4, с. 16].

Неблагоприятное влияние на личность осужденного могут оказывать самые разнообразные недостатки и просчеты в уголовно-исполнительном процессе: неполное вовлечение осужденных в общественно полезный труд; плохая организация труда и обучения, профессиональной подготовки; неудовлетворительная воспитательная

работа; применение не предусмотренных законом мер, направленных на усиление или ослабление режима; попустительство его нарушителям и т. д.

Несомненно, что наряду с недостаточной эффективностью назначения и исполнения лишения свободы к специфическим условиям, способствующим рецидиву преступлений, относятся различные негативные обстоятельства, связанные с социальной адаптацией лиц, освобожденных из мест лишения свободы, то есть обстоятельства постпенитенциарного характера.

Негативные последствия исполнения наказания в виде лишения свободы на определенный срок представляют собой результаты изменений общественных отношений, возникших между осужденным и обществом в ходе исполнения лишения свободы, которые являются следствием ограничения прав и свобод осужденного, не входящих в содержание наказаний, связанных с лишением свободы.

По мнению Журавлева М. П., негативные последствия, наступающие при исполнении лишения свободы на определенный срок, и обстоятельства постпенитенциарного характера неизбежно ведут к увеличению уровня рецидивной преступности, которая является основным показателем итоговой оценки результативности и эффективности наказаний, связанных с лишением свободы [5, с. 190].

В целях повышения эффективности исполнения рассматриваемого наказания, предлагается внести следующие изменения в уголовное законодательство.

В п. «в» ч. 1 ст. 57 УК ДНР указывается, что мужчинам, осужденным к лишению свободы за совершение особо тяжких преступлений, ранее не отбывавшим наказание в виде лишения свободы, а также при рецидиве или опасном рецидиве преступлений, если осужденный ранее отбывал наказание в виде лишения свободы, отбывание наказания назначается в исправительной колонии строгого режима. Таким образом, лица, впервые осужденные к лишению свободы, будут содержаться в одном учреждении с лицами, ранее отбывавшими этот вид наказания.

Содержание в одном исправительном учреждении лиц, впервые совершивших преступление, и рецидивистов, противоречит международно-правовым стандартам, оказывает пагубное влияние на первых, препятствуя их исправлению, приводит к приобретению ими преступных связей, формированию антисоциальной установки.

Таким образом, мужчины, осужденные за совершение особо тяжких преступлений, ранее не отбывавшие лишения свободы, должны быть направлены в исправительную колонию общего режима, а в исправительные колонии строгого режима станут направляться только рецидивисты.

Согласно действующему УК ДНР для осужденных женщин предусмотрены только два вида исправительных учреждений: колонии-поселения и исправительные колонии общего режима. В результате в женских колониях общего режима сосредотачиваются осужденные за все виды преступлений, в том числе особо тяжкие, и преступления, совершенные при любом виде рецидива. Следует согласиться с мнением Мариной Е. А. о создании женских колоний усиленного режима для рецидивисток с усилением их карательной стороны, чтобы исключить существование «криминальных школ» и передачу преступного опыта [6, с. 101–112].

Такая классификация осужденных женщин будет более полно отвечать принципам дифференциации и индивидуализации наказания и исполнения наказания, позволит организовать процесс исправительного воздействия с учетом личности виновных.

Таким образом, п. «б», «в» ч. 1 ст. 57 УК ДНР предлагается изложить в следующей редакции:

Статья 57. Назначение осужденным к лишению свободы вида исправительного учреждения

1. Отбывание лишения свободы назначается:

а) лицам, осуждённым за преступления, совершённые по неосторожности, а также лицам, осуждённым к лишению свободы за совершение умышленных преступлений небольшой и средней тяжести, ранее не отбывавшим лишение свободы, – в колониях-поселениях. С учётом обстоятельств совершения преступления и личности виновного суд может назначить указанным лицам отбывание наказания в исправительных колониях общего режима с указанием мотивов принятого решения;

б) лицам, осужденным к лишению свободы за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, ранее не отбывавшим лишение свободы, – в исправительных колониях общего режима;

в) мужчинам при рецидиве или опасном рецидиве преступлений, если осужденный ранее отбывал лишение свободы, – в исправительных колониях строгого режима, женщинам при любом виде рецидива преступлений, если осужденная ранее отбывала лишение свободы – в исправительной колонии усиленного режима;

г) мужчинам, осуждённым к пожизненному лишению свободы, а также при особо опасном рецидиве преступлений – в исправительных колониях особого режима.

Таким образом, именно Уголовный кодекс ДНР закрепляет в своей Общей части основные положения, учет которых необходим при определении сроков лишения свободы соразмерно общественной опасности совершенного деяния, личности виновного, тяжести последствий и уровня распространенности деяний, а также иных обстоятельств, имеющих значение при назначении наказания и реализации его целей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовное право России. Общая часть. Учебник. 2-е изд., испр и доп. (под редакцией В.П. Ревина, доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации). – «Юстицинформ». – 2010. – 496 с.
2. Ковалев О.Г., Малышева О.А. Криминологические и психологические проблемы дезадаптации женщин молодежного возраста, отбывших наказание в виде лишения свободы: учеб. пособие. – М.: «Права человека», 2001. – 100 с.
3. Непомнящая Т. В. Назначение уголовного наказания: теория, практика, перспективы. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс» – 2006. – 781с.
4. Наказание: уголовно-правовой, уголовно-исполнительный и криминологический аспекты / Курганов С.И. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект – 2008. – 192 с.
5. Уголовное право. Общая и Особенная части: Учебник / Под общ. ред. М.П. Журавлева, С.И. Никулина. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М – 2014. – 784 с.
6. Марина Е.А. Лишение свободы на определенный срок : понятие, содержание, виды исправительных учреждений: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Марина Елена Андреевна.- Москва, 2008.- 191 с.

УДК 347.63

Кононова А.О.

Научный руководитель: Тишаков М.П., к.ю.н., доцент

ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ПРАВА РЕБЕНКА НА СЕМЬЮ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Резюме. Статья посвящена правовым основам обеспечения права ребенка на семью, их содержания, а также характерным чертам и особенностям согласно действующего законодательства Украины и Российской Федерации.

Ключевые слова: ребенок, семья, дети, родители, родительские права.

Наверное, нет права, более тесно связанного с человеком, чем право на семью. Это право находило свое отражение еще в глубине веков, формируясь из седой

древности и приобретая те черты демократичности и равенства, которое имеет сейчас. Еще древнегреческий мыслитель Платон отмечал, что в хорошо устроенном государстве первыми законами должны быть те, которые регулируют брак. И это вполне закономерно, ведь ни человек, ни семья не могут существовать в обществе сами по себе. Семья – это наиболее древний социальный институт, возникший еще в недрах первобытного общества. Семья – это общество в миниатюре, от целостности которого зависит безопасность всего большого человеческого общества [1, с. 216].

Жить в семье – неотъемлемое, приоритетное право любого ребенка, т.к. семья – это естественная и необходимая среда для его индивидуального и социального развития. Психическое развитие детей, лишенных семейного окружения, задерживается и деформируется. К сожалению, для многих подрастающих граждан существует такая угроза. Неуклонно растет число детей, родители которых лишены родительских прав, не снижаются темпы роста числа неблагополучных семей, в которых родители уклоняются от воспитания, жестоко обращаются с детьми, не заботятся об их здоровье [2, с. 35].

Проблемы семьи и в современных условиях не теряют своей актуальности. Семья, как живой организм, меняется с изменением общества, в свою очередь социум также меняется с изменением семьи. Это обусловлено тем, что семья как маленькая ячейка общества воспроизводит в себе на микроуровне все проблемы общества, и соответственно ее состояние, уровень и качество жизни, культура семейных отношений непосредственно и активно влияют на состояние и развитие общества [1, с. 216].

Вопросы семьи явились предметом исследования как российских, так и украинских ученых (З. В. Ромовская, Р. А. Стефанчук, Ю. Ю. Черновалюк, Е. А. Харичкин и др.). Но в свете происходящих экономических и политических реформ они нуждаются в современном научном изучении и анализе.

Цель статьи заключается в том, чтобы раскрыть содержание права ребенка на семью, определить его характерные черты и особенности правового регулирования в Украине и Российской Федерации, основываясь на комплексном изучении и анализе научной литературы, действующего законодательства и практике его применения.

В содержательном плане право ребенка на семью отличается от такого же права взрослого человека, так как ребенок в силу своей беззащитности, вызванной полной или частичной физической, психической, социальной незрелостью, не может жить самостоятельно, сам себя обеспечивать, заботиться о себе. Право ребенка на семью имеет сложное юридическое содержание, так как охватывает широкий спектр отношений, регулируемых различными отраслями права, конкретизирующими и детализирующими конституционные нормы, касающиеся защиты семьи государством и обязанности родителей заботиться о детях. Это право не идентично праву ребенка на семью в его конституционном смысле, которое значительно богаче, поскольку включает также и право на неприкосновенность семейной жизни, на семейную тайну.

Право ребенка на семью включает в себя ряд правомочий ребенка: право ребенка знать своих родителей, право на воспитание своими родителями, право на их заботу, право на совместное с ними проживание, обеспечение его интересов, всестороннее развитие, уважение его человеческого достоинства, право на особую заботу при утрате родительского попечения. Очевидно, данный перечень не исчерпывающий, может включать, например, право ребенка на общение с родителями, право на восстановление с семьей, право на судебную процедуру в случае нарушения его семейной жизни. Каждое из перечисленных правомочий ребенка имеет собственное содержание.

Право ребенка на семью характеризуется как основное право, включающее в себя совокупность полномочий ребенка, связанных с его проживанием в семье, имеющее универсальный характер, выступающее одновременно личным и социальным правом и образующее комплексный правовой институт.

Право на семью тесно связано с другими конституционными правами и свободами, особенно для ребенка, который не может в полной мере реализовать многие свои права без помощи своих родителей – право на образование, право на жилище, на охрану здоровья и медицинскую помощь и др. Такая особенность конституционного права ребенка на семью обеспечивает условия для осуществления других его конституционных прав и позволяет утверждать о концептуальности конституционно-правового понятия права на семью.

Конституционно-правовой механизм обеспечения права ребенка на семью имеет комплексный характер, поскольку включает в себя нормы различных отраслей права. Его основу составляют нормы конституционного права, а также основанная на этих разноотраслевых нормах правоприменительная деятельность [3].

В настоящее время вопросы, связанные с защитой прав детей, являются актуальными вопросами международно-правового регулирования. В нормативно-правовых актах, посвященных правам ребенка, в качестве главной задачи называется его развитие. Так в пункте 2 статьи 6 Конвенции о правах ребенка 1989 г. говорится, что государства-участники обеспечивают в максимально возможной степени выживание и развитие ребенка, а статья 9 запрещает разлучать ребенка с родителями вопреки их желанию, за исключением тех случаев, когда это продиктовано интересами ребенка [4].

Конвенция устанавливает принципы, в соответствии с которыми разрешение вопросов, связанных с сохранением семейного окружения и обеспечением контактов ребенка с обоими родителями, должны регулироваться на национальном и межгосударственном уровне. Так, согласно п. 2 ст. 10 Конвенции ребенок, родители которого проживают в различных государствах, имеет право поддерживать на регулярной основе, за исключением особых обстоятельств, личные отношения и прямые контакты с обоими родителями. А государства-участники должны обеспечивать право ребенка, который разлучается с одним или обоими родителями, поддерживать на регулярной основе личные отношения и прямые контакты с обоими родителями, за исключением случая, когда это противоречит наилучшим интересам ребенка (п. 3. ст. 9).

В соответствии с данными положениями Конвенции и в значительной мере основываясь на них, Семейный кодекс Российской Федерации (СК РФ) предусматривает, что в случае раздельного проживания родителей ребенок имеет право на общение с каждым из них, в том числе в случае их (родителей) проживания в разных государствах. Так, ч. 1 ст. 66 СК РФ устанавливает следующие права родителя, проживающего отдельно от ребенка: 1) участвовать в воспитании; 2) общаться с ребенком; 3) принимать решения о получении ребенком образования. Родитель, с которым ребенок проживает, не должен создавать препятствий для общения с ним отдельно проживающему родителю [5]. Гарантией этой нормы семейного законодательства выступают положения п. 2 ст. 5.35 КоАП РФ, в котором установлена административная ответственность за нарушение родителями прав и интересов несовершеннолетних, выразившееся, в частности, в лишении их возможности общаться с родителями или близкими родственниками [6; 7].

Конституционное право на семью принадлежит как ребенку с момента рождения, так и другим членам семьи, а отсутствие прямого указания в тексте Конституции Российской Федерации права на семью, не означает отсутствие такого права. Как основное право, право ребенка на семью имеет естественный характер, абсолютно и неотчуждаемо (ч. 2 ст. 17 Конституции Российской Федерации). Государство гарантирует человеку и гражданину наличие, осуществление и защиту данного права путем принятия отраслевых и комплексных нормативных правовых актов и создания юрисдикционных органов [8].

Проблемам прав детей, защите семей, детства, материнства и отцовства уделяется значительное внимание законодателями, правоприменителями, политиками, учеными. Забота о подрастающем поколении является приоритетным направлением деятельности современного государства. Общеизвестно, что наиболее комфортным местом для воспитания ребенка является семья. Вместе с тем многие факты, среди которых устойчивая тенденция оставления детей без попечения родителей, свидетельствуют о кризисном состоянии семьи [3].

Основными причинами увеличения числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей – социальных сирот, являются падение социального престижа семьи, ее материальные и жилищные трудности, межнациональные конфликты, рост внебрачной рождаемости, высокий процент родителей, ведущих асоциальный образ жизни.

Как справедливо отмечается в научной литературе, сложившееся положение детей современной России – один из самых печальных итогов проводимых в стране реформ, в результате которых сфера детства оказалась самой пострадавшей, что свидетельствует о неэффективности существующих в государстве институтов социальной поддержки детей и их правовой защиты.

На исправление этой ситуации был направлен ряд мер, предпринятых еще в 2012 году: принятие Национального плана действий в интересах детей, Указа Президента Российской Федерации от 28 декабря 2012 г. № 1688 «О некоторых мерах по реализации государственной политики в сфере защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», внесение 30 декабря 2012 г. изменений в Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», разработка законов, направленных на сокращение иностранных усыновлений российских детей-сирот и стимулирование национального усыновления и т.д.

Данные меры свидетельствуют о том, что государство пытается осуществить целостную и скоординированную политику, направленную на обеспечение выживания, защиты и развития детей, которой фактически не было последнее десятилетие.

Право ребенка на семью характеризуется особой социальной значимостью и важностью для государства, поэтому его можно отнести к разряду основных прав, признание, соблюдение и защита которых объявлена конституционной обязанностью государства (ст. 2 Конституции Российской Федерации). Это право, как и другие основные права и свободы человека и гражданина определяет смысл, содержание и применение законов, деятельность органов государственной власти и местного самоуправления и обеспечивается правосудием [3].

В современной России следует создать условия для нормального функционирования института семьи. Необходимо свести на нет нередкие жизненные ситуации, когда матери отказываются от своих детей ещё в роддоме. В масштабах Российской Федерации необходимо создать отлаженную систему выявления и учета социально-неблагополучных семей, оказания помощи таким кризисным семьям, не доводя до критического момента, когда в целях защиты прав и интересов ребёнка его кровных родителей лишают родительских прав и (или) ограничивают в родительских правах.

Необходимо создать механизм социального сопровождения как кровных, так и замещающих семей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, тем самым сводя к минимуму случаи устройства детей в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, вследствие расторжения договора о передаче ребёнка на воспитание в приёмную семью, на патронатное воспитание, отмены усыновления. Очень важно обеспечить каждому ребёнку право жить и воспитываться в семье [9, с. 148].

Относительно правовой природы права ребенка на семью, закрепленного в украинском законодательстве, действующего и на территории республики, то представляется целесообразным выделить следующие его аспекты.

Право физического лица на семью является составной частью единого комплекса его личных неимущественных прав, потому его размещение именно в Гражданском кодексе Украины является оправданным. Содержание права на семью и условия его осуществления конкретизированы в Семейном кодексе Украины. Закрепленное в ст. 291 Гражданского кодекса Украины как личное неимущественное право, обеспечивающее естественное существование физического лица – право на семью, скорее следует отнести к отдельным (специальным) личным неимущественным правам, возникающим в сфере семейных отношений. Ведь данное право тесно связано с семейными правоотношениями и по большей части не возникает и не существует вне их.

Право на семью состоит из нескольких элементов: право на проживание в семье своих родителей; право на выход из нее; право на учреждение своей семьи; право на неприкосновенность семейной жизни.

Согласно ч. 1 ст. 4 Семейного кодекса Украины, лицо, достигшее брачного возраста, имеет право на создание семьи. Право физического лица на семью закреплено и в ст. 291 Гражданского кодекса Украины. Однако последняя статья, в отличие от ст. 4 Семейного кодекса Украины, предусматривает право физического лица на семью, то есть ее право быть членом семьи, а не на создание последней.

Право на проживание в семье включает, в частности, право ребенка быть забраным из роддома или другого учреждения здравоохранения.

Следует отметить, что право каждого человека на проживание в семье, определенное в Семейном кодексе Украины, имеет декларативное значение, поскольку оно не совсем четко ассоциируется с правами других членов семьи. В ч. 3 ст. 4 Семейного кодекса Украины альтернатива состоит в том, что член семьи может быть «изолирован» от семьи лишь в определенных случаях и в порядке, установленном законом. Раскрывая понятие «изолированный», можно установить, что оно ассоциируется с лишением свободы одного из членов семьи. Однако такое положение следует расценивать как внешнее воздействие на семейные отношения, но целесообразно принимать во внимание и право семьи на отстранение члена семьи от семейных отношений. Такое положение не имеет специальной регламентации в Семейном кодексе Украины, к положениям которого относятся только расторжение брака, лишение родительских прав, установление режима отдельного проживания супругов (ст. 119 Семейного кодекса Украины), отмены усыновления и т.п., то есть отдельные критерии, свидетельствующие об исчезновении семейных отношений [1, с. 217, 219; 10; 11].

Таким образом, анализируя всё вышесказанное, можно сделать вывод о том, что право ребенка на семью является одним из основополагающих неимущественных прав, которое закреплено в Конституциях государств, семейных кодексах, а также прописано в международных актах.

Данное право имеет несколько элементов: право на проживание в семье своих родителей; право на выход из семьи; право на учреждение своей семьи; право на неприкосновенность семейной жизни.

Каждый из этих элементов должен неукоснительно выполняться, а также охраняться государственными органами. Основная задача органов власти – предоставить реальные действующие гарантии на реализацию права ребенка на семью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Черновалюк Ю.Ю. Право лица на семью по законодательству Украины // Актуальные проблемы государства и права, 2008. – С. 216-221.
2. Харичкин Е.А. Право ребенка на семью // Вестник Росздравнадзора, 2009. – № 2. – С. 35-36.
3. Певцова И. Е. Право ребенка на семью и его конституционно-правовое обеспечение: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Специальность 12.00.02 – конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право / И. Е. Певцова; науч. рук. С. В. Нарутто. – Челябинск, 2013. – 26 с.

4. Конвенция о правах ребенка, одобренная Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 г. // Сборник международных стандартов и норм ООН в области правосудия в отношении несовершеннолетних. – М., 1998.
5. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 05.04.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1
7. Международно-правовые аспекты реализации права ребенка «не разлучаться с родителями» при распаде семьи [Электронный ресурс] // Евразийский юридический журнал. – Режим доступа: http://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=5161&catid=109:2010-06-17-09-48-32&Itemid=734 (дата обращения: 05.02.2018 г.)
8. Конституция (Основной Закон) Российской Федерации: [Принята общенародным голосованием в 1993г.] // Российская газета. – 1993. – № 248.
9. Шершень Т.В. Проблемы реализации права ребенка, оставшегося без попечения родителей, жить и воспитываться в семье // Вестник Омского университета. Серия «Право», 2010. – № 3 (24). – С. 146–149.
10. Цивільний кодекс України від 16.01.2003 // Голос України, 2003. – № 45.
11. Сімейний кодекс України від 10.01.2002 // Голос України, 2002. – № 38.

УДК 347.6

Корсун А.А.

Научный руководитель: Тимошенко Н.А., к.ю.н., доцент

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УСЫНОВЛЕНИЯ

Резюме. В данном исследовании рассмотрены и изучены основные положения Украинского и Российского законодательства, касающиеся вопроса усыновления (удочерения). В ходе работы выделены различия в нормативных актах этих государств по поводу требований к лицам и процессу усыновления.

Ключевые слова: усыновление, семейное право, усыновители, дети, родители.

Донецкая Народная Республика (далее – ДНР), как государство переходного периода, переживает этап становления и постоянного изменения законодательства. Особое внимание уделяется систематизированным законодательным актам – кодексам. Активное обсуждение межведомственной рабочей группой проходит над проектом Семейного кодекса ДНР. Основные положения данного нормативного правового акта должны соответствовать международным принципам семейного права, в частности законодательству Украины и Российской Федерацией (далее – РФ). В силу того, что усыновление (удочерение) довольно острый и противоречивый вопрос, необходим его подробный анализ, исследование и сравнение на примере данных государств.

В первую очередь, необходимо отметить, что усыновление – это приоритетная форма обеспечения вниманием, заботой и всеми необходимыми условиями детей, которые по каким-либо причинам не могут получить их от родителей. Поэтому государство пытается всячески способствовать передаче ребенка в семью, как родного. Но в то же время является необходимым обеспечить интересы ребенка, для чего проводится тщательный контроль подбора потенциальных родителей, а также дальнейшей жизни ребенка в новой семье.

Усыновление – юридический акт, осуществляемый судом, влекущий возникновение правоотношений между усыновителями и усыновленными правоотношений, как между родными родителями и детьми. В то же время усыновление имеет и правопрекращающее значение. В результате усыновления прекращается правовая связь между детьми и родными родителями и их родственниками [1]. В семейном законодательстве Украины и России порядок усыновления имеет ряд отличий. Заслуживает внимания рассмотрение требований для

усыновления согласно Семейного кодекса Украины, который сегодня актуален и на территории ДНР:

1. Усыновителем ребенка может быть совершеннолетнее дееспособное лицо.
2. Усыновителем может быть лицо, старше ребенка, которого оно хочет усыновить, не менее чем на пятнадцать лет.
3. Усыновителями могут быть лишь супруги, или же один человек, являющийся супругом одного из родителей ребенка [2].

У трёх этих требований имеется множество исключений, которые не дают право на усыновление:

1. Люди, не состоящие между собой в браке, не могут усыновить одного ребенка. Стоит учесть, что предпочтение в усыновлении также отдается именно супружеской паре, чтобы создать для ребенка условия полной семьи;
2. Если ребенок имеет только мать (отца), он не может быть усыновлен человеком, с которым его мать (отец) не состоит в браке;
3. Лишены родительских прав, если эти права не были восстановлены;
4. Были усыновителями другого ребенка, но усыновление было отменено или признано недействительным по их вине;
5. Злоупотребляют спиртными напитками или наркотическими средствами.
6. Не имеют постоянного места жительства и постоянного заработка (дохода). Однако для коренных немногочисленных кочевых народов России создано исключение, в силу их образа жизни, но усыновить они могут лишь детей, относящихся к таким народам.

7. Страдают болезнями, перечень которых утвержден Министерством здравоохранения Украины.

Что касается законодательства РФ и требований к усыновителям, то они более строги и, кроме вышеперечисленных, имеют такой перечень лиц, которые не могут быть усыновителями:

1. Супруги, один из которых является недееспособным или ограничено недееспособным.
2. Лица, отстраненные от обязанностей опекуна (попечителя) за ненадлежащее выполнение возложенных на него законом обязанностей.
3. Лица, имеющие или имевшие судимость, подвергающиеся или подвергавшиеся уголовному преследованию за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, а также за преступления против жизни и здоровья, против свободы, чести и достоинства, против семьи и несовершеннолетних, против здоровья населения и общественной нравственности, против общественной безопасности, мира и безопасности человечества. А также лица, имеющие судимость за тяжкие и особо тяжкие преступления.
4. Лица, не прошедшие подготовку по специальной программе для усыновления (кроме родственников ребенка).
5. Лица, состоящие в союзе, заключенном между людьми одного пола [3].

Кроме этого, разница в возрасте между усыновителем и ребенком, согласно Семейного кодекса РФ, не может быть менее шестнадцати лет, но в судебном порядке может быть сокращена и может вовсе не соблюдаться при усыновлении отчимом (мачехой).

Общим принципом усыновления является то, что родственники ребенка являются приоритетными усыновителями. Это в первую очередь способствует созданию для ребенка максимально привычных условий быта. Законодательно закреплено и может не соблюдаться лишь в порядке исключения, имеющего особое значение в интересах ребенка и то, что братья или сестры могут быть усыновлены неразрывно, то есть в одну семью.

Также, к обязательному условию усыновления относится согласие родителей ребенка, а если им нет шестнадцати лет – то и их родителей. Существует два вида согласия: согласие на то, чтобы ребенок был усыновлен конкретным лицом; согласие на усыновление без указания личности конкретного усыновителя, которое также называется общим согласием. Если же ребенок находится под опекой (попечительством), в приемной семье, воспитательной или иной организации, то соответственно необходимо согласие опекуна (попечителя), приемных родителей, руководителя учреждения.

Но, без согласия родителей ребенок может быть усыновлен если они:

1. неизвестны;
2. признаны безвестно отсутствующими;
3. признаны недееспособными;
4. лишены родительских прав;

5. по причинам, признанным судом неуважительными, более шести месяцев не проживают совместно с ребенком и уклоняются от его воспитания и содержания.

Если ребенок усыновляется не обоими супругами, то согласие второго на такое усыновление является обязательным, и не требуется лишь если супруги прекратили семейные отношения, не проживают совместно более года и место жительства другого супруга неизвестно. В отдельных случаях сам ребенок тоже должен дать согласие на усыновление. В соответствии с Семейным кодексом Украины, форма и необходимость такого согласия определяется возрастом и уровнем развития ребенка. В Семейном кодексе РФ такой возраст определен десятью годами.

Особую правовую защиту имеет тайна усыновления. Для её сохранения государство принимает все меры, а именно устанавливает ответственность за разглашение тайны усыновления любыми лицами; дает возможность усыновителям быть записанными родителями ребенка; предоставляет право усыновителям изменять фамилию ребенка, а также его имя. При желании усыновителя изменить имя или фамилию ребенка, согласно Семейному кодексу РФ, необходимо согласие самого ребенка, если ему уже исполнилось десять лет, однако в Семейном кодексе Украины согласие ребенка требуется лишь для изменения имени. Кроме этого, для поддержания тайны усыновления, может быть изменена дата и место рождения ребенка. Однако дата может быть изменена не больше чем на шесть месяцев в Украине и не больше чем на три месяца и только в отношении ребенка до одного года (кроме особых установленных судом случаев и старше года) в России.

К сожалению, усыновление не всегда даёт ожидаемый результат. В этом случае, в первую очередь чтобы защитить интересы ребёнка, усыновление может быть отменено. Это прекращает все взаимные права и обязанности между ребенком и усыновителями. Отмена усыновления может инициировано самим ребенком, органом опеки и попечительства, прокурором, родителями ребенка, а также усыновителями, если они не были осведомлены о том, что ребенок страдает слабоумием, психической или иной тяжелой неизлечимой болезнью – при этом согласие ребенка на отмену усыновления не требуется. Список причин для отмены усыновления не является исчерпывающим, поскольку в первую очередь решение суда об отмене усыновления выносится из интересов самого ребенка и с учетом мнения самого ребенка, если он достиг 10 лет.

Кроме процедуры отмены усыновления законом Украины возможно признание усыновления недействительным. Усыновление признается недействительным по решению суда, если оно было произведено без согласия ребенка или родителей; если имеет место фиктивное усыновление, то есть усыновитель не желал наступления прав и обязанностей, возникающих при усыновлении; если одним из супругов усыновлен ребенок другого из супругов, усыновление может быть признано недействительным по решению суда, если будет установлено, что на момент усыновления другой из супругов

не имел намерения продолжать с ним брачные отношения; также усыновление может быть признано недействительным, если отсутствует согласие на усыновление второго супруга, который не будет усыновителем, опекуна или попечителя усыновляемого, а также учреждения здравоохранения или учебного заведения. Недействительное усыновление подлежит аннуляции с момента решения суда.

Особые правовые вопросы и коллизии возникают при желании иностранных граждан либо лиц без гражданства стать усыновителями ребенка. Они регулируются международным частным правом и могут разрешаться в зависимости от наличия договора между государствами в данной сфере. Однако национальное законодательство закрепляет общие принципы возможности усыновления детей-граждан иностранцами. В частности, в Семейном кодексе Украины отдельный раздел посвящен этому вопросу. Так, приоритет усыновления находится именно у граждан Украины, проживающих постоянно на территории страны. Однако у не граждан также есть возможность усыновления с соблюдением ряда требований, в первую очередь, если не оказалось гражданина Украины, который желал бы его усыновить или взять под опеку либо на попечение к себе в семью. Что касается законодательства РФ, то оно несколько суровой относится к усыновлению детей-граждан иностранцами или лицами без гражданства. Согласно ч. 4 ст. 124 Семейного кодекса такое усыновление допускается только в случаях, если не представляется возможным передать этих детей на воспитание в семьи граждан Российской Федерации, постоянно проживающих на территории Российской Федерации. Стоит отметить, что в России с 2013 года действует запрет передачи детей, являющихся гражданами Российской Федерации, на усыновление гражданам США [4].

В заключении стоит отметить, что главная задача института усыновления заключается в том, чтобы обеспечить ребенку максимально соответствующие семейным условия. Поэтому нужно больше внимания уделять как теоретическим вопросам усыновления, так и практическому применению полученных исследований. В ДНР в данный момент нормы семейного права находятся на стадии формирования, поэтому нужно брать во внимание опыт иностранного законодательства, в первую очередь Украины и РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рудакова О.А. Семейное право: учеб. пособие для вузов / О.А. Рузакова – М.: 2010. – 204 с.
2. Семейный кодекс Российской Федерации: [федер. закон: принят Гос. Думой 8 дек. 1995 г.: по состоянию на 3 янв. 2001 г.]. – СПб.: Victory: Стаун-кантри, 2001. – 94 с.
3. Семейный кодекс Украины: [закон: принят Верховной Радой 10 янв. 2002 г.; по состоянию на 1 января 2008 г.]. – Харьков: Право, 2008. -192 с.
4. О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации: [федеральный закон от 28.12.2012 N 272-ФЗ по состоянию на 28 марта 2017 г.]. – «Российская газета», N 302, 29.12.2012 г.

ПРЕДМЕТ ПРИОБРЕТЕНИЯ ИЛИ СБЫТА ИМУЩЕСТВА, ЗАВЕДОМО ДОБЫТОГО ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ

Резюме. В статье рассмотрены виды и признаки предмета преступления, предусмотренного ст. 192 Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики, его юридическое значение. Проанализированы точки зрения различных авторов о предмете данного преступления. Дано понятие предмета приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем.

Ключевые слова: предмет преступления, движимое и недвижимое имущество, имущественные права, деньги и ценные бумаги.

В состав каждого преступления обязательно входят четыре элемента: объект преступления, субъект преступления, объективная и субъективная сторона преступления. Данные элементы имеют свои факультативные признаки. Однако, наряду с ними существует такой факультативный признак, как предмет преступления, который рассматривают в связи с объектом преступления.

В научной литературе существуют различные точки зрения относительно понимания предмета преступления. Так, по мнению А. И. Рарога, предмет преступления – это вещи или иные предметы внешнего мира, а также интеллектуальные ценности, воздействуя на которые виновный причиняет вред охраняемым законом общественным отношениям [1, с. 115]. Кравцов С. Ф. под предметом преступления понимает материальный (вещественный) элемент общественного отношения, прямо указанный или подразумеваемый в уголовном законе, путем противоправного воздействия на который нарушается общественное отношение, то есть совершается посягательство на объект преступления» [2, с. 9]. Беляев Н. А. отмечает, что предмет преступления – это элемент объекта посягательства, воздействуя на который преступник нарушает или пытается нарушить общественное отношение [3, с. 303]. Ревин В. П. считает, что под предметом преступления следует признавать материальный объект (в котором проявляются общественные отношения), воздействуя на который, субъект изменяет их [4, с. 152]. Лукьянов В. В. под предметом преступления понимает элемент объекта преступления, ту социальную ценность, по поводу которой складываются общественные отношения [5, с. 147].

Очевидно, что наиболее полным и точным является определение, данное А. И. Рарогом.

Юридическое значение предмета преступления выражается в следующем.

1. Он может являться конструктивным признаком состава преступления и в этом качестве входит в основание уголовной ответственности. Поэтому там, где предмет преступления прямо указан в законе или очевидно подразумевается, его отсутствие исключает привлечение лица к уголовной ответственности.

2. Количественные или качественные показатели предмета могут быть квалифицирующим признаком состава преступления, т.е. предмет может усилить меру ответственности виновного за счет квалификации.

3. Качественные показатели предмета преступления могут влиять на отграничение сходных преступных деяний и, таким образом, влиять на квалификацию [1, с. 115–116].

Значение предмета состоит и в том, что для многих составов, так называемых предметных преступлений, он является одним из основных, обязательных признаков. К их числу, например, относятся все корыстные преступления. Если не установлен предмет посягательства при совершении таких деяний как незаконный оборот наркотических

средств, хищение и по некоторым другим составам, то, очевидно, и сама постановка вопроса о привлечении лица к уголовной ответственности становится незаконной.

Таким образом, данные обстоятельства вызывают необходимость исследования проблем, связанных с предметом преступления, поскольку единство в понимании его сущности еще не достигнуто.

Одним из таких предметных преступлений является приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, предусмотренное ст. 192 Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики (далее – УК ДНР).

В диспозиции данной статьи определен предмет данного преступления – имущество, заведомо добытое преступным путем [6].

В соответствии со ст. 190 Гражданского кодекса Украины (далее – ГК), имуществом считается отдельная вещь, совокупность вещей, а также имущественные права и обязанности.

Вещью является предмет материального мира, относительно которого могут возникать гражданские права и обязанности (ст. 179 ГК).

В гражданском праве различается движимое и недвижимое имущество, что имеет важное значение для раскрытия сущности предмета состава приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем. К недвижимым вещам (недвижимое имущество, недвижимость) относятся земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, т.е. объекты, перемещение которых невозможно без их обесценивания или изменения их назначения (например, здания, сооружения). К недвижимым вещам относятся также подлежащие государственной регистрации воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания, космические объекты. Законом к недвижимым вещам может быть отнесено и иное имущество, право на которое подлежит государственной регистрации.

К движимым вещам относятся вещи, которые можно свободно перемещать в пространстве (ст. 181 ГК) [7].

Лопашенко Н. А. говорит о том, что чаще всего предметом приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем, выступает движимое имущество [8, с. 118].

Что касается денег и ценных бумаг, то они также могут быть отнесены к предмету анализируемого преступления при определенных условиях. Во-первых, сбыт либо приобретение не должны быть направлены на их легализацию, т.е. придание правомерного вида владению, пользованию и распоряжению ими. Во-вторых, применительно к ценным бумагам, речь может идти только о бумагах на предъявителя, права на которые не утрачиваются даже при незаконной смене их владельца [9, с. 170].

По мнению Н. В. Репиной предметом анализируемого деяния являются любые вещи или права, имеющие определенную ценность или сохраняющие ее при изъятии, поскольку они могут быть приобретены или сбыты и могут удовлетворять какую-либо потребность виновного. В том числе – предметы, имеющие особую ценность, любое транспортное средство, заведомо добытое преступным путем, ценные бумаги, права из которых не утрачиваются при смене владельца, даже если она осуществлена незаконным путем. Предмет приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем, должен быть для виновного чужим, т.е. не должен находиться в собственности или законном владении виновного [10, с. 11–12].

Милин А. Е. говорит о том, что предметом рассматриваемого деяния является обладающее вещными признаками движимое и недвижимое имущество, заведомо добытое в результате совершения другим лицом преступления, или имущество, полученное взамен его, в гражданско-правовом его понимании. Исключение составляет имущество, уголовная ответственность за незаконный оборот которого предусмотрена специальными нормами [11, с. 17].

Денисова Л. В. утверждает, что предметом состава приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем, не могут быть добытые преступным путем поддельные деньги и ценные бумаги; сырье, материалы и оборудование, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, вооружения и военной техники и в отношении которых установлен специальный экспортный контроль; драгоценные металлы, природные драгоценные камни, жемчуг; огнестрельное оружие, его основные части, боеприпасы, взрывчатые вещества и взрывные устройства; наркотические средства и психотропные вещества; сильнодействующие ядовитые вещества, ядерные материалы и радиоактивные вещества, поскольку названные объекты предусматриваются в качестве предмета специальных составов преступлений, предусмотренных уголовным законодательством [12, с. 133–134].

Дробот С. А. под предметом рассматриваемого преступления понимает имущество (т.е. материальные объекты, обладающие экономическими свойствами товара) [13, с. 34].

Серебренникова Л. И. утверждает, что предметом приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем, являются индивидуально-определенные вещи (в том числе подпадающие под эти признаки – деньги, ценные бумаги, а также переработанные вещи), выбывшие из обладания собственника или иного законного владельца в результате совершения преступного деяния при условии, что ответственность за приобретение или сбыт этих предметов не установлена другими нормами УК РФ [14, с. 16]

Еще одним признаком предмета преступления, предусмотренного ст. 192 УК ДНР, является преступный характер происхождения данного имущества.

В соответствии с гражданским законодательством лишь собственнику имущества принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом. Он вправе по своему усмотрению совершать любые действия, не противоречащие закону и иным правовым актам и не нарушающие права и охраняемые законом интересы других лиц, например, отчуждать свое имущество в собственность другим лицам, передавать им, оставаясь собственником права владения, пользования и распоряжения имуществом, и распоряжаться им иным образом (ст. 319 ГК) [7].

Основания приобретения права собственности на имущество определяются главой 24 ГК, в частности, право собственности на имущество, которое имеет собственника, может быть приобретено другим лицом на основании правовых сделок. Иные основания приобретения имущества являются незаконными.

Крапивина О. Н. указывает, что предметом приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем, может быть не любое, независимо от формы собственности, преступно добытое имущество, а только то, которое не принадлежит приобретателю (сбытчику) на праве собственности или ином законном основании – чужое. Такое имущество само по себе, независимо от его свойств, изъято из гражданского оборота в силу способа его получения – добыто преступным путем [15, с. 6].

Как видим из вышеизложенного, в науке нет единого мнения по вопросу определения предмета приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем. Одни ученые понимают под ним только вещи материального мира, как движимые, так и недвижимые. Другие же утверждают, что наравне с ними предметом данного преступления могут быть и имущественные права. Однако все они сходятся во мнении, что предметом данного преступления не могут быть предметы специальных составов преступлений и что данное имущество должно находиться в незаконном владении.

По-нашему мнению, наиболее точное определение предмета приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем, дает Н.В. Репина, относя к

ним движимое и недвижимое имущество, имущественные права, в том числе предметы, имеющие особую ценность, транспортные средства, ценные бумаги, права на которые не утрачиваются при смене владельца.

Для устранения двоякой трактовки анализируемого понятия, предлагается ст. 192 УК ДНР дополнить примечанием изложить его в следующей редакции: «Примечание. Предметом приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем, являются имущественные права, движимые и недвижимые вещи, которые не изъяты из гражданского оборота и заведомо добыты в результате совершения иным лицом преступления».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учеб. для студентов вузов по спец. «Юриспруденция» / под ред. А.И. Рарога. – 2-е изд., перераб. и доп.– М.: Юрист, 2004. – 509 с.
2. Кравцов С.Ф. Предмет преступления: автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.08. – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право / Кравцов Станислав Федорович. – Ленинград, 1976. – 19 с.
3. Курс советского уголовного права. Часть общая. Т. 1 / Отв. ред.: Беляев Н.А., Шаргородский М.Д. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. – 648 с.
4. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. В.П. Ревина. – Москва:Юсициформ.2016. – 580 с.
5. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред.В.В. Лукьянова, В.С. Прохорова, В. Ф. Щепелькова, перераб. и доп. – СПб.: Издательство СПбГУ, 2013. – 600 с.
6. Уголовный Кодекс Донецкой Народной Республики от 17 августа 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://old.dnr online.ru/doc/attachment/ugolovnyj_kodeks_dnr/ – Дата обращения: 21.01.2018. – Загл. с экрана.
7. Гражданський кодекс України от 16.01.2003 года № 435-IV // Ведомости Верховной Рады Украины. – 2003. – №№ 40-44. – 1308 с..
8. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной анализ: монография. В 2 ч. Ч. I / Лопашенко Н.А. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 336 с.
9. Волотова Е.О. Приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем / Е. О. Волотова // Актуальные проблемы российского права. – 2011. – № 3. – с. 167-172
10. Репина Н.В. Уголовная ответственность за приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем: автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право / Репина Нааля Владимировна. – Москва, 2008. – 33 с.
11. Милин А.Е. Уголовная ответственность за приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем: автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право / Милин Андрей Евгеньевич. – Москва, 2004. – 25 с.
12. Денисова Л.В. Дискуссионные вопросы учения о предмете состава приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем / Л.В. Денисова // Право и безопасность. – 2013. – № 3-4(45). – С. 131-137.
13. Дробот С.А. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право / Дробот Сергей Александрович. – Москва, 2000. – 163 с.
14. Серебренникова Л.И. Криминологические и уголовно-правовые проблемы приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем (по материалам Дальневосточного федерального округа): автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право / Серебренникова Лариса Ивановна. – Владивосток, 2009. – 26 с
15. Крапивина О.Н. Приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем: сравнительно-правовое, уголовно-правовое, уголовно-политическое и криминологическое исследование): автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право / Крапивина Ольга Николаевна. – Москва, 2008. – 30 с.

ПРИВЛЕЧЕНИЕ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СРЕДСТВ АВТОМАТИЧЕСКОЙ ФИКСАЦИИ

Резюме. В статье рассматриваются проблемы применения закрепленных в КоАП РФ норм об автоматической фиксации нарушений в сфере дорожного движения. Анализируются вопросы, связанные с несовершенством законодательства (материально-правового и процессуального характера), а также организационно-технические вопросы.

Ключевые слова: административная ответственность, средства автоматической фиксации, правила дорожного движения, центр автоматизированной фиксации административных правонарушений в области дорожного движения.

Привлечение к административной ответственности за наблюдение безопасности на дорогах, несмотря на предпринимаемые государством меры, продолжает характеризоваться негативной динамикой. Ежегодно в Российской Федерации регистрируется около 220 тыс. дорожно-транспортных происшествий (ДТП), в результате которых гибнут в среднем около 30 тыс. человек, 270 тыс. получают ранения. За последние 5 лет в Российской Федерации в дорожно-транспортных происшествиях погибли 172 тыс. человек, более 1,2 млн граждан получили увечья. Это соизмеримо с последствиями масштабных катастроф или вооруженных конфликтов. С экономической точки зрения материальный ущерб от аварий ежегодно превышает 2% внутреннего валового продукта, что в абсолютном выражении составляет сотни миллиардов рублей [1].

Общепризнано, что превышение установленного ограничения скорости движения является основным фактором гибели людей и получения ими тяжелых ранений при дорожно-транспортных происшествиях. Предупреждение и пресечение именно данного вида нарушений – главная задача полицейского надзора в сфере дорожного движения [2].

В связи с этим возрастает роль нового способа фиксации нарушений правил дорожного движения специальными техническими средствами, работающими в автоматическом режиме и имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средствами фото- и киносъемки (далее – средства автоматической фиксации). Положительный опыт по их применению создает предпосылки для научного осмысления и совершенствования правовой основы применения специальной техники в обеспечении правопорядка.

Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27 октября 2012 г. № 1995-р «Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Повышение безопасности дорожного движения в 2013-2020 годах»» в качестве одного из направлений по развитию системы предупреждения опасного поведения участников дорожного движения предусматривает обеспечение соблюдения участниками дорожного движения требований Правил дорожного движения, в том числе с применением систем фиксации нарушений специальными техническими средствами [3].

Однако время, прошедшее с момента установления в КоАП РФ норм об автоматической фиксации нарушений ПДД, показывает, что появился ряд проблем их реализации. Системное толкование этих норм в правоприменительной практике выявило недостатки, которые в значительной степени снижают эффективность применения нового способа предупреждения правонарушений в области дорожного движения.

Основной круг проблем можно разделить на те, которые связаны с несовершенством законодательства, и на организационно-технические. В свою очередь, в первой группе можно выделить проблемы материально-правового и процессуального характера. Так, ч. 1 ст. 2.61 КоАП РФ не уточняется, что собственники (владельцы) автомототранспортных средств, право собственности или владения которых зарегистрировано Госавтоинспекцией, или собственники (владельцы), права которых на автомототранспортные средства оформлены в соответствии с гражданским законодательством, должны привлекаться к административной ответственности. На этот важный аспект не раз обращалось внимание в научных статьях, что принципиально важно, так как право собственности и право владения в отношении автомототранспортных средств возникает и переходит с момента заключения договора в порядке, предусмотренном Гражданским кодексом РФ, и не зависит от регистрации данного факта подразделениями Госавтоинспекции. Примером может служить заключение договора купли-продажи автомобиля, не снятого с регистрационного учета в ГИБДД, при этом в силу ст. 223 ГК РФ право собственности у приобретателя возникает с момента его фактической передачи.

Действующая редакция ч. 1 ст. 2.61 КоАП РФ оставляет на усмотрение должностных лиц центров автоматической фиксации административных правонарушений ГИБДД разрешение вопроса о том, какие из указанных выше собственников (владельцев) автомототранспортных средств будут привлекаться к административной ответственности и, следовательно, иметь право доказывать свою невиновность на основе примечания к ст. 1.5 КоАП РФ. Это положение является противоречащим ч. 2 ст. 29 Всеобщей декларации прав человека [4]. В ней определяется возможность подвергать человека, осуществляющего свои права и свободы, только таким ограничениям, которые установлены законом исключительно в целях обеспечения общественного порядка и поддержания общего благосостояния в демократическом обществе. Обозначенное же усмотрение прямо законом не предписано и является необоснованным и противоречащим ч. 1 ст. 55 Конституции РФ. Сформулированные в ч. 1 ст. 2.61 КоАП РФ положения в большой степени можно назвать плодом заблуждения авторов, полагающих, что единственным источником данных о собственниках (владельцах) автомототранспортных средств служит информационная система ФИС ГИБДД, содержащая сведения обо всех зарегистрированных ГИБДД на территории Российской Федерации автомототранспортных средствах. Это неверно. Формулировка статьи должна быть изменена, а в качестве отправной точки можно использовать положения некоторых зарубежных источников права.

Так, Транспортным кодексом Калифорнии (США) установлено, что при автоматической фиксации нарушения правил парковки презюмируется факт нахождения за рулем зарегистрированного собственника [5]. Закон Великобритании «О правонарушениях в дорожном движении» в ст. 68 раздела 3 устанавливает требование о привлечении к ответственности собственника, на имя которого зарегистрировано транспортное средство [6]. В Финляндии и Швеции при невозможности установить личность правонарушителя к ответственности привлекается владелец транспортного средства.

Приведенный анализ позволяет предложить внести в ч. 1 ст. 2.61 КоАП РФ изменения, указав, что в качестве лица, привлекаемого к административной ответственности, выступает собственник (владелец), на имя которого транспортное средство зарегистрировано в установленном законодательством порядке.

Соответствующего анализа требует и правовое регулирование в части размещения информации о местах установки стационарных средств автоматической фиксации нарушений ПДД, а также мобильных средств, конструктивно не связанных с

патрульным транспортом. Пункт 57 раздела 3 Административного регламента исполнения государственной функции по контролю и надзору за соблюдением участниками дорожного движения требований в области обеспечения безопасности дорожного движения МВД России говорит о том, что места установки и режим работы стационарных средств автоматической фиксации определяются дислокацией, утверждаемой руководителем органа управления, место и время применения мобильных средств автоматической фиксации устанавливаются решением руководителя подразделения о порядке несения службы сотрудником [7]. При таком порядке и отсутствии других нормативных предписаний информирование водителей представляется затруднительным, так как сведения об организации несения службы относятся к информации для служебного пользования и разглашению не подлежат.

Следует отметить, что не только в России, но и в Объединенных Арабских Эмиратах, Израиле, где на дорогах также используются автоматические фоторадары, предупреждающие знаки в этой части не размещают, и информирование о местах их размещения не осуществляется.

Обозначенные проблемы российского правового регулирования не способствуют решению задач предупреждения опасного поведения участников дорожного движения, определенных Концепцией федеральной целевой программы «Повышение безопасности дорожного движения в 2013-2020 годах», и достижению одного из ее целевых показателей – снижению количества мест концентрации ДТП.

В качестве положительного опыта в решении вопроса информирования водителей о расположении средств автоматической фиксации нарушений ПДД, установки специализированных дорожных знаков, обозначающих места их установки, рассмотрим примеры нормативного регулирования в ряде зарубежных стран.

В Швеции участки дорог, оборудованные фоторадарами, имеют соответствующие предупреждающие знаки, реагируя на которые водители машинально снижают скорость во избежание штрафных санкций [8].

Применение автоматической видеофиксации в Финляндии регулируется несколькими статьями Закона о полиции и Уголовного кодекса. Места, где установлены видеокamеры, обозначаются соответствующими знаками [9].

В Германии предупреждающий знак устанавливается за 300-500 м до места расположения камеры видеофиксации. Иногда знаки устанавливают в качестве профилактики правонарушений – камеры или радара в указанном месте может не оказаться.

В Англии использование радаров регулируется законом о защите информации, исходя из которого, камеры должны находиться на видном месте, а их месторасположение должно обозначаться соответствующим знаком.

Проецируя указанный опыт на российскую правовую действительность, можно предложить ряд рекомендаций, которые позволили бы, решая поставленную в Концепции федеральной целевой программы «Повышение безопасности дорожного движения в 2013-2020 годах» задачу предупреждения опасного поведения участников дорожного движения, обеспечить приемлемую финансовую эффективность применения средств автоматической фиксации нарушений ПДД.

Во-первых, необходимо нормативно закрепить требование об установке средств автоматической фиксации в местах концентрации ДТП, причиной которых стало несоблюдение скоростного режима, с обязательным обоснованием решения на основе анализа аварийности в конкретном регионе. В настоящее время это требование отражено лишь в методических рекомендациях, не являющихся нормативным актом, следовательно, не обладающих признаком обязательности исполнения.

Во-вторых, установить обязанность для подразделений ГИБДД предоставлять путем публикации на официальных сайтах региональных управлений МВД России по

субъектам сведения о местах установки стационарных устройств автоматической фиксации нарушений.

В-третьих, внести изменения в перечень информационных знаков, установленный Правилами дорожного движения, дополнив его знаком, обозначающим применение на участке дороги средств автоматической фиксации нарушений.

Следующий проблемный аспект состоит в том, что средства автоматической фиксации нарушений ПДД могут использоваться в противоправных целях путем заведомо неправильной их настройки пользователем. Это последствие отсутствия нормативно установленных требований к конструкции приборов. Используемые в настоящее время приборы являются сложными техническими устройствами. В их состав могут входить такие основные компоненты, как фото-радарные датчики, аппаратура для передачи данных, сервер хранения данных, коммуникационный сервер, компьютер оператора (в мобильном комплексе – ноутбук с устройством связи и направленной антенной), сетевое оборудование. В свою очередь, фото-радарные датчики состоят из высокочувствительной фототелекамеры и радара. Последний является измерительным прибором для определения скорости движения транспортного средства [10]. Именно он должен иметь сертификат об утверждении типа средств измерений, быть зарегистрированным в государственном Реестре средств измерений и допущен к применению на всей территории Российской Федерации, а также проходить ежегодную государственную поверку. Таким образом, конструкция приборов позволяет производить настройку радарного датчика и заблокированной с ним фотовидеокамеры независимо друг от друга, что дает возможность неправомерного привлечения владельцев или собственников транспортных средств к административной ответственности.

Решением здесь может быть нормативный запрет выпуска и эксплуатации средств автоматической фиксации нарушений ПДД, конструкция которых позволяет производить раздельную настройку пользователем радарного датчика и средства фиксации изображения транспортного средства.

Предлагаемые изменения правового регулирования применения средств автоматической фиксации нарушений ПДД, как представляется, должны быть объединены постановлением Правительства Российской Федерации, устанавливающим порядок эксплуатации и технические требования к их конструкции.

Все указанные выше факты позволяют прийти к выводу о необходимости переосмысления и доработки материальных норм КоАП РФ, а также разработки нормативного правового акта Правительством РФ, который определит организационные и технические основы использования средств автоматической фиксации нарушений ПДД с целью обеспечить эффективное применение новой формы надзора за соблюдением Правил дорожного движения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Госавтоинспекция МВД России. Обзор новостей // Официальный Интернет-сайт ГУГИБДД МВД России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gibdd.ru/news/main/>.
2. Астафьев Н. В., Караваев А. Ф. Использование сотрудниками полиции средств аудио-, фото- и видеофиксации в оперативно-служебной деятельности // Психопедагогика в правоохранительных органах, 2013. – № 3. – С. 27-32.
3. Собрание законодательства Российской Федерации, 2016. – № 45. – ст. 6282. – С. 12863-12891.
4. Всеобщая декларация прав человека (принята на Третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) // Рос. газета. – 2008. – С.213.
5. Vehicle code of California (Sec. 41102, Ch. 4, Div. 17) // Vehicle code of California Department of Motor Vehicles. Sacramento – California, 1993. – P. 1008.
6. Road Traffic Offenders Act. – 1988. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1988/153/po/fs/ukpga>.
7. Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации исполнения государственной функции по контролю и надзору за соблюдением

- участниками дорожного движения требований в области обеспечения безопасности дорожного движения: приказ МВД России от 2 марта 2009 г. № 185 // Рос. газета, 2009. – 28с.
8. Обеспечение безопасности дорожного движения (на примере Германии, Швеции, ОАЭ, Австрии) / под общ. ред. Е. В. Мартынова. М., 2009. – С. 21.
 9. Арнаутов Н. И. Практический опыт борьбы с правонарушениями в области обеспечения безопасности дорожного движения, применяемый подразделениями дорожной полиции Финляндии // Информационный бюллетень ДОБДД МВД России, 2009. – № 45. – С. 15.
 10. Применение оборудования фотовидеофиксации нарушений ПДД : метод. рекомендации / С. В. Беляев, О. Е. Понарьин, В. Е. Приходько, Ю. В. Рузин. М., 2008. – С. 6.

УДК 349.03:591.5

Краснощека В.В.

Научный руководитель: Тишаков М.П., к.ю.н., доцент

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ ЖИВОТНОГО МИРА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Резюме. В исследовании изучено законодательство Донецкой Народной Республики в отношении животных и животного мира в целом. Приведена практика зарубежных государств в области регулирования использования объекта животного мира, а также в области защиты животного мира от жестокого обращения. Выявлена недостаточность и непроработанность отечественного законодательства в области урегулирования данных отношений.

Ключевые слова: животный мир, животные, мировая практика, закон о защите животных, зарубежная практика, защита животных.

Животный мир является неотъемлемой частью природной системы. Он имеет не только экономическое значение как источник получения пищевых продуктов, промышленного и лекарственного сырья, но и культурное, научное, эстетическое и воспитательное значение.

Поэтому одна из важных задач государства состоит в том, чтобы путем правового регулирования в области охраны и использования животного мира добиться таких условий его существования, которые обеспечили бы сохранение видового многообразия и целостности сообществ животного мира [1, с. 3–4].

Отечественное законодательство в области охраны и использования животного мира основывается на положениях Конституции Донецкой Народной Республики [2], законов об охране окружающей среды, законов и иных нормативных правовых актов ДНР.

Животный мир определен в ст. 1 закона ДНР «О животном мире» [3] как совокупность объектов животного мира всех видов, постоянно или временно населяющих территорию Донецкой Народной Республики и находящихся в состоянии естественной свободы, а также относящихся к природным ресурсам акватории Донецкой Народной Республики.

Таким образом, упомянутый закон определяет правовой статус только диких животных, если они являются элементами окружающей среды и находятся в состоянии естественной свободы, а домашние животные либо дикие животные, находящиеся в неволе (зоопарках, аквариумах), к ним не относятся. Такое понятие животного мира подвергается критике, поскольку относится лишь к дикой фауне, что неравнозначно животному миру в целом, к которому принято относить все организмы животного происхождения [4, с. 40]. При этом следует учитывать, что понятия «животный мир» и «объект животного мира» соотносятся как общее и частное. В качестве объекта животного мира рассматривается конкретное животное. Поэтому животный мир следует рассматривать как природный ресурс, а объект животного мира – как конкретный объект [5].

Правовое регулирование отношений в области охраны и использования животного мира в Донецкой Народной Республике осуществляется законами «Об охране окружающей среды» [6], «О животном мире», «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» [7].

Законом ДНР «Об охране окружающей среды» введено понятие природных ресурсов; урегулированы вопросы их использования, нормативы допустимого воздействия и допустимой антропогенной нагрузки на окружающую среду, экологического мониторинга; установлены требования и контроль в области охраны окружающей среды и т.д.

Закон «О животном мире» разрабатывался как главный закон в системе так называемого фаунистического законодательства. Он устанавливает основные понятия (животный мир, объекты животного мира, использование и охрана объектов животного мира и др.), регламентирует право собственности на объекты животного мира, полномочия органов государственной власти и местного самоуправления, виды пользования животным миром, виды лицензий, порядок их получения и т.д.

Закон «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» развивает положения закона о животном мире в отношении живых ресурсов водных объектов. В юридической литературе отмечаются недостатки законодательства о рыболовстве. Критика связана в первую очередь с тем, что многие спорные и насущные вопросы отданы на уровень подзаконного законодательства или заменяются отсылочными нормами [8, с. 123].

На сегодняшний день в законодательстве Донецкой Народной республике отсутствует нормативно-правовой акт регулирующий осуществление охотничьей деятельности и использования охотничьих ресурсов – объектов животного мира. В силу межотраслевого характера закон о животном мире не решает проблемы формирования государственной политики в сфере охоты и охотничьего хозяйства, однако он прямо указывает, что соответствующие отношения должны регулироваться специальным законом и связанным с ним законодательством. Вместе с тем, следует отметить, что в сфере охотничьего хозяйства осуществляется достаточно широкий круг видов деятельности, более широкий, нежели только охота и деятельность по сохранению охотничьих ресурсов.

Рассмотрим зарубежную практику правового регулирования использования объектов животного мира. Во всех странах Евросоюза права кошек и собак защищены Конвенцией по защите животных от жестокого обращения от 1987 года [9]. В Европе полный запрет испытания косметических средств на животных, а также запрещено: купирование хвоста, ушей, удаление когтей. В некоторых странах нельзя оставлять запертую в машине собаку в солнечный день – салон быстро нагревается и собаку может хватить тепловой удар. Увидевший это полицейский должен разбить стекло и может оштрафовать хозяина собаки.

Бездомные собаки отсутствуют в Бельгии, Дании, Финляндии, Германии, Нидерландах, Норвегии, Швеции, Швейцарии. В этих странах отмечается традиционно высокий уровень контроля (регистрация, лицензирование), развернутое законодательство, а также социальная ответственность населения. Программу стерилизации в этих странах применяют к популяциям уличных кошек.

Новая Зеландия. В стране приняли законопроект в пользу защиты животных (Animal Welfare Bill). Отныне наказание ждёт тех, кто жестоко обращается с животными, под запрет попадают исследования и опыты на животных. Любая охота и отлов диких животных являются незаконными. Также в Новой Зеландии запрещены исследования и опыты на животных [10].

Германия – первая страна мира, которая ввела защиту животных в Конституцию страны. В 2006 году германский бундестаг принял важную поправку в конституцию

Германии. В раздел «О защите естественных основ жизни» внесли положение о защите животных. За поправку проголосовали все парламентские фракции. Отныне охрана животных становится в Германии конституционным долгом государства.

Теперь, в новой редакции, статья 20-я Конституции ФРГ звучит так: «Реализуя в рамках конституционного строя законодательную власть и обеспечивая осуществление исполнительной и судебной власти в соответствии с законом и правом, государство, сознавая ответственность перед будущим поколением, защищает также естественные основы жизни и животных» [11].

Также в Германии действует Закон о защите животных (Tierschutzgesetz) и Распоряжение по содержанию собак (Hundeverordnung), законодательно утверждена система приютов. В стране признана профессия «Защитник животных», а также действует специальная отрасль права – «Права животных» (Tierrechte). В этой области работают адвокаты, которые могут не только помочь в случае нарушения прав владельцев животных или в случаях издевательств над животными, но и помочь при приобретении животных [12].

В Австрии преступлением считается:
содержание цыплят в тесных клетках;
связывание домашнего скота тугими веревками.

Категорически запрещено использовать диких животных в цирках. Запрещается держать собаку на цепи, ошейнике-удавке или использовать во дворе так называемый «невидимый забор», который бьет животное током, если оно пересекает определенную линию [13].

Испания: впервые в мире уравнила права человека и животных. В 2008 году признала право каждой человекообразной обезьяны на жизнь, свободу и защиту от жестокости. Теперь в Испании обезьяны не могут рассматриваться в качестве объектов частной собственности, запрещены опыты на обезьянах, содержание их для цирковых и телевизионных программ и серьезно улучшены условия проживания в зоопарках [14]. Трудно переоценить важность этого решения для развития экологической этики и всемирной борьбы за права животных против охоты, цирков, звероферм, вивисекции, спортивной рыбалки и прочего позорного средневекового варварства. Сейчас похожий законопроект лоббируется и в ряде других стран, причем кроме обезьян в нем уже говорится и о дельфинах, и ряде других высокоорганизованных животных.

Швейцария: ведущее государство Европы в области прав животных. В 2008 году утверждён закон о правах животных. Закон детально регламентирует обращение с дикими и домашними животными [15]. Отныне они больше не приравниваются к вещам. Это означает, что:

во время судебных разбирательств интересы «меньших братьев» будут учитываться, например, при разделе имущества по суду при разводе владельцев животного.

если до сих пор собаку или кошку просто оценивали по их рыночной стоимости, то теперь судья имеет право отдать их тому из бывших супругов, с кем, по его мнению, животному будет лучше.

если четвероногий друг получил травму по чьей-то вине, то судья может обязать виновника оплатить лечение у ветеринара, даже если эти расходы превышают стоимость животного.

в случае, если подан иск о взыскании долгов, запрещено конфисковать в счет уплаты долга домашних животных;

если кто-то нашел потерянное животное, то он обязан информировать хозяина животного или компетентные власти. Но если через два месяца хозяин не объявится, то животное становится законной собственностью того, кто его нашел и дал приют.

Греция: закон о защите животных принят в 2012 году [16]. Вот некоторые пункты:

эвтаназия здоровых животных полностью запрещена;
запрещена эксплуатация животных в развлекательных целях;

Введено обязательное чипирование всех животных. База микрочипов находится в ведении Министерства сельского хозяйства;

В соответствии с законодательством ЕС, разрешена бесплатная стерилизация бездомных животных. Человек может отдать домашнее животное, которое больше не хочет или не имеет возможности содержать, в муниципалитет (муниципалитет располагает приютами и средствами на содержание животных).

Прокурор имеет право изымать домашних животных и запрещать приобретение животных в будущем людям, которые уличены в жестоком обращении с животными. Прокурор также имеет право контролировать питомники и приюты для животных при наличии жалоб со стороны граждан;

Жестокое обращение с животными карается заключением сроком до 1 года и штрафом до 15 тыс. евро. Кража животных карается тюремным заключением до 6 месяцев и штрафом в размере 3 тыс. евро.

Законодателем в настоящее время проводится серьезная трудоемкая работа по разработке нормативных правовых актов в сфере охотничьего хозяйства и объектов животного мира, а также мониторинга правоприменительной практики в данной отрасли с целью нормативного совершенствования.

Завершая анализ проблем правового регулирования объектов животного мира, следует еще раз отметить общую тенденцию, характерную для норм законодательства в данной сфере: крайне небольшое количество норм прямого действия, недостаточное регулирование многих вопросов, а также наличие большого количества отсылочных норм. Вместе с тем, регулирование этих аспектов должно происходить на основе четкой, понятной правовой базы, в которой большинство норм должны являться нормами прямого действия, исключаящими их произвольную трактовку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мечетин Ю.А. Уголовно-правовая охрана животного мира: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. 26 с.
2. Конституция Донецкой Народной Республики: Постановление Верховного Совета Донецкой Народной Республики № 1-1 от 14.05.2014 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/konstitutsiya/> (Дата обращения: 01.02.2018 г.)
3. О животном мире: Закон Донецкой Народной Республики № 186-ІНС от 04.08.2017. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-zhivotnom-mire/> (Дата обращения: 01.02.2018 г.)
4. Веденин Н.Н. Животный мир: проблемы охраны и использования // Журнал российского права. – М.: Норма, 2002, № 12. – С. 40-47
5. Слепенкова О.А. Комментарий к Федеральному закону от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире» [Электронный ресурс]/ Слепенкова О.А.— Электрон. текстовые данные. – Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2010. – 215 с.— Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/1310.html>. – ЭБС «IPRbooks» (Дата обращения: 01.02.2018 г.)
6. Об охране окружающей среды: Закон Донецкой Народной Республики № 38-ІНС от 30.04.2015 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dnrsovet.su/zakon-dnr-ob-ohrane-okr-sredy/> (Дата обращения: 01.02.2018 г.)
7. О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов: Закон Донецкой Народной Республики № 185-ІНС от 23.06.2017 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-rybolovstve-i-sohranenii-vodnyh-biologicheskikh-resursov/> (Дата обращения: 01.02.2018 г.)
8. Глибко О. Я., Лукин А. А., Прищепа Б. Ф. Современные проблемы нормативно-правового регулирования рыболовства // Труды КарНЦ РАН. 2011. №4. С.116-123
9. European Convention for the Protection of Pet Animals №125 от 01.05.1992 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.legislation.govt.nz/act/public/1999/0142/latest/DLM49664.html/> (Дата обращения: 01.02.2018 г.)
10. Animal Welfare Bill №142 от 14.10.1994 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.legislation.govt.nz/act/public/1999/0142/latest/DLM49664.html (Дата обращения: 01.02.2018 г.)

11. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland от 23.05.1949 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gesetze-im-internet.de/gg/index.html/> (Дата обращения: 01.02.2018 г.)
12. Tierschutzgesetz от 24.07.1972 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gesetze-im-internet.de/tierschg/TierSchG.pdf/> (Дата обращения: 01.02.2018 г.)
13. Bundesgesetz über den Schutz der Tiere (Tierschutzgesetz – TSchG) – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ris.bka.gv.at/Dokumente/Erv/ERV_2004_1_118/ERV_2004_1_118.pdf/ (Дата обращения: 01.02.2018 г.)
14. Manifiesto. Reconozcamos a los grandes simios como personas no humanas от 06.05.2014 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://drive.google.com/file/d/0Bw7Na15-Xan1Tm14VVB5d2dWdlk/> (Дата обращения: 01.02.2018 г.)
15. Tierschutzverordnung от 23.04.2008 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.admin.ch/opc/de/official-compilation/2008/2985.pdf/> (Дата обращения: 01.02.2018 г.)
16. Για τα δεσποζόμενα και τα αδέσποτα ζώα συντροφιάς και την προστασία των ζώων από την εκμετάλλευση ή τη χρησιμοποίηση με κερδοσκοπικό σκοπό от 02.02.2012 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hellenicparliament.gr/Nomothetiko-Ergo/Anazitisi-Nomothetikou-Ergou?law_id=79f1e51a-1f16-4ebe-ae56-3c1f6de29978/ (Дата обращения: 01.02.2018 г.)

УДК 343.985

Кретова О.В.

Научный руководитель: Хань Г.А., к.ю.н., доцент

ИНТУИЦИЯ И СИТУАЦИОННАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ВЕРСИИ

Резюме: В данном исследовании раскрывается понятие интуиции в криминалистике и ее участие в выдвижении криминалистических версий вне зависимости от содержания следственной ситуации.

Ключевые слова: интуиция, ситуационная обусловленность, криминалистическая версия.

По мнению профессора Н. П. Яблокова важнейшей характеристикой предварительного расследования преступлений является его поисково-познавательная природа. Преступление как событие, лежащее в прошлом, может быть раскрыто и расследовано лишь при познании истинной картины этого деяния и доказывании всех фактов и обстоятельств, имеющих значение для разрешения дела [1, с. 119].

В своей профессиональной деятельности следователь вынужден использовать различные формы мышления для определения поиска новой доказательственной информации, среди которых особое место занимает следственная версия. Вместе с тем расследование сопряжено с решением творческих познавательных задач и неизбежно предполагает использование интуиции [2, с. 99].

Логико-эвристические механизмы отражают мыслительную деятельность следователя по осознанию и анализу всего массива имеющейся у него информации. Причём благодаря имеющемуся опыту и профессиональным знаниям, в которых значительное место занимают соответствующие положения следственной тактики и криминалистической методики, следователь выдвигает следственные версии, объясняющие исходные данные и предположительно определяющие искомые обстоятельства уголовного дела [3].

Вопрос о природе версий традиционно раскрывается с помощью логических определений, которые сформировались вокруг дискуссии о соотношении версии и гипотезы.

В результате многолетней научной дискуссии утвердилось мнение большинства учёных о том, что версия есть отраслевая разновидность частной гипотезы. Следовательно, делается заключение, что по своей логической природе версия является гипотезой. Традиционно под гипотезой понимается форма развития знания,

представляющая собой обоснованное предположение, выдвигаемое с целью выяснения свойств и причин исследуемых явлений [4, с. 213].

В научной литературе справедливо отмечается, что криминалистическая версия является специфической разновидностью частной гипотезы, которая характеризуется рядом определенных признаков и свойств:

1) использование в такой области общественной жизни, как расследование преступлений;

2) формируется и проверяется субъектами раскрытия и расследования преступлений методами, предусмотренными уголовно-процессуальным законодательством;

3) должна быть обоснованной, реальной и конкретной [5, с. 4];

4) должна быть проверена в ограниченный законом срок;

5) проверяется в условиях, когда возможно активное противодействие такой проверке заинтересованных в сокрытии истины лиц [6, с. 120].

Следовательно, позиция, согласно которой по своей логической природе версия – частная гипотеза, наиболее последовательна и отвечает назначению гипотезы как средства познания [7, с. 41].

Однако природа версии не ограничивается только логическим измерением. По мнению В. А. Шефера, наиболее яркой характеристикой версии является то, что она имеет ситуационную природу. Это обусловлено тремя факторами.

Во-первых, версия помогает следователю мысленно смоделировать (воссоздать в сознании) имевшую место при совершении преступления криминальную ситуацию и даже позволяет сделать ретропрогноз её развития.

Во-вторых, проверка версий обуславливает, в свою очередь, характеристику и развитие следственной ситуации.

В-третьих, версия всегда детерминирована исходной информацией по расследуемому уголовному делу, которая образует фундамент следственной ситуации.

Это становится очевидным, если обратить внимание на причинную обусловленность следственной ситуации криминальной ситуацией [8, с. 17].

Под криминальной ситуацией принято понимать совокупность материальных и социально-психологических условий, создаваемых индивидуальным сочетанием элементов преступной деятельности в тех пространственно-временных рамках, в которых она осуществляется субъектом преступления [9, с. 45–46].

В процессе расследования конкретного преступления перед следователем стоят две взаимосвязанные задачи: 1) раскрыть преступление, установив основные черты произошедшего события, как бы «определить для себя» что же в действительности произошло; 2) расследовать преступление, то есть при помощи процессуальных средств и методов донести сущность установленного события для другого познающего субъекта (например, для суда).

Однако поскольку на момент расследования преступление в подавляющем большинстве случаев уже не существует в реальной действительности, с целью его познания следователь, на основании имеющейся о преступлении информации, выстраивает в своем сознании информационную модель расследуемого события. Любое преступное событие, имея ситуационную природу, развивается в пространстве и во времени, поэтому для успешной мысленной реконструкции всех деталей преступного события необходимо грамотно и адекватно воссоздать все его составляющие ситуации [9, с. 61].

Преступное событие, протекающее в условиях криминальной ситуации, оставляет отражения в окружающей среде. Информация, почерпнутая из данных отражений, образует информационный компонент следственной ситуации. Если криминальная ситуация – это преступное событие, которое на момент расследования выступает

эмпирическим фактом прошлого, то информационный компонент следственной ситуации – фактические данные о криминальной ситуации, почерпнутые из оставленных ей отражений в окружающей среде.

Следует заметить, что ситуационную обусловленность криминалистических версий, в своё время, подчёркивала и В. Е. Коновалова [10, с. 153].

О тесной взаимосвязи между версией и следственной ситуацией высказывается С. Э. Воронин: «связующим звеном этих явлений является информативность, которая, являясь компонентом следственной ситуации, накладывает отпечаток на характер выдвигаемых версий» [11, с. 110].

Кайгородова О. С. также отмечает, что «выдвигаемая версия зависит от конкретной ситуации, сложившейся на определенный момент расследования» [12, с. 26].

При уяснении природы криминалистических версий необходимо также учитывать, что версия не существует сама по себе. Она возникает благодаря субъекту познания. Версия есть продукт воображения следователя [13, с. 17].

Следовательно, версия также имеет субъективное психологическое измерение, а, следовательно, обладает психологической природой [8, с. 19]. Дальнейшее уточнение психологической природы версий потребует определения роли следственной интуиции при их выдвижении.

Белкин Р. С. определил, что следственная интуиция – это способность следователя разрешать следственные ситуации, понимать значение тех или иных обстоятельств для расследования, предвидеть действия противодействующих следствию лиц и др., без обоснования этого с помощью доказательств, в силу непосредственного усмотрения [14, с. 345].

Трактовка интуиции, отвечающая реалиям криминалистического познания, содержится в работах российского физика-теоретика Е. Л. Фейнберга. Он выделял «интуицию-суждение» – прямое усмотрение истины, не допускающего ни логического обоснования, ни логического опровержения и «интуицию-догадку» – угадывание, предвосхищение истины, которое допускает последующее «опосредование» – логическое или опытное установление истинности этого интуитивного высказывания [15, с. 68]. Таким образом, представляется вполне очевидным, что сущности версии как средства косвенного опосредованного познания соответствует именно «интуиция-догадка», проверка которой должна осуществляться по правилам гипотетико-дедуктивного метода [16, с. 228].

Интеллектуальная деятельность следователя по восполнению информационного дефицита приводит к рождению догадки – первоначального предположения, которое еще в достаточной мере не исследовано, не выяснены его логическое и эмпирическое основания. Формирование выводов-догадок зависит от имеющегося опыта и специальных познаний и может быть настолько быстрым и неосознанным, как бы автоматическим процессом, минуя ряд мысленных операций, что осознанным оказывается лишь вывод, результат интуитивного решения [14, с. 137].

По определению Р. С. Белкина, следственные действия как средства розыскной деятельности следователя (следственный осмотр, допрос, обыск и т. п.) – это не какие-то специфичные «розыскные» следственные действия, их процессуальный порядок и тактика обычны [14, с. 210].

Аналогичный перечень следственных действий приводит и Л. Л. Каневский, который отметил: «Практически интуиция применяется в быстроменяющейся ситуации (например, при осмотре места происшествия, обыске, допросе), особенно на первоначальном этапе расследования, при отсутствии достаточной информации» [18, с. 55].

В процессе расследования интуиция проверяется практикой и только в случае подтверждения догадки рассматривается как достоверное знание. Здесь нет ничего

принципиально отличного от обычного процесса проверки версий, выдвинутых на основе строго последовательного логического объяснения фактов. Этих отличий и не может быть, потому что интуитивное знание до его проверки есть также предположение, версия, а не доказательство.

В результате проведенного в 2010 г. опроса 100 сотрудников – следователей, дознавателей и оперативных работников установлено, что 17,5 % респондентов считают следственную интуицию обычным основанием для построения версий [19, с. 74].

В завершение хотелось бы проиллюстрировать практическое использование интуиции в условиях определённой ситуации при моделировании криминалистической версии на примере из следственной практики Черёмушкинской прокуратуры г. Москвы, который описывает в своей монографии «Криминалистическая ситуалогия» Т. С. Волчецкая [9, с. 176].

Осмотр места происшествия позволил следователю сделать вывод о насильственной смерти гр. К., труп которой был обнаружен в ее квартире. В комнате были изъяты нож и шило со следами крови на них. Множественные следы крови имелись и на различных предметах, находящихся в квартире. Ценные вещи – золотые украшения, меховые изделия, видеоаппаратура – оказались нетронутыми. Брат убитой, проживавший совместно с ней, пояснил, что пропали только лишь некоторые старые вещи сестры: поношенная котоновая куртка и кепка, зеленая юбка, а также большая коричневая хозяйственная сумка.

У следователя вдруг возникла интуитивная догадка о том, что преступление совершено женщиной. Выявляя отдельные звенья причинно-следственной цепи механизма преступления, он мысленно сопоставил результаты проведенного осмотра и собственную версию. Все подтверждалось: обильные следы крови в разных местах комнаты, наличие не одного, а нескольких орудий преступления можно было объяснить продолжительной борьбой преступника и его жертвы.

Продолжительность борьбы натолкнула следователя на мысль о равенстве сил. Отсюда следовало, что следы крови могли остаться и на одежде преступника. Чтобы не выходить в таком виде на улицу, преступница переделалась в вещи убитой, свои же положила в хозяйственную сумку (так объяснилась и пропажа коричневой сумки) и забрала их с собой.

Надо отметить, что дальнейшее расследование подтвердило правильность рассуждений следователя. Существенную роль в указанном случае сыграла и интуиция следователя: подсознательно «известные» компоненты помогли ему выдвинуть версию о компонентах неизвестных (в частности, о субъекте преступления). Моделирование механизма совершения преступления позволяет из модели криминальной ситуации сконструировать информационную модель всего расследуемого события в целом [9, с. 177].

Являясь по сути междисциплинарной (философской, психологической, педагогической и т. п.) категорией, профессиональная интуиция определённо находит свое отражение в криминалистике. Развитие данной способности имеет практическое значение и позволяет следователю установить ранее неизвестные обстоятельства преступления, определить наиболее перспективные направления розыска [19, с. 75].

Таким образом, можно прийти к выводу, что использование интуиции неизбежно при выдвижении криминалистических версий в абсолютно любых следственных ситуациях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Криминалистика: учебник / Отв. ред. Н.П. Яблоков. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2005. – 781 с.
2. Шефер В.А. О значении интуиции при выдвижении криминалистических версий. // Известия Тульского государственного университета. Серия: Экономические и юридические науки. – 2016. – Вып. 1. – С. 99 -105.

3. Энциклопедия и библиотека криминалистики и уголовного процесса. Логика, эвристика и интуиция в познавательной деятельности следователя [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://crimlib.info/Логика_эвристика_и_интуиция_в_познавательной_деятельности_следователя.
4. Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика: учебник для юридических вузов. – М., 2008. – С. 213.
5. Багмет А.М. Типичные следственные ситуации и версии при расследовании массовых беспорядков // Российский следователь, 2013. – Вып. 10. – С. 4.
6. Руденко А.В. Понятие криминалистической версии // Черные дыры в российском законодательстве. – 2010. – Вып. 4. – С. 120.
7. Перевозчиков А.В. Юридические версии: вопросы теории и практики. Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 – Теория и история права и государства; История учений о праве и государстве / А.В. перевозчиков. – Ярославль, 2005. – С. 41.
8. Шефер В.А. Криминалистические версии: теоретические и практические аспекты формирования и проверки с позиции ситуационного подхода. Дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.12 – Криминалистика; Судебно-экспертная деятельность; Оперативно-розыскная деятельность / В.А. Шефер. – Калининград, 2016. – 243 с.
9. Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия: монография. / Под ред.проф. Н.П. Яблокова. Москва; Калинингр. ун-т. – Калининград, 1997. – 248 с.
10. Коновалова В.Е. Версия: концепция и функции в судопроизводстве. Харьков, 2000. – С. 153
11. Воронин С.Э. Проблемно-поисковые следственные ситуации и установление истины в уголовном суде-производстве. Дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09 – Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность / С.Э. Воронин. – Барнаул, 2001. – С. 110.
12. Кайгородова О.С. Следственные ситуации и версии: теория и практика применения // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2014. – Вып. 3. – С. 26.
13. Ларин А.М. От следственной версии к истине. М., 1976. – С. 17.
14. Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3-х т. Т. 2. – М., 1997. – С. 345.
15. Фейнберг Е.Л. Две культуры: интуиция и логика в науке и искусстве. Фрязино, 2004. – С. 68.
16. Васильев А.А. Рациональное и иррациональное в юридической интуиции // Приволжский научный журнал. – 2011. – Вып. 2. – С. 228.
17. Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. Научно-практическое руководство. – М: Юрлитинформ, 2001. – 352 с.
18. Каневский Л.Л. Криминалистические проблемы расследования и профилактики преступлений несовершеннолетних. – Красноярск, 1991.– С.55.
19. Котягов А.В. Значение следственной интуиции для осуществления розыска несовершеннолетних, пропавших без вести: криминалистический аспект // Труды Академии управления МВД России. – 2011. – Вып. 2 – С.73-76.

УДК 347.673.5

Кривоносова Я.Е.

Научный руководитель: Олейникова А.В., ст. преподаватель

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРА КУПЛИ-ПРОДАЖИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Резюме. В данном исследовании изучен вопрос, посвященный основным проблемам при осуществлении купли-продажи через сеть Интернет, а также проблеме его правовой регламентации. Установлено, что принятие нормативного акта в Донецкой Народной Республике, регламентирующего электронную коммерцию, является необходимым в связи с ростом товарооборота в сети Интернет.

Ключевые слова: купля-продажа, сеть Интернет, коммерция, потребитель, договор.

*Законодатель! Не пиши законов
торговле: она не терпит оных,
подобно океану, носящему корабли ее.
Пифагор*

На сегодняшний день развитие информационных технологий привело к появлению ранее не известных способов продвижения и продажи товаров, работ и услуг через сеть Интернет, которые с каждым днем приобретают свое распространение

по всему миру. Однако такой способ является одним из проблемных вопросов не только в цивилистической науке и правовой доктрине, но и в гражданском праве в целом. Это обусловлено, прежде всего, тем, что он прямо не закреплен в законодательстве, а также отсутствует судебная практика, поэтому довольно часто появляются трудности в разрешении споров, возникающих из данных гражданских правоотношений [1]. В связи с этим, изучение данного вопроса и его дальнейшая правовая регламентация являются необходимыми.

Следует отметить, что этой проблеме посвящена обширная литература не только отечественных авторов, но и зарубежных.

В Украине комплексные исследования, посвященные данному вопросу, практически отсутствуют. Однако, не смотря на это, среди различных научных трудов все же можно встретить работы некоторых авторов. Среди них: Иваненко Л. М., Косинов С. А., Осетинская Г. А., Письменная О. П. и другие.

Среди российских авторов исследованием данной проблемы занимались: Белова О. А., Жарова А. К., Кузьменко А. С., Фролов И. В. и другие.

Однако научные исследования вышеуказанных ученых раскрывают лишь отдельные аспекты правового регулирования отношений в сфере электронной торговли.

Следует отметить, что в настоящее время специального закона, который бы полностью урегулировал торговлю через сеть Интернет, в Донецкой Народной Республике (далее – ДНР) не существует. По сути, это отношения регламентируются теми же нормами, что и другие виды торговли. Поэтому регулирование отношений купли-продажи товаров в интернет-магазинах не подпадает под общие положения договоров купли-продажи, урегулированного главой 54 ГК Украины. Следовательно, пробелы действующего законодательства по купле-продаже товаров через сеть Интернет в большинстве случаев регулируются по аналогии права и по аналогии закона [2, с. 104].

В связи с этим считаем, что, наиболее значимой проблемой по рассматриваемому вопросу является то, что в ДНР отсутствует нормативный акт, регулирующий электронную коммерцию. Вместо этого, согласно Постановлению Советов Министров ДНР «О применении Законов на территории ДНР в переходный период», законы и другие правовые акты, действовавшие на территории ДНР до вступления в силу Конституции ДНР, применяются в части, не противоречащей Конституции ДНР [3]. Это значит, что при отсутствии отечественного законодательства, регулирующего отношения в данной сфере, мы руководствуемся соответствующим законодательством Украины.

Таким образом, правовое регулирование данного вопроса осуществляется в соответствии с:

- 1) Конституцией ДНР от 14.05.2014 г.;
- 2) Гражданским кодексом Украины от 16.01.2003 г.;
- 3) Законом ДНР «О защите прав потребителей» от 05.06.2015 г.;
- 4) Правилами продажи товаров на заказ и вне торговых или офисных помещений, утвержденные приказом Минэкономики № 103 от 19.04.2007 г. (далее – Правила);
- 5) иными нормативно-правовыми актами.

Так, в соответствии с п. 1.2 Правил, дистанционная торговля – это форма продажи товаров вне торговых или офисных помещений, при которых выбор товара и его заказ не совпадают по времени с непосредственной передачей выбранного товара потребителем [4].

Учитывая то, что через Интернет-магазины в основном осуществляется продажа товаров конечному потребителю, такая деятельность относится к розничной торговле, а отношения между сторонами регулируются договором [2, с. 105]. А значит, согласно ст. 698 ГК Украины, по договору розничной купли-продажи продавец,

осуществляющий предпринимательскую деятельность по продаже товара, обязуется передать покупателю товар, который обычно назначается для личного, домашнего или иного использования, не связанного с предпринимательской деятельностью, а покупатель обязуется принять товар и оплатить его [5].

Такой договор обладает признаками, которые в совокупности позволяют выделить договор розничной купли-продажи среди других договоров этого типа. Эти признаки названы в ч. 1 комментируемой статьи, а именно: характеристика продавца как стороны договора, предмета его деятельности и назначения товара, подлежащего передаче по договору.

Продавцом по договору розничной купли-продажи могут выступать юридические и физические лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность. Предметом этой деятельности является продажа товаров. Специфика товара по договору розничной купли-продажи заключается в том, что он обычно назначается для личного, домашнего или иного использования, не связанного с предпринимательской деятельностью. Этот критерий позволяет выделить сферу применения норм ГК Украины в отношении договора розничной купли-продажи, поскольку отношения купли-продажи товаров, которые используются только в предпринимательских целях, ими не регулируются.

Покупателями по договору розничной купли-продажи могут выступать как физические, так и юридические лица. Единственным условием вступления покупателя в договорные отношения с торговыми предприятиями (гражданами-предпринимателями) является наличие у него необходимой дееспособности в соответствии с гражданским законодательством. Так, заключение договоров розничной купли-продажи с малолетними и несовершеннолетними лицами должно происходить с учетом норм статей 31 и 32 ГК Украины, согласно которым:

1) физическое лицо, не достигшее четырнадцати лет (малолетнее лицо), имеет право: самостоятельно совершать мелкие бытовые сделки; осуществлять личные неимущественные права на результаты интеллектуальной деятельности, охраняемые законом;

2) физическое лицо в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет (несовершеннолетнее лицо), кроме сделок, предусмотренных ст. 31 ГК Украины, имеет право: самостоятельно распоряжаться своим заработком, стипендией или иными доходами; самостоятельно осуществлять права на результаты интеллектуальной деятельности, охраняемые законом; быть участником (учредителем) юридических лиц, если это не запрещено законом или учредительными документами юридического лица; самостоятельно заключать договор банковского вклада (счета) и распоряжаться вкладом, внесенным им на свое имя (денежными средствами на счете) [5].

Необходимо учитывать также то, что отдельные акты законодательства устанавливают запрет на продажу определенных видов товаров малолетним и несовершеннолетним лицам. Например, п. 8 ч. 2 ст. 24 Закона ДНР «О государственном регулировании производства и оборота спирта этилового, алкогольной продукции и табачных изделий» запрещена торговля алкогольной продукцией и табачными изделиями лицами, не достигшими 18 лет, а также продажа алкогольной продукции и табачных изделий лицам, не достигшим 18 лет [7]. Если возникают сомнения относительно возраста покупателя продажа алкогольных напитков осуществляется при условии предъявления документа, который удостоверяет его возраст.

Отношения, возникающие из договора розничной купли-продажи с участием покупателя – физического лица, не урегулированные ГК, регламентируются Законом ДНР «О защите прав потребителей» и другими нормативно-правовыми актами.

Важно заметить, что Закон ДНР «О защите прав потребителей» и иные принятые в соответствии с ним нормативно-правовые акты применяются к договору розничной

купли-продажи в части, не противоречащей ГК Украины. В одних случаях они конкретизируют и детализируют положения ГК Украины о розничной купле-продаже (например, об информации, предоставляемой покупателю, и способах ее доведения), в других – устанавливают правила, не предусмотренные ГК Украины (например, сроки удовлетворения требований покупателя).

Условия договора, ограничивающие права покупателя – физического лица сравнительно с правами, установленными ГК Украины и законодательством о защите прав потребителей, являются ничтожными (ст. ст. 215, 216 ГК Украины). Такое законодательное решение обусловливается необходимостью защиты покупателя – экономически более слабой стороны договора розничной купли-продажи, которая, нуждаясь в товарах, работах и услугах, обращается за ними к продавцу – субъекту предпринимательской деятельности, что занимает экономически более сильную позицию на рынке.

Часть 5 комментируемой статьи закрепляет право покупателя на возмещение убытков, причиненных ему продавцом вследствие использования им преимуществ своего положения в производственной или торговой деятельности. Это право принадлежит покупателю независимо от того, является он физическим или юридическим лицом [8].

В связи с тем, что купля-продажа товаров по дистанционной форме осуществляется по одинаковым ценам, установленных для всех потребителей, и продавец не вправе отказать покупателю в продаже товара, то такой договор является публичным. Учитывая также то, что в соответствии с п. ч. 2 ст. 633 ГК Украины условия дистанционного договора купли-продажи являются одинаковыми для всех потребителей, такому договору свойственны признаки договора присоединения [2, с. 105–106].

Однако, не смотря на наличие имеющейся нормативной базы, некоторые вопросы остаются не урегулированными по сей день. В частности, к таким вопросам относится проблема нарушения прав потребителей со стороны Интернет-магазинов, а также со стороны физических лиц-предпринимателей, осуществляющих коммерческую деятельность дистанционным способом.

Среди наиболее часто встречаемых нарушений можно выделить: отсутствие информации о продавце и о порядке предъявления претензий в случае их возникновения, отказ в предоставлении замены или гарантийного ремонта товара, отказ в возврате денежных средств за товар ненадлежащего качества [6, с. 59], непредоставление гарантии на отдельные виды товаров и другие. Причем данные нарушения приобретают свою распространенность.

Сегодня не редко можем увидеть, как продавцы предлагают продукцию к продаже не под своим именем, в частности, в таких социальных сетях, как «ВКонтакте», «Одноклассники», «Instagram», «Mail.ru» и т.п. Более того, встречаются случаи, когда продавец указывает под соответствующим постом, рекламирующим ту или иную продукцию, что «товар возврату не подлежит».

По-нашему мнению, данные нарушения существенно ущемляют и ограничивают права потребителей, закрепленные в ст.ст. 4, 6, 8, 9 Закона ДНР «О защите прав потребителей» [9].

Согласно данному закону, продавец обязан обеспечить потребителей необходимой, достоверной, своевременной и доступной информацией об ассортименте и цене на товары, предлагаемые к продаже, потребительские свойства товаров, сроки их годности к потреблению или гарантийные сроки. Кроме того, при продаже товара в дистанционной форме продавец по требованию потребителя должен предоставить документ, подтверждающий качество и безопасность товара.

В связи с этим считаем, что для осуществления коммерческой деятельности через сеть Интернет продавец должен обладать лицензией. Кроме того считаем, что при

нарушении прав потребителей, продавец должен нести ответственность в соответствии с законодательством, вплоть до запрета заниматься предпринимательской деятельностью через сеть Интернет.

Важную роль также играет проблема определения понятия «Интернет-магазин». Следует отметить, что в действующем отечественном законодательстве легальное определение указанного понятия отсутствует. Однако в ряде зарубежных стран данное понятие все же находит свое законодательное закрепление, в частности, в Беларуси.

Так, согласно ч. 3 ст. 2 Правил осуществления розничной торговли по образцам, утвержденных Постановлением Советов Министров Республики Беларусь от 15 января 2009 г. № 31, интернет-магазин – сайт, содержащий информацию о товарах, продавце, позволяющий осуществлять выбор, заказ и (или) приобретение товара [10].

По-нашему мнению, отечественному законодателю необходимо разработать определение данного понятия и закрепить его в специальном нормативном акте.

Вместе с этим, налицо проблема обеспечения доказательств заключения договора купли-продажи через сеть Интернет.

В соответствии со ст. 38 Конституции ДНР, в ДНР гарантируется государственная защита прав и свобод человека и гражданина. Каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. А ст. 39 Конституции ДНР закрепляет, что каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод [11].

Очевидно, что в случае невозможности предоставления необходимых доказательств суду сам факт заключения данного договора можно считать весьма спорным. Так же неизвестно, что именно суд посчитает доказательствами заключения договора и его условий.

По мнению Акмаловой и Халбаевой, данную проблему можно решить четкой регламентацией документов, которые будут являться неоспоримыми доказательствами в суде по данному договору, а именно – пакет данных, содержащий электронную копию документа, отображенный на компьютере провайдера покупателя, личная переписка покупателя и продавца (при наличии) и списанные с платежной системы или банковского номера денежные средства и их дальнейшее следование [1].

Машкало А. С. считает, что первостепенным вариантом в решении данных проблем является осуществление государственной политики, направленной на создание единой нормативной базы, регламентирующей торговлю через интернет-магазины [12, с. 83].

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что быстрое развитие сети Интернет повышает актуальность проблемы отсутствия надлежащего законодательного урегулирования договора купли-продажи через сеть Интернет.

В связи с этим, представляется необходимость в принятии нормативного акта, регламентирующего электронную коммерцию в ДНР, а также закрепления в нем положений о данном договоре, где будут регламентированы вышеуказанные вопросы. Данная проблема требует скорейшего и неотложного решения в связи с ростом товарооборота в сети Интернет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акмалова В.Р., Халбаева Т.Н. Проблемы заключения договора купли-продажи через сеть Интернет // Научное сообщество студентов: Междисциплинарные исследования: сб. ст. по мат. XXII междунар. студ. науч.-практ. конф. № 11(22). URL: [https://sibac.info/archive/meghdis/11\(22\).pdf](https://sibac.info/archive/meghdis/11(22).pdf). – (Дата обращения: 01.02.2018 г.).
2. Патинка Ю. Проблемы правового регулирования отношений по купле-продаже товаров и дистанционного договора // *Legea Si Viata*. – 2016. – С.104-107.
3. О применении Законов на территории ДНР в переходный период: Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики № 9-1 от 02. 06. 2014г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://old.dnr-online.ru/doc/dokumenty-soveta-ministrov/postanovlenie-9-1-ot-02-06-2014g-o-primenenii-zakonov-na-territorii-dnr-v-perexodnyj-period/>. – (Дата обращения: 01.02.2018 г.).

4. Правила продажу товарів на замовлення та поза торговельними або офісними приміщеннями, затвердженими наказом Міністерства економіки України від 19.04.2007 року № 103. [Електронний ресурс]. – Режим доступа: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/RE14448.html. – (Дата обращения: 01.02.2018 г.).
5. Цивільний кодекс України: від 16.01.2003 р., № 435-IV // ВВР України. – 2003. – № 40-43. – Ст. 356.
6. Письменна О.П., Баранова О.С., Шкринда О.М. Захист прав споживачів під час придбання продукції через мережу Інтернет // Порівняльно-аналітичне право. – 2015. – С. 59-62.
7. Закон Донецької Народної Республіки «О государственном регулировании производства и оборота спирта этилового, алкогольной продукции и табачных изделий», принят Постановлением Народного Совета 23.09.2016 № 149-ІНС / Официальный сайт Народного Совета Донецької народної Республіки [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-gosudarstvennom-regulirovanii-proizvodstva-i-oborota-spirta-etilovogo-alkogolnoj-produktsii-i-tabachnyh-izdelij/>. – (Дата обращения: 01.02.2018 г.).
8. Цивільний кодекс України з коментарями: Науково-практичний коментар [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://legalexpert.in.ua/komkodeks/gk.html>. – (Дата обращения: 01.02.2018 г.).
9. Закон Донецької Народної Республіки «О защите прав потребителей» (Постановление №І-202П-НС от 05.06.2015 г.) / Официальный сайт Народного Совета Донецької народної Республіки [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://dnrsovet.su/zakon-dnr-o-zashhite-prav-potrebitelej/>. – (Дата обращения: 01.02.2018 г.).
10. Правила осуществления розничной торговли по образцам, утвержденных Постановлением Советов Министров Республики Беларусь от 15 января 2009 г. № 31.
11. Конституция Донецької Народної Республіки, принята Народным Советом Донецької Народной Республики 14.05.2014 г. / Официальный сайт Народного Совета Донецької народної Республіки [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/konstitutsiya/>. – (Дата обращения: 01.02.2018 г.).
12. Машкало А.С. Проблемы правового регулирования осуществления розничной торговли через интернет-магазины в Республике Беларусь. – С. 81-83.

УДК 343.985

Крюкова С.Г.
Научный руководитель: Хань Г.А., к.ю.н., доцент

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ОБЫСКА В ПОМЕЩЕНИИ

Резюме. В данном исследовании изучены основные тактические приемы обыска в помещении, разработаны рекомендации, позволяющие качественно провести обыск с учетом психологических факторов.

Ключевые слова: тактика, обыск, личность преступника.

Обыск относится к числу наиболее трудоемких и ответственных следственных действий, которые осуществляются в напряженной психологической обстановке, а порой и в условиях конфликта. Следовательно должен быть уверен в успехе осуществляемого обыска, максимально сосредоточен. Этому способствует тщательно продуманная подготовка, которая включает два этапа: 1) мероприятия, проводимые следователем с момента принятия решения о производстве обыска до прибытия на место; 2) мероприятия с момента прибытия на объект до начала поисковых работ. Первый этап подготовительных мероприятий предполагает изучение и анализ материалов дела, сбор информации не только о разыскиваемых предметах и возможных местах их сокрытия, но и об индивидуальных особенностях обыскиваемого лица, иногда и его родственников [1, с. 328]. Это позволяет правильно выбрать время начала поисковых действий, решить вопросы о тактико-техническом обеспечении эффективности поиска, численности и персональном составе следственно-оперативной группы, распределить обязанности, способ связи и взаимодействия на месте следственного действия и вне его, предусмотреть меры по охране и способу

проникновения группы на объект и действия по предотвращению возможного противодействия со стороны обыскиваемых лиц.

Важнейшей частью обыска является составление тактического плана его проведения. Наличие такого плана позволяет в систематизированном виде наметить вспомогательные мероприятия по обеспечению эффективности поисковых действий и в конечном итоге влиять на общий успех обыска. Следует иметь в виду, что указанный объем подготовительных действий зависит от складывающихся следственных ситуаций, но стремиться к их полноте целесообразно по возможности всегда.

Установочные и ориентирующие данные о характере и признаках искомых предметов (наименование, количество, размер, цвет, форма, физические и химические свойства, индивидуальные признаки можно получить как из процессуальных источников (например, из протокола допроса, заключения эксперта и т.д.), иных материалов дела (например, технический паспорт, гарантийный талон), так и в результате проведенных оперативно-розыскных мероприятий [2, с. 312]. Облегчить узнавание искомых объектов может их фотоизображение или подобные предметы. В некоторых случаях фотографии вещей можно получить у потерпевших. Указанная информация поможет выдвинуть розыскные версии о наиболее вероятных местах сокрытия искомых объектов. При этом необходимо помнить, что существует обратная зависимость между габаритными характеристиками разыскиваемых объектов и возможными местами их сокрытия, т.е. чем больше величина искомого объекта, тем меньше мест, где есть возможность его спрятать и наоборот. В некоторых случаях искомые объекты могут вообще не прятаться, так как лицо, ожидавшее обыск, может рассчитывать на то, что следователь не обратит внимание на предметы, лежащие на виду, а иногда прибегают к так называемой мнимой маскировке. Из практики известен случай, когда следователь составлял протокол на письменном столе, на котором в книге, оставленной без внимания следователем, лежал искомый пистолет. Важное значение имеют также личностные особенности обыскиваемого: профессиональные навыки, уровень интеллектуального развития, состояние здоровья (например, крепкий физически человек может оборудовать тайник в труднодоступных местах), образ жизни, привычки, увлечения (шахматы, компьютер, музыкальные инструменты и т.д.), связи и знакомства, в том числе в преступной среде, поведение в семье, с соседями и сослуживцами, характерологические особенности (жадный, недоверчивый и т.д.) [2, с. 320]. Так, трусливый прячет скрываемые вещи в отдаленных от постоянного пребывания местах и т.п. Такие данные позволяют предположить возможное место хранения, способ сокрытия искомых объектов, особенно малогабаритных. Известен случай, когда преступник, водитель по профессии, разрезав автомобильную камеру, спрятал там оружие и боеприпасы, затем заклеил разрез и накачал камеру воздухом. В таком состоянии машина была поставлена в гараж.

Знание поведенческих проявлений не только обыскиваемого и членов его семьи во время обыска, а также иных лиц, проживающих с ним совместно, обычно помогает прогнозировать возможность оказания следователю и его помощникам сопротивления или уничтожения искомого.

Предварительные данные о месте проведения обыска (отдельная квартира, комната в коммунальной квартире, дача и т.д.) помогают следователю продумать вопросы о расстановке сил на месте поиска, о целесообразности использования эффекта внезапности при его проведении, представить объем поисковых действий и их последовательность. Установив особенности объектов обыска, подступы к ним, возможные варианты быстрого и беспрепятственного проникновения в помещение, наличие у обыскиваемого сотового или радиотелефона, злой собаки, больных членов семьи и т.д., следователь определяет состав группы помощников, которые могут понадобиться для поиска (оперативно-розыскные работники, соответствующие

специалисты и технические помощники), а также необходимые научно-технические средства [3, с. 124]. Современное техническое обеспечение, имеющееся на вооружении следственно-оперативной группы, позволяет при проведении поисковых действий обнаружить практически любой объект, с какими бы ухищрениями он ни утаивался. Набор необходимых технических средств при проведении обыска и выемки определяется исходя из конкретных следственных ситуаций. Так, следователь может воспользоваться мощными источниками освещения, современными измерительными и оптическими средствами, приборами, работающими в невидимых зонах спектра электромагнитных колебаний, газовыми анализаторами и электрощупами для поиска трупов, металло- и миноискателями, настроенными на выявление предметов из черных и цветных, в том числе и благородных металлов, мощными магнитными искателями, тралами, баграми, индикатором тока, детекторами взрывчатых веществ, газовыми хроматографами, эндоскопами и иными средствами, сосредоточенными в передвижной криминалистической лаборатории. Для связи с дежурной частью милиции используются портативная радиостанция, мобильный телефон. Действия специалиста по применению научно-технических средств должны согласовываться с тактическими замыслами следователя и тщательно продумываться.

Комплекс мероприятий второго этапа направлен, главным образом, на обеспечение охраны в зоне поиска, выбор способа проникновения на обыскиваемый объект и создание условий для нормальных поисковых действий на месте обыска. По тактическим соображениям следует максимально обеспечить эффект внезапности обыска. Для этого к месту поисковых действий следственно-оперативная группа, включая понятых, должна прибывать незаметно для обыскиваемого лица (транспорт должен быть оставлен на некотором расстоянии от объекта поиска, при наличии лифта следует подниматься на несколько этажей выше, а затем спускаться пешком на нужный этаж, чтобы не вызвать повышенной ориентировочной реакции, через дверной глазок должен быть виден один человек, которому по собранной информации обыскиваемый откроет дверь) [4, с. 360]. При обыске в коммунальной квартире звонить надо соседям обыскиваемого лица. В случае необходимости следователь выставляет посты для перекрытия возможных путей подходов к месту проведения следственного действия. За окнами и выходами устанавливается наблюдение. Если следователь располагает данными о том, что обыскиваемый вооружен или может оказать сопротивление, силами оперативного состава необходимо провести мероприятия по устранению такой опасности и лишь потом приглашать участников следственного действия к месту его проведения.

Прибыв на место обыска, следователь обязан предъявить обыскиваемому удостоверение и постановление о производстве обыска, огласить цель обыска, предложить добровольно выдать искомые предметы и документы. Это предложение необходимо сделать не формально, а полностью овладев вниманием обыскиваемого, с использованием психологических средств внушения и убеждения. Перед началом обыска присутствующим разъясняются их права и обязанности, о чем делается соответствующая запись в протоколе. Целесообразно в процессе предварительной беседы с обыскиваемым лицом произвести также «словесную разведку», сообщить ему, для обнаружения какого рода предметов производится обыск, ознакомить с техническими возможностями поисковых средств и т.п. Причем эту информацию следует сообщить таким образом, чтобы у обыскиваемого лица рассеять иллюзии относительно возможности сокрыть искомые объекты. Известен случай, когда для обнаружения взрывчатых веществ был применен портативный детектор «МО-2». Наличие у следователя такого прибора оказало сильное психологическое воздействие на обыскиваемого и он добровольно выдал истребованные предметы. Если добровольной выдачи не последовало, то исходя из конкретных условий, следователь принимает решение о принудительном обследовании объекта поиска.

Сначала следователь осуществляет обзорное обследование, позволяющее сориентироваться на месте обыска, определить границы поиска, разделить его на определенные участки, выделить наиболее вероятные места сокрытия искомых объектов, установить очередность их обследования. Следователь на этом этапе непосредственно осуществляет обход и знакомство с обстановкой на месте поиска, уточняет тактико-методическую последовательность ведения поисковых действий, в том числе с применением средств и методов криминалистической техники, наделяет конкретными обязанностями участников обыска и приступает к реализации намеченного плана с учетом внесенных корректив.

Уже в самом начале контакта с обыскиваемым следователь должен внимательно следить за его эмоциональными реакциями. Особое внимание следует уделить наблюдению за поведением и реакциями обыскиваемого лица на происходящее событие. Практике известны случаи, когда еле уловимые изменения в поведении обыскиваемого давали следователю возможность судить о приближении или удалении от того места, где скрывались искомые объекты. Наблюдение за обыскиваемым необходимо и для предотвращения уничтожения вещественных доказательств или подачи другим лицам каких-либо сигналов либо перепрятывания искомых объектов [5, с. 87]. В то же время нельзя упускать из виду, что волнение обыскиваемого связано с самим фактом обыска и боязнию, что посторонним лицам станет известно об обстоятельствах его личной жизни. В целях исключения подобного волнения обыскиваемому лицу разъясняется, что следователь примет меры к тому, чтобы не были оглашены выявленные при обыске обстоятельства интимной жизни лица, занимающего данное помещение, или других лиц.

Эффективность наблюдения тесно связана с устойчивостью внимания и направления в работе. Методами проверки произвольных реакций обыскиваемого является не только наблюдение, но и неоднократное возвращение к одному и тому же объекту, «словесная разведка», использование помощи обыскиваемого и др. Взгляд, тембр, интонация голоса, мимика – важные источники информации для рефлексивного мышления и постоянной корректировки эвристического поиска. Замечено, когда человек начинает волноваться, усиливается жестикуляция, появляются произвольные движения (покусывание губ, потирание рук, висков и т.д.). Внимание лиц, производящих обыск, ослабляется от беспорядка, который может возникнуть во время обыска, усталости при продолжительном и утомительном обыске, монотонности поисковых действий, поэтому целесообразно устраивать перерывы для отдыха, рекомендуется менять виды деятельности при поиске. Чаще следует переходить от исследования мелких предметов (книг) к осмотру крупных объектов, например мебели [5, с. 132]. Поиск целесообразно чередовать не изменяя последовательности и строго намеченной системы. При этом не рекомендуется менять выбранное направление движения, не спешить к осмотру нового объекта до полного обследования предыдущего.

С тактической точки зрения обыск в помещении целесообразно начинать с наиболее вероятных мест обнаружения искомых объектов, применяя необходимые научно-технические приборы. Если искомые предметы невелики по своим размерам или могут быть разобраны на составные части и вероятных мест их сокрытия много, поиск следует начинать с наиболее труднодоступных мест (вскрытие полов и др.). Нередко преступником или по его заказу другим лицом для сокрытия ценных предметов или документов, оружия создаются тайники, поиск которых представляет дополнительные трудности. Тайники могут быть оборудованы в самых неожиданных местах (стене, полу, картине, зеркале, различных предметах мебели и обстановки, покрышках автомобильных колес, компьютерной и иной технике и др.). При обследовании пола следует обращать внимание на наличие повреждений краски на

крашенных полах или свежих шляпок гвоздей, на паркетном полу – следов свежего клея в местах расположения отдельных клепок паркета. Часто тайники располагаются за карнизами окон и дверей, в подоконниках и под ними, за батареями отопления и в других местах. В освобожденных от одежды, посуды, белья и других объектов предметах обстановки необходимо осмотреть щели, днище, удалить все съемные части, измерить и сравнить все их внутренние и внешние габариты с целью установления возможных расхождений между их внешними и внутренними размерами и выявления тайника. Мягкую обивку отдельных предметов обстановки, а также перины и подушки следует обследовать на ощупь и с помощью специальной тонкой иглы-щупа. При осмотре подобных предметов следует обращать внимание на состояние обивочного материала и на возможные следы недавнего ремонта. Картины, эстампы, настенные часы, иконы, культовые принадлежности необходимо снять, обращая внимание на следы под этими объектами и состояние обоев, краски. Обследованию могут быть подвергнуты компьютерная, бытовая техника, средства связи, музыкальные инструменты и по возможности даже после их частичной разборки. Жидкости, находящиеся в непрозрачной посуде или непрозрачные жидкости, следует переливать, сыпучие продукты пересыпать, продукцию домашнего консервирования перекладывать в другую, ранее обследованную, посуду. Землю в цветочных горшках следует проткнуть щупом, проверить кастрюли с пищей, даже стоящие на огне [7, с. 357].

При поиске мелких плоских объектов особое внимание следует обращать на книги, альбомы, журналы, находящиеся на месте обыска. Их необходимо перелистывать, измерять толщину обложек, состояние переплета [8, с. 32].

Обыск в помещениях юридического лица следует проводить по возможности в нерабочее время, чтобы не нарушать нормального хода обыска из-за возможных производственных особенностей. При обыске служебного помещения необходимо тщательно осмотреть рабочее место обыскиваемого лица, ящики его рабочего (письменного) стола, сейф, несгораемый шкаф, ящики для инструментов и т.д. Нужно обращать внимание на записи телефонов и фамилий на календаре, стене, могущих свидетельствовать о связи обыскиваемого. В необходимых случаях для участия в обыске служебных (производственных) помещений, особенно тех, где расположены станки, другое производственное и компьютерное оборудование, целесообразно приглашать соответствующего специалиста и с его помощью решить вопрос о возможности использования различного рода агрегатов и устройств для сокрытия определенных предметов, а также осуществить их обследование. Если в служебном кабинете работает несколько человек, то их можно попросить в присутствии следователя открыть свои письменные столы, шкафы [10, с. 534].

Обыск в общежитии, гостинице начинается с исследования места, где находятся вещи обыскиваемого. Лицам, проживающим совместно с обыскиваемым, рекомендуется проверить свои вещи, и выяснить, нет ли среди них искомых предметов, которые могут быть туда подброшены. Необходимо обследовать радио, телевизионную технику, портреты, книги и т.д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агафонов А.П. криминалистика: Учебное пособие. – М.: БЕК. 2001. – 702 с.
2. Герасимова Л.А. Криминалистика: Учебное пособие. – М.: БЕК. 2002. – 554 с.
3. Гуткин И.М. Актуальные вопросы уголовно – процессуального задержания. – М., 1997. – 238 с.
4. Доступов Г.Г. Методы обыска и выемки используемые сотрудниками ОВД. – СПб.: НОРМА, 2001. – 567 с.
5. Закатов А.А. Тактика обыска. – Казань, БЕК. 1999. – 286 с.
6. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. / Под общ. ред. В. В. Мозякова. – М.: «Издательство «Экзамен XXI», 2002. – 542 с.
7. Корухов Ю.Г. Обыск в практической деятельности сотрудников органов внутренних дел. – М., 2002. – 568 с.

8. Селиванов Н.А. Криминалистика: методическое издание. – СПб., 2001. – 78 с.
9. Шурухнов Н.Г. Криминалистика: Учебное пособие. – М.: Юристъ. 2001. – 639 с.
10. Яблоков Н.П. Криминалистика: Учебное пособие. – М.: Юристъ. 1999. – 846 с.

УДК 342.8

Кудринская М.А.

Научный руководитель: Инина Н.С., старший преподаватель

АБСЕНТЕИЗМ КАК ОТКАЗ ОТ АКТИВНОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА

Резюме. В данной статье представлен анализ проблемы абсентеизма на основе исследования различных точек зрения на её природу и причины. Автором предложена классификация причин абсентеизма, а также пути их преодоления.

Ключевые слова: абсентеизм, выборы, причины абсентеизма

В соответствии с ч. 1 ст. 3 Конституции Российской Федерации, а также с ч. 1 ст. 5 Конституции Украины единственным источником власти в данных государствах является народ. Однако статистика последних выборов, как в Российской Федерации, так и в Украине говорит о том, что народ не желает пользоваться своей монополией на власть. Данный феномен свидетельствует об отказе общества от реализации основного института демократии – выборов, в ходе которых происходит процесс формирования выборных органов власти и избрания должностных лиц непосредственно народом. Таким образом, проблема абсентеизма остается актуальной и требует детального исследования её причин.

Целью данной статьи является комплексный анализ проблемы абсентеизма с выявлением причин и поиском путей частичного разрешения проблемы.

Исследование феномена абсентеизма был начато еще в конце XIX – начале XX вв. Первыми исследователями этого явления были Ч. Мерриам и Г. Госнел, которые в 1924 году провели интервьюирование американских избирателей с целью выяснения мотивов уклонения от участия в выборах [1].

В дальнейшем проблема абсентеизма рассматривалась в рамках исследований электоральных процессов в трудах Г. Лассуэла, С. Вербы, П. Лазарсфельда, Б. Берельсона. Достаточно внимания проблеме абсентеизма в свои трудах уделяли Г. Алмонд, Р. Даль, Лейпхарт, которые рассматривали абсентеизм в качестве показателя демократии. Б. Липман анализировал проблему абсентеизма в связи с изучением процессов массового сознания.

Абсентеизм, как тип электорального поведения, не может не вызывать озабоченности, основанием для которой могут быть следующие данные.

На основании данных ЦИК РФ явка на выборах в Государственную Думу в 2016 году составила 47,78 % [2]. Согласно этим данным 58,3 млн граждан РФ с правом голоса решили проигнорировать важное событие политической жизни государства. Не намного выше явка была и на досрочных парламентских выборах в Украине в 2014 году – 52,42 % по состоянию на 20:00 часов 26 октября 2014 г. [3]

Авакьян С. А. определяет абсентеизм как «неучастие избирателей в голосовании при выборах депутатов и должностных лиц, а также в голосовании на референдумах, т.е. неявка в помещение для голосования» [4, с. 24]. По его мнению, абсентеизм – как бы обратная сторона права избирателя на добровольное участие в выборах.

В качестве причин такого поведения С. А. Авакьян выделяет такие факторы: одни избиратели не верят никому из кандидатов и не видят пользы в выборах, а другие попросту пассивны и не интересуются выборами как политическим мероприятием.

В науке конституционного права абсентеизм также рассматривается как форма политического участия, чертами которой являются самоотчуждение от политики, отказ от реализации активного избирательного права, незаинтересованность в политической жизни страны [5, с. 215].

Маклаков В. В. связывает абсентеизм с правом уклонения от участия в выборах. Одна из наиболее развернутых типологий абсентеизма, по мнению В. В. Маклакова, была дана французским ученым Ж.-П. Шарнэ, различавшим политический и аполитический абсентеизм. Первый включает вынужденный абсентеизм (болезнь, отдаленность от места голосования), и предопределенный, зависящий от демографических причин (пол, возраст), а второй – «отказной», порожденный нежеланием участвовать в голосовании, и «борющийся», т.е. отказ как политическая позиция [6, с. 470].

В целях наиболее точного определения причин абсентеизма следует обратиться к первоисточнику данной проблемы. Так, согласно Конституции РФ и Конституции Украины, участие в выборах является правом граждан, а не обязанностью, как, например, в Австралии, Аргентине, Бразилии, Кипре, Люксембурге. Такая практика зарубежных стран дает положительные результаты: 2 июля 2016 года прошли досрочные федеральные выборы в парламент Австралии с явкой избирателей в 90,98 %. Воздействие на избирателей в таких странах происходит с помощью различных мер: от введения минимального порога явки до штрафов.

Экс-Председатель ЦИК РФ Александр Вешняков поддержал предложение штрафовать избирателей за неявку на выборы. Об этом он заявил в 2003 г. в эфире радиостанции «Эхо Москвы». «С точки зрения Конституции Российской Федерации, поправив ее и внося затем изменения в законы о выборах, это можно сделать», – отметил он [7].

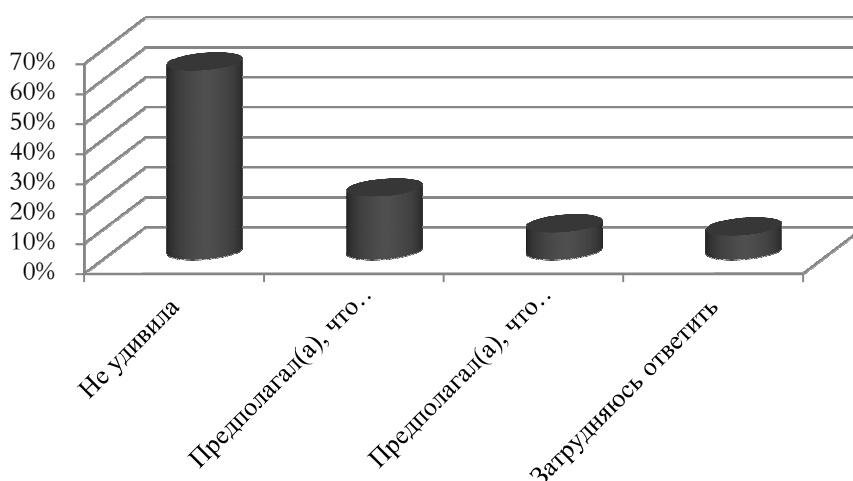
Однако наложение штрафов на граждан невозможно считать решением проблемы абсентеизма. Автор данной статьи полагает, что людей надо убеждать, а не принуждать. Каждый гражданин страны должен видеть свои цели в участии в выборах, верить в то, что его голос действительно определяет будущее политической жизни всего государства. Необходимо повышать уровень доверия граждан к органам государственной власти и институтам демократического государства.

Баскакова Ю. М. в своем социологическом исследовании выяснила, что абсентеисты часто не могут объяснить причину своего неучастия в выборах. Распространенным объяснением является фальсификация результатов выборов. А объяснения, связанные с предрешенностью результатов выборов и неверием в возможность перемен по их итогам, по ее мнению, можно рассматривать как следствие низкого накала политической борьбы и ограничений политической конкуренции [8, с. 7].

Фонд общественного мнения (ФОМ) провел репрезентативный социологический опрос населения от 18 лет и старше с целью выяснить отношение россиян к выборам депутатов Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации VII созыва, проходившим 18 сентября 2016 года. В опросе участвовали 1500 респондентов (жители 104 городских и сельских населенных пунктов в 53 субъектах РФ). Статистическая погрешность не превышает 3,6%. Результаты опроса приведены на диаграмме.

Для успешного решения проблемы абсентеизма необходимо определить его причины, которые предлагаем классифицировать следующим образом. В первую очередь, следует рассматривать политическую причину. Многие исследователи данной проблемы считают, что как причины следует рассматривать отсутствие настоящей состязательности на выборах, выдвижение нехаризматичных кандидатов.

Явка избирателей на выборах в Госдуму в этом году составила примерно 48%. Вас эта цифра удивила или не удивила? И если удивила, то вы предполагали, что явка будет ниже или выше?

Следующей можно считать социально-демографическую причину, которая включает в себя такие важные факторы, как пол, возраст, социальный статус. Отдельное место занимает возрастной аспект, детальный анализ которого был проведен Р. А. Захаркиным. В результате исследования он автор пришел к выводу, что высокий уровень абсентеизма у современной молодежи по сравнению с людьми старшего возраста – результат ее слабой интеграции в общественную жизнь. Механизм вовлечения молодежи в участие в общественных процессах – политическая социализация – практически отсутствует в современной российской практике [9, с. 111].

Действительно, в советское время политическая социализация проходила довольно активно. А современный механизм политической социализации, при котором бы молодежь мотивировали на участие в общественной и политической жизни страны еще не выработан.

Среди причин абсентеизма можно выделить экономическую, поскольку экономическая ситуация и уровень жизни населения существенно влияют на желание избирателей участвовать в выборах.

Важную роль играют мировоззренческие причины, ведь некоторые граждане более ориентированы на внутреннее совершенствование, увлечение личными делами, а участие в политической жизни в стране не считают нужным.

В качестве психологической причины можно рассматривать позицию Е. Головахи, И. Бекешкина, В. Небоженко, в которой основой современного абсентеизма является менталитет безразличия, характерный для народов бывшего СССР, а также «психологии конформизма», господство которой в обществе вывело на политическую арену некомпетентных деятелей, что снизило авторитет представительных законодательных органов и власти вообще.

Дестабилизация социума порождается также следующим фактором: политический деятель, не получивший поддержки от большинства граждан, не должен рассматриваться как законно избранный представитель власти. Граждане, проявившие апатию на выборах, вскоре начинают быть недовольными их результатами.

Чтобы избежать таких последствий, органам государственной власти необходимо четко выработать государственную политику в сфере избирательного права и процесса. Таким образом, к главным факторам абсентеизма следует относить:

- неверие в демократичность выборов;
- особенности общественно-политической культуры, что характеризуется невысоким уровнем доверия людей к институтам государства;

• степень общественно-экономического состояния общества: слои населения с низким уровнем заработка наиболее предрасположены к проявлению абсентеизма.

Следует увеличивать уровень общественно-политической культуры граждан путем внедрения государственных программ для агитации избирателей, благополучно разрешать общественно-экономические трудности, вопросы реформирования институтов демократии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Машенко И.В. Изучение электорального поведения населения: сравнительный анализ зарубежных и отечественных теорий // Вестник Брянского государственного университета, – 2014, – №2 [Электронный ресурс]: научная электронная библиотека «КиберЛенинка» URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-elektoralnogo-povedeniya-naseleniya-sravnitelnyy-analiz-zarubezhnyh-i-otechestvennyh-teoriy> (дата обращения 20.01.2018)
2. Сводная таблица результатов выборов по федеральному избирательному округу. Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва. (Официальные данные ЦИК РФ) [Электронный ресурс] URL: <http://www.vyborgy.izbirkom.ru/region/region/> (дата обращения: 20.11.2017)
3. Сводная информация о количестве избирателей, которые получили бюллетени на избирательных участках по состоянию на 26.10.2015 09:55. (Официальные данные Центральной избирательной комиссии Украины) [Электронный ресурс] URL: http://www.cvk.gov.ua/vm_2015/yavka_po_reg_vm_2015.pdf (дата обращения: 20.12.2017)
4. Авакьян, С. А. Конституционный лексикон: Государственно-правовой терминологический словарь / С. А. Авакьян, М.: Юстицинформ, – 2015. – 640 с.
5. Аринина, К.И. Абсентеизм в политике: причины и последствия // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки, 2014, №1, С.214-220, URL: научная электронная библиотека «КиберЛенинка» <https://cyberleninka.ru/article/n/absenteizm-v-politike-prichiny-i-posledstviya> (дата обращения: 04.02.2018)
6. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: Учебник: В 4 т. Т.3 / Под ред. В. В. Маклакова, – М.: Юристъ. – 2002. – 512 с.
7. Вешняков предлагает штрафовать за неявку на выборы [Электронный ресурс] // «Вести» интернет-газета», публикация от 23.09.2013 (дата обращения: 20.12.2017)
8. Баскакова Ю.М. «Мы эту власть не выбрали»: абсентеизм на выборах 2011-2012 гг. // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 2012, №5, С.5-15, URL: научная электронная библиотека «КиберЛенинка» <https://cyberleninka.ru/article/n/my-etu-vlast-ne-vybirali-absenteizm-na-vyborah-2011-2012-gg> (дата обращения: 20.12.2017)
9. Захаркин Р.А. Молодежный абсентеизм в России, Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, 2010, №4, С.111-114, URL: научная электронная библиотека «КиберЛенинка» <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnyy-absenteizm-v-rossii> (дата обращения: 07.01.2018)

УДК 343.611.1

Куренкова М.И.

Научный руководитель: Хань Г.А., к.ю.н., доцент

КРИТЕРИИ КАТЕГОРИЗАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Резюме. В рамках данного исследования проанализированы критерии разграничения преступлений по категориям.

Ключевые слова: преступление небольшой тяжести, преступление средней тяжести, тяжкое преступление, особо тяжкое преступление, категоризация.

Законодательное деление преступлений в зависимости от характера и степени общественной опасности можно считать новеллой для уголовного права России и Донецкой Народной Республики (далее – ДНР). С учетом института категоризации построено огромное число норм Общей части Уголовного кодекса Российской

Федерации (далее – РФ), ДНР и зарубежных стран. Используется он и в уголовно-процессуальном, и в уголовно-исполнительном праве. В большинстве современных странах уголовное законодательство закрепляет многочленную систему преступных деяний. При этом в странах континентальной системы права все преступные деяния подразделяются на преступления и проступки (в УК Албании, Германии, Венгрии, Испании, Италии, Латвии, Литвы, Мальты, Нидерландов, Румынии).

Категоризация преступлений по степени тяжести известна уголовному законодательству всех стран СНГ и Балтии, а также Вьетнама, Испании, Монголии, Польши, Сальвадора, США, Филиппин, Японии и других.

Обновленный интерес к указанной проблеме возник в связи с тем, что в 2011 году законодателем была введена норма, предоставляющая право суду при определенных условиях самостоятельно изменить категорию преступления. Многочисленные дискуссии о целесообразности данного нововведения и проблемах его практического применения продолжаются до сих пор. В связи с чем, было бы целесообразно пересмотреть принципиальные подходы к восприятию законодательного деления преступлений на категории в уголовном праве РФ и ДНР.

Вопросы, связанные с институтом категоризации преступлений, исследовали многие ученые в области уголовного и уголовно-исполнительного права: Н. Г. Кадников, Е. А. Онгорбаев, Л. Н. Кривоченко, Ф. Р. Сундунов, А. В. Бишимбаева, И. Я. Гонтарь, М. М. Дайшутов, А. А. Дудоров, И. А. Подройкина, М. Т. Валеев, М. П. Печников, В. В. Питецкий, О. А. Михаль и другие. Однако в юридической науке вопросы законодательного деления преступлений на отдельные группы не исследованы в полной мере. В доктрине уголовного права отсутствует единый подход к пониманию категоризации преступлений, а также ее правовых последствий. На основании этого можно сделать вывод, что изложенная проблема заслуживает дальнейшего изучения.

Актуальность данного исследования состоит в том, что преступления классифицируют для достижения следующих целей: дифференциации уголовной ответственности; более четкой систематизации уголовно-правовых норм и институтов; выделения тех или иных ценностей в качестве приоритетных с точки зрения защиты их уголовным законом; правильной последующей их квалификации; точной и справедливой индивидуализации наказания.

На практике это ведет к разграничению подследственности и подсудности среди следственных и судебных органов, к выделению внутри правоохранительных органов (например, МВД России) служб и подразделений соответствующей направленности (криминальная милиция, по борьбе с экономическими преступлениями, милиция общественной безопасности, по делам несовершеннолетних, по безопасности дорожного движения, экологическая милиция, по защите общественной нравственности и т.д.).

Понятие «преступление» является основной, базовой категорией уголовного права. Определение того, какие из конфликтов между личностью и обществом представляют повышенную общественную опасность и требуют применения мер уголовно-правового регулирования, является одной из основных задач уголовного законодательства.

Преступление как правовая категория, явление характеризуется определенными признаками, устанавливающими его объективные и субъективные критерии. Эти признаки нормативно определены в законе, а частично уточняются путем доктринального и судебного толкования. Понятие и признаки преступления указаны в ст. 14 УК РФ. Согласно этому определению таким поведенческим актом человека является деяние, которое может быть совершено путем действия или бездействия. Мысли человека, убеждения, его переживания, какими бы они негативными ни были, по нашему закону преступлением не признаются.

Преступление – это исключительно акт внешнего поведения человека, то есть деяние (поступок), совершенное в форме действия или бездействия и протекающее под контролем сознания и воли. Следовательно, действие – активное поведение, под которым понимаются не только и не столько телодвижение или совокупность таковых, но и словесные высказывания (при клевете, оскорблении), включая угрозы и т.п. Бездействие также, выражая осознанное и волевое поведение лица, означает пассивное поведение, которое состоит в невыполнении лицом обязанностей действовать определенным образом при наличии реальной возможности к тому.

Преступления отличаются от непроступных деяний по характеру общественной опасности, обладают по сравнению с ними повышенной вредоносностью.

Кроме этого внешнего по отношению к уголовному праву или, иначе, межотраслевого подхода к пониманию общественной опасности существует и ее внутренний, сугубо уголовно-правовой аспект, поскольку по своему характеру вредоносность отдельных видов преступлений различна – от исключительно опасной до отличающейся сравнительно небольшой вредностью.

На основе такого материального критерия представляется возможным выделить категории преступлений с однотипной социальной опасностью.

Подобная категоризация преступных деяний позволяет:

- определить приоритеты в борьбе с теми или иными видами посягательств;
- дифференцировать в законе наказание за преступления, относимые к соответствующим категориям;
- дифференцировать и индивидуализировать реальную уголовную ответственность и наказание лиц, виновных в совершении преступлений отдельных категорий.

Впервые в истории УК Франции 1810 года (ст. 1) выделил три категории преступных деяний: преступления, проступки и нарушения, за которые соответственно предусматривались мучительные или позорящие наказания, исправительные наказания или полицейские санкции. Аналогичный подход сохранился и в УК Франции 1992 года, но в этом Кодексе сделана прямая ссылка на то, что указанная классификация деяний производится «в зависимости от их тяжести» (ст. 111.1).

Трехчленная категоризация уголовных правонарушений фиксируется также в законодательстве США, которое выделяет: фелонию (тяжкие преступления), мисдиминоры (остальные преступления) и незначительные нарушения (§ 1 ч. 1 разд. 18 Свода законов США в редакции 1948 года; § 10.00 УК штата Нью-Йорк). В Уголовном же кодексе ФРГ 1871 года в редакции 1986 года (§ 12) используется двучленная классификация деяний на преступления и проступки.

Под некоторым влиянием решений, принятых в УК Франции 1810 года, категоризация преступлений произошла и в законодательстве дооктябрьской России.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года подразделило противоправные деяния на преступления и проступки. Такое членение предусматривалось и в Уголовном уложении 1903 года (ст. 3). Различие в санкциях за эти категории деяний (за тяжкие преступления – смертная казнь, каторга, ссылка на поселение, за иные преступления – заключение в исправительном доме, крепости или тюрьме, за проступки – арест или денежный штраф), по-видимому, учитывало законодательную оценку их опасности, хотя материальный критерий классификации не назывался. Указанная классификация преступлений увязывалась с другими нормами и институтами Общей части уголовного права. Ученые-криминалисты того времени подчеркивали значимость такой классификации и объясняли ее роль, социальное и уголовно-правовое значение [1].

Однако данное положение не было воспринято в последующих нормативных актах. В становление уголовного права после 1917 г. некоторые отрицательные явления привнесли представители и сторонники социологической школы уголовного права [2].

В советском законодательстве 20-х гг. возобладал иной, сугубо классово-идеологический, подход к выделению категорий преступных деяний. Статья 27 УК 1922 года и ст. 46 УК в редакции 1926 года различали две категории преступлений:

- направленные против основ советского строя и в силу этого признаваемые наиболее опасными;
- все остальные преступления.

За преступления первой категории допускался расстрел, суды не вправе были снижать наказание ниже установленного минимума. К тому же понятие основ советского строя трактовалось в тот период и позднее достаточно широко, что давало повод для произвольных суровых наказаний.

С принятием в 1958 года Основ уголовного законодательства СССР и союзных республик намечается интерес к разграничению преступлений на различные виды в зависимости от тяжести.

УК РСФСР 1960 года не содержал специального предписания о категоризации преступлений, но анализ его норм позволял выделить четыре категории преступных деяний:

- особо тяжкие преступления, в случае совершения которых допускалась смертная казнь (ч. 1 ст. 23) или наказание в виде лишения свободы на срок более 10, но не свыше 15 лет (ч. 1 ст. 24);
- тяжкие преступления;
- преступления, не представляющие большой общественной опасности (ч. 3 и 4 ст. 10, ст. 50.1, 51 и 52 УК). Лица, совершившие такие деяния, могли освобождаться от уголовной ответственности с применением к ним мер воздействия, не являющихся уголовным наказанием. Четкие критерии формирования этой категории посягательств законом не обозначались, но в практике исходили из того, что санкции за их совершение не превышали двух-трех лет лишения свободы либо допускали иное, более мягкое наказание;
- наконец, имелась группа преступлений, занимающих среднее положение между тяжкими и не представляющими большой общественной опасности посягательствами. Их обычно именовали менее тяжкими деяниями.

В основу отнесения преступлений к этой категории, как отмечается в теории уголовного права [3], были положены два критерия. Во-первых, это деяния, посягающие на наиболее важные общественные отношения и потому относящиеся к тяжким. Во-вторых, это деяния, которые обычно не считались тяжкими, но в конкретных ситуациях совершенные при наличии квалифицирующих обстоятельств, существенно повышающих их опасность (например, кража, мошенничество, присвоение чужого имущества при отягчающих обстоятельствах). Лица, виновные в тяжких деяниях, не могли по общему правилу осуждаться условно (ст. 44 УК), к ним применялось лишение воинских и иных специальных званий, а равно орденов, медалей и почетных званий (ст. 36 УК).

Учитывая потребности, возникающие в практической деятельности правоохранительных органов, законодатель вводит понятие тяжкого преступления. В 1972 году в Основы и УК РСФСР соответственно была включена ст. 7.1 «Понятие тяжкого преступления», где предусматривался исчерпывающий перечень таких деяний. В 1977 году в соответствии с требованиями о более четкой дифференциации ответственности в ст. 43 Основ была выделена группа деяний, именованных преступлениями, не представляющими большой общественной опасности. Перечень их отсутствовал, не назывались в самом общем виде и их признаки.

В 1981 году в ст. 43 Основ было введено дополнительное понятие – «деяние, содержащее признаки преступления, не представляющего большой общественной опасности».

Таким образом, в уголовном законодательстве до 1990 года объективно сложилась классификация преступлений, определяемая их общественной опасностью.

Отсутствие единого подхода к классификации преступлений по их тяжести и четких критериев разграничения отдельных категорий деяний обуславливало желательность обновления указанных предписаний закона. Прежде всего, была необходима отдельная норма, содержащая само решение о выделении определенных категорий преступных деяний и конкретизируемая в последующих предписаниях УК с фиксацией в них четких границ этих категорий.

По такому принципу удалось построить соответствующие положения теоретической модели УК 1985 года [4]. Проект УК РФ 1992 года (ст. 8-12) предусматривал подразделение преступных деяний по уровню их опасности на не представляющие большой общественной опасности (уголовные проступки), менее тяжкие, тяжкие и особо тяжкие преступления.

Наконец, в ч. 1 ст. 15 УК РФ 1996 года с учетом уровня общественной опасности деяний, а также формы вины выделены четыре категории преступлений: небольшой тяжести; средней тяжести; тяжкие; особо тяжкие.

Таким образом, категоризация преступлений в Общей части уголовного закона – это разграничение преступлений на отдельные категории в зависимости от их тяжести, которая выражена в типовой санкции и предусматривает специфические для каждой категории уголовно-правовые последствия.

В результате законодательно закрепленной категоризации в ст. 15 УК РФ выделено четыре категории преступных деяний: преступлениями небольшой тяжести признаются умышленные и неосторожные деяния, максимальное наказание за которые не превышает двух лет лишения свободы (ч. 2 ст. 15), преступлениями средней тяжести – умышленные деяния, санкции за которые не превышают пяти лет лишения свободы, и неосторожные – максимально возможное наказание за которые превышает два года лишения свободы (ч. 3), тяжкими преступлениями – умышленные деяния, наказание за которые предусматривается не свыше десяти лет лишения свободы (ч. 4), а особо тяжкими преступлениями признаются также только умышленные деяния, за совершение которых наказание устанавливается в виде лишения свободы на срок свыше десяти лет или более строгое наказание. Таким более строгим наказанием считаются пожизненное лишение свободы и смертная казнь, допускаемые законом (ч. 2 ст. 20 Конституции РФ [5], ч. 1 ст. 57 и ч. 1 ст. 59 УК РФ) за совершение особо тяжких преступлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовное уложение с изложением рассуждений, на коих оно основано. – М.: 1903. – С.67, 68.
2. Шишов О.Ф. Становление и развитие науки уголовного права в СССР. – М.: 1981. – С.37.
3. Ковалев М.И. Преступление//Уголовное право. Часть Общая. Екатеринбург, 1991. Т.1. – С.114.
4. Уголовный закон: опыт теоретического моделирования. – М.: 1987. – С.51-65.
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 года) // Собрание законодательства РФ. 26.01.2009. № 4. Ст.445.

ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВЕ

Резюме. В данном исследовании изучены особенности и проблемы законодательного регулирования миграционных процессов в административном праве. Раскрываются проблемы административно-правового регулирования миграционных процессов и предлагаются пути их преодоления.

Ключевые слова: административно-правовое регулирование, административно-правовая ответственность, миграционная ответственность, нарушение миграционного законодательства.

В современном мире, происходят активные процессы развития общественных отношений, направленных, в том числе и на перемещения людей через государственные границы, различных стран, в связи повышением численности населения и того потока людей, которые прибегают к перемещению через государственные границы, были установлены соответствующие миграционные правила перемещения, различные для каждого государства индивидуально, на ряду с этим, был сформирован институт административной ответственности за нарушения установленных законодательных правил.

Законодательные акты, в том числе и Конституция как основной закон государства, устанавливают основополагающие и правообразующие принципы регулирования миграционных процессов с учетом обеспечения прав и свобод человека и гражданина [1].

Согласно научно-теоретическому закреплению, административно правовые нарушения, которые посягают на миграционно-правовые отношения, урегулированные нормами миграционного законодательства, влекут за собой возникновения административной ответственности, итогом которой является применение мер административного наказания [2].

Несмотря на тот факт, что научное сообщество говорит о выделении миграционного права как отдельно регулирующей отрасли миграционно-правовых отношений, на сегодняшний день, такие правоотношения урегулированы нормами административного права, с учетом отдельных и специальных законодательных актов, регулирующих миграционно-правовые отношения [3].

Применение данных мер, регламентировано согласно действующему законодательству, которое не всегда отражает реальное положение вещей на практике, и зачастую содержит в себе нормы, которые в недостаточной мере регулируют миграционные процессы, а также, регулируют процесс применения мер административного наказания за закрепленные виды правонарушения.

К примеру, к одной из проблем законодательного регулирования миграционных процессов в административном праве, стоит отнести тот факт, что если нарушения, предусмотренные ст. 18.9, 18.15 и ч. 1, 3 ст. 18.6 КоАП, совершены в отношении двух и более иностранных граждан, административное наказание может быть назначено за нарушение, допущенное в отношении каждого из них на практике, в настоящее время возникает следующая проблема – является ли административным правонарушением заключение трудового договора с иностранным гражданином если у него нет разрешения на работу в государстве работодателя [4].

По нашему мнению, данный вопрос будет решаться исходя из того, был ли данный гражданин фактически допущен к работе. Согласно действующему законодательству, фактический допуск иностранца к работе при отсутствии у него

соответствующего разрешения признается нарушением порядка привлечения иностранных граждан к трудовой деятельности (п. 1 примечания к ст. 18.15 КоАП). В данном случае не имеет значения, был ли заключен трудовой договор или нет. Соответственно, в такой ситуации административное правонарушение отсутствует и основания для привлечения работодателя к административной ответственности по ч. 1 ст. 18.15 КоАП, отсутствуют.

Согласно научно-правовому закреплению, в миграционном законодательстве ответственность за нарушения миграционных правил, именуется миграционным деликтом, актом поведения который выражен в противоправном деянии действии или бездействии лица, нарушителя. Миграционный деликт совершается только виновно, то есть такое деяние характеризуется как волевое и сознательное [5].

Такое правонарушение, может осуществляется как физическим, так и юридическим лицом, которое связано с территориальным перемещением, которое выражено в противоправном деянии и противоречащем установленным нормам и правилам, согласно законодательству [6].

При совершении миграционного деликта, законодательно устанавливается административное наказание, закрепленное Кодексом об административных правонарушениях. Данный вид ответственности возникает и реализуется по инициативе специально уполномоченных субъектов, наделенных административно-юрисдикционными полномочиями: право на оставление протокола о нарушении миграционных правил принадлежит должностным лицам органов внутренних дел (п. 1 ч. 2 ст. 28.3 КоАП); должностные лица органов исполнительной власти уполномочены на осуществление функций по контролю и надзору в сфере миграции (п. 15 ч. 2 ст. 28.3 КоАП); должностные лица органов государственной инспекции по торговле, качеству товаров и защите прав потребителей (п. 63 ч. 2 ст. 28.3 КоАП); должностные лица пограничных органов (ч. 1 ст. 28.3 КоАП). Стоит отметить, что согласно КоАП ч. 4 ст. 28.3, перечень должностных лиц, полномочных составлять протокол о нарушении миграционных правил определяется уполномоченными органами исполнительной власти на местах в соответствии с задачами и функциям, возложенными на указанные органы действующим законодательством [7].

По мимо кодекса, административная ответственность за нарушение миграционного законодательства, характеризуется системой специальных законодательных актов, регулирующих миграционные отношения [8].

В настоящее время, наблюдается пробел в законодательных актах, правовое регулирование создания и функционирования мест содержания лиц подлежащих депортации, отнесено к компетенции иных законодательных актов, но ни как не содержится в КоАП, в этой связи установление административной ответственности за нарушение иностранным гражданином, апатридом (лицом без гражданства), бипатридом (лицом с двумя и более гражданствами), порядка нахождения в указанном учреждении весьма необходимо и целесообразно [9].

Как мы видим, подобных норм в основных нормативно-правовых актах и самом законодательстве не содержится, именно поэтому, целесообразным будет внести изменения в действующее законодательство.

К еще одной проблеме законодательного регулирования миграционных процессов в административном праве, стоит отнести, тот факт, что принятие решения о наложении административного наказания или в отказе применяется органом, осуществляющим возбуждение административного дела, в том числе органа осуществляющего административное расследование [10].

Сущность оценки противоправного деяния должна заключаться в определении и признании соответствующего поведения в реальности как противоправного не соответствующего законодательному предписанию и/или же, законодательному

закреплению. Такое обстоятельство ставит вопрос о законности и обоснованности оценки поведения при нарушении положений, и норма административного права, а также, признании вины за совершение административного правонарушения [11].

Принятие такого решения должно применяться независимым органом от органа осуществляющего возбуждение административного дела. В связи с этим, существует необходимость для рассмотрения административного правонарушения признать судью суда общей юрисдикции или же арбитражного судью (в делах где участвует юридическое лицо, физическое лицо предприниматель), либо предоставить специально созданным органам административной юрисдикции, данный спектр полномочий, которые осуществляли бы, свою деятельность по принципу административных комиссий, решая вопрос об признании административно правового нарушения.

Применение таких ключевых изменений привело бы к переоценке вины юридического лица или же физического лица предпринимателя занимающегося предпринимательской деятельностью, а также независимости в оценки законности и обоснованности принимаемого решения по административному делу.

Исследуя особенности незаконной миграции и законодательного регулирования, ученые отмечают, что неуправляемые миграционные процессы зачастую приводят к неизмеримым социальным, финансовым и политическим издержкам для отдельных людей, общества и правительства в любой точке миграционного спектра, как в стране от куда проистекает такого рода миграция, так и в стране куда она перенаправляется.

Определение основных составляющих национальной миграционной политики является важным шагом в разработке стратегии управления миграционными потоками. При всем при этом, такого рода политика должна стремиться учитывать влияние одних составляющих на другие и по возможности интегрировать их в единое целое.

Различного рода авторами предлагаются пути совершенствования законодательных процессов в сфере миграции, к примеру, предлагается дополнить законодательство дополнительными ключевыми терминами в сфере миграции, такими как «недокументированный вынужденный мигрант», лицо которое въехавшее или прибывающее на территории государства без действительных проездных или идентификационных документов, которое по объективным причинам не может быть возвращено в страну гражданства или исхода. Тем самым выделив новейшую категорию разграничения мигрантов, а также, расширив тот спектр, касательно ограничений в отношении института временного убежища к которым часто прибегают другие государства [12].

Хотелось бы отметить, что административному законодательству в сфере миграции, не хватает системности тенденций развития миграционных законов и правил, в свою очередь, такие обстоятельства обусловлены отсутствием в завершенном и нормативно оформленном виде государственной концепции миграционной политики.

В случае если прибегнуть к оформлению системности миграционного законодательства, создания специального вспомогательного законодательного нормативно-парового акта, по типу миграционного кодифицированного свода правил.

Такие действия могут стать основой такой миграционной политики, которая обеспечивает совместные усилия принимающего государства, международных организаций, гражданского общества и самих мигрантов, а также, законодательных органов и непосредственно под контролем государства.

Касательно необходимых экстренных мер, хотелось бы предложить: создание единой нормативной системы в сфере административной ответственности за нарушение миграционного законодательства; осуществление координации государственных структур в области приема, документирования и миграционного учета прибывающих иностранных граждан на территории государства, создание системы правовой информации по правилам оформления документов связанных с

миграционными процессами, таких как правила оформления въезда, выезда и пребывания мигрантов и другие.

Обсуждая вопрос законодательного закрепления и его недостатков, большинство ученых высказывается, что отечественное законодательство в сфере миграции, не окончательно не закрепляет и не использует полноценных и все объемных понятий: «мигрант», «работник-мигрант», «трудоустроенный-мигрант», «нелегальный мигрант». Правовое положение иностранных граждан определено рядом законодательных актов, однако они лишь освещают и определяют лишь общие вопросы правового статуса иностранных граждан, в том числе связанные с осуществлением трудовой и/или предпринимательской деятельности мигрантами.

Кодекс об административных правонарушениях, содержит в себе, так называемые три категории незаконной миграции, такие как: незаконный въезд, незаконное пребывание и незаконная трудовая деятельность. Совершенствуя определения и давая все объёмную характеристику, хотелось бы выделить понятие незаконной (внешней) миграции – это въезд в определенную страну, пребывание на ее территории и выезд с ее территории иностранных граждан и лиц без гражданства с нарушением законодательства, регулирующего порядок въезда, пребывания, транзитного проезда и выезда иностранных граждан, а также, произвольное изменение ими своего правового положения в период нахождения на территории государства, выезд с территории государства, выезд с территории страны ее граждан с нарушением законодательства, регулирующего порядок выезда.

Особенность выступает тот факт, что в данном определении присутствует исключение из незаконной миграции внутренней миграции, т. к. в большинстве государств с учетом международных стандартов исключается внутренняя нелегальная миграция. И только в отечественных условиях, такой элемент сохраняется, когда лиц может быть назначено наказание за уклонении от регистрации при недлительном нахождении на территории другого субъекта федерации [13].

Универсальный кодифицированный нормативный акт о миграции должен будет привести к единообразию понятийный аппарат миграционной деятельности, дав общее для всех толкование понятий «мигрант», «эмигрант», «иностранец» и другие такие как, «миграция», «миграционная деятельность», «незаконная миграция», «внутренняя и внешняя миграция» и множество других. Главной задачей в нем, будет определена защита собственных прав человека, в нем найдут отражение основные положения правового регулирования миграции.

Основу правового статуса мигрантов как основных участников миграционных процессов должен составлять весь комплекс естественных, неотъемлемых прав, которые принадлежат каждому человеку от рождения и не зависят ни от государственной власти, ни от формы правления, ни от государственно-территориального устройства той или иной страны. Это такого рода общечеловеческие ценности, как право на жизнь, свободу, в том числе и свободу передвижения, личную неприкосновенность, законодательное и судебное равенство.

По мимо этого, в структуре правового статуса мигранта в любом государстве должны быть обязанности строгого соблюдения предписанных законов. При этом, набор непосредственных прав и свобод, предоставляемых мигрантам, должен определяться исходя из представлений различных государств собственной экономической, политической, национальной и иной безопасности и целостности [14].

Для обеспечения стабильности законодательства и преодоления проблем совершенствования миграционной политики и нормативного регулирования, рекомендуется пересмотр всех систем и подходов к регулированию миграционного законодательства, т. к. политика, основанная на неквалифицированных оценках, ведет к неизбежному упадку государственного контроля, а в результате этого и к краху

регулирования. При этом политика должна быть направлена на поощрение и рациональное регулирование иммиграции на территорию государства, применение новейших подходов и стандартов к привлечению умеренного потока мигрантов и оттока их из страны [15].

Таким образом, стоит отметить, что приведенные особенности и проблемы законодательного регулирования миграционных процессов в административном праве свидетельствуют о том, что на сегодняшний день осуществляется процесс формирования и совершенствования действующего миграционного и административно-правового законодательства, что позволяет нам предложить ключевые изменения в действующие нормативно-правовые акты, касательно миграционного регулирования.

Регулирование миграционных процессов должно быть направлено на достижение целей государственной миграционной политики, при этом в качестве приоритетных направлений, необходимо ответить: совершенствование законодательного базиса миграционного как элемента административного законодательства, а также, дополнение действующих нормативно-правовых актов как регуляторов миграционных процессов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Болдырев С. Н. Проблемы законодательной техники регулирования миграционных процессов / С. Н. Болдырев // Вестник КРУ МВД России. – 2010. – № 1. – С. 123-126.
2. Новикова А. А. Предупреждение правонарушений в сфере миграционного законодательства / А. А. Новикова // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. – 2012. – № 29. – С. 55-59.
3. Ибрагимова Л. Р. Институциональные тенденции миграционного законодательства Российской Федерации на современном этапе / Л. Р. Ибрагимова // ВЭПС. – 2015. – № 1. – С. 101-104.
4. Сизов И. Ю. Анализ изменений миграционного законодательства / И. Ю. Сизов // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 6. – С. 148-150.
5. Лобас Л. И. К вопросу об ответственности за организацию незаконной миграции / Л. И. Лобас // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 3. – С. 69-73.
6. Лянной В. А. К вопросу об определении понятия «Нелегальная миграция» / В. А. Лянной // Пробелы в российском законодательстве. – 2011. – № 2. – С. 64-65.
7. Гапонов Ю. В. Современные проблемы административной ответственности за нарушение миграционного законодательства / Ю. В. Гапонов // Общество и право. – 2009. – № 2(24). – С. 244-247.
8. Андриченко Л. В. Проблемы систематизации миграционного законодательства / Л. В. Андриченко // Журнал российского права. – 2014. – № 12(216). – С. 5-15.
9. Балашова Н. А. Обеспечение органами Федеральной миграционной службы соблюдения иностранными гражданами законодательства России, регламентирующего их правовое положение / Н. А. Балашова // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2009. – № 4(51). – С. 54-59.
10. Будалин Е. П. Миграция: проблемы правового регулирования / Е. П. Будалин // ARS ADMINISTRANDI. – 2010. – № 1. – С. 33-43.
11. Сизов И. Ю. Новые направления усиления ответственности за нарушения миграционного законодательства / И. Ю. Сизов // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 6. – С. 211-214.
12. Мамитова Н. В., Додонов К. Д. Законодательное регулирование миграционных потоков / Н. В. Мамитова, К. Д. Додонов // Среднерусский вестник общественных наук. – 2013. – № 4. – С. 160-163.
13. Сергеева А. А., Ракова М. Н. Нелегальная миграция в системе трансграничных угроз: к вопросу о проблемах нормативного регулирования миграционных процессов / А. А. Сергеева, М. Н. Ракова // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2013. – № 14. – С. 58-65.
14. Будалин Е. П. Миграция: проблемы правового регулирования / Е. П. Будалин // ARS ADMINISTRANDI. – 2010. – № 1. – С. 33-43.
15. Иванова Е. А. Миграционные процессы в новых координатах: реалии и перспективы / Е. А. Иванова // PolitBook. – 2015. – № 1. – С. 17-30.

ЦЕЛИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАЛОГА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Резюме. В данном исследовании изучено понятие залога как меры пресечения в уголовном процессе, место залога в системе мер пресечения, раскрыты содержание, значение залога и цели его применения. Установлено, что залог – это установленное законом средство обеспечения надлежащего порядка производства по уголовным делам.

Ключевые слова: мера пресечения, залог, принцип справедливости, залоговое имущество.

Цели применения залога как меры пресечения на протяжении долгих лет являлись достаточно спорным вопросом между учеными-юристами с теоретической и практической точки зрения.

В теории уголовного процесса по вопросу о том, какие же конкретно цели преследует залог, высказаны различные точки зрения. Почти сто лет тому назад П. И. Люблинский отмечал, что «затруднительно, почти невозможно создать такую меру обеспечения, которая ограничивала бы обвиняемого только в отношении возможности побега, не ограничивая целого ряда его других прав...» [1, с. 23]. По мнению И. Л. Петрухина, залог должен предупреждать все виды ненадлежащего поведения обвиняемого [2, с. 239]. С данным положением согласен и А. В. Величко, считающий, что залог может применяться и с целью предотвратить обвиняемому возможность скрыться от дознания, предварительного следствия или суда, и с целью предотвращения воспрепятствованию обвиняемому установлению истины по уголовному делу, и с целью недопущения продолжения занятия им преступной деятельностью, а так же для обеспечения исполнения приговора. Однако, по данным автора, на практике эта мера применяется, в основном, только с целью обеспечения явки обвиняемого (подозреваемого) по вызовам правоохранительных органов [3, с. 62].

Специальное упоминание в законе о целях залога было косвенным до принятия Уголовно-процессуального кодекса России. В УПК РСФСР 1922 г. залог упоминался в качестве денег или иного имущества, вносимых в суд обвиняемым или другим лицом или организацией в обеспечение явки обвиняемого к следователю и суду. Это положение с некоторыми коррективами сохранилось и в последующих уголовно-процессуальных кодексах. И лишь УПК РФ четко указывает, что залог применяется с целью обеспечить явку к следователю, дознавателю или в суд подозреваемого (обвиняемого) и предупредить совершение ими новых преступлений (ч. 1 ст. 106 УПК РФ).

В настоящий момент залог обладает особой гибкостью в применении и является актуальным в уголовном процессе Российской Федерации, так как может применяться на разных стадиях производства уголовного дела.

Гибкость данной меры пресечения заключается в том, что подозреваемый, обвиняемый имеет возможность внести залоговые средства лично, а также предоставляется возможность передать через третьи лица (физическое или же юридическое лицо). Передача или внесение осуществляется на стадии предварительного расследования в орган, который занимается данным делом. На стадии судебного производства законом предоставляется возможность вносить, предоставлять движимое и недвижимое имущество (деньги, ценности и допущенные к публичному обращению в Российской Федерации акции и облигации).

Статистика применения мер пресечения указывает на то, что редкость применения такой меры пресечения как залог связана с несовершенством законодательства и сложностью процедуры внесения самого залога.

Чтобы качественно провести исследование целей меры пресечения в уголовном процессе целесообразно разобраться, что собой представляет залог.

Залог – это мера пресечения, которая подразумевает внесение подозреваемым, обвиняемым или же другим лицом в орган, который избрал данную меру пресечения, движимого и недвижимого имущества [4, с. 517].

К целям применения меры пресечения в виде залога можно отнести следующие:

– обеспечить явку к следователю, дознавателю или в суд подозреваемого, обвиняемого;

– предупредить совершение им новых преступлений.

Суд определяет вид и размер залога с учетом характера совершенного преступления, данных о личности подозреваемого, обвиняемого и имущественного положения залогодателя. Не стоит забывать, что при определении размера залога следует учитывать наличие у обвиняемого реальной возможности внести на депозит суда соответствующую сумму денег.

Можно сделать вывод: сущность залога состоит в том, что обвиняемый (подозреваемый) берет на себя обязательство надлежащего поведения под угрозой конфискации заложенного имущества.

Следует выразить мысль о том, что залог с одной стороны, не лишает человека личной свободы, а общество – рабочей силы, государство не расходует бюджетные средства на содержание обвиняемых и подозреваемых, следственные изоляторы не перегружены, семьи не лишаются кормильцев, а дети – родителей. С другой стороны, применения залога не лишает обвиняемого или подозреваемого физической возможности скрыться либо иным образом уклониться от органов расследования и суда, связывая его свободу действий лишь угрозой имущественных потерь [5, с.20]. В таких условиях цель применения данной меры пресечения достигается через воздействие на материальные интересы лица, к которому она применяется (залоговая сумма вносится им самим), а также путем воздействия и на его моральные стимулы (в ситуации, когда залог вносится третьим лицом, и обвиняемый, подозреваемый, выполняет обязанности, возложенные на него в связи с применением залога, не желая причинить затраты залогодателю) [6, с. 3].

В последние годы в Российской Федерации законодатель уделяет много внимания обеспечению справедливости в уголовном законодательстве. Примером может послужить отношение к экономическим преступлениям, так как не совсем логично изолировать человека от общества за подобные преступления, достаточно установить размер залога, который будет в разы превышать размер причинённого материального ущерба при совершении преступления.

Приведем пример из практики. Органами предварительного расследования гр. Б. обвинялась по ч. 1 и 2 ст. 210 (Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней), ч. 4 ст. 159 (Мошенничество) УК РФ. Судом в отношении нее была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу.

Кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ данная мера пресечения была изменена на залог в размере 1 млн. руб. Предыдущая мера пресечения сохранялась до внесения залога на депозитный счет ВС РФ. В кассационной жалобе гр. Б. просила изменить избранную ей меру пресечения на подписку о невыезде или домашний арест, мотивируя это отсутствием денежных средств для внесения залога.

Оснований для избрания в отношении гр. Б. меры пресечения в виде подписки о невыезде или домашнего ареста Судебная коллегия не усмотрела, однако, приняв во внимание материальное положение обвиняемой, сочла возможным снизить размер залога до 500 тыс. руб.

Исходя из принципа справедливости было бы более целесообразно не применять такую меру пресечения как залог в отношении лиц, которые при совершении

преступления наносят вред жизни и здоровью граждан. В нашем случае обвинение по ст. 210 не может предусматривать избрание меры пресечения в виде залога по причине того, что создание преступного сообщества (преступной организации), руководство и участие в нем имеет своей целью совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений.

С учетом этой особенности следует признать, что применение залога к подозреваемым и обвиняемым в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, а также при наличии доказательств совершения преступления при таких отягчающих обстоятельствах, как совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой является нецелесообразным.

До настоящего времени залог не находил достаточного распространения в правоприменительной практике. Освобождение из-под стражи под залог является прогрессивной мерой пресечения. Она решает сразу несколько задач. Это, во-первых, освобождение государства от бремени затрат на содержание подозреваемых или обвиняемых в следственных изоляторах, их лечение, перевозку и др. расходы. Во-вторых, разгрузка переполненных следственных изоляторов. В-третьих, мера пресечения – залог – при ее применении и правильном использовании будет иметь и позитивные экономические критерии. Деньги, которые будут поступать на соответствующие расчетные счета, влившись в общую денежную массу, начнут приносить доход в виде процентов, которые должны иметь целевое назначение и использоваться, например, на реконструкцию и строительство пенитенциарных учреждений.

Представляется, что нет оснований искусственно снижать возможности данного вида меры пресечения. Правильно избранная (с учетом всех обстоятельств), она способна обеспечить все цели, поставленные перед подобными мерами – пресечь желание обвиняемого скрыться, помешать суду и следствию, продолжить преступную деятельность или уклониться от исполнения приговора.

Таким образом, учитывая сказанное можно с уверенностью полагать, что мера пресечения в виде залога имеет достаточно обширные цели, которые направлены не только на обеспечение явки обвиняемого (подозреваемого) и недопущения совершения им нового преступления, но и на предупреждение препятствования обвиняемым (подозреваемым) производству по уголовному делу, обеспечение исполнения приговора, а также сопутствующих (специальных) целей – предоставление возможности оставаться на свободе обвиняемому (подозреваемому), сбережение государственных средств без ущерба для уголовного судопроизводства и сокращение негативного воздействия (болезни, «тюремные университеты» и т.п.) на данное лицо.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Люблинский, П. И. Меры пресечения: (Комментарий к ст. ст. 146-164 Угол.-процессуального кодекса) / проф. П. И. Люблинский. – М.: 1923. – 58 с.
2. Петрухин, И. Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе / И. Л. Петрухин; отв. ред. И. Б. Михайловская; АН СССР, Ин-т государства и права. – М.: Наука, 1989. – 252 с.
3. Величко, А. В. Правовое регулирование применения залога как меры пресечения в уголовном процессе: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 – Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность / Андрей Викторович Величко. – М., 2001. – 181 с.
4. Энциклопедия будущего адвоката: учеб. пособие для подготовки к квалификационному экзамену на присвоение статуса адвоката / Федер. палата адвокатов Рос. Федерации; под общ. ред. И. Л. Трунова; рук. авт. коллектива Л. К. Айвар. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 1344 с.
5. Максимова, Е. Ю. Проблемы применения залога в уголовном процессе / Е. Ю. Максимова // Российский судья. – 2010. – № 5. – С. 20–22.
6. Мытник, П. Залог как мера пресечения / П. Мытник // Юстиция Беларуси. – 2001. – № 3. – С. 2–5.
7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 №6-ФКЗ, от

- 30.12.2008 №7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 14.04.2014. – № 15.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изм. и доп.) в редакции от 20.07.2016 [Принят Государственной Думой 24 мая 1996 года, одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года] // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. – № 25. – С. 2954.

УДК 342.518

Леонов Н.В.

Научный руководитель: Кулакова Е.В., к.ю.н., доцент

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА В ГОСУДАРСТВАХ С РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ФОРМОЙ ПРАВЛЕНИЯ

Резюме. В данном исследовании проанализированы основные вопросы формирования Правительства на примере государств с республиканской формой правления: Российской Федерации, США, Франции, Италии. Установлено, что в зависимости от вида республики, порядок формирования Правительства и полномочия Президента и Парламента по его формированию будут различны. В Российской Федерации существует особенность – фактическая монополия Президента РФ в вопросе формирования Правительства при фактически закрепленной смешанной форме правления. На основе анализа зарубежного законодательства, представляется необходимым для нормального функционирования государственного аппарата, часть президентских полномочий по формированию Правительства передать Парламенту.

Ключевые слова: республика, Правительство, полномочия, порядок, формирование.

В государствах, в которых установлена республиканская форма правления, взаимоотношения между высшими органами государственной власти: Парламентом, Правительством и Президентом является актуальной проблемой, на которую особое внимание обращают и ученые-юристы, и политологи, и государствоведы. Среди наиболее выдающихся, можно выделить труды таких ученых как Алимов Б. Б., Ефимов Д. А., Комкова Г. Н., Тимербаев Т. А. и др.

В настоящее время наблюдается повышенный интерес к изучению зарубежного опыта взаимоотношений Президента, Правительства и Парламента. Эту ситуацию можно обосновать тем, что в системе органов государственной власти Российской Федерации (далее – РФ) имеет место специфическая особенность – властная «асимметрия», присущая только РФ, которая выражается в существовании над «классической» властной триадой «президентской власти». Укрепление «вертикали» государственной власти привело к усилению этой «асимметрии», укрепив, в основном «президентскую вертикаль власти» [1, с. 72–74].

В последнее время в Российской Федерации вопросы взаимодействия Президента, Парламента и Правительства в различных сферах все чаще подвергаются критике, ввиду неэффективного, по мнению большинства, механизма деятельности государственного аппарата. Одной из наиболее важных сфер такого взаимодействия является формирование Правительства.

В Российской Федерации вопрос формирования Правительства последние годы стоит достаточно остро. Многие ученые-юристы и политологи говорят о слишком широком круге полномочий Президента РФ в этой сфере. В связи с чем возникает вопрос о целесообразности сужения круга полномочий Президента РФ в вопросах формирования Правительства, чем и обусловлена актуальность представленного исследования.

Таким образом, целью данной статьи является выявление основных проблем, возникающих при формировании правительства РФ, для чего представляется необходимым воспользоваться методом правовой компаративистики.

Для понимания этого вопроса, обратимся к опыту зарубежных государств. В качестве примера выбраны следующие государства, в которых наиболее ярко выражены черты того, либо иного вида республики: США, как президентская республика, Россия и Франция, как смешанные республики и Италия, как парламентская республика.

Как показывает опыт многих стран, смешанные формы правления имеют преимущества в формировании и организации деятельности правительства. Поскольку, не нарушая местного самоуправления, эта форма правления ведет к укреплению роли государственной власти на местах, способствует единству государства. Это особенно важно в условиях государств, которые не имеют опыта длительного парламентского управления, что в условиях несформировавшихся партийных структур, несложившихся механизмов парламентского управления может вести к постоянному «разброду и шатаниям». Политическая практика России свидетельствует об этом со всей очевидностью.

В Конституции РФ, закреплено, что Правительство Российской Федерации осуществляет исполнительную власть в стране [2].

В структуру Правительства РФ входят: Председатель Правительства РФ, заместители Председателя Правительства РФ, федеральные министры.

Председатель Правительства РФ назначается Президентом с согласия Государственной Думы. Государственная Дума рассматривает представленную Президентом РФ кандидатуру Председателя Правительства РФ в течение недели со дня внесения предложения о кандидатуре. После трехкратного отклонения представленных кандидатур Председателя Правительства РФ Государственной Думой Президент РФ назначает Председателя Правительства РФ, распускает Государственную Думу и назначает новые выборы.

Порядок назначения заместителей Председателя Правительства и федеральных министров закреплен в Конституции РФ, ст. 112 которой предусматривает, что Председатель Правительства РФ не позднее недельного срока после назначения представляет Президенту РФ предложения о структуре федеральных органов исполнительной власти. Председатель Правительства, в свою очередь, предлагает Президенту кандидатуры на должности заместителей Председателя Правительства Российской Федерации и федеральных министров.

Порядок отставки Правительства также достаточно подробно закреплен в Конституции РФ. Так, Правительство РФ может подать в отставку, которая принимается или отклоняется Президентом. При этом, Государственная Дума может выразить недоверие Правительству большинством голосов от ее общего числа депутатов. После выражения Государственной Думой недоверия Правительству РФ Президент вправе объявить об отставке Правительства Российской Федерации либо не согласиться с решением Государственной Думы. В случае если Государственная Дума в течение трех месяцев повторно выразит недоверие Правительству Российской Федерации, Президент Российской Федерации объявляет об отставке Правительства, либо распускает Государственную Думу.

Кроме того, Председатель Правительства РФ может поставить перед Государственной Думой вопрос о доверии Правительству. Если Государственная Дума в доверии отказывает, то Президент в течение семи дней принимает решение об отставке Правительства РФ или о роспуске Государственной Думы и назначении новых выборов.

Именно таким, достаточно детальным, образом в Конституции РФ закреплен порядок формирования и отставки Правительства РФ.

Формально, как Парламент, так и Президент РФ имеют существенный круг полномочий относительно формирования правительства, однако решающее значение

имеют полномочия Президента, который в случае несогласия с Государственной Думой может принимать решения по своему усмотрению, а в крайних случаях и распускать Государственную Думу. Разумеется, это связано с тем, что РФ президентско-парламентская республика, в парламентско-президентских республиках распределение таких полномочий несколько иное.

Еще одним государством, представляющей собой смешанную республику является Франция.

Во Франции действует смешанная (полупрезидентская) форма правления, она характеризуется наличием дуализма в исполнительной власти, а именно: в стране исполнительная власть принадлежит и Президенту, и правительству. Существенным является то, что Правительство действует в двух формах: как Совет министров и как кабинет министров. Совет министров заседает под председательством Президента и решает наиболее важные вопросы государственной жизни. Решение заседаний Совета министров принимаются в форме Ордонанс, его подписывает Президент.

В соответствии с Конституцией Франции, Президент назначает Премьер-министра и на основании его заявления освобождает от должности. По представлению Премьер-министра назначает других членов правительства. Во Франции при назначении на должность главы правительства не нужно согласие Парламента. Однако Президент обязан учесть мнение политических сил в Парламенте по данному вопросу, так как после назначения Президентом Премьер-министр представляет программу деятельности Правительства Парламенту, затем перед нижней палатой Парламента ставит вопрос доверия (вотум доверия) по отношению к Правительству. В случае неодобрения Парламентом данной программы Правительства, Премьер-министр обязан представить Президенту заявление об отправке Правительства в отставку. Существенно то, что если отсутствует заявление Премьер-министра об отставке правительства или Парламент не выразил правительству вотум недоверия, то Президент по собственному желанию не имеет полномочий отправить в отставку правительство [3].

Так, во Франции, в вопросах формирования и отставки Правительства участвуют как Президент, так и Парламент. Полномочия Парламента в данной сфере играют решающую роль, т.к. в случае недоверия Парламента Правительству, последнее будет отправлено в отставку. В данном государстве, Президент обязан учитывать мнение Парламента, чтобы избежать досрочной отставки Правительства.

Государственная система США определена Конституцией США [4]. В ней закреплена система федерального государственного управления США, а также взаимоотношение между основными государственными органами. В США с Правительством сложилась интересная ситуация. Так как США является президентской республикой, то фактически вся полнота исполнительной власти сосредоточена в руках Президента. Возможно, именно поэтому в Конституции США даже не упоминается о правительстве США. Должность премьер – министра в соответствии с Конституцией США также не предусмотрена.

Однако в научной литературе можно найти следующие сведения о правительстве. Так Сухарев А.Я. отмечает, что Президент является также главой правительства – Кабинета. Должности премьер-министра в США не существует. Кабинет состоит из министров, которые назначаются Президентом «по совету и с согласия» Сената, и тех должностных лиц, которых Президент сам включает в Кабинет. Кабинет целиком подчинен Президенту и выполняет при нем роль совещательного органа. Члены Кабинета не подотчетны Конгрессу [5, с. 278]. При Кабинете также функционирует несколько советов: национальной безопасности, по экономическим делам, по природным ресурсам и проблемам окружающей среды и др.

В большинстве государств Правительство состоит из министерств, управляющих работой различных сфер деятельности. Работу этих министерств, как правило,

возглавляют министры. В Соединенных Штатах же органами исполнительной власти правительства являются исполнительные департаменты. Всего таких департаментов – 15. Возглавляет департамент секретарь (министр). Исключение составляет департамент юстиции, который возглавляет Генеральный прокурор.

Таким образом, можно сделать вывод, что правительство в США осуществляет лишь совещательную функцию и является как бы «помощником» Президента в осуществлении им своих полномочий. Кабинет назначается Президентом «с согласия и одобрения» Сената, однако понятно, что фактически к назначению членов Кабинета Парламент имеет весьма посредственное отношение.

Далее представляется целесообразным обратиться к опыту Италии.

Конституция Италии закрепляет, что Правительство Республики состоит из Председателя Совета и из министров, которые вместе образуют Совет министров. Президент Республики назначает Председателя Совета министров и, по его предложению, министров [6, с. 423–450].

Можно сказать, что данная статья закрепляет такой же порядок назначения Правительства Италии, что и в РФ, однако дальнейшие положения Конституции опровергают данный тезис. Так, Конституция закрепляет, что Правительство должно получить доверие обеих палат. Каждая палата оказывает доверие или отказывает в нем путем мотивированной резолюции, принимаемой поименным голосованием. Не позднее десяти дней после формирования Правительство представляется палатам для получения доверия. Голосование одной или обеих палат против какого-либо предложения Правительства необязательно влечет его отставку.

Резолюция недоверия должна быть подписана не менее, чем одной десятой членов палаты и не может быть поставлена на обсуждение ранее, чем по истечении трех дней с момента ее внесения.

Так, юридическое закрепление кандидатур премьер-министра и министров осуществляется Парламентом путем вынесения вотума доверия.

Таким образом, Председатель Правительства назначается на должность Президентом Италии с учетом расстановки политических сил в обеих палатах парламента (поскольку обе палаты избираются практически по одинаковой системе, то в них представительство партий примерно одинаковое и должность главы правительства предлагается лидеру победившей партии или представителю коалиции, имеющей большинство). Затем Президент по представлению премьер-министра назначает министров, после чего Совет министров представляется для утверждения парламента. В соответствии с Конституцией премьер-министр и министры ответственны перед парламентом: премьер-министр за общую политику правительства, министры несут коллегиальную ответственность за действия правительства и индивидуальную – за действия своих ведомств.

Совет министров в Италии наделен достаточно широкими полномочиями, особенно ярко эти полномочия выражаются в законодательной сфере. Достаточно часто Совет министров использует свое право законодательной инициативы. Широко развит институт делегированного законодательства, при котором Совет министров непосредственно реализует законотворческие полномочия, по поручению или с согласия Сената [7, с. 154].

Таким образом, анализ законодательства зарубежных государств, демонстрирует, что в Российской Федерации действительно в вопросе формирования Правительства Президент обладает крайне широким кругом полномочий, фактически он является последней инстанцией, которая обладает решающим голосом, несмотря на смешанный характер республиканской формы правления. Согласно нормам, закрепленным в Конституции РФ, нижняя палата Парламента – Государственная Дума также обладает некоторым кругом полномочий при формировании Правительства, однако эти

полномочия существенно уже, чем у Президента. При несогласии с Государственной Думой, решающее слово при формировании и отставке Правительства остается за Президентом, которые в крайних случаях может даже распустить Государственную Думу.

Проведённый сравнительно – правовой анализ с законодательством Италии, Франции и США свидетельствуют о беспрецедентности президентских полномочий в РФ. Во Франции, которая является смешанной республикой, решающее слово в вопросе формирования Правительства остается за Парламентом. Что касается Италии, парламентской республики, формально, премьер – министра Италии назначает Президент, аналогичная ситуация и с министрами, которые назначаются Президентом по представлению премьер – министра, однако, обязательным является получение доверия Правительством от обеих палат Парламента. В президентской республике – США, говорить о Правительстве как таковом достаточно сложно, ввиду сосредоточения всей исполнительной власти в руках Президента.

Представляется, что полномочия Президента и Парламента в РФ в сфере формирования Правительства требуют пересмотра и существенных изменений. При том, что Конституция РФ определяет государство, как смешанную республику, она наделяет Президента РФ крайне широкой властью в некоторых вопросах, и в вопросе взаимодействия с Правительством в частности. По нашему мнению, необходимо выработать иной механизм формирования Правительства РФ, при котором реальной властью будут обладать и Парламент, и Президент. Необходимо передать часть президентских полномочий Парламенту. Это позволит ограничить монополию Президента РФ в данной сфере взаимоотношений высших органов государственной власти в России.

Таким образом, обозначенные проблемы могут быть решены путем их дальнейшего исследования и внедрения законодательного механизма совершенствования системы государственного управления на федеральном уровне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тимербаев Т.А. Конституционно-правовые пробелы в системном взаимодействии органов государственной власти в Российской Федерации / Т.А. Тимербаев // Евразийский юридический журнал. – 2012. – № 9 –С. 72–74.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 №6-ФКЗ, от 30.12.2008 №7-ФКЗ)// М.: Собрание законодательства РФ, 26.01.2009. – №4. – ст.445.
3. Алимов Б.Б. Опыт Зарубежных Стран В Вопросах Взаимоотношений Президента И Правительства // Вопросы современной юриспруденции: сб. ст. по матер. XLVII междунар. науч.-практ. конф. № 3(45). – Новосибирск: СибАК, 2015.
4. Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательство/ под ред. О.А. Жидкова; пер. В. И. Лафитского. [Электронный ресурс] – М.: Прогресс, 1993. – 766 с. Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnstUS.htm>
5. Правовые системы стран мира. Энциклопедический справочник. Под ред. Сухарева А.Я. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2003. – 975 с.
6. Конституция Итальянской Республики / Пер. с итал. Л. П. Гринберга // Конституции государств Европейского Союза / Под общ. ред. Л.А. Окунькова. – М.: Издательская группа ИНФРА-М-НОРМА, 1997. – С. 423—450.
7. Комкова, Г. Н. Конституционное право зарубежных стран : учебник для академического бакалавриата / Г. Н. Комкова, Е. В. Колесников, О. В. Афанасьева. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2014. – 415 с.

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ: ОСОБЕННОСТИ СПЕЦИАЛЬНОГО СУБЪЕКТА

Резюме. В рамках данного исследования изучен специальный субъект преступления, предусмотренного ст. 334 УК ДНР. Рассмотрена категория лиц, входящих в специальный субъект состава злоупотребление должностными полномочиями.

Ключевые слова: злоупотребление, превышение, должностное лицо, коррупция, специальный субъект.

В настоящие дни, Донецкая Народная Республика находится на этапе становления и развития. Благодаря этому, прослеживаются тенденции укрепления государственного и муниципального аппарата, становления и укрепления его традиций и принципов, формирования в сознании граждан уважения к власти и людям, состоящих на службе у государства. В связи с этим действия, подрывающие авторитет власти и нарушающие права подвластных субъектов, недопустимы, а степень их общественной опасности высока.

Уголовный Кодекс Донецкой Народной Республики (далее – УК ДНР) предусматривает ответственность за злоупотребление должностными полномочиями, раскрывая сущность деяния в диспозиции ст. 334, а именно использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, если это деяние повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства.

Субъект в составе данного преступления является специальным. Из этого следует, что помимо общих признаков, таких как достижение возраста уголовной ответственности (16 лет) и вменяемость, он должен обладать признаками должностного лица. Ст. 334 УК ДНР содержит примечание, в котором раскрывается понятие должностного лица. Так, должностными лицами признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, а также в Вооруженных Силах ДНР, других войсках и воинских формированиях ДНР [1]. Таким образом, для квалификации преступления по ст. 334 УК ДНР, необходимо установить функции, которые осуществляет лицо, а также место, где данное лицо их реализует, которым может быть орган власти либо установленная в законе организация.

Вместе с тем следует отметить, что в настоящее время существует проблема соотношения определений «должностное лицо» в уголовном и муниципальном законодательстве. Ряд авторов отмечает, что данные определения неодинаковы по объему, и используемое в муниципальном законодательстве шире, так как под него подпадают практически все лица, замещающие как муниципальные должности, так и должности муниципальной службы [2].

В целях унификации определения должностного лица, автор В. И. Якубович предлагает внести изменения в Федеральный Закон Российской Федерации «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», приведя в нем определение в соответствии с трактовкой, используемой в административном и уголовном законодательстве как выборное либо заключившее контракт (трудовой договор) лицо, замещающее муниципальную должность либо должность муниципальной службы, осуществляющее функции представителя власти, а равно

лицо, выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции по решению вопросов местного значения и (или) по организации деятельности органа местного самоуправления [3]. Поскольку правовая система ДНР достаточно близка к правовой системе Российской Федерации, целесообразно предложить внесение подобных изменений в законопроект «Об общих принципах организации местного самоуправления в Донецкой Народной Республике».

Следует отметить, что как в вышеуказанном Федеральном законе, так и в соответствующем законопроекте ДНР, имеется прямое указание на то, что определение «должностное лицо» служит для целей данного закона. Соответственно, при определении должностного лица органа местного самоуправления как субъекта превышения должностных полномочий необходимо руководствоваться нормами Уголовного кодекса и актами толкования Верховного Суда, в то время как определение должностного лица, указанное в муниципальном законодательстве применению не подлежит.

Важно уточнить, что для квалификации содеянного по ч. 1 ст. 334 УК ДНР необходимо, чтобы данное лицо не занимало государственные должности ДНР, а также должность главы местного самоуправления, так как данные субъекты несут уголовную ответственность за превышение должностных полномочий по ч. 2 ст. 334 УК ДНР.

Во избежание расширительного толкования примечания к данной статье, Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъясняет значение признаков должностного лица [4]. Так, к исполняющим функции представителя власти следует относить лиц, наделенных правами и обязанностями по осуществлению функций органом законодательной, исполнительной и судебной власти, иных лиц правоохранительных или контролирующих органов, наделенных в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от них в служебной зависимости, либо правом принимать решения, обязательные для исполнения гражданами, организациями, учреждениями независимо от их ведомственной принадлежности и форм собственности.

Под организационно-распорядительными функциями следует понимать полномочия должностного лица, которые связаны с руководством трудовым коллективом государственного органа, государственного или муниципального учреждения (его структурного подразделения) или находящимися в их служебном подчинении отдельными работниками, с формированием кадрового состава и определением трудовых функций работников, с организацией порядка прохождения службы, применения мер поощрения или награждения, наложения дисциплинарных взысканий и т.п.

К организационно-распорядительным функциям относятся полномочия лиц по принятию решений, имеющих юридическое значение и влекущих определенные юридические последствия.

Как административно-хозяйственные функции надлежит рассматривать полномочия должностного лица по управлению и распоряжению имуществом и (или) денежными средствами, находящимися на балансе и (или) банковских счетах организаций, учреждений, воинских частей и подразделений, а также по совершению иных действий.

Исполнение функций должностного лица по специальному полномочию означает, что лицо осуществляет функции представителя власти, исполняет организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции, возложенные на него законом, иным нормативным правовым актом, приказом или распоряжением вышестоящего должностного лица либо правомочным на то органом или должностным лицом (например, функции присяжного заседателя). Функции должностного лица по специальному полномочию могут осуществляться в течение определенного времени или однократно, а также могут совмещаться с основной работой.

При временном исполнении функций должностного лица или при исполнении их по специальному полномочию лицо может быть признано должностным лишь в период исполнения возложенных на него функций.

Из этого следует, что выполнение властных функций в государственных и муниципальных органах должностным лицом вполне объяснимо и закономерно. При этом, учитывая, что в литературе вопрос превышения должностных полномочий должностным лицом органа местного самоуправления, соглашаясь с классификацией А. М. Иванова, что субъектами должностного преступления могут быть: 1) выборные должностные лица органов местного самоуправления, которые в силу предоставленных им полномочий признаются представителями власти; 2) муниципальные служащие, занимающие муниципальные должности и осуществляющие функции представителя власти; 3) муниципальные служащие-специалисты, занимающие должности муниципальной службы, предполагающие обладание необходимой компетенцией в каких-либо специальных отраслях знаний и которым, исходя из должностного положения или характера выполняемых функций, принадлежат организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции [5].

Также стоит рассмотреть при включении в круг субъектов тех лиц, подлежащих уголовной ответственности, выполняющих вышеуказанные функции в государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, государственных компаниях, государственных и муниципальных унитарных предприятиях, акционерных обществах, контрольный пакет акций которых принадлежит ДНР или муниципальным образованиям.

Для правильного понимания мысли законодателя необходимо установить, какие функции осуществляют данные организации, для чего следует обратиться к специальному законодательству, регулиющему их деятельность.

В соответствии с положениями Гражданского Кодекса, учреждением признается унитарная некоммерческая организация, созданная собственником для осуществления управленческих, социально-культурных или иных функций некоммерческого характера. В силу закона, оно может быть создано как государством, так и муниципальным образованием (государственное учреждение, муниципальное учреждение). Государственное или муниципальное учреждение могут быть казенным, бюджетным или автономным учреждением. Отвечая на вопрос, может ли работник или руководитель учреждения любого вида являться субъектом преступления, предусмотренного главой 30 УК ДНР, О. В. Назаров указывает на то, что преступления, предусмотренные главой 30 УК ДНР посягают на интересы государственной службы и могут быть совершены лишь государственными служащими, являющимися должностными лицами, работающими в государственных корпорациях и учреждениях. Субъектами по данной категории преступления выступают государственные служащие, не являющиеся должностными лицами, только в отдельных случаях [6].

Изучив законопроект ДНР «О противодействии коррупции», можно сказать, что он отделяет государственную службу от работы в государственных корпорациях и учреждениях. Таким образом, приходим к выводу, что работники государственных корпораций и учреждений, не состоя на государственной службе, не могут совершить преступления, посягающие на интересы государственной службы.

Согласно гражданского законодательства, унитарным предприятием признается коммерческая организация, не наделенная правом собственности на имущество, закрепленное за ней собственником. Имущество унитарного предприятия принадлежит на праве собственности государству или муниципальному образованию. От имени ДНР права собственника имущества унитарного предприятия осуществляют органы государственной власти в рамках их компетенции, установленной актами, определяющими статус этих органов. От имени муниципального образования — органы

местного самоуправления в рамках их компетенции, установленной актами, определяющими статус этих органов. Таким образом, следует вывод о том, что руководители данных коммерческих организаций имеют публичный статус. В случае признания руководителей государственного или муниципального предприятия должностными либо субъектами преступления, предусмотренного главой 30 УК ДНР, произойдет подмена объекта уголовно-правовой охраны, поскольку руководители государственных и муниципальных предприятий посягают в первую очередь на интересы коммерческой организации. Состав конкретного преступления предполагает единство объективных и субъективных признаков. В данном случае субъективные и объективные признаки вступают в противоречие друг с другом [7]. Иного мнения придерживается И. Камынин, указывая на то, что характер решаемых руководителем унитарного предприятия задач, объем предоставленных прав свидетельствуют о том, что он может выполнять как административно – хозяйственные, так и организационно – распорядительные функции, и можно говорить о так называемом делегировании государством части своих функций руководителю унитарного предприятия, деятельность которого по-прежнему остается в системе координат управления. Поэтому он приобретает особый статус государственного служащего, но никак не лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой организации [8].

Вопрос признания должностным лицом военнослужащего-руководителя унитарного предприятия рассматривали Е. Г. Быкова, С. А. Яшков, придя к выводу о том, что руководителя государственного унитарного предприятия должностным лицом возможно только в той ситуации, когда эта организация в силу прямого указания в нормативном правовом акте входит в состав Вооруженных Сил ДНР или иных воинских формирований ДНР. Такое лицо является одновременно и военнослужащим, с которым заключается контракт на прохождение военной службы в названной должности, и руководителем коммерческой организации. Если государственное унитарное предприятие не относится структурно к Министерству обороны ДНР и с его руководителем заключается трудовой договор, а не контракт о прохождении военной службы, то его следует признавать лицом, управляющим коммерческой организацией, невзирая на то, что в названии этого предприятия присутствует указание на Министерство обороны ДНР.

Продолжая анализ расширения круга субъектов преступления, предусмотренного ст. 334 УК ДНР, рассмотрим понятие государственной компании, которая на основании гражданского законодательства представляет собой некоммерческую организацию, не имеющую членства и созданная государством на основе имущественных взносов для оказания государственных услуг и выполнения иных функций с использованием государственного имущества на основе доверительного управления. Государственная компания создается на основании специального закона ДНР. Как отмечает А. К. Саркисов, государственные компании весьма схожи с государственными корпорациями, эти юридические лица фактически выполняют функции государственных органов. В связи с этим, как считает Н. А. Егорова, долгое отсутствие в Уголовном кодексе упоминания о государственных компаниях как месте осуществления должностными лицами управленческих функций было не вполне логичным [9].

Также в круг субъектов должностных преступлений с недавнего времени включены лица, осуществляющие властные функции в акционерных обществах, контрольный пакет акций которых принадлежит государству или муниципальным образованиям. Идея о включении данных субъектов в число должностных лиц высказывалась в литературе и ранее – Б. В. Волженкиным, который предлагал считать должностными лицами управленцев предприятий с преобладающей (более 50 %) долей государственного капитала [10]. Борков В. Н., рассматривавшим в качестве должностных лиц субъектов, выполняющих организационно-распорядительные или

административно-хозяйственные функции в организациях, в уставном капитале которых доля государства составляет более пятидесяти процентов, отмечая, что подобный подход наблюдается в уголовном праве некоторых зарубежных стран [11].

Также необходимо отметить, что по УК ДНР, управленцы государственных компаний, государственных и муниципальных унитарных предприятий, акционерных обществ с контрольными пакетами акций, принадлежащими государству или муниципальным образованиям, относятся к субъектам главы 23 УК ДНР о преступлениях в сфере экономики. Предполагаем, что законодателем сделан расчет на системное толкование примечаний к ст.ст. 225 и 334 УК ДНР.

Итак, исходя из всего вышесказанного, четко определенный круг субъектов, признаваемых должностными лицами в рамках главы 30 УК ДНР о преступлениях против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, вполне объясним и вполне соответствует приоритетам уголовно-правовой политики – усиление мер ответственности руководителей созданных ДНР, муниципальными образованиями некоммерческих организаций, государственных и муниципальных унитарных предприятий, а также акционерных обществ, контрольный пакет акций которых принадлежит государству, за ненадлежащее исполнение должностных обязанностей, повлекшее за собой причинение существенного вреда охраняемым законом интересам государства и общества, с точки зрения законодателя, предлагаемые меры позволят значительно снизить злоупотребления в сфере исполнения государственных и муниципальных задач как подрывающие развитие и стабильность экономических отношений. Важно отметить, что специальный субъект как элемент должностного преступления в уголовный закон введен в первую очередь, для ужесточения ответственности за подобные преступные деяния, так как они входят в категорию коррупционных преступлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный Кодекс Донецкой Народной Республики от 17 августа 2014 г., // Постановление Президиума Совета Министров ДНР. – 2014.
2. Постатейный комментарий к Кодексу РФ об административных правонарушениях / Д. С. Велиева, А. С. Ермакова, Ю. В. Капитанец и др.; под ред. Э. Г. Липатова, С. Е. Чаннова. М.: ГроссМедиа, РОСБУХ, 2008. 912 с.
3. Якубович В.И. Глава местной администрации как должностное лицо местного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. 2014. N 2. С. 57 – 61.
4. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 N 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ.правовая система. Версия Проф. Электрон.дан. М., 2016. (дата обращения 26.01.18).
5. Иванов А.М. Должностное лицо органа местного самоуправления как субъект должностных преступлений. // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2009. № 3. [Электронный ресурс] <http://cyberleninka.ru/article/n/dolzhdnostnoe-litso-organa-mestnogo-samoopravleniya-kak-subekt-dolzhdnostnyh-prestupleniy> (дата обращения: 26.01.18).
6. Назаров О.В. О некоторых вопросах применения Федерального закона «О противодействии коррупции» // Законодательство и экономика. 2014. N 8. С. 65 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ.правовая система. Версия Проф. Электрон.дан. М., 2016. (дата обращения 26.01.18).
7. Быкова Е., Яшков С. К вопросу о признании должностным лицом руководителей коммерческих организаций // Уголовное право. 2015. N 3. С. 4 – 9. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ.правовая система. Версия Проф. Электрон.дан. М., 2016. (дата обращения 26.01.18).
8. Камынин И.С. Статус руководителя унитарного предприятия «Законность». 2000, N 10. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ.правовая система. Версия Проф. Электрон.дан. М., 2016. (дата обращения 26.01.18).
9. Егорова Н.А. Новеллы Уголовного кодекса о должностных преступлениях // Законность. 2016. N 2. С. 34–38 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ.правовая система. Версия Проф. Электрон.дан. М., 2016. (дата обращения 26.01.18).

10. Волженкин Б.В. К вопросу о понятии должностного лица как субъекта должностных преступлений // Советское государство и право. 1991. № 11. С. 80. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ.правовая система. Версия Проф. Электрон.дан. М., 2016. (дата обращения 27.01.18).
11. Борков В.Н. Уголовно-правовое предупреждение коррупции: Монография. Омск: Омская академия МВД России, 2014. С. 169.

УДК 343.6

Марченко А.Г.
Научный руководитель: Карпенко Л.К., к.ю.н., доцент

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ЗАРАЖЕНИЯ ВИЧ-ИНФЕКЦИЕЙ

Резюме. В статье анализируются некоторые проблемные вопросы объективной стороны заражения ВИЧ-инфекцией, детально рассматривается общественно-опасное деяние, как обязательный признак объективной стороны преступления, а также исследуется проблема определения момента окончания преступления, предусмотренного ст. 123 УК ДНР.

Ключевые слова: заражение ВИЧ-инфекцией, объективная сторона преступления, момент окончания преступления, материальный состав преступления, формальный состав преступления.

В XXI веке особый интерес, в связи с повышенной опасностью представляет тема заражения ВИЧ-инфекцией. Актуальность данной темы обусловлена быстрым темпом распространения данной болезни, а также отсутствием достаточно эффективных правовых средств в борьбе с ней. Проблема борьбы с ВИЧ-инфекцией является не только медицинской проблемой, но и всего общества в целом, так как, кроме опасных последствий для здоровья она тесно связана с вопросом брака и семьи, воспитания молодежи, материнства, демографической ситуации и генофонда нации.

По данным Всемирной организации здравоохранения, на конец 2016 г. в мире насчитывалось от 34 до 39,8 млн. (в среднем – 36,7 млн.) ВИЧ-инфицированных. Наиболее пораженным регионом является Африка южнее Сахары, в 2016 г. там проживали порядка 25,6 млн. человек с ВИЧ (примерно две трети всех зараженных). Жертвами ВИЧ/СПИД в мире стали более 35 млн. человек [1].

По данным мониторинга Республиканского центра по профилактике и борьбе со СПИДом на территории ДНР за 1-е полугодие 2015 года официально зарегистрировано 26781 случай ВИЧ-инфекции. Наиболее высок данный показатель в городах: Донецк, Торез, Харцызск, Кировское, Енакиево, а также в Тельмановском районе. Распространенность ВИЧ-инфекции, т.е. количество пациентов, состоящих на диспансерном учете, составляет 15687 чел., в том числе с диагнозом СПИД – 3635 чел. [2].

Указанные данные свидетельствуют о высокой общественной опасности данного заболевания, поэтому законодатель абсолютно верно предусмотрел в Уголовном Кодексе Донецкой Народной Республики ответственность за заражение ВИЧ-инфекцией (ст. 123 УК ДНР).

Проблемы объективной стороны заражения ВИЧ-инфекцией исследовали ряд отечественных ученых-криминалистов, таких как: П. П. Андрушко, Ю. В. Александров, В. В. Сташис, А. А. Дудоров, В. И. Бояров и другие.

В теории уголовного права под объективной стороной состава преступления обычно понимается внешнее выражение акта преступного поведения человека, которое может выражаться в общественно опасных действиях или бездействии, влекущих либо не влекущих общественно опасные последствия. При реализации преступного намерения лицо совершает различного рода деяния, одни из которых входят в объективную сторону преступления, другие — нет. Поэтому объективная сторона

преступления включает лишь юридически значимые признаки, к которым относятся: 1) общественно опасное действие (бездействие); 2) преступное последствие; 3) причинная связь между действием (бездействием) и преступным последствием; 4) способ; 5) обстоятельства места; 6) обстоятельства времени; 7) орудия; 8) средства; 9) обстановка совершения преступления. Их роль в объективной стороне преступления различна, в связи с чем они подразделяются на обязательные и факультативные признаки. К обязательным признакам относятся: общественно опасное деяние (действие или бездействие), преступное последствие, причинная связь между деянием и наступившим последствием. Однако, в зависимости от конструкции состава набор обязательных признаков объективной стороны различен. Если в материальных составах таковыми являются все три названные признаки, то в формальных – только действие (бездействие), так как в этом случае УК предусматривает ответственность за сам факт совершения общественно опасного деяния, запрещенного законом. Все остальные признаки объективной стороны являются факультативными независимо от конструкции состава преступления [3, с. 120].

Говоря о проблемных вопросах объективной стороны заражения ВИЧ-инфекцией, следует отметить вопрос по выяснению содержания отдельных признаков объективной стороны состава заведомого поставления другого лица в опасность заражения ВИЧ-инфекцией (ч.1 ст. 123 УК ДНР). Данный состав преступления формальный (сознательное поставление другого лица в опасность заражения вирусом иммунодефицита человека). Объективная сторона преступления заключается в совершении деяния, что создает реальную угрозу заражения лица ВИЧ-инфекцией. Рассматриваемая статья не содержит указаний на пути поставления в опасность, следовательно, преступление может быть совершено как путем активных действий, так и бездействия. Вместе с тем в уголовно-правовой литературе высказывается мнение, что это преступление может быть совершено только путем действий [4, с. 159]. Опасность создается конкретными действиями виновного (половой акт, переливание крови и др.), но не предварительным бездействием, – отмечает Е. Сидоренко. Только активные действия, умышленно направленные на инфицирование больного, могут образовывать состав сознательного поставления другого лица в опасность заражения ВИЧ-инфекцией (ч. 1 ст. 123 УК ДНР) [5, с. 55]. Однако такое мнение вызывает возражение. Во-первых, активные действия могут быть умышленно направлены на инфицирование только здорового, а не больного человека, так как до инфицирования он еще не является больным. Во-вторых, постановка в опасность заражения может создаваться как активными действиями (в большинстве случаев), так и путем бездействия. Обязательным условием уголовной ответственности лица за бездействие является наличие у него обязанности действовать определенным образом и наличие в конкретных условиях реальной возможности действовать таким образом.

Наличие обязанности действовать определенным образом определено Законом ДНР «О противодействии распространению болезней, обусловленных вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ), и правовой и социальной защите людей, живущих с ВИЧ». Так, лицу, у которого по данным медицинского осмотра выявлена ВИЧ-инфекция, сообщает об этом работник учреждения здравоохранения, в котором проведен осмотр. Одновременно ВИЧ-инфицированного предупреждают об уголовной ответственности за заведомое поставление в опасность заражения и заражение других лиц вирусом иммунодефицита человека (чч. 1, 2 ст. 12). Согласно ст. 16 Закона ДНР «О противодействии распространению болезней, обусловленных вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ), и правовой и социальной защите людей, живущих с ВИЧ», люди, живущие с ВИЧ, обязаны: принимать меры по предотвращению распространения ВИЧ-инфекции, предложенных органами здравоохранения; уведомлять лиц, которые были их партнерами к выявлению факта инфицирования, о

возможности их заражения; отказаться от донорства крови, ее компонентов, других биологических жидкостей, клеток, органов и тканей для их использования в медицинской практике.

ВИЧ-инфицированным предлагается: избегать попадания их крови на поврежденную кожу и слизистые оболочки людей, которые их окружают; пользоваться только индивидуальными лезвиями для бритья, ножницами, щипчиками, зубными щетками, расческами, иглками и тому подобное. Ведь, известно, что вирус в большом количестве содержится в крови, а в условиях комнатной температуры ВИЧ-инфекция может выживать в течение многих дней [6, с. 14]. Поэтому ВИЧ-инфицированным отмечается, что заражение возможно при непосредственном попадании крови ВИЧ-инфицированного в кровь других людей или через повреждения кожи иглами, лезвиями, ножницами и др. загрязненными кровью больного. Очевидно, что несоблюдение ВИЧ-инфицированным этих мероприятий может быть способом поставления в опасность заражения ВИЧ-инфекцией окружающих. Следовательно, преступление, предусмотренное ст. 123 УК ДНР, может совершаться как путем действия (например, нарушение процедуры донорства), так и бездействий (например, непринятие мер для дезинфекции).

Относительно определения момента окончания преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 123 УК ДНР (заражение другого лица ВИЧ-инфекцией лицом, которое знало о том, что оно является носителем этого вируса). Одни ученые считают, что моментом окончания преступления является совершение деяния, которое заключается в попадании вируса в организм человека, и относят этот состав к формальным, другие утверждают, что преступление считается оконченным с момента фактического заражения ВИЧ-инфекцией, то есть является преступлением с материальным составом. Исследователь П. П. Андрушко отмечает, что преступление считается оконченным с момента введения в организм потерпевшего вируса иммунодефицита человека [7, с. 96]. В. В. Сташис заражение потерпевшего относит к общественно опасным последствиям, отмечая, что преступление считается законченным с момента, когда выясняется, что потерпевший оказался инфицированным этим вирусом, то есть является преступлением с материальным составом. А. А. Дудоров пишет, что это преступление считается оконченным с момента фактического заражения ВИЧ-инфекцией. В. И. Бояров считает, что преступление считается оконченным с момента контакта с больным после установления факта заболевания потерпевшего. Справедливо мнение П. П. Андрушко, что с таким подходом к определению момента окончания преступления согласиться нельзя, тем более, что «момент контакта» должно быть не «с больным после установления факта заболевания», а со здоровым человеком до, а не после установления факта заболевания. Подход. И. Боярова дает основания для двусмысленного понимания момента окончания преступления или с момента контакта, или с момента установления факта заболевания. Кроме того, контакт больного со здоровым человеком не всегда приводит к развитию заболевания ВИЧ-инфекцией, а также не всегда к ее попаданию в организм человека. А для выработки более четких ориентиров определения момента окончания преступления следует руководствоваться медицинскими заключениями.

В медицине под заражением (*infectio*) понимают проникновение возбудителя инфекционной болезни в организм человека, что приводит к развитию той или иной формы инфекционного процесса (болезни, носительства возбудителей инфекции) [8, с. 389]. Инфекционный процесс происходит в результате взаимодействия вируса и организма человека. Однако, такое взаимодействие может и не состояться. Попадая в организм, вирус не всегда приводит к инфекционному процессу. Так, в некоторых медицинских исследованиях показано значение генетически детерминированной нечувствительности клеток организма-хозяина к инфицированию ВИЧ и выявлены

особенности клеток организма лиц, которые остались неинфицированными при достаточно высоком риске инфицирования [9, с. 27].

Следовательно, заражение это не просто попадания возбудителя в организм, а лишь то попадание, которое приводит к развитию ВИЧ-инфекции. Соответственно преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 123 УК ДНР, считается законченным с момента, когда потерпевший оказался инфицированным вирусом, в то время как заведомое поставление в опасность другого лица заражения ВИЧ-инфекцией с момента совершения деяний, которые могут составлять такую опасность.

В ч. 4 ст. 123 УК ДНР предусмотрена ответственность за заражение другого лица ВИЧ-инфекцией вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей. Исходя из содержания диспозиции нормы ч. 4 ст. 123 УК ДНР, объективная сторона этого преступления заключается в ненадлежащем исполнении медицинским, фармацевтическим или другим работником своих профессиональных обязанностей вследствие небрежного или недобросовестного отношения к ним, повлекшее заражение лица ВИЧ-инфекцией. Следовательно, для обеспечения правильного понимания определенной законодателем диспозиции данного преступления, прежде всего, считается необходимым исследовать содержание определений каждого отдельного элемента, использованного в уголовном законе для закрепления в норме объективной стороны состава преступления, понятийного (терминологического) аппарата.

Светлов А. Я. под ненадлежащим исполнением понимал выполнение должностных обязанностей не в полном объеме, небрежно. При этом он отмечал, что вредные последствия могут наступить как от одного случая невыполнения или ненадлежащего выполнения лицом своих обязанностей, так и от систематического подобного поведения виновного. Андрушко П. П. дает такое определение ненадлежащего выполнения профессиональных обязанностей – это либо бездействие лица, когда оно вообще не выполняет действия, которые входят в круг его профессиональных обязанностей, или исполняет такие действия не в полном объеме или без соблюдения правил, регламентирующих выполнение таких действий. Дудоров А. А. указывает, что ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей означает, что медицинский или фармацевтический работник не совершает те действия, которые он в силу выполнения работы обязан был совершить.

Следовательно, толкования ведущими учеными понятия «ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей», по своему содержанию не имеют существенных отличий, и достаточно четко отражают сущность этого термина. При таких условиях предлагать еще и авторское определение излишне.

С определением производного понятия – профессиональные обязанности, ситуация видится несколько сложнее. В частности, юридическая наука вообще не дает нам ни определения профессионального долга, ни определения дефиниции обязанности. Глушков В. А. отмечает, что профессиональные обязанности медицинских работников значительно шире их служебных, однако закон предусматривает ответственность только в том случае, если профессиональные обязанности выполнялись в связи с службой.

Итак, на основании вышеизложенного, в контексте норм ч. 4 ст. 123 УК ДНР, профессиональные обязанности необходимо понимать, как непосредственно определенные в соответствующих нормативно-правовых актах общий последовательный порядок, обусловленных конкретными обстоятельствами, обязательных профессиональных действий, обеспечивающая должное, индивидуально или (и) общественно полезное и безопасное для окружающих осуществление законной профессиональной деятельности, которая предполагает потенциальный или реальный, непосредственный или опосредованный контакт с биологическими материалами человека и их производными.

Учебник по судебной медицине ненадлежащее исполнение медицинским работником своих профессиональных обязанностей делит на следующие формы: медленный, невнимательный опрос больного, выяснение его анамнеза, поверхностное обследование больного, что влечет за собой ошибочный диагноз болезни и неправильное лечение с тяжелыми последствиями [10, с. 111]. Стоит заметить, что согласиться с таким определением ученых-медиков вряд ли возможно, поскольку они, в данном случае, отождествляют профессиональные обязанности медицинского работника исключительно с профессиональными обязанностями врача, в то время как к этой категории относятся также и фельдшера, медицинские сестры и акушеры. Михайличенко Б. В. отождествляет ненадлежащее исполнение медицинским работником своих профессиональных обязанностей с бездействием лица, когда оно вообще не совершает действий, которые входят в круг его профессиональных обязанностей, или совершает такие действия не в полном объеме или без соблюдения правил, регламентирующих их выполнения.

Ненадлежащее выполнение профессиональных обязанностей на практике может иметь различные формы: нарушение правил асептики и антисептики, госпитализации, транспортировки больных, невыполнение или ненадлежащее выполнение обязательных лабораторных исследований, нарушение порядка информирования соответствующих органов о выявленных случаях инфицирования и тому подобное [11, с. 12].

Следует отметить, что по профессиональным требованиям любой медицинский или другой работник, профессиональная деятельность которого связана с оборотом биологических материалов, любого лица должен относиться, как к потенциальному источнику заражения, поскольку сегодня ВИЧ-инфекцией уже заражены более 1 % населения, а медицинский работник должен оказывать помощь как лицам с неопределенным ВИЧ-статусом, так и лицам, которые, будучи осведомленными о своем диагнозе, могут умышленно скрывать его.

Специализированные медицинские источники определяют такие основные пути передачи ВИЧ-инфекции: половой, парентеральный и от матери к ребенку.

Одним из возможных случаев, что, кстати, характерно и для других путей передачи инфекции, является ненадлежащее выполнение медицинским работником обследований, в том числе и лабораторной диагностики личности на предмет выявления факта инфицирования. При таких условиях, относительно лица может быть сделано ложно отрицательное заключение относительно носительства возбудителя, а, следовательно, фактически инфицированное лицо, вступая в незащищенный половой контакт, может быть реальным источником инфекции для своего полового партнера. В таких случаях речь идет о так называемой врачебной ошибке, то есть ошибке врача при выполнении своих профессиональных обязанностей, не содержащей состава преступления.

Однако, наибольшую опасность именно в контексте осуществления профессиональной деятельности, связанной с контактом и оборотом биологических веществ, как раз составляет парентеральный путь (через кровь и другие биологические жидкости).

В контексте перентаральной передачи возбудителей инфекционных болезней наряду с введением инфицированных препаратов крови, специализированные медицинские источники определяют такие факторы, как нарушение режима стерилизации и дезинфекции медицинского инструментария, приборов и аппаратов, невыполнение персоналом правил асептики, антисептики, личной гигиены, режима уборки и дезинфекции.

Индивидуальная восприимчивость организма конкретного человека, в контексте применения норм ч. 4 ст. 123 УК ДНР, по нашему мнению, также должна быть учтена в контексте перантерального пути заражения, поскольку, как отмечается в специальных медицинских источниках, к контингенту повышенного риска здесь относятся

новорожденные, главным образом недоношенные дети, пациенты в отношении которых имеет место оперативное вмешательство, лечебные и диагностические процедуры (инъекции, инкубации, эндоскопия, катетеризация, забор проб крови). Итак, в сравнении с другими случаями, именно эта категория пациентов потенциально должна охватываться дополнительным предостережением медицинских работников.

В контексте третьего пути передачи ВИЧ-инфекции – от матери к ребенку, здесь, в практическом аспекте, мы можем фактически говорить в основном о случаях ненадлежащего проведения обследования на предмет выявления факта инфицирования и разве что об игнорировании прямых указаний относительно применения конкретных медикаментозных препаратов и ограничений (запрет грудного вскармливания и тому подобное). В то же время, инкриминирования именно таких нарушений со стороны медицинского персонала в контексте норм ч. 4 ст. 123 УК ДНР представляется более проблемным из-за отсутствия реальной возможности установления причиной связи между фактом ненадлежащего исполнением виновным своих профессиональных обязанностей и заражением ребенка от инфицированной биологической матери.

Следовательно, объективная сторона этого состава характеризуется нарушением определенных правил профилактики этого заболевания, например, нарушение правил изъятия у донора органов и тканей, переливания крови и ее препаратов, при инъекциях когда проводится некачественные анализ, используются нестерильные инструменты, шприцы, игнорирование прямых указаний относительно применения конкретных медикаментозных препаратов и ограничений (запрет грудного вскармливания и тому подобное) и т.д.

Таким образом, установлено, что преступление, за которое предусмотрена уголовная ответственность ст. 123 УК ДНР, может быть совершено как путем совершения действия, так и бездействия. Заражение ВИЧ-инфекцией считается законченным с момента, когда потерпевший оказался инфицированным вирусом, а не просто с момента попадания возбудителя в организм, в то время как заведомое поставление в опасность другого лица заражения ВИЧ-инфекцией с момента совершения действий, которые могут составлять такую опасность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ВИЧ-инфекция в Российской Федерации в 2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs360/ru/>
2. СПИД и ВИЧ: украинские фэйки и реальная статистика ДНР. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://mzdnr.ru/news/spid-i-vich-ukrainskie-feyki-i-realnaya-statistika-dnr>
3. Уголовное право. Общая часть: Учебник. Издание второе переработанное и дополненное / Под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. – М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»: ИНФРА-М, 2008. – 560 с.
4. Михайлов В. С. Кримінальна відповідальність за зараження вірусом імунодефіциту людини чи іншої невиліковної інфекційної хвороби: соціальна обумовленість та склад злочину: монографія / Х.: Право, 2011. С. 159.
5. Сидоренко Э. Заражение ВИЧ-инфекцией: вопросы уголовно-правовой оценки // Уголовное право. 2007. № 1. С. 55.
6. Скачко Б. Г. ВІЛ/СНІД. Профілактика. Лікування. Реабілітація. К.: Медицина, 2006. С. 14.
7. Андрушко П. П. Проблеми кваліфікації злочинів, пов'язаних із зараженням людини інфекційними хворобами (статті 130, 131, 133 КК України) // Кримінально-правова охорона життя та здоров'я особи: матер. наук.-практ. конф., Харків, 22-23 квіт. 2004 р. / редкол.: В. В. Сташис (голов. ред.) та ін. К.; Х.: Юрінком Інтер, 2004. С. 96.
8. Энциклопедический словарь медицинских терминов: В 3 т. / гл. ред. Б. В. Петровский. М.: Сов. энциклопедия, 1982. Т.1. С. 389.
9. Запорожан В. Н. ВИЧ-инфекция и СПИД: монография. К.: Здоров'я, 2003. С. 27
10. Акопов В.И. Судебная медицина: учебник. М.: Юрайт, 2016. С. 111.
11. Ибатулина Ю.Ф. Ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей медицинскими работниками и врачебная ошибка: уголовно-правовой аспект // Российский следователь. 2010. № 1. С. 12.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДОСЛЕДСТВЕННОЙ ПРОВЕРКИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ, РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И УКРАИНЫ

Резюме. В данном исследовании доследственная проверка заявлений и сообщений о преступлениях рассматривается как важнейший процессуальный инструмент для предотвращения преступлений и, в случае их совершения, своевременного и полного их расследования. Проведен сравнительный анализ доследственной проверки в Донецкой Народной Республике, Российской Федерации и Украине, предложены рекомендации по совершенствованию статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса, действующего на территории ДНР.

Ключевые слова: доследственная проверка, понятие доследственной проверки, значение доследственной проверки, проверка заявлений и сообщений о преступлениях, срок доследственной проверки.

В современном мире любое государство ставит себе цель борьбы с преступностью. Для этого создаются множество правоохранительных органов, обладающих компетенцией для предупреждения, выявления и раскрытия преступлений. Не являются исключением и страны СНГ. Однако, несмотря на это, уровень преступности остается высоким, что создает опасность для государства в целом и его граждан. Практика показывает, что для своевременного, полного, всестороннего и объективного раскрытия преступлений необходимо качественное проведение доследственной проверки в каждом конкретном случае или, как ее еще называют, проверки заявлений и сообщений о преступлениях.

Понятие «доследственная проверка» является тождественным таким понятиям как, «проверка заявлений и сообщений о преступлениях» и «предварительная проверка». Несмотря на то, что данные понятия не закреплены в уголовно-процессуальном законодательстве, они широко исследуются в научных трудах.

Так, Савина Л. А. под предварительной проверкой понимает основанную на законе и подзаконных актах деятельность уполномоченных уголовно-процессуальным законодательством компетентных государственных органов и должностных лиц, направленную на установление достоверности содержащейся в сообщении информации о наличии в событии признаков того или иного преступления и сбор дополнительных сведений, характеризующих это событие, которые необходимы для принятия законного и обоснованного процессуального решения по поступившему заявлению или сообщению [1, с. 8]. Считая термин «предварительная проверка» не отражающим суть и содержание уголовно-процессуальной деятельности на данной стадии, И. В. Удовыдченко предлагает отказаться от его использования и переименовать стадию уголовного судопроизводства «возбуждение уголовного дела» в «принятие, рассмотрение и разрешение сообщения о преступлении» [2, с. 9]. Ильин А. Н. под предварительной проверкой понимает процесс приема и регистрации информации о предполагаемом преступном событии; выявления в ней фактических данных, указывающих на признаки преступления; а также сбора дополнительных сведений о следах преступного события и иных его признаках, необходимых для принятия предусмотренного уголовно-процессуальным законодательством решения по сообщению о преступлении [3, с. 9].

Таким образом, считаем, наиболее полно отражающим суть понятие предварительной проверки данное Ильиным А. Н.

До принятия Уголовного процессуального кодекса Донецкой Народной Республики на территории Донецкой Народной Республики применяется Уголовно-

процессуальный кодекс Украины от 28.12.1960 года № 1001-05 с учетом особенностей, внесенных Постановлением Совета Министров ДНР от 31.05.2016 № 7-58 «О применении уголовно-процессуального законодательства на территории Донецкой Народной Республики в переходный период»[4].

По законодательству, действующему на территории Донецкой Народной Республики, лица, которые правомочны проводить доследственную проверку (прокурор, следователь, орган дознания) обязаны принимать заявления и сообщения о преступлениях (как уже совершенных, так и о готовящихся), даже если таковые не подлежат их ведению. Не позднее трехдневного срока с момента поступления заявления или сообщения о преступлении прокурор, следователь, орган дознания, судья обязаны принять одно из трех процессуальных решений:

- возбудить уголовное дело;
- направить заявление или сообщение по принадлежности;
- отказать в производстве по уголовному делу.

Одновременно принимаются все возможные меры, чтобы предотвратить преступление или пресечь его. При наличии соответствующих оснований, свидетельствующих о реальной угрозе жизни и здоровью лица, сообщившего о преступлении, следует принять необходимые меры для обеспечения безопасности заявителя, а также членов его семьи и близких родственников, если путем угроз или других противоправных действий в отношении них предпринимаются попытки повлиять на заявителя.

В случае необходимости проверки заявления или сообщения о преступлении до возбуждения уголовного дела, орган дознания, следователь или прокурор проводят такую проверку не позднее чем в десятидневный срок путем отобрания объяснений отдельных граждан или должностных лиц, либо истребования необходимых документов.

Заявление или сообщение о преступлении до возбуждения уголовного дела может быть проверено путем проведения оперативно-розыскных мероприятий [5].

Проведение определенных в законодательных актах отдельных оперативно-розыскных мероприятий проводится с разрешения суда по согласованному с прокурором представлению руководителя соответствующего оперативного подразделения или его заместителя. Постановление судьи о предоставлении такого разрешения выносится и может быть обжаловано с соблюдением порядка и в случаях, предусмотренных статьями 177, 178 и 190 Кодекса [6].

Производство следственных действий и применение мер пресечения возможно только после возбуждения уголовного дела. Однако, в случаях, не терпящих отлагательств, возможно проведение осмотра места происшествия, после чего, при наличии оснований, необходимо немедленно возбудить уголовное дело [7].

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) содержится аналогичная норма, которая, однако, получила более широкую регламентацию. Так, лица, уполномоченные для принятия и проверки сообщения и заявления о преступлении (дознатель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа), обязаны принять по нему решение в течение не позднее трех суток со дня поступления сообщения. При проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов,

привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий [8]. При необходимости руководитель следственного отдела или начальник органа дознания может по мотивированному ходатайству дознавателя или следователя продлить срок проверки до 10 суток. Также норма УПК РФ предусматривает дополнительное продление срока проверки при необходимости производства документальных проверок, ревизий, судебных экспертиз, исследований документов, предметов, трупов, а также проведения оперативно-розыскных мероприятий руководитель следственного органа по ходатайству следователя, а прокурор по ходатайству дознавателя вправе продлить этот срок до 30 суток с обязательным указанием на конкретные, фактические обстоятельства, послужившие основанием для такого продления.

Лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права и обязанности, предусмотренные настоящим Кодексом, и обеспечивается возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы. При необходимости безопасность участника досудебного производства обеспечивается в порядке, установленном ч. 9 ст. 166 УПК РФ, в том числе при приеме сообщения о преступлении.

Также, в УПК РФ предусмотрена возможность использования полученных в ходе проверки сведений в качестве доказательств, при условии соблюдения положений статей 75 и 89 УПК РФ.

Если после возбуждения уголовного дела стороной защиты или потерпевшим будет заявлено ходатайство о производстве дополнительной либо повторной судебной экспертизы, то такое ходатайство подлежит удовлетворению.

Заявителю выдается документ о принятии сообщения о преступлении с указанием данных о лице, его принявшем, а также даты и времени его принятия.

Отказ в приеме сообщения о преступлении может быть обжалован прокурору или в суд.

Заявление потерпевшего или его законного представителя по уголовным делам частного обвинения, поданное в суд, рассматривается судьей в соответствии со ст. 318 УПК РФ. В случаях, предусмотренных ч. 4 ст. 147 УПК РФ, проверка сообщения о преступлении осуществляется в соответствии с правилами, установленными настоящей статьей.

Прием, регистрация, учет и рассмотрение сообщений и заявлений граждан о преступлениях в Российской Федерации и Донецкой Народной Республике происходит в стадии возбуждения уголовного дела. В данных странах возбуждение уголовного дела является обязательной стадией уголовного судопроизводства. В Украине с принятием Уголовного процессуального кодекса от 13.04.2012 г. (далее – УПК Украины) стадия возбуждения уголовного дела была упразднена.

Так, согласно ст. 214 УПК Украины следователь, прокурор безотлагательно, но не позднее 24 часов после подачи заявления, сообщения о совершенном уголовном правонарушении или после самостоятельного выявления им из любого источника обстоятельств, которые могут свидетельствовать о совершении уголовного преступления обязан внести соответствующие сведения в Единый реестр досудебных расследований, начать расследование и через 24 часа с момента внесения таких сведений предоставить заявителю выписку из Единого реестра досудебных расследований. Досудебное расследование начинается с момента внесения сведений в Единый реестр досудебных расследований.

Руководитель органа досудебного расследования определяет следователя, который будет осуществлять досудебное производство по делу.

Осуществление досудебного расследования возможно только после внесения информации о преступлении в Единый реестр досудебных расследований, однако в неотложных случаях можно проводить осмотр места преступления до внесения сведений в Единый реестр досудебных расследований. Тогда, регистрация осуществляется немедленно после завершения осмотра.

Следователь, прокурор, другое должностное лицо, уполномоченное на принятие и регистрацию заявлений и сообщений об уголовных правонарушениях, обязаны принять и зарегистрировать такое заявление или сообщение. Отказ в принятии и регистрации заявления или сообщения об уголовном правонарушении не допускается [9].

В Единый реестр досудебных расследований вносятся сведения, указанные в ч. 5 ст. 114 УПК Украины. Далее эти сведения, информацию о начале досудебного следствия, а также основание его начала следователь безотлагательно в письменной форме предоставляет прокурору. Если же прокурор вносит сведения об уголовном правонарушении в Единый реестр досудебных расследований внесены, он обязан безотлагательно, но не позднее следующего дня, с соблюдением правил подследственности передать имеющиеся у него материалы в орган предварительного расследования и поручить проведение досудебного расследования.

Проведя сравнительный анализ досудебной проверки заявлений и сообщений о преступлениях можно выделить основные различия. Так, в Донецкой Народной Республике и Российской Федерации она проводится на стадии возбуждения уголовного дела, в то время как в Украине данная стадия уголовного судопроизводства упразднена. Ученые ведут дискуссии о необходимости стадии возбуждения уголовного дела в судопроизводстве. По мнению С. И. Гирько, производство по делу необходимо возбуждать подачей заявления о фактических событиях, содержащих противоправность [10, с. 16]. Володина Л. М. полагает, что наличие этой стадии в современном уголовном процессе России мешает оперативному ходу расследования преступления и ведет к утрате доказательственного материала [11, с. 84].

Что касается Украины, то очевидно, упразднение стадии возбуждения уголовного дело было необходимо для интеграции страны в Евросоюз, поэтому ориентация реформирования Уголовного процессуального кодекса Украины и была направлена на опыт других государств. По нашему мнению, стадия возбуждения уголовного дела должна быть сохранена в уголовном процессе, так как благодаря ей происходит «отсевание» сообщений о деяниях, которые не имеют признаков преступления.

Еще одно различие состоит в сроках рассмотрения сообщения или заявления о преступлении. По законодательству, действующему на территории ДНР после принятия сообщения уполномоченные органы обязаны не позднее трехдневного срока принять процессуальное решение, а в случае необходимости проверки сообщения, срок возможно продлить на срок не более десяти дней. В УПК РФ содержится аналогичная норма, однако существует дополнительное продление срока проверки при необходимости производства определенных законом мероприятий, руководитель следственного органа по ходатайству следователя, а прокурор по ходатайству дознавателя вправе продлить этот срок до 30 суток с обязательным указанием на конкретные, фактические обстоятельства, послужившие основанием для такого продления. В Украине же заявление или сообщение о преступлении безотлагательно, или не позднее 24 часов после подачи вносят в Единый реестр досудебных расследований, далее начинается досудебное расследование.

И последним ключевым различием является объем производства следственных действий на начальном этапе уголовного процесса, а также объем применяемых мер уголовно-процессуального принуждения. Согласно законодательству Донецкой Народной Республики и Российской Федерации такой объем является ограниченным, в то время как в Украине он неограничен.

Проведя анализ досудебной проверки в Донецкой Народной Республике, Российской Федерации и Украине, считаем целесообразным дополнить ст. 97 УПК, действующего на территории ДНР «Обязательность принятия заявлений и сообщений о преступлениях и порядок их рассмотрения», которую необходимо сформулировать следующим образом:

«Прокурор, следователь, орган дознания или судья обязаны принимать заявления и сообщения о совершенных или готовящихся преступлениях, в том числе и по делам, не подлежащим их ведению.

По заявлению или сообщению о преступлении прокурор, следователь, орган дознания или судья обязаны не позднее трехдневного срока принять одно из таких решений:

- 1) возбудить уголовное дело;
- 2) отказать в возбуждении уголовного дела;
- 3) направить заявление или сообщение по принадлежности.

Одновременно принимаются все возможные меры, чтобы предотвратить преступление или пресечь его. При наличии соответствующих оснований, свидетельствующих о реальной угрозе жизни и здоровью лица, сообщившего о преступлении, следует принять необходимые меры для обеспечения безопасности заявителя, а также членов его семьи и близких родственников, если путем угроз или других противоправных действий в отношении их предпринимаются попытки повлиять на заявителя.

Если необходимо проверить заявление или сообщение о преступлении до возбуждения дела, такая проверка проводится прокурором, следователем или органом дознания в срок не более десяти дней путем отобрания объяснений от отдельных граждан или должностных лиц или истребования необходимых документов.

В случае невозможности проведения проверки в десятидневный срок или при необходимости проведения оперативно-розыскных мероприятий, прокурор по ходатайству органа дознания, следователя вправе продлить этот срок до 30 суток с мотивированным указанием на обстоятельства, выступающие основанием для такого продления.

Заявление или сообщение о преступлении до возбуждения уголовного дела может быть проверено путем проведения оперативно-розыскных мероприятий. Проведение определенных в законодательных актах Украины отдельных оперативно-розыскных мероприятий осуществляется с разрешения суда по согласованному с прокурором представлению руководителя соответствующего оперативного подразделения или его заместителя. Постановление судьи о предоставлении такого разрешения выносится и может быть обжаловано с соблюдением порядка и в случаях, предусмотренных статьями 177, 178 и 190 настоящего Кодекса».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Савина Л.А. Организация и тактика предварительной проверки сообщений об экономических преступлениях на железнодорожном транспорте : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. – 203 с.
2. Удовыдченко И.В. Процессуальные способы проверки сообщения о преступлении на стадии возбуждения уголовного дела : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2008. – 209 с.
3. Ильин А.Н. Тактика предварительной проверки сообщения о преступлении : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. – 24 с.
4. Постановление Совета Министров ДНР от 31.05.2016 № 7-58 «О применении уголовно-процессуального законодательства на территории Донецкой Народной Республики в переходный период» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Официальный сайт Совета Министров ДНР: <http://smdnr.ru> – Дата обращения: 31.01.2018. – Загл. с экрана.
5. Уголовно-процессуальный Кодекс Украины от 28.12.1960 // Ведомости Верховного Совета УССР. – 1961. – № 2.
6. Уголовно-процессуальный Кодекс Украины от 28.12.1960 // Ведомости Верховного Совета УССР. – 1961. – № 2.

7. Уголовно-процессуальный Кодекс Украины от 28.12.1960 // Ведомости Верховного Совета УССР.— 1961. – № 2.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 22.11.2001 N 174-ФЗ (ред. от 31.12.2017) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 18.12.2001. – №15
9. Уголовный процессуальный кодекс Украины от 13.04.2012 № 4651-VI. // «Голос Украины» – 19.05.2012. – № 90-91
10. Гирько С.И. О некоторых проблемных вопросах процессуальной регламентации ускоренного досудебного производства // Российский следователь. – М.: Издательская группа «Юрист». – 2010. – № 15. – С. 14-16
11. Володина Л.М. Механизм защиты прав личности в уголовном процессе – Тюмень, ТюмГУ, 1999. – 171 с.

УДК 342.7

Мельник Е.И.

Научный руководитель: Щербинина Е.В., к.и.н., доцент

ПРАВО ЧЕЛОВЕКА НА ЖИЗНЬ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Резюме. В статье исследуется право на жизнь в качестве основного неимущественного права физического лица. Автором проанализированы различные научные взгляды по данному вопросу, а также положение отечественных и международных нормативно-правовых актов.

Ключевые слова: права человека, жизнь, право на жизнь, содержание права на жизнь.

Восприятие системой государственного управления совокупности идей, взглядов, убеждений, уважения к чести, достоинству и правам человека, заботы о его благе, разностороннем развитии, о создании достойных человека условий общественной жизни учеными рассматривается как гуманистическое измерение в системе государственного управления. Самые лучшие условия для гуманистического измерения создает правовое государство, в котором юридическими средствами реально обеспечивается максимальное осуществление, охрана и защита основных прав человека. Право на жизнь, здоровье, уважение, защиту чести, достоинства, неприкосновенность и безопасность в демократически организованном обществе признаются наивысшей социальной ценностью, а их утверждение и обеспечение рассматриваются как главная обязанность государства и один из основных приоритетов государственного управления [1, с. 105].

Еще с древних времен правам человека уделяли много внимания. Были сформированы различные школы и направления их изучения. Различные ученые и философы пытались дать свое определение правам человека вообще и каждому праву в частности. Безусловно, фундаментальным правом, обусловленным сущностью человека, что не может изменить ни одно общество, является право человека на жизнь.

Актуальность исследования не вызывает сомнений. Ведь на протяжении длительного времени общество по тому или иному поводу обращается к проблеме права на жизнь. Законодательное закрепление права на жизнь в подавляющем большинстве стран мира не решило многих проблемных вопросов. В частности, до сих пор идут споры вокруг проблем эвтаназии, смертной казни, самоубийства, аборт. Эти проблемные вопросы характерны как для стран с развитой демократией, так и для стран с развивающейся демократией.

Для определения права человека на жизнь необходимо выяснить, что следует понимать под понятием жизнь человека. Жизнь – понятие многозначное, которое меняет свое содержание в зависимости от области применения. Существуют различные определения, толкования жизни, особенности которых объясняются спецификой тех областей знаний, в рамках которых эти определения сформулированы. Например,

религия, биология, медицина, философия, социология и другие науки отражают свое видение человеческой жизни как феномена природы.

Так, в энциклопедическом словаре жизнь трактуется как одна из форм существования материи, закономерно возникающая при определенных условиях в процессе ее развития. О. Шмидт определяет жизнь как особую форму движения материи, форму, которая возникла и могла возникнуть только на определенной стадии развития нашей планеты при наличии определенных условий, обеспечивающих химический переход от неорганического к органическому, то есть синтез белка, с возникновением которого возникло также и жизни. С медицинской точки зрения жизнь – одна из высших форм движения и организации материи. С точки зрения социологии, жизнь – это совокупность различных видов и форм совместной деятельности людей, направленная на обеспечение условий и средств существования, реализацию потребностей.

Жизнь человека многогранна и многоаспектна. Однако жизнь интересна праву, прежде всего, как физическое существование человека. При этом необходимо отметить, что сначала жизнь выступала исключительно как объект правовой охраны, то есть объект правового воздействия, направленного на защиту от правонарушителей и последствий их противоправного поведения [2, с. 27].

Впервые право на жизнь было провозглашено в ст. 3 Всеобщей декларации прав человека 1948, в соответствии с которой каждый человек имеет право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность [3]. Следующим международным актом, который расширил содержание права на жизнь, является Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года. В соответствии со ст. 2 Конвенции право каждого на жизнь охраняется законом. Никто не быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного после признания его виновным в совершении преступления, за которое закон предусматривает такое наказание. При этом лишение жизни не рассматривается как нарушение данного положения, когда оно является результатом исключительно необходимого применения силы: а) для защиты любого лица от незаконного насилия; б) для осуществления законного ареста или предотвращения побега лица, которое законно держат под стражей; с) при совершении правомерных действий для подавления беспорядков или восстания [4].

Право на жизнь закрепляется также в Международном пакте о гражданских и политических правах (1966 г.). В ст. 6 Пакта закреплено, что право на жизнь есть неотъемлемое право каждого человека. Это право охраняется законом. Никто не может быть произвольно лишен жизни. В странах, которые не отменили смертную казнь, смертные приговоры могут выноситься только за самые тяжкие преступления в соответствии с законом, который действовал во время совершения преступления и который не противоречит постановлениям указанного Пакта и Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Это наказание может быть осуществлено только во исполнение окончательного приговора, вынесенного компетентным судом [5].

В ст. 6 Конвенции о правах ребенка 1989 года закреплено, что государства-участники признают, что каждый ребенок имеет неотъемлемое право на жизнь [6].

В соответствии со ст. 2 Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (1995 г.) право каждого человека на жизнь охраняется законом. Никто намеренно не может быть лишен жизни. Смертная казнь, пока она не отменена, может применяться только по приговору суда за особо тяжкие преступления [7].

Ст. 14 Конституции Донецкой Народной Республик также устанавливает, что каждый имеет право на жизнь [8]. Однако в отличие от аналогичной украинской статьи (ст. 27 Конституции Украины), не содержит положений о том, что никто не может быть произвольно лишен жизни. А обязанность государства, в свою очередь, – защищать

жизнь человека [9]. Также ст. 14 Конституции ДНР не содержит сведений относительно применения смертной казни, как это предусмотрено ст. 20 Конституции Российской Федерации [10].

Итак, право на жизнь – это основное фундаментальное право человека. С точки зрения естественно-правовых теорий, право на жизнь рассматривают как такое, которое происходит от самой неизменной природы человека. Вообще, теории естественного права и естественных прав человека тесно переплетены между собой. Идея естественного права заключается в существовании у человека естественных прав, которые появляются у него с момента рождения, и не зависят ни от каких факторов. В целом, природными называют такие права человека, которые являются свойствами человека как живого существа [11]. Бесспорным признается тот факт, что основным таким свойством считается жизнь человека. Соответственно, важнейшим из естественных прав будет право на жизнь. А все остальные права, в свою очередь, объединяются вокруг этого стержневого основного права.

Право на жизнь – естественное право – является неотъемлемым и неотчуждаемым. Это заключается в том, что государство не может лишить человека этого права, не может и дарить его, в худшем случае последнее способно только лишить человека жизни при определенных условиях. Кроме того, невозможным считается и отделение от человека как жизнедеятельного существа качеств, которыми его наделяет это право, без явной угрозы потерять в этом человеке члена общества [12]. Таким образом, право человека на жизнь как естественное право возникает с момента начала жизни и происходит от самой природы человека.

Право на жизнь рассматривается в двух значениях: объективном и субъективном. В объективном смысле данное право представляет собой совокупность правовых норм, регулирующих соответствующие общественные отношения. В свою очередь, в субъективном смысле право на жизнь должно рассматриваться как такое, которое вытекает из природы человека, как степень свободы индивида определять в своих интересах собственное поведение по сохранению и распоряжению жизнью, которая составляет содержание правоотношения, объектом которого является жизнь, а также требовать от третьих лиц определенного поведения или воздержания от него [13, с. 77].

Рассматривая право на жизнь, стоит обратить внимание на то, что спорным является вопрос момента возникновения данного права, а именно: право на жизнь возникает с момента зачатия или с момента рождения? Все существующие взгляды по данному вопросу в своей совокупности Р. А. Стефанчук разделяет на две основные концепции, которые условно называет «эмбриональная» и «натусиальная». Эмбриональная концепция исходит из того, что право человека на жизнь возникает до момента рождения. Натусиальная концепция основывается на том, что связывает момент возникновения права на жизнь с моментом рождения физического лица [14, с. 274–278]. Согласно действующему на нашей территории законодательству, моментом возникновения права на жизнь считается именно момент рождения ребенка. Это связано с тем, что реализовывать свои права может только живой человек. То есть момент рождения ребенка должен быть связан именно с моментом его живорождения.

Моментом прекращения права на жизнь является момент смерти. В Сиднейской декларации о смерти 1968 года указано, что сложность заключается в том, что смерть это постепенный процесс на клеточном уровне и ткани имеют различную способность оказывать сопротивление кислородной недостаточности. Однако клиническая заинтересованность состоит не в сохранении отдельных клеток, а в сохранении жизни человека. Поэтому фиксирование смерти различных клеток и органов не так важно по сравнению с убеждением, что эти процессы необратимы, какие бы способы реанимации не применялись. Для момента прекращения права на жизнь смерти важно определить необратимое прекращение всей деятельности головного мозга [15, с. 79].

Право на жизнь — чрезвычайно широкое и многоплановое понятие, которое включает в себя различные аспекты. Оно касается таких вопросов, как сохранение жизни, определение ее границ, право распоряжаться своей жизнью, которое реализуется через возможность подвергнуть себя риску или эвтаназии, и другие аспекты [16, с. 47–48].

Рассматривая право на жизнь, необходимо определить также его содержание. И. А. Шумак отмечает, что содержание права на жизнь составляют две основные возможности: возможность пользоваться жизнью и возможность защищать свою жизнь и здоровье, жизнь и здоровье других людей от противоправных посягательств всеми средствами, которые не запрещены законом [17, с. 9–10]. Соловьев А. В. отмечает, что содержание права человека на жизнь раскрывается через такие возможности как право на распоряжение своей жизнью, право подвергать свою жизнь риску, право человека на самозащиту жизни, право требовать от других лиц воздерживаться от противоправного лишения жизни человека, право требовать от других лиц создания условий для снижения риска для жизни, право ожидать защиты своей жизни со стороны других лиц, право на проведение (непроведение) эвтаназии [18, с. 14].

Если говорить о механизме реализации права на жизнь, то он имеет двоякий характер: с одной стороны, он включает совокупность прямо не запрещенных законом деяний человека по реализации данного права, а с другой это деятельность соответствующих государственных органов и их должностных лиц, строго регламентированная нормами права и призванная обеспечить человеку и гражданину надлежащие условия для реализации указанного права. То есть механизм реализации права на жизнь — это определенный процесс, который создает необходимые условия для осуществления этого права [19, с. 99].

Одна из важнейших гарантий беспрепятственной реализации права на жизнь, по нашему мнению, предполагает проведение государством миролюбивой внешней политики, исключающей войны и конфликты. Ряд стран провозгласили в своих конституционных актах отказ от войны, а также от применения военной силы как средства разрешения международных споров [20, с. 31]. Однако, к сожалению, несмотря на законодательное закрепление и признание этого права, многие государства придерживаются его только, тогда, когда это является для них выгодно.

Необходимо сказать, что в целом существует достаточно много проблем и нерешенных вопросов, касающихся права на жизнь, и требующие дальнейших научных исследований и законодательного урегулирования. Рассмотрим некоторые из них.

Одним из аспектов права на жизнь является вопрос о применении государством смертной казни. Дискуссии по этому вопросу носят системный и длительный характер. Это объясняется тем, что смертная казнь применяется в течение длительного времени существования человеческого общества, а вопрос о ее отмене как вида наказания остро встал только после легализации на уровне конституционных положений учения о естественном праве человека на жизнь [15, с. 78].

Еще одним проблемным вопросом права на жизнь является возможность проведения абортов. Во многих странах, особенно в тех, где католическая церковь имеет сильные позиции, право на жизнь как таковая рассматривается в качестве основания для запрета абортов. При рассмотрении данной проблемы особая роль отводится выяснению двух ключевых вопросов: во-первых, это возникновение момента права на жизнь, а, во-вторых, это определение, является ли человеческий плод, а что есть собственно человек [20, с. 33–34].

В научной литературе и прессе часто обсуждаются вопросы о праве на смерть. В дискуссиях сталкиваются две противоположные позиции, определяющие с одной стороны, неограниченность свободы личности в решении этих вопросов, а с другой — ее полную подчиненность общественным и государственным интересам. В

Нидерландах после длительной дискуссии в законодательство официально внесено разрешение пассивной эвтаназии. В Англии, напротив, приняли закон о безусловном запрете эвтаназии в медицинской практике. Эвтаназия запрещена также и в Российской Федерации, и в Украине [15, с. 79].

Таким образом, человеческая жизнь — неповторимое и уникальное явление. Не существует такой духовной или материальной цели, ради которой можно было бы пожертвовать жизнью хотя бы одного человека. Это противоречит нормам общечеловеческой цивилизованности и нравственности, международного права и национального законодательства большинства стран мира, включая Донецкую Народную Республику. Право на жизнь является первым правом человека, без него теряют всякий смысл другие его права — на свободу, на здоровье, на собственность, на безопасность, на сопротивление угнетению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лещенко В.В., Радыш Я.Ф. Права человека на жизнь и охрану здоровья – методологическая основа государственного управления здравоохранительной сферой: вступление к проблеме / В.В. Лещенко, Я.Ф. Радыш // Вестник НАГУ при Президенте Украины. – 2014. – № 19. – С. 104–113.
2. Кузьменко Я.П. Общая характеристика права человека на жизнь / Я.П. Кузьменко // Научный вестник УНУ. Серия право. – 2014. – № 28 (1). – С. 26–30.
3. Всеобщая декларация прав человека: принята и провозглашена в резолюции 217 А (III) Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1948 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Официальный сайт Верховной Рады Украины: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/995_015.
4. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года измененная и дополненная Протоколами № 11 и № 14, в сопровождении Дополнительного протокола и Протоколов № 4, 6, 7, 12 и 13: электронная версия на русском языке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf.
5. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16.12.1966 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/995_042
6. Конвенции о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/
7. Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека: заключена в Минске 26.05.1995 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: Официальный сайт Верховной Рады Украины: http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/997_070.
8. Конституция Донецкой Народной Республики: Закон Донецкой Народной Республики принятый Верховным Советом Донецкой Народной Республики протоколом № 1 от 14 мая 2014 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Донецкой Народной Республики. – Режим доступа: <http://school6.ya.dn.ua/law/ConstDNR.pdf>
9. Конституция Украины от 28.06.1996 № 254к / 96-ВР (принята на пятой сессии Верховной Рады Украины 28 июня 1996 года, с изменениями от 15.03.2016) // Ведомости Верховной Рады Украины. – 23.07.1996. – № 30. – Ст. 141.
10. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Собрании законодательства РФ. – 2014. № 31. – ст. 4398.
11. Федорова А.Л. Право на жизнь как неотъемлемое природное право человека / А.Л. Федорова. – Актуальные проблемы международных отношений. – 2009. – № 83 (2). – С. 43-49.
12. Резник Е.С. Право на жизнь: гражданско-правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Е.С. Резник: – Екатеринбург, 2007. – 27 с.
13. Романовский Г.Б. Право на жизнь: юридическая норма и доктрина / Г.Б. Романовский // Университетские научные записки. – 2006. – № 2(18). – С. 75-79.
14. Стефанчук Р.А. Личные неимущественные права физических лиц (понятие, содержание, система, особенности осуществления и защиты): монография / Р.А. Стефанчук; отв. ред. Я. Шевченко. – М.: КНТ, 2008. – 626 с.
15. Слома В.М. право на жизнь как личное неимущественное право физического лица / В.М. Слома // Юридический вестник. – 2012. – № 1 (22). – С. 77-81.
16. Гладун С. Право человека на жизнь и проблемы его юридического обеспечения в Украине / С. Гладун // Украинский журнал прав человека. – 1995. – №1. – С.47-54.

17. Шумак И.О. Гражданские права и свободы человека по конституции Украины: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / И.О. Шумак. – К., 2000. – 16 с.
18. Соловьев А.В. Право человека на жизнь: гражданско-правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / А.В. Соловьев. – Львов, 2004. – 19 с.
19. Домбровская А. Обеспечение реализации субъективного права на жизнь человека: (теоретико-правовой аспект) / А. Домбровская // Предприятие, хозяйство и право. – 2003. – №3. – С. 98-101.
20. Мальшев А.В. Право человека на жизнь: конституционно-правовой аспект / А.В. Мальшев // Экономика. Финансы. Право. – 2005. – №3. – С.30-34.

УДК 343.131

Мельникова И.В.
Научный руководитель: Манिवлец Э.Е., к.ю.н., доцент

ДОЗНАНИЕ КАК ВИД УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Резюме. В статье рассмотрено дознание как вид уголовно-процессуальной деятельности органов внутренних дел. Проведен анализ видов дознания и рассмотрено его внутреннее содержание.

Ключевые слова: предварительное расследование, дознание, предварительное следствие, виды дознания.

Уголовно-процессуальное законодательство, регламентирующее производство дознания, которое разрабатывалось и принималось в 50-60 годах, начиная с 1993 года, претерпело ряд существенных изменений: появились новые органы дознания; существенно изменилась и процедура осуществления дознания. Указанные обстоятельства вызывают необходимость переосмысления многих положений теории уголовного процесса, сущности дознания, его места в системе уголовного судопроизводства, поскольку от этого во многом зависят практические результаты борьбы с преступностью.

Законодатель, который посвятил дознанию главу 10 действующего Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК) [1], не раскрывает содержания этого понятия. В науке уголовного процесса проблемам дознания посвящено значительное количество публикаций. Однако, несмотря на это, среди исследователей не сложилось единства мнений о его сущности, соотношении с оперативно-розыскной деятельностью и досудебным следствием.

Определение места дознания в системе уголовного процесса и его сущности неотделимо от вопроса о его правовой природе. В процессуальной науке дискуссия по этой проблеме развивается в трех основных направлениях. Одни авторы придерживаются точки зрения о том, что по своей сути дознание является административной деятельностью. Так, В. М. Савицкий утверждает, что дознание по своей природе является административной функцией, производной от основной функции соответствующих административных органов, которая реализуется ими в специальной уголовно-процессуальной форме. Из указанного следует, что деятельность органов дознания является административной, но регламентируется уголовно-процессуальным законом. Как известно, каждый вид деятельности требует соответствующего правового регулирования и формы его осуществления. Однако не форма определяет характер деятельности, а наоборот. Уголовно-процессуальная деятельность реализуется в формах, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, а административная – в соответствии с административно-процессуальным [2, с. 144].

Другие ученые считают, что дознание охватывает как процессуальную (разные ее виды), так и непроцессуальную-оперативно-розыскную и розыскную деятельность,

поскольку уголовно-процессуальный закон (ч. 1 ст. 103 УПК), определяя полномочия органов дознания, возлагает на них осуществление оперативно-розыскных мероприятий с целью выявления признаков преступления и лица, его совершившего [3, с. 203].

Так, по мнению В.А. Иванова, дознание – это деятельность специально на то уполномоченных административных органов государства, сочетающая оперативно-розыскную и следственные функции, и направленная на предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, розыск и изобличение виновных [4, с. 8].

Своеобразная позиция при определении понятия дознания у В. С. Зеленецкого, который выделяет различные аспекты сущности дознания: дознание должно узнать о чем-либо, то есть узнать, выяснить то, что подлежит установлению органом дознания в связи с совершением конкретного преступления. Это – гносеологический аспект сущности дознания, который отражает его познавательную функцию в уголовном процессе. Органы дознания для достижения гносеологической цели должны выполнять конкретные доследственные и следственные действия. Это – процессуальный аспект сущности дознания. Кроме того, по его мнению, существуют оперативно-розыскной аспект сущности дознания и служебный. В связи с этим он предлагает выделять три формы дознания: следственную, оперативно-розыскную и протокольную. Объединяющим фактором для них является то, что любой вид дознания представляет собой специфическую форму познания органами дознания обстоятельств совершенного преступления [5, с. 106].

Любое из указанных определений дознания, на наш взгляд, является спорным. Их недостатком является то, что все они в основном сформулированы применительно к такому органу дознания, как полиция. При определении понятия дознания необходимо учитывать специфику деятельности и других органов дознания (органов государственного пожарного надзора, капитанов морских судов, находящихся в дальнем плавании и др.). Деятельность некоторых органов эпизодически связана с расследованием преступлений, специфика деятельности других дает им возможность сочетать процессуальные и непроцессуальные средства в раскрытии преступлений или осуществлять только процессуальную деятельность.

В определении понятия дознания должны найти отражение лишь основные его уголовно-процессуальные признаки, что позволит отличать дознание от других, тесно связанных с ним правовых явлений административного, а иногда и оперативно-розыскного характера.

С точки зрения других авторов, исходя из положений ст. 104 УПК, дознание по своей природе является исключительно процессуальной деятельностью соответствующих субъектов. Так, В. С. Чистякова отмечает, что под дознанием следует понимать вид процессуального расследования, который осуществляется в уголовно-процессуальной форме уполномоченными на то законом органами по делам о преступлениях, которые посягают на охраняемые этими органами правила или объекты [6, с. 4]. Ряд авторов убеждены, что дознание – это уголовно-процессуальная деятельность, которая осуществляется уполномоченными на то государственными органами и должностными лицами с целью установления лица, совершившего преступление, и других обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела [7, с. 67].

Исходя из изложенного, полагаем, что дознанию свойственна именно процессуальная природа.

В науке уголовного процесса существовал взгляд на дознание как самостоятельную стадию, которая начинается с момента регистрации заявлений и сообщений о преступлениях и заканчивается передачей материалов дознания следователю. Основной задачей этой стадии называлось выявление и установление признаков преступления и лица, его совершившего. Для этого нет сейчас достаточных оснований, поскольку

дознание, как процессуальная деятельность, полностью осуществляется по своей процедуре, срокам, условиям, направлениям и задачам в пределах, определенных для стадии досудебного расследования и может быть заменено в любой момент производства по уголовному делу на досудебное следствие [8, с. 100–101].

Высказывались также мнения о том, что дознание – это первоначальный этап расследования, связанный с проведением неотложных следственных действий для раскрытия преступления и обнаружения преступника. Так, М. С. Строгович указывал, что дознанием называется первоначальный этап расследования уголовного дела, на котором фиксируются следы преступления и производятся неотложные действия по раскрытию преступления и обнаружению преступника [9, с. 27].

После внесения изменений и дополнений в УПК Украины в 1993 и 1994 гг. в юридической литературе было высказано мнение ряда процессуалистов о том, что дознание – это начальная форма досудебного расследования. Так, А. Я. Дубинский, Н. М. Михеенко и В. П. Шибико дознание относят к форме расследования, предшествующей досудебному (предварительному) следствию [10, с. 161]. В. В. Вапнярчук считает, что под дознанием согласно действующего законодательства следует понимать начальную форму предварительного расследования уголовных дел [11, с. 7].

На наш взгляд, эти позиции спорны. Как правильно отметил А. Б. Муравин, при конструировании определения дознания нельзя исключать из него положения ст. 109 УПК, которые предусматривают помимо передачи материалов уголовного дела следователю и такую форму окончания дознания как прекращение уголовного дела при наличии обстоятельств, которые перечислены в ст. 6 УПК, что означает окончание и самой стадии досудебного расследования. В данном случае дознание выступает как самостоятельная форма расследования дела в полном объеме, а не как первоначальный этап.

Из анализа действующего законодательства следует прийти к выводу, что содержанию дознания присущ двойственный характер. В случае окончания дознания составлением постановления о направлении дела для производства досудебного следствия (ч. 1 ст. 109 УПК), оно выступает как начальная форма (первоначальный этап) досудебного расследования, в случае же прекращения производства по уголовному делу при наличии обстоятельств, предусмотренных ст. 6 УПК (ч. 2 ст. 109 УПК) – как форма расследования уголовного дела в полном объеме. Таким образом, дознание, составляя часть уголовного процесса, является наряду с досудебным следствием формой досудебного расследования и имеет свое начало и окончание, специфическое содержание; осуществляется указанными в законе органами и лицами, которые наделяются соответствующими правами и обязанностями.

Учитывая вышеизложенное, считаем, что в настоящее время дознание – это форма предварительного расследования, сущностью которой является уголовно-процессуальная деятельность уполномоченных субъектов по возбужденному уголовному делу, направленная на обнаружение, получение и фиксацию доказательств путем проведения следственных действий по делам о преступлениях, не являющихся тяжкими или особо тяжкими (небольшой и средней тяжести), и неотложных следственных действий по делам о тяжких и особо тяжкие преступления с целью выявления признаков преступления и лица, его совершившего, с последующим направлением материалов дела следователю или его прекращением [12, с. 26].

В настоящее время появились предложения по дальнейшему совершенствованию института дознания. Некоторые авторы высказывали мнение о восстановлении двух форм дознания: одной – как первоначального этапа расследования по делам о тяжких преступлениях, второй – расследование дела в полном объеме по делам о преступлениях, не являющихся тяжкими [13, с. 114–115]. Черный В. Я., Костромин

Г. В. аргументировали это тем, что изучение практики расследования уголовных дел свидетельствует о том, что органы дознания, выполняя необходимый минимум следственных действий, не заботятся об их качестве, потому что не несут ответственности за конечный результат расследования по делам, направляемым следователем в суд [14, с. 105].

По мнению Т. В. Катковой, наиболее эффективным является дознание как самостоятельная форма расследования по делам о преступлениях, которые не являются тяжкими, а также по делам о тяжких, однако очевидных преступлениях, по которым обвиняемый признает свою вину и не возражает против окончания дела в форме дознания [15, с. 133].

Мы поддерживаем точку зрения о том, что дознание должно существовать в виде начальной формы расследования по возбужденным уголовным делом с последующим направлением дела следователю для производства предварительного следствия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Украины (в редакции по состоянию на 12.07.2001 г., а также с изменениями по состоянию законодательства на 10.07.2011 г.). – Донецк: ООО «Компания «Мегаинвест», 2016.- 203 с.
2. Савицкий В.М. Очерк теории прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве: учеб. пособие. – М.: Юрид.лит, 1995. – 188 с.
3. Коврига З.Ф. Дознание в органах милиции учеб. пособие. – Воронеж, 1991. – 75 с.
4. Иванов В.А. Дознание в советском уголовном процессе: учеб. пособие. –Л., 1966. – 99 с.
5. Зеленецький В.С. Поняття дізнання і його види // Вісник Академії правових наук України. – Харків, Право, 1997. – №4 (11). – С. 106-115.
6. Чистякова В.С. Органы предварительного расследования преступлений и разграничение компетенции между ними: автореф.дис...канд.юрид.наук.- М., 2004. – 18 с.
7. Руководство по расследованию преступлений: науч-практ. пособие. – Х.: Консум, 2001. –67 с.
8. Крылов И.Ф., Бастрыкин А.И. Розыск, дознание, следствие: учеб. пособие. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1994. – 134 с.
9. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: учебник – Т. 2. – М.: Наука, 1980. – 514 с.
10. Науково-практичний коментар КПК України /А.Я.Дубинський, М.М.Михеєнко, В.П.Шибіко. – К:Інтер., 1997. – 810 с.
11. Вапнярчук В.В. Процесуальне становище особи, яка провадить дізнання: автореф.дис...канд.юрид.наук. – Х., 2000. – 19 с.
12. Юрченко Л.В. Уголовно-процессуальная деятельность органов дознания: учебно-практ. пособие.– Симферополь: Доля, 2001. – 137 с.
13. Заболотний В.І. Строки дізнання: проблеми обчислення та дотримання // Вісник Луганського інституту внутрішніх справ. – 2000. – № 2. – С. 114-120.
14. Чорний В.Я. Дізнання як одна з форм досудового розслідування // Вісник Запорізького юридичного інституту МВС України. – 1997. – № 1. – С. 104-111.
15. Каткова Т.В. Проблеми реалізації слідчим принципу безпосередності дослідження доказів кримінальних справ, отриманих від органів дізнання // Зб. праць: Актуальні проблеми сучасної науки в дослідженнях молодих вчених. – Вип. 3 – 4 . – Харків, 2007. – С. 133-138.

ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО II-ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Резюме. В статье рассмотрены вопросы, связанные формированием и организацией деятельности полиции в Российской империи во II-половине XIX века, с выяснением природы, сущности и проблем, которые стояли в указанный период перед российским обществом и государством.

Ключевые слова: реформа полиции, организация деятельности.

В середине XIX века в России была предпринята одна из наиболее последовательных попыток модернизации всего уклада жизни в стране. Крупнейшим поворотом стала крестьянская реформа 1861 г. Положительное значение отмены крепостного права для развития страны бесспорно, но вместе с тем падение крепостного строя вызвало к жизни и ряд негативных процессов. Ломка традиционных структур аграрного общества спровоцировала устойчивую тенденцию роста криминальной напряженности в стране. Это было связано с ослаблением государственного (в лице помещика) и корпоративного (община) контроля над личностью, повышением социальной мобильности общества, изменением ценностных ориентации, ослаблением института семьи (как результат рост преступности среди молодежи и женщин) и неподготовленностью правоохранительных органов к работе в изменившихся условиях. Интенсивное развитие капитализма в России в конце XIX в. после отмены крепостного права сопровождалось обострением социальных противоречий в городе и деревне. Углубление буржуазных отношений, первоначальное накопление капитала, обнищание массы людей, безработица и жесткая эксплуатация обостряли криминогенную обстановку в стране. Во второй половине XIX – начале XX вв. в России отмечалось значительное увеличение числа уголовных преступлений. Это привело к тому, что темпы роста преступности начали превышать прирост населения в два раза.

Поэтому с начала 60-х гг. XIX в. правительством предпринимались попытки проведения реформы полиции, суть которой заключалась в рационализации деятельности полицейских органов.

25 декабря 1862 г. были изданы «Временные правила об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых», которые, сохранив в губернских и крупных городах структурную самостоятельность полицейских учреждений, объединили в одном составе земскую и городскую полицию небольших городов. На основании «Временных правил...» городнические правления присоединялись к земским судам, звания городничих и полицмейстеров упразднялись, их обязанности возлагались на уездных исправников (бывшие земские исправники), а вновь объединенные органы городской и сельской полиции стали называться уездным полицейским управлением. Главы уездной полиции отныне стали назначаться правительством, а не избираться местным дворянством, и подчинялись начальнику губернии и губернскому правлению. Губернская администрация наделялась правом давать полицейским управлениям, уездным исправникам и полицмейстерам (должности последних сохранились в крупных городах) указы, распоряжения и предписания, а в особых случаях непосредственно обращаться к отдельным становым приставам [1, с. 59–89].

Упущения в деятельности III отделения (его противодействие политическому террору в лице «Народной воли» оказалось несостоятельным) предопределили серьезные изменения центрального аппарата министерства внутренних дел. Император Александр II, обеспокоенный безопасностью собственной персоны и порядком управления государством, 12 февраля 1880 года утверждает в Санкт-Петербурге

Верховную Распорядительную Комиссию по охранению государственного порядка и общественного спокойствия [2, с. 43–46]. Орган этот задумывался в качестве чрезвычайно-административного, поскольку ему поручались и контроль, и непосредственное ведение всех уголовных дел по государственным преступлениям, находящимся в производстве по всей Империи, а также принятие мер обеспечения государственной безопасности, обязательных к исполнению всеми губернаторами и ведомствами. Главный Начальник Комиссии подчинялся непосредственно императору.

За время своей работы комиссии удалось убедить царя в возможности возвращения к прежнему порядку управления, но с одной особенностью: функции и компетенция министерства внутренних дел должны были быть существенно расширены. В августе 1880 года дела III отделения передаются образованному в составе МВД Департаменту Государственной Полиции (в 1883 году переименован в Департамент полиции), а само отделение упраздняется. Одновременно на министра возлагается заведование Корпусом Жандармов, а Верховная комиссия закрывается.

Реформа 1880 года превратила МВД в главенствующее звено госаппарата, в роли которого оно пребывало практически до падения самодержавия. Министр внутренних дел превратился в ключевую правительственную фигуру с уникальной компетенцией (помимо управления большей частью экономики первенство министра подтверждалось сосредоточением в его руках значительной власти). Лидерство министра нашло юридическое закрепление в сложившейся позже практике наделения его по совместительству полномочиями Председателя Совета Министров.

Принятое после убийства Александра II Положение «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» позволяло ему в случае необходимости объявлять территории Империи состоящими в положении «усиленной охраны» (до 1 года), а с согласия комитета министров – в положении «чрезвычайной охраны» (до 6 месяцев) [3].

В условиях «усиленной охраны» губернатору разрешалось поручать ведение «внутреннего наблюдения» владельцам недвижимого имущества; запрещать массовые собрания, закрывать предприятия и заведения, высылать неблагонадежных частных лиц, передавать уголовные дела на рассмотрение военных судов. При введении положения «чрезвычайной охраны» к указанным мерам добавлялись: право непосредственного (минуя военное командование) отдания приказов воинским частям, создания внештатных военно-полицейских команд, наложения ареста на движимое и секвестра на недвижимое имущество и доходы от них; тюремного заключения на срок до 3 месяцев, закрытия учебных заведений и средств массовой информации.

Положение расширяло и полномочия полицейских органов. Местные начальники полиции, а также начальники жандармских управлений и их помощники могли производить предварительное задержание подозрительных лиц на срок до 14 дней, производить в любое время обыски во всех без исключения помещениях, накладывать аресты на всякого рода имущество [1, с. 59–89].

Вследствие огромной нагрузки министра по руководству подчиненными учреждениями функции управления полицией безопасности исполнял его заместитель – «товарищ министра, заведующий полицией и командир отдельного корпуса жандармов». Он осуществлял непосредственное руководство Департаментом полиции.

Включавший Директора, Вице-Директоров, чиновников для особых поручений, секретаря, делопроизводителей, старших и младших их помощников, казначея с помощником, начальника архива, Департамент, в соответствии со Сводом Законов Российской Империи, решал задачи борьбы с преступностью и поддержания правопорядка, обеспечения приграничных сообщений, демаркации государственной границы, заботы о сиротах, надзора за правилами торговли, регистрации организаций и обществ, контроля за соблюдением паспортного режима, законодательства о евреях и т.п.

Организационно Департамент Полиции состоял из семи делопроизводств, двух отделов и агентурной части. Распорядительное делопроизводство вело кадровую работу. Законодательное – ведало строительством полицейских органов по всей территории страны, предупреждением антиобщественного поведения обывателей (пьянства, нищенства, «разврата»). Третье – занималось негласным сбором информации о гражданах, желающих поступить на государственную службу, а также о ведущих активную общественную деятельность. Кроме того, на него возлагался контроль за розыском преступников. Четвертое – контролировало проведение дознаний по делам о государственных преступлениях. Пятое – наблюдало за исполнением решений, принятых в отношении государственных преступников. Шестое – наблюдало за производством и хранением взрывчатых веществ, контролировало соблюдение законов о винной монополии и евреях, регулировало отношения между предпринимателями и рабочими. Седьмое делопроизводство руководило деятельностью сыскных отделений.

Особый отдел (организован в 1898 году) обобщал результаты перлюстрации писем, а также вел агентурную работу за пределами Империи. С образованием в России политических партий его подразделяют на два самостоятельных подразделения: первый отдел (сбор сведений о деятельности партий) и второй отдел (сбор сведений, касающихся общественных организаций) [4, с. 41].

Местные полицейские органы во второй половине XIX века также реформируются. В декабре 1862 года уездная и городская полиция объединяются в одну структуру – уездное полицейское управление («Временные правила об устройстве полиции»). Глава полиции – уездный исправник – теперь назначался министром, а не избирался, как ранее.

Уезды подразделялись на станы, возглавляемые становыми приставами. Города контролировались городскими и участковыми приставами, а также полицейскими надзирателями. Институт сотских и десятских преобразования не затронули. Однако объединение не коснулось столиц и крупных городов, в которых городская полиция сохранялась.

Полицейские учреждения облагались двойным контролем: «по вертикали» – со стороны Департамента полиции и «по горизонтали» – со стороны губернатора и губернского правления, поскольку уездный исправник рассматривался как официальный представитель губернской власти (отсюда помимо борьбы с преступностью на него возлагалось выполнение множества административных функций).

Непосредственная ответственность за состояние общественной безопасности возлагалась на станового пристава. Он проводил дознание по уголовным преступлениям, собирал сведения о проживающих на подконтрольной территории, обеспечивал безопасное прохождение по стану войск, арестантов.

В 1878 году приставы получили помощников в лице урядников. На этих полицейских чиновников и легла основная тяжесть производства дознаний по уголовным делам и многие, многие другие обязанности: наблюдение за поведением обывателей во время церковных служб, пресечение антиправительственных действий и слухов, контроль за ношением оружия, исполнением правил питейной торговли (продажа спиртного с 7 утра и до 22 (в селах) – 23 часов вечера (в городах) в будние дни, в праздничные и воскресные – по окончании литургии; в местах реализации спиртного не допускались музыка, азартные игры (даже шашки); интересно, что категорически запрещалась продажа спиртного в долг, а также до окончания волостных и сельских сходов) и пр. В распоряжении урядников находились сотские и десятские.

Законченное урядниками дознание начальник уездной полиции передавал судебному следователю с сообщением об этом прокурору. Основной формой работы урядников являлось патрулирование (объезд) обслуживаемой территории, уделялось особое внимание

наиболее посещаемым (базары, площади и пр.) и «глухим» местам. Не менее сложной задачей являлся негласный надзор за «официальными» и «неофициальными» (ведущими подозрительный образ жизни, еще не пресеченный компетентными органами) подопечными. Проживающие на территории вверенного им участка урядники отлучались с него только с разрешения непосредственного начальника [3].

Учитывая постоянно возрастающий объем работы, выполняемой данным институтом, в уездную полицию вводится дополнительная категория нижних чинов – стражники. Организационно объединенные со своим непосредственным начальством – урядниками, они составляли полицейскую стражу (1903 г.). Должность урядника вводилась в каждой волости, а общее количество стражников определялось из расчета не более одного на 2,5 тысячи жителей.

Стражники отбирались из русских подданных, старше 25 лет, «здорового телосложения», грамотных и имеющих «общее достаточное развитие». Преимущества при назначении предоставлялись отставным или запасным нижним воинским чинам. На вооружении у стражи находились револьверы и холодное оружие (урядники) и шашки (стражники; хотя они имели право ношения огнестрельного оружия, но приобретенного за свой счет). Общее руководство стражей осуществлялось по цепочке: становой пристав – уездный исправник – губернатор – Директор Департамента полиции – министр.

Городская полиция (сохраняющаяся в соответствии с «Временными правилами» 1862 г.) практически не менялась ни организационно, ни функционально. Высшим полицейским чиновником города был градоначальник, являвшийся одновременно и главным администратором.

В столичных городах действовал обер-полицмейстер, руководивший частными приставами (город делился на участки). Низовой полицейской структурой являлся околоток, возглавляемый надзирателями, которым приходилось исполнять широкий спектр обязанностей: непосредственное представление органов власти и полиции перед обывателями, надзор за соблюдением общественного порядка и пресечение нарушений, проведение дознаний по уголовным делам с принятием самостоятельного решения о его производстве. Но их розыскной инструментарий ограничивался негласным сбором информации. Выемки, осмотры, обыски и т.п. производились только с санкции участкового пристава. Околоточные самостоятельно производили задержание преступников, пойманных с поличным, обывателей, не имеющих удостоверяющих личность документов, постоянного места жительства, а также нарушителей общественного порядка и лиц, виновность которых подтверждалась потерпевшим или свидетелями, а также совершающих побег из-под стражи или покушающихся на него [3].

Несмотря на проведенные реформы и новые методы работы полиции рост преступности продолжался. Наиболее стремительно рост преступности проходил в городах, где социально-экономические противоречия, имевшие наиболее яркое проявление, усугублялись большим скоплением маргинализированного населения, разнородного по своему социальному составу и кругу занятий. По сравнению с 50-ми гг. XIX в. уровень преступности в 1911–1913 гг. вырос в 3,4 раза. При этом названный рост может быть дифференцирован как по социальным группам, так и по территориальному признаку. Как показывают последние исследования, в 1897г. уровень криминогенности рабочих был в 19 раз выше, чем крестьян-хлебопашцев, живших в общине. Криминогенность столиц (отношение доли зафиксированных преступлений к доле проживающего там населения) в 1874 г. составляла 3,9 %, прочих городов – 2,9 %, деревни – 0,7 % [5, с. 18–26].

Наружная полиция, не имевшая подразделений, специально занимавшихся розыском уголовных преступников, была не в состоянии сдержать все возрастающую преступность. При этом подчас объектами преступников становились не только

рядовые граждане, но и высокопоставленные чиновники. Известен случай, когда жертвой кражи стал даже министр внутренних дел А. Е. Тимашев [6, с. 39]. Царское правительство в этот период было больше обеспокоено подъемом общественно-политического и революционного движения и все внимание сосредоточило на усилении политической полиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сичинский Е.П. Уголовный сыск России в X – начале XX вв.: Учебное пособие. Челябинск, 2002. – 140 с.
2. Лядов А.О. Организация и деятельность уголовного сыска в дореволюционной России // История государства и права. 1999. – №1. С. 43-46.
3. Мулукаев Р., Полубинский В. Сказ о сыске // Советская милиция. 1990. – № 1-12
4. Шаламов А.Ю. Развитие организационной структуры сыска полиции Российской империи (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2001. – № 4. С. 41.
5. Демин В.А., Иванов В.Е., Лучинин А.В., Ляушин В.П. Очерки истории органов внутренних дел Российского государства: – Екатеринбург: Издательство Уральского юридического института МВД России, 2001. – 48 с.
6. Миронов Б.Н. Преступность в России в XIX-начале XX века / Отечественная история. 1998 . – № 1. С.39.

УДК 342.518

Миронова А.С.
Научный руководитель: Краснонос Е.Ю., к.ю.н., доцент

ПРОБЛЕМА ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ СМЕРТНОЙ КАЗНИ НА ТЕРРИТОРИИ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Резюме. В данном исследовании проанализированы основные проблемы исполнения наказания в виде смертной казни на территории ДНР. Данный вопрос является актуальным на данном этапе развития республики, в связи с тем, что наказание есть как таковое, а способа приведения в действие – нет.

Ключевые слова: смертная казнь, наказание, республика, приведение в действие.

На протяжении всей истории человечества справедливость и соизмеримость наказания являлась и остается одним из наиболее острых и дискуссионных вопросов в обществе. Особое место в системе наказаний занимает смертная казнь, споры вокруг целесообразности, которой в юридическом сообществе не утихают и в двадцать первом веке. В Донецкой Народной Республике, находящейся на сложном этапе становления государственности, смертная казнь предусмотрена в качестве исключительной меры наказания в Уголовном кодексе и призвана служить острым орудием борьбы с особо тяжкими и резонансными преступлениями против жизни, здоровья и половой свободы личности, а также способна выполнять превентивную функцию в обществе.

Смертная казнь на территории Донецкой Народной Республики была имплементирована с принятием Уголовного Кодекса Донецкой Народной Республики от 17.08.2014, став новеллой отечественного уголовного законодательства. В соответствии со ст. 58 УК ДНР [1] смертная казнь является исключительной мерой наказания и может быть установлена только за особо тяжкие преступления, посягающие на жизнь, а также за отдельные преступления, совершённые в военное время или в боевой обстановке.

Указанная статья УК ДНР предусматривает и исключение для определенных категорий граждан. Так, смертная казнь в Донецкой Народной Республике не

назначается: женщинам; лицам, совершившим преступления в возрасте до восемнадцати лет; мужчинам, достигшим к моменту вынесения судом приговора шестидесятипятилетнего возраста; лицу, если оно выдано иностранным государством для уголовного преследования в соответствии с международным договором Донецкой Народной Республики или на основе принципа взаимности, если в соответствии с законодательством иностранного государства, выдавшего лицо, смертная казнь за совершённое этим лицом преступление не предусмотрена или неприменение смертной казни является условием выдачи либо смертная казнь не может быть ему назначена по иным основаниям.

В то же время, данный вид наказания может быть заменен на пожизненное лишение свободы или лишение свободы сроком в 25 лет.

В настоящее время в Донецкой Народной Республики отсутствует правовой механизм приведения смертной казни в исполнение, что делает невозможным ее применение на практике. Своего рода попыткой восполнить пробел в отечественном законодательстве стало Постановление Пленума Верховного Суда ДНР от 04 сентября 2015 года «О практике назначения судами уголовного наказания» [2].

Так, в соответствии с указанным Постановлением смертная казнь как исключительная мера наказания может применяться за совершение особо тяжкого преступления в случаях, прямо предусмотренных санкциями статей Особенной части Уголовного кодекса, и лишь тогда, когда необходимость её назначения высокой степенью общественной опасности содеянного, и, наряду с этим, крайне отрицательными данными, характеризующими виновного как лицо, представляющее исключительную опасность для общества.

При назначении виновному смертной казни в приговоре в силу ст. 59 УК ДНР «Общие начала назначения наказания» должны быть указаны обстоятельства, послужившие основанием к назначению смертной казни, а также мотивы назначения этого наказания и невозможности применения альтернативного наказания.

Введение военного положения на территории Донецкой Народной Республики обуславливает возможность наказания в виде смертной казни по ряду преступлений, указанных в Особенной части УК ДНР, за которые в мирное время смертная казнь назначаться не может. К таким преступлениям, например, относятся: государственная измена, шпионаж, насильственный захват власти и другие. При этом стоит учитывать, что военное положение на нашей территории было введено с 00-00 часов 26.05.2014 и действует до его отмены соответствующим решением Совета Безопасности ДНР в соответствии с Постановлением Совета Министров Донецкой Народной Республики № 6-5 от 25.05.2014 «О введении на территории Донецкой Народной Республики военного положения» [3].

Если же лицо совершило действия, свидетельствующие о приготовлении к преступлению, либо покушалось на совершение преступления, за которое соответствующими статьями Особенной части УК ДНР предусматривается возможность применения смертной казни, суд в силу ч. 4 ст. 65 УК ДНР, которая гласит: «смертная казнь и пожизненное лишение свободы за приготовление к преступлению и покушение на преступление не назначается», не применяет смертную казнь и назначает наказание, предусмотренное санкцией статьи, с учётом положений ч. 2 и ч. 3 ст. 65 УК ДНР.

Важной характеристикой рассматриваемого наказания служит то, что по смыслу уголовного закона на лиц, осуждённых к смертной казни, не распространяются акты амнистии.

В мирное время, как отмечается в Постановлении Верховного Суда ДНР, данный вид наказания также будет применяться за отдельные виды особо тяжких преступлений, например: убийство, изнасилование и другие.

Вместе с тем, изложенная в Постановлении Пленума Верховного Суда ДНР правовая позиция не восполнила пробел в правовом регулировании и не решила проблему отсутствия правовой основы для процедуры исполнения смертной казни в Республике, что, в свою очередь, отрицательно сказывается на эффективности отечественного уголовного законодательства.

Так, в 2015 году на территории нашего государства судами Республики вынесено два приговора, по которым осуждённые приговорены к смертной казни, однако фактически данные судебные решения не могут быть исполнены. В связи с тем, что Донецкая Народная Республика является молодым государством и находится на этапе становления и не имеет своего законодательства в сфере исполнения наказания, правоприменитель вынужден использовать Уголовно-исполнительный кодекс Украины от 11.07.2003, который, ввиду отмены смертной казни в данном государстве, не содержит процедуры приведения ее в действие. Исходя из изложенного, необходимым является нормативно урегулировать механизм исполнения смертной казни в Донецкой Народной Республике.

В мировой практике существует достаточное количество разнообразных способов исполнения смертной казни, однако наиболее распространенными в наше время являются:

- электрический стул;
- введение смертельных инъекций;
- расстрел.

По нашему мнению, наиболее рациональным видом исполнения приговора смертной казни является расстрел, исходя из следующих соображений:

1. Расстрел является более гуманным способом казни, чем иные, поскольку при применении расстрела смерть лица в большинстве случаев наступает практически мгновенно, что минимизирует физические страдания осужденного.

2. Расстрел отличается надежностью, ведь, как правило, он допускает минимальный риск осечки и (или) ошибки, а также приводит к мгновенной смерти, не требуя повторных попыток, что положительно отличает данный способ наказания от введения смертельной инъекции и электрического стула, неудачные случаи, применения которых известны мировой практике.

3. Применение расстрела требует минимальных расходов государственного бюджета, поскольку является менее затратным, нежели другие виды наказания, что приобретает особое значение в условиях бюджетной зависимости Донецкой Народной Республики от внешних финансовых вливаний и нестабильной экономической обстановки.

Особое значение при исследовании вопроса применения смертной казни в Республике приобретает правовое положение приговоренного к смертной казни, поскольку такое лицо должно обладать особым кругом прав. Обобщая нормы законодательства зарубежных государств, посвященные статусу приговоренных к смертной казни и заслуживающие внимание законодателя, считаем целесообразным предложить следующий порядок исполнения смертной казни в Донецкой Народной Республике.

Так, приговоренные к смертной казни должны содержаться под усиленной охраной в отдельных камерах, выполнять обязанности и иметь права, установленные для лиц, содержащихся в местах исполнения меры пресечения в виде заключения под стражу:

- право в установленном законом порядке обратиться с ходатайством о помиловании после вступления приговора суда в законную силу осужденный к смертной казни;

- право иметь свидания с адвокатами и иными лицами, имеющими право на оказание юридической помощи, без ограничения их продолжительности и количества;

- право получать и отправлять письма без ограничений;
- право в предусмотренном законом порядке оформить необходимые гражданско-правовые и брачно-семейные отношения;
- право иметь свидания со священнослужителем;
- право получать необходимую медицинскую помощь;
- право иметь два краткосрочных свидания с близкими родственниками в месяц;
- право пользоваться ежедневно прогулкой продолжительностью 40 минут;
- право получать одну посылку или передачу один раз в два месяца в порядке, устанавливаемом администрацией учреждения;
- право ежемесячно расходовать на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости денежные средства в размере, установленном для осужденных, содержащихся в тюрьме на строгом режиме.

Процедура исполнения смертной казни имеет особый характер, в связи с чем должна предусматривать специальный круг субъектов, участвующих в процессе приведения смертной казни в действие.

В частности, в каждом пенитенциарном учреждении, в котором содержатся лица, приговоренные к смертной казни, должна быть создана комиссия по приведению приговора смертной казни в действие.

В состав такой комиссии целесообразно включить:

- председателя комиссии;
- лиц, непосредственно приводящих приговор в исполнение;
- прокурора;
- врача.

Председателем данной комиссии должен быть начальник учреждения исполнения наказаний, который определяет график работы данной комиссии, организует ее работу и присутствует при исполнении данного вида наказания. Также в нее должны входить непосредственные работники учреждения исполнения наказаний, которые будут приводить приговор в действие.

В процедуре исполнения смертной казни должны принимать участие два работника пенитенциарного учреждения, которых назначил председатель комиссии. Один непосредственно приводит приговор в действие, а другой помогает ему в экстренном случае. Одно и то же лицо не может назначаться более двух раз подряд в течение 1 месяца для исполнения данного вида наказания.

Члены комиссии должны соответствовать ряду критериев:

- прохождение воинской службы;
- возраст от 30 до 50 лет;
- устойчивая психика, что следует устанавливать путем специального психологического тестирования кандидата;
- прохождение медицинского обследования;
- прохождение специальной стрелковой подготовки;
- стаж работы в правоохранительных органах не менее пяти лет.

Члены комиссии должны подлежать систематическому обследованию у психотерапевта с целью контроля их психоэмоционального состояния, профилактики нервных срывов, эмоционального перенапряжения и иных отклонений вследствие профессиональной деформации.

Уместным считаем, чтобы работа комиссии по приведению смертной казни в действие строилась на началах ротации, что позволит снизить психоэмоциональное напряжение ее членов.

Важным также является установление определенных трудовых, социальных, материальных гарантий службы для членов комиссии по приведению смертной казни в исполнение, среди которых могут быть, к примеру, ежегодный отпуск увеличенной

продолжительности, льготный порядок исчисления специального стажа (по формуле «год за полтора»), установление надбавок и доплат к заработной плате и пенсионных выплатам, а также иные преимущества.

В состав комиссии также должен входить прокурор, назначаемый Главой Донецкой Народной Республики для каждого отдельного случая исполнения данного вида наказания. В его компетенцию будет входить осуществление надзора за правомерностью исполнения данного вида наказания и соблюдением процедуры.

В ходе приведения смертной казни в исполнение обязательным является присутствие врача, количество врачей входящих в состав комиссии должно быть четным (например, 2), который констатирует факт и время смерти осужденного. На приведении приговора в действие должен присутствовать один врач, назначаемый главой комиссии.

Состав комиссии по исполнению смертной казни, персональные данные ее членов подлежат хранению в тайне под грифом «совершенно секретно» в Государственной службе исполнения наказаний Министерства юстиции ДНР, в том числе после смерти данных лиц, дабы после приведения приговора в действие уберечь членов комиссии и их близких родственников от неправомерных действий членов семьи казнённого или других лиц, а также от риска публичного осуждения.

Смертную казнь в Донецкой Народной Республике целесообразно исполнять непублично путем расстрела. Исполнение смертной казни в отношении нескольких осужденных должно производиться отдельно относительно каждого и в отсутствие других осужденных к смертной казни.

Осужденного после вынесения приговора помещают в пенитенциарное учреждение, где он находится до помилования либо до приведения смертной казни в действие.

Если же Глава Республики отказал осужденному в помиловании, то приговор смертной казни должен быть приведен в действие срок не позднее 72 часов после вынесения распоряжения об отказе в помиловании.

Первым об отказе в помиловании узнает председатель комиссии по приведению приговора смертной казни в действия, то есть руководитель пенитенциарного учреждения, где содержится заключённый. Начальник обязан собрать лиц (участников комиссии), которые будут приводить данный приговор в действие, которых он назначает самостоятельно по принципу ротации, назначает дату и время приведения в действие приговора, что оформляется протоколом заседания комиссии по приведению приговора смертной казни в действие.

Далее в определенную комиссией дату и время осужденного приводят в специально отведенное место на территории пенитенциарного учреждения для ознакомления с распоряжением Главы ДНР об отказе в помиловании, заранее не сообщая ему об этом, чтобы приговоренный не причинил себе и (или) другим лицам вред. Перед ознакомлением с данным документом прокурор уточняет анкетные данные осужденного.

Осужденный в обязательном порядке должен иметь право на последнее слово, воспользоваться которым перед исполнением приговора обязан предложить председатель комиссии.

Затем осужденный поворачивается лицом к стене, а исполнители казни принимают исходную позицию для стрельбы и готовят оружие. Выстрел должен быть осуществлен в область затылка, что повышает вероятность мгновенной смерти без мучений.

Врач обязан засвидетельствовать факт, время и дату смерти.

Об исполнении приговора суда составляется протокол, который подписывается всеми лицами участвующими в данной процедуре и хранится под грифом «совершенно секретно» без ограничения срока.

Изложенные обстоятельства дают нам основания полагать, что данный вид наказания востребован на территории нашего государства и не раз показывал свою эффективность в других зарубежных странах. Смертная казнь на территории Донецкой Народной Республики является необходимой на данном этапе развития, в связи с введением военного положения. В настоящее время в Донецкой Народной Республике отсутствует правовой механизм приведения смертной казни в исполнение, что делает невозможным ее применение на практике. Предлагается создать специальную комиссию по приведению приговора смертной казни в действия, в ее состав будут входить: председатель комиссии, лицо приводящее приговор в действие; прокурор, врач.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики (от 19.08.2014 по состоянию на 23.09.2014): [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dnr-online.ru/ugolovnyj-kodeks-dnr/> (Дата обращения: 10.11.2016).
2. Постановление № 1 Пленума Верховного Суда Донецкой Народной Республики от 04. 09. 2015 г. О практике назначения судами уголовного наказания / Официальный сайт Верховного Суда Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://supcourt-dnr.su/pplenum>. – (Дата обращения: 15.11.2016).
3. Постановление Совета Министров ДНР № 6-5 от 25.05.2014 г. «О введении на территории Донецкой Народной Республики военного положения»: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dnr-online.ru/postanovleniya/> – (Дата обращения: 16.11.2016).

УДК 343.123.1:343.132

Москаленко Т.А.

Научный руководитель: Манивлец Э.Е., к.ю.н., доцент

РОЛЬ НАЧАЛЬНИКА СЛЕДСТВЕННОГО ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ И НАЧАЛЬНИКА ОВД В ОРГАНИЗАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Резюме. В статье рассмотрена и определена роль начальника следственного подразделения и начальника ОВД в организации взаимодействия. Рассмотрены, требования, которые предъявляются к руководящим кадрам ОВД.

Ключевые слова: взаимодействие, управление, функции руководителя, организаторские умения.

Как известно, основными видами работы правоохранительных органов по противодействию криминальной активности являются следственная и оперативно-розыскная. В связи с этим, усиление эффективности борьбы с преступностью – это сегодня не только правильный подбор кадров правоохранительной системы, их обучение и воспитание, повышение технической оснащенности и мобильности подразделений, но и улучшение взаимодействия между ними.

Организация оптимального взаимодействия государственных органов и должностных лиц, осуществляющих борьбу с преступностью, является одной из их насущных задач практической деятельности, т.к. совместные согласованные действия способствуют раскрытию опасных преступлений.

На практике, к сожалению, имеют место случаи слабой координации деятельности либо полного отсутствия такой координации: иногда подразделения, действуя вразнобой, создают друг другу дополнительные препятствия, в результате чего часть преступлений остаются нераскрытыми, а лица, совершившие их, – безнаказанными. По этой причине, вопросы взаимодействия различных подразделений и служб по борьбе с преступностью регулярно обсуждаются на межведомственных совещаниях, при этом изучается и внедряется положительный опыт.

Вне зависимости от специфики работы, выполняемой той или иной группой людей, важнейшей проблемой, прямо влияющей на эффективность этой деятельности, является обеспечение координации и взаимодействия между членами такой группы. В связи с этим, правильно организованная совместная деятельность, оптимальное распределение обязанностей между должностными лицами, целью которых является достижение общего результата, т.е. своевременного раскрытия и расследования совершенного преступления, позволяет достичь его быстрее и с меньшими затратами. В ходе проведения предварительного следствия по уголовным делам взаимодействуют и координируют свои действия должностные лица, осуществляющие предварительное расследование, и соответствующие органы дознания, при этом их рабочие взаимоотношения можно рассматривать как координацию действий и как взаимодействие при достижении одной общей цели.

Координация действий – это согласованная по времени, месту и конкретным действиям работа различных правоохранительных органов (их структурных подразделений и отдельных должностных лиц) по выполнению задач борьбы с преступностью.

Взаимодействие – это профессиональные отношения следователей и органов дознания (оперативно-розыскных подразделений), возникающие в ходе раскрытия преступления или расследования уголовного дела, регулируемые уголовно-процессуальным или другим законодательством, а также ведомственными нормативными актами.

Взаимодействие должно основываться на строгом соблюдении закона. Поэтому одним из основных принципов такого взаимодействия является соблюдение законности при выполнении своих функций. Другим важнейшим принципом, лежащим в основе взаимодействия, является организующая роль следователя. По расследуемым делам органы дознания обязаны выполнять его поручения и указания о производстве розыскных и следственных действий, а также содействовать следователю при производстве следственных действий.

Раскрытие преступления – это сложный и многогранный процесс, в котором задействованы многие государственные структуры, занимающиеся правоохранительной деятельностью. В этой деятельности достаточно редко имеют место случаи, когда раскрыть преступление, установить и задержать лицо, совершившее преступление, можно исключительно путем проведения следственных действий. Как правило, получение дежурной частью органа внутренних дел заявления или сообщения о совершенном или готовящемся преступлении предполагает работу по установлению виновного и выяснению обстоятельств совершения преступления не только со стороны следователя, независимо от его ведомственной принадлежности, но и служб уголовного розыска, органов по борьбе с экономической или организованной преступностью либо иных оперативных подразделений.

Важная и ответственная роль в управлении принадлежит руководящим кадрам. Поэтому к ним предъявляются повышенные требования. Прежде всего, каждый руководитель должен в полном объеме отвечать общим требованиям, присущим всем сотрудникам органов внутренних дел. Однако для руководителя этого явно недостаточно. Для того чтобы успешно справляться со своими функциональными обязанностями, он должен обладать дополнительными знаниями (то есть усвоенным комплексом сведений, необходимым и достаточным для эффективного руководства органом либо подразделением), навыками (то есть заученными в итоге многократного повторения и на этой основе легко выполнимыми действиями) и умениями организаторской деятельности.

Умение, по сравнению со знаниями и навыками, является более сложным психологическим фактором. Оно представляет собой способность выполнять функции

руководителя на основе ранее приобретенных знаний и навыков. Умение, объединяя знания с действиями по их реализации, выражается в правильном использовании знаний для решения практических задач [1, с. 2–9].

Особые умения руководителя органа внутренних дел (подразделения, службы) образуют существенную часть его деятельности, в том числе и по обеспечению взаимодействия своих подчиненных. Их можно разделить на 3 группы:

1. Организаторские умения, необходимые для реализации управленческих функций руководителя;
2. Командные умения, необходимые для эффективного руководства личным составом при выполнении функций охраны общественного порядка и борьбы с преступностью;
3. Педагогические умения, необходимые для реализации воспитательных функций [2, с. 26–31].

Организаторские умения связаны с реализацией управленческого цикла (перспективного и текущего планирования, сбора, обработки и анализа управленческой информации, принятия управленческих решений, организации исполнения принятых решений, оценки оперативной обстановки, обеспечения обратной связи, мобилизации личного состава на выполнение поставленных задач, правильного применения мер поощрений и наказаний). Важное место среди них принадлежит умениям по реализации основных форм работы руководителей: организовывать и вести служебное совещание, планировать и организовывать свой рабочий день, осуществлять прием посетителей, вести телефонные разговоры и служебную переписку, оптимально сочетать режим труда и отдыха.

Организаторские умения руководителя связаны также с организацией коллективных форм работы: правильное распределение обязанностей между сотрудниками, планирование совместной работы, организация взаимодействия между подразделениями органа внутренних дел, планирование связи с общественными формированиями при организации охраны общественного порядка и борьбы с правонарушениями, умение работать с людьми. Последнее, в свою очередь, включает в себя ряд умений: познавать людей, сплачивать коллектив сотрудников и создавать в нем благоприятный морально-психологический климат, предупреждать и разрешать конфликты, работать с ближайшими помощниками и активом; выработать оптимальный стиль работы в зависимости от ситуации и уровня развития коллективов сотрудников, применять соответствующие методы руководства, управлять общественным мнением.

Очевидно, что этот комплекс умений, помимо опыта и жизненной мудрости, требует обширных знаний в области психологии.

Важными и необходимыми являются умения руководителя по интенсификации служебной деятельности личного состава: рационально и эффективно использовать силы и средства, добиваться максимальных результатов при минимизации трудовых и материальных ресурсов; организовывать творчество и инициативу сотрудников, объективно оценивать кадры, личный вклад каждого сотрудника в общие результаты служебной деятельности органа [3, с. 911].

Наконец, следующий комплекс умений рассматриваемой группы связан с организацией личной работы руководителя. Нацеливая подчиненных на эффективную работу, руководитель, в первую очередь, сам должен проявлять образец организованности и деловитости, собранности, культуры труда. В силу своего должностного положения ему необходимо уметь делать одновременно несколько дел, самокритично оценивать свою работу, постоянно стремиться к ее совершенствованию, ценить время, обладать высокой трудоспособностью, правильно реагировать на критику [4, с. 54–60].

Командные умения руководителя органа внутренних дел характеризуют его как строевого командира, тактика и стратега. Они включают: умение тактически грамотно и эффективно использовать вверенные силы и средства для выполнения поставленных перед органом внутренних дел задач; способность проявлять твердую волю и принимать оптимальные решения в самых критических ситуациях; обладания навыками командования людьми.

Педагогические умения руководителя органа внутренних дел составляют навыки педагогического воздействия, воспитательной работы. Их успешная реализация невозможна без наличия высоких нравственных качеств руководителя, обладание авторитетом. Обладание званием руководителя автоматически лидерства не подразумевает [5, с. 106]. Эти умения базируются на знаниях в области психологии и педагогики, принципов, форм и методов воспитательной работы. Они предполагают наличие у руководителя педагогического такта, коммуникабельности, умения опираться на воспитательную силу коллектива, находить индивидуальный подход к конкретной личности, владеть устной речью, уметь убеждать подчиненных в своей правоте.

Руководители следственных аппаратов и оперативных подразделений ежеквартально анализируют результаты расследования, причины прекращения уголовных дел, возбужденных по оперативным материалам. Совместно определяют меры по устранению недостатков в организации следственной работы и оперативно – розыскной деятельности [6, с. 7].

В управлениях, отделах МВД ведется учет и оценка работы подчиненных подразделений по раскрытию преступлений. Обобщается и поощряется положительный опыт работы, дается оценка имеющимся недостаткам, намечаются мероприятия по их устранению. Начальник следственного отдела осуществляет контроль над своевременностью действий следователей по раскрытию и предупреждению преступлений, принимает меры к наиболее полному, всестороннему и объективному производству предварительного следствия по уголовным делам. Начальник следственного отдела вправе проверять уголовные дела, давать указания следователю о производстве предварительного следствия, о привлечении в качестве обвиняемого, квалификации преступления и объеме обвинения, о направлении дела, о производстве отдельных следственных действий, передавать дело от одного следователя другому, поручать расследование дела нескольким следователям, а также участвовать в производстве предварительного следствия и лично производить предварительное следствие, пользуясь при этом полномочиями следователя.

Указания начальника следственного отдела по уголовному делу даются следователю в письменной форме и обязательны для исполнения.

Грамотная работа начальника ОВД, прокурора, может помочь избежать серьезных ошибок, которые встречаются в практике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдуллаев Ф., Зайцев О. Дознание по УПК РФ // Уголовное право. – М.; Интел-Синтез, 2006. – № 3. – С. 2-9.
2. Арестова Е.Н. Производство органами дознания неотложных следственных действий по уголовным делам, по которым обязательно производство предварительного следствия // Российский следователь. – М.; Юрист, 2003. – № 10. – С. 26-31.
3. Смирнов А.В. Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации /Под ред. А.В.Смирнова. СПб.: Питер, 2003.- 911 с.
4. Гирько С.И. Расследование преступлений в форме дознания в системе МВД России // Юридический консультант: – М.; ЮРМИС, лд, 2003. – № 7- С. 54-60.
5. Бердичевский Ф.Ю. Взаимодействие органов следствия и дознания как организационная система // Советское государство и право. – 1973. – № 12. – С. 106.
6. Невский С.А., Сычев Е.А. Взаимодействие следователей и органов дознания при расследовании преступлений // Российский следователь. – 2003. – № 9. – С. 7.

О МЕХАНИЗМЕ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПОощРЕНИЯ К ГОСУДАРСТВЕННЫМ СЛУЖАЩИМ

Резюме. В статье рассматривается вопрос о механизме применения мер поощрения к государственным служащим. Данный механизм представляет собой систему регламентированных правом стимулирующих средств, организованных в логически определенном порядке и воздействующих на интересы и потребности государственного служащего в целях побуждения его к государственно активному поведению.

Ключевые слова: поощрение, государственные служащие, поощрительный метод, стимулы, карьерный рост (продвижение по службе), механизм применения, аттестация, поощрительные нормы, заслуга.

Государственная служба направлена на достижение общенациональных целей, выступает необходимой составляющей механизма практической реализации государственных задач и функций через специальных субъектов – государственных служащих. Государственными служащими реализуются полномочия государственных органов во всех сферах жизни общества. Им принадлежит важнейшая роль в управлении в социально-экономической и административно-политической сферах, укреплении государственности и реформировании общества на основах демократии и права.

Государственный механизм без персонала представлял бы собой безжизненные структуры, правовые статусы и схемы взаимодействий. В большинстве современных государств этот персонал включает в себя депутатский корпус и служащих представительных органов, органов исполнительной власти, судов, прокуратуры и других органов государства. На службе у государства находятся также солдаты, офицеры армии и других вооруженных формирований. Полномочия государственных органов по реализации стоящих перед государством задач и функций исполняют государственные служащие. Государством должны быть обеспечены стабильность правового и материального положения государственного служащего и прогнозируемость его карьерного и профессионального роста. Каждый государственный служащий должен знать, в каком случае ему полагается следующая должность государственной службы с повышением размера денежного содержания, будет присвоен очередной классный чин, дипломатический ранг, воинское или специальное звание, а также какую льготу или преимущество он получит от государства за свой труд.

Все это играет существенную роль при решении проблемы привлечения в государственный аппарат молодых и квалифицированных специалистов, современных управленцев.

Традиционно в качестве универсальных методов государственного управления выступают убеждение и принуждение. Значение стимулирования вытекает из того соотношения убеждения и принуждения среди методов государственного руководства обществом, которое отдает первенствующую роль убеждению. Конечно, стимулирование, а тем более, материальное поощрение не равнозначно убеждению, но оно ближе к нему, чем к принудительным мерам. Преимущество стимулирующих начал по сравнению с началами ограничивающими заключается в том, что они, как правило, выступают более гибкими и тонкими способами управления. Наличие у государственных служащих определенных властных полномочий предполагает тем самым более значительные, нежели у подавляющего числа их сограждан, возможности оказывать влияние на развитие дел в обществе и, следовательно, требует повышенной ответственности за их состояние.

Изучение стимулирования деятельности государственных служащих как процесса прогрессивного развития общества позитивными средствами берет начало в исследовании методов управления, а в частности, метода убеждения. Рассматривая институт государственной службы, нельзя оставлять без внимания вопрос о стимулировании государственных служащих, так как именно этот термин используется законодателем в различных нормативных правовых актах, содержащих нормы о статусе государственных служащих. Поскольку в предписаниях правовых норм действующего административного законодательства реформированию подвергаются только отдельные преимущества для государственных служащих, носящие социальный характер, назрела объективная необходимость дальнейшего поиска качественно иных подходов к «стимулирующим процессам». В связи с этим, комплексные юридические исследования поощрительных мер административно-правового регулирования деятельности государственных служащих являются весьма актуальными. Пришло время значительных обобщений и выводов относительно административно-правового регулирования стимулирования и поощрения государственных служащих, механизма правового стимулирования, с помощью которых можно оказать благотворное влияние как на развитие центрального института административного права – института государственной службы, так и на правотворческую и правоприменительную практику. Следовательно, комплексные юридические исследования данной группы мер административно-правового регулирования деятельности государственных служащих в настоящее время весьма актуальны.

Институту поощрения государственных служащих в юридической литературе уделяется недостаточно внимания, основной акцент делается на проблеме их ответственности за различные правонарушения. Анализируя действующее законодательство, можно сделать вывод, что регулирование поощрительных мер государственных служащих на сегодняшний день практически отсутствует. Поощрительный метод представляет собой наиболее действенный способ развития всех сфер жизни общества. И, хотя более 30 процентов населения страны живет на грани бедности, трудно говорить о какой-либо социальной защищенности государственных служащих. Однако необходимо помнить, что абсолютное большинство людей, занимаясь определенным видом деятельности, желает общественного признания результатов своей работы. Так как перспектива быть отмеченным, самоутверждает и возвышает авторитет человека в собственных глазах. При использовании поощрительных стимулов в деятельности и отсутствие жесткого контроля, личности предоставляется больше возможности для творческой инициативы и активности [1]. Поощрение государственного служащего выступает особой формой признания его заслуг в службе, добросовестного выполнения им своих должностных обязанностей, а также важное моральное и материальное стимулирование его деятельности.

Добросовестной и эффективной деятельности государственных служащих способствует мотивация. Поощрение направлено на побуждение служащих к положительной деятельности с помощью создания положительной мотивации и создании заинтересованности в достижении положительного результата субъектом государственной службы [2]. Соответственно, поощрение воздействует на мотивационную сферу государственного служащего, создает условия для поступления и укрепления на государственной службе наиболее добросовестных и грамотных граждан, которые способны стать связующим звеном государства с населением, обслуживать и защищать права и законные интересы человека, предотвращать развитие преступности в стране. Поощрение выступает как соответствующая реакция государства на положительное поведение государственного служащего.

Бахрах Д. Н. и Татарян В. Г. отмечают, что государство должно к каждому конкретному случаю найти соответствующие методы, средства и пути решения задач

поощрительного характера. Как отмечают В. М. Манохин и Ю. С. Адушкин поощрение – неотъемлемый элемент оценки труда государственного служащего. Важно, чтобы меры и порядок методов поощрительного воздействия были основаны на твердой правовой основе. К сожалению, в российском законодательстве такая основа еще на этапе формирования [3]. Так, в российском законодательстве нет понятия «поощрение служащего», хотя и существуют попытки ученых-юристов сформулировать и внедрить в юридическую науку данное понятие. К примеру, А. Ф. Ноздрачев понимает под понятием «поощрение» меры морального и материального воздействия, оказанием общественного почета государственным служащим за их добросовестное отношение к службе и достигнутые результаты. По мнению В. И. Шкатула, поощрение – положительная санкция, публичное признание отличий и заслуг государственного служащего в выбранной им сфере деятельности [4].

Поощрение в юридической науке рассматривается как средство обеспечения законности и правопорядка, как форма юридического одобрения заслуженного поведения субъекта, которая влечет за собой применение мер поощрительного характера к государственному служащему.

Нельзя забывать также и о том, что Федеральной программой «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009–2013 годы)» в качестве одной из основных определена задача совершенствования системы материального стимулирования труда с целью повышения профессиональной компетенции, мотивации государственных служащих, повышения престижа государственной службы. Поскольку в российском законодательстве стимулы однозначно определены как исключительные позитивные средства регулирования, то под стимулирующими средствами всегда понимаются конкретные поощрения, льготы, субъективные права и законные интересы [5]. Так, поощрение – важное средство воспитания и стимулирования служебной деятельности государственных гражданских служащих, а также укрепления законности и дисциплины в данной сфере.

Система нормативно-правовых актов, регулирующих поощрение государственных служащих состоит из Конституции Российской Федерации, Федерального закона «О государственной гражданской службе РФ», где закреплены перечень поощрений, порядок применения поощрений к государственным служащим; иных законов и подзаконных актов субъектов Российской Федерации. Общие правила поощрения работников установлены в Трудовом Кодексе РФ, где закреплен перечень поощрений работодателем работников, добросовестно выполняющих свои должностные обязанности (награждение почетной грамотой, ценным подарком, объявление благодарности, занесение в Книгу почета или на Доску почета, выдача денежных премий) [6].

За выдающиеся заслуги перед государством государственные служащие награждаются орденами и медалями, почетными знаками, государственными премиями, единовременным денежным поощрением. Специальными нормативно-правовыми актами предусматриваются иные меры поощрения, а именно: досрочное присвоение очередного воинского (специального) звания, награждение именованным оружием, награждение нагрудным знаком, досрочное снятие ранее наложенного взыскания и др. [7].

За особые заслуги, специально уполномоченными государственными органами применяется такая высшая форма поощрения, как награждение государственными наградами Российской Федерации. За заслуги в содействии в проведении экономической и социальной политики государства, осуществлении мер в обеспечении законности, охране прав и законных интересов граждан страны, укреплению государственной безопасности государственные служащие, которые своим трудом и личным вкладом заслужили широкую известность, награждаются Почетными

граммотами Правительства Российской Федерации. Действующее законодательство предусматривает довольно обширную систему мер поощрительного характера, которая имеет тенденцию к дальнейшему развитию, что является позитивным явлением, так как появляется больше возможностей в выборе поощрения, соответствующего образцовой трудовой деятельности служащего.

Нормативно-правовое регулирование поощрения государственных служащих базируется на следующих принципах: законность, объективность, оперативность, своевременность, поощрение за личные достижения, гласность, стимулирование эффективности работы государственных служащих, повышение престижа деятельности государственного служащего [8].

Кроме того, процедура поощрения может рассматриваться во взаимосвязи с процедурой аттестации. Стимулирующая роль аттестации проявляется в ее положительных правовых последствиях – в признании служащего соответствующим занимаемой должности, возможности его поощрения по результатам аттестации, зачисления в резерв на выдвижение, переводе на вышестоящую должность.

Так, аттестация предусматривается в нормативно – правовых актах по видам государственной службы и проводится периодически, что стимулирует служащего к активным действиям, к постоянному повышению своего профессионального уровня, а не к единичной подготовке к предстоящей аттестации. Как пишет профессор В. М. Манохин, аттестация проводится в целях определения соответствия государственного служащего занимаемой должности, решения вопроса о присвоении ему квалификационного разряда.

Аттестация проводится для определения квалификации, уровня знаний, отзыва о способностях, деловых и иных качеств. В результате проведения аттестации государственного служащего могут повысить в должности, что само по себе является сильнейшим стимулом и часто понимается как его поощрение, хотя это вряд ли правильно, так как для поощрения не нужно согласие служащего, а для выдвижения на новую должность согласие его необходимо. В связи с этим правовые условия продвижения по государственной службе должны быть конкретными (специальными) для каждого вида государственной службы, а также государственного органа. Однако вопрос об установлении порядка и условий проведения аттестации един на всей территории государства и относится к компетенции федеральных органов государственной власти.

Таким образом, мы полностью разделяем точку зрения И. В. Пановой о том, что наиболее оптимальным и разумным основанием поощрения государственного служащего должны быть достигнутые успехи «выше среднего уровня». В частности «безупречное и эффективное исполнение должностных полномочий» о котором говорится в ст. 55 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» не может служить юридическим основанием для поощрения, поскольку за безупречное выполнение должностных полномочий служащий получает денежное содержание. Однако «образцовое», то есть создающее образ идеального выполнения должностных полномочий вполне может служить правовым основанием к поощрению.

Стимулирующие функции поощрений тесным образом связаны с такими юридическими категориями, как компенсации и гарантии, льготы и иные преимущества, предоставляемые по государственной службе. Так, льготы, выступая стимулирующими юридическими средствами наряду с поощрениями, имеют свою собственную природу и их необходимо отличать друг от друга, поскольку они являются несовпадающими категориями. С учетом этой позиции, нельзя согласиться с такими авторами-правоведами, как В. М. Баранов, В. М. Ведяхин, Е. Г. Крылатых, которые относят льготы и привилегии к поощрительным нормам.

Поскольку механизм мер поощрения государственных служащих базируется на применении мер поощрительного характера, данное регулирование направлено на развитие профессиональных качеств государственного служащего, побуждение к активной и инициативной деятельности.

Исследование теоретических и практических вопросов, связанных с административно-правовым регулированием стимулирования и поощрения государственных служащих позволяет высказать ряд замечаний и выводов.

Проблема стимулирования и поощрения государственных служащих в силу специфики их правового статуса постоянно находятся в поле зрения ученых-юристов, а значит, всегда будет являться актуальной. В работах, посвященных этим проблемам, рассматриваются различные их аспекты: начиная с изучения сущности стимулирования и поощрения как средств всеобщего метода убеждения, применяемого в системе государственного управления и заканчивая теоретическим научным обобщением, связанным с раскрытием механизма применения стимулирования и поощрения в различных сферах государственного управления.

Роль мер стимулирования и поощрения в государственной управленческой деятельности весьма многогранна и чрезвычайно важна. Мы полагаем, все рассмотренные подходы к определению стимулирующих мер в отношении государственных служащих имеют право на существование, поскольку многообразие концепций при условии верного определения критерия классификации безусловно играет положительную роль как в сфере научных исследованиях, так и в сфере правоприменительной деятельности.

В процессе осуществления своей профессиональной деятельности государственные служащие должны активно поощряться. Эффективное использование кадрового потенциала государства – приоритетная общенациональная задача. Машина государственного управления должна при всех обстоятельствах работать безупречно. Проводимое реформирование государственной службы должно обеспечить четкую и эффективную деятельность государственного аппарата, предотвратить возможность использования его в групповых интересах. Главное, чтобы предпринимаемые меры и устанавливаемые приоритеты в государственной политике и административно-правовом строительстве отвечали бы публичным интересам, чтобы перемены способствовали повышению благополучия не только государственных служащих, но и благополучия и безопасности общества, чтобы большинство из всего гражданского общества разделяло бы «мировоззрение» правителей и лидеров политико-правовых преобразований. При этом важнейшим условием должна стать реальная практика проведения реформ и результатов преобразований, хотя бы первичные, промежуточные, но очевидно положительные. В таких условиях всякая реформа будет поддержана обществом.

Таким образом, надежность управления людьми в любых организационных структурах определяется точным установлением соотношения мотиваций, баланс между которыми в значительной мере связан с пониманием типа современного человека и в первую очередь, современного чиновника. Мы убеждены в том, что до тех пор, пока государственные служащие не будут считать, что они получают справедливое вознаграждение, они будут стремиться уменьшить интенсивность своего труда. Если ценность полученного вознаграждения низка, то мотивация служебной деятельности будет ослабевать. Следовательно, руководство конкретного государственного органа должно сопоставлять предлагаемое вознаграждение с потребностями служащих, привести их в соответствие и поощрять только за эффективную и образцовую работу; сформулировать высокий, но реалистичный уровень результатов, ожидаемых от подчиненных, и внушать им, что они могут их добиться, если приложат силы. Всякий человеческий поступок оказывает воздействие на окружающую действительность,

влечет разнообразные физические, социальные, психологические последствия. Фактические последствия правомерного поведения субъекта расцениваются им как желательные и полезные. Именно стремление к достижению желаемых и планируемых последствий служит непосредственным стимулом к принятию решения о совершении поступка. Ведь государственные служащие поступают правомерно не из личных соображений, а в силу своих служебных обязанностей. Не следует упускать из виду и то обстоятельство, что честное выполнение своего долга перед обществом и государством входит в профессиональные обязанности служащего, за которые он получает материальное вознаграждение и другие виды обеспечения.

Следовательно, отсутствие сложной, продуманной системы оплаты по труду никогда не создаст условий для мотивации как государственных, так и любых других служащих. Однако, существующая в законе ограниченность экономической и общественной деятельности государственных служащих безусловно должна компенсироваться, причем как в форме материального вознаграждения за труд, так и в форме различных социальных гарантий, размеры которых не должны ни в коей мере сравниваться с размерами заработной платы и социальных гарантий рядовых, экономически и социально свободных граждан. Но, к сожалению, мы видим, что существующая система оплаты труда государственных служащих имеет множество недостатков. Зависящая, в конечном счете, от волевого решения высшего руководства, она не ставит результаты труда государственного служащего в зависимость от общего социально-экономического развития страны (региона), не стимулирует государственного служащего к сознательному, целенаправленному исполнению должностных обязанностей. Для того, чтобы добиться высоких результатов в службе, нужно воздействовать на факторы, влияющие на удовлетворенность службой.

Эффективная правовая защита государственного служащего от произвола сменяющих друг друга руководителей; четкое нормирование продвижения по службе при обеспечении достойного материального содержания, обеспеченной старости – это адекватные задачи государства на современном этапе его развития. Нормативное урегулирование вопросов стимулирования государственных служащих способствовало бы созданию государственного аппарата, стоящего вне корпоративных политических и экономических интересов, осуществлению управления при любых сменах лидеров и служебных кабинетов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Манохин В.М., Адушкин Ю.С. Российское административное право: Учебное пособие. – Саратов, 2000. – 109 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 05.05.2014 г.) // Российская газета. – 1994. – № 238–239.
3. Волкова В.В. К вопросу о поощрении служащих // Современное право. – №3. – 2008. – С.104-109.
4. Добробаба М. Б. Поощрение государственных служащих субъектов РФ (на примере Южного Федерального округа) // Материалы научно-практической конференции. – Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет, 2004. С.77-84.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. №195-ФЗ (в ред. от 14.12.2015 г.) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч.1). Ст. 33.
6. Гришковец А.А. Поощрение государственных служащих: правовые основы и практика применения // Право и политика. – 2002. № 1. – С.30-34.
7. Бахрах Д.Н. Государственная служба в Российской Федерации. Текст лекций. – Екатеринбург, 1995. 455 с.
8. О федеральной программе «Реформирование и развитие системы государственной службы в Российской Федерации (2009 – 2013 годы)»: Указ Президента РФ от 10 марта 2009 г. № 261 // СЗ РФ. -2009. -№ 11. – Ст. 1277.

ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ В СФЕРЕ ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

Резюме. В данном исследовании изучены особенности административно-правовой ответственности в сфере оборота наркотиков. Рассмотрена проблема употребления и распространения наркотических средств и психотропных веществ в контексте мирового значения. Установлено, что административная ответственность по данному вопросу имеет много аспектов и наряду с уголовной, занимает одно из ключевых мест, оказывает не только охранительное воздействие, выраженное в привлечении лица к административной ответственности, но и возможность использования правового побуждения субъектов административных деликтов к лечению и дальнейшей реабилитации.

Ключевые слова: наркотические средства, психотропные вещества, прекурсоры, административная ответственность, деликты.

На сегодняшний день, одной из современных проблем общества является распространение и употребление наркотиков. Данная проблема распространена не только в Донецкой Народной Республики, а имеет мировое значение. О данном факте свидетельствует Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей от 19 апреля 2016 года. Которая, в свою очередь, выражает обеспокоенность по данному вопросу, в виду того, что подтверждает необходимость устранения ключевых причин и последствий мировой проблемы наркотиков, в том числе, в области здравоохранения, социального обеспечения, прав человека, экономического развития, правосудия, общественной безопасности и охраны правопорядка. Более чем, признает значимость всеобъемлющих и сбалансированных стратегических мероприятий по способствованию решения данного вопроса. Так же, предлагается ряд оперативных рекомендаций и мер по возможности минимализации данной проблемы и взятии ее под контроль, особое место уделяя вопросам реабилитации, восстановлению и социальной реинтеграции [1].

Защита прав и свобод человека и гражданина является обязанностью государства и осуществляется с помощью системы норм, принципов, механизмов и различных процедурно-правовых правил, предназначенных для этой цели. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность Донецкой Народной Республики, ее государственных органов и должностных лиц [2].

В Законе Донецкой Народной Республики «Об обороте наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров на территории Донецкой Народной Республики» закреплено:

«наркотические средства – вещества синтетического или естественного происхождения, препараты, включенные в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Донецкой Народной Республике, в соответствии с законодательством Донецкой Народной Республики, международными договорами, в том числе Единой конвенцией о наркотических средствах 1961 года;

психотропные вещества – вещества синтетического или естественного происхождения, препараты, природные материалы, включенные в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Донецкой Народной Республике в соответствии с законодательством Донецкой Народной Республики, международными договорами, в том числе Конвенцией о психотропных веществах 1971 года;

прекурсоры наркотических средств и психотропных веществ – вещества, часто используемые при производстве, изготовлении, переработке наркотических средств и

психотропных веществ, включенные в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Донецкой Народной Республике, в соответствии с законодательством Донецкой Народной Республики, международными договорами, в том числе Конвенцией Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года» [3].

Противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов является важным направлением деятельности правоохранительных органов республики, а также одним из определяющих моментов в формировании целостности личности и воспитании подрастающего поколения, развитии и обеспечении экономического процветания строящейся молодой республики.

Рассматривая сферу публичного принуждения, А. Б. Агапов считает, что административная ответственность представляет собой меры публичного воздействия, применяемые к лицу, виновному в совершении административного правонарушения, ограничивающие имущественные (неимущественные) права нарушителя либо устанавливающие его дополнительные обязанности [4].

Как средство охраны правопорядка, по заключению Д. Н. Бахраха, она нормативно определена и состоит в применении правовых санкций, является последствием виновного общественного вредного деяния, сопровождается государственным и общественным осуждением правонарушителя и совершенного им деяния [5].

Административная ответственность в сфере вопроса о распространении и употреблении наркотических средств, психотропных веществ является средством правоохраны их установленных режимов и основным направлением по противодействию их незаконному обороту и злоупотреблению ими, посредством установления и реализации всех ее институтов в силу возникающей необходимости реагирования государства на совершаемые административные наркоделикты.

Исследователи состояния и проблем административной ответственности в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров выделяют значительную роль административной ответственности, как одной из важных мер противодействия незаконному обороту наркотиков наряду с мерами уголовной ответственности, составляющими основные направления государственной антинаркотической политики, а так же ее профилактическое значение.

Кодекс Украины об Административных Правонарушениях, действующий на территории Донецкой Народной Республики (от 07.12.1984) в ст. 44 закрепляет ответственность за незаконные производство, приобретение, хранение, перевозку, пересылку наркотических средств или психотропных веществ без цели сбыта в небольших размерах. Размер наркотических средств и психотропных веществ определяется центральным органом исполнительной власти, обеспечивающим формирование государственной политики в сфере здравоохранения, совместно с центральным органом исполнительной власти, обеспечивающим формирование государственной политики в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров, противодействия их незаконному обороту. В Донецкой Народной Республике такими являются постановления Совета Министров Донецкой Народной Республики, которыми утверждаются перечни указанных средств, веществ, прекурсоров, растений, подлежащих контролю в Донецкой Народной Республике; списки наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, оборот которых в Донецкой Народной Республике запрещён и ограничен (Список I, Список II, Список III); список прекурсоров, оборот которых в Донецкой Народной Республике ограничен (Список IV); таблицы прекурсоров, оборот которых в Донецкой Народной Республике ограничен (Таблицы I-IV); а также Перечень растений,

содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры и подлежащих контролю в Донецкой Народной Республике.

Этим достигается экономия уголовной репрессии, поскольку юрисдикционный механизм срабатывает на более ранней стадии противоправного поведения, когда оно еще не достигло планки преступного деяния.

Особенностью административно-правовых отношений, в сфере вопроса о незаконном обороте наркотических средств оказывает не только охранительное воздействие, выраженное в привлечении лица к административной ответственности, но и возможность использования правового побуждения потребителей наркотиков к лечению и реабилитации. Необходимо отметить, что профилактические мероприятия, лечение, медицинская и социальная реинтеграция, в связи с потреблением наркотических средств или психотропных веществ занимает важную роль и выражает в себе, в полной мере, охранительную функцию.

По мнению Д. А. Газизова, в качестве отличительного признака административных правонарушений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, выделяется основной объект – здоровье населения и особый предмет посягательств – наркотические средства и психотропные вещества. Также, следует обратить внимание, что указанные правонарушения, могут посягать и на иные дополнительные объекты, причинять ущерб другим общественным отношениям. Здесь можно выделить так же отношения в сфере общественной нравственной безопасности, в том числе, транспортной, дорожного движения, информационной, педагогической [6].

Механизм административно-правового побуждения потребителей наркотиков к лечению и реабилитации нуждается в совершенствовании и регламентации организационных вопросов. К последним важно отнести: дополнительное обязательство пройти диагностику, профилактические мероприятия, лечение и реабилитацию, в связи с потреблением наркотических средств или психотропных веществ, без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ, препаратов, переносу их на все административные правонарушения, связанные с их употреблением.

Кроме того, необходимо отметить, КУоАП выделяет ст. 44 которая, как указано выше, устанавливает ответственность за незаконные производство, приобретение, хранение, перевозку, пересылку наркотических средств или психотропных веществ без цели сбыта в небольших размерах. Однако, в том числе, устанавливает ответственность за допуск к управлению транспортными средствами или судами водителей или судоводителей, находящихся в состоянии алкогольного, наркотического или другого опьянения или под воздействием лекарственных препаратов, снижающих их внимание и скорость реакции, или лиц, не имеющих права управления транспортным средством (ст. 129), управление транспортными средствами или судами лицами, находящимися в состоянии алкогольного, наркотического или другого опьянения или под воздействием лекарственных препаратов, снижающих их внимание и скорость реакции (ст. 130) [7].

Одним из возможных путей решения данного вопроса может являться введение в вышеуказанные статьи КУоАП квалифицированных составов административных правонарушений, с выделением ответственности при наличии именно наркотического опьянения. В виду того, что немедицинское потребление наркотических средств и психотропных веществ уже является административным правонарушением, повышение и ужесточения ответственности с позиции наказания за совершение двух разнородных административно наказуемых деяний, с моей точки зрения, является оправданным.

Кроме того, вопрос о возложении обязанности пройти диагностику, профилактические мероприятия, лечение и реабилитацию, в связи с потреблением наркотических средств и психотропных веществ остается на данный момент открытым.

Ввиду того, что прогнозируемое увеличение отказов от прохождения медицинского освидетельствования на состояние наркотического опьянения, необходимо законодательно закрепить средства, направленные на фиксацию подобных деликтов. А именно, установить критерии состояния такого опьянения, при наличии которых, лицо, как субъекта административного правонарушения, можно было бы направить на медицинское освидетельствование. В том числе, закрепить четкий порядок проведения такого мероприятия на состояние наркотического опьянения.

Также, следует уделить должное внимание вопросу доступности наркотических средств и психотропных веществ, для общего доступа, без медицинских целей. Принимая для этого, в свою очередь, законодательные шаги, с целью взятия под контроль основных источников этих веществ, разрешая опытным квалифицированным специалистам отпускать и применять такие препараты и лекарственные средства, на основании имеющихся у них соответствующих лицензий на право заниматься такой деятельностью.

Отсутствие действующего механизма по установлению лиц, принимающих участие в пропаганде наркотических средств и психотропных веществ, так же имеет большое значение. Болотин И. В. в своей научной статье «Проблемы административной ответственности за правонарушения в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров» затрагивает данную проблему, где указывает на сложность и неразработанность такого механизма в Российской Федерации.

Подобная информация, с наличием явной пропаганды наркотических средств и психотропных веществ и их прекурсоров, распространяемая в сети Интернет, разрешается, как правило, с помощью внесудебного применения неюрисдикционных мер государственного принуждения. Последними являются: удаление интернет-страниц, содержащих информацию о способах, методах разработки, изготовления и использования наркотических средств, психотропных веществ и их растений, а также информацию, способную вызвать у детей желание употребить наркотические средства, психотропные вещества и (или) одурманивающие вещества [8].

Однако, следует отметить, что это исключает ответственность лиц, являющихся распространителями подобной информации, так как многие сайты, ввиду интернет-цензуры, являются анонимными. Поэтому, по моему мнению, устранить проблему, связанную с пропагандой наркотиков, возможно только путем устранения ее источника. Для ее возможной успешной реализации было бы целесообразно создать контролирующий орган, на который возложить функцию мониторинга интернет-страниц, в том числе, с целью установления лиц, ответственных за распространение пропагандирующей информации. Ввести соответствующие санкции на законодательном (нормативном) уровне, которые бы в полной мере могли регулировать данный вопрос.

Нельзя так же не согласиться с мнением М. А. Хатаевой по возможным путям разрешения данной проблемы. В своей научной статье «Развитие законодательства в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров» автор исследует проблему поиска и реализации адекватных и эффективных мер противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ. Автор, делая анализ законодательной базы Российской Федерации, делает ударение на отсутствие эффективных мер противодействия в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, которые, в свою очередь, занимаются распространением наркотических средств и психотропных веществ на территории государства. В связи с этим, она считает целесообразным принять такие меры, как введение административного наказания в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации, что повысит эффективность мер в

сфере противодействия наркотическому обороту [9]. Можно говорить о том, что и Болотин И. В., чья статья приведена выше, придерживается аналогичной, схожей позиции по данному вопросу. По моему мнению, данная санкция, получившая свое законодательное закрепление максимально эффективно способствовала решению данной проблемы.

Можно сделать вывод о том, что проблема, связанная с наркотиками имеет мировое значение. Противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов является важным направлением деятельности правоохранительных органов Донецкой Народной Республики. Административная ответственность, наряду с уголовной, занимает одно из ключевых мест в этой деятельности, так как оказывает не только охранительное воздействие, выраженное в привлечении лица к административной ответственности, но возможность использования правового побуждения потребителей наркотиков к лечению и дальнейшей реабилитации.

Таким образом, говоря о современной законодательной базе, можно выделить ряд проблем и упущений. Последние связаны с современным состоянием административного законодательства и сложностью его практическим применением. Механизм привлечения к административной ответственности за употребление, незаконные производство, приобретение, хранение, перевозку, пересылку наркотических средств или психотропных веществ без цели сбыта в небольших размерах не всегда является эффективным. В данном вопросе важно учитывать, что наряду с охранительной функцией административного законодательства в целом, все больше приобретает значение превентивная функция в области сокращения спроса на наркотики, минимализации их пропаганды. В том числе, очень важно учитывать механизм административно-правового побуждения потребителей наркотиков к лечению и реабилитации, который также нуждается в регламентации, улучшении и доработке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Заключительный документ специальной сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций по мировой проблеме наркотиков: [Электронный ресурс], Нью-Йорк, 19-21 апреля 2016 URL: <http://www.unodc.org/documents/postungass2016/outcome/V1603303-R.pdf>
2. Конституция Донецкой Народной Республики от 14 мая 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dnr-online.ru/doc/zakony/>
3. Об обороте наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров на территории Донецкой Народной Республики: Закон Донецкой Народной Республики от 20.03.2015г.
4. Административная ответственность: учебник/ А.Б.Агапов. – 4-е изд., переаб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2015.
5. Бахрах Д.Н., Ренов Э.В. и др. Административная ответственность (часть общая): Учебное пособие. – Екатеринбург, 2013.
6. Газизов Д.А. Понятие административного нарушения в сфере оборота наркотических средств // Административное право и процесс. – 2015. -№10.- С. 11-16.
7. Кодекс об административных правонарушениях Украины действующий на территории Донецкой Народной Республики от 07.12.1984
8. Болотин И.В. Проблемы административной ответственности за правонарушения в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. // Среднерусский вестник общественных наук. Политика и право. 2015. Том 10 № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/problemy-administrativnoy-otvetstvennosti-za-pravonarusheniya-v-sfere-oborota-narkoticheskikh-sredstv-psihotropnyh-veschestv-i->
9. Хатаева, М.А. Развитие законодательства в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ / Хатаева, М.А. № 12 (168) / 2010.

РОЛЬ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В ПРАВОЗАЩИТНОМ МЕХАНИЗМЕ

Резюме. В статье рассматривается роль и значение Уполномоченного по правам человека в России как одного из механизмов защиты прав человека, а также освещены проблемы наделения омбудсмена властными полномочиями, и возможность учреждения должности Уполномоченного по правам человека в субъектах РФ.

Ключевые слова: уполномоченный по правам человека, субъект федерации, функции, защита прав, права человека.

Защита прав и свобод человека государством является основным способом во всем правозащитном механизме. В России такой механизм создан, действует и последовательно развивается, гарантируя каждому возможность прибегнуть к доступным ему средствам защиты прав и свобод [1, с. 142]. Он представляет собой систему юридических средств, методов и принципов функционирования федеральных и региональных органов государственной власти и их должностных лиц, органов местного самоуправления, различных общественных и международных правозащитных организаций в области защиты и восстановления нарушенных прав и свобод, закрепленных Конституцией Российской Федерации (далее РФ) [2, с. 10].

Институт Уполномоченного по правам человека является одним из важнейших элементов механизма защиты прав человека в РФ и занимает особое место в системе органов государственной власти. Уже вступая в должность, Уполномоченный приносит присягу: «Клянусь защищать права и свободы человека и гражданина, добросовестно исполнять свои обязанности, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законодательством Российской Федерации, справедливостью и голосом совести» [3]. Нарушение прав и свобод человека и гражданина именно представителями органов государственной власти, представителями «касты» чиновников, с которыми «рядовые» граждане сталкиваются практически ежедневно, приобрело устойчивый характер. Все это вызывает законное возмущение граждан. А плохое администрирование в виде недоработанных нормативных актов, принятых без учета общественного мнения, произвол чиновников, волокита, коррупция порождают акции протеста среди населения, утрату доверия к органам власти [4, с. 115].

Поэтому на сегодняшний день изучение и анализ функционирования института Уполномоченного, как дополнительного способа защиты прав человека, бесспорно является актуальным, при этом существует и достаточное количество проблем, связанных с совершенствованием как самой деятельности Уполномоченного, так и правовой базы, регламентирующей этот институт. Проблемам данного института посвящены труды Безрукова А. В., Вершинина И. Ф., Лагун И. В., Юдиной А. Б., Миронова О. О., Федорова А. Д. и др.

Уполномоченный по правам человека в РФ призван осуществлять контроль за соблюдением прав и свобод человека в деятельности государственных органов и должностных лиц. При этом, наличие должности омбудсмена предусмотрены законодателем как на федеральном, так и региональном уровнях. Основной функцией федерального омбудсмена является рассмотрение жалоб граждан (а также иностранцев и лиц без гражданства) на действия (бездействие) органов государственной власти и местного самоуправления, в том числе тогда, когда по спорной ситуации уже вынесено судебное решение, однако заявитель с ним не согласен.

Подобный подход представляется разумным и целесообразным, так как Уполномоченный по правам человека в ходе рассмотрения соответствующего

обращения вправе сделать необходимые запросы и получить информацию и доказательства, которые не могли быть получены заявителем самостоятельно, не были запрошены судом, однако могут оказать влияние на рассмотрение спорной ситуации и могут послужить основанием для пересмотра судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам. Деятельность уполномоченного по правам человека изначально имеет целью полемику с должностными лицами, допускающими своими действиями (бездействием) нарушения прав и свобод человека [2, с. 22].

Согласно Закону «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» [3], среди других направлений деятельности, осуществляемых Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации можно выделить следующие:

- анализ законодательства Российской Федерации в области прав человека и гражданина, подготовка рекомендаций по его совершенствованию и приведению в соответствие с общепризнанными принципами и нормами международного права;
- развитие международного сотрудничества в области прав человека;
- правовое просвещение по вопросам прав и свобод человека, форм и методов их защиты;
- подготовка ежегодного доклада о своей деятельности и направление его Президенту Российской Федерации, в Совет Федерации и Государственную Думу, Правительство Российской Федерации, Конституционный Суд, Верховный Суд Российской Федерации и Генеральному прокурору Российской Федерации;
- выступления с докладами на заседаниях Государственной Думы в случаях грубого или массового нарушения прав и свобод граждан;
- обращение в Государственную Думу с предложениями о создании парламентских комиссий по расследованию фактов нарушения прав и свобод граждан и о проведении парламентских слушаний, участие в работе указанных комиссий и проводимых слушаниях;
- обращение в суды общей юрисдикции и в Конституционный Суд Российской Федерации для защиты прав и свобод граждан;
- принятие по собственной инициативе соответствующих мер в пределах своей компетенции при наличии информации о массовых или грубых нарушениях прав и свобод граждан либо в случаях, имеющих особое общественное значение или связанных с необходимостью защиты интересов лиц, не способных самостоятельно использовать правовые средства защиты;
- анализ правоприменительной практики в области прав человека и гражданина и выработка предложений по ее совершенствованию;
- информирование органов государственной власти и общественности о положении дел с соблюдением прав и свобод граждан в Российской Федерации;
- направление государственным органам, органам местного самоуправления и должностным лицам замечаний и предложений общего характера, относящихся к обеспечению прав и свобод человека и гражданина, совершенствованию административных процедур.

В соответствии с ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» [3], Уполномоченный по правам человека при осуществлении своих полномочий независим и неподотчетен каким-либо государственным органам и должностным лицам. Поэтому, данный институт следует рассматривать как необходимое связующее звено между государством и населением, важную форму контроля гражданского общества за исполнительной властью государства. Деятельность Уполномоченного по правам призвана способствовать в целом укреплению законности деятельности органов государственной власти и местного самоуправления [5, с. 3].

Специфичность контроля за деятельностью органов власти со стороны омбудсмана заключается в том, что последний не обладает юридически властными полномочиями, а может использовать только механизмы убеждения и критики. По окончании расследования проверяемому органу направляется рекомендация с корректирующими действиями, которые он вправе и не выполнять. Юридическая сила рекомендации омбудсмана основывается не на законе, а на убедительности его доводов и его способности завоевывать доверие государственных органов [6, с. 42].

По мнению Е. Н. Хазова, на сегодняшний день наблюдается недостаточно высокая эффективность деятельности Уполномоченного по правам человека в силу отсутствия у него необходимого объема власти. Для повышения результативности его деятельности, диссертант предлагает предоставить Уполномоченному возможность возбуждения дисциплинарных и административных производств по фактам нарушений прав человека, а также привлечения к ответственности руководителей организаций и должностных лиц, которые нарушают права и свободы человека [7, с. 322].

Однако, это не представляется целесообразным, ведь тогда сразу возникает вопрос не будет ли в этом случае подмены правовой природы Уполномоченного по правам человека. Институт Уполномоченного, все-таки, является вспомогательным инструментом в правозащитном механизме и основой его деятельности является рассмотрение жалоб. Поэтому данный вопрос требует отдельного изучения.

Говоря об институте Уполномоченного по правам человека, следует затронуть ещё одну проблему – возможность учреждения должности регионального омбудсмана. Важно то, что это не является обязательным, а оставлено на усмотрение органов законодательной власти субъектов федерации.

Отсутствие в федеральном законе обязательной нормы по учреждению должности Уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации является негативным фактором, т.к. приводит к тому, что не все регионы стремятся ввести у себя эту должность, ссылаясь на маленький бюджет или на то, что правоохранительные органы итак неплохо работают [8, с. 23].

Однако, проблемы с соблюдением прав человека возникают повсеместно. Какие-то из них могут, а значит, должны быть разрешены на уровне субъекта Федерации. Там же, где институт регионального уполномоченного отсутствует, обращения граждан в связи с нарушением их прав направляются федеральному Уполномоченному или, что еще хуже, вообще никуда не направляются. Равного доступа граждан к системе государственной защиты прав и свобод человека, таким образом, обеспечить не получается. Однако если бы институт Уполномоченного был создан во всех субъектах Федерации, то это была бы уже определенная система, а поскольку права и свободы человека и гражданина независимо от того или иного субъекта Федерации имеют исключительный приоритет для Российской Федерации и, следовательно, должны в равной степени гарантироваться и защищаться государством на всей ее территории, то подобная система представляется еще и объективной необходимостью [9, с. 198].

Поэтому представляется необходимым предпринять меры по обеспечению функционирования института Уполномоченного по правам человека во всех регионах страны. Иначе нельзя говорить о единстве правового пространства российского государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зорькин В.Д. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / Под ред. В.Д. Зорькина. – 2-е изд., пересмотр. – М., 2011. – 999с.
2. Егоров С.С. Гарантии прав и свобод человека и гражданина в конституционном (уставном) законодательстве субъектов российской федерации: автореф.дис: спец. 12.00.02 «Конституционное право»/С.С. Егоров.-М.,2013. -26с.
3. Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации: федер. конст. закон от 26.02.1997 N 1-ФКЗ Принят Государственной Думой 25 декабря 1996 года/СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13440/

4. Маркелова Е. Г. Институт Уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации, экспертные советы и административная реформа: точки соприкосновения // Экспертное обеспечение деятельности уполномоченных по правам человека в субъектах РФ: Материалы научно-практического семинара, Голицыно, 27.02 – 1.03.2006 / Под ред. А. Ю. Сунгурова.- СПб.: Норма, 2006. -184с.
5. Мухаметшина С.Ш. Институт уполномоченного по правам человека в субъектах Российской Федерации: автореф.дис: спец. 12.00.02 «Конституционное право»/С.Ш. Мухаметшина. – М.,2007. – 224с.
6. Галяутдинов Б.С. Правовая природа института уполномоченного по правам человека (омбудсмена) в российской федерации//Вестник Пензенского государственного университета. – 2014. – №2 (6). – С. 40-46.
7. Хазов Е.Н. Конституционные гарантии прав и свобод человека и гражданина в России: теоретические основы и проблемы реализации: диссертация ... доктора юридических наук : 12.00.02 /Е.Н. Хазов.- М., 2011.- 500 с.
8. Федоров А.Д. Роль и значение уполномоченного по правам человека в российской федерации // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2012. – №1. – С. 22-24
9. Еременко А. С. Проблема учреждения института уполномоченного по правам человека в субъектах российской федерации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – №9. – С.196-200

УДК 347.6

Нещадимова С.А.

Научный руководитель: Олейникова А.В., старший преподаватель

ПОРЯДОК УСЫНОВЛЕНИЯ В ДНР

Резюме. В данном исследовании детально рассмотрена проблема сиротства в настоящее время на территории Донецкой Народной Республики, а также порядок усыновления в соответствии с законодательством. Установлено, что усыновление помогает защитить прав и интересы ребенка, оставшегося без родителей.

Ключевые слова: брошенные и осиротевшие дети, усыновление, удочерение, гражданское право, гражданский процессуальный кодекс, органы опеки и попечительства.

Вопросы социальной защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в Донецкой Народной Республике чрезвычайно актуальны, отличаются новизной и достаточной сложностью, как в теоретическом, так и в практическом отношениях. Данная проблематика носит межотраслевой характер, находится на пересечении проблемных полей социологии, социальной психологии и педагогики, включая в себя вопросы социальных истоков и социального содержания феномена сиротства, социальной политики в отношении этой категории населения, устройства осиротевших детей в приемные семьи, помещения их в соответствующие учреждения, проблемы обучения, социальных выплат и льгот, обеспечения жильем и т. п. От того, насколько успешно дети-сироты будут интегрироваться в общество, будет во многом зависеть стабильность и успешное развитие государства.

Дети, по разным причинам, оставшиеся без родительской опеки, подлежат передаче на воспитание в семью – на усыновление (удочерение), под опеку или в приемную семью. Усыновление является одной из основных и достаточно распространенных форм устройства детей. При усыновлении ребенок полностью приравнивается к кровным детям усыновителя, таким образом, приобретая в лице усыновителей родную семью.

Согласно ст. 207 Семейного Кодекса Украины, усыновлением являются принятия усыновителем в свою семью лица на правах дочери или сына, осуществленное на основании решения суда, кроме случая, предусмотренного статьей 282 этого Кодекса [2].

Усыновление – это оптимальная форма устройства детей-сирот и детей, лишенных родительского попечения, так как в результате усыновления ребенку обеспечиваются условия воспитания, близкие к условиям в родной семье. Это связано с тем, что усыновление редко бывает случайным поступком, обычно это хорошо продуманное, подготовленное решение, в котором воплощаются мечты и желания одиноких людей, не имеющих родных детей.

Усыновление является одной из форм семейного воспитания детей, если единственный или оба родителя ребенка умерли, неизвестны или лишены родительских прав, признаны в судебном порядке недееспособными, безвестно отсутствующими или объявлены умершими, либо по иным уважительным причинам не могут воспитывать своих детей. Иными словами это юридический акт, в результате которого между усыновителем и его родственниками, с одной стороны, и усыновленным с другой, возникают такие же права и обязанности, как между родителями и детьми, другими родственниками по происхождению.

Истоки социального сиротства берут свое начало в семье. При внимательном знакомстве с семьями, в которых ребенок стал сиротой или лишился попечения родителей, выявляется общая закономерность: сиротству предшествовали нарушения привязанности между родителями и детьми, либо привязанность не была сформирована. Многие дети осиротели или лишились родителей в результате военных действий. Сложная экономическая ситуация и, как следствие не возможность родителей справляться с внутрисемейными проблемами, также дает свои последствия [4, с. 86–88].

Цель научной статьи направлена на раскрытие процесса усыновления, его порядка. Особенность темы состоит в том, что законодательство Донецкой Народной Республики опирается на законодательную базу Украины (принят только один нормативный акт относительно порядка усыновления), отсутствуют нормы международного усыновления. Продолжительность военных действий, сложность экономической ситуации в республике усугубляют ситуацию по защите прав детей-сирот и детей, лишенных родительского попечения.

Согласно данным пресс-службы ведомства по делам семьи и детей Донецкой Народной Республики, а также отделов по делам семьи и детей местных администраций: за 8 месяцев 2017 года количество детей-сирот и детей, лишенных родительского попечения, усыновленных в городе Донецке, составило 50 человек, что превысило аналогичный показатель 2016 года на 13,64 %. Также было установлено, что всего на территории ДНР было усыновлено 153 ребенка [7].

Для того, чтобы получить информацию о детях, которые могут быть усыновлены, кандидаты в усыновители имеют право обратиться в Отдел по месту учета ребенка, который может быть усыновлен, и в Государственную службу по делам семьи и детей Донецкой Народной Республики.

Отдел по месту учета кандидатов в усыновители после постановки их на учет знакомит кандидатов в усыновители с информацией обо всех детях, соответствующего возраста, которые находятся на местном учете по усыновлению.

Первоочередное право на усыновление ребенка имеют его родственники. Другим кандидатам в усыновители информация о детях, которые могут быть усыновлены, предоставляется согласно очередности.

Ребенок, брошенный в родильном доме, другом учреждении здравоохранения или которого отказались забрать родители, другие родственники, может быть усыновлен после достижения им двухмесячного возраста. Ребенок, который был подброшен или найден, может быть усыновлен по истечении двух месяцев после обнаружения.

Кандидатам в усыновители предоставляются такие сведения о ребенке, который может быть усыновлен:

- 1) имя, возраст, пол;
- 2) правовые основания для усыновления;
- 3) состояние здоровья в соответствии с заключением о состоянии здоровья, физическом и умственном развитии ребенка;
- 4) форма устройства ребенка (без указания названия и адреса учреждения, в котором находится ребенок, фамилии, имени, отчества, адреса проживания приемных родителей, родителей-воспитателей, опекунов, попечителей);
- 5) сведения о наличии либо отсутствии братьев, сестер, их возраст и форма устройства;
- 6) сведения о наличии у ребенка родственников;
- 7) другие сведения о ребенке, которые интересуют кандидатов в усыновители.

Ознакомление кандидатов в усыновители с информацией о детях, которые могут быть усыновлены, сопровождается показом фотографии ребенка.

После ознакомления с информацией о детях, которые могут быть усыновлены, кандидатам в усыновители, которые изъявили желание лично познакомиться с ребенком, выдается направление для знакомства с ребенком

Кандидаты в усыновители знакомятся с ребенком по месту его жительства (пребывания) в присутствии представителя Отдела, работников детского или другого учреждения, в котором проживает (находится) ребенок, приемных родителей, родителей-воспитателей, опекунов, попечителей [8].

По желанию приемных родителей, родителей-воспитателей, опекунов, попечителей знакомство кандидатов в усыновители с ребенком может осуществляться в помещении Отдела или на другой территории по согласованию с указанным Отделом. О знакомстве кандидатов в усыновители с ребенком составляется акт знакомства. Работники детского или другого учреждения, в котором проживает ребенок, обязаны ознакомить кандидатов в усыновители с документами, которые содержатся в личном деле ребенка, медицинскими документами и диагнозом ребенка, предоставить кандидатам в усыновители информацию об истории жизни ребенка, особенностях его развития, поведения, способностях, чертах характера, рекомендациях относительно форм и методов общения с ребенком, ухода за ним после усыновления, а также способствовать установлению контакта между ребенком и кандидатами в усыновители.

После знакомства с ребенком и установления с ним контакта кандидаты в усыновители имеют право ежедневно в течение срока действия направления посещать ребенка по месту его проживания (пребывания) и общаться с ним во время, установленное руководителем учреждения, приемными родителями, родителями-воспитателями, опекунами, попечителями, но не менее трех часов в день. После установления контакта с ребенком и подачи в Отдел по месту проживания (пребывания) ребенка заявления о желании его усыновить, кандидаты в усыновители имеют право на ежедневное общение с ребенком до вступления в законную силу решения суда об усыновлении. После знакомства и установления контакта с ребенком кандидаты в усыновители обращаются в Отдел по месту жительства (пребывания) ребенка с заявлением о желании усыновить ребенка.

Отдел по месту жительства (пребывания) ребенка в течение десяти рабочих дней со дня поступления заявления кандидатов в усыновители: выясняет, согласен ли ребенок на усыновление (если он достиг такого возраста и уровня развития, что может его выразить); готовит проект заключения о целесообразности усыновления и соответствии его интересам ребенка.

Руководитель детского или другого учреждения, в котором проживает (пребывает) ребенок, или лицо, у которого проживает ребенок, по запросу Отдела, в который обратились кандидаты в усыновители с заявлением о желании усыновить ребенка, подает этому Отделу соответствующие документы.

Отдел готовит проект заключения о целесообразности усыновления и соответствии его интересам ребенка.

Заключение о целесообразности усыновления и соответствии его интересам ребенка должно быть обоснованным и содержать информацию о целесообразности (нецелесообразности) усыновления и соответствии (несоответствии) его интересам ребенка. Заключение оформляется на бланке городской, районной в городе, районной администрации, подписывается главой и скрепляется печатью [5, с. 29–36].

Для принятия решения об усыновлении кандидаты в усыновители обращаются с заявлением об усыновлении ребенка в суд по месту жительства (пребывания) ребенка.

Усыновление детей проводится на основании решения суда.

Если в течение 30 дней после подачи заявления об усыновлении ребенка в Отдел кандидаты в усыновители без уважительных причин не явились для получения заключения или в течение 30 дней от даты его получения не обратились в суд с заявлением об усыновлении ребенка, считается, что они отказались от усыновления.

После принятия решения суда об усыновлении, вступлении решения в законную силу, усыновление считается законченным.

Заявление об усыновлении не может быть отозвано после вступления решения суда об усыновлении в законную силу, в связи с тем, что ст. 231 ГПК установлены условия вступления решения суда в законную силу [3].

Решения по делам об усыновлении, в случае их рассмотрения в закрытом судебном заседании, не провозглашаются публично, а объявляются только лицам, участвующим в деле.

С учетом правила, содержащегося в п. 3 ст. 218 ГПК, суд может обратить постановленное решение об усыновлении к немедленному исполнению, если замедление его исполнения будет противоречить интересам ребенка [3].

Усыновитель обязан лично забрать ребенка из места его нахождения (жительства) после предъявления копии решения суда об усыновлении.

После вступления решения суда об усыновлении в законную силу, для внесения изменений в актовую запись о рождении усыновленного ребенка, копия решения суда направляется в государственный орган регистрации актов гражданского состояния по месту постановления решения суда.

Что касается правовых последствий усыновления (удочерения), то усыновленные дети утрачивают личные и имущественные права и освобождаются от обязанностей по отношению к своим кровным родителям и другим родственникам.

Кроме того, усыновленный ребенок, а также усыновитель (и его родственники) приобретают в результате усыновления не только права и обязанности, вытекающие из семейных отношений, но и все те права и обязанности, которые предусмотрены нормами других отраслей права и основанием возникновения которых является факт родства. Так, при наследовании по закону усыновленные по отношению к усыновителям, а усыновители по отношению к усыновленным являются наследниками первой очереди (т.е. приравниваются в наследственных правах к родителям и детям).

Закон допускает также возможность сохранения правоотношений ребенка и с другими его близкими родственниками. По просьбе родителей умершего отца (матери) ребенка, т.е. бабушки или дедушки ребенка, могут быть сохранены отношения между ними и их внуком (внучкой), если этого требуют интересы ребенка.

Также стоит обратить внимание на то, что если к моменту усыновления ребенок имел право на пенсию или пособие, полагающееся ему по случаю потери кормильца (после смерти родителей или одного из них), он сохраняет это право и после усыновления [4, с. 92].

Институт усыновления имеет достаточно большое значение в гражданском и семейном законодательстве Донецкой Народной Республики. Рост числа детей,

оставшихся без родительского попечения, бесплодных браков, увеличение количества разводов в семьях, где есть несовершеннолетние дети, естественно, влияет на статистические данные, касающиеся усыновления. А они показывают, что усыновление занимает далеко не второстепенное место среди мер по защите прав ребенка. Усыновление (удочерение) является актом, который порождает возникновение родительских прав и обязанностей на основании закона. Под этим актом понимается совокупность действий будущих усыновителей и органа, уполномоченного их совершать. Кроме того, усыновление представляет собой определенную процедуру, в результате которой, с одной стороны, прекращаются правоотношения ребенка с кровными родителями, а с другой – возникает его правовая связь с лицами, их заменяющими, т.е. происходит своеобразная передача всех личных и имущественных прав от одних к другим.

Для тех, у кого семья считается неполной, усыновление служит способом ее укрепления, превращения в полную, где есть и мать, и отец, проявляющие заботу о несовершеннолетнем. И во всех случаях усыновление позволяет удовлетворить потребность усыновителя в обретении родственных прав и обязанностей со всеми вытекающими отсюда последствиями как педагогического, так и правового характера.

Защита детей, показатели их здоровья, воспитания, обучения, отдыха во время военных действий – являются немаловажным фактором и показателем уровня развития общества и будущего Донецкой Народной Республики [6, с. 52].

Именно судебный порядок усыновления (удочерения) ребенка призван обеспечить защиту прав и интересов детей. Этот порядок является основным правовым фактором, препятствующим их незаконному усыновлению. Именно на суд возлагается проверка законности усыновления. В судебном заседании суд исследует документы, проверяет соблюдение законности их собирания. Установление нормы права об обязательном участии в судебном заседании прокурора и представителя органа опеки и попечительства должно способствовать наибольшей защите интересов ребенка при его усыновлении. Дела об усыновлении рассматриваются в особом производстве. Это вполне понятно. Никакие иные требования о защите имущественных и других прав ребенка не могут быть предметом рассмотрения суда в данном процессе. Гражданский процессуальный кодекс Украины устанавливает особенности родовой подсудности. Так, граждане, постоянно проживающие на территории Украины и Донецкой Народной Республики, подают заявления в районный суд. Всю предварительную работу по установлению возможности усыновления выполняют орган опеки и попечительства. На основании заявления, документов, а также акта обследования условий жизни лиц, желающих усыновить ребенка, именно орган опеки и попечительства выносит заключение об их возможности быть усыновителями, которое является основанием для постановки на учет в качестве кандидатов в усыновители.

Подводя итоги вышесказанному, можно четко понять, усыновление (удочерение) – это юридический акт, который заключается в принятии детей на воспитание с установлением между усыновителями и усыновленными правовых (личных и имущественных) отношений, существующих между родителями и детьми. Правоотношения по усыновлению (удочерению) возникают с момента вступления соответствующего решения суда в законную силу. При этом к актуальным проблемам усыновления (удочерения) можно отнести то, что оно на сегодняшний день является наименее востребованной формой устройства детей, оставшихся без попечения родителей, что обусловлено как моральным фактором (боязнь неблагополучных генов, наследуемых ребенком), так и экономическим (отсутствие надлежащей материальной поддержки усыновителей со стороны государства).

В связи с этим, представляется необходимость в принятии психологической и материальной поддержки семей, что поможет детям – сиротам обрести семью и изменить их жизнь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Донецкой Народной Республики 14.05.2014.
2. Семейный Кодекс Украины от 10 января 2002 года N 2947-III (с изменениями и дополнениями от 4 июня 2013 года N 402-VII).
3. Гражданский кодекс Украины 16 января 2003 года N 435-IV.
4. Сімейне право України: Підручник / Під редакцією В.І. Бобрика. – К.: Право, 2005. – 160 с.
5. Нечаева А.М. Аналитический материал по выявлению и устройству детей, оставшихся без родительского попечения // Вестник образования. – 2000. – № 16. – 40 с.
6. Нечаева А.М. Усыновление // Вестник образования. – 1997. – № 8. – 52 с.
7. Горячая линия Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – URL: <https://dnr-hotline.ru/v-dnr-usynovili-153-rebenka/>
8. Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 02.09.2015 г. № 17-13 «Об утверждении Временного порядка усыновления и осуществления контроля условий проживания и воспитания усыновленных детей в семьях усыновителей на территории Донецкой Народной Республики»

УДК 343.3

Никишина А.В.

Научный руководитель: Краснонос Е.Ю., к.ю.н., доцент

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ» И «ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ»

Резюме. В данном исследовании рассматриваются различные подходы к определению уголовно-правового понятия «экономическая преступность». Изучено и проанализировано соотношение понятий «экономическая преступность» (экономические преступления) и «преступления в сфере экономической деятельности». Поддерживается мнение исследователей об определении понятия экономической преступности как исключительно рыночного явления, ограниченного лишь рамками экономической деятельности в сфере предпринимательства (бизнеса), осуществляемой его субъектами.

Ключевые слова: экономическая деятельность, экономическая преступность, экономические преступления, преступления в сфере экономической деятельности.

Актуальность темы обусловлена тем, что общепринятого уголовно-правового и криминологического понятия «экономическая преступность» в настоящее время не выработано, несмотря на его широкое использование в научном обороте. Понимание экономической преступности крайне неопределенно. Проблемы экономической преступности привлекают внимание исследователей на протяжении всей истории развития данного феномена. Существует множество определений преступности. И каждое из них носит субъективный характер, ибо отражает точку зрения автора. Можно дать криминологическое, правовое, социологическое, религиозное, философское и даже пространное определение, в котором авторы пытаются показать глубину данного понятия. Однако еще ни в одном из них не удалось раскрыть полностью сущность данного явления, его внешние атрибуты [12, с. 32].

В юридической науке, к сожалению, до сих пор не выработано единых подходов к понятию преступности в сфере экономики (экономической преступности). Одни авторы употребляют понятие «преступления в сфере экономики», другие – «преступления в сфере экономической деятельности», третьи – «экономические преступления» [1, с. 27].

Как известно, неопределенность терминов и понятий создает сложности как в уяснении содержания обозначаемого ими явления, так и в практике их применения. В числе первых российских ученых, рассмотревших понятие экономической

преступности, следует назвать А. М. Яковлева, который считал, что основным признаком включения преступлений в категорию «экономических» является связь их с конкретными особенностями экономического, хозяйственного механизма [11, с. 40].

Понятие экономической преступности заимствовано отечественной криминологией из западных учений. Социокриминолог Эдвин Сатерленд в 1940 г. ввел в научный оборот понятие «беловоротничковая преступность», обратив внимание на социальную опасность преступлений, совершаемых уважаемыми лицами (бизнесменами и людьми определенных профессий) при осуществлении ими своей деятельности. Затем данное понятие трансформировалось и стало синонимом корпоративной преступности – преступлений, совершаемых корпорациями. Б. Свенсон в своей работе «Экономическая преступность» указывал на то, что к экономической преступности относится, прежде всего, такая преступность, непосредственным мотивом которой является экономическая выгода. Кроме того, она должна иметь длящийся характер, осуществляться систематически и в рамках экономической деятельности, которая сама по себе не является уголовно наказуемой, но в определенных случаях составляет основу уголовной деятельности [5, с. 146].

Начиная с 80-х гг. прошлого века некоторые отечественные ученые в своих исследованиях касались проблемы определения понятия «преступления в сфере экономики». Характеризуя действовавшее уголовное законодательство о преступлениях в сфере экономической деятельности, они отмечали наличие в нем явно устаревших норм и в то же время его очевидную пробельность, что не соответствовало реалиям развития общества, поскольку слом старой экономической системы, развитие рыночных отношений привнесли в экономику факторы, создавшие условия для совершения новых, неизвестных социалистической экономике общественно опасных деяний, затрагивающих интересы собственников, нарушающих принципы свободного, честного и безопасного предпринимательства, экономические интересы государства. На несовершенство и пробельность законодательства как одну из основных причин неудовлетворительной борьбы с экономической преступностью указывали руководящие работники правоохранительных органов, в частности Министерства внутренних дел. Однако понимание ими феномена «экономической преступности» кардинально отличалось от восприятия деяний, относящихся к указанной категории [8, с. 82].

Большинство совершаемых в обществе преступлений общеуголовного характера (кражи, грабежи, разбой, вымогательства и т. д.) имеют экономическую, корыстную мотивацию и затрагивают те или иные публичные либо частные экономические интересы и, следовательно, посягают на соответствующие принятые в обществе экономические отношения. На основании того, что можно выделить два основных типа экономических отношений: отношения собственности и организационно-экономические отношения, под экономическими преступлениями рассматривают предусмотренные уголовным законом общественно опасные деяния, которые посягают на отношения собственности и установленный порядок экономической деятельности, т. е. направлены против существующей системы экономических отношений. Однако, как таковая система экономических преступлений начинает формироваться в тот момент, когда происходит переосмысление социально-экономических функций государства, которое призвано активно вмешиваться в экономическую сферу с целью предотвращения кризисов, обеспечения безопасности населения, предупреждения социальных конфликтов [13, с. 16].

Как известно, неопределенность терминов и понятий создает сложности как в уяснении содержания обозначаемого ими явления, так и в практике их применения. В числе первых российских ученых, рассмотревших понятие экономической преступности, следует назвать А. М. Яковлев, который считал, что основным признаком включения преступлений в категорию «экономических» является связь их с конкретными особенностями экономического, хозяйственного механизма.

В числе первых российских ученых, рассмотревших понятие экономической преступности, следует назвать А. М. Яковлева, который полагал, что основным признаком включения преступлений в категорию «экономические» является связь их с конкретными особенностями экономического, хозяйственного механизма. Основным признаком данных преступлений А. М. Яковлев считал особенности субъекта их совершения – это должно быть лицо, занимающее соответствующее положение в сфере народного хозяйства, являющееся участником экономических отношений. Это должно быть лицо, занимающее соответствующее положение в сфере народного хозяйства, являющееся участником экономических отношений [14, с. 50].

По мнению В. В. Лунеева, суть экономической преступности в странах с рыночной экономикой составляют преступления, совершаемые корпорациями против государственной экономики, против других корпораций; служащими корпораций – против самой корпорации; корпорациями – против потребителей [2, с. 256].

Медведев А. М. определяет этот вид преступности как «преступления, посягающие на экономику, права, потребности и интересы участников экономических отношений, нарушающие нормальное функционирование экономического (хозяйственного) механизма, причиняющие этим социальным ценностям и благам материальный ущерб» [3, с. 81].

По мнению Яни П. С. экономическая преступность представляет собой совокупность противоправных, общественно опасных, причиняющих существенный материальный ущерб, корыстных посягательств на используемую для хозяйственной деятельности собственность, установленный порядок управления экономическими процессами и экономические права и интересы граждан, юридических лиц и государства со стороны лиц, выполняющих определённые функции в системе экономических отношений [4, с. 32].

Максимов М. С. определял хозяйственную (экономическую) преступность как совокупность совершенных на определенной территории за определенный период времени преступлений (лиц, их совершивших), непосредственно посягающих на отношения по производству, распределению и потреблению товаров и услуг [6, с. 24].

Егоршин В. М. и Колесников В. В. дали следующее определение экономической преступности: деятельность, осуществляемая субъектами бизнес (предпринимательства) методами, обеспечивающими достижение незаконного обогащения [7, с. 99].

Пинкевич Т.В. рассматривает экономическую преступность как совокупность преступлений, посягающих на экономические отношения, охраняемые уголовным законом, совершаемых лицами в процессе их экономической деятельности, с целью получения экономической выгоды [9, с. 64].

Обобщая сказанное, можно привести утверждение В. Д. Ларичева о том, что в криминологическом плане преступления в сфере экономики, в сфере экономической деятельности, экономические преступления и преступления экономической направленности можно считать идентичными названиями. Более удачным, на его взгляд, представляется название «преступления экономической направленности» [10, с. 28].

В последнее время все большее число исследователей признают обоснованным так называемый «узкий» подход к определению экономической преступности (экономических преступлений). При таком подходе феномен экономической преступности можно было бы рассматривать в качестве рыночного явления, ограниченного лишь рамками экономической деятельности в сфере предпринимательства (бизнеса), осуществляемой его субъектами. Еще не так давно такой подход вызывал у отечественных криминологов, как правило, возражения. Однако со вступлением в силу Уголовного кодекса РФ 1996 г. число таких возражений значительно сократилось, что объясняется, видимо, переосмыслением криминологами новой социальной реальности и места в ней экономической преступности.

Узкое толкование экономической преступности имеет неоспоримые преимущества как в научно-теоретическом, так и в практическом плане. Использование подобной избирательности в подходе к исследованию этого явления позволило бы, к примеру, устранить множественность трактовки понятия «экономическая преступность», ввести упорядоченную систему регистрации и учета экономических преступлений, разграничить на практике функции некоторых подразделений правоохранительных органов (например, отделов уголовного розыска и борьбы с экономическими преступлениями), сконцентрировать усилия и ресурсы на борьбе именно с бизнес-преступностью (business crime) как наиболее масштабным, экономически разрушительным и социально деструктивным видом преступного поведения. Существует и ряд других аргументов, выдвигаемых в пользу определения понятия экономической преступности как преступности, ограниченной сферой бизнеса, сферой предпринимательства. Представляется неоспоримым тот факт, что бизнес, предпринимательство, экономическая деятельность составляют основу рыночной системы, базирующейся на частной собственности на средства производства и свободной конкуренции, то есть системы, называемой рядом отечественных специалистов в области экономической теории «экономическое хозяйство» или в соответствии с терминологией некоторых школ политэкономии – «капиталистическое рыночное хозяйство».

Во всех индустриально развитых странах, а теперь и в России, ущерб от преступности в сфере бизнеса многократно превышает совокупные материальные потери, которые несет общество и граждане от иных преступных деяний в сфере экономики (хищений путем присвоения, растрат, злоупотреблений служебным положением и др.) и от корыстных преступлений общеуголовного характера (грабежей, краж, вымогательств и т. д.). Специалисты Объединенной экономической комиссии Конгресса США оценивают потери, наносимые экономическими преступлениями национальной экономике, в 44 млрд долл. в год, в то время как ущерб от имущественных преступлений (грабежей, краж со взломом и т. д.) составляет лишь 4 млрд долл. По данным шведских криминологов, суммы доходов, укрываемых от налоговых служб в течение года, в 10 раз превышают размеры убытка от преступности, связанной с воровством¹³. При этом, конечно, следует учитывать тот факт, что число лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, например, за налоговые преступления, примерно в 30 раз меньше, чем лиц, совершивших воровство разного рода. Последний факт связан с тем, что экономические преступления сложно раскрывать, определенные проблемы существуют также в борьбе с ними и применении мер уголовной ответственности. Даже если принимать в расчет только названные обстоятельства, можно с уверенностью заключить, что общество должно сосредоточить особое внимание на борьбе с этим наиболее опасным и деструктивным видом преступности, выделив его в специальную, обособленную группу деликтов и отграничив от традиционных общеуголовных преступлений корыстного характера.

Значительные материальные и иные потери, которые несет общество от совершения экономических преступлений (преступлений в сфере экономической деятельности), не в последнюю очередь связаны и с особой ролью в обществе «белых воротничков», являющихся субъектами этих преступлений. Именно в их руках сосредоточена огромная экономическая власть, значительные материальные и финансовые ресурсы. И именно эти возможности позволяют преступникам из числа «белых воротничков» совершать наносящие колоссальный ущерб обществу масштабные экономические аферы и часто уходить от правосудия. Более того, преступность, развивающаяся исключительно в недрах предпринимательства, способна, в отличие от многих. О проблеме определения понятия «экономическая преступность» (экономические преступления) 53 других видов криминальных явлений, дестабилизировать базисные основания социально-экономической системы

государства, нарушить либо вовсе нейтрализовать действие ключевых рыночных экономических законов (законов стоимости, спроса и предложения, свободной конкуренции и др.), привести к серьезным дисфункциям социальных институтов, социальных норм и связей [15, с. 28].

Однако, анализирую Уголовный Кодекс ДНР преступления в сфере экономики включают в себя преступления в сфере экономической деятельности, т.к. понятие экономика на много шире, чем понятие экономическая деятельность. В зависимости от объекта посягательства преступления в сфере экономической деятельности можно сгруппировать следующим образом; преступления, связанные с нарушением установленного порядка осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности; преступления, связанные с проявлением монополизма и недобросовестной конкуренции; таможенные преступления; преступления в сфере финансовой деятельности.

Также необходимо провести линию к пониманию понятия «экономическая преступность» и его отождествление с преступностью имущественной, для того чтобы облегчить работу по его разработке. Во избежание разбежностей в понимании понятия «экономическая преступность» субъектами права и предотвращения его понимания из собственных представлений о его содержании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лесников Г.Ю. Преступления в сфере экономики. – М.: Изд. «Кросна-Лекс», 1997. – С. 27.
2. Лунеев, В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции: Мировой криминологический анализ / В. В. Лунеев; предисл. В. Н. Кудрявцев. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – С.256.
3. Медведев, А.М. Экономические преступления: понятие и система / А. М. Медведев // Государство и право. – 1992. – № 1. – С. 81.
4. Яни, П.С. Экономические и служебные преступления: монография / П. С. Яни. – М.: ЗАО «Бизнес-школа «Интел-Синтез», 1997. – С.32.
5. Свенсон, Б. Экономическая преступность. – М.: Издательство «Наука», 1987. – С. 146.
6. Максимов, М. С. Краткий криминологический словарь. – М.: Издательская группа «Культура», 1995. – С. 24.
7. Егоршин, В.М. Преступность в сфере экономической деятельности: монография / В. М. Егоршин, В. В. Колесников. Санкт-Петербургский университет МВД России, Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет», 2000. – С.99.
8. Медведев, А.М. Экономические преступления: понятие и система / А. М. Медведев // Государство и право. – 1992. – № 1. – С. 82.
9. Пинкевич Т.В. Криминологические и уголовно-правовые основы борьбы с экономической преступностью: Дисс. ... докт. юрид. Наук. М.: Волтерс Клувер, 2002. – С. 64.
10. Ларичев, В.Д. Преступность в сфере экономики (теоретические вопросы экономической преступности): монография / В. Д. Ларичев. – М.: ВНИИ МВД России, 2003. – С. 28.
11. Волженкин, Б.В. Уголовная ответственность юридических лиц / Б. В. Волженкин: Серия «Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе». – СПб.: Редакционно-издательский отдел Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры РФ, 1998. – 40 с.
12. Мамардашвили М. Картезианские размышления. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Культура», 1993. – С.32.
13. Васильев, В.А. Криминологическое исследование убийств и обеспечение безопасности жизни граждан: Автореф. дис... канд. юрид. наук/ В.А.Васильев. – М., 2001. – С.16.
14. Яковлев, А.М. Социология экономической преступности: монография / А. М. Яковлев. – М.: Издательство «Наука», 1988. – С.50.
15. Мажитова С. Р. О проблеме определения понятия «Экономическая преступность» (экономические преступления) Вестник Челябинского государственного университета, – 2011. – № 3. – С. 49–53.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Резюме. В настоящем исследовании определены актуальные проблемы в сфере государственной регистрации нормативных правовых актов в Донецкой Народной Республике. Установлено, что большая часть проблем обусловлена несовершенной законодательной базой, отсутствием контроля исполнения обязательств по разработке нормативных правовых актов, предусмотренных законами и иными нормативными правовыми актами.

Ключевые слова. Нормативные правовые акты, государственная регистрация, актуальные проблемы, законодательство.

Несмотря на наличие нормативной правовой базы, практически в полном объеме регулирующей вопросы государственной регистрации нормативных правовых актов, остается ряд проблемных вопросов как правового, так и административно-управленческого характера.

Государственная регистрация нормативного правового акта, являясь комплексной процедурой, включает в себя:

- 1) проведение правовой и антикоррупционной экспертизы на соответствие нормативного правового акта Конституции и законодательству Донецкой Народной Республики, международным договорам Донецкой Народной Республики, согласие на обязательность которых дано Народным Советом Донецкой Народной Республики;
- 2) принятие решения о государственной регистрации нормативного правового акта;
- 3) внесение нормативного правового акта в Государственный реестр нормативных правовых актов Донецкой Народной Республики и присвоение ему регистрационного номера;
- 4) мониторинг официального опубликования нормативных правовых актов, прошедших государственную регистрацию.

Каждый из указанных элементов подразумевает осуществление определенных процедурных действий, реализация которых как правило сопряжена с различными трудностями.

Целесообразно сгруппировать и рассмотреть актуальные проблемы в сфере государственной регистрации в том порядке, в котором проводится государственная регистрация нормативных правовых актов в Донецкой Народной Республике.

1. Актуальные проблемы проведения правовой и антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов, представленных на государственную регистрацию в органы юстиции.

По данному направлению можно выделить следующие проблемы:

- 1) отсутствие законодательного закрепления процедуры правовой экспертизы нормативных правовых актов;
- 2) отсутствие закона, регулирующего проведение антикоррупционной экспертизы;
- 3) отсутствие нормативных правовых актов, определяющих правила и методику проведения правовой и антикоррупционной экспертизы;
- 4) отсутствие нормативных правовых актов, закрепляющих правила юридической техники;
- 5) отсутствие эффективного механизма отмены нормативных правовых актов, изданных с нарушением действующего законодательства Донецкой Народной Республики;

б) отсутствие эффективного механизма контроля исполнения рекомендаций по результатам правовой экспертизы.

Указанные проблемы обусловлены как объективными, так и не вполне объективными факторами. Рассмотрим их по порядку.

Глава 7 Закона Донецкой Народной Республики «О нормативных правовых актах» (далее – Закон о НПА) регулирует вопросы, связанные с экспертизой проектов нормативных правовых актов. При этом, ч. 1 ст. 30 указанного Закона определено, что правила и методика проведения правовой экспертизы устанавливаются в соответствии с законодательством Донецкой Народной Республики, а антикоррупционная экспертиза осуществляется в соответствии с законодательством Донецкой Народной Республики. Таким образом, три из указанных проблем находят свое отражение в ст. 30 Закона о НПА. Безусловно, акцентирование внимания законодателя на вопросах правовой и антикоррупционной экспертиз проектов, без учета аналогичных экспертиз уже изданных нормативных правовых актов, указывает на факт недоработки законодательной нормы и введения ее в Закон о НПА без учета всех сфер его применения, т.е. без учета, как минимум, государственной регистрации нормативных правовых актов. Должно учитывать необходимость проведения таких экспертиз в рамках надзорной деятельности органов прокуратуры, пересмотра решения о государственной регистрации нормативного правового акта, пересмотра целесообразности издания нормативного правового акта, а также в рамках расследования экономических преступлений, преступлений против государственной службы и службы в органах местного самоуправления, судебного разбирательства. Следовательно, ряд направлений правовой работы, требующих проведения правовой и антикоррупционной экспертиз изданных нормативных правовых актов, Законом о НПА не учтены [1].

Касательно же отсутствия правил и методик проведения правовой и антикоррупционной экспертиз, утвержденных законодательным актом, следует отметить неэффективность работы уполномоченных органов государственной власти. Закон о НПА вступил в силу 03 сентября 2015 года. Соответственно уже в течение 2,5 лет не приняты законодательные акты, необходимость принятия которых прямо указана в самом законе.

Такая ситуация вынуждает заинтересованные органы исполнительной власти регулировать вопросы проведения правовой и антикоррупционной экспертиз своими нормативными правовыми актами временного характера, а также пользоваться нормативными правовыми актами Украины в соответствии с Постановлением Совета Министров Донецкой Народной Республики от 02 июня 2014 года № 9-1 «О применении Законов на территории ДНР в переходный период» (с изменениями и дополнениями) [2; 3].

Отсутствие нормативного правового акта, определяющего правила юридической техники обусловлено не только отсутствием законодательного закрепления необходимости издания (принятия) таких правил, но и отсутствием единой позиции относительно органа государственной власти, ответственного за разработку таких правил. Несмотря на то, что Глава 6 Закона о НПА называется «Оформление нормативных правовых актов. Правила юридической техники», как таковых правил юридической техники в ней нет. Указанная глава содержит лишь общие рекомендации по структуре и оформлению нормативных правовых актов. Частью 8 статьи 27 Закона о НПА установлено, что правила по юридико-техническому оформлению законопроектов Донецкой Народной Республики утверждаются Народным Советом Донецкой Народной Республики, тогда как относительно иных нормативных правовых актов Закон о НПА указаний не содержит.

Более подробно требования к оформлению нормативных правовых актов проработаны в Порядке представления нормативных правовых актов на

государственную регистрацию и проведения их государственной регистрации, утвержденном Постановлением Совета Министров Донецкой Народной Республики от 12 февраля 2016 года № 1-15 (далее – Порядок регистрации) (в редакции Постановления Совета Министров от 10 марта 2017 года № 3-62), а также в Типовой инструкции по делопроизводству в органах государственной власти, органах местного самоуправления, утвержденной Постановлением Совета Министров Донецкой Народной Республики от 16 октября 2015 года № 19-27 [4; 5].

Тем не менее, объединение правил юридической техники в одном документе, их унификация позволил бы значительно упростить как процесс разработки нормативного правового акта, так и проведение правовой и антикоррупционной экспертизы.

Статьей 48 Закона о НПА предусмотрены варианты признания нормативных правовых актов утратившими силу, среди которых указана и отмена нормативного правового акта. При этом Законом о НПА предусматривается несколько способов отмены нормативного правового акта:

- по инициативе самого правотворческого органа;
- по решению суда;
- по инициативе вышестоящего органа государственной власти.

Наиболее оперативным является первый способ, но он применяется исключительно при наличии воли правотворческого органа, тогда как при отсутствии такой воли оперативно отменить нормативный правовой акт, действующий с нарушением законодательства Донецкой Народной Республики, не представляется возможным.

Отсутствие эффективного механизма контроля исполнения рекомендаций по результатам правовой экспертизы выражается в неисполнении правотворческими органами рекомендаций по результатам правовой экспертизы без каких-либо санкций за такие действия.

Несомненно, орган юстиции имеет право принять в таком случае решение о возврате нормативного правового акта без государственной регистрации для доработки либо об отказе в государственной регистрации нормативного правового акта, в соответствии с подпунктами 4.5.2 и 4.5.3 пункта 4.5 раздела IV Порядка регистрации. Однако, это возможно далеко не во всех случаях. Такие решения принимаются при наличии весомых оснований. При этом, случаи, когда нормативный правовой акт содержит неоднозначные нормы права либо изложен крайне затруднительно для восприятия с нарушением структуры и логической последовательности норм права, не могут быть основанием для принятия соответствующих решений [6].

Такая ситуация прямо влияет на качество издаваемых нормативных правовых актов и на показатели негативной правоприменительной практики.

2. Актуальные проблемы принятия решения о государственной регистрации

1) несоблюдение правотворческими органами требований к оформлению нормативных правовых актов, установленных Порядком регистрации;

2) отсутствие эффективного механизма контроля соблюдения сроков представления нормативных правовых актов на государственную регистрацию, установленных Законом о НПА;

3) отсутствие эффективного механизма контроля соблюдения требований к доработке и отмене нормативных правовых актов в рамках государственной регистрации;

4) отсутствие четкого порядка передачи документов правотворческому органу в рамках процедуры государственной регистрации;

5) отсутствие установленных требований относительно нормативных правовых актов, подлежащих обязательному согласованию с органом исполнительной власти, реализующим государственную регуляторную политику.

Несоблюдение правотворческими органами требований к оформлению нормативных правовых актов, установленных Порядком регистрации логически связано с несоблюдением правотворческими органами правил юридической техники, низкой квалификацией юридических служб, правовым нигилизмом. Несоблюдение установленных требований влечет увеличение сроков государственной регистрации нормативных правовых актов, усложнение документооборота в рамках государственной регистрации, возникновение конфликтных ситуаций между органами государственной власти, невозможность применения вступивших в силу нормативных правовых актов или их отдельных норм, связанных с вступлением в силу иных нормативных правовых актов.

Выявление нарушения сроков представления нормативных правовых актов на государственную регистрацию осуществляется либо непосредственно при представлении нормативного правового акта на государственную регистрацию, либо при осуществлении органами юстиции мероприятий контроля соблюдения законодательства в сфере государственной регистрации нормативных правовых актов. Частью 1 статьи 38 Закона о НПА установлено, что нормативные правовые акты подаются субъектом правотворчества на государственную регистрацию в республиканский орган исполнительной власти, который реализует государственную политику в сфере юстиции, в течение пяти рабочих дней после их принятия (издания), в порядке, утвержденном Советом Министров Донецкой Народной Республики. При этом, Закон о НПА не предусматривает санкции за нарушение установленных сроков [7].

Следует учитывать, что ввиду отсутствия нормативного правового акта Донецкой Народной Республики, регулирующего вопросы привлечения к административной ответственности, на территории Донецкой Народной Республики применяется Кодекс Украины об административных правонарушениях (далее – КоАП). Статья 188⁴¹ КоАП предусматривает ответственность за нарушение законодательства о государственной регистрации нормативных правовых актов, а именно:

1) непредставление, несвоевременное представление для государственной регистрации нормативных правовых актов, которые согласно закону подлежат государственной регистрации;

2) направление на выполнение нормативных правовых актов, не прошедших государственную регистрацию и не опубликованных в установленном законом порядке;

3) направление для выполнения указаний, разъяснения в любой форме, устанавливающих правовые нормы [8].

Для реализации нормы КоАП Министерством юстиции Донецкой Народной Республики издан приказ от 18 апреля 2017 года № 240 «Об утверждении Временной инструкции по оформлению материалов об административных правонарушениях в сфере государственной регистрации нормативных правовых актов». Тем не менее, практика применения санкций, предусмотренных ст. 188⁴¹ КоАП, на сегодняшний день отсутствует. [9]

Относительно соблюдения требований к доработке и отмене нормативных правовых актов, представленных на государственную регистрацию, необходимо отметить отсутствие каких-либо санкций за их нарушение. Такая ситуация никоим образом не стимулирует правотворческие органы к соблюдению законодательства в сфере государственной регистрации, а также влечет применение нормативных правовых актов не прошедших государственную регистрацию.

Порядком регистрации предусмотрено уведомление представителей правотворческого органа о решении, принятом в отношении нормативного правового акта, представленного на государственную регистрацию, посредством телефонной связи. Такой способ уведомления не позволяет зафиксировать дату уведомления, а

также лицо, получившее уведомление. Это, в свою очередь, влечет фактическое нарушение сроков государственной регистрации и сроков официального опубликования.

Вопросы согласования нормативных правовых актов, представленных на государственную регистрацию, с органом исполнительной власти, реализующим государственную регуляторную политику, законодательно не урегулированы. В Донецкой Народной Республике отсутствует законодательство, определяющее основы регуляторной политики в сфере хозяйственной деятельности, а также понятие регуляторного акта, регуляторного органа, принципы регуляторной деятельности и иные вопросы, касающиеся регуляторной деятельности. Отнесение акта к регуляторным осуществляется в соответствии с Законом Украины «Об основах государственной регуляторной политики в сфере хозяйственной деятельности» [10].

Как следствие, разработка таких нормативных правовых актов и определение необходимости их согласования устанавливаются отдельно для каждого нормативного правового акта индивидуально. Это существенно усложняет как процедуру государственной регистрации, так правовое регулирование отдельных сфер хозяйственной деятельности.

3. Актуальные проблемы внесения нормативного правового акта в Государственный реестр нормативных правовых актов Донецкой Народной Республики и присвоения ему регистрационного номера.

Основной проблемой в данном направлении является несоблюдение правотворческими органами требований к оформлению электронных копий нормативных правовых актов и отсутствие механизма контроля соблюдения установленных требований.

Несоблюдение правотворческими органами требований к оформлению электронных копий нормативных правовых актов и отсутствие механизма контроля соблюдения установленных требований выражено в регулярном нарушении требований пункта 3.6 раздела III Порядка ведения Государственного реестра нормативных правовых актов Донецкой Народной Республики и предоставления сведений, содержащихся в нем, утвержденного Постановлением Совета Министров Донецкой Народной Республики от 12 февраля 2016 года № 1-16 (в редакции Постановления Совета Министров Донецкой Народной Республики от 10 марта 2017 года № 3-38). При этом, порядок фиксирования таких нарушений законодательно не закреплен, равно как и порядок проверки идентичности электронных копий оригиналу на бумажном носителе [11].

Таким образом, данная работа осуществляется исходя из индивидуального представления ответственных должностных лиц и фиксируется лишь в общем виде, что не дает в полной мере оценить количество нарушений, определить порядок их устранения и способы взаимодействия с правотворческими органами.

4. Актуальные проблемы мониторинга официального опубликования нормативных правовых актов, прошедших государственную регистрацию

1) отсутствие законодательного закрепления единого источника официального опубликования нормативных правовых актов органов исполнительной власти и органов местного самоуправления;

2) отсутствие четких требований к официальному опубликованию нормативных правовых актов органов исполнительной власти и органов местного самоуправления, что приводит к неполному опубликованию нормативных правовых актов, отсутствию даты официального опубликования, опубликованию нормативных правовых актов в нечитаемом виде и т.п.;

3) отсутствие порядка официального опубликования нормативных правовых актов органов исполнительной власти, предусмотренного ст. 40 Закона о НПА;

4) отсутствие законодательно закрепленных санкций за нарушение сроков официального опубликования, а также за опубликование в неполном объеме либо неопубликование нормативного правового акта;

5) непроведение правотворческими органами постоянной работы по выборке нормативных правовых актов для официального опубликования, гарантирующей опубликование всех без исключения нормативных правовых актов, подлежащих официальному опубликованию, а также контроля соблюдения сроков официального опубликования.

Мониторинг официального опубликования нормативных правовых актов осуществляется в соответствии с приказом Министерства юстиции Донецкой Народной Республики от 31 августа 2016 года № 777 «Об обеспечении мониторинга официального опубликования и вступления в силу нормативных правовых актов, прошедших государственную регистрацию» (зарегистрирован в Министерстве юстиции Донецкой Народной Республики 09 сентября 2016 года, регистрационный № 1551) [12].

При этом, действующим законодательством Донецкой Народной Республики процедура официального опубликования урегулирована не в полной мере.

Необходимость официального опубликования закреплена ст. 7 Конституции Донецкой Народной Республики, а также ст. 39 Закона о НПА, которые практически дублируют друг друга [13].

Частью 5 статьи 40 Закона о НПА установлено, что Порядок официального опубликования нормативных правовых актов государственных органов исполнительной власти определяется Советом Министров Донецкой Народной Республики. Тем не менее, такой порядок отсутствует.

На сегодняшний день официальное опубликование нормативных правовых актов органов исполнительной власти осуществляется непосредственно правотворческим органом на своем официальном сайте и/или на официальном сайте Донецкой Народной Республики (<https://dnr-online.ru/>). Статья 42 Закона о НПА содержит указание на источник официального опубликования – официальное печатное издание и/или официальный сайт правотворческого органа. При этом, законодательством, по сути, не предусмотрено единого источника официального опубликования. Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 15 октября 2014 года № 38-4 «Об официальном сайте» (в редакции Постановления Совета Министров Донецкой Народной Республики от 27 февраля 2015 года № 2-28) хотя и устанавливает в качестве единого источника официальной информации официальный сайт Донецкой Народной Республики (<https://dnr-online.ru/>), в тоже время содержит коллизионные нормы, вступающие в прямое противоречие с Законом о НПА. Учитывая, что Закон о НПА имеет высшую юридическую силу по отношению к Постановлению Совета Министров Донецкой Народной Республики, руководствоваться в вопросах официального опубликования нормативных правовых актов следует нормами, содержащимися именно в Законе о НПА. Тем не менее, как уже указано выше, Закон о НПА не регулирует в полной мере вопросы официального опубликования нормативных правовых актов органов исполнительной власти, а лишь устанавливает общие принципы данной процедуры, опираясь на последующее принятие соответствующих подзаконных нормативных правовых актов [14].

Таким образом, единственным реальным механизмом мониторинга официального опубликования нормативных правовых актов, прошедших государственную регистрацию, является сбор Министерством юстиции Донецкой Народной Республики такой информации по специально разработанной форме, с последующим размещением таких сведений в Государственном реестре нормативных правовых актов Донецкой Народной Республики и Государственной информационной системе нормативных правовых актов Донецкой Народной Республики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О нормативных правовых актах: Закон Донецкой Народной Республики от 07.08.2015 № 72-ИНС. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gisnra-dnr.ru/npa/0002-72-ihc-20150807/>
2. О применении Законов на территории ДНР в переходный период: Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 02.06.2014 № 9-1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gisnra-dnr.ru/npa/0003-9-1-2014-06-02/>
3. Об утверждении Порядка проведения правовой экспертизы нормативных правовых актов, представленных на государственную регистрацию в Министерство юстиции Донецкой Народной Республики: приказ Минюста ДНР от 10.06.2016 № 523 (зарегистрирован в Минюсте ДНР 14.06.2016, № 1351). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gisnra-dnr.ru/npa/0027-523-20160610/>
4. Об утверждении Порядка представления нормативных правовых актов на государственную регистрацию и проведения их государственной регистрации: Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 12.02.2016 № 1-15. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gisnra-dnr.ru/npa/0003-1-15-20160212/>
5. Об утверждении Типовой инструкции по делопроизводству в органах государственной власти, органах местного самоуправления Донецкой Народной Республики: Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 16.10.2015 № 19-27. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gisnra-dnr.ru/npa/0003-19-27-20151016/>
6. Об утверждении Порядка отмены решений о государственной регистрации нормативных правовых актов в органах юстиции Донецкой Народной Республики: приказ Минюста ДНР от 24.04.2017 № 254 (зарегистрирован в Минюсте ДНР 05.05.2017, № 1993). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gisnra-dnr.ru/npa/0027-254-20170424>
7. Об утверждении Порядка осуществления мероприятий контроля соблюдения законодательства в сфере государственной регистрации нормативных правовых актов: приказ Минюста ДНР от 19.04.2016 № 315 (зарегистрирован в Минюсте ДНР 25.04.2016, № 1207). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gisnra-dnr.ru/npa/0027-315-20160419/>
8. Кодекс Украины об административных правонарушениях Закон Украины от 07.12.1984 № 8073-X. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/80731-10/ed20140411>
9. Об утверждении Временной инструкции по оформлению материалов об административных правонарушениях в сфере государственной регистрации нормативных правовых актов: приказ Минюста ДНР от 18.04.2017 № 240 (зарегистрирован в Минюсте ДНР 24.04.2017, № 1966). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gisnra-dnr.ru/npa/0027-240-20170418/>
10. Об основах государственной регуляторной политики в сфере хозяйственной деятельности: Закон Украины от 11.09.2003 № 1160-IV. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/1160-15/ed20130101>
11. Об утверждении Порядка ведения Государственного реестра нормативных правовых актов Донецкой Народной Республики и предоставления сведений, содержащихся в нем: Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 12.02.2016 № 1-16. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gisnra-dnr.ru/npa/0003-1-16-20160212/>
12. Об обеспечении мониторинга официального опубликования и вступления в силу нормативных правовых актов, прошедших государственную регистрацию: приказ Минюста ДНР от 31.08.2016 № 777 (зарегистрирован в Минюсте ДНР 09.09.2016, № 1551). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gisnra-dnr.ru/npa/0027-777-20160831/>
13. Конституция Донецкой Народной Республики от 14 мая 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gisnra-dnr.ru/npa/0008-1-2014-05-14/>
14. Об официальном сайте: Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 15.10.2014 № 38-4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gisnra-dnr.ru/npa/0003-38-4-20141015/>

РАЗДЕЛЕНИЕ ВЛАСТЕЙ КАК ПРИНЦИП ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Резюме. В данном исследовании рассмотрен теоретико-правовой аспект одного из важнейших принципов правового государства – разделения властей. Освещаются различные точки зрения на выделение и обоснование указанного принципа в теории права, рассматривается его нормативное закрепление, а также формулируются общие выводы по исследуемому вопросу.

Ключевые слова: государство, правовое государство, разделение властей, система сдержек и противовесов

В современных государствах принцип разделения властей является одним из ключевых условий существования демократического, правового государства, фактора стабильности и дальнейшего поступательного развития. Главное требование принципа разделения властей, сформулированное еще Дж. Локком, Ш.Л. Монтескье, Ж.Ж. Руссо, заключается в том, что для утверждения политической свободы, обеспечения законности и устранения злоупотреблений властью со стороны какой-либо социальной группы, учреждения или отдельного лица необходимо разделить государственную власть на законодательную (избранную народом и призванную выработать стратегию развития общества путем принятия законов), исполнительную (назначаемую представительным органом власти и занимающуюся реализацией данных законов и оперативно-хозяйственной деятельностью) и судебную (выступающую гарантом восстановления нарушенных прав, справедливого наказания виновных). Причем каждая из этих властей, являясь самостоятельной и сдерживающей, должна осуществлять свои функции посредством особой системы органов и в специфических формах.

Принцип разделения властей не исключает, а предполагает единство и взаимодействие властей, а также определенное верховенство законодательной власти, конституционные решения которой обязательны для всех.

Система «сдержек и противовесов», установленная в конституции, законах, представляет собой совокупность правовых ограничений в отношении конкретной государственной власти: законодательной, исполнительной, судебной.

Так, применительно к законодательной власти используется довольно жесткая юридическая процедура законодательного процесса, которая регламентирует основные его стадии. В системе противовесов важную роль призван играть президент (глава государства), который имеет право применить отлагательное вето при поспешных решениях законодателя. Деятельность конституционного суда также можно рассматривать в качестве правосдерживающей, ибо он имеет право блокировать все антиконституционные акты.

В отношении исполнительной власти используются ограничения ведомственного нормотворчества и делегированного законодательства, запреты на принятие ею актов, затрагивающих такие отношения, которые должны быть урегулированы только законом. Сюда можно отнести сроки президентских полномочий, импичмент, вотум недоверия правительству, запрет ответственным работникам исполнительных органов избираться в состав законодательных структур, заниматься коммерческой деятельностью [8, с. 81–82].

Как правило, эффективные государства развитых стран мира ориентированы на правовые механизмы реализации определяемых комплексных задач и принципов, связанных с правовой государственностью, традиционно принимаемых либеральной идеологией в рамках естественно-правовой доктрины: разделение властей;

конкуренция; децентрализация власти; равноправие; законность; взаимная ответственность государства и личности; экономическая свобода; социальная справедливость; «открытость» политической системы и т.п. Однако культивирование ценностей, связанных с правовой государственностью, как правило, осуществлялось через призму соответствующей культуры и ментальности.

Поиск общеправовых принципов обуславливается рядом факторов. Прежде всего это не завершённый процесс формирования правовой системы. В то же время традиционалистская политическая и правовая культура управляющих и управляемых, которой более понятны авторитарные методы управления, является тормозом в формировании адекватного этапа развития общества и государства правосознания граждан.

Процесс формирования единого правового поля является актуальной задачей и важнейшим фактором развития. Для придания идее формирования правового государства устойчивого и конструктивного характера недостаточно основывать ее на социальном негативизме, на желании упразднить негодные порядки. Необходима политико-правовая доктрина с четко определенными принципами, приоритетами, целью государственного строительства и усилий элит по активизации общественно-политического потенциала на достижение целей реформирования, согласованию интересов общества и государства [5, с. 237].

Проблемы соотношения личности и государства, признания и нормативного закрепления прав и свобод человека, а также способов и методов осуществления государственной власти всегда интересовали ученых правоведов [4, с. 20]. Вопросы построения и формирования правового государства в Российской Федерации являются одними из первостепенных, поскольку от этого во многом зависит насколько личность в государстве чувствует себя свободно и защищено. Одним из принципов построения правового государства является принцип разделения властей, препятствующий сосредоточению всей полноты государственной власти в одних руках. В Российской Федерации данный принцип в аспекте проводимой административно-правовой реформы выступает фундаментом формирования правового государства. Не случайно Президент России обращает особое внимание на необходимость дальнейшего совершенствования взаимодействия государственных органов с точки зрения создания всех необходимых условий для реализации гражданами своих прав, свобод и законных интересов [2]. Сообразно с этим актуальность вопросов, связанных с реализацией такого принципа правового государства, как разделение властей сомнений не вызывает.

В научной литературе встречаются различные точки зрения касательно количества и наименования принципов правового государства [4, с. 16]. Некоторые правоведы определяют принцип разделения властей как признак или особенность правового государства [5, с. 438], другие – как средство воплощения в жизнь такого принципа правового государства как «наиболее последовательное связывание посредством права политической власти, формирование для государственных структур режима правового ограничения» [4, с. 17]. Как нам представляется, следует все же различать такие понятия как признаки правового государства и принципы правового государства. Разделение властей – это именно принцип правового государства, в соответствии с которым происходит процесс формирования правового государства. После того как принцип будет полностью реализован, его можно будет называть признаком правового государства, который позволит отличать государство правовое от государства обычного.

Сам принцип разделения властей сформулирован в Конституции Российской Федерации: «Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны» [1, ст. 10].

Конкретизируется указанный принцип в соответствующих главах Основного закона государства, определяющих статус и полномочия Президента Российской Федерации (глава 4), Федерального Собрания (глава 5), Правительства Российской Федерации (глава 6) и судебной власти (глава 7) [7, с. 66–122].

Необходимо отметить, что принцип разделения властей заключается не просто в распределении управленческого труда на законодательную, исполнительную и судебную сферы. Обозначенный принцип предусматривает, то, что полномочия одной ветви власти преследуют цель ограничить стремления других ветвей власти выйти за круг своих полномочий, вторгнуться в сферу другой ветви власти, узурпировать власть, поставить ее выше власти общества [6, с. 95].

Все вышесказанное позволяет сформулировать следующие обобщающие выводы:

1) с нашей точки зрения целесообразно различать понятия признаки правового государства и принципы правового государства; признаки – это те отличительные черты, которые позволяют выделить государство правовое из обычной массы государств, а принципы – это основополагающие идеи, начала, в соответствии с которыми формируется правовое государство [3, с. 115];

2) разделение властей заключается не просто в специализации различных государственных органов и распределении видов деятельности среди государственных служащих, оно предполагает наличие у ветвей власти специальных полномочий, которые призваны ограничить выход других ветвей власти за пределы своих компетенций [9, с. 74]; сущность разделения властей выражается в системе сдержек и противовесов, уравнивающей все ветви власти в государстве и создающей определенный баланс в государственном аппарате;

3) на наш взгляд для более полной реализации принципа разделения властей и скорейшего построения правового государства в Российской Федерации необходимо:

завершение административно-правовой реформы системы государственной службы [8, с. 9];

четкое определение компетенций каждого государственного органа, направленное на решение задач, стоящих перед конкретным государственным органом и исключающее дублирование полномочий государственных органов [10, с. 19];

усиление координационных связей между государственными органами, позволяющее повысить эффективность их взаимодействия, а, следовательно, и качество выполнения государственными служащими своих функциональных обязанностей.

Таким образом, можно утверждать, что вопросы, связанные с рассмотрением принципов правового государства, по нашему мнению, нуждаются в дальнейшем исследовании и комплексном анализе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации: Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года // Российская газета, 1993, 25 декабря.
2. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 4 декабря 2014 года // Российская газета, 2014, 5 декабря.
3. Бялт В.С. Гражданское общество как признак правового государства // Традиционная и современная культура: история, актуальное положение, перспективы: Материалы IV международной научно-практической конференции 20-21 сентября 2014 года. – Прага: Vedecko vydavateľské centrum «Sociosféra-CZ», 2014.
4. Нижник Н.С. Самоорганизация общества в социально-политическом дискурсе российского государства. // Материалы международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе», под общ. ред. В.А. Сосова. Краснодарский университет МВД России, Новороссийский филиал Краснодарского университета МВД России, ООО «Издательский Дом – Юг». 2014. С. 15-25.
5. Карчевская Н.И., Семенова О.В. Теоретико-правовые закономерности гражданского общества: Пособие. СПб.: СПбУ МВД РФ, 2010г.
6. Лойт Х.Х., Боер В.В., Бялт В.С. Конституционное право России: Альбом схем. – СПб.: ГУАП, 2010.

7. Лойт Х.Х., Бялт В.С. Государственная гражданская служба Российской Федерации: Альбом схем-СПб.: ГУАП, 2-10.
8. Марченко М.Н. Теория государства и права: Учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2014.
9. Демидов А.В. Система государственной службы: проблемы совершенствования в Российской Федерации. В сборнике: Актуальные проблемы юридической науки, практики и высшего образования: в 2-х томах. Т. 1. Актуальные проблемы национальной безопасности Российской Федерации на современном этапе: сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции 25 ноября 2015 г. – СПб.: НОУ СЮА, 2015. С. 73-76.
10. Бялт В.С., Демидов А.В., Талянин В.В. Государственная служба в органах внутренних дел Российской Федерации: Учебное пособие. – СПб.: ЛЕМА, 2015. – 139 с.

УДК 341.231.14

Ночная Ю.С.

Научный руководитель: Матвиенко Е.А., к.ю.н., доцент

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Резюме. В данном исследовании изучены проблемы защиты прав человека в современных условиях. Раскрываются и исследуются проблемы понимания терминологии защиты прав человека, проблематика механизма государственной защиты, проводится сравнительный анализ категорий понятий «защиты прав человека» и «охраны прав человека», проблематика международной защиты прав человека, проблематика реализации права на судебную защиту.

Ключевые слова: права человека, защита прав человека, особенности защиты прав человека, охрана прав человека, обеспечение прав человека.

В современном мире, проблема защиты прав человека является дискуссионной и актуальной. Данная тема стоит на повестке дня современных исследователей теории государства и права, а также, ряда законодателей и правоприменителей.

Одной из существенных проблем защиты прав человека является отсутствие единого подхода в определении понятия и содержания защиты права, выработка которого является одной из актуальных задач теоретической юридической науки и целью настоящего исследования для многих теоретиков. Как отмечает в своем исследовании И. В. Привалова «термин «защита права» употребляется в различных смыслах, как в научной литературе, так и в законодательстве. Последние же, чаще всего используют понятие «защита», которое носит достаточно абстрактный характер и включает в себя комплекс гарантий, принципов, институтов государства, его органов, обеспечивающих действенность и реализацию тех или иных прав» [1]. Как утверждает автор, в общей теории права сформировалось несколько основных подходов к пониманию защиты права, основанных на соотношении с категорией охраны права, что способствует, по его мнению, наиболее глубокому анализу сущности защиты права, и выявлению содержательных характеристик феномена защиты права.

Стоит раскрыть проблематику механизма государственной защиты прав и свобод человека и гражданина, который строится на определенных принципах, установленных и регулируемых нормами Конституции.

Как отмечает Б. Л. Железнов, такие принципы нельзя рассматривать как составную обособленную часть в механизме защиты прав человека, основными из них, конечно, являются: принципы единства прав и обязанностей, принцип равенства прав и свобод, и принцип равенства перед законом. Главной идеей, выдвигаемой автором, является идея, что принципы, которые являются всем известными и применяемыми, такие как: принцип гуманизма, справедливости, правовой безопасности и т.д., если они не имеют реального законодательного закрепления, не могут быть применимы на

практике, что является основным пробелом, по мнению автора, для защиты прав человека в современных условиях [2].

Таким образом, по данной проблематике мы видим, что механизм государственной защиты прав и свобод строится на установленных конституционных принципах его организации и деятельности, в основе такого механизма, прежде всего, находится конституционное признание и закрепление естественных прав и свобод человека и гражданина, а также взаимной ответственности личности и государства. Условия и пределы действия такого механизма, его сущность и эффективность в решающей мере обусловлены закрепленными в Конституции положениями о такого рода защите.

Исследуя проблематику теории защиты прав человека в современных условиях, хотелось бы отметить соотношение понятий «защита прав человека» и «охрана прав человека», которые в научной литературе рассматриваются как синонимы или взаимно заменяющие, взаимно дополняющие понятия в теории права. Такое понимание данных понятий является допустимым и оправданным.

К примеру, как отмечает в своей работе О. Г. Данильян, ссылаясь на исследования различных авторов, между защитой и охраной нет существенной разницы, защита права рассматривается как государственно-принудительная деятельность, направленная на восстановление нарушенных прав и обеспечение юридических обязанностей для человека, то есть, защита субъективного права осуществляется органами государственной власти в пределах особых охранительных правоотношений [3]. Также, автор отмечает, что в научной литературе принимались попытки разграничить данные категории понятий ссылаясь на то, что охрана прав выступает как совокупность различных взаимосвязанных мероприятий, которые осуществляются органами государственной власти и направлены на предупреждение нарушений прав человека или устранение препятствий, которые стоят на пути реализации его прав и обязанностей.

Под защитой прав в свою очередь, подразумевается, принудительная защита, реализуемая за счет обязанного лица, которое действует согласно закону, восстановление нарушенного права или такое восстановление реализуется за счет уполномоченного лица или компетентного органа. То есть за основу берется момент нарушения права и субъект, который его нарушает [4].

По данному вопросу стоит отметить, что последнее утверждение является весьма спорным, т. к. мероприятия по защите прав не могут применяться после нарушения права, поскольку нарушенное право требует уже не столько защиты, как восстановления. Стоит обозначить, что восстановление выступает элементом защиты права, а механизм восстановления нарушенного права, является одной из форм защиты, но не всей защитой права в целом.

В рамках отличительных особенностей «защиты прав человека» и «охраны прав человека», стоит отметить, что данные понятия направлены на решение одинаковых проблем, при этом реализуемых, на различных этапах. Применение защиты уместно в случае, когда присутствует конкретное нарушение права, а охрана в свою очередь, уместна, когда такого нарушения не наблюдается, но при этом, варианты нарушения такого права допускаются, а также, в случаях необходимости регулятора общественных отношений в той или иной форме. При этом, данные категории одновременно являются элементами друг друга, невозможно обеспечить полноценную защиту прав без их охраны, как нельзя и охранять права без способ реализации их защиты.

При этом основным элементом в данных правоотношениях, все-таки, выступает человек, на которого и направлены исследуемые элементы, именно человек реализует свое неотъемлемое право на защиту и охрану. Как отмечает Р. М. Халилова, в чем мы полностью с ней согласны, «естественным источником права человека на защиту

является человек, оно прямо вытекает из социально-биологических потребностей в обеспечении юридической безопасности как субъекта правовой жизни». При этом автор подчеркивает, что это единственное право, которое призвано защищать интересы человека, как стороны юридического отношения. С помощью этого права человек приобретает мощное правовое средство отстаивания своей правовой защищенности в различных взаимоотношениях, в том числе и в отношениях с государством [5].

Как мы видим, в данных правоотношениях существенную роль играет государство, государственная власть непосредственно влияет на реализацию защиты прав человека, на состояние и законодательное закрепление этих прав, т. к. государство гарантирует права и свободы посредством их конституционного и законодательного закрепления.

По этому поводу Е. А. Осавелюк, отмечает, что первичность государственных гарантий определяется тем, что с точки зрения конституционного права, государство, обладая собственным суверенитетом и собственной волей, самостоятельно определяет пределы защиты прав человека, устанавливаемые основными нормативными актами, в частности, Конституцией. Несмотря на международные нормы и стандарты по обеспечению защиты прав человека на внутригосударственном уровне, они все равно регулируются за счет действующей Конституции, которая должна соответствовать общепризнанным правовым нормам [6].

В связи с этим усматривается некая проблематика, исходя из которой при взаимодействии различных государств, с разной внутригосударственной политикой по защите прав человека, возникает необходимость регулирования данных правоотношений. На помощь этому выступают международные договоры, направленные на решения тех или иных локальных и международных вопросов. Основная проблема заключается в процессе подписания и реализации таких международных договоров, когда государство берет на себя соответствующие международные обязательства, реализация которых осуществляется внутригосударственными средствами и методами. Зачастую, в таких договорах содержание таких категорий как «права», «свободы», «защита прав», «реализация прав», выражается весьма приблизительно, давая возможность международной критике действовать на внутригосударственном уровне.

Именно поэтому существует необходимость в переосмыслении данных понятий при подписании международных договоров и порядка их реализации на внутригосударственном уровне. Стоит обратить внимание, что существует необходимость конкретизации данных понятий при подписании каждого международного договора и что за собой такие категории несут, имеется в виду их содержание и порядок реализации.

Таким образом, по данной проблеме стоит отметить, что при ратификации международных договоров следует обозначить или же делать заявление о понимании тех или иных правовых институтов. Главное для государств, участвующих в их подписании не принимать участие в таких договорах, где данные понятия имеют двойственный и неоднозначный характер, что ставит под угрозу реализацию таких правоотношений между государствами.

Еще одним элементом проблематики в вопросе защиты прав человека, можно выделить вопрос судебной защиты конституционных прав и свобод человека, главной проблемой является вопрос эффективности механизма реализации гражданами права на судебную защиту своих конституционных прав и свобод. Судебная защита наиболее эффективное средство нарушенных прав и свобод, гарантируемых Конституцией, реализация такого конституционного права обеспечивается посредством правосудия, как вида государственной деятельности, осуществляемого исключительно органами судебной власти, путем рассмотрения различного рода дел.

Как отмечает в своем исследовании З. М. Смирнова, в юридической научной литературе ученые отмечают, что право на судебную защиту является единым понятием, при этом имеющим два ключевых аспекта: первый, материальный, который включает в себя право на восстановление нарушенных прав и на возмещение причиненного ущерба; и процессуальный, где ключевым элементом выступает право на обращение в суд и на судебное разбирательство. Автор отмечает, в чем мы полностью с ним согласны, право человека на судебную защиту является субъективным правом, и реализация такого права полностью зависит от личного усмотрения правообладателя, субъекта права. Также, автор высказывает проблематику, связанную с реализацией такого права: само по себе содержание конституционного права на судебную защиту является довольно объемным, так судебную защиту можно рассматривать как субъективное право каждого на восстановление его нарушенных прав и возмещение ущерба в результате судебного разбирательства, право на судебную защиту можно также рассматривать и как гарантию реализации всех конституционных прав и свобод [7].

Мы видим, что проблемы теоретического понимания реализации конституционного права на судебную защиту складываются из ее специфического правового характера. Преодоление такой проблемы возможно лишь в случае законодательного и нормативно-правового закрепления всех его особенностей. Приводя пример, стоит отметить, что законодательством предусмотрено получение бесплатной юридической помощи (в особых случаях), но законодательного закрепления нормативного толкования такого понятия как «квалифицированная юридическая помощь» не наблюдается, хотя само понятие права на такую помощь закреплено, именно данное обстоятельство также представляется недостатком регулирования рассматриваемой сферы правоотношений.

Стоит отметить, что при этом эффективность судебной защиты конституционных прав и свобод в последние годы растет в прогрессивном направлении, кроме того, увеличивается количество обращений граждан за защитой своего конституционного права. Однако мы видим, что механизм судебной защиты урегулирован недостаточно, т.к. такого рода проблема связана с малой доступностью юридической помощи широкому кругу лиц.

В данное время, согласно законодательному закреплению, такая помощь гарантируется лишь лицам, привлекаемым к уголовной ответственности, а также, некоторым категориям незащищенных граждан, в том числе в случаях, когда в защиту таких граждан в судах выступают, к примеру, органы прокуратуры. А большая часть населения, которая также нуждается вданного рода юридической помощи, для судебной защиты своих прав, вынуждена пользоваться такого рода помощью на платной основе [8].

Исходя из этого, считаем целесообразным предложить меры по решению данных проблем. Одной из мер выступает расширение перечня категорий лиц, имеющих право на бесплатную юридическую помощь, в число таких лиц необходимо включить: инвалидов всех групп, лиц, не достигших совершеннолетнего возраста, военнослужащих проходящих военную службу по призыву, выпускников детских домов и интернатов, и других лиц, чей социальный статус находится на государственном обеспечении.

В целом, мы можем отметить, что государственная и международная правовая действительность направлена на решение проблем защиты прав человека в современных условиях, т. к. на пути их преодоления осуществляется совершенствование правовых институтов каждого государства и общества в целом, а также происходит процесс гармонизации права и совершенствование современных условий для человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Привалова И. В. Понятие и содержание института защиты прав человека: некоторые теоретические и прикладные проблемы // Вестник ТГУ. – 2010. – №8. – С.231-235.
2. Железнов Б.Л. Конституционный механизм государственной защиты прав человека // ВЭПС. –2007. – №1. –С.76-80.
3. Данильян О. Г. Теоретико-методологические проблемы защиты прав человека в современном обществе // Вестник Национального университета «Юридическая академия им. Ярослава Мудрого». Серия: Философия, философия права, политология, социология. –2013. –№3 (17). –С.84-91.
4. МингазовЛ. Х. Некоторые проблемы эффективности защиты прав человека в международном и российском праве // Вестник ВУиТ. –2012. –№2 (76). –С.132-141.
5. Халилова Р. М. Дискуссионные проблемы структуры права человека на защиту // Проблемы в российском законодательстве. –2011. –№3. –С.18-20.
6. Осавелюк Е. А. Защита прав и свобод человека: проблемы реализации государством международно-правовых обязательств // Бизнес в законе. –2013. –№3. –С.56-58.
7. Смирнова З.М. Проблемы судебной защиты конституционных прав и свобод граждан в России // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2014. – № 3. – С. 62-68.
8. Балаян Э. Ю. Отдельные конституционно-правовые аспекты проблемы взаимоотношений государства и индивида в контексте защиты прав человека // Вестник КемГУ. – 2014. – № 2 (58). – С. 268-274.

УДК 323.22/.28

Овинникова Р.В.
Научный руководитель: Щербинина Е.В., к.и.н., доцент

СООТНОШЕНИЕ КАТЕГОРИЙ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ОБЩЕСТВА» И «ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ»: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Резюме. В данном исследовании рассмотрен теоретико-правовой аспект категорий «политическая система общества» и «политический режим», их юридическое содержание. Осуществлено выявление причин их отождествления. Обоснована позиция относительно необходимости их разграничения, а также предложен подход к соотношению рассматриваемых понятий.

Ключевые слова: политическая система общества, политический режим, государственный режим.

Научная разработка категории «политическая система общества» представляется относительно новым направлением развития политико-правовой мысли. Вместе с тем изучение данного основополагающего теоретико-правового феномена в теории государства и права осуществляется преимущественно путем заимствования понятийного аппарата и наработок политологии.

Актуальность выбранной темы исследования обоснована необходимостью выработки самостоятельного теоретико-правового подхода к понятию «политическая система общества», рассмотрения его юридического значения. В этом контексте отдельный интерес представляет разграничение категорий «политическая система общества» и «политический режим», поскольку в научной литературе встречаются неединичные случаи фактического отождествления данных понятий, их подмены, путем обозначения названными терминами одного и того же явления политико-правовой действительности.

Целью данного исследование является выработка концептуального теоретико-правового подхода к разграничению понятий «политическая система общества» и «политический режим».

Научная разработка теории политической системы осуществлялась в период создания целостной совокупности научных знаний о политике, объединения разрозненных знаний о политических явлениях и процессах.

Вместе с тем, еще при концептуальном оформлении политико-правового феномена «политическая система общества» в работе Толкотта Парсонса «Система

современных сообществ» данным автором был описан и его юридический аспект [1, с. 26].

Общепринятым является тезис о том, что подход американского социолога усматривает политическую систему в ее функциональной значимости интеграции общества, в обеспечении эффективной деятельности и реализации общей цели. Данная формулировка не отражает всей полноты сущностного содержания рассматриваемой теории. Так, политическая система общества рассматривается в контексте определения качественных характеристик форм и методов осуществления государственной власти, – например, при описании значения демократической революции [1, с. 52]; контекстуальных свойств политической системы европейского типа [1, с. 54]; процесса формирования эпохи ранней современности в результате промышленной и демократической революций [1, с. 65]; особенностей Советской политической системы [1, с. 79]; направлений модернизации Японии после революции Мэйдзи [1, с. 86]. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что при концептуальном оформлении теории политической системы Толкотт Парсонс не разграничивал категории «политическая система общества», «политический режим» и «форма правления», используя характеризующие их свойства для описания политической системы.

В настоящее время большинство ученых-юристов по-прежнему не разграничивают понятия «политическая система общества» и «политический режим», однако представляется, что такое разграничение имеет важное теоретико-правовое значение, поскольку позволит сформировать правильное и полное понимание сущности данного явления. Следует отметить, что на сегодняшний день единый подход к формулированию дефиниции, а также выделению сущностных характеристик понятия «политическая система общества» как теоретико-правового явления не выработаны.

Наиболее абстрактным, неконкретизированным можно считать понимание политической системы как сферы общества, связанной с особой деятельностью – политикой; как совокупности лиц и институтов, участвующих в политическом процессе [2, с. 183]. Такая трактовка рассматриваемого политико-правового феномена не раскрывает его важных, сущностных характеристик с точки зрения теории государства и права.

В отдельную группу можно выделить трактовки понятия «политическая система», которые характеризуются эклектичностью в подборке ключевых составляющих данного явления. Так, например, К. Г. Волынка понимает под политической системой совокупность политических институтов и организаций, политической деятельности, политических отношений, политических норм, принципов и традиций, политического сознания, культуры и СМИ в их взаимодействии, которые отображают интересы и волю социальных объединений, реализующих политическую власть, борющихся за ее осуществление в рамках права через государство [3, с. 240]. К данному подходу можно также отнести и дефиниции И. А. Соловьева и В. П. Пугачева [4, с. 41].

Существует также научная точка зрения, предполагающая в качестве основной черты, характеризующей политическую систему общества, и определяющую данное понятие – акцент на реализации политической власти и функции управления в обществе.

Идрисова М. А. рассматривает собственно-юридическую природу политической системы, понимая под данным определением систему управления, с помощью которой общество регулирует все существующие в нем социальные системы; целостную, упорядоченную совокупность политических институтов, политических ролей, отношений, процессов, принципов политической организации общества, подчиненных существующим в нем политическим, социальным, юридическим, идеологическим, культурным нормам, историческим традициям и установкам политического режима конкретного общества [5, с. 11].

Такая трактовка по своему содержанию в части элементов, составляющих политическую систему, основополагающей функции управления, подчиненности политическому режиму, – корреспондирует с пониманием рассматриваемого явления учеными М. С. Кельманом, А. Г. Мурашиным, А. В. Юсовым [6, с. 183], А. В. Малехиным [7, с. 296].

Васютин Ю. С. рассматривает политическую систему в двух аспектах: как совокупность государственных и общественных институтов, политических партий, движений, профсоюзов, экономических структур и т.п., в рамках которых проходит политическая жизнь общества и осуществляется политическая власть, а также – как общественно-политическую сферу всех явлений и процессов, которые существуют в обществе [8, с. 19].

В соответствии с правовой концепцией политическая система – это совокупность государственных и негосударственных социальных институтов, которые осуществляют власть, управление обществом, регулируют отношения между гражданами, социальными и этническими группами, обеспечивают стабильность общества, определенный порядок в нем [9, с. 75].

В работе О. Е. Гришина «Устойчивость политической системы: понятие, подходы, регуляторы» приводится «конкретное значение политической системы», которое заключается в том, что она «...обуславливает подлинный сложный механизм формирования и функционирования власти в обществе, реализуемой различными политическими факторами» [10, с. 19]. Кроме того, автор приводит ряд регуляторов устойчивости политической системы, среди которых, например, практика частичной или полной смены правительственной команды, демократизация центрального правительства, развитие участия общества в избирательном процессе, самоуправление [10, с. 23] и другие процессы. Представляется, что такие признаки в большей степени присущи именно политико-правовому режиму того или иного государства и в своей совокупности и сопоставлении друг с другом позволяют представить качественную характеристику политико-правового режима в стране как демократического или же недемократического. Вместе с тем, нельзя отрицать, что рассматриваемые факторы влияют на устойчивость политической системы, что свидетельствует о взаимосвязи таких политико-правовых категорий как «политическая система общества» и «политико-правовой режим».

Так, В. О. Миронов и Н. В. Зин отмечают, что «политический режим по своему содержанию близок к политической системе общества. Он призван решать проблемы взаимоотношений между государством и гражданским обществом, властью и индивидом» [11, с. 9]. Таким образом, в данном случае раскрывается основополагающая характеристика политического режима – способ распределения и реализации власти в государстве. Кроме того, утверждается, что взаимоотношение между названными элементами составляют содержание и политической системы общества.

Отождествление категорий «политическая система общества» и «политический режим» осуществлено в работе О. Л. Тупицы «Профспілки в політичній системі сучасного суспільства: виміри функціонування» [12, с. 94]. Так, данный автор рассматривает две модели осуществления деятельности профсоюзами: модель подчинения в тоталитарной политической системе и модель конкуренции и свободного выбора в политической системе либерально-демократического общества.

Политический (государственный) режим рассматривается как обобщенная характеристика форм и методов осуществления государственной власти в той или иной стране [13, с. 265]. При этом, к элементам государственного режима относят источник происхождения государственной власти; особенности организационно-правового разделения властей; соревновательность, поиски компромисса в деятельности

государственных органов или, напротив, ограничение политической деятельности, ориентация на борьбу с политическими оппонентами и их подавление; реализация политических свобод граждан или, наоборот, их формальное провозглашение; самоуправление территориальных коллективов или же полное подчинение назначенным сверху чиновникам. Такое определение концентрирует в себе особенности государственно-властных отношений, само по себе представляет общее описание рассматриваемого явления и требует конкретизации в указанных признаках.

Также политический режим определяется как совокупность характерных для определенного типа государств политических отношений, применяемых властью средств и методов регулирования сложившихся отношений государственной власти и общества, господствующих форм идеологии, социальных и классовых взаимоотношений, состояния политической культуры [10, с. 9]. Данное понятие включает в себя более широкий круг элементов и позволяет сформировать конкретизированное представление о рассматриваемом политико-правовом феномене.

По мнению Ю. А. Кудрявцева, государственный (политический) режим – это основной институционально-функциональный элемент формы государства, характеризующий политику государства, проводимую государственным аппаратом, использующим в совокупности соответствующие либеральные и принудительные методы воздействия на общественные отношения в процессе осуществления государственной власти [14, с. 8]. Предлагаемое понятие предусматривает такую определяющую характеристику политического режима как его производность от формы государства. Вместе с тем, представляется, что акцент на способах воздействия на общественные отношения только одним субъектом – государственным аппаратом, сужает сущность данного явления.

Приведенные дефиниции подразумевают отождествление политического и государственного режимов, их синонимичность. Данный вопрос является дискуссионным, в теории государства и права отсутствует единый подход относительно соотношения категорий «политический режим» и «государственный режим».

Так, обосновывается мнение о том, что политический режим и государственный режим соотносятся как целое и его часть: «...политический режим представляет собой более широкое явление, чем государственный режим. Политический режим включает в себя не только методы государственного властвования, но и характерные способы деятельности негосударственных политических организаций (партий, движений, клубов, союзов)» [15, с. 159]. Таким образом, государственный режим, представляя собой более узкое понятие, не охватывает все явления политико-правовой жизни, а также всех субъектов, которые в ней задействованы.

Представляется, что отождествление категорий «политическая система общества» и «политический режим» происходит именно тогда, когда политический режим рассматривается в широком смысле – путем объединения под данным определением всех явлений политико-правовой действительности, а также включения в его структуру, так называемых, негосударственных субъектов.

По мнению В. Г. Постникова, «...политический режим придает устойчивость и определенность между элементами политической системы, а самой системе – внутреннюю и внешнюю форму проявления» [16, с. 54]. Следует согласиться с данной позицией, поскольку рассматриваемые явления политико-правовой действительности являются производными от других, более широких по своей сущности и содержанию. Так, политическая система общества является частью социальной системы, а политический режим – формы государства. Кроме того, они предполагают наличие собственной внутренней структуры, определенной совокупности элементов. Таким образом, данные явления нельзя сопоставлять как целое и его часть. Вместе с тем,

нельзя отрицать их взаимосвязь. По мнению автора, политический режим оказывает влияние на политическую систему общества, на ее подсистемы, опосредует формирование политической системы на конкретном этапе общественного развития.

Прежде всего политический режим влияет на институциональную подсистему политической системы общества – определяет способ формирования, порядок осуществления деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества.

В нормативной подсистеме политической системы общества находит отображение, так называемый, «дух» закона, который определяется господствующим политическим режимом, а также особенности осуществления правотворчества, правореализации и правоприменения.

Что касается функциональной подсистемы политической системы общества, то господствующий политическим режим оказывает непосредственное влияние на сущность политических отношений и правоотношений, которые складываются в обществе.

Идеологическая подсистема политической системы общества непосредственно связана с политическим режимом, господствующим в том или ином государстве.

Путем анализа основных подходов к трактовке понятия «политико-правовой режим», а также сопоставления данного политико-правового феномена с категорией «политическая система общества», выявлена причина их отождествления, которая заключается в том, что политико-правовой режим в научной литературе рассматривается в узком значении (как совокупность методов осуществления государственной власти), а также в широком (как механизм осуществления государственной власти и способ деятельности негосударственных политических организаций).

Автором обосновывается позиция о влиянии политического режима на политическую систему общества, а также об опосредовании ее формирования на определенном этапе общественного развития политическим режимом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Парсонс Талкотт. Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой. – М. : Аспект Пресс, 1998. – 270 с.
2. Артыкбаева А.А. Тилекматова А.Т. Современная трактовка понятия «политическая система общества» / А.А. Артыкбаева, А.Т. Тилекматова // Наука и новые технологии, 2014. – №1. – С. 183
3. Волинка К.Г. Теорія держави і права: Навч. посіб. – К.: МАУП, 2003. – 240 с.
4. Агеев Г.В., Крючков В.А., Сквикова А.К. Политическая система общества как объект системного анализа: теоретический аспект / Г.В. Агеев, В.А. Крючков, А.К. Сквикова // Youth World Politic, 2014. – №2. – С. 41-51.
5. Идрисова М.А. Трансформация политической системы общества в эпоху глобализации (теоретико-правовое исследование): автореф. дис. ...к.ю.н. : 12.00.01 / М. А. Идрисова ; Казанский государственный университет. – Казань, 2003 – 22 с.
6. Назаренко О. Політична система суспільства : сутність, основні риси, функції / О. Назаренко // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка, 2012. – №94. – С. 86-90.
7. Станкевич А.М., Наумов В.В. Определение основных подходов к пониманию понятия политической системы общества / А.М. Станкевич, В.В. Наумов // Проблемы экономики и информатизации образования. Материалы XIV Международной научно-практической конференции, 2017. – С. 295-300
8. Васютин Ю.С. Политическая система российского общества, как фактор формирования и реализации государственной политики / Ю.С. Васютин // Государственная политика: методология, практика, направления совершенствования. Материалы международной научно-практической конференции (25 мая 2016 г.), 2016. – Т. 1. – С.19-25.
9. Бунік В.П. Поняття політичної системи суспільства: теоретичний аспект / В.П. Бунік // Science and Education a New Dimension. Humanities and Science, 2014. – №18. – С. 74-77.
10. Гришин О.Е. Устойчивость политической системы: понятие, подходы, регуляторы / О.Е. Гришин // Современные проблемы науки и образования, 2015. – №1-1. – С. 19-24.
11. Миронов В.О. Зин Н.В. О понятиях и формах политического режима / В.О. Миронов, Н.В. Зин // Вестник Международного института управления, 2017. – №1(143). – С. 7-13.

12. Тупиця О.Л. Профспілки в політичній системі суспільства: виміри функціонування : дис. ... д.п.н.: 23.00.02 / О.Л. Тупиця ; Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара. – Дніпропетровськ, 2008. – С. 94-129.
13. Гринюк Р.Ф., Захарченко Н.А., Дорошева Е.Н. Конституционное право зарубежных стран: Учебное пособие. – Издание 4-е, перераб. и допол. – Донецк: Кальмиус, 2012. – 335 с.
14. Кудрявцев Ю.А. Государственный режим как теоретико-государственная категория / Ю.А. Кудрявцев // Theory And Practice Of The Restoration Of Rights, 2015. – №1(4). – С. 8-13.
15. Ярмонова Е.Н. Политический режим как функциональная и динамическая характеристика государства / Е.Н. Ярмонова // Приоритетные модели общественного развития в эпоху модернизации: экономические, социальные, философские, политические, правовые аспекты. Материалы международной научно-практической конференции. В 5-ти частях, 2016. – С. 159-160.
16. Постников В.Г. О политическом режиме / В.Г. Постников // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире, 2016. – №13-3. – С. 50-55.

УДК 343.131

Осинов В.В.

Научный руководитель: Манивлец Э.Е., к.ю.н., доцент

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ

Резюме. В данной статье рассмотрено понятие и виды уголовно-процессуальных функций. Рассмотрено их содержание. Сделан вывод о том, что процессуальные функции – это виды процессуальной деятельности, которые различаются по особым непосредственным целям, достигаемым в итоге производства по уголовному делу.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная деятельность, основные направления деятельности, уголовно-процессуальные функции, функция обвинения, функция защиты, вспомогательная функция.

Длительная научная дискуссия относительно функций уголовного процесса вышла на новый уровень в условиях формирования в Донецкой Народной Республике новой правовой системы, переосмысления значения ряда правовых институтов и механизмов с позиций приоритета человека, его прав и свобод. Очень точным является высказывание выдающегося ученого процессуалиста З. З. Зинатуллина о том, что проблема уголовно-процессуальных функций относится к категории тех, которым уделять внимание необходимо не от случая к случаю, а каждодневно, постоянно, непрерывно [1]. На это же обращал внимание В. М. Савицкий еще в 70–х годах XX века и писал, что процессуальные функции имеют большое практическое значение, поэтому им должно быть посвящено специальное монографическое исследование, которого очень не хватает в отечественной уголовно-процессуальной теории [2, с. 30]. Тема уголовно-процессуальных функций, их системы и видов является не менее актуальной и в наше время, особенно в условиях формирования новой правовой системы общества.

Согласно Большого толкового словаря современного украинского языка, «функция» трактуется как «работа кого-, чего-либо, обязанность, круг деятельности кого-, чего-либо; назначение, роль чего-либо» [3, с. 1320]. В общем понимании уголовно-процессуальная функция — это круг, основные направления деятельности субъектов уголовно-процессуальных отношений, обеспечивающих реализацию задач уголовного процесса [4, с. 219–224]. М. Видря считает, что функция уголовного процесса – это установленная и направленная законом деятельность компетентного органа или участника процесса по осуществлению задач уголовного судопроизводства [5, с. 78]. Уголовно-процессуальные функции можно понимать в широком и узком смысле этого слова. В широком смысле под уголовно-процессуальными функциями следует понимать важнейшие направления деятельности в уголовном производстве: обвинение, защита и

разрешение дела (правосудие), которые различаются по цели осуществления. В узком смысле под функциями следует понимать специальное назначение и роль каждого участника уголовно-процессуальной деятельности в соответствии с их конкретными задачами, вытекающими из общего назначения уголовно-процессуальной деятельности, а также собственных целей и интересов. Функции уголовного процесса (основные уголовно-процессуальные функции и функции отдельных участников (субъектов) уголовно-процессуальной деятельности) взаимосвязаны. Но если основных немного, поскольку это обобщенные виды всей уголовно-процессуальной деятельности, обеспечивают ее существование и развитие, то функции отдельных участников многочисленны, но именно они обеспечивают реальное осуществление основных. Из определения функции как «обязанность, круг деятельности, назначение, а также роли и значения чего-либо» вытекает, что термин «функция» неразрывно связан с ее носителем. Теория уголовно-процессуальных функций важна для правильного определения правового статуса субъектов уголовно-процессуальной деятельности, роли и места каждого из участников в уголовном судопроизводстве, более полного определения их конкретных процессуальных задач [6, с. 1–8]. Очень удобным является неоднократно высказываемое предложение известного ученого процессуалиста В. Зеленецкого относительно разделения процессуальных функций на две части: общие и частные. Первые должны реализовываться в уголовном процессе вообще, а вторая часть – в одной или нескольких стадиях уголовного процесса [7, с. 57].

Альперт С. и Бондаренко А. характеризуют функции как основные (отдельные) направления процессуальной деятельности, которые осуществляют самостоятельные субъекты, реализуя свои права и полномочия для достижения соответствующих целей [8, с. 142]. Альперт С. А. к процессуальным функциям относит: 1) расследование уголовного дела; 2) надзор за соблюдением и правильным применением законов (прокурорский надзор); 3) обвинение; 4) защита; 5) поддержание гражданского иска; 6) возражения против гражданского иска; 7) правосудие [9, с. 16]. Как утверждает А. Шнягин, функции следует относить к объективным категориям процессуальной науки. Характерными чертами последних является то, что они: должны иметь законодательное закрепление; представляют собой основные направления процессуальной деятельности; являются доминирующими при определении правового статуса участников процесса; направленные на решение задач уголовного судопроизводства; осуществляются субъектами названного процесса [10, с. 76]. Деление на функции заключается в том, что направление деятельности каждого субъекта процесса должно определяться его объективной потребностью в удовлетворении конкретного интереса, предоставлении ему прав и возложение на него обязанностей [11, с. 137]. С развитием научной мысли менялось отношение ученых к количеству уголовно-процессуальных функций и их содержанию. Доминирующим положением в уголовном процессе является существование трех базовых функций: обвинения или уголовного преследования, защиты и рассмотрения дела.

Этого положения придерживаются некоторые ученые. Так, М. С. Строгович отмечает, что уголовный процесс имеет следующие функции: 1) уголовное преследование (обвинение); 2) защита; 3) рассмотрение дела. Это положение поддерживают М. М. Михеенко, В. Т. Нор, В. П. Шибико [12, с. 47], В. М. Назаров та Г. М. Омеляненко [13, с. 29]. Таким образом, в науке уголовного процесса в течение длительного времени господствовала концепция трех функций: обвинения, защиты, разрешения дела. Она была закреплена в уголовно-процессуальном законодательстве Российской империи реформами уголовного судопроизводства 1864 г. и способствовала теоретическому осмыслению таких важных положений уголовно-процессуального права, как разделение функций обвинения, защиты и правосудия. В послереволюционный период эта теория была успешно воспринята теоретиками

советского уголовно-процессуального права. Однако с принятием Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик и Уголовно-процессуального кодекса УССР 1961 г. были попытки пересмотреть указанную классическую схему. Одной из причин этого является то, что концепция трех главных функций не отражает всей полноты уголовно-процессуальной деятельности и оставляет без внимания деятельность других участников процесса. 29 июня 2001 г. вступила в силу ст. 161 Уголовно-процессуального кодекса Украины, в которой законодательством утверждена тройная структура уголовно-процессуальных функций. На этой основе В. Чепурной выразил уверенность о дальнейшем отсутствии в теории отечественного уголовного процесса оснований для споров относительно определения понятия уголовно-процессуальных функций, их видов и содержания [14, с. 97].

Эта же тенденция сохранена и в настоящее время, отражаясь в том, что в ходе производства по уголовному делу функции обвинения, защиты и судебного разбирательства не могут полагаться на один и тот же орган или должностное лицо. И здесь нельзя не согласиться с М. Е. Блудилиной, которая пишет, что только взаимодействие трех функций уголовного процесса – обвинения, защиты и судебного рассмотрения может обеспечить надлежащее уголовно-процессуальное производство, в котором каждый будет выполнять функции, возложенные на него законодателем без нарушения прав и свобод граждан [15, с. 3]. Ее позицию можно обосновать тем, что эффективность состязательного процесса зависит от четкого выделения функций уголовного процесса и соответствия сторон, которые принимают участие в уголовном производстве, а также от определения предмета каждой функции и содержания деятельности сторон.

Три процессуальные функции – обвинения, защиты и судебного разбирательства не могут возлагаться на один и тот же орган. Несмотря на это, некоторые ученые пишут, что к процессуальным функциям относятся три функции – обвинения, защиты и судебного рассмотрения и разрешения дела [16, с. 17]. Далее они же называют последнюю функцию функцией правосудия. Считаю, что такая нечеткая формулировка является недопустимой. Например, функция разрешения дела может реализовываться не только в центральной стадии уголовного процесса – судебном разбирательстве, а и в стадии досудебного расследования, когда прокурор на основании положений, указанных в Уголовно-процессуальном законодательстве, прекращает уголовное производство.

В 1961 г. Рахунов Г. Д. определил шесть процессуальных функций: расследования, обвинения, защиты, поддержания гражданского иска, защиты от иска, рассмотрения дела по существу [17, с. 37–39].

По мнению Н. И. Щегель, следует выделять основные уголовно-процессуальные функции (уголовного преследования, защиты, разрешения дела, расследования, предъявления гражданского иска, защиту от иска) и дополнительные уголовно-процессуальные функции (судебный контроль, процессуальное руководство расследованием, обеспечения прав и охраны законных интересов лиц, участвующих в деле, оказание юридической помощи, содействия осуществлению уголовного судопроизводства, обеспечения уголовно-процессуальной деятельности, предупреждение преступлений) [18, с. 10–11].

Интересной с позиции научного познания выглядит система функций, предложенная В. Н. Шпилевим [19, с. 34]. Он выделяет три вида функций: основные, вспомогательные, дополнительные. Основные: обвинение; защита; правосудие. Без них не может существовать уголовный процесс. Вспомогательные: те, которые реализуются свидетелями, экспертами, специалистами, понятыми, переводчиками. Дополнительные, которые могут и не быть в уголовном процессе: предъявление и поддержание иска, субъектами которой являются гражданский истец и его представитель; опровержение и

возражение против гражданского иска, которую реализуют подсудимый, ответчик и его представитель.

На взгляд А. М. Ларина, процессуальные функции – это виды (компоненты, части) процессуальной деятельности, которые различаются по особым непосредственным целям, достигаемым в итоге производства по делу [20, с. 37]. Своеобразную точку зрения относительно сути уголовно-процессуальных функций и их множественности высказал В. С. Зеленецкий: «если отношение субъекта к определенному объекту рассматривать как его социальную позицию (без которой нет и не может быть ни обвинения, ни защиты, ни любой другой функции), а деятельность – как способ реализации этой позиции, то результат, достигаемый в процессе такого взаимодействия названных элементов и представляет собой функцию» [21, с. 20]. Маляренко В. Т. соглашается с мнением Ю. М. Грошевого, который утверждает, что процессуальные функции – это выраженные в законе основные направления процессуальной деятельности, осуществляемые с целью реализации задач уголовного судопроизводства субъектами, уполномоченными на ведение процесса или наделенными правами для активного участия в делах с целью защиты своих законных интересов [22, с. 23]. Проанализировав разные по сути взгляды о понятии уголовно-процессуальных функций позволяет Л. Б. Исмаиловой сделать вывод о том, что все они так или иначе связаны с уголовно-процессуальной деятельностью субъектов уголовно-процессуального права, с функциональными задачами, которые они выполняют, их ролью и назначением, с наличием в сложной системе уголовного процесса отдельных видов, сторон или направлений уголовно-процессуальной деятельности [11, с. 165]. В законе четко указано о существовании трех основных уголовно-процессуальных функций – обвинения, защиты и судебного разбирательства. Их целесообразно называть основными, потому что они отражают основные направления процессуальной деятельности. В круг уголовно-процессуальных функций можно отнести и такие: досудебное расследование, судебный контроль, прокурорский надзор, процессуальное руководство досудебным расследованием, поддержания гражданского иска, возражение против гражданского иска и другие. Эти функции целесообразно называть специальными. Они направлены на достижение задач уголовного судопроизводства, сформулированные в ст. 2 УПК Украины. Следует отметить, что существуют субъекты, которые выполняют вспомогательные функции в уголовном процессе – инициаторы процесса (лицо, заявившее о совершенном или подготовленном преступлении), свидетель, понятой, переводчик, эксперт, специалист, секретарь судебного заседания, судебный исполнитель и другие. Их деятельность является самостоятельной функцией, она не поглощается другими функциями, не обслуживает их в качестве вспомогательной функции, а взаимодействует с ними, активно влияя как на эффективность их применения так и на уголовное судопроизводство в целом. Их деятельность также направлена на решение задач уголовного судопроизводства, надлежащую организацию и функционирование уголовно-процессуальной деятельности. Кроме того, не редко деятельность субъектов, реализующих вспомогательную функцию играет ключевую роль в получении необходимой информации относительно преступления и таким образом способствует его раскрытию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зинатуллин З. З. К вопросу об уголовно процессуальных функциях [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.law.zinatullin.ru/article_11.htm 7.
2. Савицкий В. М. Очерк теории прокурорского надзора в уголовно производстве. – М.:Наука, 1975. -89 с.
3. Великий тлумачний словник сучасної української мови / уклад. і голов. ред. В.Т. Бусел. – К., Ірпінь: ВТФ «Перун», 2002. – 1440 с.
4. Адаховський Д. Поняття, сутність і види кримінально-процесуальних функцій // Право України.- 2010.- № 6.- С. 219-224.

5. Выдря М.М. Расследование уголовного дела – функция уголовного процесса // Советское государство и право. – 1980. – № 9.- С. 78.
6. Арушанян К.К. Функції прокурора у кримінальному провадженні з виконання судових рішень // Часопис Академії адвокатури України.- 2012.- № 17(4).- С.1-8.
7. Зеленецкий В.С. Возбуждение государственного обвинения в советском уголовном процессе. – Х., 1979. – 144 с.
8. Альперт С.А. Кримінально-процесуальні функції: поняття, система, суб'єкти: [конспект лекції].– Х., 1995. – 28 с.
9. Бондаренко О.О. Функції слідчого в кримінальному судочинстві // Вісн. Запоріз. юрид. ін-ту МВС України. – 1999. – № 3.- С. 142-148.
10. Шнягін О.Г. Реалізація функції захисту в кримінальному процесу України: дис. ... канд. юрид. наук.- К., 2010.- 215 с.
11. Ісмаїлова Л.Б. Процесуальні та етико-психологічні питання забезпечення рівності сторін в кримінальному судочинстві України: дис...канд. юрид. наук.- Київ, 2007.- 216с.
12. Михеєнко М.М., Нор В.Т., Шибіко В.П. Кримінальний процес України.– К.: Либідь, 1999. – 535 с.
13. Назаров В.В., Омеляненко Г.М. Кримінальний процес України. – К.: Атіка, 2007. – 584 с.
14. Чепурний О. О. Кримінально процесуальні функції на стадії досудового розслідування: дис. ... канд. юрид. наук. – К., 2005.- 199 с.
15. Блудиліна М.Є. Субєкти порушення справи у кримінальному процесі України // Часопис Академії адвокатури України. – 2008. – № 1.- С. 3-12.
16. Кримінальний процес: підручник / Ю.М.Грошевий, В.Я.Тацій, А.Р.Туманянц та ін. за ред. В.Я. Тація, Ю.М.Грошевого, О.В. Капліної, О.Г.Шило.-Х.: Право, 2013.- 824 с.
17. Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву.– М.: Госюриздат, 1961.– 277 с.
18. Щегель Н.І. Кримінальне переслідування: зміст та форма: дис... канд. юрид. наук. – К., 2005. – 181 с.
19. Шпилев В.Н. Содержание и формы уголовного судопроизводства. – Минск: Изд-во БГУ, 1974. – 143 с.
20. Ларин А. М. Расследование по уголовному делу: Процессуальные функции – М. : Юр. лит., 1986. – 160 с.
21. Зеленецкий В.С. Функциональная структура прокурорской деятельности: Учебное пособие. – Х.: Изд-во ХЮИ, 1978. – 78 с.
22. Маляренко В. Т. Перебудова кримінального процесу України в контексті європейських стандартів: теорія, історія і практика: дис...доктора юрид. наук.-Х., 2004.- 449 с.

УДК 342.95

Панкратова И.О.
Научный руководитель: Пашков С.Н., к.ю.н., доцент

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

Резюме. В статье рассмотрены общественные отношения, возникающие в процессе формирования основных видов государственной службы; порядка прохождения службы для усвоения необходимости, сущности и целей проводимого в Донецкой Народной Республике реформирования государственной службы, выявление и поиск решения проблем государственной службы научными и практическими работниками.

Ключевые слова: государственная служба; государственное управление; государственная должность; категории госслужащих; концепция государственной службы.

Государственный гражданский служащий является главным действующим лицом в сфере государственно-административного управления, той организационной единицей, которая обеспечивает исполнение политическими руководителями конституционных и иных государственных полномочий.

Цель работы состоит в том, чтобы ознакомиться с установленными и гарантированными государством мерами должного и возможного поведения гражданского служащего в профессиональной деятельности.

Долгое время понятия «служащий» и «государственный служащий» не имели должного правового закрепления и должным образом не исследовались в науке. Вопрос еще больше запутывался тем, что в статистике и в анкетах по учету кадров была графа «социальное положение», ответ на которую допускал лишь три варианта: рабочий, крестьянин, служащий. Стало быть, понятием «служащий» обозначали всех, кого нельзя было включить в престижные в ту пору социальные группы рабочих и крестьян. В служащие зачисляли не только работников государственных учреждений (советский аппарат, учителей, врачей, военных и т.п.), но и работников негосударственных структур (аппарат партийных, комсомольских, профсоюзных и других общественных организаций).

Профессиональная служебная деятельность гражданского служащего осуществляется в соответствии с должностным регламентом, утверждаемым представителем нанимателя и являющимся составной частью административного регламента государственного органа.

Государственная (гражданская) служба страны реформируется уже 12 лет. Характерной особенностью этого процесса было то, что за все это время, вопреки общепринятой практике, для данной отрасли деятельности не предусматривалось реально никакого органа управления. Все попытки предложить что-либо по этому вопросу были проигнорированы. Создавалась государственная, а теперь гражданская служба, которая целиком вверялась политическим руководителям государственных органов. Опыт показал, что из такого конструирования ничего результативного не получается. Однако проблема управления гражданской службой и поныне находится лишь на начальной стадии решения.

В различных статьях федеральных законов перечисляются различные признаки государственного гражданского служащего. Если их обобщить, то можно предложить следующее определение: гражданский служащий – это гражданин Российской Федерации в возрасте не моложе 18 и не старше 65 лет, владеющий государственным языком, имеющий профессиональное образование и исполняющий обязанности по государственной должности гражданской службы за денежное вознаграждение. В данном определении перечислены шесть признаков работника, которые делают его гражданским служащим. Основным среди них, конечно, является исполнение обязанностей по государственной должности гражданской службы. Все остальные, так или иначе, обуславливаются данным признаком.

Цель реформирования государственной службы на первых порах (примерно до 2000 г.) состояла в том, чтобы создать государственный аппарат нового типа, способный работать в тех и будущих политических и экономических условиях, аппарат высокопрофессиональный, экономичный и дисциплинированный. Для этого и требовалось установить и соответствующий административно-правовой статус государственных служащих.

Основу социально-правового статуса гражданского служащего составляют восемь групп государственно-служебных норм, которые определяют его права, обязанности, ограничения, запреты, требования, ответственность, социальную защищенность (экономическое обеспечение) и гарантии. Именно они предопределяют основное содержание государственно-служебных отношений, в которых участвует данный работник.

Следует подчеркнуть, что статусные нормы устанавливаются обычно не персонально для каждого гражданского служащего, а для должности, которую он замещает, и поэтому производны от задач и функций государственного органа. Эти статусные нормы дифференцируются на две группы: общие и особенные (конкретные, частные). В свою очередь особенные статусные нормы также делятся на две части: основные и неосновные (дополнительные). Общими статусными нормами называются

те, которые свойственны всем гражданским служащим, независимо от вида, ветви, категории и группы их должностей. Особенными – те, которые устанавливаются в зависимости от этих структур. При этом особенные – основные статусные нормы определяются исходя из типовых квалификационных характеристик, а особенные – неосновные – под влиянием потребностей внутривидовых и межвидовых взаимодействий.

Существует несколько прав и обязанностей государственных служащих:

- на обеспечение надлежащих организационно-технических условий, необходимых для исполнения должностных обязанностей;
- ознакомление с должностным регламентом и иными документами, определяющими его права и обязанности по замещаемой должности гражданской службы, критериями оценки эффективности исполнения должностных обязанностей, показателями результативности профессиональной служебной деятельности и условиями должностного роста;
- отдых, обеспечиваемый установлением нормальной продолжительности служебного времени, предоставлением выходных дней и нерабочих праздничных дней, а также ежегодных оплачиваемых основного и дополнительных отпусков;
- оплату труда и другие выплаты в соответствии с настоящим федеральным законом, иными нормативными правовыми актами РФ и со служебным контрактом;
- получение в установленном порядке информации и материалов, необходимых для исполнения должностных обязанностей, а также на внесение предложений о совершенствовании деятельности государственного органа;
- доступ в установленном порядке к сведениям, составляющим государственную тайну, если исполнение должностных обязанностей связано с использованием таких сведений;
- доступ в установленном порядке в связи с исполнением должностных обязанностей в государственные органы, органы местного самоуправления, общественные объединения и иные организации;
- ознакомление с отзывами о своей служебной деятельности и другими документами до внесения их в его личное дело, материалами личного дела, а также на приобщение к личному делу его письменных объяснений и других документов и материалов;
- защиту сведений о гражданском служащем;
- должностной рост на конкурсной основе;
- профессиональную переподготовку, повышение квалификации и стажировку в порядке, установленном настоящим федеральным законом и другими федеральными законами;
- членство в профессиональном союзе;
- рассмотрение индивидуальных служебных споров в соответствии с настоящим федеральным законом и другими федеральными законами;
- проведение по его заявлению служебной проверки;
- защиту своих прав и законных интересов на гражданской службе, включая обжалование в суд при их нарушении;
- медицинское страхование в соответствии с настоящим законом и законом о медицинском страховании государственных служащих Российской Федерации;
- государственную защиту своих жизни и здоровья, жизни и здоровья членов своей семьи, а также принадлежащего ему имущества;
- государственное пенсионное обеспечение в соответствии с федеральным законом.

К сожалению, данные права и обязанности, которые перечислены выше, не соблюдаются некоторыми государственными служащими.

Автор считает, что для решения данной проблемы необходимо:

1) разработать комплекс мер по формированию современного кадрового резерва государственной службы в целях обеспечения преемственности и передачи накопленного профессионального опыта государственных служащих молодым специалистам;

2) создать систему мотивации карьерного роста государственных служащих как важного условия прохождения государственной службы;

3) внедрить в практику кадровой работы государственных органов правило, в соответствии с которым длительное, безупречное и эффективное исполнение государственным служащим своих должностных (служебных) обязанностей должно в обязательном порядке учитываться при назначении его на вышестоящую должность, присвоении ему воинского или специального звания, классного чина, дипломатического ранга или при поощрении;

4) определять приоритетные направления дополнительного профессионального образования государственных служащих исходя из перспективных целей и задач государственных органов и учитывать их при формировании программ государственных органов по профессиональному развитию гражданских служащих;

5) повысить качество образовательных программ в области юриспруденции, экономики, государственного управления;

6) усилить антикоррупционную составляющую в образовательных программах дополнительного профессионального образования государственных служащих;

7) повысить эффективность дополнительного профессионального образования государственных гражданских служащих, замещающих должности категории «руководители»;

8) обеспечить внедрение в систему дополнительного профессионального образования государственных служащих современных образовательных и информационных технологий;

9) совершенствовать механизм формирования, размещения и исполнения государственного заказа на профессиональную переподготовку, повышение квалификации и стажировку государственных служащих.

Важнейшими направлениями повышения эффективности государственной службы являются разработка и внедрение механизмов, обеспечивающих результативность профессиональной служебной деятельности государственных служащих. В настоящее время показатели служебной деятельности государственных служащих недостаточно ориентированы на результативность их труда, на достижение целей и приоритетов государственных органов. Уровень денежного содержания государственных служащих слабо зависит от результатов их труда. Система дополнительного профессионального образования государственных гражданских служащих также не в должной мере нацелена на повышение результативности их профессиональной служебной деятельности.

Необходимо обеспечить надлежащие условия для качественного исполнения государственными служащими своих должностных (служебных) обязанностей, для эффективного функционирования государственной службы.

Этому могут способствовать внедрение в сферу государственной службы современных информационных технологий управления и совершенствование системы организации профессиональной служебной деятельности государственных служащих. Необходимо разработать сбалансированную систему показателей результативности профессиональной служебной деятельности государственных служащих, а также усилить стимулы к надлежащему исполнению ими должностных регламентов.

Повышение уровня социальной защищенности государственных служащих, совершенствование системы государственных гарантий, создание современной

системы материального и нематериального стимулирования труда государственных служащих, оптимизация порядка оплаты труда на государственной службе являются необходимыми условиями успешного развития системы государственной службы, эффективного достижения поставленных перед нею целей.

Государственная служба представляет собой комплексное явление, имеет различные аспекты (политический, организационный, экономический, нормативный, кадровый, аналитический, социальный, психологический и другие) и потому является объектом изучения многих отраслей науки. Исследование проблем, возникающих в сфере государственной службы, представляет сегодня как научный, так и практический интерес.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Граждан В. Д. Государственная гражданская служба: учебник / В.Д. Граждан. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: КНОРУС, 2007. — 496 с.
2. Агапов А.Б. Административное право. М., 2007. — 548 с.
3. Атаманчук Г.В. Теория государственного управления. Курс лекций / Г.В. Атаманчук. — Изд. 2-ое, дополн. — М., 2014. — 427 с.
4. Бачило И.Л. Еще раз о сути административной реформы в России / И.Л. Бачило / История становления и современное состояние исполнительной власти в России. — М., 2013. — С. 13 – 24.

УДК 347.113

Петраченко В.В.

Научный руководитель: Матвиенко Е.А., к.ю.н., доцент

ЮРИДИЧЕСКАЯ КОЛЛИЗИЯ КАК НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О СОЦИАЛЬНОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ

Резюме. Проанализирована одна из актуальных и наиболее острых проблем современного законодательства о социальном обеспечении – проблема юридических коллизий. С позиций философии права и системного анализа коллизия была рассмотрена как проблемное явление, нарушающее нормальное функционирование системы нормативных правовых актов в сфере социального обеспечения. Особое внимание уделено определению понятия правовой коллизии и отражению на основе анализа действующих нормативных правовых актов специфики детерминации этого явления, а также последствий его существования в законодательстве о социальном обеспечении.

Ключевые слова: коллизия, социальное обеспечение, детерминация.

Право – одна из сложнейших философских категорий, феномен, причины возникновения, сущность и ценность которой на протяжении многих тысяч лет пытается постичь человечество, еще долго будет требовать к себе пристального внимания и занимать умы не одного поколения мыслителей и ученых. «Право, – писал Д.А. Керимов, – явление сложное, многогранное, разностороннее, емкое, исключительно богатое, аккумулирующее в себе огромное количество экономических, политических, социальных, духовных факторов общества».

Диалектика познания, раскрывая новые грани, черты, свойства права, ставит перед наукой все более сложные, комплексные задачи. Подчас давно известные правовые явления, эволюционируя и видоизменяясь под влиянием объективных обстоятельств, требуют использования совершенно новых научных методов и подходов к их исследованию, переводя проблему на качественно иной, ранее не известный уровень.

Актуальностью данной статьи является положение, что коллизионность это своеобразная субстанция права, которая еще недостаточно изучена и до конца не

познанная, это свойство, сопутствующее явление, которое прежде часто оставалось за рамками научных интересов многих представителей юриспруденции.

Главной категорией считается – коллизия (с – единица, Collisio – конфликт), которая присуща разным областям человеческого существования и подразумевает конфликт противоположных сил, стремлений, интересов, представлений, их противостояние и разногласие. Данное представление довольно уже давно бытует в юридической науке и, как правило, применяется с целью характеристики своеобразных обстоятельств, которые возникают в ходе правоприменительной деятельности. В этом случае приводится классическое мнение на проблему области появления коллизий. Такого рода аспект никак не отображает в полной мере достижений нынешней юриспруденции о проблеме соотношения правоприменения и правореализации, в соответствии с этим правоприменительная работа считается компонентом в механизме реализации права. Изучение противоречий и несогласованностей правовых норм в минувшем, находили отражение в отечественной и иностранной юридической литературе, но носили, в большинстве случаев, эпизодический характер. В наше время, все более наглядно наблюдается направленность к комплексному изучению коллизионно-правовой проблематики, все более очевидным становится стремление к отграничению коллизии от иных явлений правовой действительности, раскрытию её отличительных черт и закономерностей, что раскрывает обширные возможности для написания научной статьи [1].

Двойственный характер детерминации, свойственный такому правовому явлению, как коллизия в праве, не раз анализировался многими авторами, исследовавшими проблему правовых коллизий. О существовании объективных и субъективных причин возникновения правовых коллизий писали, в частности, Н. А. Власенко, А. А. Тилле, В. В. Ершов, М. Т. Баймаханов и др. Значит, данная классификация позволяет адекватно отразить совокупность реальных связей, предшествующих возникновению правовой коллизии. Следует, однако, внести некоторые уточнения с точки зрения системного подхода при анализе правовой коллизии.

Поскольку в системных образованиях, как правило, доминирует многофакторная обусловленность следствия, то в подобных случаях достаточно сложно установить, какая из детерминант является причиной, а какая – условием либо поводом – или что оказывает более полное, прямое и непосредственное влияние на возникновение следствия, наконец, в какой степени обособленное действие какого-либо обстоятельства вне системной связи может способствовать появлению следствия в виде системы. Эту задачу видно не в установлении различий в таких категориях, как причина, условия, повод, а в том, чтобы выяснить их совокупное влияние на формирование коллизий, в связи с чем, считается возможным исследовать их в рамках единой категории – детерминант.

Исследование юридической коллизии как системы, позволяет отметить двухуровневую детерминацию этого явления. При этом, первый уровень характеризуется взаимосвязью элементов объективной и субъективной сторон (рассматриваемых как промежуточные следствия) от воздействия внешних по отношению к ним явлений и процессов. Для второго уровня детерминации, коллизии свойственно формирование системной связи и взаимодействия среди элементов объективной и субъективной сторон, что по сути своей, порождает правовую коллизию, как финальное действие.

Процедура познания юридической коллизии не способна обходиться только лишь выяснением значения термина, а требует последующего развития, путем вторжения в суть данного явления. В таком случае, суть юридической коллизии может быть раскрыта в рамках системного подхода, который имеет особенности:

- 1) любой объект может быть представлен как система;

- 2) система динамична, постоянно движется, развивается во времени и пространстве;
- 3) система гетерогенна, т.е. это объект, состоящий из некоторого множества автономных частей, выделенных относительно друг друга;
- 4) система представляет собой единство (интегральность) множества объектов (причем как материальных, так и идеальных);
- 5) в системном исследовании реализуется примат структуры над свойствами и функционированием элементов.

Анализ коллизии как системного явления дает возможность отметить в ее структуре две категории элементов, составляющих соответственно объективный и субъективный компоненты коллизии, которые необходимы, а вместе достаточны, с целью возникновения коллизии как концепции. Структуру объективного компонента составляют такие явления, как:

- 1) существование некоторого множества объектов коллизии;
- 2) совпадение сфер регулирования юридических норм;
- 3) различие в мере влияния объектов на спорный объект регулирования при их взаимодействии.

Субъективный компонент включает следующие элементы:

- 1) субъект;
- 2) отражение субъектом обстоятельств объективного характера;
- 3) проблему выбора правовой нормы, подлежащей применению в связи с названными обстоятельствами, и вызванная этим неопределенность поведения.

Система правовой коллизии представляет собой цепь причинно-следственных связей (объективная сторона коллизии → ее восприятие субъектом → проблема выбора правомерного поведения), что дает основание сформулировать понятие правовой коллизии в наиболее общем виде как проблемной ситуации (совокупности обстоятельств), возникающей, как правило, в связи с реализацией права. При этом определение понятия правовой коллизии может быть следующим: коллизия в праве – это явление системного характера, отражающее результат обнаружения субъектом двух и более формально действующих правовых норм с совпадающими сферами правового регулирования, различие которых создает проблему выбора одной из них, подлежащей реализации. Данное определение представляет собой результат обобщения и приведения в систему существенных свойств явления и позволяет установить отличие правовой коллизии от смежных правовых категорий, таких как дублирование, конкуренция норм [2].

Аналогичную по форме классификацию можно обнаружить в работах Ю. А. Тихомирова: «Юридические коллизии возникают в силу разных причин, которые можно объединить в две группы. К первой относятся собственно правовые коллизии, возникающие «внутри» права, – низкое качество законов, противоречия между актами и др.

Ко второй группе можно отнести причины, привносимые из других сфер (политическая борьба, кризис власти, противоречия в экономике и др.)». Нетрудно заметить, что, несмотря на формальное сходство подходов к классификации, по содержанию они различны [3].

Внешние предпосылки при этом следует разделить на две группы:

- 1) обуславливающие возникновение объективного компонента правовой коллизии;
- 2) обуславливающие возникновение субъективного компонента правовой коллизии.

Предпосылки первой группы в свою очередь имеют объективную и субъективную природу.

Представляется, что более точно отражает круг связей и процессов, которые следует считать обстоятельствами или предпосылками объективного компонента правовой коллизии позиция Н. А. Власенко, который исходит из следующих основных посылок: возникновение коллизии в праве (ее объективного компонента) обусловлено характером и спецификой регулируемых фактических отношений, при этом не только их динамикой с точки зрения временных факторов, но и с учетом особенностей их организации в пространстве, существованием объективной необходимости в дифференцированном подходе к их регламентации (норма с разным объемом регулирования), а также особенностями самого правотворчества, которые выражены, главным образом, в множественности нормотворческих органов, способных издавать правовые нормы, регулирующие одно и то же общественное отношение. Среди субъективных предпосылок объективного компонента правовой коллизии в праве социального обеспечения, как и в иных отраслях права, следует выделить такие явления, как:

1) правотворческие ошибки и нарушение правил законодательной техники (они занимают ведущее место среди субъективных предпосылок образования объективного компонента, что наиболее часто отмечается в юридической литературе);

2) стихийность правотворческого процесса;

3) недостаточно четкое разграничение компетенции между правотворческими органами;

4) лоббирование, экономическая и политическая конъюнктура и другие[3].

Необходимо проследить на примерах отмеченную взаимозависимость явлений в законодательстве о социальном обеспечении.

Правовую коллизию, вызванную несоблюдением правил законодательной техники, можно обнаружить при соотношении норм Федеральных законов от 17 декабря 2001 г. №173-ФЗ «О трудовых пенсиях в РФ» от 15 декабря 2001 г. №167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в РФ». Суть проблемы заключается в том, что Закон об обязательном пенсионном страховании устанавливает (абз. 2 п. 1 ст. 29), что физические лица в праве добровольно вступать в правоотношения по обязательному пенсионному страхованию и осуществлять уплату страховых взносов в бюджет ПФР за другое физическое лицо, которое не осуществляет трудовой или иной деятельности, предусмотренной п. 1 ст. 7 данного закона. Однако Закон о трудовых пенсиях в качестве обязательного условия обеспечения всеми видами трудовых пенсий обозначает наличие страхового стажа, в который согласно ст. 10 включаются периоды работы и (или) иной деятельности при условии, что за эти периоды уплачивались страховые взносы. В данном случае, мы исходим из того, что и для пенсии по инвалидности, и для пенсии по случаю потери кормильца в качестве общего правила также необходим страховой стаж, однако продолжительность его в отличие от стажа для пенсии по возрасту (не менее 5 лет) значения не имеет – важно, чтобы он не отсутствовал полностью.

Исследование законодательства о социальном обеспечении дает возможность сделать заключение и о том, что дифференциация в данной области сопряжена как с разнообразием субъектов-получателей (нуждающихся) и спецификой их статуса, так и с характеристикой содержания общественных отношений. В большинстве случаев возникает дифференциальная связка «общая норма – специальная норма». Нормы исключительного характера также встречаются в законодательстве о социальном обеспечении, но это явление довольно уникальное для данной отрасли права.

Одним из примеров дифференционной коллизии может служить коллизия норм Закона РФ от 24 октября 1991 года № 1799-1 «Об индексации денежных доходов и сбережений граждан в РСФСР» и п.п. 6–9 ст. 17 Закона о трудовых пенсиях. Закон о трудовых пенсиях предусматривает специальный порядок индексации трудовой пенсии

(каждая из частей трудовой пенсии индексируется по разным правилам). Кроме того, п. 6 ст. 17 Закона о трудовых пенсиях предусматривает возможность индексации базовой части трудовой пенсии только в том случае, если средства на эти цели предусмотрены в федеральном бюджете или бюджете ПФ РФ на данный финансовый год. Подобных оговорок Закон от 24 октября 1991 года не содержит, устанавливая лишь, что источником средств для индексации пенсий, при этом пенсии в полном объеме независимо от установленных частей, являются средства ПФ РФ, в том числе ассигнования из федерального бюджета [4].

Подводя итоги вышесказанному необходимо отметить, что возникновение правовой коллизии является препятствием на пути решения не только сугубо юридических задач правового регулирования (упорядочения поведения субъектов), но и достижения социальных целей, составляющих основу системы социального обеспечения, т.е. порождает социальные последствия, в которых преобладает негативный заряд. Помимо презюмируемого негативного влияния на эффективность правовых норм, юридическая коллизия может сигнализировать нормотворческому органу о наличии проблемы различного регулирования одного общественного отношения и в этом плане сыграть позитивную роль – дать оперативную информацию о необходимости принятия адекватных мер (устранение коллизии или формирование специальных коллизионных правил ее преодоления) для приведения системы в нормальное состояние. Позитивный аспект такого типа влияния, которое именуется сигнально-информативным, заключается в придании импульса для исследовательской и нормотворческой деятельности и, как следствие, совершенствования системы законодательства и устранения существующих системных нарушений.

Таким образом, юридические коллизии неизбежно оказывают непосредственное влияние на общественные институты, способствуют возникновению социального напряжения отдельных групп населения, вызывают значительный общественный резонанс. Подобные ситуации являются признаком невысокой правовой культуры, процветающего на всех уровнях правового нигилизма. Поэтому юридические коллизии следует своевременно отслеживать и устранять, не подрывая основы порядка и стабильности в обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Керимов Д.А. Философские основания политико-правовых исследований. М.: Мысль, 1986. С. 168.
2. Коллизии в праве// Российское правоведение на рубеже веков: трибуна молодого ученого: [Сб. статей]/Отв. ред. В.А. Уткин. – Томск: Пеленг, 2002. – С. 4-8.
3. К вопросу о природе коллизий в праве// Правовые проблемы укрепления российской государственности. Ч.12: [Сб. статей]/ Под ред. В.М. Лебедева. – Томск: Изд-во Том.ун-та, 2002. – С. 251-254.
4. Некоторые коллизионные вопросы современной реформы пенсионного законодательства//IV Сибирская школа молодого ученого (материалы VII международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых 17-19 декабря 2001 г.). В 5 т. Т.4. Ч.1.: [Сб. статей]. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2002. – С. 182-187.

ТЕРРОРИЗМ КАК КРАЙНЯЯ ФОРМА ПРОЯВЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИЗМА

Резюме. Статья посвящена актуальной проблеме, связанной с дефинициями двух реальных феноменов «терроризм» и «экстремизм», а также их основными формами проявления. Предлагается определение терроризма в уголовном праве нашей республики. Разработаны предложения о внесении изменений в статьи действующего Уголовного кодекса ДНР.

Ключевые слова: терроризм, террористическая деятельность, преступления террористического характера, экстремизм, экстремистская деятельность.

Терроризм и экстремизм являются глобальными проблемами действительности мирового масштаба, которые несут тотальную угрозу всему обществу. Эти феномены сеют страх, ненависть, оказывают психологическое давление на население, сеют вражду не только между социальными группами, но и между государствами, влекут за собой военные провокации. За последние несколько лет мы регулярно встречаем эти понятия в различных источниках информации: печатных СМИ, Интернете, телевидении и т.д.

В настоящее время в законодательстве Донецкой Народной Республики и в частности в Уголовном кодексе ДНР отсутствуют такие уголовно-правовые определения как «терроризм» и «экстремизм». Законодатель использует термины «террористический акт» (ст. 229 УК), «содействие террористической деятельности» (ст. 230 УК), «публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности» (ст. 325 УК), «организация экстремистского сообщества» ст. 329 и т.д. При этом, терроризм упоминается в названии и диспозиции ч. 1, 4 ст. 230 УК и примечании 1 к этой статье (финансирование терроризма), а также в названии, диспозиции части 1 и примечании к статье 231 УК (публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма), ст. 232 (прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности), ст. 233 (организация террористического сообщества и участие в нем), ст. 234 (организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации), ст. 236 (заведомо ложное сообщение об акте терроризма), а также ч. 4 ст. 240 УК. Таким образом, деяния, предусмотренные статьями 229, 230, 231, 232, 233, 234 являются формами проявления терроризма, который в свою очередь, представляет собой систему преступлений террористического характера.

Стоит отметить, что в уголовном законодательстве Российской Федерации дается дефиниция терроризма – это «идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий» [1]. Однако многих такое определение терроризма не устраивает из-за использования законодателем такого термина как «идеология насилия». «Такая дефиниция, по образному выражению В. С. Комиссарова, определяет терроризм как социальное явление и не вполне пригодна для включения в механизм уголовно-правового регулирования общественных отношений» [3]. Гарбагаев А. Н. в своей работе отмечает, что идеология насилия выражается в выдвижении научных идей, создании теорий, концепций, оправдывающих и обосновывающих возможность применения насильственных действий для достижения нужных террористам политических результатов и если при этом высказанные идеи не содержат в себе призывов к совершению конкретных преступлений, а являются лишь общим теоретическим обоснованием возможности

совершения насильственных действий для реализации политических (или религиозных) целей, то с точки зрения уголовного закона их нельзя квалифицировать в качестве преступления. Так как, «сама по себе идеология, какой бы отвратительной она ни была, до тех пор, пока она не воплотилась в общественно опасное деяние (действие или бездействие), предусмотренное Уголовным кодексом РФ, не является уголовным преступлением [3].

Другое определение терроризма дается в Шанхайской конвенции от 15 июня 2001 г. «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» – любое деяние, направленное на то, чтобы вызвать смерть какого-либо гражданского лица или любого другого лица, не принимающего активного участия в военных действиях в ситуации вооруженного конфликта, или причинить ему тяжкое телесное повреждение, а также нанести значительный ущерб какому-либо материальному объекту, равно как организация, планирование такого деяния, пособничество его совершению, подстрекательство к нему, когда цель такого деяния в силу его характера или контекста заключается в том, чтобы запугать население, нарушить общественную безопасность или заставить органы власти либо международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения [2]. Такое определение охватывает собой не все проявления террористической деятельности и не годится для использования в качестве правового основания для квалификации терроризма как уголовного преступления.

С учетом вышеизложенного, автор предлагает такую дефиницию: терроризм – это политически мотивированная и идеологически обоснованная система противоправных действий насильственного характера, целью которых является посредством устрашения населения воздействие на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями.

Как уже отмечалось выше, понятие «терроризм» имеет собирательный характер, поскольку включает в себя:

- а) организацию, планирование, подготовку, финансирование и реализацию террористического акта;
- б) подстрекательство к террористическому акту;
- в) организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре;
- г) вербовку, вооружение, обучение и использование террористов;
- д) информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта;
- е) пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности – определение, которое не подходит для квалификации терроризма как уголовного преступления [1].

Анализ перечисленных в данной норме видов террористической деятельности указывает на то, что законодатель включил в состав системы, составляющие ее самостоятельные различающиеся по правовой природе группы негативных актов поведения. Таким образом, можно составить список преступлений террористической направленности, предусмотренный законодательством ДНР, а именно Уголовным кодексом: ст. 229 «Террористический акт»; ст. 230 «Содействие террористической деятельности»; ст. 231 «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности и публичное оправдание терроризма»; 232 «Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности»; ст. 233 «Организация террористического сообщества и участие в нем»; 234 «Организация деятельности

террористической организации и участие в деятельности такой организации»; и преступления, посредственно связанные с террористической деятельностью, при условии, наличия цели воздействия на органы государственного управления, органы местного управления или международных организаций: ст. 235 «Захват заложников»; ст. 237 «Организация незаконного вооруженного формирования и участие в нем»; ст. 239 «Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)»; ст. 240 «Угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава» и т.д.

Что касается экстремизма, то хотя законодатель и не дает определение экстремизму в целом, он дает понятие преступлению экстремистской направленности в Примечании 2 к ст. 329 УК ДНР (организация экстремистского сообщества) – преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной и Общей части УК [4]. Если обратиться к законодательству Российской Федерации, то в федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» перечислены все виды экстремистской деятельности:

- насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;

- публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;

- возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;

- пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

- нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

- воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;

- воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения;

- пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций;

- публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;

- публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением;

- организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению;

- финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг и т.д. [4].

Анализ перечисленных в данной норме видов экстремистской деятельности указывает на то, что понятие «экстремизм» шире понятия «терроризм», т.к. терроризм выступает одной из форм проявления экстремизма.

Особое внимание стоит обратить на возраст наступления уголовной ответственности за преступления экстремистской и террористической направленности. Возраст наступления уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности: ст. 325 УК ДНР (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности), ст. 328 УК ДНР (возбуждение ненависти или вражды, а равно уничтожение человеческого достоинства), ст. 329 УК ДНР (организация экстремистского сообщества), ст. 330 УК ДНР (организация деятельности экстремистской организации), а также террористической направленности: 231 УК (публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма), ст. 232 (прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности), ст. 233 (организация террористического сообщества и участие в нем), ст. 234 (организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации), – наступает с 16 лет, за исключением «террористического акта» (ст. 229 УК ДНР), за которое предусмотрен возраст УО – 14 лет.

По мнению автора, целесообразно снизить возраст наступления уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности, предусмотренные статьями 328, 329, а также террористической направленности – ст. 232 до 14 лет, так как в данном возрасте лицо осознает фактический характер и общественную опасность своих деяний и может руководить ими. Ужесточение мер уголовной ответственности за данные виды преступлений является одной из существенных мер предупреждения преступности в сфере безопасности. Экстремистская деятельность представляет не менее значимую общественную опасность, т.к. распространяется на общественное сознание, психологию, идеологию, мораль и легко может трансформироваться в крайнюю форму экстремизма – терроризм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О противодействии терроризму: федер. закон от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017). Доступ из справ.-правовой системы «Законодательство РФ». Источник: <http://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-06032006-n-35-fz-o/>
2. О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом: Шанхайская Конвенция от 15 июня 2001г. Доступ из официального сайта Министерства иностранных дел РФ. Источник: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_safety/crime//asset_publisher/3F51ZsLVsX4R/content/id/579622
3. Тарбагаев А.Н. Проблемы уголовно-правовой квалификации терроризма // Всероссийский криминологический журнал. 2013. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-ugolovno-pravovoy-kvalifikatsii-terrorizma> (дата обращения 06. 02. 2018).
4. Сборник законодательных актов Донецкой Народной Республики №2. Уголовный кодекс ДНР. – Д.: ООО «Компания «Мегаинвест», 2016. – 200с.
5. О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ (с изм. и доп.). Доступ из справ. – правовой системы «Гарант». Источник: <http://base.garant.ru/12127578/>

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ФОРМЫ СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ МЕЖДУНАРОДНОГО ХАРАКТЕРА

Резюме. В статье раскрываются основные формы и направления международного сотрудничества государств в борьбе с преступностью. Обосновывается вывод о том, что понятия направления и формы международного сотрудничества не могут быть тождественными.

Ключевые слова: международное сотрудничество государств, преступность.

Важным элементом обеспечения международного, внутригосударственного правопорядка и безопасности является международное сотрудничество государств в борьбе с преступностью. Следует отметить, что международные аспекты борьбы с преступностью проявились на рубеже XIX–XX веков. Так, с момента возникновения международного права сложился институт выдачи преступников, который в процессе исторического развития перетерпел неоднократных изменений.

Актуальность исследуемой проблемы обусловлена тем, что любое государство, усиливая борьбу с преступностью, определяет противоправность действий, принимая для этого всевозможные меры. Однако преступления международного характера, так же как преступления против мира и безопасности человечества (геноцид, терроризм, военные преступления и др.), давно перешагнувшие пределы государств, угрожают безопасности мирового сообщества и жизни людей. В связи с этим возникает необходимость в научном исследовании проблем становления, определения и развития основных направлений международно-правового сотрудничества в борьбе с преступностью для использования этого опыта в современных условиях.

Основной целью написания данной статьи является комплексное исследование направлений и форм международно-правового сотрудничества в борьбе с преступностью, обоснования их специфики, а также анализ доктринальных подходов ученых и норм международных договоров в этой сфере.

Для достижения цели статьи, можно сформулировать такие задачи:

1. Изучить международное сотрудничество государств в борьбе с преступностью в широком понимании, как специфической деятельности в области предупреждения и борьбы с ней;

2. Уточнить перечень основных направлений и форм такого сотрудничества, определить его механизм

3. Сформулировать теоретико-правовое толкование понятий «направления международного сотрудничества государств в борьбе с преступностью», «формы международного сотрудничества государств в борьбе с преступностью»;

На основании аналитического обзора научной литературы и мнений ученых-международников и процессуалистов, таких как Бородин С. В., Ляхин Е. Г., Галенская Л. Н., Валеев Р. М., Решетов Ю. А., Трайнин А. Н. и др., установлено, что в научной литературе сложились различные точки зрения в определении основных направлений международного сотрудничества и его форм, а также отождествление этих понятий, что приводит к определенным теоретическим неточностям.

Борьба с преступностью является одним из приоритетных направлений в международном сотрудничестве. Ее рост и интернационализация превратили эту борьбу в одну из главных социальных проблем и обусловили необходимость межгосударственного взаимодействия в деле ее решения. Если индивид, совершивший преступление на территории одного государства, скрывается на территории другого государства, необходимым было сотрудничество этих стран.

Развитие международного сотрудничества в области предупреждения преступности и борьбы с ней предопределяет ряд факторов: необходимость обмена опытом борьбы с преступностью, как объективно обусловленного социального явления конкретного общества; правонарушения и преступные действия транснациональных преступных объединений; организованная преступность; незаконный оборот наркотиков, торговля женщинами и детьми, легализация преступных доходов, акты терроризма и международного терроризма.

Международное сотрудничество в борьбе с преступностью – это деятельность государств и иных участников международного общения в сфере предупреждения и противодействия преступности. Сотрудничество государств в данной области связано с определенным историческим уровнем развития международного взаимодействия и(или) противостояния в целом в политической, социальной, экономической, гуманитарной, культурной, правовой, военной и других областях, включая обеспечение безопасности личности, национального общества, государства и мирового сообщества [1, с. 501].

Основными задачами государств в борьбе с преступлениями международного характера, являются: а) согласование квалификации преступлений, представляющих опасность для государств; б) координация мер по предотвращению и пресечению преступлений; в) установление юрисдикции над преступниками и преступлениями; г) обеспечение неотвратимости наказания; д) оказание правовой помощи по уголовным делам [2, с. 353].

В своих трудах С. В. Бородин, Е. Г. Ляхов основными направлениями межгосударственного сотрудничества по борьбе с преступностью считают: а) выдачу преступников и оказание правовой помощи по уголовным делам; б) обмен национальным научным и практическим опытом, обсуждение проблем и проведение совместных исследований; в) оказание профессионально-технической помощи государствам в борьбе с уголовной преступностью; г) договорно-правовая координация борьбы с преступлениями, которые касаются нескольких государств (сотрудничество государств в борьбе с отдельными видами преступлений на основе международных соглашений) [3, с. 11].

Следовательно, можно выделить три группы основных направлений международного сотрудничества: уголовно-правовой, уголовно-процессуальной и научно-методической (информационной) направленности.

В конце XX–начале XXI столетия наиболее актуальными формами международного сотрудничества государств в борьбе с преступлениями международного характера являются: а) заключение договоров о борьбе с преступлениями международного характера; б) совместные меры по пресечению преступных действий и привлечению виновных к ответственности; в) правовая помощь по уголовным делам; г) создание совместных следственно-оперативных и оперативно-разыскных групп; д) разработка унифицированных нормативно-правовых актов, регламентирующих сотрудничество государств в данной сфере; е) проведение совместных организационных и научно-практических мероприятий для обсуждения проблем международного сотрудничества в предупреждении преступности, борьбе с ней и при обращении с правонарушителями; ж) проведение антитеррористической деятельности, включающей предотвращение, пресечение и расследование террористического акта, а также многогранную подготовку групп антитеррора; з) создание межгосударственных центров по подготовке кадров, предоставлению экспертных услуг и межгосударственных информационных банков.

Правовая основа международного сотрудничества государств в рассматриваемой области состоит из двух основных форм: а) заключение двусторонних договоров и соглашений; б) заключение многосторонних соглашений и создания международных организаций [4, с. 192].

Таким образом, формирование и развитие основных направлений и форм сотрудничества государств в указанной области, осуществлялось учитывая целенаправленность деятельности государств по реализации стратегии борьбы с наиболее опасными преступлениями, в тот или иной исторический период.

В настоящее время организующим и координирующим, общепризнанным центром международного сотрудничества, является Организация Объединенных Наций, главной задачей которой, является обеспечение и поддержание мира на Земле. Начало активного участия ООН в борьбе с преступностью международного характера было положено в 1972 г.

После создания ООН международное сотрудничество осуществлялось с использованием двух механизмов: договорно-правового (конвенционного) и институционного.

Договорно-правовой механизм подразумевает использование всех возможностей права международных договоров. Соглашения могут быть либо прямо посвящены проблемам преступности, либо рассматривают их в контексте решения других проблем. Необходимо иметь в виду, что договоры являются правовой базой сотрудничества.

Институционный механизм находит свое воплощение в создании специализированных международных организаций и действует на основе новых договоров.

Генеральная Ассамблея ООН разработала и представила для подписания ряд международных конвенций о борьбе с такими международными преступлениями, как геноцид (1948 г.), апартеид (1973 г.), международными уголовными преступлениями, рабством и работорговлей (1953, 1956 гг.), незаконной торговлей наркотиками (1961 г.), преступлениями против лиц, пользующихся международной защитой (1973 г.) и другие, которые угрожают интересам многих государств и подрывают международное общение, продолжается и сегодня. Особое внимание государства-члены ООН уделяют борьбе с международным терроризмом, наемничеством и некоторыми другими уголовными преступлениями. Уже действующие соглашения были разработаны в различных исторических условиях, заметно отличаются по стилю и характеру обязательств. Но можно выделить несколько характерных черт, присущих указанным конвенциям. Во всех конвенциях те или иные противоправные действия признаны общественно опасными всеми государствами-участниками. Договаривающиеся стороны берут на себя обязательства включить их в свое национальное законодательство как уголовные преступления, которые должны серьезно наказываться. Государства-участники берут на себя обязательство принимать все необходимые меры для предупреждения и пресечения этих преступлений. Они также обязуются осуществлять в различных формах сотрудничество друг с другом и с ООН для наказания предусмотренных в этих конвенциях уголовных преступлений. Во всех конвенциях идет речь об уголовной ответственности индивидов лично.

Потребности государства и общества обусловлены нормальным функционированием и развитием межгосударственных отношений, в связи с чем формировались основные направления и формы сотрудничества государств в борьбе с преступлениями международного характера. Нужно отметить, что определения «направления международного сотрудничества государств в борьбе с преступностью» и «формы международного сотрудничества государств в борьбе с преступностью» разные по своему содержанию и самостоятельно характеризуют международное сотрудничество в указанной области, поэтому тождественность этих понятий исключена.

Следовательно, направления международного сотрудничества государств в борьбе с преступностью – это пути взаимодействия государств, осуществляемой в

определенной форме, уголовно-правового, уголовно-процессуального и(или) научно-методического и информационного характера, урегулированные нормами международных договоров, общепризнанными принципами международного права и нормами внутреннего законодательства государства. А формы международного сотрудничества государств в борьбе с преступностью – это способы (точно установленный порядок) его осуществления.

Таким образом, можно утверждать, что механизм международного сотрудничества в борьбе с преступностью является системой направлений и форм сотрудничества государств, а также оснований для взаимодействия уполномоченных субъектов, выбора и применения ими того или иного направления, или той или иной формы взаимодействия, а также отказа в ней.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Международное право: Учебник / Отв. ред. д.ю.н., проф. С.А. Егоров. – М.: Статут, 2016. – 848 с.
2. Международное право / под ред. Г.И. Тункина. – М.: Юридическая литература, 1982. – 566 с.
3. Бородин С.В. Международное сотрудничество в борьбе с уголовной преступностью / С. В. Бородин, Е. Г. Ляхов. – М.: Международные отношения – 1983. – 200 с.
4. Столярский О.В. Генезис международного правового сотрудничества государств в борьбе с преступностью // О.В. Столярский. – М.: Национальный юридический журнал: Теория и практика, 2015 – № 1(11) – 198 с.

УДК 34.343.9

Попкова П.М.

Научный руководитель: Тимошенко Н.А., к.ю.н., доцент

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА, СОВЕРШАЕМЫХ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Резюме. В результате исследования установлено, что насильственные преступления имеют достаточно высокую степень латентности и занимают в структуре преступности значительное место. Сформулировано теоретически обоснованное криминологическое понятие насильственной преступности в отношении несовершеннолетних. Дана криминологическая характеристика половых преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних, личности преступника, типологии жертвы. Разработаны предложения по совершенствованию мер предупреждения насильственных сексуальных преступлений в отношении несовершеннолетних.

Ключевые слова: преступления сексуального характера, преступность в отношении несовершеннолетних, насильственная преступность.

Рост насильственных посягательств на жизнь и здоровье человека в последние десятилетия является одной из самых значимых проблем современного общества. При этом значительное количество тяжких преступлений сексуального характера совершается в отношении несовершеннолетних. Такие действия носят глобальный характер, так как жертвами подобных преступлений являются наиболее незащищенные категории потерпевших в силу возраста, не сформированного психического, морального и эмоционального состояния.

В современном мире продолжает увеличиваться количество преступлений, посягающих на половую свободу и неприкосновенность несовершеннолетних. Рассматриваемые преступления, без сомнения, являются социально опасными, по причине оказания значительного вреда здоровью жертвам, порочения чести и достоинства, деловой репутации, воздействия на психическое состояние жертвы, причинения моральной травмы, вплоть до доведения до самоубийства.

В связи с этим, возникает необходимость в рассмотрении криминологической характеристики преступлений сексуального характера, совершаемых в отношении несовершеннолетних, личности преступника и типологии жертвы.

Насильственная преступность – совокупность преступлений, совершенных с применением физической силы либо с угрозой применения таковой, имеющих основной непосредственной целью лишение человека жизни либо причинение вреда его здоровью, физической свободе, телесной (в том числе половой) неприкосновенности против его воли, а также совокупность лиц, совершивших насильственные преступления за определенный период на определенной территории.

Основным признаком, объединяющим отдельные противоправные деяния в насильственные преступления, является физическое или психическое насилие над личностью или угроза его применения. При этом насилие при совершении этих преступлений является элементом мотивации, а не просто средством достижения криминальной цели. На этом основании в число таких преступлений не включаются насильственный грабеж, разбой, вымогательство и ряд других деяний, где проявляется так называемое инструментальное насилие, используемое исключительно как средство достижения корыстной или, скажем, политической цели.

Круг насильственных преступлений весьма разнообразен, однако внимание акцентируется на наиболее опасных проявлениях насилия – насильственных преступлениях против личности.

К ним относятся преступные деяния, объектом которых является именно и только человек: убийство, причинение тяжкого вреда здоровью, побои, истязание, изнасилование и т. п.

Половые преступления, совершаемые в отношении несовершеннолетних представляют собой умышленные действия, посягающие на охраняемые уголовным законом половую свободу, а также половую неприкосновенность, нравственное и физическое развитие лиц, не достигших 18-летнего возраста.

Видовым объектом этих преступлений является совокупность общественных отношений, обеспечивающих половую неприкосновенность и половую свободу личности. Половая свобода и половая неприкосновенность составляют часть гарантированных Конституцией Донецкой Народной Республики (далее – ДНР) прав и свобод. Статья 15 Конституции ДНР провозглашает: «Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность». Половая неприкосновенность является составляющей половой свободы, поэтому ее нарушение всегда означает и нарушение половой свободы [1].

При изнасиловании или совершении насильственных действий сексуального характера в отношении несовершеннолетнего лица и в отношении лица, не достигшего 14-летнего возраста, в отношении лица, достигшего 12-летнего, но не достигшего 14-летнего возраста, непосредственным объектом преступления признается половая неприкосновенность; дополнительным – нормальное физическое и нравственное развитие таких лиц.

Важным является то, что ответственность за совершение этого преступления возможна в случае осознания виновным возраста потерпевшего.

Переходя к характеристике личности преступника, следует отметить, что личность преступника отличается от личности законопослушного человека общественной опасностью, ей присущи преступные потребности и мотивация, эмоционально-волевые деформации и негативные социальные интересы. Проблема личности преступника является одной из центральных для наук, связанных с преступностью, и, прежде всего, для криминологии.

Опасность личности формируется обычно ещё до момента совершения преступления. Этот процесс находит выражение в дисциплинарных и административных правонарушениях, аморальных поступках.

Возвращаясь непосредственно к теме исследования, следует также дать характеристику личности преступника, посягающего на половую неприкосновенность несовершеннолетних.

Половое извращение, которое выражается в половом влечении к детям и подросткам называется педофилией. Однако, вопреки общепринятому мнению, о том, что термин «педофилия» используется исключительно в целях характеристики преступника, имеющего половое влечение к несовершеннолетним лицам, в медицинской литературе существует несколько детерминантов вышеописанных действий:

– педофилия: половое влечение к лицам мужского пола, не достигшим возраста 16 лет;

– эфебофилия: половое влечение к лицам мужского и женского пола, достигшим возраста 16 лет;

– корефилия: половое влечение к лицам женского пола, не достигшим 16-летнего возраста.

Как отмечает Н. А. Исаев, существуют следующие типологии личности преступника, совершающего противоправные действия в отношении половой неприкосновенности несовершеннолетних:

1. Лица с нарушением сексуальной ориентации, которые характеризуются следующими особенностями: имеют неполное среднее или среднее образование, обладают низкой трудовой квалификацией, на работе характеризуются отрицательно, ранее были судимы. Имеют поражения головного мозга, которое усугубляется ввиду злоупотребления алкоголем. Сексуальная активность таких лиц, как правило, направлена на родственников, случайных знакомых, оказавшихся рядом с ними, вне зависимости от их возраста.

2. Лица с нарушением иерархической ориентации доминирование – подчинение, для данной группы сексуальная активность выступает средством установления и демонстрации своего превосходства, особенно в отношении детей. Сексуальным действиям чаще предшествуют физические наказания. Сексуальное насилие воспринимается ими, как средство разрядки. Лица данной группы, как правило, воспитывались в семьях с доминирующим положением отца или отчима, и их последующее поведение воспроизводит травматический опыт детства. Преступники данной группы имеют высокий социальный статус, имеют положительные характеристики с места работы, образование преимущественно средне специальное и высшее. Им свойственен эгоцентризм и завышенная самооценка.

3. Лица с нарушением возрастной ориентации характеризуются размытием ролевых норм внутри семьи, когда в отношениях с ребенком устанавливается новый вид взаимоотношений «ребенок – ребенок» или «взрослый – взрослый». Следовательно, происходит либо акселерация отношений ребенка, либо инфантилизация взрослого. Отношения «ребенок – ребенок» возникают у лиц с отставаниями психического развития, высокой степенью инфантильности, испытывающим в среде взрослых лиц трудности установления контактов. Механизм криминального поведения в отношениях «взрослый – взрослый» возникает при раннем психическом развитии ребенка, восприятии его как взрослого члена общества.

4. Лица со случайной, ситуационно обусловленной формой криминального поведения совершают сексуальные действия в отношении детей, как правило, находясь в состоянии алкогольного или токсикологического опьянения. После совершения деяния преступник не может объяснить свои действия и сожалеет о случившемся. Лицам, относящимся к данной группе присуща непосредственная реализация возникающих побуждений, недостаточный самоконтроль, стремление немедленно удовлетворить возникающие потребности.

5. Лица с патологией сексуальных влечений (парафилии) в форме педофилии, для них характерно существование не менее 6 месяцев влечений к совершению сексуальных действий с несовершеннолетними, которое реализуется в неоднократных повторных манипуляциях с детьми, а также сновидениях и сексуальных фантазиях с участием детей. Для лиц данной группы характерен постепенный переход от родительских отношений с детьми к партнерским сексуальным действиям. Особенностью данной группы лиц является органическое поражение головного мозга или расстройство личности, нарушение механизма влечения. Кроме того, стоит отметить, что для лиц данной группы характерно воспитание в неполной семье, злоупотребление родителями алкоголем, жестокое отношение в детском возрасте [2].

Относительно возраста лиц, совершающих преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних стоит отметить, что распределение лиц, совершивших половые преступления в отношении несовершеннолетних выглядит следующим образом:

- лица в возрасте от 21 до 35 лет;
- лица в возрасте от 40 до 50 лет; третье место занимают
- лица до 18 лет;
- лица в возрасте более 50 лет [3].

Как мы видим, большая часть лиц, совершивших преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних находилась в возрасте, для которого характерна высокая сексуальная активность. На основании изученной литературы можно сделать вывод, что отношения между обвиняемыми и потерпевшим характеризуются следующим образом: более 50 % были знакомы друг с другом, около 38 % ранее не были знакомы, остальную долю составляют родственные связи, т.е. так называемые инцестные отношения. В рамках данной работы под инцестными отношениями понимается, как инцест – сексуальные контакты между кровными родственниками, [4] так и параинцест, когда преступление совершается лицами, которые проживают совместно с жертвами, однако не состоят с ним в кровном родстве (сожитель матери, отчим).

В рамках данного исследования стоит также дать характеристику жертвам рассматриваемого вида преступлений.

Половые посягательства на лиц, не достигших 18-летнего возраста, составляют группу преступлений против половой неприкосновенности личности. Несовершеннолетние в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет при совершении в отношении них деяний, предусмотренных соответствующей статьей Уголовного кодекса ДНР, составляют объект преступлений против половой свободы личности. Посягательства на права и законные интересы несовершеннолетних в любом случае образуют повышенную общественную опасность по сравнению с аналогичными деяниями в отношении взрослых, что является совершенно оправданным [5].

Очевидно, что преступления сексуального характера, совершаемые в отношении несовершеннолетних нарушают их нормальное психическое и эмоциональное развитие.

Однако, следует отметить, что виктимное поведение несовершеннолетних носит специфичный характер, а механизмы его формирования обусловлены рядом внутренних и внешних факторов влияния на систему «жертва-преступник-ситуация». Поэтому значительные трудности у работников следственных органов могут возникать при оценке действий (бездействия) несовершеннолетней или малолетней потерпевшей в юридически значимых ситуациях – предкриминальной, криминальной, посткриминальной. Например, в тех случаях, когда несовершеннолетние потерпевшие – жертвы пролонгированной инцестуальной связи не предпринимают даже попыток к оказанию сопротивления насильнику; когда малолетние дети (достигшие двенадцати, но не достигшие четырнадцатилетнего возраста),

занимающиеся проституцией, сами настойчиво предлагают клиентам свои сексуальные услуги; когда несовершеннолетние потерпевшие выявляют признаки «псевдопровоцирующего» поведения, активно взаимодействуя с потенциальным преступником в предкриминальной ситуации и т. д.

Малолетние и несовершеннолетние потерпевшие с мотивацией сохранения тайны в криминальной ситуации выявляли разные уровни понимания происходящих событий, но в большинстве случаев не могут оказывать сопротивления виновному.

В случае пролонгированной насильственной связи, например инцестуальной, по мере «накопления» эпизодов сексуального насилия, механизм переживания ребенком внутрисемейного насилия закономерно приводит по типу «снежного кома» к деформации его личности, трансформации эмоционального, а затем и поведенческого реагирования.

На основе проведенного криминологического исследования преступлений сексуального характера, совершаемых в отношении несовершеннолетних, следует уделить особое внимание профилактике преступности в этой сфере.

В целом разнообразные общепрофилактические меры могут быть сведены к двум основным группам:

а) активизация защитных возможностей, обучение, воспитание – это правовая пропаганда, обучение с целью выработки необходимой предусмотрительности, критичности (все это применительно к группам, а не отдельным лицам), снабжение, в отдельных случаях, оружием и специальными средствами защиты;

б) обеспечение безопасности «извне»: соответствующая организация работы патрульно-постовой службы милиции, установка запорных устройств в подъездах и т. д.

При предупреждении насильственной в отношении несовершеннолетнего решающее значение имеют проводимые на общесоциальном уровне крупномасштабные меры, способствующие устранению (блокированию, нейтрализации, уменьшению сферы действия) социально-экономических, политических, нравственно-психологических и идеологических причин сексуального насилия, а также мероприятия, направленные на создание необходимых правовых, социально-экономических, социально-культурных условий для гармоничного физического, психологического, духовного, социального, эмоционального, познавательного и культурного развития детей и реальное обеспечение основных гарантий прав ребенка.

Основными направлениями специального предупреждения насильственной сексуальной преступности в отношении несовершеннолетних следует признать: совершенствование нормативно-правовой базы, развитие системы органов социально-психологической помощи подросткам, в отношении которых совершались насильственные действия, специализацию лиц, работающих с детьми, правовое просвещение населения по вопросам обеспечения прав ребенка и защиты от насилия, целенаправленное формирование общественного мнения, основанного на нетерпимости к любому проявлению насилия в отношении детей, усиление превентивной работы правоохранительных органов, направленной на своевременное выявление лиц, склонных к совершению подобных преступлений и проведение с ними профилактических мероприятий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Донецкой Народной Республики от 14 мая 2014г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dnr-online.ru/konstituciya-dnr/> (дата обращения 26.01.2018).
2. Исаев Н.А. Сексуальные преступления как объект криминологии. СПб.: Юридический центр пресс, 2007. – 483.
3. Готчина Л.В., Логинова Л.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних. М.: Юрлитинформ, 2015. – 191 с.

4. Инцест (кровосмешение). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.medicus.ru/sexopatology/specialist/incestkrovosmeshenie-22071.phtml> (дата обращения 01.02.2018).
5. Дьяченко А.П., Цымбал Е.И. Уголовно-правовая охрана детей от сексуальных посягательств: опыт России и зарубежных стран // Lex russica. 2014. № 11. С. 11 – 14.

УДК 343.13

Попов В.Г.
Научный руководитель: Манивлец Э.Е., к.ю.н., доцент

ФУНКЦИЯ ОБВИНЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Резюме. В статье исследована функция обвинения. Обосновано, что государство через осуществление обвинения выполняет свое функциональное предназначение в сфере борьбы с преступностью.

Ключевые слова: функции, субъекты уголовного процесса, изобличение, обвинение.

Нормами Уголовно-процессуального кодекса Украины, установлено, что одной из задач уголовного судопроизводства является обеспечение быстрого и полного расследования уголовных дел с тем, чтобы каждый, кто совершил преступление, был привлечен к ответственности и ни один невиновный не был наказан.

Выполнение этой задачи невозможно представить без осуществления обвинительной деятельности, повышению эффективности которой может способствовать правильное понимание функции обвинения в уголовном процессе. Поэтому на сегодня исследования функции обвинения является актуальным вопросом.

Обвинения исследовались в трудах С. Альперта, Д. Борзых, А. Гуляева, В. Зеленецкого, А. Ларина, Л. Лобойко, С. Прилуцкого, И. Рогатюка, А. Соловьева, Н. Щегель и других.

В отечественной науке уголовного процесса широкое распространение имеет деление обвинения на обвинение в материально-правовом смысле, под которым понимается совокупность установленных по делу и таких, что вменяются обвиняемому в вину общественно опасных и противоправных деяний, составляющих суть конкретного состава преступления; и обвинение в процессуальном смысле, то есть основанная на законе процессуальная деятельность компетентных органов и должностных лиц по изобличению обвиняемого в совершении инкриминируемого ему преступления и по обоснованию его уголовной ответственности с целью его публичного осуждения [1, с. 16].

Многие авторы пытались дать определение понятия функции обвинения. Так, В. А. Сербулов под обвинением понимает осуществляемую в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона деятельность по формулированию и обоснованию утверждения о совершении определенным лицом конкретного преступления (преступлений), направленную на установление виновного в совершении преступления лица, и при необходимости на обеспечение условий для привлечения его к уголовной ответственности или применения к нему мер административного взыскания [2, с. 16]. Однако, в этом определении, по нашему мнению, есть один существенный недостаток – в нем отсутствуют субъекты обвинения.

Давыдов П. М. определял обвинение лишь как утверждение правоохранительных органов о совершении преступления определенным лицом [3, с. 29]. Парадеев В. М. дополняет вышеуказанное определение описанием совокупности установленных по делу обстоятельств, образующих формулу обвинения и отражающих состав преступления [4, с. 5]. Этим самым он разграничивает понятия обвинения и

обвинительной деятельности. Такие утверждения, по нашему мнению, как в первом так и во втором случае являются неполными и не отражают того смысла, который вкладывается в понятие обвинения. Наиболее емким и правильным, по нашему мнению, является определение Л. Ривлина, который под обвинением понимает деятельность уполномоченных на то лиц, которая находит свое выражение в предусмотренных законом и последовательно осуществляемых ими актах и действиях, которые заключаются в утверждении на основании собранных доказательств виновности определенного лица в совершении преступления и в силу этого привлечение его в качестве обвиняемого, требованию предания суду, осуждения и наказания [5, с. 262]. Прежде чем дать определение уголовно-процессуальной функции обвинения как специфической категории в праве, целесообразно определить это понятие с точки зрения философии, социологии, математики.

В философии функция (от лат. *Functio* – осуществление, исполнение) – это отношение двух или более объектов, в котором изменение одного из них влечет изменение другого. Понятие функции введено в научную сферу еще Лейбницем [6, с. 719]. В дальнейшем в философии интерес к функции как одной из фундаментальных категорий возрастал по мере распространения в различных областях науки количественно-функциональных методов исследования. В социологии функцию понимают как:

- роль, которую определенная социальная институт или социальный фактор выполняет для удовлетворения потребностей общественной системы или интересов составляющих ее социальных групп и индивидов;

- зависимость (корреляционная, факторная и др.), которая наблюдается между различными социальными процессами в рамках определенной общественной системы [6, с. 720]. В математике «функция – это переменная величина, которая меняется в зависимости от изменений другой величины (аргумента) [7, с. 508].

Философское, социологическое, математическое и другие понятия функции могут быть применены и к судопроизводству.

Процессуальных функций имеет правовое содержание, поскольку цель, которая определяет их направления, является целью процессуально-правовой.

Основанием распределения процессуальной деятельности на функции служат различия в цели, которая стоит перед процессуальной деятельностью, следовательно, можно понять из каких и скольких функций она состоит. А перед всей уголовно-процессуальной деятельностью стоит единственная цель установления истины, которая достигается через выполнение задач судопроизводства, определенных действующим УПК в ст. 2 как охрана прав и законных интересов физических и юридических лиц. Каждая отдельная цель уголовно-процессуальной функции составляет общую цель уголовного процесса.

Процессуальные функции занимают место между задачей и правовым положением любого участника процессуальной деятельности, являются тем звеном, которое связывает задачи деятельности с кругом прав и обязанностей, которые необходимы и достаточны для достижения задач деятельности.

Функциональное назначение обвинения в уголовном процессе получает проявление через выполнение следующих функций.

1. *Обеспечение реализации основной функции уголовного процесса.* Все органы, которые ведут процесс, призваны вести борьбу с преступностью с целью ее ликвидации. Указанное обуславливает общее назначение всех органов, ведущих процесс, единую направленность их совместной деятельности, то есть процессуальную функцию. Содержание этой функции характеризуется наибольшим объемом деятельности, поэтому ее называют генеральной функцией процесса [8, с. 57]. Генеральная функция в сфере уголовного судопроизводства трансформируется в различные уголовно-процессуальные функции органов уголовного судопроизводства.

Государство посредством осуществления обвинения выполняет свое функциональное предназначение.

2. *Промежуточная констатация наличия уголовно-правовых отношений между государством и лицом, совершившим преступление.* Борьба с преступностью предполагает установление уголовно-правовых отношений между государством и лицом, совершившим преступление. Государство уполномочено не только устанавливать основания уголовной ответственности и непосредственно ее реализовывать, но и осуществлять деятельность по обоснованию необходимости и возможности такой реализации в каждом случае совершения преступления [9, с. 14].

3. *Определение познавательного направления уголовной процессуальной деятельности органов предварительного расследования.* Эта функция обвинения тесно связана с предыдущей. Констатация наличия уголовно-правового отношения между государством и лицом, совершившим преступление, осуществляется органами досудебного расследования путем принятия по результатам познавательной деятельности решений, в которых осуществляется квалификация общественно опасного деяния.

Осуществляя познавательную уголовно-процессуальную функцию, органы предварительного расследования устанавливают событие преступления, а затем и лицо, в отношении которого будет осуществляться обвинение. Если в результате уголовно-процессуального познания лицо, совершившее преступление, не будет установлено, то функция обвинения не будет реализована. В таком случае органы расследования будут вынуждены вернуться к выполнению познавательной уголовно-процессуальной функции. Обвинение – это специфическая персонифицированная процессуальная деятельность, во время осуществления которой субъекты уголовного производства изобличают лицо в совершении преступления. Характер деятельности по изобличению определяется способами ее осуществления. Для установления причастности виновного лица к совершению преступления органы расследования выполняют различные следственные действия, проводят оперативно-розыскные мероприятия. Результатом осуществления таких действий являются доказательства. Добытые органами расследования обвинительные фактические данные констатируют причинную связь между событием преступления и конкретным лицом. Подтверждение вины лица получает проявление в обвинительных решениях органов предварительного расследования, прокурора. Если последние придут к выводу о том, что лицо, в отношении которого осуществляется обвинение, не причастно к совершению преступления, они принимают решение о прекращении уголовного дела. Такое постановление свидетельствует об отказе органов расследования, прокурора от обвинения, осуществляемого в отношении конкретного лица. В. Зеленецкий справедливо отмечает, что состояние информационного равновесия может и должно меняться в двух направлениях: полное установление виновности конкретного лица в предъявленном ему обвинении или полное его опровержение [8, с. 47].

4. *Обеспечение воспитательного и предупредительного воздействия государства на общество.* В. Зеленецкий правильно отмечает, что факт обвинения в отношении конкретного лица уже осуществляет и воспитательное, и предупредительное воздействие [8, с. 48]. Такое воздействие осуществляется на отдельных участников уголовного процесса и на членов общества в целом. Направленность процессуальной деятельности на изобличение виновного лица в совершении преступления способствует исчезновению у этого лица побуждению к неправомерному поведению.

5. *Обеспечения движения уголовного процесса.* Обязательной частью уголовного процесса является обвинение. Трудно представить уголовный процесс без обвинения (уголовного преследования), которое осуществляется для привлечения виновных лиц к уголовной ответственности. Справедливо отмечал М. Строгович, что уголовный

процесс ведется ради того, чтобы установить лицо, совершившее преступление, определить его вину и подвергнуть его наказанию. Поэтому без уголовного преследования уголовный процесс является невозможным, безцельным, беспредметным. Обвинение – это тот механизм, который приводит в действие всю машину уголовного судопроизводства [10, с. 57]. Обвинение является движущей силой уголовного процесса. Все процессуальные функции порождаются обвинением, что влияет на взаимоотношения, которые возникают, развиваются и прекращаются в рамках уголовного процесса.

б. Обеспечение реализации принципа состязательности на предварительном расследовании. Человечество не нашло лучшей модели уголовного процесса, чем состязательный, потому что он не приводит к дублированию уголовно-процессуальных функций и обеспечивает эффективность уголовно-процессуальной деятельности. Состязательная модель уголовного процесса обуславливает наличие классической триады уголовно-процессуальных функций: обвинения, защиты, правосудия. Осуществление субъектами уголовного производства функции обвинения автоматически стимулирует активность функции защиты. На стадии предварительного расследования органы досудебного расследования собирают обвинительные доказательства для изобличения виновного лица в совершении преступления. Сторона защиты, реагируя на такую деятельность, противопоставляет законными процессуальными средствами противоположные аргументы. Противостояние сторон обвинения и защиты между собой для достижения желаемого результата является содержанием состязательной формы предварительного расследования.

Таким образом, можно сделать вывод, что функциями обвинения являются: обеспечение реализации генеральной функции уголовного процесса; промежуточная констатация наличия уголовно-правового отношения между государством и лицом, совершившим преступление; определение познавательного направления уголовно-процессуальной деятельности органов предварительного расследования; обеспечение воспитательного и предупредительного воздействия государства на общество; обеспечение движения уголовного процесса; обеспечение реализации принципа состязательности на предварительном следствии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фаткуллин Ф. Н. Обвинение и изменение его в суде: учебн. пособие.- Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1963.- 171 с.
2. Сербулов В. А. Привлечение лица в качестве обвиняемого в советском уголовном процессе: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – К., 1989.- 18 с.
3. Давыдов П. М. Обвинение в советском уголовном процессе: учебн. пособие.- Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1974.- 136 с.
4. Парадеев В. М. Формирование обвинения на предварительном следствии в советском уголовном процессе: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук.-Свердловск, 1977. – 18 с.
5. Ривлин А. Л. Понятие обвинения, его место в советском уголовном судопроизводстве // Вопросы государства и права.- М: Юрид. лит., 1970.- С. 254-262.
6. Философский энциклопедический словарь.- М.: Советская энциклопедия, 1989.- 1019 с.
7. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Сов. энциклопедия, 1973.- 846 с.
8. Зеленецкий В.С. Возбуждение государственного обвинения в советском уголовном процессе. – Харьков: Вища школа, 1979. – 117 с.
9. Васильева Е.Г. Правовые и теоретические проблемы прекращения уголовного преследования и производства по уголовному делу. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2006. – 216 с.
10. Строгович М.С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. – М.: Академия наук СССР, 1951. – 67 с.

Ращупкина А.Н.
Научный руководитель: Левендаренко О.А., к.ю.н., доцент

ОЦЕНКА ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Резюме. В данной статье раскрыта проблема оценки заключения эксперта как одного из вида доказательств, проанализировано отечественное и зарубежное законодательство. Была поставлена проблема и предложено решение по её разрешению.

Ключевые слова: эксперт, заключение, оценка доказательств, форма заключения эксперта.

Актуальность исследуемой проблемы, связанной с заключением эксперта как источника доказательств в уголовном процессе, обусловлена необходимостью совершенствования деятельности по использованию возможностей данного вида доказательства в разрешении уголовного дела. Являясь одним из видов доказательств, в тоже время заключение эксперта в большей степени позволяет раскрывать сложные преступления и успешно осуществлять доказывание по уголовным делам. Однако усложнение применяемых научных методик не позволяет лицам, ведущим производство по уголовному делу производить оценку заключения эксперта на должном уровне, что может приводить к принятию незаконных решений или к освобождению от ответственности виновных лиц.

Цель данной статьи заключается в углубленном изучении заключения эксперта как источника доказательств в уголовном процессе и проблем совершенствования уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего процессуальное положение эксперта.

В Донецкой Народной Республике (далее – ДНР) в настоящий момент разрабатывается проект Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК). Что касается действующего уголовно-процессуального законодательства, то в соответствии с Постановлением Совета Министров ДНР №9-1 от 31 мая 2016 г. № 7-58 «О применении уголовно-процессуального законодательства на территории Донецкой Народной Республики в переходный период» до принятия Уголовного процессуального кодекса Донецкой Народной Республики применяется УПК Украины от 28.12.1960 года № 1001-05 с учетом особенностей, внесенных настоящим Постановлением [1].

Сведения, полученные экспертом в ходе производства судебной экспертизы, оформляются заключением эксперта. Это единственный процессуальный документ, который имеет допустимую процессуальную форму. Заключение эксперта, являясь одним из источников доказательств, предусмотренных уголовно-процессуальным законом ДНР, позволяет установить обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, в частности входящие в предмет доказывания. Как и любое другое доказательство, оно подлежит оценке и проверке на общих основаниях. Особо следует выделить значение внутреннего убеждения в оценке доказательств, которым согласно закону руководствуются субъекты доказывания.

Известно, что под оценкой заключения судебного эксперта понимают процесс установления достоверности, относимости и допустимости заключения, определения форм и путей его использования в доказывании. Суд, следовательно, должностное лицо или орган, осуществляющие рассмотрение дела, руководствуясь законом, оценивают заключение по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности.

Иногда в материалах уголовного дела встречаются документы, которые тоже являются результатом использования специальных знаний специалистов, но не могут быть использованы в качестве доказательств в силу несоблюдения их процессуальной

формы. К ним, например, можно отнести: справки эксперта или специалиста, акты исследования трупа и т.п.

Заключение эксперта, во-первых, должно иметь название – «заключение эксперта», а во-вторых, оно должно быть составлено в соответствии с определенными требованиями, которые закон, предъявляет ко всем процессуальным документам. К сожалению, действующий УПК только в общих чертах указывает требования к форме заключения эксперта, как процессуальному документу, имеющему доказательственное значение.

В статье 30 Закона ДНР «О судебно-экспертной деятельности», указано, что: «На основании проведенных исследований с учетом их результатов эксперт от своего имени или комиссия экспертов дают письменное заключение и подписывают его. Подписи эксперта или комиссии экспертов удостоверяются печатью государственного судебно-экспертного учреждения» [2].

Отсутствие в заключении эксперта перечисленных в законе сведений может служить основанием для признания его недопустимым доказательством. Автор разделяет мнение профессора П.А. Лупинской, что «недопустимость использования доказательств (при нарушении некоторых процессуальных правил) может в конкретном случае зависеть от того, повлияло ли или могло повлиять допущенное нарушение на достоверность зафиксированных в процессуальном документе данных и можно ли в суде выяснить причину несоблюдения процессуальной формы и получить необходимые сведения, относящиеся к существу проведенного действия и достоверности его отражения в документе» [3, с. 82].

Соблюдение требований к составлению и обоснованию заключения эксперта, несомненно, повышает степень его достоверности.

Вопрос о требованиях, предъявляемых к заключению эксперта, среди ученых поднимался не раз. По мнению А.И. Винберга и Н.Т. Малаховской, заключение эксперта должно «быть определенным, лишенным всякой неточности; последовательным, т.е. взаимосвязанным и взаимообусловленным; доказательным, т.е. не просто формулирующим те или другие выводы исследования, а указывающим основание этих выводов, признаваемых истинными» [4, с. 39].

Автор придерживается распространенного на практике и в теории мнения, что заключение эксперта должно соответствовать определенной структуре.

Некоторые авторы считают, что заключение эксперта должно состоять из четырех основных частей:

- вводной,
- исследовательской,
- синтезирующей,
- выводов [5, с. 114].

Автор придерживается мнения, что за исключением судебно-психиатрической экспертизы, содержащей пять частей (введение; сведения о прошлой жизни; подробное описание физического, неврологического и психического состояния испытуемого; мотивировочная часть и заключение), структура иных заключений (судебно-медицинских, судебных экспертиз системы Минюста и МВД) в основном состоит из трех частей – вводная часть, исследовательская часть и выводы [6, с. 12].

В УПК не содержится типовой формы заключения эксперта, что, конечно, и порождает неоднозначные мнения по поводу этого. Однако если исходить из того, что выводы – это ответы на вопросы, поставленные перед экспертом, то можно сказать, что заключение эксперта, как и любой процессуальный документ, должно состоять из вводной части, исследовательской и выводов. А сама исследовательская часть, в зависимости от конкретного вида судебной экспертизы и задач, поставленных перед ней (идентификационное исследование или диагностическое) может содержать в себе один или несколько разделов.

В подтверждение правильности исследования и выводов, к заключению эксперта прилагаются материалы, его иллюстрирующие (фотографии, схемы, графики и т.п.). Эти материалы должны быть не просто формальным приложением к заключению эксперта, а служить путеводителем для следователя, суда и других участников уголовного судопроизводства. Если следователь (судья) внимательно будет сравнивать содержание описания в исследовательской части заключения с иллюстрирующим материалом, то он наглядно сможет оценить:

во-первых, достоверность сведений, отраженных в заключении: именно то, что по тем объектам, которые поступили на экспертизу, было проведено исследование, не было их замены или фальсификации;

во-вторых, что именно те признаки, на которые указывает эксперт, действительно имеются на представленных на исследованиях объектах;

в третьих, современные средства фиксации (например, исследовательские виды фотосъемки) позволяют запечатлеть ход и применение технических средств в ходе производства экспертизы, что облегчит следователю возможность оценить правомерность применения экспертом той или иной методики [7, с. 241].

Существуют правила и методики, обязательные для исполнения судебными экспертами, содержащие прямые указания на предъявляемые требования к заключениям экспертов конкретных видов.

Так, например, в Приказе Минздравсоцразвития РФ от 12.05.2010 № 346н «Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации» [8] сказано (пп. 28, 29), что в исследовательской части заключения эксперта обязательно указывают:

- содержание и результаты всех этапов экспертных исследований (в том числе экспертных экспериментов) с указанием примененных медицинских технологий и экспертных методик, технических средств и расходных материалов;

- перечень и количественные характеристики объектов, изъятых для дальнейших экспертных исследований в ГСЭУ или переданных органу или лицу, назначившему проведение экспертизы с указанием даты и адресата их направления;

- условия, методику и результаты получения образцов для сравнительного исследования;

- судебно-медицинский диагноз, диагноз из медицинского свидетельства о смерти и его реквизиты;

- техническую характеристику использованных устройств и оборудования, расходных материалов, режимов фото- и видеосъемки, фотопечати; для средств цифровой фотографии и видеозаписи – вид, модель, производителя; вид, наименование, версию программного обеспечения для обработки растровых и видеоизображений, режим получения и печати изображений.

Заключение эксперта в обязательном порядке содержит выводы по поставленным вопросам и их обоснование. Выводы должны содержать оптимально краткие, четкие, недвусмысленно трактуемые и обоснованные ответы на все поставленные перед экспертом вопросы и установленные в порядке его личной инициативы значимые для дела результаты экспертизы. При формулировке выводов допускается объединение близких по смыслу вопросов и изменение их последовательности без изменения первоначальной формулировки вопроса. В выводах, при ответах на вопросы, выходящие за пределы своих специальных познаний, эксперт отвечает мотивированным отказом. В необходимых случаях указывают причины невозможности решения отдельных вопросов, в том числе в полном объеме.

Анализируя различные правила и инструкции производства отдельных видов экспертиз, можно сказать, что независимо от вида экспертизы, в вводной ее части должна быть отражена следующая информация: номер и дата составления заключения,

фамилия, имя, отчество эксперта, образование, специальность, стаж работы; подписка о том, что ему разъяснены его процессуальные права и обязанности и ответственность за дачу заведомо ложного заключения; основания производства экспертизы (постановление следователя (органа дознания), прокурора или суда); номер уголовного дела, краткое изложение обстоятельств совершенного преступления; вид экспертизы; перечень объектов, представленных на экспертизу, с указанием даты поступления объектов, способа доставки и вида упаковки; ходатайства, заявленные экспертом о предоставлении дополнительных материалов и результаты их рассмотрения; сведения о лицах, присутствовавших при производстве экспертизы; справочно-нормативные документы (постановления, инструкции, методические пособия и руководства с указанием их наименований), которыми пользовался эксперт; перечень вопросов, поставленных перед экспертом, условия производства экспертизы, имеющие значение для проведения экспертизы (освещение, температура воздуха и др.); материалы дела, которые были предоставлены в распоряжение эксперта следователем и судом; при повторной экспертизе указываются также сведения об эксперте, проводившем первичную экспертизу, выводы первичной экспертизы, а также мотивы назначения повторной экспертизы [9, с. 105].

Выводы эксперта также должны отвечать определенным требованиям. Так, в Положении о производстве экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел РФ [10] сказано, что «выводы эксперта формулируются на основе всестороннего, глубокого и объективного анализа и синтеза результатов, полученных при исследовании вещественных доказательств. При обосновании положительных выводов идентификационных экспертиз отмечается и наличие имеющихся в них различий, а также дается объяснение причин их существования».

Кроме того, выводы эксперта должны соответствовать вопросам, поставленным на разрешение экспертизы. Ответы эксперта, сформулированные в выводе, должны строго соответствовать и по последовательности и по количеству вопросам, поставленным перед экспертом. В случае же, если эксперт по какой-то причине не смог ответить на вопрос (отсутствие технических средств или методик и т.п.), то он под номером тем же, что и данный вопрос, должен так и указать, что «решить поставленный вопрос не представилось возможным по причине...» и указать причину. Если же ответов меньше, чем вопросов, то это уже может указывать на неполноту проведенного исследования и вывода.

Несоблюдение перечисленных методических указаний и требований закона при составлении заключения эксперта в большинстве случаев ставит под сомнение достоверность сведений, отраженных в нем, а значит, является таким нарушением, которое ведет к признанию заключения недопустимым доказательством.

Сказанное в полной мере дает основание внести в проект УПК ДНР предложение о требованиях к составлению заключения эксперта. На взгляд автора, статью 200 УПК ДНР необходимо дополнить нормой следующего содержания: «Заключение эксперта дается от имени эксперта (экспертов), проводящего экспертизу, заверяется печатью судебно-экспертного учреждения и должно соответствовать нормативным документам, регулирующим производство конкретных видов экспертиз».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Постановление Совета Министров ДНР №9-1 от 31 мая 2016 г. № 7-58 «О применении уголовно-процессуального законодательства на территории Донецкой Народной Республики в переходной период» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://supcourt-dnr.su/zakonodatelstvo/postanovlenie-soveta-%20ministrov-doneckoy-narodnoy-respubliki-o-primenenii-ugolovno> – Название с экрана.
2. Закон Донецкой Народной Республики «О судебно-экспертной деятельности» [Электронный ресурс]. – <http://mzdnr.ru/doc/zakon-o-sudebno-ekspertnoy-deyatelnosti> – Название с экрана.

3. Манова Н.С., Францифоров Ю.В. Уголовный процесс. 5-е изд., пер. и доп. Конспект лекций. М.: Юрайт, 2012. – С.82
4. Плесовских Ю.Г. Оценка судом содержания заключения эксперта / Ю.Г.Плесовских // Российский судья. – 2016. – № 7. – С.39.
5. Дьяконова О.Г. Заключение и показания эксперта и специалиста / О.Г.Дьяконова // Бизнес в законе. – 2014. – № 1. – С.114.
6. Зайцева Е.А. Пленум Верховного Суда РФ: судебная экспертиза по уголовным делам / Е.А.Зайцева // Законность. – 2011. – № 3. – С.12.
7. Хамова И.Е. Оценка допустимости заключения эксперта с точки зрения надлежащей формы / И.Е.Хамова // Общество и право. – 2010. – № 2. – С.241.
8. Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации: Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 12 мая 2010г., № 346н // Российская газета. – 2010. – № 14.
9. Егорова О.В. Обеспечение достоверности заключения эксперта / О.В.Егорова // Аграрное и земельное право. – 2015. – № 5. – С.105.
10. Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях ОВД Российской Федерации (вместе с «Инструкцией по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях ОВД Российской Федерации», «Перечнем родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации»): Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 29 июня 2005г., № 511 // Российская газета. – 2005. – № 19.

УДК 336.71

Ревазов Н.С.

Научный руководитель: Сынова Е. М., д.ю.н., доцент

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ РЕСПУБЛИКАНСКИЙ БАНК ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ КАК СУБЪЕКТ БАНКОВСКОГО ПРАВА

Резюме. Проблемы в осуществлении субъектами банковского права своих функций имеют место всегда, однако могут обостряться во время финансовых кризисов. В статье изучена правовая природа деятельности Центрального Республиканского Банка Донецкой Народной Республики.

Ключевые слова: Центральный Республиканский Банк, финансовый рынок, Донецкая Народная Республика, государственная власть, платежная система.

Данная тема актуальна в силу значения Центрального Республиканского Банка (далее ЦРБ) Донецкой Народной Республики (далее ДНР) в сфере правового обеспечения национальных интересов ДНР в банковской сфере. Особое значение деятельность этого субъекта имеет в настоящее время, в период финансового кризиса. Значимость данного исследования заключается также в том, что типичными субъектами банковского права являются ЦРБ ДНР и кредитные организации, на которые и возложены задачи обеспечения стабильности финансового рынка ДНР. Особое положение ЦРБ ДНР в системе органов государственной власти определяется целями его деятельности: защита и обеспечение устойчивости курса рубля, на территории ДНР, развитие и укрепление банковской системы ДНР; обеспечение стабильности и развитие национальной платежной системы; развитие финансового рынка ДНР и обеспечение его стабильности.

Защита и обеспечение устойчивости курса рубля и других валют являются основной функцией ЦРБ. Это достигается, например, тем, что только ЦРБ ДНР устанавливает ориентиры роста денежной массы, процентные ставки по осуществляемым им операциям для воздействия на рыночные процентные ставки, определяет нормативы обязательных резервов, депонируемых в ДНР (резервных требований), и другие меры.

Согласно банковскому законодательству банковская система ДНР является двухуровневой:

1. Центральный Республиканский Банк Донецкой Народной Республики (первый уровень);
2. кредитные организации (второй уровень) – его составляют коммерческие банки и небанковские кредитные организации

Центральный Республиканский Банк Донецкой Народной Республики является республиканским органом государственного управления с особым статусом, установленным законодательством Донецкой Народной Республики, включая настоящее Положение. Центральный Республиканский Банк исполняет функции расчётно-кассового центра Донецкой Народной Республики и осуществляет деятельность по оказанию банковских, финансовых и иных услуг, определенных законом.

Центральный Республиканский Банк является специально уполномоченным органом лицензирования в сфере банковской деятельности, профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг, деятельности по предоставлению финансовых услуг.

Компетенция есть формой правосубъектности органов, должностных лиц, служащих, которые осуществляют функции управления. При этом следует принимать во внимание, что анализ трактовки компетенции органа, который входит в аппарат управления, разрешает увидеть разнообразие связей, которые возникают во время организации деятельности такого органа. Решение вопроса про форму правосубъектности органов управления разного иерархического уровня только с позиции одной отрасли права – гражданского, финансового, административного – приведёт к нарушению условий системного анализа аппарата государственного управления, условий рассмотрения его как целостного создания. С этих позиций ЦРБ ДНР определён как центральный банк страны, основной функцией которого является, обеспечение стабильности экономики, обеспечение стабильности денежной единицы РФ – рубля, на территории ДНР, совет которого разрабатывает принципы денежно – кредитной политики и осуществляет контроль за её проведением. Таким образом, в правовых отношениях, которые возникают по поводу и относительно исполнения возложенных на ЦРБ ДНР функций по обеспечению стабильности денежной единицы, разработки принципов кредитной политики, а также организации контроля за её проведением: ЦРБ ДНР выступает как орган конституционной правосубъектности.

Такое определение даёт основание с уверенностью говорить, про его административно – правовом статусе. Ведь относительно всей банковской системы он выполняет именно те полномочия и функции, которые присущи органам государственной исполнительной власти.

ЦРБ ДНР осуществляет такие специфические функции относительно всей банковской системы, как регулирование, контроль и надзор. Для реализации этих функций он имеет право издавать обязательные для выполнения правовые предписания, которые оформляются в виде Постановлений Правления ЦРБ ДНР. ЦРБ ДНР имеет свою разветвлённую систему банковского надзора, каждая из цепочек которого выполняет предоставленные законодательством и нормативно – правовыми актами ЦРБ властные полномочия. ЦРБ ДНР регистрирует банки которые создаются в ДНР на основе законодательства республики, выдаёт им лицензии, предоставляет разрешение на создание банка с иностранным капиталом, а потом и регистрирует такой банк или отказывает в регистрации. Предоставляет позитивный вывод про целесообразность создания государственного банка. В процессе функционирования коммерческого банка ЦРБ регулирует, осуществляет контроль и наблюдение за его деятельностью, проводить разные виды проверок в соответствии с действующим законодательством. По результатам проверки ЦРБ может применять способы воздействия вплоть до отзыва банковской лицензии и инициирования процедуры

ликвидации банка. Во всех таких отношениях ЦРБ выступает органом, который наделён властными полномочиями относительно другой стороны правоотношений.

Спецификой ЦРБ ДНР является то, что его государственно-властные полномочия распространяются на банковскую систему ДНР, то есть на систему, частью которой является сам ЦРБ. В таких правоотношениях отношения строятся на основе подчинения, то есть по вертикале. Эти правоотношения имеют административно-правовую природу. И в соответствии с ними ЦРБ ДНР выступает органом административной правосубъектности [4, с. 22–23].

В Донецкой Народной Республике деятельность Центрального Республиканского Банка регулируется Конституцией ДНР, Постановлением Совмина ДНР №8-2 «Об утверждении положения о Центральном Республиканском Банке и других вопросах его деятельности», Постановлением Совмина ДНР №8-3 «Об упорядочении деятельности в сфере предоставления банковских и финансовых услуг в ДНР.

В соответствии с Конституцией ДНР на основании ст. 59 ч. 16 Глава Донецкой Народной Республики: представляет в Народный Совет Донецкой Народной Республики кандидатуры Председателя Центрального Республиканского Банка, Генерального прокурора, других должностных лиц в соответствии со своими полномочиями, а также входит в Народный Совет Донецкой Народной Республики с представлениями об их освобождении от должности [1, ст. 59].

На основании пункта ст. 2 ч. 8 Постановления Совмина ДНР №8-2 «Об утверждении положения о Центральном Республиканском Банке и других вопросах его деятельности» [2, ст. 2].

Основными задачами и целями деятельности Центрального Республиканского Банка являются:

1. обеспечение реализации основных направлений единой государственной денежно-кредитной и валютной политики;

2. обеспечение эффективного и бесперебойного функционирования платежной системы Донецкой Народной Республики, обеспечение взаимодействия платежной системы Донецкой Народной Республики с платежными системами других стран;

3. установление и поддержание условий для функционирования денежного, кредитного и валютного рынков, способствующих последовательному и устойчивому экономическому развитию государства;

4. организация расчётных систем, системы валютного регулирования и валютного контроля в Донецкой Народной Республике;

5. развитие финансового рынка Донецкой Народной Республики;

6. создание, развитие и поддержание стабильности банковской и финансовой системы Донецкой Народной Республики;

7. реализация государственной политики лицензирования в подведомственных ему сферах;

8. установление правил и стандартов предоставления банковских и финансовых услуг, а также, по согласованию с Министерством финансов и Министерством доходов и сборов, осуществления безналичных и наличных расчетов в Донецкой Народной Республике;

9. предоставление банковских и финансовых услуг на территории Донецкой Народной Республики.

Получение прибыли не является целью деятельности Центрального Республиканского Банка [2, ст. 2]. На основании пункта ст. 1-2 ч8 Постановления Совмина ДНР №8-3 «Об упорядочении деятельности в сфере предоставления банковских и финансовых услуг в ДНР» [3, ст. 1–2].

1. Установить, что республиканским органом государственного управления, осуществляющим государственное регулирование в сфере банковской деятельности и

деятельности по оказанию финансовых услуг (кроме страховой деятельности), а также в сфере профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг, является Центральный Республиканский Банк Донецкой Народной Республики.

2. Утвердить перечень банковских, финансовых и прочих услуг, которые могут предоставляться только банками, финансовыми учреждениями, либо юридическими или физическими лицами-предпринимателями исключительно после регистрации в Министерстве финансов Донецкой Народной Республики или Центральном Республиканском Банке Донецкой Народной Республики и получения соответствующей лицензии при необходимости.

Для правильного понимания места ЦРБ в системе органов государства и надлежащей организации его взаимоотношений с высшими органами государственной власти имеет законодательное закрепление, положение про гарантии не вмешательства в статус ЦРБ, то есть про то что в ДНР не допускается вмешательства органов законодательной власти и исполнительной власти, их должностных лиц во исполнении функций и полномочий совета Центрального Республиканского Банка ДНР и правления Центрального Республиканского Банка ДНР не иначе, установленного законом. Тем самым, и обеспечивается, самостоятельность, в проведении ЦРБ единой политики, в денежно-кредитной сфере от имени государства, в сфере предотвращения не контролируемой эмиссии денег [4, с. 17–18].

Такой правовой статус ЦРБ обеспечивает ему самостоятельность в проведении единой государственной денежной политики, способствует предотвращения не контролируемой эмиссии денег, запрету финансирования дефицита государственного бюджета.

Подводя итог проведенной работе необходимо еще раз отметить, что ЦРБ ДНР является мощнейшим центром кредитно-финансовой системы нашей страны. Его роль очень велика и в условиях нынешней экономики она продолжает возрастать. В настоящее время деятельность ЦРБ ДНР приобретает огромное значение, поскольку от его эффективного функционирования и правильно выбранных методов, посредством которых он осуществляет свою деятельность, зависит стабильность и дальнейший рост экономического потенциала страны, отдельных секторов экономики, а также укрепление позиций на международном рынке [5, с. 211–212].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Донецкой Народной Республики от 14 мая 2014 года [Электронный ресурс] / Официальный сайт Донецкой Народной Республики. – Режим доступа: <http://dnr-online.ru/konstituciya-dnr/>. — Дата обращения: 20.01.2018.
2. Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики № 8-2 от 6 мая 2015 года «Об утверждении положения о Центральном Республиканском Банке и других вопросах его деятельности» [=Электронный ресурс] / Официальный сайт Донецкой Народной Республики. – http://doc.dnr-online.ru/wp-content/uploads/2015/03/PostanovN8_3_06052015_Change.pdf. – Дата обращения: 20.01.2018.
3. Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики № 8-3 от 6 мая 2015 года «Об упорядочивании деятельности в сфере предоставления банковских и финансовых услуг» [Электронный ресурс] / Официальный сайт Донецкой Народной Республики. – http://doc.dnr-online.ru/wp-content/uploads/2015/03/PostanovN8_3_06052015_Change.pdf— Дата обращения: 20.01.2018.
4. Эриашвили, Н.Д. Банковское право: Учебник для вузов. – 3 изд., перераб. И доп. – М., 2010 – 277 с.
5. Роль кредита и модернизация деятельности банков в сфере кредитования: монография / под ред. О. И. Лаврушина. – М.: КНОРУС, 2012. – 267 с.

РЕГУЛИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РАСХОДОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОПЫТ ДЛЯ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Резюме. Рассматриваются основные проблемы, которые возникают при подсчете государственных расходов, а также их определении. Анализируется законодательство Российской Федерации, а также доктринальные подходы по данному вопросу.

Ключевые слова: государственные доходы, государственные расходы, бюджет, финансовые средства, финансовая политика.

Государственные расходы – это затраты государства на обеспечение жизнедеятельности общества: на государственное управление, оборону страны, развитие производства, социально-экономические и культурные потребности. Централизованные государственные расходы осуществляются за счет государственных внебюджетных фондов. Помимо этого расходы производят органы местного самоуправления за счет находящихся в их распоряжении средств.

Содержание и структура государственных расходов напрямую зависят от общей финансовой политики государства, а конкретно определяются программами российского государства и задачами, которые решаются в каждом финансовом году.

В зависимости от того, из какого фонда осуществляются расходы, они подразделяются на следующие виды:

1) бюджетное финансирование, так как бюджетная система является государственным фондом денежных средств, обеспечивающим основные затраты всего государства;

2) финансирование за счет государственных внебюджетных фондов, откуда финансируются такие социальные затраты государства, как выплата пенсий, социальное и медицинское страхование;

3) расходы за счет кредитования, когда деньги берутся на основании возвратности, возмездности и на определенный срок в ЦБ РФ, коммерческих банках и других финансовых структурах;

4) бюджетное кредитование, когда деньги на определенные расходы выдаются из бюджетов на определенный срок и на определенных условиях;

5) страховые выплаты по обязательному и коммерческому страхованию; распоряжением имуществом; возмещением страхователем причиненного им вреда личности или имуществу физического лица, а также вреда, причиненного юридическому лицу.

Все субъекты Российской Федерации наделены правом покрытия затрат, связанных с их функционированием, за счет своих бюджетов. Первым участником правоотношений, связанных с покрытием расходов бюджетными средствами, является представляющий интересы государства, отпускающего бюджетные средства, финансовый орган, который составляет роспись расходов бюджета в соответствии с их поквартальным распределением, открывает кредиты, имеет права их отзыва и осуществляет постоянный контроль за использованием бюджетных ассигнований.

Второй участник правоотношений при бюджетном финансировании – кредитное учреждение, в котором открыт расчетный, текущий (бюджетный) счет государственной организации, получающей бюджетные ассигнования. Кредитное учреждение принимает участие в кассовом исполнении бюджета и контроле за соблюдением финансовой дисциплины. Третьим участником правоотношений при бюджетном финансировании выступает распорядитель бюджетных кредитов – руководитель

учреждения, предприятия, организации, которому предоставлено право распоряжаться отпускаемыми для него бюджетными ассигнованиями, переводить их нижестоящим распорядителям.

Расходы государственного бюджета – это прямые затраты государства, связанные с его функционированием и покрываемые за счет бюджетных средств. Независимо от их направления они осуществляются на основе принципов организации государственных расходов: целевого направления средств, что выражается в строго предметно-целевом назначении (капитальные вложения, зарплата, командировки и т. д.); максимальной эффективности использования, т. е. обеспечения общественно необходимого результата при минимальных затратах; соблюдения режима экономии – системы форм и методов минимизации затрат денежных средств для получения запланированного результата, связанного с сокращением расходов, но главным образом – с наиболее целесообразным использованием денежных средств; осуществления финансового контроля в целях обеспечения соблюдения государственной финансовой дисциплины.

В то же время, безусловно, расходы бюджета, как основной вид государственных расходов, требуют самого пристального внимания. Анализ функционирования бюджетной системы показывает, что ее основу составляют отношения, связанные с формированием, распределением и использованием бюджетных средств. Для характеристики отношений, охватывающих последний этап этой деятельности, т.е. процесс использования бюджетных средств, применяется понятие «расходы бюджета».

Средства, направляемые на покрытие дефицита бюджета исключены из понятия расходы бюджета. Они определяются как «заемные средства, привлекаемые Российской Федерацией, субъектами Российской Федерации, муниципальными образованиями для покрытия дефицитов соответствующих бюджетов».

Анализ Бюджетных посланий Президента РФ, начиная с 2011 года, а также проведенное исследование развития законодательства о государственных и муниципальных расходах свидетельствуют о том, что ряд проблем в области государственных и муниципальных расходов, которые были обозначены в тех или иных посланиях, были успешно решены законодателем.

Анализ регионального и муниципального законодательства, устанавливающего правовые основы осуществления государственных и муниципальных расходов, показывает, что органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления самостоятельны в решении финансовых вопросов, которые входят в круг их компетенции [1].

Анализ видов и форм государственных и муниципальных расходов показывает, что система государственных и муниципальных расходов может быть классифицирована по различным основаниям: субъекту, в зависимости от источников получения денежных средств, а также в зависимости от порядка их планирования и использования; масштаба финансирования, в зависимости от характера участия в общественном производстве и деятельности; функций их субъектов; степени нуждаемости объекта в финансовых вливаниях и др.

Расходы бюджета – это основные виды государственных и муниципальных расходов. В региональных и местных бюджетах выделяются две группы расходов: расходы на осуществление собственных полномочий и расходы на осуществление отдельных государственных полномочий, каждая из которых имеет свои специфические особенности осуществления.

Особенностью осуществления муниципальных расходов также выступает возможность принятия решения об осуществлении расходов непосредственно местным населением через реализацию форм непосредственного осуществления населением местного самоуправления и участия населения в осуществлении самоуправления.

Особое значение имеет исследование таких форм межбюджетных трансфертов, как дотации, субсидии, субвенции. Представляется целесообразным разграничить понятия «субсидия» и «межбюджетная субсидия (субсидия бюджетам субъектов Российской Федерации и муниципальных образований)».

Представляется важным для реализации принципа эффективности устанавливать выплаты стимулирующего характера за достижение установленных критериев эффективности, и соответственно наоборот установление возможности при невыполнении (недостижении) целевых показателей эффективности работы снижения соответствующих выплат [2].

Предлагается также предусмотреть в законодательстве ответственность за неэффективное использование бюджетных средств.

Принцип результативности и эффективности использования бюджетных средств по своей сущности является также одним из основополагающих принципов и для осуществления иных государственных и муниципальных расходов.

Исследование института расходных обязательств уровня бюджетной системы как одного из основных элементов реформы межбюджетных отношений, начиная с момента его введения Федеральным законом от 20 августа 2004 года № 120-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования межбюджетных отношений», показало, что понятие расходного обязательства, закрепленное предыдущей редакцией Бюджетного кодекса РФ, а также статьи, устанавливающие перечень расходных обязательств Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, не в полной мере обеспечивали реализацию данного института на практике [1].

Следствием этого являлась сложность в определении конкретного расходного обязательства и как результат – неоднозначность содержания полномочий органов власти различных уровней по установлению расходных обязательств. Делается вывод о том, что внесенные изменения в бюджетное законодательство в части урегулирования расходных обязательств указанную проблему не решили [3].

Анализ соотношения расходных, публичных, публично-нормативных обязательств, а также оснований для возникновения оплаты показывает, что понятие «денежные обязательства», установленное ст. 6 Бюджетного кодекса Российской Федерации, целесообразно изложить в следующей редакции: «обязанность получателя бюджетных средств уплатить публично-правовому образованию, физическому или юридическому лицу за счет средств бюджета определенные денежные средства в соответствии с выполненными условиями гражданско-правовой сделки, заключенной в рамках его бюджетных полномочий, или в соответствии с положениями закона, иного правового акта, условиями договора или соглашения».

Также, Бюджетный кодекс РФ устанавливает, что управление средствами Фонда национального благосостояния в целях обеспечения стабильного уровня доходов от их размещения в долгосрочной перспективе допускает возможность получения отрицательных финансовых результатов в краткосрочном периоде. При этом законом не определено, какой период следует считать краткосрочным, а также не установлен допустимый предел отрицательных финансовых результатов. На наш взгляд, такой период должен составлять один календарный год, по итогам которого следует в случае получения отрицательных финансовых результатов от размещения средств фондов, переводить указанные средства в другие финансовые активы. Допустимый предел отрицательных финансовых результатов может быть установлен в процентном соотношении от вложенных средств [1].

Нужно заметить, что процесс финансирования бюджетных учреждений на современном этапе находится в стадии модернизации. Осуществляемое в настоящее время в России бюджетное реформирование направлено на повышение

результативности бюджетных расходов и на оптимизацию управления бюджетными средствами на всех уровнях бюджетной системы РФ [5].

Анализ изменений понятия «бюджетное учреждение» показал, что в его новом определении признак функциональной предназначенности бюджетных учреждений, подчеркивающий публичный характер их деятельности, заменен признаком оказания государственных услуг в соответствии с государственным заданием. Замену признака указания на целевой характер бюджетных учреждений признаком выполнения ими государственных услуг в соответствии с заданиями государства и введение самого понятия «государственные услуги» можно трактовать как смещение акцентов в понимании сущности государства, когда вместо обязательных для государства функций оно переходит к выполнению определяемого по своему усмотрению объема услуг.

При формировании бюджетного законодательства Донецкой Народной Республики целесообразно закрепить понятие «бюджетное учреждение», а также классификацию государственных расходов [6].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации" от 31.07.1998 N 145-ФЗ (ред. от 28.12.2017) //Собрание законодательства РФ. – 1998.– N 31. – Ст. 3823.
2. Евстигнеев Е., Викторова Н. Финансовое право: Учебное пособие. – СПб.: Питер, 2011 г. – 272 с.
3. Петрова Г.В. Международное финансовое право. Учебник для магистров. – М.:Издательство Юрайт, 2011 г. – 457 с.
4. Роль кредита и модернизация деятельности банков в сфере кредитования: монография / под ред. О. И. Лаврушина. – М. : КНОРУС, 2012. – 267 с.
5. Сребник, Б. В. Финансовые рынки: профессиональная деятельность на рынке ценных бумаг : учеб. пособие / Б. В. Сребник, Т. В. Вилкова. – М. : ИНФРА-М, 2013. – 365 с.
6. Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 17.12.2016 г. № 13-18 «Об утверждении Временного положения о бюджетной системе Донецкой Народной Республики». URL<https://minfindnr.ru/metodicheskij-kabinet/vremennoe-polozhenie-o-byudzhetoj-sisteme-doneckoj-narodnoj-respubliki/>

УДК 347.6

Резник А.А.

Научный руководитель: Олейникова А.В., старший преподаватель

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА НАСЛЕДОВАНИЯ ВНЕБРАЧНЫМИ ДЕТЬМИ ПО ЗАКОНУ В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Резюме. Проблема института внебрачных детей и порядок принятия ими наследства была, есть и остаётся одной из самых актуальных в мире. Данная статья рассматривает её не просто в какой-то временной точке, но во всём историческом аспекте. К рассмотрению предложены: древнеримский период, Древняя Русь, Российская Империя, СССР, а также Украина XXI столетия. Такой детальный анализ интересующего нас вопроса поможет более подробно рассмотреть вышеупомянутую проблему.

Ключевые слова: наследование по закону; наследники; внебрачные дети.

Вопрос о наследовании, как одной из областей гражданского права, является весьма насущным. К сожалению, рано или поздно каждый человек сталкивается с проблемой наследования движимого и недвижимого имущества, прав и обязанностей умерших людей, а потому тема получения наследства была и остаётся одной из самых распространённых. Общеизвестен факт, что наследование бывает двух видов: по завещанию и по закону.

Несмотря на то, что составление завещания предполагает более чёткое выражение воли законодателя, истории известны сотни тысяч случаев, в которых умерший не

успевал закрепить письменно свои предпочтения касательно распределения своей собственности. Важной предпосылкой к тому, что изначально возникло именно наследование по закону, был тот факт, что predetermined семейным строем порядок наследования не должен был изменяться. Уже в более поздний период возникла идея прижизненного волеизъявления собственника о порядке наследования его имущества. Одним из древнейших видов посмертных распоряжений было распоряжение отца о разделе семейного имущества между детьми – законными наследниками.

Начиная с древнеримского периода и заканчивая современностью, наследование по закону всегда было неразрывно связано с понятием «очереди наследования». В различные времена название этого определения варьировалось, но смысл оставался одинаковым: так называемые «очереди» подразумевают, что наследование по закону происходит в четкой последовательности, и ни один приемник не будет иметь права на принятие наследства, если имеется наследник предшествующей очереди.

Однако закон, в большинстве случаев, закрепляет основные пункты касательно семьи усопшего, а потому на протяжении столетий не определялось правовое положение внебрачных детей, хотя и отрицать их наличие было невозможно.

В догосударственный, то есть, первобытнообщинный период, брака, как такового, не существовало, а потому законных наследников просто-напросто не существовало, так как не было правовых норм, регулирующих данную сферу общественных отношений. Говорить об институте наследования по закону следует, начиная рассматривать этот вопрос с древнеримского периода.

Специфический институт именно римского семейного права составляла так называемая отцовская власть домовладыки в отношении подвластных детей (*patria potestas pater familiae*). Как отмечали сами римские юристы, «ни один народ не имеет такой власти над детьми, как римляне». Исключительность положения детей определялась двумя обстоятельствами: они не только были в чисто семейной по основаниям власти родителя, но и состояли «под властью» особого рода, которой предполагались дополнительные правовые возможности родителя по отношению к детям. По римскому праву родительская власть над детьми принадлежала только отцу и только в отношении детей из *правильного* брака (союз мужчины и женщины одного правового качества. Указанный брак заключался в специальных, признанных законами формах и порождал все соответствующие последствия для супругов); объем власти в отношении усыновленных был несколько иным. Внебрачные дети не пользовались особым статусом: власть над ними считалась принадлежащей тому родителю, кто своим поведением демонстрировал брак [1].

Внебрачные дети, как и другие родственники наследодателя, связанные с ним по крови, относились к разряду родственников-когнатов. Когнатическое родство в интересах наследования устанавливалось в силу кровной семейной связи с наследодателем: наследниками (*cognati*) считались все непосредственные родственники без различия пола с соблюдением последовательности степеней и порядка рождения. В рамках когнатического родства возможные наследники разделялись на 4 условных класса. В первый класс входили нисходящие родственники наследодателя: сыновья, дочери от *правильного* брака и внуки от умерших ранее детей. Второй класс составляли восходящие и полнородные родственники: отец, мать, бабушки, полнородные братья и сестры, племянники по полнородным братьям и сестрам, которым предоставлялось право наследовать вместо их родителей. Третий класс составляли неполнородные родственники: единокровные и единокровные братья и сестры. Четвертый класс наследников составили все остальные боковые родственники любой степени отдаленности родства и не полнокровия «до бесконечности» (*ad infinitum*); все они наследовали поголовно в равных долях.

Как мы видим, право наследования детьми, рождёнными вне брака, в Римском праве не регламентировалось.

Что касается Древней Руси, то после принятия христианства эпоха многобрачия окончилась, а на смену ей пришло чёткое разделение между тем, что церковь одобряет, а что нет. А потому следовало разграничить такие понятия как «законнорождённые» и незаконнорождённые дети, которые по мнению православной церкви, происходили от преступного союза, что было свойственно исключительно язычникам.

Следы христианского влияния начали сказываться рано. К примеру, Святополк, рождённый Владимиром от жены брата своего Ярополка, назывался сыном от прелюбодеяния и рассматривался как незаконнорожденный[2].

Однако в Пространной Русской Правде [3] (14 в.), а именно, в ст. 98 говорится: «Если были у человека дети от рабы, то наследства им не иметь, но предоставить свободу им с матерью». Следует отметить, что здесь говорилось не именно о внебрачных детях, а о тех, которые были рождены от неравного союза. Следовательно, их положение не было крайне плачевным, они наделялись какими-либо правами. А ст. 94 гласит: «Если будут дети от первой жены, то дети возьмут наследство своей матери; если же муж завещал это второй жене, все равно они получают наследство своей матери».

Спустя несколько веков в Соборном Уложении 1649 г.[4] (а именно, ст. 280) было регламентировано само понятие «незаконного ребёнка», которым признавался ребёнок, который «прижит у наложницы, до брака, или и при законной жене, или после законной жены». Также в Уложении говорилось, о наследовании внебрачных детей, а именно, лишении их имущества, но исключительно в отцовских поместьях и вотчинах (что соответствует вышеупомянутой статье из Пространной Русской Правды). Но такой запрет не налагался на движимое имущество отца, либо на недвижимое имущество матери.

При рассмотрении более позднего периода в истории дореволюционной России (а именно, в период империи), можно выделить следующие особенности. Со времени Петра I подведомственность дел о незаконнорожденных детях перешла из рук церкви в руки светской власти. 16 и 31 января 1712 г. Петром I были изданы сразу два почти одинаковых указа, в которых предписывалось «учинить» по всем губерниям специальные учреждения по призрению калек и стариков, а также – «прием... и прокормление младенцам, которые не от законных жен рождены, дабы вящего греха не делали, сиречь убивства» [5]. Существенных изменений касательно вопроса о наследовании во времена Петра I не предвиделось, однако он стал решать вопросы об алиментах, как обязательном институте семейного права, а также, как упоминалось ранее, о помещении их под присмотр.

13 ноября 1796 года императором Павлом I (сыном Екатерины II) был издан Указ, которым двум воспитанникам умершего подполковника Михаила Обольянинова была предоставлена его фамилия и герб, а также право на наследство. 30 ноября 1796 года последовал Указ № 17598, которым сыну генерал-поручика Колтовского, родившемуся спустя 5 месяцев после его смерти, была предоставлена его фамилия и право наследования в имении [6].

Относительно права незаконнорожденного лица наследовать в имуществе матери русское допетровское законодательство, а также узаконения Петра I не содержали конкретных постановлений. В родовом имении матери незаконнорожденное лицо никогда не имело права наследовать. Что касается права наследования в имуществе отца, то сохраняло действие правило Соборного уложения о запрете такого наследования.

Тем не менее в виде снисхождения Высочайшей милости незаконнорожденные дети допускались к наследованию и в отцовской недвижимости, даже наравне с законными детьми наследодателя. Известны два Указа от 9 августа 1763 года № 11893 по делу майора Гаврилы Лазарева и от 16 февраля 1788 года № 16627 по делу подпоручика Апухтина,

которые впоследствии легли в основу разрешения споров со схожими обстоятельствами. Согласно им, дети от второго брака были допущены к наследству и достоинству отца наравне с другими его детьми [6]. Вышеупомянутый указ действовал недолго. В 1812 году принят Указ № 25140, согласно которому дети, рожденные во втором браке при существовании первого, признавались незаконнорожденными, поэтому никаких прав на имущество и состояние своего отца не имели [6].

Начиная от издания 13 июня 1801 года положения Государственного совета по 1810 год было принесено 456 ходатайств о «сопричтении» к законнорожденным детей, прижитых родителями до брака. Из них удовлетворены 384 просьбы, по которым было узаконены 986 детей. С 1810 по 1827 год поступили 690 прошений об узаконении, из которых удовлетворены 446, по ним узаконены 1234 ребенка. Всего в течение 26 лет были введены во все права рода и наследства около 2300 незаконнорожденных лиц [8].

Такой порядок продолжался до вступления на престол императора Николая I, чей период правления ознаменован ухудшением положения незаконнорожденных лиц. Таким образом, 23 июля 1829 года Высочайшим указом N 3027 было утверждено: «Все приносимые Императорскому Величеству прошения об усыновлении воспитанников; узаконении незаконнорожденных детей или воспитанников; а также о сопричтении к законным детям до брака рожденных оставлять без движения, так как узаконение незаконнорожденных детей, кроме неудобства, также противоречит духовному и гражданскому закону» [6].

В течение следующих 26 лет не было принято общего правительственного распоряжения об облегчении участи внебрачных детей, а также не было издано указа, предоставляющего незаконнорожденным детям прав сословных или наследственных. Указы Высшей власти и положения Соборного уложения 1649 года относительно незаконнорожденных детей легли в основу правовых норм, закрепленных в ч. 1 т. 10-го Свода законов Российской империи 1833 года. В Своде законов впервые после Соборного уложения 1649 года были определены основания и условия незаконнорожденности. Однако юридического понятия категории «незаконнорожденное лицо» законодателем так и не было выработано. Они признавались незаконными с самого рождения. Незаконнорожденными считались дети, хотя и родившиеся в браке, но произошедшие от прелюбодеяния, а также от брака, признанного незаконным. Закон признал наличие естественной связи между матерью и незаконнорожденным ребенком. Согласно Своду законов, мать была обязана содержать своего внебрачного ребенка. Данная обязанность имела личный характер, поэтому после смерти матери она прекращалась и не переходила на ее родственников. Также сохранило свою силу и закрепленное в законе *правило о следовании* незаконнорожденного ребенка состоянию матери [6].

Согласно решению Сената от 11 июня 1885 года «незаконнорожденные считаются членами тех обществ, к которым принадлежали их матери во время рождения детей». Однако в жизни такое правило срабатывало не всегда, потому что не во всех губерниях (исключительно в 15 из 50 существующих на то время). В этой трети губерний экономическое положение детей было таким же, как и у детей законных, но в остальной части их правовой статус обещал желать лучшего, они даже могли не пользоваться никакими правами (Виленская, Вологодская, Гродненская, Екатеринославская, Рязанская). Что касается наследственных прав внебрачных или незаконнорожденных детей, то тут положение было схожим. Всеми правами без ограничений пользовались в Гродненской и Пермской губерниях, в иных местностях они могли наследовать лишь имущество матери (Бессарабская, Витебская, Подольская губернии). В Ковенской губернии незаконнорожденный приравнивался к законнорожденным только в том случае, если его мать выходила замуж, и этот ребенок становился хозяином двора наравне с родными детьми [7].

Если рассматривать законодательную базу времён Советского Союза, то изначально, а именно в Декрете ВЦИКа от 27 апреля 1918 года «Об отмене наследования» говорилось: «Наследование как по закону, так и по духовному завещанию отменяется. После смерти владельца имущество, ему принадлежавшее (как движимое, так и недвижимое), становится государственным достоянием Российской Социалистической Советской Федеративной Республики» [9].

В период Второй мировой войны в связи с гибелью большого числа граждан был расширен круг наследников. в него были включены трудоспособные родители, братья и сестры. Что касалось наследования внебрачными детьми уже в период послевоенного времени, то, согласно Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 10 апреля 1957 г. № 2 «О судебной практике по делам о наследовании», а именно, п. 12: «Пасынки и падчерицы не являются наследниками отчима и мачехи, точно так же отчим и мачеха не являются наследниками пасынков и падчериц, если не имели места усыновление или факт иждивенчества» [10]. Следовательно, большую роль играл факт усыновления, что и подтверждается в Основах гражданского законодательства СССР и союзных республик от 1961 г., где в ст. 118 «Наследование по закону» говорится: «...Наследниками первой очереди являются в равных долях дети (в том числе усыновленные), супруг и родители (усыновители) умершего [11]. К числу наследников первой очереди относится также ребенок умершего, родившийся после его смерти. Внуки и правнуки наследодателя являются наследниками по закону, если ко времени открытия наследства нет в живых того из их родителей, который был бы наследником...». Чёткого закрепления правового положения внебрачного ребёнка мы здесь не видим, хотя часть статьи, где говорится о ребёнке наследодателя, «который родился после его смерти», заставляет сомневаться, ведь в том случае, если необходим только факт кровного родства, внебрачный ребёнок также может претендовать на часть наследства.

Гражданский кодекс и РСФСР, и УССР регламентировали понятие наследования и круг наследников аналогично, опираясь на Основы гражданского законодательства.

Если говорить о современном периоде, то мы рассмотрим законодательную базу Украины (в соответствии с Постановлением Совета Министров № №9-1 от 02.06.2014 г.) [12]. Гражданский кодекс Украины регламентирует основные положения и определяет круг наследников по закону, в соответствии со ст. 1261 «Первая очередь наследников по закону»: «В первую очередь право на наследование по закону имеют дети наследодателя, в том числе зачатые при жизни наследодателя и родившиеся после его смерти, тот из супругов, который его пережил, и родители» [13]. Обращаясь к комментированному Гражданскому кодексу Украины и Семейному кодексу Украины, мы можем определить следующее [14; 15].

Наследниками могут быть как новорожденные, так и совершеннолетние дети наследодателя. Наследственные права детей, не зависят также от того, родились ли они во время пребывания наследодателя в зарегистрированном браке или браке, который был признан недействительным. Главное, чтобы у детей существовали доказательства происхождения их от данных лиц (прежде всего, таким доказательством выступает свидетельство о рождении ребенка). Если ребенок родился вне брака, происхождение ребенка от матери определяется на основании документа учреждения здравоохранения о рождении ею ребенка, равно как оно определяется: 1) по заявлению матери и отца ребенка, 2) по заявлению мужчины, который считает себя отцом ребенка, или 3) по решению суда (ст. 125 СК Украины).

Еще одним документом, подтверждающим правовой статус ребёнка, рождённого вне брака и его притязаний на имущество отца либо матери, является подписанная в 2009 г. Европейскую конвенцию «О правовом статусе детей, рождённых вне брака» [16]. Конвенция предусматривает, что установление материнства в отношении каждого ребенка, рожденного вне брака, основывается лишь на факте рождения ребенка. При

этом отцовство в отношении каждого ребенка, рожденного вне брака, может быть подтверждено или установлено путем добровольного признания или по решению суда. Конвенция предусматривает, что отец и мать ребенка, рожденного вне брака, имеют такие же обязанности его содержать, которые были бы при его рождении в браке. Ребенок, рожденный вне брака, имеет такое же право на наследование имущества своих отца и матери, а также члена семьи и родственника со стороны отца или матери, как и ребенок, рожденный в браке.

Таким образом, в работе были рассмотрены основные положения касательно детей, рождённых вне брака и порядок привлечения их к наследству, также произведён детальный анализ законодательства, а также просмотрены основания, на которых данный вопрос может разрешаться на современном этапе при возникновении подобных дел.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Омельченко, О.А. Римское право: учеб. пособие / О.А. Омельченко. – изд. 2-е, перераб. и доп. — М.: ТОН, 2000 — 208 с.
2. Неволин, К.А. Лаврентьевская летопись 1037 г. История российских гражданских законов. Часть первая: Введение и книга первая о союзах семейственных [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Библиотека Якова Кротова: <http://www.krotov.info/>. – Дата обращения: 04. 02. 2018. – Загл. с экрана.
3. Русская Правда: Пространная редакция [Электронный ресурс]. – Режим доступа: 100 главных документов российской истории: <http://doc.histrf.ru/10-16/russkaya-pravda-prostrannaya-redaktsiya/>. – Дата обращения: 04. 02. 2018. – Загл. с экрана.
4. Соборное Уложение 1649 года: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: 100 главных документов российской истории: <http://doc.histrf.ru/17/sobornoe-ulozhenie-1649-goda/>. – Дата обращения: 04. 02. 2018. – Загл. с экрана.
5. Потепалов, Д.А. Как Пётр I боролся с беспризорностью / Д.А. Потепалов // Родина. – 2016. – № 716 (7) – С. 7-11.
6. Полное собрание законов Российской империи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/content.html. – Дата обращения: 05. 02. 2018. – Загл. с экрана.
7. Черкашина, Н.В. Законодательная регламентация в отношении внебрачных детей в первой половине XIX столетия. Пробелы в российском законодательстве / Н.В. Черкашина // Юридический журнал. – 2014. – №4. – С. 36 – 39.
8. Дылевский, К.И. Об узаконении детей, прижитых вне брака / К.И. Дылевский // Журнал гражд. и уголов. Права. – 1887. – Кн. 1. – С. 71 – 96.
9. Декрет ВЦИК: об отмене наследования от 27 апреля 1918 года: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Библиотека нормативно-правовых актов СССР: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_281.htm. – Дата обращения: 05. 02. 2018. – Загл. с экрана.
10. Постановление Пленума Верховного Суда: о судебной практике по делам о наследовании от 10 апреля 1957 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Библиотека нормативно-правовых актов СССР: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5190.htm. – Дата обращения: 05. 02. 2018. – Загл. с экрана.
11. Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик [Электронный ресурс]. – Режим доступа: музей истории российских реформ имени П. Столыпина: <http://museumreforms.ru/node/13894>. – Дата обращения: 05. 02. 2018. – Загл. с экрана.
12. Постановление Совета Министров ДНР № 9-1 от 02.06.2014г: О применении Законов на территории ДНР в переходный период [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Официальный сайт ДНР: <http://doc.dnr-online.ru/doc/dokumenty-soveta-ministrov/postanovlenie-9-1-ot-02-06-2014g-o-primenenii-zakonov-na-territorii-dnr-v-perexodnyj-period/>. – Дата обращения: 05. 02. 2018. – Загл. с экрана.
13. Гражданский кодекс Украины [закон: принят Верховной Радой Украины 16.01.2003 г. № 435-IV: по состоянию на 1 янв. 2008 г.]. – Х.: Право, 2008. – 430 с.
14. Гражданский кодекс Украины: Комментарий. – с изменениями и доп. на 01.09.2003 г. – Т. 6. – Х.: ООО «Одиссей», 2003. – 832 с.
15. Семейный кодекс Украины: принят Верховной Радой Украины 10.01.2002г.[Электронный ресурс]. – Режим доступа: Законодавство України: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/2947-14>. – Дата обращения: 05. 02. 2018. – Загл. с экрана.
16. Европейская конвенция: О правовом статусе детей, рождённых вне брака [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Информационное агентство УНИАН: <https://health.unian.net/country/180385-v-ukraine-opredelen-pravovoy-status-vnebrachnyih-detey.html>. – Дата обращения: 05. 02. 2018. – Загл. с экрана.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНЫ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В СИСТЕМЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ РЕБЕНКА

Резюме. В данном исследовании проанализирована нормативно-правовая база, регламентирующая вопросы предоставления защиты правам несовершеннолетних лиц, а также изучена системы органов по правам человека, осуществляющая функции по обеспечению полноценных условий для жизнедеятельности ребенка. В результате проведенного исследования выявлена необходимость дальнейшего совершенствования международно-правовых механизмов защиты прав ребенка с целью улучшения жизни данной категории населения.

Ключевые слова: ребенок, международно-правовой механизм защиты прав ребенка, международный орган по права человека, внедоговорные контрольные механизмы, договорные (конвенционные) контрольные органы.

Гармоничное социальное и духовное развитие ребенка является основной обязанностью каждого демократического государства. Однако вопросы обеспечения реализации прав детей в последние несколько столетий достигли мирового масштаба, вследствие чего нашли свое отражение в нормах международного права. Так, относительно молодой правовой институт международной защиты прав ребенка в современном мире, занимает одно из главных мест в системе международного права, а регламентируемые правовые отношения по-прежнему не утрачивают своей актуальности.

Несмотря на то, что расцвет международно-правовой защиты прав детей приходится на XX век, объективные предпосылки его создания появились еще в древние времена. В разные периоды роль несовершеннолетнего лица и его участие в жизни общества зависели от определенных исторических условий и направленности политической, экономической и социогуманитарной составляющих идеологии каждого государства.

Правовое регулирование общественных отношений связанных с защитой прав ребенка, отражено в комплексе международно-правовых актов. В первую очередь следует отметить акты, которые гарантируют права и свободы человека в целом и детей в частности. Права ребенка получили закрепление в универсальных декларациях и конвенциях по правам человека: во Всеобщей декларации прав человека 1948 г., Пакте о гражданских и политических правах 1966 г., Пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 г, Европейской конвенции о защите прав и основных свобод. Европейским судом по правам человека были разработаны определенные правовые стандарты, регулирующие положение детей в международном праве и, в частности, касающиеся их положения в семье [1].

Особое место среди таких актов занимает Всеобщая декларация прав человека, принятая 10 декабря 1948 года и провозгласившая основной принцип заимствованный иными нормативными актами: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах» [2].

К международно-правовым актам универсального характера относятся такие как: Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (1984 г.), а также Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1979 г.), особенно в той части, где речь идет о равных правах на получение образования, в том числе дошкольного и общего школьного образования.

Источником международного права, регулирующим непосредственно защиту прав и интересов несовершеннолетних лиц, является Конвенции о правах ребенка 1989

года (далее – Конвенция о правах ребенка). Конвенция о правах ребенка предусматривает наиболее важные принципы, отражающие равноправие всех детей, особую роль государства в защите несовершеннолетних граждан, запрет на применение смертной казни, общественную значимость мнения ребенка в ситуациях, связанных с его интересами.

Именно в этом правовом документе закреплено юридическое определение понятия «ребенок» – «каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее» [3].

Для реализации предписаний, закрепленных в международных актах и качественного воплощения их в жизнь, существует целый ряд международно-правовых механизмов, оказывающих помощь детям в разнообразных жизненных ситуациях.

Под определением международного механизма обеспечения прав ребенка И. М. Рачек понимает контроль международного сообщества посредством специальных органов за выполнением государствами своих обязательств в области защиты прав ребенка [4, с. 119–122].

Первые международные организации, защищающие права ребенка, были созданы в конце XIX века: Лондонское общество по предотвращению жестокости по отношению к детям (1884 г.), Нью-Йоркское общество по предупреждению жестокого обращения с детьми (1871 г.), Союз защиты детей от использования и жестокого обращения, образованный в Германии (1898 г.) и другие [5].

В 1919 году Лигой Наций был создан Комитет детского благополучия, который занимался разработкой мер, необходимых для защиты детей, а также в отношении беспризорных детей, рабства, детского труда, торговли детьми и проституции несовершеннолетних [6, с. 1–2].

На сегодняшний день в мире действует достаточно большое количество международных органов и организаций, перенявших опыт первых правозащитных организаций. К международно-правовым имплементационным механизмам по защите прав детей также относится группа международных органов по правам человека, которые выполняют функции обеспечения прав ребенка наряду с другими правовыми вопросами защиты прав человека.

Все международные органы по правам человека, в том числе, участвующие в защите прав ребенка, действуют как универсальном уровне (т.е. в рамках Организации Объединенных Наций (далее – ООН)), так и на региональном уровне (т.е. в пределах конкретного региона).

Универсальные органы в зависимости от их юридической природы подразделяются в свою очередь на: внедоговорные контрольные механизмы, созданные на основе Устава ООН и договорные (конвенционные) контрольные органы, создание которых предусмотрено международными соглашениями по правам человека.

Внедоговорные контрольные механизмы представляют собой многофункциональную ветвь в системе общей защиты прав человека и включают в себя контрольные органы ООН и вспомогательные специализированные учреждения.

Прямое отношение к регулированию вопросов об охране детства имеют базовые органы ООН – Генеральная Ассамблея, Совет Безопасности, Экономический и Социальный совет.

Роль Генеральной Ассамблеи заключается в общем воздействии на проблемы устранения нарушений прав ребенка с помощью принятия резолюций (деклараций), утверждения договоров, создания вспомогательных органов.

Отдельно следует выделить полномочия Совета Безопасности ООН в отношении защиты детей во время вооруженных конфликтов, так как одной из его основных функций является поддержание международного мира и безопасности. Руководствуясь

главой VII Устава ООН, данный орган должен принимать меры для устранения нарушений прав человека, включая и права детей, в связи с угрозой международного мира или проявлением акта агрессии [7].

Под эгидой ООН функционирует ряд организаций, которые занимаются имплементацией прав ребенка, а также содействуют государствам в оказании помощи детям. К таким органам относятся: Международная организация труда (МОТ), Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), Организация ООН по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), Международный Детский Фонд ООН (ЮНИСЕФ), Фонд ООН по народонаселению, Программа Развития ООН, Управление Верховного Комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ).

МОТ является всемирной межправительственной организацией в сфере международного правового регулирования отношений в области реализации трудовой деятельности. Ее создание в 1919 году на основе Версальского мирного договора было связано с целью продвижения принципов социальной справедливости и международно-признанных прав человека в сфере труда [8, с. 115–119].

Для защиты прав ребенка бесспорно крайне важна правотворческая деятельность Международной организации труда, так как ребенок гораздо чаще, чем взрослые подвергается повышенной опасности и дискриминации в трудовых отношениях в силу своего возраста и своей социальной неадаптированности. Наиболее важными документами, направленными на защиту прав детей в вопросах труда являются: Конвенция № 138 «О минимальном возрасте для приема на работу» 1973 года и Конвенция № 182 «О запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда» 1999 года.

Сохранение здоровья и жизни ребенка, создание нормальных условий для его медицинского обслуживания, оказание своевременной медицинской помощи – первостепенная задача каждого государства. Значительное влияние на формирование качественной внутригосударственной системы здравоохранения оказывают соответствующие международные организации.

На сегодняшний день международной универсальной организацией социального характера, осуществляющей свою деятельность в области международного здравоохранения, является Всемирная организация здравоохранения (далее – ВОЗ). Данное специализированное учреждение в области ООН призвано действовать в качестве руководящего и координирующего органа в международном сотрудничестве.

ВОЗ осуществляет необходимую нормотворческую деятельность, а именно – может предлагать принятие конвенций, соглашений и правил по вопросам международного здравоохранения, способствовать имплементации принятых норм на национальном уровне. ВОЗ также может давать государствам рекомендации, которые хотя и не имеют обязательной юридической силы, но, тем не менее, оказывают существенное влияние на улучшение внутригосударственной ситуации в области здравоохранения.

Специализированные функции ВОЗ заключаются в борьбе с эпидемическими, эндемическими и другими заболеваниями; в способствовании предотвращению несчастных случаев, улучшения питания, жилищных и санитарных условий, условий труда и отдыха, экономических условий и других гигиенических условий окружающей среды [9].

ЮНЕСКО – специализированное учреждение ООН по вопросам образования, науки и культуры, созданное 16 ноября 1945 года. Основные цели данной организации заключаются в содействии укреплению мира и безопасности за счёт расширения сотрудничества государств и народов в области образования, науки и культуры; обеспечении справедливости и соблюдении законности, всеобщего уважения прав и основных свобод человека, провозглашённых в Уставе Организации Объединённых Наций [10, с. 14–17].

Контрольный механизм вышеуказанной организации обеспечивает реализацию и защиту таких прав детей как право на образование, право на свободу мысли и слова, право на свободное участие в культурной, научной жизни общества.

Объектом особого внимания и защиты ООН всегда были дети, их благополучие и их права. Одним из первых результатов деятельности ООН было решение, принятое Генеральной Ассамблеей в 1946 году, о создании Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ) как органа ООН для предоставления помощи детям в Европе после Второй мировой войны. Когда в 1950 году срок полномочий данного фонда фактически закончился, по просьбе стран Азии, Африки и Латинской Америки, Генеральная Ассамблея приняла решение о включении ЮНИСЕФ в систему ООН как постоянно действующую структуру, целью которой является удовлетворение потребностей детей в развивающихся странах. ЮНИСЕФ работает в тесном сотрудничестве с правительствами, а также с неправительственными организациями и учреждениями ООН в целях определения потребностей детей и использования энергии и способностей отдельных лиц, семей, общин и правительств для содействия странам в удовлетворении этих потребностей.

Важнейшая сторона деятельности ЮНИСЕФ в деле развития – это широкая пропаганда необходимости защиты интересов детей и мобилизации материальных ресурсов на улучшение их положения. Необходимо отметить, что ЮНИСЕФ – главный механизм международной помощи детям, которые находятся в опасных условиях. Значимость роли ЮНИСЕФ как проводника интересов международного сообщества по внедрению во всех странах положений Конвенции ООН о правах ребенка состоит, прежде всего, в широкой пропаганде необходимости защиты прав и охраны законных интересов несовершеннолетних детей [11, с. 83].

Одной из наиболее известных международных неправительственных организаций, занимающейся защитой прав детей, является Международный Комитет Красного Креста (далее – МККК). Среди множества гуманитарных организаций МККК играет особую роль, прежде всего потому, что он получил мандат государств, ставших участниками Женевских Конвенций 1949 года – а это почти все государства мира, которые признали его гуманитарный характер и беспристрастность. Затем эти же государства, участвуя в принятии Устава Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца, взяли на себя обязательство уважать в любое время обязанность МККК, действовать в соответствии с основополагающими принципами Движения, в число которых входит гуманность, беспристрастность, нейтральность и независимость в отношениях с любыми властями. Таким образом, МККК обладает особым статусом, признанным мировым сообществом, когда оно предоставило ему в 16.10.1990 года место наблюдателя в Организации Объединенных Наций [12, с. 246–247].

Также необходимо уделить внимание и договорным (конвенционным) механизмам, учрежденным для защиты прав человека и, безусловно, касающихся и вопросов защиты прав ребенка.

Действующая в настоящее время система конвенционных органов по правам человека состоит из шести комитетов: Комитета по правам человека; Комитета по расовой дискриминации; Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин; Комитета по экономическим, социальным и культурным правам; Комитета против пыток; Комитета по правам ребенка. После вступления в силу Международной конвенции о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей (1990 г.) добавился еще один договорной орган: Комитет по правам трудящихся-мигрантов и членов их семей. Все комитеты состоят из экспертов, действующих в своем личном качестве и обладающих признанной компетенцией в области прав человека.

Особый интерес представляет Комитет ООН по правам ребенка, поскольку именно этот орган напрямую занимается защитой прав ребенка. Остальные же пять комитетов могут осуществлять защиту прав ребенка лишь косвенно – посредством

рассмотрения докладов в пределах своих мандатов. Как указано в статье 45(d) Конвенции о правах ребенка, Комитет может вносить предложения и рекомендации общего характера, основанные на информации, получаемой в соответствии со статьями 44 и 45 Конвенции. Такие предложения и рекомендации общего характера посылаются любому заинтересованному государству-участнику и сообщаются Генеральной Ассамблее. Они могут сопровождаться замечаниями государств-участников, если таковые имеются. В своих заключительных замечаниях Комитет всегда придерживается следующей структуры: введение; позитивные аспекты; факторы и трудности, влияющие на имплементацию Конвенции; основные положения, вызывающие озабоченность; предложения и рекомендации.

Процедуры контроля, используемые прочими конвенционными органами, осуществляются в следующих формах: 1) изучение докладов государств, ратифицировавших международные соглашения по правам человека; 2) рассмотрение жалоб государств и индивидуальных жалоб по поводу нарушения положений соответствующих конвенций [13].

Основное отличие вышеуказанных групп международных органов заключается в той компетенции, которой они наделены, а именно: компетенция конвенционных органов ограничивается только теми государствами, которые ратифицировали соответствующие международные соглашения, в свою очередь внедоговорные контрольные механизмы имеют более широкую сферу действия – они применяются ко всем государствам-участникам ООН. Региональные международные механизмы реализуют свои функции в пределах конкретного региона. К примеру, для европейского региона наиболее известным и эффективным международным механизмом по защите прав человека, а также и ребенка, является Европейский суд по правам человека, который в ходе рассмотрения жалоб обеспечивает неукоснительное соблюдение норм Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Проделанный анализ деятельности международных органов по защите прав детей позволяет прийти к выводу о том, что основная проблема в этой области заключается в рекомендательном характере большинства принимаемых решений и отдаленности деятельности многих органов от реальной жизни и реальных прав конкретных лиц.

Для более эффективной и качественной работы вышеуказанных органов представляется необходимым усовершенствование международно-правовых механизмов путем усиления взаимодействия международных органов и государственных структур, наделенных полномочиями относительно защиты прав детей.

Таким образом, в современном мире решение проблем обеспечения прав и свобод ребенка, а также их защита имеет глобальный и первостепенный характер. Следует отметить проявление современных тенденций в данном вопросе, которые заключаются в нарастающем внимании общественности к проблемам защиты прав человека в целом, и прав детей в частности. Такое глубокое и пристальное внимание к данной проблематике, в конечном счете, может стать тем фактором, который позволит повысить эффективность существующих механизмов защиты прав ребенка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хабарова А. Ю. Защита прав ребенка в международном праве // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки»: научный журнал. – Орёл: изд-во ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет». – 2015. – №2(65). – 379 с.
2. Всеобщая декларация прав человека: принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года [Электронный ресурс] / Веб-сайт ООН. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr. – Дата обращения: 17.01.2018
3. Конвенция по правам ребенка: принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 года [Электронный ресурс] / Веб-сайт ООН. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon. – Дата обращения: 18.01.2018

4. Рачек И.М. Механизм защиты прав ребенка на международном, европейском и российском уровнях // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 373. – С. 119-122.
5. Гаджиева П.Д., Юсуфова М.Х. История становления и развития института защиты прав детей в международном праве // Материалы VI Международной студенческой электронной научной конференции «Студенческий научный форум» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.scienceforum.ru/2014/689/4751>. – Дата обращения: 18.01.2018
6. Акулова Ю. А. История становления института защиты прав ребёнка за рубежом // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Пермь, январь 2014 г.). – Пермь: Меркурий, 2014. – С. 1-2.
7. Устав Организации Объединенных Наций: принят г. Сан-Франциско 26 июня 1945 [Электронный ресурс] / Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121087/ – Дата обращения: 22.01.2018
8. Морозов П.Е. Современная роль Международной организации труда в условиях глобализации. // Морозов П.Е. // Бизнес в законе. – 2011. – № 5. – С. 115-119.
9. Каркищенко Екатерина Игоревна. Международно-правовые аспекты деятельности всемирной организации здравоохранения/ Диссертация / Москва. –2004. – 187 с.
10. Бехруз Х. Роль ЮНЕСКО в международной институционализации сравнительного правоведения / Х. Бехруз // Міжнародні читання з міжнародного права пам'яті професора П.Є. Казанського : матер. третьої міжнар. наук. конф. (м. Одеса, 2–3 листопада 2012 р.) / відп. за випуск М. І. Пашковський ; НУ «ОЮА». – Одеса : Фенікс, 2012. – С. 14-17.
11. Права человека и процессы глобализации современного мира // отв. ред. Е. А. Лукашева. – М., 2005. – С. 83.
12. Марион Харрофф-Тавель. Деятельность Международного Комитета Красного Креста в обстановке насилия внутри страны.// Защита лиц и объектов в международном гуманитарном праве. Статьи и документы. – МККК, Москва, 1999 г. – С.246-247.
13. Старовойтов О. М. Механизмы защиты прав ребенка / Старовойтов О. // [Электронный ресурс] Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2001. – № 3. – Режим доступа: <http://evolutio.info/content/view/433/52/>. – Дата обращения: 23.01.2018

УДК 342.531

Рябченко Е.Ю.

Научный руководитель: Краснонос Е.Ю., к.ю.н., доцент

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Резюме. В данной статье рассмотрены основные этапы развития и становления института должностного лица.

Ключевые слова: должностное лицо, этапы развития, статус.

При характеристике любого правового института особенно важно его исследование в ретроспективе. Не является исключением и институт должностного лица, который за последние десятилетия неоднократно претерпевал существенные изменения, испытывая на себе все происходящие в стране социальные, экономические, политические преобразования.

Поскольку выделение этапов в эволюции данного института и их хронологических рамок носит весьма условный характер и связано это с тем, какие правовые события и явления понимаются в качестве ключевых, то в юридической науке существуют различные позиции в отношении периодизации развития института должностного лица. В настоящей статье рассмотрены три периода становления института должностного лица: досоветский, советский, постсоветский. Каждый из периодов имеет внутренние, только ему присущие этапы развития.

Централизация в политическом строе Русского государства начала развиваться на рубеже XV–XVI вв. Московский великий князь уже систематически стал пользоваться

титолом «государь». Но, вопрос о форме государственного устройства не находил однозначного решения на территории государства долгое время.

Еще дореволюционные исследователи подчеркивали особенности государственно-правовой природы России [1].

Особенно отчетливо начали проявлять себя предпосылки к переустройству региональных управленческих структур к началу XVIII в. Именно объективность этих предпосылок, а именно экономические, политические, территориальные и другие, показывали, что старая система с характерным для нее отсутствием единообразия, неопределенностью функций воевод и их аппарата в новых условиях была неэффективной.

18 декабря 1708 года указом царя «Об учреждении губерний и росписания к ним городов» [2] «для всенародной пользы» были образованы восемь губерний, что позволило создать более мощный аппарат управления регионами [3]. Губернии возглавлялись губернаторами, назначаемыми царем (им же была поручена новая деятельность – полицейская). Губернии были разделены на 45 провинций, во главе которых были поставлены губернаторы, вице-губернаторы, воеводы. Администрация провинций подчинялась непосредственно коллегиям.

Таким образом, реформа 1708 года, имевшая важное государственное значение, упразднила старый принцип назначения на должность как «государственное пожалование» и сделала всех региональных должностных лиц чиновниками абсолютной монархии, которые в своей деятельности обязаны были руководствоваться общегосударственными законами и распоряжениями.

В результате реформаторской деятельности царя Петра I в России была проведена серьезная рационализация системы государственного управления и государственной службы:

- в первой четверти XVIII в. при Петре I были ликвидированы сословно представительные органы и установилась абсолютная монархия;

- Петр I отделил персону государя от государства и создал полноценную государственную службу, правовой основой которой стала «Табель о рангах всех чинов воинских, статских и придворных от 24 января 1722» [4]. От этой даты обычно и отсчитывают начало государственной службы в России.

Проведенная Екатериной II в 1775 г. губернская реформа придала единообразие системе управления территориями и отразила попытку разделить и разграничить на уровне губернии финансовые, хозяйственные, административные и судебные функции, которые ранее составляли компетенцию губернаторов, установила принцип персональной ответственности губернатора за состояние подведомственного региона.

Территориальные государственные учреждения в первой половине XIX в. сохранили прежнюю основу, несколько модернизировавшись в общем контексте бюрократизации [5].

Революционные движения в 80-е годы привели к тому, что полномочия губернатора расширились, и он снова мог влиять на суд. С 1904 года губернатор является лицом, от решения которого зависело существование любого органа и учреждения во «вверенной» губернии.

В целом правовой статус губернаторов в дореволюционный период не имел единой законодательной регламентации. Их правовое положение в различных регионах было неодинаковым. В то же время можно отметить, что общим для института губернаторства царского периода характерно сосредоточение функций судебного, надзорного и административного характера. Однако основными были полномочия в сфере исполнительной власти [6].

Государственное управление и государственная служба в императорской России в начале XX в. так и не стали, в отличие от многих цивилизованных стран, ни

конституционными, ни всесословно-представительными. Они имели сословную дворянскую основу, функционально осуществляли деспотическую власть абсолютных монархов в рамках сохраненной ими феодальной политической системы.

Неспособность монархов к качественным, радикальным реформам управления и других сфер общества, нежелание поделиться властью с обществом, ухудшающееся положение широких слоев трудящихся масс во многом способствовали вызреванию в общественном сознании идеи революционного способа преодоления нарастающего кризиса управления, власти, общества, слома существующей государственной и политической системы [7].

Анализ формирования органов государственного управления России в досоветский период свидетельствует о наличии устойчивой тенденции к стремлению центральной власти укреплять ее вертикаль.

Советский период (1918–1991 гг.) включает два этапа:

- первый – создание вместо губерний краев и областей (1923–1929 гг.) и учреждение должности руководителей этих регионов;
- второй – периодическое уточнение и корректировка полномочий руководителей российских регионов (1930–1991 гг.).

В советском госуправлении 1920–1930 гг. формируются республиканский строй, российский федерализм в сочетании с унитаризмом; единство власти и управления, законодательная и исполнительная вертикали власти, судебная власть; правящая роль коммунистической партии, что обусловило партийно-государственную природу управления; централизация и бюрократизация управления.

В советский период институт губернаторства был возрожден в сравнительно короткое время. И. В. Сталин использовал опыт своих предшественников – русских царей, фактически восстановив его по дореволюционной модели, изменив только форму. Назначаемых императором губернаторов сменили назначаемые генсеком первые секретари обкомов партии с огромной властью на подведомственной им территории [8].

В конце 80-90-х гг. сложилось уникальное сочетание кризисных объективных социально-экономических условий и неблагоприятных субъективных личностных и партийных факторов, которые в совокупности обусловили неожиданно трагический финал для СССР – прекращение его функционирования в декабре 1991 года.

Постсоветский период (с 1991 года по наше время).

Следует отметить, что формирование института должностного лица субъекта Российской Федерации в его современном понимании началось в 1988–1990 гг., одновременно со стартом коренных преобразований в экономической, политической, социальной сферах, названных «перестройкой».

Однако сущностное изменение системы органов государственной власти в субъектах началось с 1991 года, когда были введены должности глав администраций краев, областей, автономных округов, мэров Москвы и Ленинграда (Санкт-Петербурга), а в некоторых республиках – должности президента. В связи с этим, полагаю, следует вести периодизацию развития института должностного лица субъекта Российской Федерации с начала 90-х годов XX века.

Поскольку выделение этапов в эволюции данного института и их хронологических рамок носит весьма условный характер и связано с тем, какие правовые события и явления понимаются в качестве ключевых, то в юридической науке существуют различные позиции в отношении периодизации развития института должностного лица субъекта Российской Федерации.

Например, Ю.К. Цареградская намечает два этапа в формировании и становлении данного института: первый этап – с 1991 года по 1993 год – связан с реформированием системы государственной власти в регионах, начавшегося с августа 1991 года; второй этап – с 1993 года – характеризуется процессом «сплошной суверенизации» [9].

Р.А. Сахиева выделяет три этапа в нормативно-правовом регулировании статуса должностного лица субъекта Российской Федерации:

- первый – с 1990 года по 1991 год – связан с утверждением поста Президента СССР, РСФСР и отдельных республик в составе России;
- второй этап связан с принятием Конституции Российской Федерации 1993 года;
- начало третьего этапа – с принятием в 1999 году Федерального Закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [10].

Лысенко В. Н. и Лысенко Л. М. выделяют следующие этапы развития института губернаторства в современной России.

Первый этап – 1991 год–декабрь 1993 года – назначение губернаторов. Данный этап характеризовался сменой Президентом большинства председателей исполкомов областных, краевых Советов народных депутатов и назначением новых глав администраций, введением института представителя Президента в субъектах Федерации, попытками смещения ряда губернаторов.

Второй этап – 1994–1996 гг. – выборы губернаторов. В этот период произошел роспуск большинства областных и краевых Советов, разрабатывались и принимались уставы субъектов Федерации, состоялись выборы глав администраций в большинстве субъектов, в результате чего ослабло влияние Президента на губернаторов.

Третий этап – 1997 год – последующее время. В этот период предпринимаются попытки сохранить институт губернаторства под контролем Президента, для чего делается упор на местное самоуправление как противовес институту губернаторства, усиливается институт представителя Президента в регионах, предпринимаются попытки законодательно оформить практику федерального вмешательства в дела субъектов Федерации [11].

Таким образом, можно выделить следующие этапы в развитии института должностного лица субъекта Российской Федерации:

- первый этап – с 1991 года по 1993 год;
- второй этап – с 1993 года по 1999 год;
- третий этап – с 1999 года по 2004 год;
- четвертый этап – с 2004 года по 2012 год;
- пятый этап – с 2012 года по настоящее время.

Первый этап. Как уже было сказано, в 1991 году были введены должности глав администраций краев, областей, автономных округов, мэров Москвы и Ленинграда (Санкт-Петербурга), а в некоторых республиках – должность президента. Первыми переход от советской модели с формальным доминированием представительных органов власти к модели, которую условно можно назвать парламентско-президентской, в 1991 году совершили Москва и Санкт-Петербург, где был введен пост избираемого непосредственно населением мэра.

В автономных республиках вместо поста председателя коллегиального Президиума Верховного Совета вводился пост непосредственно избираемого Верховным Советом единоличного председателя. Фактически изменения в данных регионах происходили синхронно, с аналогичными изменениями на общероссийском уровне [12].

После августовского кризиса 1991 года, когда были распущены организационные структуры КПСС, Президент России подписал Указ № 75 «О некоторых вопросах деятельности органов исполнительной власти в РСФСР» [13], который кардинально изменил систему государственных органов в субъектах. Председателей исполкомов, подотчетных соответствующим Советам, заменили главы исполнительной власти, назначаемые Президентом Российской Федерации. Данный Указ предусматривал, что «исполнительно-распорядительные функции государственного управления» в регионах осуществляются главами администраций, назначаемыми Президентом по согласованию

с соответствующими советами. Региональные органы исполнительной власти переподчинялись главе региона, а не Совету. Таким образом, был учрежден институт главы администрации субъекта Федерации.

Принятый Верховным Советом 5 марта 1992 года Закон «О краевом, областном Совете и краевой, областной администрации» зафиксировал двойную подотчетность главы региона (перед Советом и Президентом России) и двойную подотчетность исполнительного органа (перед Советом и главой региона) [14].

Второй этап. Начало этого этапа связано с октябрьскими событиями 1993 года и характеризуется отказом от системы советов. Параллельное сосуществование таких различных государственно-правовых институтов, как Советы народных депутатов и главы администраций, не могло длиться долго, поскольку они выступали элементами различных моделей осуществления государственной власти. Трансформация их взаимоотношений, происходившая с 1991 по 1993 год, вполне укладывается в рамки переходного периода. Изменения в статусе органов государственной власти субъекта Российской Федерации связаны с укреплением президентской власти, исполнительной власти субъекта и уменьшением по сравнению с предшествующим периодом полномочий представительного органа.

По мнению большинства исследователей, главная особенность этого этапа – усиливающаяся самостоятельность губернаторов [15].

Уравнивание статусов всех субъектов Федерации способствовало активному политическому строительству в краях и областях и стимулировало разработку собственного законодательства, закрепляющего порядок формирования государственной власти региона, а также место и роль главы администрации в политической системе региона. К 1995 году набрав солидный политический вес и сформировав управленческие команды, главы администраций потребовали от федеральных властей подтверждения своего статуса глав регионов посредством всенародных выборов.

После прямых выборов неформальные статусные позиции главы исполнительной власти региона становятся устойчивыми. Выборы превращают губернатора в публичную фигуру, зависящую от электората, что придает главам администраций политический вес. Многие из них после выборов предпочли называться губернаторами, что являлось более статусным наименованием главы региона. В этот период в регионах активно начинает развиваться процесс губернизации, связанный с формированием устойчивых политических режимов [16].

Третий этап. Всеобщие выборы губернаторов остаются главным содержанием этого этапа. Полномочия и статус губернаторов становятся весьма значительными, угрожающими целостности России. Губернаторы, помимо того, что они были хозяевами на своих территориях, являлись к тому же сенаторами-членами верхней палаты российского парламента. Начал проявляться региональный сепаратизм, существенным образом стало нарушаться единое экономическое и правовое пространство страны.

Характерной особенностью этого этапа является формирование в общественном сознании идеи необходимости прямого назначения губернаторов Президентом Российской Федерации.

Четвертый этап. Отличительной чертой данного этапа стал переход от всеобщих выборов губернаторов к так называемым управляемым выборам.

В декабре 2004 года механизм формирования должности главы субъекта Федерации был кардинально изменен. Согласно Федеральному закону № 184-ФЗ в редакции от 11 декабря 2004 года гражданин Российской Федерации наделялся полномочиями высшего должностного лица субъекта Российской Федерации законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта Российской Федерации по представлению Президента России. Такой формат призвания к должности главы субъекта Федерации нельзя было назвать даже косвенными

выборами, поскольку региональному парламенту предлагалась единственная кандидатура, не имевшая альтернативы [17].

Новую модель замещения должности главы субъекта Федерации окрестили назначением, осуществляемым федеральным Президентом, в чем не было большого преувеличения, поскольку Президенту давалось право распускать законодательный орган субъекта Российской Федерации при двукратном отклонении его кандидатур, лишавшее региональный парламент реального выбора.

Примечательно, что новый режим призвания к должности главы субъекта Федерации получил поддержку Конституционного Суда Российской Федерации [18]. Эта позиция была подтверждена и решением Конституционного Суда от 24 декабря 2012 года № 32-П, в котором отмечалось, что Конституция Российской Федерации не рассматривает выборы, проводимые на основе равного и прямого избирательного права при тайном голосовании, в качестве единственно допустимого механизма формирования всех органов публичной власти на каждом из уровней ее организации [19].

Таким образом, рассматриваемый этап с одной стороны отразил тенденцию первого десятилетия XXI в. – усиление федерального центра в процессе формирования власти в регионах, а с другой стороны заложил основы для последующего этапа.

Пятый этап. В своем ежегодном послании Федеральному Собранию Российской Федерации 2011 года, действующий на тот момент Президент Российской Федерации Д. А. Медведев предложил вернуться к выборам руководителей субъектов Российской Федерации прямым голосованием жителей регионов. Соответствующие изменения 2 мая 2012 года были внесены в Федеральный закон № 184-ФЗ и вступили в силу 1 июня этого же года.

В апреле 2013 года законодатель вновь возвратился к косвенным губернаторским выборам. Субъекты Федерации теперь самостоятельно определяют режим выборов главы субъекта Федерации – прямой или косвенный.

Новый формат косвенных выборов глав субъектов Федерации, как можно видеть, несколько отличается от предыдущего: если прежде Президент Российской Федерации предлагал региональному парламенту только одного партийного кандидата, то теперь он предлагает трех, что формально придает выборам альтернативный характер. В то же время, говорить о кардинальном изменении избирательной формулы не приходится: по-прежнему кандидатуры для избрания высшего должностного лица субъекта Российской Федерации предлагает Президент.

Таким образом, современная политическая история России свидетельствует о том, что институт губернаторства по-прежнему остается важнейшим звеном в политической системе государства. Он находится в процессе постоянного совершенствования и развития в интересах укрепления российской государственности, развития партийной системы, обеспечения оптимального баланса интересов федерального центра и субъектов федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Градовский А.Д. Начала Русского государственного права. Т. 1. О государственном устройстве. СПб., 1875. С. 3.
2. История государственного управления в России / Под ред. А.Н. Марковой. М., 1997. С. 93.
3. Государственные учреждения в России. Сб. документов. Н. Новгород, 1994. С. 79.
4. Полное Собрание Законов Российской Империи//Собр. I.- Т. VI.- № 3890.
5. Очерки истории государственного управления в России. Ростов н/Д, 1997. С. 171.
6. Манько А. Блестители верховной власти. Институт губернаторства в России. М., 2004. С. 223.
7. Красин Ю.А. Российская демократия: коридор возможностей // Полис. – 2004. – №6. – С.125-128.
8. Омельченко Н.А. История государственного управления в России: Учебник. – М.: Гардарики, 2007. – 476с.
9. Цареградская Ю.К. Институт высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (политико-правовое содержание и пути оптимизации). Дис. канд. юрид. наук.

10. Сахиева Р.А. Конституционно-правовой статус высшего должностного лица республики – субъекта Российской Федерации (на примере Республики Татарстан). Автореферат. – К. 2004.
11. Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII – начало XX века). Издание 2-е, исправленное и дополненное. Москва –2001.
12. Сахиева Р.А. Конституционно-правовой статус высшего должностного лица республики – субъекта Российской Федерации (на примере Республики Татарстан). Автореферат. – К. 2004.
13. «Российская газета», 31.VIII.1991.
14. «Российская газета», 20.III.1992.
15. Лучин В.О. Конституционные деликты // Государство и право. 2000. № 1.
16. Сенатова О., Якурин А. Выборы губернаторов в контексте социально-политического развития регионов России. – «Политический мониторинг», 1997, №1.
17. Маршалова В.А. Практика наделения полномочиями высших должностных лиц субъектов Российской Федерации по представлению главы государства (на примере республик – субъектов РФ) // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 1.
18. Некрасов С.И. Конституционно-правовая ответственность субъектов внутрифедеративных отношений в Российской Федерации: специфика состава конституционного деликта, применяемых санкций, классификация // Государство и право. 2005. № 8.
19. Никифоров М.В. Субъекты административного нормотворчества. Н. Новгород, 2012.

УДК 340.116:316.42

Сергеев В.Л.

Научный руководитель: Щербинина Е.В., к.и.н., доцент

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ПРАВА

Резюме. В статье проанализирован феномен права в контексте процесса глобализации и, на этой основе уяснено влияние последствий глобализационных процессов в современном мире на развитие правового феномена на национальном и международном уровнях. Сделан вывод о повышении роли международного права в функционировании правовых систем государств. В качестве последствий глобализации права определено усиление регламентации государственной власти и ее подконтрольности гражданскому обществу, укрепление гуманистических начал в системах правового регулирования. В дальнейшем развитии права в условиях глобализации предложено обратиться к методам «разумного протекционизма».

Ключевые слова: глобализация, право, правовая система, правотворчество.

Глобализация представляет собой широкомасштабный, многоплановый и при этом противоречивый процесс нарастания общего в мировом пространстве. Современная глобализация может быть определена как универсализация социального порядка, предполагающая, с одной стороны, обеспечение соответствия множества уникальных национальных порядков неким единым стандартам, с другой – формирование наднационального социального порядка, в рамках которого такие стандарты вырабатываются и поддерживаются [1, с. 17]. Под влиянием глобализации в современном мире меняются все стороны политической, социальной, экономической, культурной и правовой жизни общества.

Возможность глобализации права заложена в самой его сущности, поскольку право, являясь сложной социальной системой, открыто для взаимодействия с другими видами социальных систем и с правовыми системами других государств. Глобализация права способствует созданию единого правового пространства, игнорируя особенности и значение национальных законодательств. Процесс глобализации придает интернациональности внутреннему праву государств, изменяет устоявшиеся модели правосознания, меняет иерархию норм.

В ответ на возникающие изменения теоретико-правовая наука пытается определить роль глобализации в изменении правовой системы государств, выявить ее формы и методы, а также предвидеть последствия. Воздействию глобализации на право

посвящено множество исследований, начиная с конца XX-го века и по наши дни. В частности, юридической защите государственного суверенитета от угроз и вызовов глобализации посвящены труды С. А. Авакьяна, Б. Н. Бессонова, В. В. Бузгалина, А. Н. Быкова, М. Г. Делягина, С. И. Долгова, А. А. Коваленко, А. А. Мигولاتьева. Институциональная модернизация права в условиях глобализации исследована в работах Е. А. Лукашевой, В. Я. Любашица, А. С. Панарина. В трудах В. П. Войтенко, В. Д. Зорькина, М. В. Карасева, И. Б. Кардашова, А. В. Кряжкова, И. И. Лукашук, С. В. Михайлова, Н. С. Никитенко, В. Н. Скабелкина, С. В. Степашина, Ю. А. Тихомирова, Р. О. Халфиной рассмотрены юридические механизмы защиты национальных интересов в условиях глобализации. Самый значительный вклад в анализ глобализации права внесен В. В. Сорокиным в монографии «Юридическая глобалистика» (2009 г.), где с позиций государственно-правовой теории права раскрыты основы юридической глобалистики, ее теория и методология.

Целью настоящей статьи является определение влияния глобализации на основные элементы права и развитие национальных правовых систем.

Глобализация в правовом пространстве, по заключению исследователей, в той или иной степени проявляется во всех структурных частях правовой системы страны и охватывает все ее компоненты.

В первую очередь, она касается правотворчества и соотношения источников права. Расширяется социальная база законотворчества, в правотворчестве появляются новые субъекты, механизм образования права становится более демократичным.

Расширение предмета правового регулирования связано с распространением действия права на совершенно новые области социальной действительности, появляются новые отрасли, подотрасли, институты права и законодательства, например, информационное право, космическое право, медицинское право и др. С другой стороны, расширение сферы правотворчества сопровождается неоправданной детализацией правового регулирования общественных отношений, более конкретным и всесторонним их регламентированием, что неизбежно влечет за собой значительное увеличение количества нормативно-правовых актов, что приводит в конечном итоге к навязчивости и негибкости законодательства.

Парламентарии сталкиваются с систематическим отсутствием адекватного структурирования поступающей им информации, непредсказуемой и хаотичной сменой политических установок и социального заказа, и в результате утрачивают осознание влияния их решений на реальную жизнь людей. Такое положение вещей становится прямой угрозой нормальному развитию общества.

В международном правотворчестве в последнее время также происходят значительные перемены. Интенсивностью мировой глобализации обусловлено ускорение международного правотворческого процесса, формирование условий для принятия норм общего права большинством государств. Новым является активное участие в правотворчестве многочисленных международных органов и организаций.

Создаваемые в условиях глобализации международно-правовые нормы имеют наднациональный характер и выходят за пределы национальных интересов отдельного государства, то есть имеют зачатки наднационального юридического регулирования.

Весьма значительные изменения проявляются в становлении новых принципов международного права, направленных на «обуздание» повсеместного интегрирования права. Например, это принцип суверенного равенства государств, невмешательства во внутренние дела других, принцип, ограничивающий решение конфликтов военным путем и др. Эти принципы призваны сохранять спокойную мировую обстановку, развитие сотрудничества и взаимоуважения стран.

Глобализация права приводит к навязыванию международных стандартов для национальных правовых систем, например: единые минимальные требования к

правовому регулированию общественных отношений; единые стандарты закрепления прав и свобод человека; стандарты в осуществлении правосудия и предпринимательской деятельности; стандарты в области труда, занятости, торговли и т.д. В этой связи даже стал использоваться термин «юридическая экспансия» [2].

Особенно заметно влияние международного права в области пересечения внутреннего права государств с международными связями. Например, ссылаясь на международное право, суды Великобритании радикально изменили обычное право страны, касающееся иммунитета. Кроме того, в странах англосаксонского права возрастает роль нормативно-правового акта. Так, в Великобритании решением Палаты лордов по делу *British Railways Board v. Pickin* было установлено, что суд не имеет права обсуждать действия парламента в отношении как частных, так и публичных парламентских актов [3, с. 32]. Несомненно, повышение роли закона в качестве важнейшего источника права будет способствовать стабилизации национальных правовых систем, составляющих указанную семью, повысит ее устойчивость, обеспечит оптимальную сбалансированность между догмой основополагающих принципов права и динамикой конкретных правовых норм, регулирующих социальные отношения, быстро развивающиеся под влиянием глобализации.

В странах романо-германской семьи созданы условия для существования и развития «судейского права», как одного из новых источников внутрисудебного правотворчества. В частности, в Испании законодательно закреплена правотворческая роль судебной практики Верховного Суда. В Германии в качестве прецедентов обязательной значимости признаются решения Федерального конституционного суда. В Италии судебная практика также пользуется существенным авторитетом, благодаря деятельности Кассационного суда [3, с. 32].

В Российской Федерации с формально-юридических позиций судебная практика не признается в качестве официального источника права. Однако невозможно отрицать огромное регулятивное значение, которое имеют постановления пленумов Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. Нормативная составляющая этих формально интерпретационных актов настолько существенна, что их содержанием определяется не только направление судебной практики в различных юрисдикциях, но и направленность законотворческой деятельности парламента. Кроме того, в деятельности российских судебных органов, в соответствии со ст. 1 Закона РФ «О ратификации Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» [4] учитывается практика Европейского суда по правам человека.

В целом, судебное нормотворчество видится наиболее эффективным компенсаторно-регулятивным механизмом для случаев, когда пробелы в правовом регулировании каких-либо общественных отношений, возникающие в силу развития общества, либо в силу дефектного функционирования государственной власти не восполняются законодательным органом.

Таким образом в процессе глобализации меняются соотношения внутри системы источников права государств. Все это – неизбежные последствия глобализационных процессов.

Общемировые тенденции глобализма производят перемещение центра законодательных инициатив от парламентских структур к правительству, когда первоначальный текст разрабатывается в системе исполнительной власти. Такая тенденция отражает нарушение конституционного принципа разделения властей, который по мере продвижения глобализации приобретает все более декларативный характер, способствуя созданию хаоса в механизме национальных государств. Основное социальное предназначение исполнительной власти – обеспечивать профессиональное управление общественными процессами, в издаваемых ею особых

предписаниях должны находить свою реализацию принципы и общие нормы, издаваемые органом народного представительства. Однако процесс глобализации приводит к появлению у каждой из ветвей разделенной государственной власти (законодательная, исполнительная, судебная), одновременно нормотворческой, правоисполнительной и юрисдикционной компетенции. Каждая из этих подсистем осуществляет издание общеобязательных правил поведения, участвует в управлении страной и задействована в снятии общественных противоречий посредством разрешения юридических споров. Такое своеобразное взаимодействие в системе власти приводит к облегчению перехода к диктатуре нового мирового порядка как результату глобализации.

Как отмечает В. В. Сорокин, роль правовой доктрины глобалисты сводят к обоснованию захвата и передела власти, но в целом значение этого ведущего источника права всячески умаляется. Игнорируя принципы права и иные духовно-нравственные ценности, современные правотворцы и правоприменители оказываются заложниками деструктивных сил, далеко не всегда желая этого [3, с. 34].

В процессе глобализации в национальном правотворчестве все более заметны процессы лоббирования: совокупность действий по приспособлению законов интересам олигархических кланов, которые отстаивают свои корыстные интересы путем взаимодействия с парламентариями. Тем самым обществу навязываются определенные законы, заставляющие всех граждан служить интересам указанных групп.

Противоречивой становится в ходе правотворчества роль ценностно-психологического фактора, тогда как на первый план выходит экономический, и иногда – политический интерес.

Глобализация права осуществляется с помощью глобализации правового сознания через средства массовой коммуникации. В литературе отмечается, что уровень глобализации правового сознания зависит: во-первых, от уровня развития сознания общества и, во-вторых, от уровня самого правосознания той или иной социальной группы [5, с. 9]. В процессе глобализации правосознание поступательно переходит от запретительно-предписывающего характера регулирования к преимущественно дозволительному, когда превалируют юридические дозволения, субъективные права; правовой статус автономии личности становится все более устойчивым. В массовом правосознании закрепляются общие для всего человечества принципы приоритета прав и свобод человека и гражданина в правовой организации общественной и государственной жизни; укрепляется уважение закона и правопорядка, идей и ценностей господства права; повышается правовая активность граждан в осуществлении своих прав и надлежащем исполнении своих юридических обязанностей и пр.

Составляющая правосознание правовая идеология интернациональна по своей природе и способствует внедрению инноваций в правовое сознание в целом. А уже через нее глобализируется и унифицируется правовая психология. В мировой правовой науке уже создана глобальная правовая идеология, стержнем которой является мировоззрение о верховенстве права и правовом государстве.

Принцип верховенства права наполняется в современный период более глубоким содержанием и оказывает благотворное воздействие на все традиционные положения и принципы государственно-правового развития. При этом государство как феномен в условиях глобализации подвергается очень жесткой проверке на прочность. Глобализация переоценивает такие фундаментальные основы государственного строительства как государственный суверенитет, следовательно, существенно модифицируется собственно управленческая функция государства, что сопровождается очевидным снижением его управленческого потенциала.

Глобализационные процессы неизбежно воздействуют и на внутригосударственную правоприменительную практику. В ходе судебно-правовых реформ в государствах происходит значительное обновление законодательной базы в сфере процессуального регулирования. Кроме этого, в правоприменительной практике непосредственно применяются нормы, принципы и прецеденты международного права.

Процессуальные формы судебного и административного правоприменения в процессе глобализации мира унифицируются и сближаются. Уголовно-процессуальная и судебная формы правоприменения во всех правовых системах мира унифицируются по образцу стран англо-американской и романо-германской правовых семей, в которых также происходит сближение.

В административно-правовом правоприменении происходят унификация и стандартизация правовых форм его осуществления. Однако эти процессы осложняются незаинтересованностью субъектов административной деятельности, особенно управляющих, в детализации и стандартизации своей деятельности, потому что это неизбежно приведет к уменьшению возможностей проявления их самостоятельной воли. Между тем, в демократических странах, когда общественность стремится контролировать административную деятельность исполнительных органов власти, стандартизация и унификация административно-процессуальной формы признаны целесообразными, активно разрабатываются и развиваются.

В уголовно-исполнительных системах стран мира процесс глобализации начался еще в XIX веке с участием стран в международных уголовно-исполнительных конгрессах и отразился в европейских стандартах содержания осужденных в местах лишения свободы, которые активно внедряются в национальные уголовно-исполнительные системы государств.

Такая тенденция глобализации как стандартизация коснулась также сферы юридической техники. Выход в мировое юридическое пространство в части регулирования, к примеру, экономических отношений, невозможен без унифицированного документооборота соответствующих субъектов таких отношений, находящихся в поисках выхода на мировой рынок. Поэтому постепенно формируются единые унифицированные формы правовых документов, идет становление единых унифицированных норм оформления финансовой документации и финансовой отчетности и т.п.

Итак, глобализация права – сложное, многогранное и противоречивое явление. Глобальная интеграция позитивного права происходит в форме сближения, гармонизации, унификации, стандартизации и имплементации. Наблюдается повсеместная тенденция повышения роли международного права в функционировании правовых систем государств. С другой стороны, глобализация права приводит ко все большей регламентации власти государства и подконтрольности ее гражданскому обществу, укреплению гуманистических начал в системах правового регулирования. Однако государственное регулирование на уровне национальных государств попрежнему остается необходимым условием преобразований во всех сферах социальной жизни. У международной и национальных правовых систем своя природа, своя сфера действия, свой объект регулирования и свой механизм действия, поэтому для их нормального функционирования должно происходить не стирание граней между международным и внутренним правом, а углубление их взаимодействия. Необходимо обратиться к методам «разумного протекционизма» как в политике и экономике, так и в развитии права, чтобы национальное государство на основе соблюдения мировых гуманистических принципов все же оставалось решающим звеном социально-экономических и политических преобразований общественной жизни. Необходимо сохранять приоритеты миролюбия, уважения территориальных границ других государств и невмешательства в их внутренние дела, признании сохранения мира на планете и отказа от войны в любых целях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лунеев В. В. Глобализация мира и наднациональное право / В. Лунеев // Russian journal of legal studies. – 2015. – № 2 (3). – С. 17-27.
2. Тверякова Е. А. Юридическая экспансия: теоретико-историческое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е. А. Тверякова. — Н. Новгород, 2002. – 23 с.
3. Сорокин В.В. Юридическая глобалистика: Учебник. – Барнаул: Изд-во «Азбука», 2009. – 700 с.
4. Российская Федерация. Федеральный Закон от 30 марта 1998 г. N 54-ФЗ «О ратификации Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» // Собрание законодательства Российской Федерации от 6 апреля 1998 г. – N 14. – Ст. 1514.
5. Богатырев В.В. Глобализация права: автореф. дис. ...д. юрид. наук /В.В. Богатырев. – Владимир: ВЮИ ФСИН России, 2012. – 38 с.

УДК 323.22/.28

Скорик А.В.

Научный руководитель: Щербинина Е.В., к.и.н., доцент

ФОРМЫ И СРЕДСТВА ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Резюме. В данной работе рассмотрено определение «защиты прав человека», особенности правового института, предназначенного для защиты прав человека и его составляющие, такие как формы защиты, средства защиты. Также детально рассмотрены различные виды как форм, так и средств защиты прав человека.

Ключевые слова: защита прав человека, формы защиты права, средства защиты права.

В науке теории права, при рассмотрении права как явления, традиционно выделяют две основных его функции – регулятивную и охранительную. Охранительная функция всегда, и учеными, и правоведами-законодателями, рассматривается через два смежных понятия, которые нередко путают: «охрана прав» и «защита прав».

Существует много различных мнений разных ученых о том, как следует трактовать и использовать эти понятия. Если сделать краткий обзор основных точек зрения на данный вопрос, то одни исследователи отрицают целесообразность использования этих двух терминов, другие соотносят понятия по объему, как большее и меньшее, третьи считают их тождественными, четвертые же называют защиту права средством реализации охраны права [1]. Наиболее нам близки мнения Э. П. Гаврилова и Н. И. Матузова, которые утверждают, что защита права является одной из форм охраны права, моментом активного действия при нарушении права [2; 3].

Несмотря на то, что защита права является одной из форм охраны права, охранной деятельности государства, у нее существуют собственные формы, средства и способы реализации. Как и цель своей деятельности в целом – устранение возникших при реализации прав человека препятствий, а в случае если это невозможно – ликвидировать негативные последствия таких нарушений.

Рассмотрим для начала формы защиты прав. Базовой классификацией форм защиты права в таком случае является деление на государственные и негосударственные. Государственные формы защиты, в свою очередь, делятся на такие группы по субъекту деятельности: судебная форма, административная форма, прокурорская форма. Рассмотрим эти три формы защиты прав подробнее.

Судебная форма – это порядок применения судами способов защиты, предусмотренных законодательством государства. Данной форме защиты принадлежит универсальная, ведущая роль, так как суд является независимым и подчиняется только закону, судебная процедура максимально приспособлена к разрешению юридических

дел (протекает в особой процессуальной форме), в судебном порядке может защищаться любое субъективное право. Можно также отметить, что в науке судебную форму защиты права рассматривают по-разному: и как институт конституционного права, и как вид государственной защиты прав и свобод личности, и как общественное отношение, и как государственную функцию. Более того, судебную защиту отождествляют с правосудием или же рассматривают как гарантию доступа к правосудию.

Ведущее место в судебной защите субъективных прав принадлежит конституционному судопроизводству, которое осуществляется, соответственно, Конституционным судом. Защита основных прав и свобод граждан составляет одно из главных направлений его деятельности.

Для более подробного рассмотрения возьмем как пример Российскую Федерацию в связи с тем, что в Донецкой Народной Республике аналогичного органа судебной власти нет. В соответствии Конституции РФ Конституционный Суд РФ по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан и по запросам судов проверяет конституционность закона, примененного или подлежащего применению в конкретном деле, акты или отдельные положения, признанные неконституционными, утрачивают силу [4].

Судебная защита прав и свобод – это государственная деятельность особого рода, использующая достаточно широкий арсенал средств правового воздействия на общественные отношения с целью устранения препятствий на пути реализации интересов субъектов права, создающая систему дополнительных гарантий правомерной активности личности, упрочивающая ее правовой статус. Судебная деятельность в данном смысле ценна не только сама по себе, но также в силу социально-значимых последствий соответствующего «вмешательства» в правоотношения.

Административная форма – порядок применения способов защиты административными органами, благодаря которым происходит более быстрое разрешение споров, возможно применение компромиссов для конфликтных сторон, и все это без применения длительной судебной процедуры.

Деятельность исполнительных органов государства и органов местного самоуправления направлена на утверждение прав и свобод человека в ходе решения поставленных перед ними задач, но все же в процессе выполнения управленческих функций они нередко игнорируют и нарушают права граждан, как действиями, так и бездействием отдельных чиновников и муниципальных служащих (издаются несоответствующие законам нарушающие права и свободы граждан инструкции, постановления, распоряжения и иные акты).

Защита прав человека административными органами осуществляется как в процессе выполнения задач, возложенных на данные органы, так и при поступлении обращений граждан, которые рассматриваются в установленном порядке.

Нужно отметить, что административная форма защиты субъективного права имеет достаточно широкую сферу применения, однако реализуется недостаточно эффективно, что связано с большим количеством органов административной юрисдикции, что создает трудности при определении подведомственности [5].

Кроме того, приходится сомневаться в объективности органа, который пересматривает свое же собственное решение. Не смотря на это, административная форма защиты субъективного права имеет значительный потенциал, который до сих пор не реализован. Преимущества разбирательства дела в административной юрисдикции очевидны. Это возможность более быстрого разрешения споров, поиска компромисса, устраивающего стороны спора без длительной судебной процедуры.

Прокурорская форма защиты субъективных прав – это надзорная деятельность прокуратуры по применению способов защиты, исполнением законов органами,

осуществляющими дознание и предварительное следствие, а также администрациями органов, исполняющих наказание и назначаемые судом меры принудительного характера, администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу.

Например, по законодательству Донецкой Народной Республики прокуратура занимает особое место в государственном механизме и не относится ни к одной из ветвей власти. На прокуратуру возлагается надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина органами исполнительной власти Донецкой Народной Республики, органами местного самоуправления, органами военного управления, органами контроля, их должностными лицами, а также органами управления, руководителями коммерческих и некоммерческих организаций, физическими лицами-предпринимателями [6].

Права и свободы человека и гражданина органами прокуратуры защищаются не только в рамках надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, но и в ходе надзора за исполнением законов (так называемого «общего надзора» за исполнением законов всеми министерствами, ведомствами, органами местного самоуправления, контроля, коммерческими и некоммерческими организациями и т. д.), когда зачастую также выявляются нарушения прав и свободы человека и гражданина, а также в ходе надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие, надзора за исполнением законов в местах лишения свободы, в ходе участия прокурора в рассмотрении судами различного уровня разнообразных дел, в процессе координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью.

Негосударственными формами защиты прав человека являются различные международные и общественные организации, которые оказывают правовую помощь при реализации основных (государственных) форм защиты прав человека лицам, чьи права были нарушены и подлежат защите.

Рассмотрев формы защиты прав человека, стоит упомянуть и способы, которые используются для осуществления защиты нарушенных прав. Но, проведя самый простой сравнительный анализ этих определений, можно сделать вывод, что «способы» и «средства» защиты права используются учеными как синонимы, и поэтому, ведя речь о «способах», одновременно будет говориться и о «средствах».

Многообразие, объективно свойственное средствам защиты прав человека, имеет тенденцию к нарастанию (диверсификации). Так, Я. М. Магазинер на основе анализа советского законодательства выделял следующие основные виды средств защиты прав: 1) судебное преследование нарушителя прав путем уголовного, гражданского и публичного исков; 2) обращение с просьбами и жалобами к органами управления; 3) обращение к законодательным органам с каким-либо законодательным предложением общего или специального характера; 4) обращение гражданина, находящегося за границей, за защитой своих прав к дипломатическим и консульским представителям. При этом, признавая существование самозащиты прав, автор проявлял непоследовательность, приписывая возможность защиты прав исключительно государству: «Принципиально, никто не вправе своими средствами восстанавливать нарушенные свои права: этим он вторгается в монопольное право государства на восстановление нарушенного права» [7, с. 303].

В настоящее время нет никаких оснований утверждать, что государство обладает монополией на защиту прав человека. По результату использования можно подразделить средства защиты прав человека на восстановительные (т.е. приводящие к устранению нарушений и возвращению нормального режима пользования субъективными правами) и компенсационные (связанные с предоставлением носителю прав денежного или иного возмещения при невозможности полного восстановления исходного состояния).

Принципиальным значением обладает, кроме того, деление средств защиты прав человека на материальные и процессуальные. Классификация правовых явлений на материальные и процессуальные является традиционной для нашей юридической науки. При этом, как указывают многие специалисты, четкий критерий такого деления окончательно не сформулирован. В целом идея разделения права на материальное и процессуальное исходит из того, что материально-правовые нормы осуществляют первичное регулирование общественных отношений, непосредственно воздействуя на них, а процессуальные нормы вторичны, производны по своему характеру, поскольку обеспечивают деятельность по реализации материально-правовых норм; процессуальная форма представляет собой совокупность требований, выполнение которых необходимо для достижения материально-правового результата.

Понятие процессуальных средств в общетеоретическом плане наиболее подробно освещено в работах С. К. Стрункова [8]. Он выделяет следующие отличительные признаки процессуально-правовых средств: обеспечение ими интересов субъектов юридического интереса; направленность на преодоление препятствий, стоящих на пути удовлетворения интересов; системность; наличие юридической силы; обеспечительный характер по отношению к материальным правовым средствам; наличие юридически значимых последствий; поддержание юрисдикционными органами. Таким образом, по мнению С. К. Стрункова, процессуально-правовые средства – это «правовые инструменты и деяния, при помощи которых обеспечиваются интересы субъектов юридического процесса».

Деление средств защиты прав человека на материальные и процессуальные основано на таком их различии, как наличие или отсутствие специального нормативно-правового порядка их использования. Средство защиты прав носит материально-правовой характер, если оно закреплено законодательством, но точный порядок действий по защите права не установлен. Не ставя перед собой цели исчерпывающего перечисления материально-правовых средств защиты прав, в качестве примера приведем такое правовое средство, как самозащита, рассмотрев на базе российского законодательства. В ч. 2 ст. 45 Конституции РФ закреплено право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. В ст. 14 ГК РФ, которая специально посвящена самозащите как самостоятельному способу защиты гражданских прав, говорится, что меры самозащиты должны быть соразмерны нарушению и не выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения [9]. Однако сам порядок действий по самозащите прав законодательством не урегулирован.

Другим примером материально-правового средства может служить защита своих прав путем обращения в общественные организации на основании ст. 23 Конституции Донецкой Народной Республики (право на объединение), поскольку процедура защиты прав через участие в общественном объединении также законодательством не определяется [10].

В свою очередь, процессуальный характер носят такие средства защиты прав человека, в отношении которых нормативно установлена не только сама возможность их применения, но и порядок действий по защите своих или чужих прав. При помощи процессуальных средств приводится в движение механизм защиты различных по своему содержанию и характеру нарушения субъективных прав.

Подводя итоги проведенной работе, можно выделить следующие положения. Во-первых, защита права является одной из форм охраны права, моментом активного действия при нарушении права. Во-вторых, защита права имеет собственные формы и средства реализации. В-третьих, формы разделяются на государственные (судебную, административную, прокурорскую) и негосударственные (деятельность правозащитных организаций). Средства разделяются на материальные и процессуальные, отдельно выделяют такое средство защиты прав как самозащита.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Смирнов А.П. Соотношение понятий «охрана прав» и «защита прав» / А. П. Смирнов // Вестник Томского государственного университета, 2010.
2. Гаврилов Э.П. Комментарий Закона об авторском праве и смежных правах. / Э. П. Гаврилов // М., 1996. 489 с.
3. Матузов Н.И. Правовая система и личность. / Н.И. Матузов // Саратов, 1987. 214 с.
4. Хохлова Е.М. Государственные формы защиты субъективных прав/ Е.М. Хохлова // Социально-политические науки, 2011. – № 1 – С. 54-57
5. Сорокин В.Д. Административно-процессуальная форма, процессуальные нормы и производства / В.Д. Сорокин // Юридическая процессуальная форма: Теория и практика. – М., 1976. – С. 161.
6. Закон Донецкой Народной Республики «О прокуратуре Донецкой Народной Республики» // (Принят Постановлением Народного Совета 15.04.2016г.). Размещен 03.05.2016г.
7. Маганизер Я. М. Общая теория права на основе советского законодательства / Я. М. Маганизер // Избранные труды по общей теории права. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. – 350 с.
8. Струнков С. К. Процессуально-правовые средства: проблемы теории и практики / Под ред. А. В. Малько. Саратов, 2005.
9. Казакова Е. Б. Самозащита как юридическое средство: проблемы теории и практики: монография / Е. Б. Казакова // Под ред. доктора юридических наук, профессора А. В. Малько – Пенза: Информационно-издательский центр ПГУ, 2007. – 140 с.
10. Конституция Донецкой Народной Республики 14.05.2014г.

УДК 336.5

Слайковский Е.А.

Научный руководитель: Инина Н.С., старший преподаватель

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СТАТУСА ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА В РАМКАХ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ ВЕТВИ ВЛАСТИ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РФ И ДНР)

Резюме. В данном исследовании проведен сравнительный анализ конституционно-правового статуса главы государства в Российской Федерации и Донецкой Народной Республике, его особого положения в системе органов государственной власти как в ДНР, так и в РФ, на основе чего обоснован вывод, что данный институт имеет признаки обособленного органа государственной власти, поэтому президентскую власть можно выделить в отдельную четвертую ветвь власти, так как она обладает соответствующими признаками.

Ключевые слова: президентская власть, статус главы государства, система разделения властей, институт главы государства.

Актуальность данной проблемы состоит в том, что на сегодняшний день институт президентства играет неоднозначную роль в структуре государственно-властной системы. Конституционно-правовой статус Президента как главы государства позволяет рассматривать его должность в теоретическом аспекте с двух позиций: орган государственной власти и должностное лицо. При этом и Конституция Российской Федерации, и Конституция Донецкой Народной Республики не включает Президента (главу государства) полностью в структуру определенной ветви в системе разделения властей. Возникают постановочные вопросы: каково место и роль главы государства в системе разделения властей? Возможно ли обособление института президентства в отдельную ветвь власти? Для ответа на эти вопросы необходимо провести комплексный анализ конституционно-правовых особенностей статуса Президента.

Институт главы государства в Донецкой Народной Республике и РФ, а также множестве зарубежных государств имеет ряд специфических особенностей, которые выделяют его из других конституционно-правовых институтов. Совокупность таких особенностей включает в себя политическую нейтральность, обширный круг охватываемых полномочий во внутренних и внешних делах государства, юридически

закрепленное «первое место» в системе органов государственной власти и др. Обособленность института главы государства заключается в его функциях и полномочиях, которыми, согласно концепции сдержек и противовесов, не может быть наделен иной высший государственный орган во избежание узурпации власти. В связи с данными особенностями в отдельных государствах для полной реализации совокупности функций и полномочий глава государства представлен не конкретным должностным лицом, а коллегиальным органом. Например, в Швейцарской конфедерации функции главы государства осуществляет Федеральное правительство, состоящее из семи человек [3, с.102].

Рассматривая конституционный принцип разделения властей, следует обратить внимание на риск, коренящийся в исторической ретроспективе принятия действующей Конституции РФ и изложения принципа разделения властей в существующей редакции. Сегодня ст. 10 Конституции РФ устанавливает, что государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. При этом в ч. 1 ст. 11 Конституции РФ указано, что государственную власть в Российской Федерации осуществляет Президент РФ, Федеральное Собрание, Правительство РФ, суды [1, с. 153]. Подобная противоречивость наблюдается в ч. 1, ч. 2 ст. 6 Конституции ДНР.

Исходя из важности единства государственной власти, главам Конституции России, посвященным трем ветвям власти, предшествует Глава 4 «Президент Российской Федерации». С нее начинается изложение в Конституции системы органов государственной власти России, что, помимо прочего, обусловлено особым значением Президента России в организации государственной власти РФ. Данный аспект иерархии расстановки глав мы можем проследить и в структуре Конституции ДНР.

Стоит также отметить, что развитием института президентства в самой Конституции РФ менялось определение функций Президента через терминологию. Так, изначально в Конституции РФ от 1991 года относительно Президента были введены такие термины, как «высшее должностное лицо» и «глава исполнительной власти». Однако с юридической точки зрения такая терминология не охватывала многих аспектов его деятельности. Поэтому, Конституцией Российской Федерации от 1993 года был закреплен действующий на сегодня новый термин «глава государства» [1, с. 153]. Данный термин указывает на широкий круг полномочий, выходящий за рамки исполнительной власти.

Согласно ст. 81 Конституции РФ, Президент является гарантом Конституции, прав и свобод человека и гражданина, в установленном порядке принимает меры по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти. Данной конституционно-правовой характеристикой президентского статуса, закрепленной в статье 56 Конституции ДНР, обладает и Глава Донецкой Народной Республики. Глава государства задает основные направления внутренней и внешней политики, что подчеркивает как юридическую, так и его историческую роль в общественно-политическом развитии народа [3, с. 159].

К основным президентским полномочиям, обеспечивающим тесную взаимосвязь со всеми ветвями государственной власти, относятся: право законодательной инициативы, право отлагательного вето, формирование (расформирование) парламента, назначение на должность судей Конституционного Суда и Верховного Суда, назначение председателя правительства и его заместителей, принятие и отмена актов органов исполнительной власти, статус Главнокомандующего вооруженными силами, издание указов и распоряжений, и др. Кроме того, Глава Донецкой Народной Республики согласно ч. 3 ст. 75 Конституции ДНР вправе совмещать свою должность с должностью Председателя Совета Министров, что также является особенностью его

статуса. В России Президент РФ согласно ст. 83 Конституции РФ вправе также председательствовать на заседаниях Правительства, однако право совмещения должностей не предусмотрено.

В настоящее время среди полномочий главы государства выделяют категорию «скрытых» (дискретных) полномочий, которые напрямую не указаны в Конституции, однако не противоречат ей при их реализации и определились в ходе осуществления президентской власти. Примером таких полномочий может служить признание нового иностранного государства, установление с ними дипломатических отношений, либо объявление траура [1, с. 123]. Как показала практика применения Президентом РФ таких полномочий, акты Президента России, которые содержат в себе такие полномочия, изначально рассматривается в процессуальном порядке Конституционным Судом РФ, который устанавливает, насколько правомерны нормы таких актов, в случае, если они не предусмотрены Конституцией. Примером вышесказанного служит конституционное судопроизводство по актам Президента России в ходе Чеченской войны 1994–1996 гг. Конституционный Суд посчитал, что в силу сложившихся обстоятельств соответственные акты Президента без введения в регионе чрезвычайного положения не перечат Конституции РФ. Известен также случай, когда в 1996 г. Конституционный Суд РФ признал правомерным Указ Б. Н. Ельцина о временном назначении Президентом глав администраций (губернаторов). На сегодня скрытые полномочия Президента Российской Федерации полностью не исследованы, как и перечень обстоятельств, в которых они могут проявиться. В Донецкой Народной Республике мы также можем наблюдать наличие применения таких полномочий. Более того, законодательство ДНР находится на стадии активного развития, а само государство развивается в условиях, порождаемых военным временем. Поэтому вероятность проявления таких полномочий в различных конкретных ситуациях велика и на данный момент перечень таких полномочий определить нельзя. Более того, в ДНР отсутствует Конституционный Суд, что обуславливает также высокую вероятность проявления скрытых полномочий.

В институте президентства выделяют такой неоднозначный элемент, как Администрация Президента (главы государства). Администрация непосредственно взаимодействует со всеми структурами государственной власти: подготовка законопроектов, надзор за исполнением законов и подзаконных актов и др. В связи с этим некоторые ученые-юристы считают, что глава государства и администрация в совокупности составляют специфический орган – Президентуру [2, с. 80]. Так, особенность Администрации РФ состоит в ее количественном составе из более 10 000 сотрудников, что превышает количественный состав всего Правительства и Парламента РФ. Отдельные авторы, рассматривая Администрацию Президента РФ в широком смысле, относят к ней Правительство Российской Федерации, формируемое Президентом России, совместно со структурными подразделениями Администрации [2, с. 78]. В Донецкой Народной Республике институт Главы ДНР также включает в себя Администрацию Главы, в структуру которой входят: Государственно-правовое Управление, Управление внутренней и внешней политикой, Контрольно-ревизионное управление, Управление делами Администрации, Секретариат Главы Донецкой Народной Республики. Основной задачей Администрации как особой структуры института главы государства является обеспечение максимальной реализации его функций и полномочий.

На основе анализа структуры и функций Администрации главы государства мы можем утверждать, что президентская власть имеет ряд признаков, присущих высшим органам государственной власти. Так, принцип создания ведомств и деления их на структурные подразделения с определенной компетенцией, имеющие вспомогательное предназначение относительно главы государства, находит свое отражение в создании и

функционировании комитетов и комиссий при Народном Совете ДНР и комитетов и комиссий при Совете Министров ДНР. Такое же сходство мы наблюдаем и в сравнении Администрации Президента РФ. Стоит учесть факт, что в Российской Федерации действует особый совещательный орган – Государственный Совет. Государственный Совет – это совещательный орган, созданный по инициативе Президента РФ, который содействует реализации полномочий главы государства по вопросам обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти. Кроме того, состав Президиума Государственного Совета РФ формирует из числа общего состава непосредственно Президент России. Следовательно, мы можем утверждать, что президентский институт по своим характеристикам является полноценным обособленным органом государственной власти.

Таким образом, рассмотрев особенности конституционно-правового статуса Президента РФ и Главы ДНР, выявлен ряд его индивидуальных юридических и политических признаков, которые позволяют утверждать, что институт президентства не входит ни в одну структуру системы разделения властей в совокупности своих функций и полномочий.

Поэтому, на основании вышесказанного, автор приходит к выводу, что данный институт необходимо рассматривать в теории конституционного права, как отдельную четвертую президентскую власть. По мнению автора, в условиях возрастания роли президента в общественно-политических отношениях такая модель позволит четко конкретизировать его положение в государственно-властной системе. Более того, автор считает, что данная модель не приведет к деструктивным последствиям относительно классической концепции «сдержек и противовесов», в т.ч. разделения властей, а наоборот усовершенствует и, следовательно, укрепит ее, так как более конкретизирует соотношение всех элементов государственного механизма, для его полноценного функционирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева, Е. В. Исследование «скрытых» полномочий Президента Российской Федерации / Е. В. Андреева // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика. – Новосибирск, 2017. – Выпуск №17. – С. 120–125.
2. Киреев, В. В. Конституционные риски, обусловленные особенностями разделения властей в современной России / В. В. Киреев // Правопорядок: история, теория, практика. – Выпуск № 1(4). – 2015 г. – С. 152-154.
3. Конин, Н. М. Правовой статус Президента российской Федерации и его Администрации в системе исполнительной власти России // Вестник СГЮА. – Выпуск № 3(86). – 2012 г.
4. Мишин, А. А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран [Текст]: учебник для вузов / А. А. Мишин. – 17-е издание, исправленное и дополненное. – М.: Статут, 2013. – 251 с.
5. Прокофьев, В. Н. Полномочия Президента России в призме компонентов его конституционно-правового статуса // Вестник СГЮА. – Выпуск № 2(109). – 2016 г.
6. Конституция Донецкой Народной Республики [Электронный источник]. – Режим доступа: <http://dnr-online.ru/konstituciya-dnr/>
7. Конституция Российской Федерации [Электронный источник]. – Режим доступа: <http://www.constitution.ru/>

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ПОДВЕДОМСТВЕННОСТИ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Резюме. В работе рассмотрены основные виды подведомственности при рассмотрении дел об административных правонарушениях; проведен сравнительный анализ подведомственности по законодательству Российской Федерации и Донецкой Народной Республики; отмечены пути совершенствования законодательства по усовершенствованию проблемы подведомственности по делам об административных правонарушениях.

Ключевые слова: административная ответственность, административная подсудность, административное правонарушение, состав правонарушения, виды подведомственности

Подведомственность, устанавливаемая КоАП РФ и законодательными актами субъектов РФ, представляет собой распределение (закрепление) всех дел об административных правонарушениях между органами административной юрисдикции, которые уполномочены рассматривать дела, отнесенные законом к их компетенции, и назначать физическим и юридическим лицам административные наказания.

Для определения конкретного органа или лица, уполномоченного рассматривать конкретное дело об административном правонарушении, необходимо решить очень широкий круг вопросов: какой орган компетентен в данной сфере, к полномочиям какого должностного лица отнесен данный вопрос, где территориально должно быть рассмотрено дело и т.п. Поэтому в научной литературе принято говорить о видах (уровнях) подведомственности. Так, например, Д.Н. Бахрах выделяет семь уровней подведомственности: 1) международную; 2) государственную; 3) родовую; 4) видовую; 5) иерархическую (инстанционную); 6) территориальную; 7) должностную.

В принципе, все они подлежат определению в рамках рассмотрения дела об административном правонарушении.

Международная подведомственность определяет, дела о каких административных правонарушениях могут рассматриваться в РФ. Она установлена ст.1.8 КоАП РФ: лицо, совершившее административное правонарушение на территории РФ, подлежит административной ответственности в соответствии с КоАП РФ или законом субъекта РФ об административных правонарушениях. Граждане РФ и постоянно проживающие в РФ лица без гражданства, совершившие административные правонарушения за пределами РФ, подлежат административной ответственности в соответствии с КоАП РФ в случаях, предусмотренных международным договором РФ.

Государственная подведомственность разграничивает полномочия РФ и субъектов в области рассмотрения дел о привлечении к административной ответственности. Для ее определения следует использовать ст. ст. 1.3 и 22.1 КоАП РФ.

Родовая подведомственность связана с распределением административно-юрисдикционных полномочий между органами различных ветвей и уровней власти. В соответствии со ст. 22.1 КоАП РФ дела об административных правонарушениях, предусмотренных КоАП РФ, рассматриваются в пределах компетенции, установленной гл. 23 КоАП РФ: 1) судьями (мировыми судьями); 2) комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав; 3) федеральными органами исполнительной власти, их учреждениями, структурными подразделениями и территориальными органами, а также иными государственными органами, уполномоченными на то исходя из задач и функций, возложенных на них федеральными законами либо нормативными правовыми актами Президента РФ или Правительства РФ.

Дела об административных правонарушениях, предусмотренных законами субъектов РФ, рассматриваются в пределах полномочий, установленных этими законами: 1) мировыми судьями; 2) комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав; 3) уполномоченными органами и учреждениями органов исполнительной власти субъектов РФ; 4) административными комиссиями, иными коллегиальными органами, создаваемыми в соответствии с законами субъектов РФ.

Таким образом, рассмотрение дел об административных правонарушениях в РФ отнесено к компетенции судебных и исполнительных органов государственной власти, а также органов местного самоуправления.

В отличие от правосудия, которое осуществляется только одним органом государственной власти – судом, административно-юрисдикционная деятельность реализуется значительным числом государственных и муниципальных органов (преимущественно федеральными органами исполнительной власти). Рассмотрение дел об административных правонарушениях невозможно сосредоточить в каком-либо одном органе без ущерба для основных преимуществ административного процесса, его оперативности и относительной простоты. Концентрация в одном органе полномочий по применению административных наказаний привела бы к неоправданной волоките при рассмотрении дел об административных правонарушениях, к большим затратам времени и средств.

Видовая подведомственность (для административных правонарушений, предусмотренных КоАП РФ) определена положениями главы 23 КоАП РФ. Эта глава КоАП РФ состоит из статей, каждая из которых конкретно указывает, дела о каких именно административных правонарушениях рассматривает определенный государственный орган.

Видовая подведомственность дел об административных правонарушениях, предусмотренных законами субъектов РФ, устанавливается законами этих субъектов. Нормы КоАП РФ непосредственно наделяют субъектов РФ полномочиями по созданию административных комиссий и иных коллегиальных органов, которым предоставляются полномочия по рассмотрению дел об административных правонарушениях.

При определении видовой подведомственности следует иметь в виду, что КоАП РФ нередко устанавливает альтернативную подведомственность, когда конкретное дело об административном правонарушении может быть рассмотрено несколькими органами и должностными лицами. Так, например, дело об административном правонарушении, предусмотренном ст. 20.1 КоАП РФ «Мелкое хулиганство», может быть рассмотрено должностными лицами органов внутренних дел (ст. 23.3 КоАП РФ), а может быть передано ими для рассмотрения мировому судье (ст. 23.1 КоАП РФ).

Специфика государственного управления предопределяет частые изменения системы и структуры органов государственной исполнительной власти. В связи с этим КоАП РФ отдельно регулирует вопросы, связанные с рассмотрением дел об административных правонарушениях в случаях упразднения, реорганизации или переименования соответствующих органов (должностей, должностных лиц).

Первым таким случаем является упразднение государственного органа (должности или должностного лица). Упразднением является юридическая ликвидация государственного органа (государственной должности). Обычно упразднение осуществляется путем принятия нормативного правового акта, которым одновременно решается вопрос о передаче полномочий упраздняемого органа или должности. Однако так происходит не всегда. До решения данного вопроса дела, которые были подведомственны упраздненному органу, рассматривают судьи. В КоАП РФ не решается вопрос о том, к юрисдикции какого именно суда в таких случаях должно относиться рассмотрение дел об административных правонарушениях. На практике

вопрос этот должен решаться исходя из законодательства РФ о судебной системе, процессуального законодательства, а также с учетом положений ст. 23.1 КоАП РФ.

Вторым случаем является преобразование государственного органа или его переподчинение. Преобразованием может являться изменение организационно-правовой формы государственного органа, его слияние с другим органом, разделение и т.п. Преобразование и изменение организационной подчиненности не всегда связано с изменением функции государственного органа. Однако если это происходит, полномочия по рассмотрению дел об административных правонарушениях возлагаются на те органы либо на тех должностных лиц, которым переданы указанные функции, но лишь до внесения изменений в КоАП РФ или закон субъекта РФ.

Третьим случаем является изменение наименования государственного органа, учреждения, их структурных подразделений или территориальных органов, должности. Полномочия в этом случае не меняются, поэтому рассматривать дела об административных правонарушениях продолжают те же органы и должностные лица, но также лишь до внесения изменений в КоАП РФ или закон субъекта РФ.

Иерархическая подведомственность определяет, орган (структурное подразделение) какого уровня может рассмотреть конкретное дело. Должностная подведомственность указывает, к компетенции какого именно должностного лица данного органа отнесено решение данного вопроса. Иерархическая и должностная подведомственность в КоАП РФ обычно объединены – указание на уполномоченное должностное лицо одновременно определяет и иерархический уровень рассмотрения дела.

Иерархическая и должностная подведомственность дел об административных правонарушениях, ответственность за которые установлена законами субъектов РФ, определяется законами этих субъектов.

Субъекты РФ в пределах своего ведения самостоятельно определяют компетенцию органов и должностных лиц, рассматривающих дела об административных правонарушениях. Следует иметь в виду, что Верховный Суд РФ в своих Определениях от 4 февраля 2004 г. по делу № 47-Г03-30 и от 1 декабря 2004 г. по делу № 89-Г04-13 указал, что органы административной юрисдикции, применяющие законы субъекта РФ в области административного права, сами должны быть образованы законом субъекта РФ, поскольку действующее законодательство предполагает применение норм административного права органами государственной власти.

Так, например, Законом Саратовской области от 29 марта 2006 г. № 34-ЗСО «Об административных правонарушениях на территории Саратовской области» установлено, что дела об административных правонарушениях рассматриваются следующими должностными лицами:

– мировыми судьями;

– начальником и его заместителями областного государственного учреждения в сфере автомобильного транспорта.

Законами субъектов РФ могут учреждаться коллегиальные органы, создаваемые непосредственно для рассмотрения дел об административных правонарушениях, предусмотренных законами этого субъекта. В КоАП РФ, в частности, упоминается о таком коллегиальном органе, как административная комиссия.

Правовой статус административных комиссий КоАП РФ не определен. В большинстве случаев административные комиссии создаются при органах местного самоуправления (в ряде случаев решениями органов местного самоуправления) и, таким образом, относятся к муниципальному уровню власти. Так, например, Закон Саратовской области от 4 мая 2009 г. № 41-ЗСО «Об административных комиссиях и наделении органов местного самоуправления государственными полномочиями по образованию и обеспечению деятельности административных комиссий» устанавливает, что органы местного самоуправления муниципальных образований

области наделяются государственными полномочиями по образованию и обеспечению деятельности административных комиссий.

Однако в некоторых субъектах РФ действуют административные комиссии при органах государственной власти. Так, например, в соответствии с Законом Волгоградской области от 31 декабря 2007 г. № 987-ОД «О Волгоградской областной административной комиссии» Волгоградская областная административная комиссия является коллегиальным, постоянно действующим государственным органом исполнительной власти Волгоградской области.

В то же время, к сожалению, точный статус комиссий: являются ли они в соответствующих случаях органами местного самоуправления (органами государственной власти) либо структурными подразделениями данных органов, иными муниципальными органами и т.п. – в законодательстве субъектов РФ обычно не определяется.

Наконец, территориальная подведомственность определяет место рассмотрения дела об административном правонарушении. Для определения ее следует использовать ст. 29.5 КоАП РФ. По общему правилу дело об административном правонарушении рассматривается по месту его совершения. В то же время КоАП РФ устанавливает несколько исключений из этого правила:

- во-первых, по ходатайству лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, дело может быть рассмотрено по месту жительства данного лица;

- во-вторых, дело об административном правонарушении, по которому было проведено административное расследование, рассматривается по месту нахождения органа, проводившего административное расследование;

- в-третьих, дела об административных правонарушениях несовершеннолетних, а также об административных правонарушениях, предусмотренных ст. ст. 5.35, 6.10, 20.22 КоАП РФ, рассматриваются по месту жительства лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении;

- в-четвертых, дело об административном правонарушении, влекущем лишение права управления транспортным средством, может быть рассмотрено по месту учета транспортного средства.

На сегодняшний день в ДНР подведомственность по делам об административных правонарушениях определяется на основании Декларации о суверенитете Донецкой Народной Республики, Акта о провозглашении государственной самостоятельности Донецкой Народной Республики, Конституции Донецкой Народной Республики, Постановления Совета Министров Донецкой Народной Республики от 02.06.2014 г. № 9-1 «О применении Законов на территории ДНР в переходный период», Временного положения о судебной системе, утвержденного Постановлением Совета Министров Донецкой Народной Республики от 22.10.2014 г. № 40-2, других нормативных правовых актов.

Суд не применяет нормативные и иные акты государственных и других органов Украины, если они противоречат Конституции Донецкой Народной Республики и законодательству Донецкой Народной Республики.

При рассмотрении дел об административных правонарушениях судам Донецкой Народной Республики в переходный период следует руководствоваться Кодексом Украины об административных правонарушениях в частях, не противоречащих законодательству Донецкой Народной Республики (далее – КУоАП).

Дела об административных правонарушениях рассматриваются судами по месту их совершения. Дело об административных правонарушениях, указанных в ч. 2 ст. 276 КУоАП, могут рассматриваться также по месту учёта транспортных средств или по месту жительства нарушителя. Дело об административном правонарушении,

предусмотренном ч. 3 ст. 178 КУоАП, рассматривается по месту его совершения или по месту жительства нарушителя. Законами Донецкой Народной Республики может быть предусмотрено и иное место рассмотрения дела об административном правонарушении. Подведомственность дел об административных правонарушениях установлена главой 17 КУоАП.

Таким образом, подведомственность – это относимость нуждающихся в государственно-властном разрешении споров о праве и других юридических дел к ведению того или иного государственного и иного органа; это свойство юридических дел, в силу которого они подлежат разрешению определенными юрисдикционными органами. Подведомственность обеспечивает четкое и целесообразное распределение юридических дел между различными юрисдикционными органами. Важным признаком подведомственности является определение ее правил только в законе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 20 декабря 2001 года. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/.
2. Бахрах Д. Н., Российский Б. В., Стариков Ю. Н. Административное право: Учебник для вузов. — 2-е изд., изм. и доп. – М.: Норма, 2005. – 800 с.
3. Закон Саратовской области от 29 марта 2006 г. N 34-ЗСО «Об административных правонарушениях на территории Саратовской области». URL: <http://www.fpa.su/regzakon/saratovskaya-oblast/>.
4. Закон Волгоградской области от 31 декабря 2007 г. N 987-ОД «О Волгоградской областной административной комиссии». URL: <http://volgoduma.ru/zakonotvorchestvo/zakony-i-postanovleniya/>.
5. Временный порядок осуществления судопроизводства по делам об административных правонарушениях. Приказ Председателя Верховного Суда Донецкой Народной Республики от 09 января 2015 года №3од. URL: <https://supcourt-dnr.su/>.

УДК 343.7

Ставская Т.В.

Научный руководитель: Тимошенко Н.А., к.ю.н., доцент

ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ХИЩЕНИЯ ПРЕДМЕТОВ, ИМЕЮЩИХ ОСОБУЮ ЦЕННОСТЬ

Резюме. В данном исследовании проведен анализ проблемных вопросов квалификации хищения предметов, имеющих особую ценность; сделан вывод об отсутствии в ст. 176 УК ДНР ответственности за вымогательство предметов, имеющих особую ценность, а также о проблеме привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших хищение особо ценных предметов в форме кражи, грабежа или разбоя, не достигших 16-ти лет.

Ключевые слова: преступления в сфере экономики, преступления против собственности, хищение предметов, имеющих особую ценность.

В части 2 статьи 28 Конституции Донецкой Народной Республики закреплено одно из основных прав граждан – право каждого иметь в собственности имущество, свободно владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами [1]. Государство гарантирует гражданам защиту их прав и свобод. Кроме того, отношения собственности являются одной из фундаментальных основ, обеспечивающих нормальное функционирование экономики. Одним из способов защиты прав и свобод граждан, а также интересов общества и государства, является их уголовно-правовая защита.

В структуре преступлений против собственности особое место принадлежит посягательствам на культурные и исторические ценности, являющимися национальным достоянием Донецкой Народной Республики. Необходимо отметить, что в

действующем уголовном законодательстве посягательства на культурные ценности не выделены в отдельную главу по признаку видового объекта уголовно-правовой охраны. В соответствии со структурой уголовного законодательства видовым объектом преступления, предусмотренного ст. 176 Уголовного Кодекса Донецкой Народной Республики (далее – УК ДНР), являются отношения собственности.

Преступление, предусмотренное ст. 176 УК ДНР, отличается от других посягательств против собственности особым предметом. В соответствии с диспозицией этой статьи им являются предметы или документы, имеющие особую историческую, научную, художественную или культурную ценность.

Примерный перечень предметов, относящихся к культурным ценностям, определен в Приказе Министерства культуры Донецкой Народной Республики от 28.01.2016 г №09-ОД «Об утверждении Перечня культурных ценностей, вывоз которых осуществляется на основании свидетельства на право вывоза (временного вывоза) культурных ценностей с территории Донецкой Народной Республики вывозе и ввозе культурных ценностей». Это предметы и коллекции, имеющие историческую, научную, художественную или иную культурную значимость, связанные со знаменательными событиями в жизни народа, развитием общества и государства, с историей науки и техники (мемориальные предметы, относящиеся к жизни выдающихся политических, государственных деятелей, национальных героев, деятелей науки, литературы и искусства; предметы и коллекции обмундирования и снаряжения военного, производственного и иного назначения, созданные более 50 лет назад; предметы и фрагменты, полученные в результате археологических раскопок (как санкционированных, так и несанкционированных) и археологических открытий независимо от времени их выявления и другое); художественные ценности (произведения живописи, скульптуры; предметы декоративно-прикладного искусства и так далее); печатные издания, созданные более 100 лет назад; монеты, боны, банкноты и ценные бумаги, созданные более 50 лет назад и другое; знаки почтовой оплаты (почтовые марки и блоки), маркированные конверты, налоговые и аналогичные марки, созданные более 100 лет назад (за исключением почтовых карточек и открытых писем независимо от времени их создания); редкие коллекции, предметы и образцы флоры и фауны, минералогии, анатомии и палеонтологии независимо от времени возникновения или создания; архивные документы (документы Государственного Архивного фонда и другие архивные документы; рукописи, документальные памятники, архивы, включая фоно-, фото- и киноархивы, созданные более 50 лет назад) и другое [2]. Таким образом, предметами, составляющими культурные ценности, могут быть не только отдельные вещи, но и коллекции, которые приобретают свойства музейного предмета, только будучи соединенными вместе в силу характера своего происхождения, либо видового родства, либо по иным признакам.

Кроме того, в соответствии с диспозицией ч. 1 ст. 176 УК предметом этого состава преступления являются предметы и документы, не просто имеющие историческую, научную, художественную или культурную ценность, а имеющие особую ценность. Формальным подтверждением особой ценности предмета может служить его отнесение в установленном законодательством порядке к особо ценным объектам культурного наследия народов ДНР, взятие под охрану государством с внесением в охранные списки, нахождение в музеях, архивах, библиотеках и других государственных и муниципальных хранилищах культурных ценностей, старинный характер предметов (созданы более 100 лет назад). Однако не имеет значения для квалификации преступления, в чьей собственности находится соответствующий предмет или документ.

Следует отметить, что в действующем законодательстве, как и в юридической науке, нет устоявшегося определения культурных ценностей. В значительной мере это

объясняется сложностью и многогранностью самого этого понятия, которое может исследоваться и оцениваться с философской, культурологической, юридической и иных точек зрения. В традиционном смысле этот термин охватывает как материальные, так и духовные ценности, созданные в процессе общественно-исторической практики. Однако в законодательстве понятию культурные ценности придается более узкое и специфическое значение. С одной стороны, под него подпадают лишь те объекты, которые приобрели ту или иную материальную форму.

С другой – данные материальные объекты должны не просто отражать достигнутый уровень развития общества, но и представлять для него особую ценность. Данным понятием охватываются лишь те ценности, которые являются продуктами человеческой деятельности. Объекты окружающей среды могут быть отнесены к культурным ценностям лишь постольку, поскольку они преобразованы человеком или тесно связаны с его деятельностью.

Отличительным признаком предмета преступления, предусмотренного ст. 176 УК ДНР, является ценность имущества. При этом категории «стоимость» и «ценность» – не совпадают. В хищении, ответственность за которое предусмотрена указанной нормой, предметом посягательства выступают не рядовые вещи, обладающие признаком материальной стоимости, а такие, которые имеют специфические, порой не поддающиеся стоимостной оценке признаки, ставящие их в особый, обособленный ряд среди других предметов, охраняемых законом (старина, уникальность, редкость, государственная значимость и др.). Поэтому в указанной норме речь идет не о совокупности полезных свойств вещи, а об определенных требованиях, предъявляемых к конкретным предметам.

В уголовно-правовой науке и правоприменительной практике могут возникнуть ряд вопросов, относящихся к оценке объекта и предмета хищения, предусмотренного ст. 176 УК. Во-первых, как квалифицировать хищение одного или нескольких предметов, входящих в коллекцию, каждый из которых отдельно не обладает признаками особой ценности? В соответствии с ч. 1 ст. 188 Гражданского Кодекса Украины, если несколько вещей образуют единое целое, что позволяет использовать его по назначению, они считаются одной вещью (сложная вещь) [3].

С учетом этого, представляется, что похищение даже части коллекции, состоящей из отдельных предметов, не являющихся ценными, следует квалифицировать как хищение предметов, имеющих особую ценность, по ст. 176 УК ДНР. Во-вторых, как квалифицировать деяния, в которых один и тот же предмет обладает свойствами предметов различных составов (например, если будет похищено оружие, обладающее признаками ценного предмета)? В подобных ситуациях один предмет фактически содержит признаки трех – предмета хищения вообще, предмета, имеющего особую ценность и специального предмета (оружия).

Объективная сторона рассматриваемого состава преступления характеризуется любой формой хищения. Для квалификации по ст. 176 УК не имеет значения, каким способом совершено хищение названных в ней предметов: путем кражи, мошенничества, присвоения, растраты, грабежа или разбоя.

Если хищение совершалось различными способами, то согласно ст. 16 УК такие действия образуют совокупность преступлений. В тоже время применения по совокупности норм, предусматривающих ответственность за конкретные формы хищения, как правило, не требуется. Исключение составляют случаи, когда хищение названных в ст. 176 УК предметов совершается способом, характерным для насильственных форм хищения приотягчающих обстоятельствах, не предусмотренных в ч. 2 ст. 176 УК ДНР.

По мнению некоторых авторов, вымогательство предметов, имеющих особую ценность также должно квалифицироваться по настоящей статье, поскольку оно не

менее опасно, чем кража, грабеж и другие формы хищений [4, с. 301]. В связи с тем, что вымогательство не относится к разряду хищений чужого имущества, то требование передачи предметов, представляющих особую ценность, подкрепленное различного рода угрозами, не подпадает под признаки состава преступления, предусмотренного ст. 176 УК. Однако необходимо признать, что подобные действия, направленные в отношении особо охраняемых предметов обладают не меньшей общественной опасностью, что и различные формы хищений. Поэтому в целях устранения существующего недостатка в формулировке рассматриваемой нормы следует дополнить название ст. 176 УК ДНР и ее диспозицию после слова «хищение» словосочетанием «либо вымогательство». Ведь не случайно аналогичный подход усматривается в ст. ст. 259, 267 УК.

Согласно положениям уголовного законодательства субъектом преступления, предусмотренного ст. 176 УК, является физическое вменяемое лицо, достигшее 16 лет. Несовершеннолетние же в возрасте от 14 до 16 лет за хищение предметов, имеющих особую ценность, несут ответственность по ст. ст. 164–174 УК ДНР. Такая позиция законодателя вызывает ряд возражений. Во-первых, не понятно, почему за кражу чужого имущества ответственность наступает с 14 лет, а за кражу, например, редкой коллекции, ценных бумаг – с 16 лет? Во-вторых, это может использоваться взрослыми преступниками, вовлекающих лиц, не достигших 16 лет, в совершение хищений особо ценных предметов. На основании изложенного представляется возможным снижение возраста уголовной ответственности за хищение предметов, имеющих особую ценность, совершенное путем кражи, грабежа и разбоя до 14 лет.

Таким образом, проведя анализ особенностей объективной стороны данного состава применительно к хищению предметов, имеющих особую ценность, подытоживаем ограниченность и несовершенство современного уголовного законодательства, не включившего в состав ст. 176 УК ДНР ответственность за вымогательство указанных предметов, а также проблему привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших хищение особо ценных предметов в форме кражи, грабежа или разбоя, не достигших 16-ти лет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Донецкой Народной Республики от 14 мая 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dnr-online.ru/doc/zakony/> – Дата обращения: 12.01.2018.
2. Об утверждении Перечня культурных ценностей, вывоз которых осуществляется на основании свидетельства на право вывоза (временного вывоза) культурных ценностей с территории Донецкой Народной Республики: Приказ Министерства культуры Донецкой Народной Республики от 28.01.2016 г № 09-ОД [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mincult.govdnr.ru/doc/prikaz-ob-utverzhdenii-perechnya-kulturnyh-cennostey-vyvoz-kotoryh-osushchestvlyayetsya-na> – Дата обращения: 18.01.2018.
3. Гражданский кодекс Украины (с последующими изменениями и дополнениями) // «Ведомости Верховной Рады (ВВР) Украины». – 2003. – №№ 44. – ст. 356.
4. Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 3: Учебник для вузов / под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. – М., 2002. – 468 с.

ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Резюме. В представленной статье исследуются проблемы привлечения юридических лиц к административной ответственности. Анализируются отдельные вопросы определения вины юридических лиц за административные правонарушения. Обосновывается необходимость реформирования существующего законодательства для более эффективного применения в данной области.

Ключевые слова: административная ответственность юридических лиц, административное правонарушение, вина юридического лица.

Одной из актуальных проблем административной ответственности на современном этапе становления и развития Донецкой Народной Республики является правовое регулирование административной ответственности юридических лиц. Правовая система ДНР представляет собой комплекс норм, закрепленных в специальных законах, а также положений украинского законодательства, применяемого на территории Республики согласно Конституции Донецкой Народной Республики [1]. В настоящее время на территории Донецкой Народной Республики, согласно Постановления Совета Министров ДНР от 27.02.2015 №2-22 утвержден временный порядок применения на территории Донецкой Народной Республики Кодекса Украины об административных правонарушениях [2].

В своем развитии, формировании и становлении категория ответственности прошла длительный отрезок исторического времени, начало которого можно условно датировать судом над Сократом в Афинах в 399 г. до н.э., а его завершение – на исходе средних веков.

Платоновско-стоическая философия и процесс над Сократом сыграли огромную роль в зарождении и развитии концепции ответственности. В центре философии Сократа-Платона, древнегреческих и древнеримских стоиков – поведение, поступки человека, отношение к ним общества и государства.

Формула «поведение человека – и дурное, прежде всего – должно подлежать оценке» была лейтмотивом платоновско-стоической философии. Эта оценка должна была осуществляться на основе законов государства и на основе высшего Разума и Логоса. Для Платона Логос – это Бог, и его «око» видит все и каждому человеческому поступку дает моральную оценку. Логос оценивал, обвинял, выносил приговор, причем виновное лицо обязано было принимать оценку Логоса без каких-либо оправданий и объяснений.

Философы и юристы-стоики времен Римской Империи (Сенека, Эпиктет, Павел, Ульпиан) приняли меры, чтобы устранить этот процессуальный дефект, подавлявший природное право человека на самозащиту и оправдание. Постепенно в древнеримской юрисдикции был сформирован принцип выслушивания обвиняемой стороны: «*neto inauditus damnari potest*» (никто не может быть осужден, не будучи выслушан).

Христианская доктрина, в которой концепция ответственности заняла центральное место, предусмотрела более демократический статус человеческой личности. Заботясь о правах виновного (грешного) человека, она обратила особое внимание на такой элемент, как «отчет – ответ – объяснение», который в христианской концепции ответственности логически занял первое место, придав ей процессуальную стройность и завершенность.

Интересно, что данный элемент со временем дал название институту ответственности. Дело в том, что эволюция наименования совершалась в данном

случае гораздо позднее и медленнее, чем эволюция самого понятия. При этом нужно иметь в виду следующее: когда для вновь образуемого понятия (явления) ставится вопрос о том, какое наименование для него ввести, т.е. когда создается семантическое его обозначение, то, как правило, в наименовании отражается какой-то один комплекс признаков или даже один существенный признак, который и дает начало эволюции наименования.

При формировании такого понятия, как ответственность, выбор пал по инициативе христианских теологов на его первый элемент, характеризующий рассматриваемое понятие не только как наказательное, но и личностное, связанное с виновным персонажем, имеющим право на оправдание-отчет. Эволюция самого наименования прошла долгий, почти полуторатысячелетний путь от существительного *responsum* (отчет, оправдание – лат.) к прилагательному *responsable* (ответственный – фр.), а затем к институциональному существительному *responsabilite* (ответственность – фр.), которое появилось на исходе средних веков. В эпоху Возрождения начался медленный процесс обмирщения понятия ответственности и вхождения его в отрасли права.

Интересен вопрос, почему рассматриваемое понятие, сформировавшееся в целом как морально-религиозное по содержанию, оказалось привлекательным для юриспруденции, в частности для той ее части, которая была связана с областью юрисдикции?

Другое достоинство института ответственности – это возможность обеспечивать определенные права обвиняемого. Если в период «до ответственности» смысл наказания в основном исчерпывался механическим воздаянием за правонарушение и на виновное лицо возлагалось исключительно бремя обязанностей, то категория ответственности изменяла его правовое положение в области юрисдикции: виновный имел право быть выслушанным, доказывать свою невиновность, заявлять ходатайства, т.е. получал некоторые гарантии против необоснованного карательного воздействия.

Первой отраслью права, воспринявшей понятие ответственности, было государственное право. Так, в российском законодательстве оно впервые встречается в Указе Петра I «О власти и ответственности Сената» от 2 марта 1711 г. Позже в XIX в. понятие ответственности усваивается другими профилирующими отраслями права – уголовным и гражданским правом. Что касается административного права, то данное понятие входит в науку и законодательство в XX в. В отечественном административном законодательстве понятие административной ответственности становится ходовым только с середины 60-х годов.

В настоящее время в науке административного права и в практической административной (полицейской) деятельности понятие административной ответственности употребляется как общеизвестное и понятное, под которым разумеется что-то определенное, а между тем, если попытаться разложить его на составные части и дать ему научное определение, пригодное для КоАП, оно оказывается недостаточно ясным и сбивчивым. По Канту, подобное понятие находится на такой стадии познания, когда в науке оно уже дано, однако в неясном или еще недостаточно определенном виде.

Автор считает, что для развития административного законодательства ДНР ориентиром следует взять законодательную практику Российской Федерации с учетом наших внутренних особенностей.

Еще в начале работы над проектом КоАП РФ предложение включить в него этот институт было встречено с большой долей скепсиса. В этом вопросе столкнулись различные интересы, с одной стороны – теории, с другой – практики. Практики освоили институт ответственности юридических лиц и довольно успешно используют его, хотя и вне рамок действующего КоАП. Теория же административного права принимает этот институт с трудом. Высказываются точки зрения, что этот институт чужд Кодексу и разрушает цельность его предмета регулирования. Например, в

советском административном законодательстве существовала ответственность социалистических организаций, но уже в начале 60-х годов от нее фактически отказались.

Между тем решить вопрос ответственности юридического лица в настоящее время жизненно необходимо. Это объясняется тем, что если в период формирования и развития конструкции юридического лица приоритетное значение имели функции объединения лиц и капиталов, то сейчас основной задачей и предназначением юридического лица становится перенесение тяжести ответственности с учредителей этого юридического лица на само юридическое лицо.

Многие страны, столкнувшись с резким ростом правонарушений, совершаемых корпорациями, пошли по пути освоения института административной ответственности юридических лиц – это такие страны, как Германия, Италия и Португалия. Самым широким образом этот институт используется и в юридической практике Европейского Союза. Таким образом, прослеживается определенная мировая тенденция в решении данного вопроса.

В России институт ответственности юридических лиц становится активно востребованным и оправданным еще и в силу того, что возникает множество хозяйствующих субъектов (акционерные общества, товарищества, общества с ограниченной ответственностью и т.д.), которые зачастую не имеют, в отличие от государственных предприятий, ясной и формально установленной структуры управления или скрывают ее. Как следствие, возникают трудности при разрешении конфликтов с законом и выяснении сфер компетенции сотрудников, без чего весьма затруднено привлечение к ответственности непосредственных виновников правонарушений.

Кодекс об административных правонарушениях РФ (далее КоАП) признает юридическое лицо полноправным субъектом административных правонарушений, однако конструкция юридического лица подразумевает ряд особенностей административной ответственности [3]. С момента вступления в силу КоАП РФ, институт административной ответственности юридических лиц получил широкое развитие. Административная ответственность юридических лиц в современных условиях стала важнейшей частью государственного регулирования деятельности организаций. И в этом – главная причина столь быстрого развития данной сферы административного права и увеличения числа составов административных правонарушений юридических лиц, их появления во всех сферах общественных отношений. Достаточно быстрое развитие института административной ответственности юридических лиц, квалификация в качестве правонарушений значительного числа совершаемых юридическими лицами деяний, обуславливаются следующими обстоятельствами: необходимые мероприятия по выполнению многих положений и правил зачастую выходят за рамки основной деятельности юридических лиц.

Законодатель в качестве юридического лица признает организацию, которая имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести обязанности, быть истцом и ответчиком в суде (ст.48 ГК РФ) [4]. В самом КоАП РФ понятие «юридическое лицо» не дано, но, по мнению автора, в этом нет большой необходимости, так как основные положения о юридических лицах регламентированы Гражданским Кодексом Российской Федерации.

Административная ответственность юридических лиц – это применение к организациям, обладающим административной правосубъектностью, административных взысканий за неисполнение или ненадлежащее исполнение установленных государством правил, норм и стандартов с целью восстановления социальной справедливости, государственного осуждения противоправной

деятельности, обеспечения выполнения возложенных на них обязанностей и предупреждения правонарушений.

Агапов А. Б. пишет о том, что административная ответственность представляет собой меры принудительного воздействия, применяемые к (физическому, юридическому) лицу, виновному в совершении административного правонарушения, ограничивающие имущественные (неимущественные) права нарушителя либо устанавливающие его дополнительные обязанности [5].

Юридическое лицо подлежит ответственности в случае, если будет установлено, что у такого юридического лица имелась возможность соблюдения установленных порядка или правил. В качестве критерия применимости мер административной ответственности к юридическим лицам и органам власти более подходит критерий деятельности – осуществления вида предпринимательской или иной, приносящей доход деятельности или выполнения функций органом власти. На основе данного критерия можно реализовать принцип недопустимости привлечения к административной ответственности органов власти [6].

Изучая проблемы применения административной ответственности юридических лиц, необходимо осветить особенности состава правонарушения юридического лица. Элементами состава административного правонарушения юридических лиц являются объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона. К основаниям юридической ответственности за совершенное правонарушение, исходя из общего понятия его состава, относится вина. Наличие вины – общий и общепризнанный принцип юридической ответственности во всех отраслях права, и всякое исключение из него должно быть выражено прямо и недвусмысленно, т. е. непосредственно закреплено, что прямо вытекает из правовых позиций Конституционного суда Российской Федерации [7].

К современным научным концепциям определения вины юридических лиц, можно отнести следующие: психологическую (субъективную); поведенческую (объективную); поведенческо-психологическую (комплексную). При этом важно отметить, что каждая из этих концепций нашла свое закрепление в текстах различных нормативно-правовых актов, что в связи с их противоречивостью друг другу зачастую приводит к трудностям в правоприменении. Сторонники психологической концепции вины юридических лиц в административном праве определяют ее через вину коллектива организации, или ее должностных лиц. При этом вина понимается как отношение организации в лице ее представителей (работников, администрации, должностных лиц и т. д.) к противоправному деянию, совершенному этой организацией [8].

Впервые понятие вины юридического лица было закреплено в Налоговом кодексе Российской Федерации (далее – НК РФ). В налоговом праве России субъективный подход к установлению вины юридического лица воспринят исходя из следующих особенностей. В соответствии со ст. 106 Налогового кодекса Российской Федерации, налоговым правонарушением признается виновное совершенное противоправное (в нарушение законодательства о налогах и сборах) деяние (действие или бездействие) налогоплательщика, налогового агента и иных лиц, за которое настоящим Кодексом установлена ответственность. Основанием для привлечения лица к ответственности за нарушение законодательства о налогах и сборах является установление факта совершения данного нарушения решением налогового органа, вступившим в силу (п. 3 ст. 108 НК РФ). При этом, в силу правил п. 4 ст. 110 НК РФ, вина организации в совершении налогового правонарушения определяется в зависимости от вины ее должностных лиц либо ее представителей [9].

В данном подходе действует презумпция: если нет вины работника, то нет и вины юридического лица. В результате существующей на данный момент теоретической неопределенности и законодательной несогласованности при определении вины

юридического лица возникает ряд серьёзных проблем в административно-юрисдикционной деятельности, связанной с привлечением юридических лиц к административной ответственности, что подтверждается практикой арбитражных судов.

Итак, главным является доказывание наличия субъективной стороны правонарушения, субъекта в форме юридического лица. Юридическое лицо как субъект правовой ответственности требует установления вины в административном праве. К основаниям юридической ответственности относится наличие вины. Это общепризнанный принцип юридической ответственности для всех отраслей права. Установление вины юридического лица в административном праве предусматривает установление вины его должностных лиц при выявлении правонарушения со стороны организации. Значит, вина юридического лица устанавливается через субъективно-правовой подход, т.е. через виновность должностных лиц.

Таким образом учитывая, вышесказанное, можно сформулировать такое определение вины: вина юридического лица за совершенное правонарушение состоит в непринятии необходимых и возможных по обстоятельствам дела и требованиям закона мер для предотвращения нарушения юридических обязанностей и причинения вреда. В результате пробелов в законодательстве и теории, на практике в настоящее время для установления виновности юридического лица достаточно установления самого факта правонарушения. Соответственно понятие виновности юридических лиц за совершение административных правонарушений носит весьма условный характер.

В настоящее время активно идет закрепление на законодательном уровне механизма правового регулирования административной ответственности юридических лиц. Это проявляется в принятии кодифицированных актов, которые в том числе регулируют привлечение юридических лиц к административной ответственности в различных областях общественных отношений. Это свидетельствует о том, что административная ответственность юридических лиц имеет тенденцию к более глубокому и тщательному законодательному закреплению.

Скорейшей реализации правового регулирования административной ответственности юридических лиц, мешает отсутствие единодушия (как в научной среде, так и среди участников законодательного процесса) по таким ключевым вопросам, как основания привлечения юридических лиц к административной ответственности, процессуальная регламентация при привлечении к ней, распределение бремени доказывания, форма судебного контроля, возможности установления для юридических лиц не только административной, но и уголовной ответственности.

Таким образом, вопрос об административной ответственности юридических лиц очень важен потому, что мы сегодня столкнулись с резким ростом правонарушений, совершаемых предприятиями. Также институт ответственности юридических лиц становится активно востребованным и оправданным еще и в силу того, что у нас возникает множество хозяйствующих субъектов (акционерные общества, товарищества, общества с ограниченной ответственностью и т.д.), которые зачастую не имеют, в отличие от государственных предприятий, ясной и формально установленной структуры управления или скрывают ее. Как следствие, возникают трудности при разрешении конфликтов с законом и выяснении сфер компетенции сотрудников, без чего весьма затруднено привлечение к ответственности непосредственных виновников правонарушений.

На сегодняшний день 60–70% составов правонарушений нового Кодекса об административных правонарушениях предусматривают ответственность юридических лиц. С принятием КоАП значительно была расширена сфера общественных отношений, подлежащих административно-правовой охране, за счет установления административной ответственности за некоторые деяния в сфере экономической деятельности, обеспечения экологической безопасности, в области информации и ряде

других областей деятельности. КоАП закреплены общие принципы административной ответственности, в том числе и юридических лиц, установлены составы конкретных правонарушений и процессуальные правила рассмотрения дел об административной ответственности, порядок исполнения постановлений по делам об административных правонарушениях. Можно сказать, что таким уровнем комплексности не обладает ни один из ныне действующих кодифицированных актов о юридической ответственности. Однако здесь есть некоторые недоработки. Так, существует необходимость расширить и сделать более разнообразной палитру мер ответственности, применяемых к юридическим лицам.

Также новый КоАП не дал точного определения ответственности. И сегодня одним из наиболее проблематичных является вопрос о научном обосновании принципа ответственности юридических лиц за административные правонарушения. В последние годы этому вопросу стало уделяться все больше внимания. Однако должного урегулирования на законодательном уровне вопрос ответственности юридических лиц не получил.

Следует обратить внимание также на предельную сдержанность при законодательном регулировании института вины в КоАП. Вероятно, это объясняется, с одной стороны, недостаточной разработанностью его в доктрине административного права, а с другой – желанием не допускать поспешных решений в далеко еще не ясном вопросе, чтобы не мешать практике, да и теории наработать достаточный опыт в разрешении данной проблемы.

К сожалению, КоАП пошел по пути простого копирования основных положений конституционной нормы о презумпции невиновности. И хотя большинство положений этой нормы вполне могут быть усвоены и административным правом, есть одно положение, которое, по мнению автора, для КоАПа не совсем подходит. Это положение, согласно которому (ч. 3 ст. 1.5 КоАП) лицо, привлекаемое к административной ответственности, не обязано доказывать свою невиновность.

Независимо от состояния, в котором находится КоАП РФ, следует продолжать усилия по выработке оптимального определения административной ответственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Донецкой Народной Республики от 14 мая 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dnr-online.ru/doc/zakony>.
2. Постановление Совета Министров ДНР № 2-22 от 27.02.2015 О временном порядке применения на территории Донецкой Народной Республики Кодекса Украины об административных правонарушениях. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gisnpa-dnr.ru/npa/0003-2-22-20150227>.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. №195-ФЗ (в ред. от 14.12.2015 г.) // СЗРФ. 2002. № 1 (ч.1). Ст. 1.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 05.05.2014 г.) // Российская газета. – 1994. – № 238–239.
5. Агапов А.Б. Административное право: учебник / А.Б. Агапов.–М.: Изд-во Юрайт, 2011. – 820 с.
6. Коурова Т.Ю. Административная ответственность как один из видов юридической ответственности // Современные научные исследования и инновации. 2014. № 9. Ч. 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2014/09/38769> (дата обращения: 12.01.2018)
7. Иншин Н.Н. Некоторые аспекты привлечение юридических лиц к административной ответственности. URL://http://www.juristmoscow.ru/adv_rek/2263/.
8. Н.М. Чепурнова, И.А. Трофимова Правовые основы административной ответственности. Учебное пособие. М.: Юнити-Дана, 2016. С. 54.
9. Налоговый кодекс РФ. Часть первая. Утв. 31. 07. 98 // СЗ РФ. 1998. – № 7. – Ст. 3824.

ТАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДОПРОСА ПОДОЗРЕВАЕМОГО И ОБВИНЯЕМОГО

Резюме. В данной статье раскрыта сущность и значение такого следственного действия как допрос, рассмотрены проблемы, возникающие при производстве данного следственного действия. Разработаны рекомендации для усовершенствования законодательства и самой деятельности следователя при осуществлении допроса.

Ключевые слова: допрос, следователь, тактический прием, обвиняемый.

Тема допроса подозреваемого и обвиняемого является исключительно важной и сложной, поскольку допрос данных лиц является одним из главных источников получения доказательств, а также средством защиты подозреваемого от имеющегося в отношении него подозрения и обвиняемого от предъявленного ему обвинения. Данная тема актуальна, поскольку, показания подозреваемого и обвиняемого имеют важное значение для правильного разрешения уголовного дела, так как в них могут содержаться данные, которые невозможно получить из других источников. Именно поэтому тактика допроса подозреваемого и обвиняемого представляет научный и, особенно, практический интерес [1, с. 21].

Система закрепленных в уголовно-процессуальном законе гарантий олицетворяет эволюцию представлений об общечеловеческих ценностях. Процессуальные гарантии призваны обеспечивать как соблюдение конституционных прав личности, так и реализацию уголовным судопроизводством своего назначения.

Однако, к сожалению, нередко регламентация принципов, статусных норм, а также норм, регулирующих основания и порядок производства следственных и судебных действий носит взаимно несогласованный характер, либо находится в противоречии с системой тактических приемов. Причем относительно непродолжительный период действия Постановления Совета Министров ДНР №9-1 от 31 мая 2016 г. № 7-58 «О применении уголовно-процессуального законодательства на территории Донецкой Народной Республики в переходной период» [2] обуславливает неоднозначную оценку соотношения указанных процессуальных норм и тактических приемов учеными и правоприменителями, выявление как действительных, так и мнимых противоречий. Наиболее очевидно указанное явление проявляется при анализе соотношения норм, предопределяющих регламентацию допроса, и норм, непосредственно регулирующих производство допроса, а также соответствующих им тактических приемов.

Данный вывод усиливается спецификой допроса, проявляющейся в действиях, оказывающих непосредственное влияние на допрашиваемого: установление психологического контакта, преобразование запечатленных в сознании лица идеальных следов в показания, несомненные с точки зрения требований, предъявляемых к доказательствам. Практика показывает, что нередко именно показания являются самыми нестабильными доказательствами. На протяжении всего уголовного судопроизводства допрашиваемые лица неоднократно могут менять показания, как в связи с негативным воздействием заинтересованных лиц или дефектов при производстве допроса, а именно завуалированных действий наводящего характера, иных незаконных приемов, так и вследствие осознания иллюзии восприятия, переосмысления произошедшего и тому подобное, что нередко ведет к признанию таких показаний недопустимыми доказательствами.

Таким образом, проблемные аспекты регламентации различных видов допроса, ее согласованности с уголовно-процессуальными принципами, правами и обязанностями субъектов судопроизводства, а также вопросы соответствия системы тактических

приемов допроса указанным процессуальным нормам нуждаются в дополнительном исследовании.

Макаренко О.Н утверждает, что установление индивидуально-психологического подхода к личности подозреваемого и обвиняемого способствует формированию его контакта со следователем. Для формирования контакта следователя с подозреваемым и обвиняемым необходимо знать ряд методов достижения контакта. Для формирования контакта необходимы корректный тон и подтянутый вид следователя [3, с. 67].

Поведение следователя должно свидетельствовать о его понимании положения подозреваемого и обвиняемого. Следователь должен проявлять заботу о законных личных интересах допрашиваемого (например, сообщать об условиях жизни и событиях, происходящих в его семье, если сам допрашиваемый находится в местах лишения свободы). Своим поведением следователь не должен вызывать у допрашиваемого сомнений в его объективности и беспристрастности. Особенно недопустимо проявление негативных эмоций в отношении самого подозреваемого и обвиняемого и совершенного им преступления.

Кривошеин И.Т. акцентирует внимание на том, что для установления контакта важное значение имеет личность обвиняемого и подозреваемого, поскольку среди них зачастую встречаются замкнутые лица, негативно настроенные в отношении следователя и правосудия в целом. При общении с такими допрашиваемыми следует проявлять особое терпение. Установить контакт можно посредством его интересов и жизненных ценностей, которые не связаны с имеющимся подозрением или обвинением (спорт, искусство, профессиональная деятельность, семья и т.д.) [4, с. 45].

Такие ученые как Тетюев С. В., Стрельцова Е. В., Михалючук Ю. П. в своих работах указывают на то, что допрос несовершеннолетних должен проводиться более мягко и лояльно исходя из возраста допрашиваемых [5, с. 122].

Однако так же они рекомендуют следующие способы эмоционального воздействия:

– побуждения к раскаянию и чистосердечному признанию, где следователь должен разъяснить допрашиваемому неблагоприятные последствия лжи или умолчания об некоторых событиях, так и благоприятные последствия признания своей вины и активного содействия расследованию совершенного им преступления, а также преступлений, ранее им совершенных.

– воздействие на положительные стороны личности допрашиваемого, использование его увлечений, высокого профессионального мастерства и т.д. [6, с. 185].

– использование антипатии, питаемой подозреваемым и обвиняемым к кому-либо из соучастников, его зависимости от них, унижающей достоинство, сомнений в их «надежности» и способности до конца придерживаться ранее избранной линии поведения на протяжении предварительного следствия [7, с. 98].

Исаева К. А не рекомендует использование фактора внезапности, путем постановки неожиданных вопросов в ситуации, когда допрашиваемый таких вопросов не ждет, внутренне расслабился, успокоенный безопасным, по его мнению, течением допроса. Она уточняет, что данный метод не должен быть характерным для допроса лиц женского пола, в связи с их повышенной эмоциональностью [8, с. 133].

В свою очередь Зайцева И. А. в своей диссертации дает указания по применению тактических приемов допроса. Она рекомендует тщательно выбирать данные приемы при допросе обвиняемого и подозреваемого в присутствии его защитника и выделяет следующие, которые требуют особой внимательности при использовании:

1. Создание у допрашиваемого преувеличенного представления об осведомленности следователя.

2. Соккрытие от допрашиваемого осведомленности следователя о тех или иных обстоятельствах дела [9, с. 175].

Рассмотрим такое определение как тактический прием – адекватный ситуации способ речевого и неречевого воздействия на объект, способствующий эффективному собиранию и использованию информации, оптимизации решения других задач при подготовке и проведении какого-либо действия в уголовном процессе.

Существует ряд критериев допустимости тактического приема, поскольку далеко не всякий способ решения следственных задач может рассматриваться как правомерный и разрешаемый в уголовном процессе.

Вполне очевидно, что тактический прием должен:

- соответствовать нормам закона;
- не бросать тень на правоохранительные органы;
- быть безопасным для жизни и здоровья участников следственного действия, иных людей, его применение не должно причинять вреда иным охраняемым законом отношениям

3. Косвенный допрос – постановка вопросов, второстепенных с точки зрения допрашиваемого, маскирующих главный вопрос о его причастности к преступлению;

4. Создание ситуации, вызывающей проговорки допрашиваемого, которые свидетельствовали бы о его причастности к преступлению.

Отдельного внимания заслуживают тактические приемы, получившие названия «следственные хитрости», «психологические ловушки». К ним следователь или оперативный работник, как правило, прибегают с целью создания у подозреваемого (или обвиняемого) преувеличенного представления об имеющейся доказательственной информации относительно того или иного обстоятельства [10, с. 201].

Вопрос о самой правомерности «следственных хитростей», «психологических ловушек» и т.д. всегда был дискуссионен.

Особое раздражение у противников концепции правомерности «следственных хитростей» вызывали получившие распространение термины (хитрости, ловушки и т.п.), весьма далекие от этики устоявшихся представлений об отечественном судопроизводстве. Действительно, само название и терминология неудачны, носят двусмысленный, сомнительный характер и неточны по своему существу и содержанию. Тем не менее, данная терминология прочно вошла в обиход. Сочетание со «следственными» и «психологическими» несколько нивелируют их первоначальный смысл и значение.

Известный отечественный исследователь А. Р. Ратинов по этому поводу отмечал, что воздействие следователя на психику участвующих в деле лиц является одним из основных элементов следственной тактики.

В связи с этим необходимо заметить, что «воздействие» не значит «использование». Нужно полностью отрицать возможность использования психического насилия под прикрытием «воздействия на психику». Если заявить подозреваемому, что в случае признания вины условия содержания в следственном изоляторе будут лучше, нежели в случае отрицания, то это также носит характер психического насилия.

Одним из более эффективных приемов, является тактический прием, именуемый в криминалистической литературе «разжиганием конфликта». На практике обвиняемые, в той или иной степени изобличенные в участии в хищении, нередко пытаются принизить свою вину, возлагая основную ответственность на соучастников. При наличии некоторых слабых мест в психике допрашиваемого к признанию им вины может привести демонстрация ему субъективных показаний соучастников. При этом возможно получение доказательств вины других участников.

Вместе с тем отношение к допустимости приема «разжигания конфликта» не является однозначным. В определенных случаях применение подобных приемов может привести к самоговору допрашиваемого или оговору им невиновных лиц. Однако мы

полагаем, что подобные приемы не могут быть полностью исключены из следственной практики, тем более что косвенные доказательства оцениваются в совокупности с другими доказательствами. От профессионализма следователя зависит в конечном итоге нахождение верного решения [11, с. 78].

Проанализировав вышесказанное, можно сделать вывод, что при допросах обвиняемых является возможным, а в строго конфликтных ситуациях необходимым, применять некоторые варианты «следственных хитростей». В частности, приемы:

– направленные на создание у обвиняемого преувеличенного представления об осведомленности следователя обо всех обстоятельствах совершенного хищения и наличии определенных уличающих доказательств;

– приемы, направленные на создание у виновного представления о том, что другие соучастники хищения сознались;

– приемы, направленные на обнаружение скрываемых лиц, денежных средств и материальных ценностей;

– приемы, направленные на сокрытие намерений следователя относительно целей допроса (беседа вроде бы ни о чем, создается впечатление, что следователь все знает и показания обвиняемого ему особенно не нужны);

– приемы, использующие при допросах фактор внезапности, неподготовленности подозреваемого (обвиняемого) ко лжи по отдельным вопросам, его неосведомленности относительно собранных доказательств, имеющейся у следователя информации, в том числе оперативной.

Так же для реализации тактических приемов при осуществлении такого следственного действия как допрос, для усовершенствования законодательства и самой деятельности следователя при осуществлении допроса рекомендуем:

– разработать отдельные инструкции по применению тактических приемов при производстве допроса для следователей, где будет указан четкий перечень легальных тактических приемов.

– повысить уровень знаний следователей в отдельных сферах такой науки как психология, для более продуктивного и быстрого установления положительного контакта с допрашиваемым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абозин Р.В. Соотношение прав и обязанностей потерпевшего и подсудимого в судебных стадиях уголовного процесса: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.09 – Уголовный процесс./Абозин Ростислав Владимирович – Владимир, 2014. – 187 с.
2. Постановление Совета Министров ДНР №9-1 от 31 мая 2016 г. № 7-58 «О применении уголовно-процессуального законодательства на территории Донецкой Народной Республики в переходной период» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://supcourt-dnr.su/zakonodatelstvo/postanovlenie-soveta-%20ministrov-doneckoy-narodnoy-respubliki-o-primenении-ugolovno> – Название с экрана.
3. Макаренко О.Н. Тактико-психологические особенности допроса обвиняемых в убийствах: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.09 – Уголовный процесс / Макаренко Олег Николаевич. – Волгоград, 2012. – 199 с..
4. Кривошеин И.Т. Криминалистическая характеристика личности обвиняемого и тактика его допроса: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.09 – Уголовный процесс. /Кривошеин Иван Тимофеевич. – Томск, 2001. – 151 с.
5. Михальчук Ю.П. Допрос несовершеннолетнего обвиняемого на предварительном следствии: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.09 – Уголовный процесс./Михальчук Юлия Павловна – Краснодар, 2005. – 158 с.
6. Тетюев С.В. Допрос несовершеннолетнего обвиняемого в стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.09 – Уголовный процесс./ Тетюев Станислав Владимирович – Челябинск, 2006. – 299 с.
7. Стрельцова Е.В. Тактические и психологические основы допроса несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.09 – Уголовный процесс/Стрельцова Елена Виеторовна. – Саратов, 2016. – 192 с.
8. Исаева К.А. Тактические особенности допроса женщин-подозреваемых и обвиняемых: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.09 – Уголовный процесс./Исаева Клара Асангазиева – М., 2015. – 197 с.

9. Зайцева И.А. ТАКТИКА Допроса подозреваемого и обвиняемого, проводимого при участии защитника: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.09 – Уголовный процесс./Зайцева Ирина Александровна – Саратов, 2013. – 244 с..
10. Лонцакова А.Р. Тактика допроса обвиняемого по в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юр. наук: 12.00.09 – Уголовный процесс./Лонцакова Анжелла Рашитовна – Челябинск, 2015. – 242 с.
11. Червяков М.Э Тактика допроса обвиняемого. Дискуссионные аспекты тактических приемов: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.09 – Уголовный процесс./ Червяков Михаил Эдуардович – М., 2013. – 205 с

УДК 343

Ткаченко А.А.

Научный руководитель: Олейникова А.В., старший преподаватель

РИСКОВОСТЬ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА ПОЖИЗНЕННОГО СОДЕРЖАНИЯ

Резюме. В данном исследовании изучен договор пожизненного содержания, определены риски при заключении данного договора и пути их предотвращения.

Ключевые слова: договор пожизненного содержания, рисковость, отчуждатель, приобретатель.

Существование алеаторных договоров насчитывает не одно столетие, упоминание о них встречается в римском частном праве. Такие договоры получили развитие в законодательстве и доктрине стран континентальной правовой семьи. Алеаторные договоры признаются и отечественной наукой гражданского права. Однако ни в дореволюционный, ни в советский периоды они не выступали предметом специального изучения. Подобная ситуация прежде всего продиктована существом риска, как ключевой категории алеаторных договоров, и его влиянием на общественные отношения. В условиях плановой экономики значение риска и рисковых договоров сводилось к минимуму, а об алеаторных договорах в юридической литературе практически не упоминалось, хотя именно в советской цивилистической науке были разработаны основные теоретические положения о риске, которые стали классикой гражданского права.

В отечественной науке гражданского права дореволюционного периода упоминание об алеаторных договорах встречается в работах К. П. Победоносцева применительно к «сделкам на разницу». Среди советских цивилистов внимание алеаторным договорам уделял В. И. Серебровский при исследовании страхования, а также О. С. Иоффе. Необходимо указать на труды В. А. Ойгензихта, О. А. Красавчикова, внесших существенный вклад в развитие науки о риске – ключевой категории для алеаторных договоров.

В литературе не раз писалось о рисковом характере договора пожизненного содержания [1, с. 623]. «Алеаторными называют договоры, которые, будучи возмездными, конструируются так, что объем встречного удовлетворения, причитающегося от одной из сторон, остается неизвестным, пока не наступит обстоятельство, призванное его окончательно определить» [2, с. 19].

Ойгензихт В. А. определяет понятие риска как «допущение отрицательных последствий при любом, даже самом неожиданном, самом маловероятном событии или действии» [3, с. 82]. Риск в данном случае заключается в том, что договор пожизненного содержания действует в течение жизни отчуждателя и прекращается его смертью, следовательно, не представляется возможным определить общий размер причитающихся платежей, выплачиваемых приобретателем взамен полученного имущества. Риск несут обе стороны, так как общий размер платежей может оказаться либо больше, либо меньше действительной стоимости имущества, переданного под выплату.

Р. Саватье, классифицируя имущественные договоры и выделяя меновые и рисковые (алеаторные) договоры, писал: «...значение различия между рисковыми и меновыми договорами заключается в том, что рисковый договор не может быть признан недействительным из-за убыточности, даже если он по характеру своему является таковым, поскольку в таком договоре всегда есть элемент неопределенности» [4, с. 224].

Договор пожизненного содержания (ухода) является одной из разновидностей рисковых (алеаторных) договоров и правовых форм регулирования отношений рентного типа, традиционным и фактически единственным предметом которого, из-за отсутствия установившейся практики, является жилье.

Нормы предыдущих ГК Украины (1922 и 1963) конструировали договор пожизненного содержания таким образом, что указанную сделку можно было использовать только нетрудоспособными лицами, которые по возрасту или состоянию здоровья не могли сами обеспечивать надлежащий жизненный уровень или не могли без посторонней помощи содержать себя.

Так, согласно ст. 425 ГК 1963 г. по договору пожизненного содержания одна сторона является несостоятельным лицом по возрасту или состоянию здоровья (отчуждатель), передает в собственность второй стороне (приобретателю имущества) дом или часть его, взамен чего приобретатель обязуется предоставлять отчуждателю пожизненное материальное обеспечение в натуре в виде жилья, питания, ухода и необходимой помощи.

Действующий ГК Украины закрепил более широкое по объекту и субъектами понятие пожизненного содержания.

Сущность договора пожизненного содержания состоит в том, что одна сторона (отчуждатель) передает другой стороне (приобретателю) в собственность жилой дом, квартиру либо их часть, иное недвижимое имущество либо движимое имущество, которое имеет значительную ценность, взамен чего приобретатель обязуется обеспечивать отчуждателя содержанием и (либо) уходом пожизненно [5, ст. 744].

Договор пожизненного содержания составляется в письменной форме и подлежит нотариальному удостоверению. Договор пожизненного содержания, по которому передается приобретателю в собственность недвижимость, подлежит государственной регистрации.

В договоре пожизненного содержания могут быть предусмотрены такие обязанности, как оплата за коммунальные услуги, текущий либо капитальный ремонт жилья, ремонт бытовой техники, приготовление пищи, покупка продуктов, медикаментов и иное. Стороны могут договориться и о других дополнительных условиях и формах предоставления услуг [6, с. 177].

Однако в любом случае материальное обеспечение, которое ежемесячно должно предоставляться отчуждателю, подлежит денежной оценке, к примеру, в размере минимальной пенсии.

Если обязанности приобретателя не были конкретно определены или в случае возникновения потребности обеспечить отчуждателя другими видами материального обеспечения и ухода спор может решаться согласно основам справедливости и разумности.

Приобретатель обязан в случае смерти отчуждателя похоронить его, даже если это не было предусмотрено договором пожизненного содержания (ухода). Если часть имущества отчуждателя перешла к его наследникам, затраты на его погребение должны быть справедливо распределены между ними и приобретателем.

Данный договор имеет свою особенность, приобретатель не имеет право распоряжаться (право подарить, продать, обременять долгами и т.д.) таким имуществом при жизни отчуждателя, это указывается в самом договоре. Нотариус

накладывает запрет на такое распоряжение, о чем вносит соответствующую запись в реестр обременений недвижимого имущества.

На имущество, переданное приобретателю по договору пожизненного содержания, не может быть обращено взыскание на протяжении жизни отчуждателя. Потеря, уничтожение, повреждение имущества, которое было передано приобретателю, не является основанием для прекращения или уменьшения объема его обязанностей перед отчуждателем. Поэтому самым разумным было бы страхование имущества отчуждателя сразу же после подписания договора пожизненного содержания [7, с. 578].

Договор пожизненного содержания может быть прекращен по решению суда или со смертью отчуждателя.

Основаниями расторжения договора по решению суда являются:

– требование отчуждателя или третьего лица, в пользу которого он был заключен, в случае невыполнения или ненадлежащего выполнения приобретателем своих обязанностей, независимо от его вины;

– требование приобретателя.

Самый большой риск для приобретателя состоит в том, что договор пожизненного содержания может быть расторгнут по решению суда, если приобретатель не выполняет или ненадлежащим образом исполняет свои обязанности по договору независимо от его вины. В таком случае имущество передается назад отчуждателю, а расходы на содержание отчуждателя не подлежат возвращению [8, с. 311].

Если приобретатель не выполнял свои обязательства не по своей вине, а по независящим от него причинам, суд может оставить за ним право собственности на часть имущества.

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что в большинстве случаев иски отчуждателей о расторжении договоров пожизненного содержания удовлетворяются судами на основании того, что отчуждатель предоставляет суду доказательства невыполнения либо ненадлежащего выполнения приобретателем своих обязанностей.

Таковыми доказательствами являются справки о задолженности по оплате коммунальных услуг, показания свидетелей относительно отсутствия внимания приобретателя к отчуждателю и иные [9, с. 241].

Соответственно, в большинстве случаев приобретатели, даже в случае добросовестного выполнения своих обязанностей, лишены возможности доказать этот факт, так как в ходе выполнения договора не принимают мер к сбору письменных доказательств своего надлежащего выполнения обязанностей.

Доказательствами надлежащего выполнения условий договора могут быть, к примеру, ежемесячные расписки отчуждателя о том, что им получено содержание в оговоренной договором сумме и он не имеет претензий по этому поводу, чеки о переводе денег, или отчет сиделки и уплата данных средств за данные услуги, чеки из магазинов.

В договоре необходимо более конкретно закрепить обязанности приобретателя, например, сколько раз убирать, сколько раз в день приходить и т.д.

Приобретатель в подтверждение своего надлежащего выполнения обязанностей может вести дневник прихода и ухода к отчуждателю с указанием даты и времени посещения и с записями о делах, которые он сделал. Так же этот дневник может подписывать отчуждатель.

Приобретатель также может поддерживать контакт с соседями, поскольку они могут служить в будущем свидетелями на его стороне.

Также приобретателю перед заключением договора пожизненного содержания необходимо убедиться в том, что отчуждатель является полностью дееспособным и понимает значение своих действий. Данный факт могут подтвердить справка из

психоневрологического диспансера о том, что отчуждатель не состоит у них на учете и справка, что лицо не состоит на учете у нарколога.

Справки необходимы для того чтобы в случае обжалования родственниками данного договора, приобретатель смог подтвердить, что отчуждатель при заключении договора понимал значение своих действий, мог управлять ими и был полностью дееспособен. Справки не являются обязательными, но они желательны с точки зрения будущих доказательств.

Наличие каких-либо психических расстройств, в том числе возрастных, может привести к нежелательным для приобретателя последствиям.

Основная сложность договора в том, что он заключается, как правило, на длительный период. При чем, этот период объективно невозможно рассчитать. Отсюда еще одна трудность – невозможность расчета стоимости договора. Практика заключения подобных договоров пошла по такому пути, что вначале приобретатель выплачивает отчуждателю разовую достаточно крупную сумму, а в дальнейшем ежемесячное пожизненное содержание, сумма которого в каждом отдельном случае оговаривается отдельно.

Риском при заключении договора пожизненного содержания является наличие у отчуждателя родственников, претендующих на наследство, которые, как правило, пытаются расторгнуть договор пожизненного содержания через суд. Конечно же при условии соблюдения условий договора суд оставит право собственности за приобретателем [10, с. 77].

Проблемы возможны также и в том случае, когда отчуждателей по договору сразу двое, например, супружеская пара. Один из супругов умирает, а второй требует расторжения договора. Если доля имущества умершего не выделялась из совместной собственности супругов, получить ее для приобретателя будет крайне затруднительно [11, с. 145].

Таким образом, «подводных камней» при заключении договора пожизненного содержания очень много, но их можно избежать в случае правильного и грамотного его составления.

Чтобы снизить возможный риск, заключая договор, отчуждателю необходимо четко формулировать свои пожелания относительно будущего содержания, а приобретателю четко закрепить свои обязанности. Ведь гарантией исполнения требований будет именно договор, а не устное соглашение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Кн. 2: Договоры о передаче имущества. М., 2000. С. 623.
2. Иоффе О.С. Обязательственное право. М., 1975. С. 293 и сл.; Советское гражданское право / Под ред. В.Т. Смирнова и Ю.К. Толстого. Л., 1982. Ч. 2. С. 19.
3. Ойгензихт В.А. Проблема риска в гражданском праве. Душанбе, 1972. С. 82.
4. Саватье Р. Теория обязательств. М., 1972. С. 224.
5. Гражданский Кодекс Украины: принят Верховной Радой Украины 16 января 2003 года // Відомості Верховної Ради (ВВР), 2003, № 40–44, ст. 744
6. Боднар Т. В. Выполнение договорных обязательств в гражданском праве: монография / Т. В. Боднар.- К., 2015.- 272 с.
7. Научно-практический комментарий Гражданского кодекса Украины: в 2 т.; под ред. О. В. Дзери (рук. авт. кол.), Н. С. Кузнецовой, В. В. Луця.- 5-е изд. перераб и доп.; К., 2013.- 832 с.
8. Осуществление и защита гражданских прав / Вавилин Е.В., – 2-е изд. – М.:Статут, 2016. – 416 с.
9. Майданик Р.А. Проблемы доверительных отношений в гражданском праве: монография / Р. А. Майданик.-К., 2012.- 502 с.
10. Тимуш И. С. Рисковые договоры по гражданскому законодательству Украины: учеб. пособ. / И. С. Тимуш.- К., 2016.- 128 с.
11. Бервено С. М. Проблемы договорного права Украины: монография/ С. М. Бервено.- К, 2016.- 392 с.

ПРАВОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ ФЕНОМЕНА «ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ»

Резюме. В данной статье исследован феномен «Гибридной войны» с юридической точки зрения. «Гибридная война» является актуальным средством геополитического противостояния государств, позволяющим агрессору избежать юридической ответственности. Дефиниция, концепция и содержание «Гибридной войны» так и не были задекларированы в общепризнанном международном нормативно-правовом акте. В статье разработан и предложен унифицированный термин, выделены основные этапы и юридические признаки «Гибридной войны» на примере актуальных геополитических событий.

Ключевые слова: гибридная война, межгосударственные конфликты, окно Овертона, цветная революция, государство-агрессор.

В результате накаляющейся политической напряженности ведущие мировые державы вынуждены искать все более ухищренные способы ответа на новые вызовы современности. Форма, методы и средства защиты национальных интересов и безопасности поддаются существенным метаморфозам, что обуславливает появление ранее невиданных правовых явлений, требующих безотлагательной регламентации и закрепления на международном уровне.

Межгосударственные конфликты до середины 20-го века разрешались при помощи открытого объявления войны и проведения боевых действий. Стоит признать, что войны с открытым и масштабным применением насилия становятся анахронизмом и на смену им приходит новый политико-правовой феномен «гибридной войны». В основу гибридных конфликтов положен целый конгломерат опасных социальных явлений, в числе которых: классическая война, организованная преступность, террористические атаки, массированное воздействие средств массовой информации, кибер-атаки, дипломатическое насилие и многие другие. По данным российского Генштаба соотношение военных и «невоенных видов борьбы» (что по нашему мнению и входит в круг понятия «Гибридная войны») в процентном соотношении составляет 20/80%, что доказывает постепенную трансформацию войны в новый политико-правовой феномен «Гибридной войны».

Термин «гибридная война» уже плотно вошел в лексикон современных политических деятелей. Однако, несмотря на все негативные последствия гибридных войн мировая сообщество не торопится принимать адекватные юридические меры по нормативному урегулированию исследуемого феномена. Модель эффективного и правового отпора государству-агрессору возможно будет сформировать только после закрепления общепризнанной дефиниции «гибридная война» и введении его в юридическую действительность.

Считаем, что определения «гибридной войны» не будет в нормативно-правовых документах, пока не будет разработан единообразный подход к данному феномену и смоделирован вектор развития международного и национальных законодательств по урегулированию исследуемого явления. Именно поэтому теоретическая проработка понятия «Гибридной войны» должна быть одной из приоритетных сфер исследования ученых юристов по всему миру.

В действительности, очевидная правовая проблема практически игнорируется мировым научным сообществом. За несколько десятилетий существования данного правового феномена было написано ничтожно малое количество трудов поднимающих высказанную проблему.

Общепризнанная формулировка сущности войны, принадлежащая К. фон Клаузевицу, по нашему мнению, потеряла свою актуальность. Не смотря на всю размытость правил ведения войны, они действительно играли первостепенное значение

при введении открытых, «симметричных» войн вплоть до конца 20 века. Важнейшим правилом вплоть до последнего времени выступало, хоть и абстрактное, но признание «равнозначности» воюющих сторон, использующих средства вооруженного насилия для достижения конкретных политических целей. Сегодня установление равнозначности государств, даже в его абстрактном понимании де-факто невозможно. Установление государства агрессора, да и вообще количества вовлеченных сторон носит практически неисполнимый характер. Да и средства вооруженного насилия, как правило, не применяются продвинутыми государствами с целью избежание международно-правовой ответственности.

Поэтому можно с уверенностью сказать, что сложившееся правовое представление о сущности войны требует модификации, а возможно и полного пересмотра мировой общественностью.

Термин «Гибридная Война», как и большинство правовых неологизмов пришел в отечественный политический и юридический лексикон с Запада. Министр обороны США Р. Гейтс описывал «гибридные сценарии военных действий», в которых сочетается «смертоносность вооруженных конфликтов между государствами с фанатичным и неослабевающим рвением экстремистов, ведущих нетрадиционные боевые действия».

Одним из первых в изучении представленного правового явления в 2015 году выступил коллектив ученых правоведов и политологов МГУ им. М.В. Ломоносова выпустив монографию «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века», однако они не дали унифицированного понятия этого феномена. Стив Ван Могер – автор монографии «Гибридные войны на стыке времен» утверждает, что: «гибридная война – это наиболее корректный термин по отношению к современным конфликтам и подчеркивает, что он включает в себя комбинацию партизанской и гражданской войн, а также мятежа и терроризма» [1, с. 24].

Понятие гибридной войны наиболее полно будет выглядеть следующим образом: «Гибридная война – это применение военных и невоенных инструментов (в том числе ЧВК) в интегрированной компании, направленные на достижение внезапности, захват инициативы и получение психологического преимущества, используемых в дипломатических отношениях, которые сочетаются с масштабными целенаправленными кибероперациями в паре с экономическим и информационным давлением, а также оказанием всесторонней поддержки конкретным политическим силам, действующим на территории противника».

Исследуемое явление должно характеризоваться, рядом юридических и политологических признаков, в том числе:

- политическим давлением на международной арене со стороны агрессора по отношению к государству-неприятелю;
- экономическим давлением, в виде попыток дестабилизировать существующую денежно-экономическую систему неприятеля;
- ведением информационной войны (искажение информационного поля, вербовка журналистов);
- подрывной деятельностью спецслужб агрессора на территории государства-неприятеля;
- спонсированием оппозиции и террористических сил на территории государства-неприятеля с целью осуществления государственного переворота или устрашения политических конкурентов.

По мнению независимого эксперта Нейтана Фрайера из Центра стратегических и международных исследований, гибридная война имеет следующие угрозы для мирного населения:

1. Традиционные – то есть использование боевого оружия опасного для жизни и здоровья населения

2. Нестандартные – крах национальной валюты, психологическое воздействие на определенные слои населения, навязывание чуждой идеологии.

3. Антисоциальные – распространением террористической угрозы на территории государства [2].

Учитывая вышесказанное, можно выделить три основных этапа проведения «Гибридных войн»:

– Подготовительный этап включает активное использование государством-агрессором спецслужб, ЧВК и т.п. для подготовки конкретных идеологических, политических, этнических и военных предпосылок для применения более существенных гибридных средств ведения войны. К такой деятельности относится:

Активное укрепление системы и механизмов осуществления собственной государственной власти.

Массированная идеологическая обработка всех слоев населения государства вокруг идей национализма, шовинизма, борьбы с внешнеполитическими врагами любыми средствами, тотальная блокировка оппозиции и политического плюрализма в целом.

Выход в информационное пространство страны-противника и использование его для навязывания необходимых «идей» ее населению [3, с. 78].

Уничтожение государственной власти и самостоятельности страны-противника, путем ее дискредитации, продвижения агентов в полномочные органы, подкупа влиятельных должностных лиц, разжигания политического противостояния между существующими политическими силами.

Создание инфоповодов для стимулирования внутренних противоречий среди населения страны-противника по политическим, межнациональным, межрелигиозным, идеологическим мотивам, в том числе, используя гибридный метод борьбы – «Окно Овертона» [4, с 56].

Политическое ослабление противника, путем подрыва доверия к власти, насаждения протестных настроений, создания в государстве социально-экономических проблем.

– Активный этап противостояние включает в себя скрытые гибридные механизмы, позволяющие добиться конкретных политически целей. К числу таких гибридных средств можно отнести:

Создание в государстве незаконных военизированных формирований с отсутствием явного центра управления с привлечением сотрудников собственных спецслужб и(или) ЧВК.

Информационное провоцирование открытого внутригосударственного конфликта на политической, социально-экономической, конфессиональной и межнациональной основе. Тотальная стимуляция процессов по перерастанию информационного противостояния в массовые выступления населения, акции общественного неповиновения, беспорядки и столкновения демонстрантов с правоохранительными органами;

Позиционирование новых политических лидеров из числа представителей оппозиционных политических;

Использования ЧВК и гибридных механизмов для подкидывания народных волнений и недовольств.

Всесторонняя поддержка «угодных» политических сил.

– Заключительный этап ознаменовывает закрепления государством-агрессором своих позиции в стране-противнике проводя следующую действия:

Поддержка к власти преступным путем органов и должностных лиц и тотальная блокировка существующей оппозиции.

Затягивание процесса урегулирования ситуации с целью максимальной дестабилизации противника.

Размещение «миротворческого контингента», национальных военных баз на территории государства-противника.

Принятия правительством невыгодных политических решений и подписание договоров в пользу государства-агрессора.

Учитывая вышеизложенное, нельзя отрицать тот факт, что международное сообщество, должно в кратчайшие сроки принять меры по созданию документа, закрепляющего унифицированное понятие «Гибридная война», а также регламентирующего порядок привлечения к ответственности государства-агрессора, причиняющего физический, моральный, социальный и экономический ущерб миллионам граждан государства-неприятеля, осуществляя свою преступную деятельность.

Изучая военные доктрины США, можно сделать вывод, что при возникновении гибридных войн к конфликту двух стран подключаются одновременно еще и другие государства. Их действия состоят «в оказании всестороннего содействия повстанцам при вербовке сторонников, их тыловой и оперативной поддержке, подготовке, оказании воздействия на социальную сферу и экономику, координацию дипломатических действий и проведение некоторых силовых операций» [5, с. 118]. Нетрудно заметить, что все эти события, без какого-либо исключения, происходят сегодня на Украине под нескрываемым руководством США. При этом государственным департаментом США принято делать ссылку на то, что эта гибридная война осуществляется властью РФ против суверенитета Украины.

24 апреля 2015 года командующий Западным военным округом генерал-полковник Анатолий Сидоров заявил, что США и их союзники проводят первый этап гибридной войны против России, заключающийся в:

1. Дестабилизации внутривнутриполитической обстановки при помощи политических и экономических инструментов;
2. Проведении информационной кампании с целью распространения антироссийских настроений в Восточной Европе [6].

Представленная концепция подтверждается и резко возросшей популярностью оппозиционных сил во главе с Алексеем Навальным, благодаря постоянному финансированию из вне и филигранно оточенного плана манипуляции общественным сознанием населения, а также серией прокатившихся по стране террористических актов (в числе которых и взрыв в петербургском метро 3 апреля 2017 года) устрашающих и деморализующих население. Изложенное выше несомненно направлено на дискредитацию действующей власти РФ в глазах общественности, что может привести к непредсказуемым последствиям, в том числе и развитию событий по украинскому сценарию.

Гражданская война на востоке Украины, также представляется частью политики гибридной войны запада против Российской Федерации. Разжигание цветной революции, насильственная смена власти, навязывание чуждой идеологии привели к появлению территориального конфликта, которому присущи все юридические признаки полномасштабных боевых действий. При этом, из-за отсутствия международных документов, имеющих исчерпывающий перечень разрешенных и запрещенных средств и методов ведения гибридной войны, а также предусмотренных санкционных мер к государствам-агрессорам, невозможно привлечь к ответственности властную элиту отдельных западных государств за попытки расшатывания мировой стабильности и создания реальной угрозы возникновения третьей мировой войны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Стивен Ван Могер. «Гибридные войны» на стыке времен. Мир политики, 2017. – № 2. – С. 24.
2. Nathan Freier American Enterprise Institute Lyb. «Hybrid warfare» [Электронный ресурс]. – Режим

- доступа: http://www.aentins.us/document/cons_doc_LAW_178895/. (дата обращения 26.01.2018)
3. Жуков В. К. Информационные войны 21 века. Политика и общество, 2013. – № 67. – С. 78.
 4. Коршун М.Ю. Юридическая концепция средств массового манипулирования сознанием. Правовой вестник, 2012. – № 13. – С. 56.
 5. Лорин Л. К. «Гибридные войны» в современном мире. Политика и общество, 2014. – № 2. – С. 118.
 6. Сидоров А.С., На лезвии геополитических разногласий: автореф. дис. канд. юрид. Мурманск, 2016.

УДК 347

Удалов Р.С.

Научный руководитель: Краснонос Е.Ю., к.ю.н., доцент

ПОощРИТЕЛЬНЫЕ НОРМЫ КАК НЕОТЪЕМЛЕМЫЙ КОМПОНЕНТ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Резюме. В данной работе рассмотрены основные виды поощрительных норм, которые выступают основным средством воздействия на поведение граждан в демократическом обществе. Установлено, что на протяжении всех этапов эволюции, не исключая нынешнего, поощрение всё же рассматривалось как вспомогательное, резервное средство правового воздействия.

Ключевые слова: поощрительные нормы, заслуженное поведение, демократическое общество.

На современном этапе построение правового государства и формирование демократического гражданского общества в Донецкой Народной Республике предполагают расширение свободы личности, стимулирование социально полезной деятельности граждан, повышение их политической и правовой активности. Решающим и значимым моментом в правовом воздействии поощрительного метода, является его направленность на регулирование социально-активного заслуженного поведения граждан. В связи с этим вполне очевидна необходимость исследования категории заслуги как основания для правового поощрения, одновременно выступающего приемом формирования субъективных прав и юридических обязанностей участников правоотношения.

Практика применения поощрения как средства воздействия на поведение индивида имеет многовековую историю. Уже в XI в. стало известно об особом знаке отличия, предназначенном награжденным для ношения, то есть поощрение как средстве воздействия [1]. «Русская Правда» (Пространная Редакция) свидетельствует о наличии поощрительных актов в большей своей части норм уголовного и уголовно-процессуального права [2]. В первом общерусском законе «Судебник» Ивана IV (1497 г.), упоминалось о форме поощрения, как предоставление личной свободы [3]. Однако в целом в исторический период X–XV вв. говорить о широкой сфере поощрения в праве вряд ли будет правомерным: основным средством правового воздействия на общественные процессы являлось наказание, устрашение. В Соборном Уложении 1649 г. законодатель стимулировал усилия помещиков по розыску бесхозных земель, вод и тому подобного, обещая передать заявителю в качестве поощрения эти угодья [4]. Уже во второй половине XVII в. качестве поощрений использовались награды за заслуги перед государством и его правителем [5]. Систематизация законодательства о госнаградах было произведено в 1882 г. в Своде учреждения государственных наград [6].

В советский период правовые средства не допускали самоопределение субъектов. Государство, определяя правила поведения, закрепляло в них свою волю, лишая субъектов заинтересованности, в достижении предусмотренных нормами права результатов. Фактически подобные нормы становились фактором, тормозящим и сдерживающим социально-правовую активность субъектов. При отсутствии

заинтересованности в добровольной реализации правовых норм государство проводило их в жизнь принудительно. В период «незавершенной демократии» Н.С. Хрущёва, период застоя, перестройки отношение государства к личности отличалось большей лояльностью – поощрения для производительности труда, укрепления законности и правопорядка и т. д. [7]. Всё же и в эти периоды не сформировался стабильный институт правового поощрения, не были созданы объективные предпосылки его формирования. Можно констатировать, что правовое поощрение в рассматриваемый период являлось важным средством, которое использовало государство для достижения своих целей.

В современный период расширившихся возможностей (подчас безграничной свободы) всё заметнее в поощрительных делах различные коммерческие организации и общественные объединения, фонды, негосударственные средства массовой информации [8], представители российского православного духовенства [9]. Характерной для современного института поощрения является тенденция расширения сферы его действия, появление и развитие новых видов поощрения, стремление в полной мере использовать стимулирующий потенциал данного юридического средства.

Таким образом, за более чем тысячелетний этап развития меры поощрения в мировом законодательстве из неупорядоченных и отдельных элементов «доросли» до уровня разветвленной системы. Как видим при принципиальном изменении власти, принципиально менялась и система поощрения, которая зачастую данную власть обслуживала. Соответственно социально-экономическому и политическому развитию общества появлялись и совершенствовались новые формы и виды поощрений. При этом, чем более высоким был уровень цивилизованности общества, тем более широкие сферы социальной жизни были охвачены поощрительными средствами.

Таким образом, заслуженное поведение – это волевая, социально-активная, общественно-полезная правомерная деятельность, связанная с добросовестным, высококачественным либо героическим поведением, обеспечивающим интересы государства, общества, личности [10]. Определение понятия «заслуга» имеет большое теоретическое и прикладное значение при разработке и применении поощрения не только как самостоятельного юридического средства, но и как метода правового регулирования. Несмотря на довольно частое употребление, современная юридическая наука не содержит достаточно точного определения данной категории. Правоприминителю оставлено право, что конкретно считать «особо выдающимися заслугами», «исключительными заслугами», просто «заслугами», «конкретными заслугами, принесшими существенную пользу» и др., что, по нашему мнению, может привести, в ряде случаев, к недооценке либо переоценке конкретных достижений, а в последующем существенно повлиять на эффективность правового поощрения в целом. Квалификация заслуженного поведения осуществляется: а) по признакам состава, б) по объективной стороне, в) по субъективной стороне заслуженного поведения [11].

Характеризуя категорию заслуги, В. М. Баранов понимает ее как два основных юридически значимых варианта поведения. «Во-первых – это добросовестное точное выполнение субъектами возложенных на них юридических и общественных обязанностей; во-вторых, совершение участниками общественных отношений непредусмотренных правовой нормой таких полезных для социалистического государства деяний, которые превосходят обычные требования» [12].

Однако аргументированно и обоснованно представляются черты заслуги, выделяемые А. В. Малько. Он считает, что заслуга сопряжена с социально-активным поведением, с осуществлением позитивных обязанностей [13]. Это добросовестное отношение лица к своему долгу, которое П. А. Сорокин трактовал как «морально-положительное переживание» [14]. В свою очередь В. Н. Кудрявцев отмечает, что заслуга «включает не только внешнее, объективное действие, но и внутреннее,

субъективное отношение к порученному делу, характеризующее позитивные цели и мотивы поведения субъекта» [15]. Таким образом, заслуга – это оценочная категория, получившая закрепление в юридических нормах.

Следующая черта заслуги, выражается в ее связи со «сверхисполнением» лицом своих обязанностей либо с достижением им общепризнанного результата. Как писал П. А. Сорокин, подобные «услужные» акты «выходят» по своей «добродетельности» за пределы «обязанности», это «сверхнормальность» или избыток «добродетельности» [16]. Поощрения устанавливаются за определенные достижения-заслуги (новаторство в труде, профессиональное мастерство и т.п.) в осуществлении предлагаемой модели поведения, за особый вклад, за мужество и отвагу, за выдающиеся открытия и т.д.

По справедливому утверждению многих исследователей, характер и степень заслуг определяют вид поощрения и может служить своеобразной оценочной шкалой определения конкретной формы и мер назначаемых поощрений. Характер заслуг необходимо определять с учетом следующих критериев:

а) в зависимости от субъекта, признающего значимость заслуг, их можно подразделить на: заслуги в производственной деятельности предприятия, учреждения (в наиболее общем виде закрепленные КЗоТ РФ [17] и конкретизированные в коллективных договорах); заслуги в общественной деятельности, деятельности некоммерческих организаций (отмечаемые премиями «Ника» [18], «ТЭФФИ» [19], «Овация» [20]); заслуги в деятельности местного самоуправления и муниципальных образований (отмечаемые в положениях о почетных званиях, например, «Почетный гражданин Донецка» [21] и в грамотах администрации города); заслуги, отмечаемые субъектами федерации (закрепленные в положениях о региональных наградах, премиях, стипендиях); заслуги перед государством (содержащиеся в статутах о государственных орденах, медалях, почетных званиях);

б) в зависимости от условий совершения социально-активных действий – можно выделить заслуженное поведение в обычных (добросовестное выполнение трудовых обязанностей) и экстремальных условиях (героизм, мужество);

в) в зависимости от характера достигнутого общепризнанного результата, заслуги можно разделить на реальные (принесшие конкретную пользу обществу) и условные (отказ от преступления, добровольное возмещение ущерба нанесенного правонарушением, примерное поведение при отбывании наказания в исправительно-трудовых учреждениях) [22].

Само существование заслуги немислимо без придания ей общественной значимости путем юридического закрепления в поощрительных нормах. Прослеживается и обратная связь – награждение, поощрение придает общественную значимость положительному поведению личности, побуждает работника к творчеству, новаторству, инициативе и долгу перед обществом и государством, социальной группой и трудовым коллективом.

Весьма важными в характеристике заслуги нам представляются ее действительность, а также соразмерность затраченных усилий оцениваемым заслугам. В качестве иллюстрации достаточно известное событие – награждение 22 февраля 1976 года Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева орденом «Победа». Данной наградой по статуту награждались лишь военачальники и полководцы, внесшие решающий вклад в дело разгрома фашистов. В данном случае имело место явное «завышение» заслуги, так как Леонид Ильич все-таки крупным военачальником не был, фронтом не командовал и решающий вклад в победу над фашистами на посту замначальника Политуправления 18-й армии, несмотря на проявленное личное мужество, все-таки не внес [23].

Таким образом, в ходе исследования вполне определенно обозначились следующие признаки заслуги: 1) взаимосвязь с социально-активным, добровольным

поведением; 2) обусловленность заслуженного поведения позитивными целями и мотивами конкретного индивида, характеризующими его субъективное отношение к своим действиям; 3) сочетание субъективного и объективного моментов, в процессе применения конкретных мер воздействия; 4) реальность и значимость юридического закрепления заслуги, основанная на принципе справедливости.

Однако, отождествление заслуги с поступком, по нашему мнению, значительно сужает содержательную сторону рассматриваемой категории, раскрывая лишь, так называемые, внешние черты, не уделяя внимания первичным причинам ее возникновения. С учетом всего изложенного можно дать следующее определение заслуги. Заслуга – это объективная оценка социально-активного добросовестного поведения, в основе которой лежат, с одной стороны, цели и мотивы поведения субъекта, а с другой – реально значимое юридическое поведение, составляющее основу поощрения. Выделение существенных признаков названного понятия позволяет обозначить так называемые «рычаги воздействия на индивида» [24].

В рамках рассматриваемого метода заслуга представляет собой основание для формирования субъективных прав и юридических обязанностей субъектов правоотношений. Так, в соответствии со ст. 61 УК РФ к обстоятельствам, смягчающим наказание относятся: и) явка с повинной, активное содействие раскрытию преступления, изобличению других соучастников преступления и розыску имущества, добытого в результате преступления; к) оказание медицинской и иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления, добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненные в результате преступления, иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему» [25].

Таким образом, у лиц, выполнивших данные требования, возникает субъективное право на смягчение наказания (поощрение). В свою очередь в отношении правообязанных субъектов устанавливается юридическая обязанность: «ст. 62 При наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных пунктами «и» и «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ, и отсутствии отягчающих обстоятельств срок или размер наказания не могут превышать трех четвертей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания» [26]. Эти факты позволяют сделать вывод о тесной связи заслуги и поощрительного метода. Подробная и четкая формулировка критериев заслуженного поведения сможет в последующем способствовать совершенствованию мотивационно-стимулирующего механизма поощрительного метода, оказать определенные «услуги» правотворческой и правоприменительной практике [27].

Таким образом, исторически складывающиеся формы поощрения были весьма разнообразны: от дарования вещей до различных видов премирования и почетных званий. Доминирование правовом регулировании императивного метода над диспозитивным, поощрительным характеризует качественно низкий уровень развития права как социального регулятора. На протяжении всех этапов эволюции, не исключая нынешнего, поощрение всё же рассматривалось как вспомогательное, резервное средство правового воздействия. Между тем необходимо активнее и целенаправленнее использовать данные меры, дополнять их новыми существенными компонентами, которые смогут оптимизировать регулирование современных непростых социальных связей и тем самым будет способствовать становлению в Республике полноценного гражданского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дуров В. Ордена России. – М., 1993. –С. 8. Российское законодательство X–XX веков. Законодательство Древней Руси. – Т. 1. –М., 1984. – С. 124.
2. Российское законодательство X–XX веков. Законодательство Древней Руси. – Т. 1. –М., 1984. – С. 124.

3. Российское законодательство X–XX веков. Акты Земского Собора. – Т. 3. – М., 1985. – С. 88.
4. Там же. – С. 350, 360, 368.
5. Ключевский В.О. Соч.: в 9 т. – Т. 6. – М., 1989. – С. 330.
6. Свод учреждения государственных наград. – Т. 1. – СПб., 1882. – С. 77.
7. Бырка В.С. Материальные и моральные стимулы повышения производительности труда // Советское государство и право. – 1968. – № 4; Каринский С.С. Материальные и моральные стимулы к повышению производительности труда. – М., 1966; Лебедев В.М. Стимулирование социалистической дисциплины труда на промышленном предприятии (правовые вопросы). – Томск, 1973; Савич В.И. Премирование рабочих и служащих за высокое качество продукции и материальная ответственность за брак (правовые вопросы). – Томск, 1976.
8. Белоцерковский Г. Премия за стойкость // Парламентская газета. – 1999. – 6 янв.; Павлов Д. Лауреаты в «серебряном веке». Вчера состоялась церемония вручения Антибукеровской премии // Независимая газета. – 1999. – 22 янв.
9. Гончаров С. Церковные награды – розыскникам // Российская газета. – 1996. – 22 мая; Шилов Е. Кавалеры орденов церковных // Там же. – 28 мая.
10. Понятие, признаки и функции правовых поощрений. Поощрительные санкции // Режим доступа: <http://ifldgpu.narod.ru/tgp80.htm>
11. Краснов А.В. Некоторые аспекты содержания поощрительных санкций правовых норм // Правоведение. 2009. № 4. С. 196.
12. Баранов В.М. Поощрительная норма Советского социалистического права. Автореф. дисс. канд. юрид. наук. Саратов, 1975. С. 7.
13. Малько А.В. Юридические поощрения как разновидность социальных санкций // Общественные науки и современность. 1998. № 4. С. 75.
14. Сорокин П.А. Преступление и подвиг. Человек. Цивилизация. Общество. М. 1992. С. 146.
15. Кудрявцев В.Н. Закон, поступок, ответственность. М., 1986. С. 29.
16. Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. – СПб., 1999. – С.12.
17. Трудовой кодекс РФ (ТК РФ) 2016 // Режим доступа: <http://www.trudkod.ru/> <http://www.trudkod.ru/>
18. Премия «Ника» за лучший игровой фильм // Режим доступа: kino-nika.com/
19. Премия «ГЭФИ» // Режим доступа: www.gazeta.ru/culture/2013/11/15/a_5755393.shtml
20. Премия-ОВАЦИЯ // Режим доступа: dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1392566
21. Почетные граждане Донецка. Донецк сегодня. Апрель 2016 // Режим доступа: gorod-donetsk.com
22. Мурашев Г.А. Титулы, чины, награды. 3-е изд. СПб., 2002. С.16.
23. Строкин А.А. Правовое поощрение в истории юридической науки и практики. Вестник Омского университета. Серия «Право». 2008. № 4 (17). С. 11.
24. Виноградов В. А. Ответственность в механизме охраны конституционного строя. М., 2005. С.37.
25. УК РФ. Общая часть. Глава 10. ст 61 // Режим доступа: www.zakonrf.info
26. УК РФ. Общая часть. Глава 10. ст 62 // Режим доступа: www.zakonrf.info
27. Малько Статья Общественные науки и современность. 1998. №4. 75.

УДК 343.231.147

Ушакова К.С.

Научный руководитель: Меркулов С.Н., к.ю.н., доцент

ПРЕДМЕТ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О НАРУШЕНИИ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЖИЛИЩА И ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ЛИЦА

Резюме. В данном исследовании изучен предмет доказывания по уголовным делам о нарушении неприкосновенности жилища и частной жизни лица. Предложен перечень обстоятельств, доказывание которых необходимо при расследовании уголовных дел, связанных с нарушением неприкосновенности жилища и частной жизни лица.

Ключевые слова: предмет доказывания, неприкосновенность, жилище, частная жизнь.

Личная неприкосновенность, тайна частной жизни, неприкосновенность жилища вместе с другими естественными правами и свободами, образуют основу правового статуса личности и являются неотъемлемыми составляющими современной концепции прав и свобод человека.

Утверждение и обеспечение основных прав и свобод человека является главной обязанностью государства. Установление юридической (в том числе уголовной) ответственности в случае нарушения конституционных прав и свобод человека и гражданина является одной из правовых гарантий их охраны.

Многочисленные случаи нарушения неприкосновенности частной жизни всегда вызывают большой резонанс в гражданском обществе. Как показывает практика, выявление преступлений данной категории, как правило, происходит благодаря общественности и, в частности, средств массовой информации.

В определенной степени этому способствует недостаточная разработанность отдельных аспектов уголовно-правовой характеристики нарушения неприкосновенности частной жизни, неприкосновенности жилища и, в частности, толкование содержания данных понятий. К тому же, отсутствие надлежащих аналитических обобщений судебной практики по уголовным производствам данной категории также не способствует эффективной практике привлечения виновных к уголовной ответственности за нарушение неприкосновенности жилища и частной жизни лица.

Однако, на сегодняшний день имеющиеся теоретические наработки выдаются несколько фрагментарными и не охватывают всего спектра насущных проблем разработки системных мер уголовно-правовой охраны в данном направлении. К тому же, отдельные теоретические обобщения представляются несколько устаревшими. В итоге вышеприведенное определяет актуальность, теоретическое и практическое значение выбранной темы исследования.

Исследование проблем уголовно-правовой охраны неприкосновенности жилища и иного владения лица в ее различных аспектах посвятили свои научные исследования В. Т. Маляренко, В. П. Шибико, П. П. Андрушко, И. И. Петрухин и др. Комплексному исследованию этой проблемы посвящено диссертационное исследование Ю. М. Жмур. Особенности уголовно-правовой охраны неприкосновенности частной жизни посвятили свои научные исследования, в частности А. П. Горпинюк, Ю. И. Демьяненко, И. Б. Король и С. Я. Лыхова и другие. Однако, по моему мнению, эта проблема требует своего дальнейшего исследования.

Итак, целью данной статьи является определение предмета доказывания по уголовным делам о нарушении неприкосновенности жилища и частной жизни лица.

Прежде всего, необходимо определить, что доказывание состоит из собирания, проверки и оценки доказательств с целью установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного производства.

В уголовно-процессуальной литературе, в течение длительного времени, не было единого понимания понятий «предмет доказывания» и «пределы доказывания». Отсутствие единства взглядов относительно соотношения этих понятий привело к тому, что предмет и пределы доказывания рассматривались как тождественные [1, с. 4; 2, с. 361].

Так, Р. Д. Рахунов, отстаивая этот тезис, отмечал, что пределы доказывания – это менее удачное изложение обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу [3, с. 100]. Критикуя указанную точку зрения, М. М. Михеенко отмечал, что указанные понятия хотя и взаимосвязаны, но не равнозначны, каждое из них имеет только ему характерный юридический смысл и назначение в уголовно-процессуальном доказывании, поскольку предмет доказывания в уголовном производстве, по мнению ученого – это совокупность предусмотренных уголовно-процессуальным законом обстоятельств, установление которых необходимо для разрешения заявлений и сообщений о преступлениях, уголовного дела в стадии исполнения приговора, а также для принятия процессуальных профилактических мероприятий в деле [4, с. 99], а пределы доказывания – это такой объем доказательного материала (доказательств и их источников), который обеспечит надежное, достоверное установление всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания, правильное решение дела и принятия

мер по предотвращению преступлений [4, с. 106]. По моему мнению, позиция М. М. Михеенко является в целом обоснованной.

Предмет доказывания можно определить, как предусмотренную уголовным процессуальным законом совокупность обстоятельств, подлежащих обязательному установлению в каждом уголовном производстве с целью эффективного выполнения задач уголовного судопроизводства.

Среди международных актов, направленных на охрану частной жизни, в первую очередь, следует отметить Всеобщую декларацию прав человека 1948 г. [5, с. 39], Международный пакт о гражданских и политических правах [5, с. 53], Конвенцию о защите прав человека и основных свобод [5, с. 539]. Согласно ст. 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод презюмируется, что: 1) каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и корреспонденции; 2) вмешательство публичной власти в осуществление этого права не допускаются, за исключением случаев, когда это предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, охраны здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод и свобод других лиц [6, с. 70].

Конвенция и практика Европейского суда по правам человека предусматривает, что право на неприкосновенность жилища является элементом права на неприкосновенность личной жизни.

Как указывалось, предмет доказывания выражает цель доказывания в уголовном производстве и представляет собой совокупность обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Определение предмета доказывания по каждому уголовному производству, прежде всего, зависит от особенностей совершенного уголовного преступления. Поэтому и предмет доказывания в различных категориях уголовных производств различен.

Так, согласно ст. 64 УПК при производстве предварительного следствия, дознания и рассмотрении уголовного дела в суде подлежат доказыванию: 1) событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления); 2) виновность обвиняемого в совершении преступления и мотивы преступления; 3) обстоятельства, влияющие на степень тяжести преступления, а также обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, смягчающие и отягчающие наказание; 4) характер и размер вреда, причиненного преступлением, а также размер расходов учреждения здравоохранения на стационарное лечение потерпевшего от преступного деяния [7].

Вышеприведенный перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию в уголовном производстве, имеет обобщающий и ориентированный характер, поэтому в теории доказывания его принято называть общим. В зависимости от совершенного уголовного преступления перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию в уголовном производстве, конкретизируется и индивидуализируется, в том числе и при нарушении неприкосновенности жилища и частной жизни лица.

Объектом преступления, посягающего на неприкосновенность жилища, следует считать правоотношения по реализации права на неприкосновенность жилища и иного владения лица.

Видовым объектом преступлений, посягающих на неприкосновенность частной жизни, следует считать правоотношения по реализации личных неимущественных прав, обеспечивающих социальное бытие физического лица.

Непосредственным объектом нарушения неприкосновенности частной жизни следует считать правоотношения, складывающиеся в процессе реализации человеком своего права на неприкосновенность частной жизни и направленные на охрану и обеспечение конституционного права на личную и семейную тайну.

Конфиденциальная информация о лице, характеризуется совокупностью указанных признаков, является обязательным признаком состава преступления, которое рассматривается. Сведения, составляющие личную или семейную тайну, могут быть одновременно защищаемой информацией нормами законодательства как профессиональная тайна.

Нарушение неприкосновенности жилища и частной жизни может быть совершено только незаконным действием (активным поведением). Несмотря на отсутствие в составе преступления прямого указания на последствия, как обязательного признака, они могут присутствовать в условиях объективной реальности.

В составе нарушения неприкосновенности жилища и частной жизни обязательным признаком выступает вина в форме умысла, о чем целесообразно отметить непосредственно в диспозициях соответствующих статей. Мотив и цель нарушения неприкосновенности жилища и частной жизни не являются обязательными признаками состава, хотя могут иметь уголовно-правовое значение при назначении наказания или освобождении от уголовной ответственности.

В то же время, исходя из анализа материалов уголовных дел о нарушении неприкосновенности жилища и частной жизни лица, можно сделать вывод, что не все обстоятельства, которые определены в части первой статьи 64 УПК, подлежат доказыванию при расследовании рассматриваемых уголовных преступлений. В частности, в таких уголовных производствах не подлежат доказыванию вид и размер вреда, причиненного этими преступлениями.

Установление и доказывание вида и размера ущерба, причиненного в результате совершения уголовного преступления подлежит только при расследовании уголовных преступлений с материальным составом. По справедливому утверждению А. А. Солонина, требование доказывания вреда не может быть применено к преступлениям с формальным составом [8, с. 9]. При совершении указанного уголовного преступления причиненный вред является лишь факультативным (необязательным) обстоятельством, а потому доказыванию не подлежит. В связи с этим предлагается уточнить содержание ст. 64 УПК положением, согласно которому при совершении уголовного преступления с формальным составом не подлежит доказыванию причиненный им вред.

Исходя из вышеизложенного, по моему мнению, в указанных уголовных производствах нужно устанавливать и доказывать: событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления) (п. 1 ч. 1 ст. 64 УПК); виновность обвиняемого в совершении преступления и мотивы преступления (п. 2 ч. 1 ст. 64 УПК); обстоятельства, влияющие на степень тяжести преступления, а также обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, смягчающие и отягчающие наказание (п. 3 ч. 1 ст. 64 УПК).

Итак, правильное определение этих обстоятельств, их всестороннее, полное и объективное исследование позволит значительно повысить эффективность и результативность доказывания в уголовном производстве о нарушении неприкосновенности жилища и частной жизни лица, что, в свою очередь, является одной из предпосылок достижения задач уголовного судопроизводства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Миньковский Г.М. Пределы доказывания в советском уголовном процессе / Г.М. Миньковский. – М., 1956. – 114 с.
2. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса / М.С. Строгович. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 703 с.
3. Рахунов Р.Д. О понятии доказательства и главном факте доказывания / Р.Д. Рахунов // Советское государство и право. – 1965. – № 12. – С. 96-101.
4. Михеенко М.М. Доказывание в советском уголовном судопроизводстве / М.М. Михеенко. – К.: Изд-во при Киевском университете издательского объединения «Вища школа», 1984. – 134 с.

5. Международные акты о правах человека. Сборник документов / Сост. и вступ. ст.: Карташкин В. А., Лукашева Е. А. – М.: Норма-Инфра – М, 1998. – 784 с.
6. Європейська конвенція про захист прав людини і основоположних свобод. Права людини: Зб. міжнар. Документів. – М. : Юрид. літ., 1998. – 608 с.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Украины / Утвержденный Законом Верховной Рады УРСР от 28 декабря 1960 р. // Ведомости Верховной Рады УРСР. – 1961. – № 2. – Ст. 15.
8. Солоніна О. П. Правові презумпції у кримінально-процесуальному доказуванні : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. юрид. наук : спец. 12.00.09 / О. П. Солоніна. – К., 2012. – 16 с.

УДК 323.21

Федосеева Я.О.

Научный руководитель: Каблов Д.С., к.ю.н., доцент

ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ КАК ВЕТВЬ ВЛАСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ

Резюме. В данном исследовании изучены основные положения исполнительной власти как ветви власти государственной. В том числе, выявлено понятие, проведен анализ механизма и функций исполнительной власти. Установлено, что исполнительная власть, в системе разделения властей, выполняет исполняющую и подзаконную деятельность.

Ключевые слова: исполнительная власть, государственная власть, разделение властей, исполнительно-распорядительная деятельность, правительство.

Данное исследование чрезвычайно актуально, поскольку исполнительная власть как ветвь власти государственной занимает особое место в механизме разделения властей, который, в свою очередь, является единственным гарантом свободы от сосредоточения власти в одних руках.

Доктрина разделения властей не имеет единого мнения о том, какой именно момент следует считать начальным в истории её возникновения. Концепция разделения властей прошла долгий и сложный путь, истоки которой начинают появляться в трудах мыслителей эпохи античности. Несмотря на исторический опыт, данная концепция не была реализована в полной мере. Исходя из этого, была определена цель работы: проанализировать механизм и функции исполнительной власти [1, с. 278–279].

Разделения властей является важнейшим институтом демократии. Поскольку система разделения властей представляет собой гарантию того, что власть не будет узурпированная кем-то одним. Демократия же, в свою очередь, опираясь на систему разделения властей, призванную стоять на защите прав и свобод человека и гражданина, обеспечила себе непрерывное существование [1, с. 279–280].

Однако следует учитывать, что разделение властей не носит абсолютного характера, так как государственная власть едина. Следовательно, в рамках этой системы различаются три подсистемы, образующие законодательную, исполнительную и судебную ветви государственной власти как единого целого [2, с. 280].

Исполнительная власть является наиболее видимым институтом политической системы общества, деятельность которого непосредственно связана с повседневной жизнью граждан. В свою очередь она не воплощает в жизнь политические решения, а также часто инициирует и организывает их принятие, тем самым выполняя своеобразную роль в жизни общества [3].

Проблемы исполнительной власти традиционно находятся в поле зрения ученых-правоведов и достаточно широко освещаются в юридической научной литературе. Исследованием актуальных вопросов, касающихся исполнительной власти занимались такие специалисты-правоведы, Т. А. Коваль, С. И. Некрасов, Р. Н. Пирова, О. С. Реснянская, Е. В. Хоменко, а также ряд других.

Особое место в осмыслении исполнительной власти принадлежит административному праву, поскольку его задача – интерпретировать и раскрыть структуру, полномочия и, соответственно, проявление этой власти.

В свою очередь, именно теория государства и права призвана трактовать исполнительную власть путем установления наиболее общих закономерностей ее возникновения и функционирования, выяснить ее назначение и роль в социуме, а также место в системе государственной власти [3].

Термин «исполнительная власть» появился в законодательстве в 90-е гг. XX в. Единый подход к данному определению в науке до сих пор не сложился. Понятие «исполнительная власть» толковалось учеными по-разному.

По мнению Т. А. Коваль: «исполнительная власть – это совокупность государственно-властных полномочий, реализуемых специально учреждаемыми органами, важнейшей функцией которых является исполнение законов и иных нормативно-правовых актов» [4, с. 80].

Что касается признаков исполнительной власти, то здесь необходимо выделить такие как иерархическое и вертикальное (уровневое) построение, структурность, наличие профессионального корпуса служащих, подзаконность, исполнительно-распорядительный характер деятельности.

Однако, не смотря на это, в юридической литературе подчеркивают значимость таких черт, как производность, вторичность, организующий и оперативный характер, право распорядительства и другие [5, с. 283].

Существует точка зрения, что исполнительная власть появилась почти сразу с возникновением государства. В ней утверждается, что в предыдущие эпохи, включая и средневековье, в монархических государствах функции исполнительной власти выполняли их главы. В государствах с республиканской формой правления той же исторической эпохи эта власть осуществлялась разными высшими должностными лицами. Например, консулы – в Древнем Риме, дожи – в Венеции, государственные капитаны – в Генуе, посадники и архиепископы – в Новгороде [3].

На сегодняшний день свои существенные особенности и различия в разных странах имеет процедура формирования правительства, но, как правило, она определяется формой правления в государстве.

В большинстве стран высшая исполнительная власть осуществляется правительством – коллегиальным органом наиболее универсальной компетенции, который координирует различные направления властной деятельности, управляет самыми разными отраслями жизни: оборона, охрана общественного порядка, иностранные дела, экономика, образование, культура и т.д. В состав правительства обычно входят премьер-министр (глава правительства), его заместители, министры и другие должностные лица [2, с. 281].

В соответствии с этим, форма государственного правления также определяет роль главы правительства (премьер-министр).

Глава правительства (премьер-министр) – должностное лицо исполнительной ветви власти, осуществляющее полномочия, которые связаны с руководством и внутренней жизнью государства [2, с. 282].

Исполнительная власть всегда осуществляется системой органов (даже в рамках одной территории) и выстроена на основании административного соподчинения национальных, субнациональных и местных органов власти. Такое соподчинение объективно необходимо для реализации общенационального законодательства. При этом внутрисистемные взаимоотношения между различными органами исполнительной власти могут затрагивать и распределение полномочий среди уровней правления, а также формы представительства территориальных интересов на национальном уровне [6, с. 23].

Именно исполнительная власть наиболее приближена к механизму реальной власти. Она начинает свою деятельность с наиболее развитых видов властной деятельности государства. Исходя из этого, данная ветвь власти является объективной необходимостью, поэтому выступает в виде организующей деятельности государства [5, с. 279].

Следовательно, исполнительная власть является одной из трех традиционных ветвей государственной власти. В осуществлении возложенных на нее законом полномочий в рамках компетенции, установленной конституцией и законами, она является самостоятельной и независимой от других ветвей власти.

Данная власть призвана воплощать в жизнь законы парламента. Е. В. Хоменко утверждает, что законодательная ветвь государственной власти является направляющей и контролирующей, а исполнительная – исполняющей и подзаконной.

С точки зрения концепции разделения властей исполнительная власть является властью по исполнению законов, реализации их в жизни общества любыми законными методами, включая принуждение. Она имеет преимущество исполнять принятые парламентом законы и иные решения. Органы исполнительной власти являются важным звеном механизма, через который государство реализует большинство своих функций [3].

В соответствии с этим назначение ее сводится к исполнению действующего законодательства, к выработке основных направлений внутренней и внешней политики государства, к организации деятельности государственного аппарата по реализации такой политики, а также к охране гражданских прав и свобод. Исполнительная власть организует реализацию принципиальных установок, принятых в законах, что подразумевает решение многих конкретных вопросов в обществе [2, с. 281].

Правильное осмысление свойств исполнительной власти, выступают определяющим фактором эффективности государства. Следует констатировать, что известные свойства государственного управления – организованность, целенаправленность, динамичность, урегулированность и другие.

Благодаря им она налаживает повседневное управление общественными отношениями в экономической, социальной и административно-политической сферах. Также следует отметить некоторые важные свойства, которые присущи только исполнительной власти и, соответственно, раскрывают её содержание.

Прежде всего, эта ветвь государственной власти не знает перерыва в деятельности, что позволяет ей первой среди ветвей власти определить свое отношение к изменениям в общественной жизни и управленческой среде. Далее, исполнительную власть отличает предметный характер, она наиболее близка к объектам управления и поэтому имеет прямое влияние на их деятельность. Наконец, важным и заслуживающим внимания свойством исполнительной власти выступает её универсальность. Она выражается в том, что исполнительная власть задействована не только на исполнении, но и в определенном объеме способна на правотворческую и правоохранительную деятельность [5, с. 281–282].

Для более полного анализа исполнительной власти необходимо рассмотреть, присущие ей функции, поскольку они отображают содержание деятельности органов данной ветви власти и соответствующей мерой характеризуют ее сущность. Так, например, Е. В. Хоменко выделяет две основные функции: политическая и административная. Рассмотрим их более подробно.

Политической функции является разработка государственной политики, задача которой состоит в определении круга вопросов, требующих первоочередного внимания общественности, сосредоточение усилий и средств для их разрешения. Тогда разработка государственной политики – это подготовка, предложение и принятие соответствующих решений, имеющих обязательное значение, определение путей

(программ) их выполнения, осуществление кадровых назначений на основные должности.

Содержанием административной функции является воплощение в жизнь государственной политики путем административно-государственного управления, то есть деятельности органов и учреждений исполнительной власти, где трудятся профессиональные государственные служащие. Она предусматривает иерархию и ответственность за выполнение государственных решений низших органов перед высшими, а ее задача – направленность на этот процесс. Следовательно, это и есть управленческая деятельность [3].

Вместе с тем исполнительная власть также осуществляет функцию распорядительную. Ее органы от имени государства и с соответствующими полномочиями принимают те или иные решения, управляют подчиненными им отраслями. Применяют вместе с методами убеждения также меры государственного принуждения, поскольку органы вправе принимать нормативные акты общего характера [3].

Среди многообразия функций, которые присущи исполнительной власти они сводятся к исполнению действующего законодательства, выработке основных направлений внутренней и внешней политики государства, организации деятельности государственного аппарата по реализации такой политики, а также к охране гражданских прав и свобод [4, с. 77].

Основная направленность юрисдикционной функции органов исполнительной власти в правовом демократическом государстве – защита прав и свобод граждан. Это обусловлено тем, что именно данная ветвь власти обеспечивает эффективную охрану общественного порядка, дисциплинирует работу государственного аппарата. Тогда ее задача – применение административных, дисциплинарных, материальных и финансовых санкций к гражданам и работникам аппарата государственного управления, совершив правонарушение.

Эффективность функционирования исполнительной власти возможна только при условии, если в государстве создана стойкая и жесткая централизованная иерархическая ее вертикаль, которая будет позволять своевременно воплощать в жизнь принятые решения.

Правотворческая деятельность органов исполнительной власти в рамках ее компетенции продолжает деятельность, начатую законодателем. Это происходит в случае, если нормы закона не регулируют непосредственно управленческих отношений, но, в свою очередь, они требуют правовой регламентации, то эту функцию берут на себя соответствующие органы исполнительной власти [3].

Из чего следует, что орган исполнительной власти – это публично-правовой институт, который представлен одним должностным лицом или группой должностных лиц, официально осуществляющих исполнительно-распорядительную деятельность и наделенных в законном порядке определенной компетенцией, материальными и правовыми средствами, необходимыми для реализации возложенных на них государственных задач и функций [4, с. 79].

В заключении необходимо отметить то, что исполнительная власть остается основным инструментом государственного управления. Качество и эффективность государства в определяющей степени зависит от уровня деятельности именно этой ветви государственной власти.

Исполнительная власть необходима для налаживания сложных общественных взаимодействий в сферах экономики, социального развития и административно-политического строительства, созидательной и охранительной деятельности.

Если же обратить внимание на развитие ветвей власти в современном мире, можно заметить, что именно исполнительной власти присущ наибольший динамизм.

Изменяются ее функции, вводятся новые формы и методы осуществления деятельности, растет сфера нормотворческих полномочий и др. Таким образом, исследование основных положений исполнительной власти как ветви власти государственной сегодня остается актуальным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пирова Р.Н. Доктрина разделения властей: история и современность. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – №6. – С.278-280.
2. Реснянская О.С. Законодательная, исполнительная и судебная ветви власти в системе разделения властей. // Известия АлтГУ. – 2009. – №4. – С.280-283.
3. Хоменко Е. В. Особенности и функции исполнительной власти как ветви власти государственной. // Проблемы законности. – 2012. – №118. – С.3-13.
4. Коваль Т.А. Исполнительная власть: анализ понятия, сущность. // Вестник ЗабГУ. – 2011. – №10. – С.77-81.
5. Раззаков Б.Х. О сущности исполнительной ветви государственной власти. // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. – 2013. – №4. – С.279-287.
6. Некрасов С.И. Власть в конституционно-правовой модели территориальной организации публичной власти: системность, «вертикализация», децентрализация. // Публичное и частное право. – 2013. – №1. – С.21-29.

УДК 347.441.44

Филенко Л.В.

Научный руководитель: Олейникова А.В., старший преподаватель

К ВОПРОСУ О ГРАНИЦАХ ПРИНЦИПА СВОБОДЫ ДОГОВОРА В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Резюме. В данном исследовании изучен принцип свободы договора в гражданском праве, установлены его характеристики, а также проанализированы возможные случаи ограничения свободы договора, а именно случаи обязательного заключения договора, с учетом это дано определение понятие принципа свободы договора.

Ключевые слова: принцип свободы договора, границы свободы заключения договора, обязательность заключения договора.

Конституция Донецкой Народной Республики (ст. 27) [1], действующий Гражданский кодекс Украины (далее – ГК Украины) [2] и ряд других нормативных-правовых актов провозглашают свободу предпринимательской деятельности, в том числе в договорной форме. Принцип свободы договора на законодательном и доктринальном уровне признается основополагающим для развития имущественного оборота, однако существуют случаи обязательного заключения договора, что подразумевает существование некоторых границ принципа свободы договора.

Принцип свободы договора рассматривали в своих работах такие ученые, как: О. А. Беляневич, Ю. Л. Ершов, С. С. Немченко, З. В. Ромовская, О. А. Сергачева, К. А. Хорькова, Ю. В. Цюкало и др. но требуют дальнейшего изучения вопросы границ принципа свободы договора с учетом случаев обязательности заключения договора.

Цель настоящей статьи – проанализировать границы принципа свободы договора.

Одним из центральных институтов частного (гражданского) права является договор. Договорное право в целом базируется на проверенных временем (теорией и практикой) принципах, которые занимают особое место в иерархии его норм. Эти принципы взаимосвязаны между собой и благодаря этому договорное право приобрело черты устойчивой и стабильной системы норм, в них выражается суть и природа договорного права.

Принцип свободы договора можно назвать одним из центральных принципов в системе принципов договорного права, поскольку, как и любая сделка, договор является волевым актом. Однако этому волевому акту присущи специфические особенности. Договор представляет собой не разрозненные волевые действия двух или более лиц, а общее (единое, согласованное) волеизъявление. Для того, чтобы его сформулировать и закрепить в договоре, волеизъявление должно быть свободным от внешних воздействий. Общеизвестным средством достижения указанной цели является свобода договора [3, с. 98].

Исторически свобода договора как особое выражение автономии индивида связано с так называемой «теорией автономии воли». Согласно этой теории, признание и выполнение договорных обязательств базируется на предположении, что стороны договора сами «добровольно захотели» связать себя обязательствами [4, с. 37].

Рассматривая принцип свободы договора, Ю. Л. Ершов отмечает, что в юридическом смысле свободу определяют, как нормативно закрепленную возможность лица осуществлять действия, поступки по своему усмотрению, не нарушая при этом свободу других субъектов [5, с. 34].

Принцип свободы договора принадлежит к общим основам гражданского законодательства, зафиксированных в ст. 3 ГК Украины, и является одним из принципов осуществления субъективных гражданских прав. В юридической литературе его определяют как закрепленный в законе общий принцип, устанавливающий для субъектов договорных отношений свободу заключения договора, свободу выбора вида заключенного договора, свободу выбора контрагента и свободу определения условий договора [6, с. 210].

Детализированный в ст. 627 ГК Украины принцип свободы договора включает в себя возможности:

- заключение договора по свободному усмотрению;
- свободного выбора контрагента;
- свободного определения сторонами условий договора с учетом требований гражданского законодательства, обычаев делового оборота, требований разумности и справедливости.

Заключение договора по свободному усмотрению означает, что стороны гражданских правоотношений сами определяют, заключать им договор или нет, а также вид договора, который будет регулировать их взаимные отношения. При этом стороны могут выбрать не обязательно договор, предусмотренный законом, но и договоры, прямо не предусмотренные законом, кроме противоречащих его общим принципам.

Свободный выбор контрагента предполагает, что стороны самостоятельно определяют с кем из партнеров вступать в договорные правоотношения, то есть выбор контрагента договора и решение вопроса об установлении договорных отношений, по ГК Украины, решается самими сторонами договора. Как исключение из этого правила, законом могут устанавливаться определенные ограничения по выбору контрагентов [7, с. 101].

Стороны самостоятельно определяют условия (содержание) договора в соответствии со ст.ст. 627, 628 ГК Украины.

В литературе как составляющие принципа свободы договора выделяют также свободу выбора сторонами формы договора, право сторон заключать как договоры, предусмотренные законом, так и договоры, законом не предусмотренные, но такие, которые ему не противоречат, право сторон по своему соглашению изменять, расторгать или продлевать действие заключенного ими договора, определять способы обеспечения договорных обязательств, право устанавливать формы (меры) ответственности за нарушение договорных обязательств [8, с. 64]. Данные признаки являются детализацией свободы сторон определять содержание договора.

Относительно свободного избрания сторонами формы договора, стоит обратить внимание на ч. 4 ст. 203 ГК Украины, согласно которой сделка должна совершаться в форме, установленной законом, следовательно, выбор сторонами формы договора полностью обусловлен имеющимися нормативными предписаниями как ГК Украины (в частности ст. ст. 205–210), так и других актов законодательства.

По мнению З. В. Ромовской, вышеизложенные нормы Гражданского кодекса отодвигают закон на второе место, отдавая предпочтение договору, а положения правовых актов трактуются как диспозитивные, кроме случаев, когда обязательность для сторон этих актов следует из их содержания или существа отношений между сторонами. Поэтому в сфере договорных отношений закон перестает считаться истиной в последней инстанции, стороны вправе отступить от его положений, корректируя его в соответствии со своими интересами [9, с. 42].

Тезис о верховенстве договора как регуляторе гражданских отношений приобрел максималистскую окраску в интерпретации П. Гуйван, который утверждает, что ГК Украины предоставляет сторонам возможность отступить от любых императивных правил, закрепленных в актах гражданского законодательства, к которым относится и сам Гражданский кодекс, следовательно, сам кодекс частного права устанавливает презумпцию приоритета условий сделки, определенных сторонами над императивно определенными условиями. Правда, вопреки самому себе отмечает автор, за исключением случаев, когда условия сделки не согласуются с законодательством [10, с. 11].

С такой позицией согласиться трудно, поскольку принципы правового регулирования договоров, которые заложены в гражданском законодательстве, действуют не сами по себе, а через соответствующую юридическую норму и/или через акт правоприменения. Системное же толкование отдельных положений ГК Украины (в частности ст. 6) в контексте всего Кодекса дает основания утверждать, что провозглашенная в Гражданском кодексе свобода договора в значительной степени является данью цивилистической традиции, основанной западноевропейским законодателем в начале XIX в., поскольку в тексте ГК Украины содержится целый ряд императивных ограничений этой свободы (ст.ст. 203, 215, 628, 633, 634 и т.д.). Учитывая это, принцип свободы договора, установленный Гражданским кодексом Украины, не может быть абсолютизированной [8, с. 66]. Это подтверждается также и судебной практикой. Так, судебной палатой по гражданским делам Верховного суда Украины было вынесено Постановление по делу по заявлению Лица_1 о пересмотре Верховным Судом Украины постановления Высшего специализированного суда Украины по рассмотрению гражданских и уголовных дел от 9 апреля 2012 года по делу по иску общества с ограниченной ответственностью «Ковальская–Жилсервис» к ЛИЦУ_1 об обязательстве заключить договор о предоставлении услуг по содержанию дома и придомовой территории [11]. В тексте Постановления суд отмечает, что закрепив принцип свободы договора, ГК Украины вместе с тем определил, что свобода договора не является безграничной, поскольку в соответствии с абз. 2 ч. 3 ст. 6 и ст. 627 этого Кодекса при заключении договора, выборе контрагентов, определении условий договора стороны не могут действовать вопреки положениям этого Кодекса и других актов гражданского законодательства. В связи с этим, поскольку п. 1 ч. 3 ст. 20 Закона Украины «О жилищно-коммунальных услугах» предусмотрена обязанность потребителя заключить договор на предоставление жилищно-коммунальных услуг, подготовленный исполнителем на основе типового договора, заключение договора на предоставление жилищно-коммунальных услуг является обязанностью потребителя при условии, что предложенный исполнителем услуг договор соответствует типовому договору.

Соответствующее судебное решение демонстрирует, что, в частности, принцип заключения договора по свободному усмотрению может быть ограничен. Также в

данном случае ограничивается возможность выбора контрагента и свободного определения условий договора, так как договор является типовым, а предоставление жилищно-коммунальных услуг своеобразным монополизированным рынком. Аналогичным примером обязанности заключить договор и ограничения свободы договора является публичный договор (ст. 633 ГК Украины).

Таким образом, проанализировано, что границы принципа свободы договора – это исключение из общего начала гражданских правоотношений, предполагающее заключение договора без свободного усмотрения, выбора контрагента и определения сторонами условий договора в виду императивных ограничений законодательства, связанных с обязательностью заключения договора.

Результаты исследования могут быть использованы в дальнейших научных изысканиях вопроса относительно принципа свободы договора и его законодательных границах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Донецкой Народной Республики от 14 мая 2014 года [Электронный ресурс]. – Официальный сайт Донецкой Народной Республики. – Режим доступа: <http://dnr-online.ru/konstituciya-dnr/> (дата обращения: 05.02.2018).
2. Цивільний кодекс України: Закон України від 16.01.2003 р. // Офіційний вісник України. – 2003. – № 11. – Ст. 461.
3. Хорькова К.А. Принцип свободы договора // Российское правоведение: Трибуна молодого ученого: Сборник статей. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. – Вып. 14. – С. 98-99.
4. Сергачева О.А. Воплощение принципа свободы договора (договорной автономии) и его ограничения в итальянском гражданском праве // Гражданское право. – 2016. – № 2. – С. 37-39
5. Ершов Ю.Л. Принцип свободы договора и его реализация в гражданском праве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – Екатеринбург, 2001. – 170 с.
6. Цюкало Ю.В. Щодо розуміння свободи договору: теоретико-прикладний аспект // Часопис Київського університету права. – 2013. – №1. – С. 209-211.
7. Немченко С.С. Принцип свободи договору – головний принцип договірних відносин у цивільному праві // Проблеми цивільного та господарського права. – 2014. – №3. – С. 101-103.
8. Беляневич О.А. Принцип свободи договору за цивільним та господарськими кодексами України // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. – 2010. – №60-62. – С. 64-67.
9. Ромовська З. Проблеми загальної теорії у проекті ЦК України. Кодифікація приватного (цивільного) права України / За ред. А. Довгерта. – К.: Укр. центр правн. студій, 2000. – 212 с.
10. Гуйван П. Стандартний договір и его место в регулюванні договірних відносин // Підприємництво, господарство і право. – 2013. – №9. – С. 10-14.
11. Постанова Верховного суду України від 10.10. 2012 по справі №6-110цс12 про перегляд Верховним Судом України ухвали Вищого спеціалізованого суду України з розгляду цивільних і кримінальних справ від 9 квітня 2012 року у справі за позовом товариства з обмеженою відповідальністю «Ковальська-Житлосервіс» до ОСОБА_1 про зобов'язання укласти договір про надання послуг з утримання будинку та прибудинкової території [Електронний ресурс]. – Верховний суд України. Інформаційний сервер. – Режим доступа: <http://www.scourt.gov.ua/clients/vs.nsf/0/2BB6BCAB970C66EDC2257A9500461236?opendocument> (дата обращения: 05.02.2018).

ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА ОЧНОЙ СТАВКИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Резюме. В данной статье исследуются процессуальные проблемы очной ставки, рассматриваются принципы проведения очной ставки, поднимаются вопросы целесообразности и возможность вызова для ее производства определенных лиц. Также возможность заявлять ходатайство о проведении очной ставки различными субъектами уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: очная ставка, следователь, процесс, уголовно-процессуальный кодекс.

Очная ставка является весьма сложным следственным действием в связи со своей комплексностью. Из-за этого она остается в центре внимания ученых-криминалистов и процессуалистов, поскольку от качества проведения зависит раскрытие и расследование преступлений.

Одним из вопросов возникающий при анализе этого следственного действия и принятии решения о проведении очной ставки – это вопрос о праве участников уголовного процесса требовать от следователя ее проведения.

Международно-правовой принцип, имеющий приоритет перед внутренним законодательством, закрепляет право обвиняемого допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены (п. 3 «е» ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах). Из этого нередко делается вывод о праве обвиняемого на очную ставку со свидетелями обвинения, в которой следователь якобы не вправе ему отказать. Так, С. А. Шейфер, рассматривая данное положение, считает, что «подобное право по логике вещей должно принадлежать обвиняемому, защитнику и на предварительном расследовании, где закладывается «фундамент обвинения» [1, с. 140]. С подобным тезисом согласны также М. О. Баевы и О. Я. Баевы [2, с. 129].

Противоречивую позицию по данному вопросу занимает К. Б. Калиновский. С одной стороны, комментируя ст. 189 УПК РФ, он настаивает даже не на праве обвиняемого на очную ставку со свидетелем обвинения, а на праве присутствовать при допросе свидетеля и лично допрашивать его [3, с. 549], что представляется не корректным при проведении данного процессуального действия.

На наш взгляд, здесь налицо целых две ошибки – интерпретационная и логическая. Упомянутые международные правовые акты отнюдь не имеют в виду конкретно очную ставку, а требуют предоставлять обвиняемому право допрашивать свидетелей обвинения, что далеко не одно и то же. Кроме того, это право совсем не обязательно должно быть реализовано в ходе предварительного расследования, речь идет о том, что обвиняемый вообще имеет такое право, безотносительно к тому, на каком этапе судопроизводства оно может быть реализовано. Вместе с тем, вполне очевидно, что в ходе судебного следствия подсудимый имеет полное право лично и при помощи своего защитника допрашивать всех участников процесса, дающих против него показания, будь то свидетели, потерпевшие или другие подсудимые.

Гредягин И. В. справедливо отмечает, что «очная ставка – это не допрос подозреваемого другого участника очной ставки. Подозреваемый и обвиняемый вообще не имеют права проводить допросы» [4, с. 65–67]. Можно согласиться с Ю. П. Боруленковым, рассматривающим очную ставку в тактико-криминалистическом аспекте как действие тактически рискованное, зачастую чреватое нежелательным или непредсказуемым для следователя результатом, и делающим вывод, что решение о ее проведении – прерогатива следователя, а «отказ от проведения очной ставки абсолютно оправдан» [5, с. 135]. Следователь (дознатель) имеет полное право отказать

подозреваемому лицу в проведении очной ставки, если полагает, что она не приведет установлению обстоятельств, имеющих значение для дела (ч. 2 ст. 159 УПК РФ).

По сравнению со статьями 172–173 УПК действующий на территории Донецкой Народной Республики [11] (Далее УПК), который регламентирует порядок проведения очной ставки, ст. 192 УПК РФ содержит ряд новых моментов, однако кое-что, напротив, устранено, и правомерность этих изменений отнюдь не бесспорна.

Так, УПК допускал производство очной ставки только между двумя лицами, в настоящее время это ограничение не снято, хотя практическая возможность и целесообразность проведения очной ставки между тремя или даже четырьмя лицами весьма сомнительна.

В то же время ни проект УПК ДНР, ни УПК РФ не отвечают на вопросы о том, что такое существенные противоречия и кто определяет, насколько они существенны. В то же время в УПК используется более нейтральное понятие «противоречие» Е. Г. Мартынички справедливо отмечает, что существенность противоречий в показаниях допрошенных лиц определяется не только следователем, поскольку в состязательном уголовном судопроизводстве каждая из сторон вправе определять то, насколько существенны противоречия в показаниях допрошенных лиц [6, с. 15–21]. Существенными, по мнению Г.А. Печникова, следует признавать противоречия, касающиеся предмета доказывания, либо те, которые важны для оценки доказательств [7, с. 114].

В связи с этим, следует отметить что не любое различие (даже существенное) равносильно противоречию. Два свидетеля, видевшие событие с разных позиций, описывают его, как правило по-разному; однако их показания не противоречат, а дополняют друг друга, и на очной ставке следователь мог бы сопоставить их, обогатив тем самым свое понимание происшедшего и укрепив доказательственную базу. Иными словами, важно несовпадение, расхождение в описании характера и содержания исследуемых событий, причин и условий, восприятия и оценке информации [8, с. 159].

Особенный практический интерес представляет ситуация, когда один из участников очной ставки вообще отказался (или уклонился) от дачи показаний по какому-либо кругу вопросов. Можно ли считать, что налицо существенные противоречия между его «нулевыми» показаниями и «ненулевыми» показаниями второго участника? На практике подобная ситуация считается вполне подходящей для проведения очной ставки, поэтому, на наш взгляд, имеет смысл внести соответствующие изменения в законодательство дабы уточнить ситуацию.

Интересен вопрос о том, кто именно из участников процесса может быть привлечен к очной ставке. Очевидно, что требование, чтобы они были ранее допрошены, заведомо исключает лиц, обладающих свидетельским иммунитетом. Но можно ли привлечь к очной ставке лицо, закономерно воспользовавшееся своим правом на отказ от дачи показаний?

На наш взгляд, ответ на этот вопрос должен быть только положительным: в ходе очной ставки, услышав показания других лиц, это лицо вполне может изменить свое решение об отказе и все же согласиться дать показания. процессуальной литературе можно встретить утверждение о возможности очной ставки между экспертами. Так, с точки зрения А. В. Смирнова и К. Б. Калиновского, поскольку целью допросов экспертов может служить преодоление противоречий между их заключениями, то отсюда следует и возможность очной ставки между ними [9, с. 486].

Кроме того, в ходе такой очной ставки на стадии предварительного расследования эксперты оказались бы перед необходимостью оценивать чужое заключение, что выглядит нонсенсом. С. Ф. Шумилин справедливо указывает и на известную неопределенность правовых последствий проведения такой очной ставки. Даже если эксперты придут к общему выводу, это не отменит данные ими заключения, а составить новые заключения без проведения соответствующих исследований они не вправе [10, с. 284].

Мы считаем недопустимым привлечение к очной ставке эксперта и, вероятно, также и специалиста, поскольку и сам их допрос обладает заметными отличиями от допроса потерпевшего, свидетеля обвиняемого и других участниках процесса.

Из всего вышеизложенного мы приходим к выводам, и наши рекомендациям по улучшению уголовно-процессуального законодательства, которое разрабатывается непосредственно в данный момент в Донецкой Народной Республики.

Считаем в статье, что очная ставка может быть проведена и в случае когда один из участников отказался от дачи показаний по некоторым вопросам или отказался от дачи своих показаний вообще.

Также целесообразно дополнить проект УПК пунктом о невозможности участия в очной ставке специалиста и эксперта, однако следователь вправе привлекать вышеуказанных к участию в проведения данного следственного действия, как помощники. Необходимо одновременно регламентировать понятие «существенные различия» и его целесообразность в реалиях в уголовного процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шейфер С.А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. М., 2013.
2. Баев М.О., Баев О.Я. Злоупотребление правом в досудебном производстве по уголовным делам. М.: Проспект, 2014.
3. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к УПК РФ. 5-е изд., перераб. и доп. / под ред. А. В. Смирнова. М.: Проспект, 2009.
4. Гредягин И.В. Проблемы процессуальной самостоятельности и реализации властно-распорядительных полномочий дознавателя при подготовке и производстве очной ставки // Закон и право. 2011. N 4. С. 65-67.
5. Боруленков Ю.П. К вопросу об установлении истины в уголовном процессе // Библиотека криминалиста. 2013. N 3 (8).
6. Мартынич Е.Г. Очная ставка на досудебном производстве: процессуальные и криминалистические аспекты // Адвокатская практика. 2004. N 6. С. 15-21.
7. Печников Г.А. Проблемы истины на предварительном следствии. Волгоград, 2001.
8. Следственные действия. Криминалистические рекомендации / под ред. В.А. Образцова. М., 2001.
9. Комментарий к УПК РФ / под ред. А.В. Смирнова. СПб., 2003.
10. Шумилин С.Ф. Теоретические основы и прикладные проблемы механизма реализации полномочий следователя в уголовном судопроизводстве: дис. д-ра юрид. наук. Воронеж, 2010.
11. Постановление №9-1 от 02.06.2014г. «О применении Законов на территории ДНР в переходный период»

УДК 342.55

*Харахулах Е.С.
Научный руководитель: Ефремова А.В., к.ю.н., доцент*

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА И ПРАВОВОЙ СТАТУС ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖАЩЕГО КАК АДМИНИСТРАТИВНО- ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ

Резюме. В данной статье раскрыто понятие и сущность государственной службы, определен правовой статус государственного служащего. Разработаны научно-обоснованные рекомендации для совершенствования законодательства.

Ключевые слова: государственная служба, государственный служащий, правовой статус, государственный аппарат.

Современные экономические условия, существенные преобразования в общественных отношениях требуют повышения эффективности государственной

службы в интересах укрепления государства и развития общества. Исследуемая проблема актуальна, поскольку современное состояние системы государственной службы нуждается в существенных переменах и устранении недостатков. Проблемы в системе проявляются и как на законодательном уровне, так и в самой системе, структурно. Существуют недоработки, которые препятствуют нормальному развитию системы государственной службы. А значит, необходимо уделять особое внимание данным проблемам, выявлять их причины и разрабатывать методы по разрешению проблемных аспектов.

Целью настоящей статьи является комплексный анализ нормативных правовых актов, формирующих систему государственной службы, а также способствующих выявлению, разработке и законодательному закреплению общественных отношений в сфере развития системы государственной службы.

С правовых, юридических позиций современную государственную службу изучают Г. В. Атаманчук, И. Н. Барциц, В. Г. Вишняков, Б. Н. Габричидзе, А. А. Гришковец, Н. М. Казанцев, Т. Г. Калачева, Л. М. Колодкин, В. М. Манохин и др.

Точкой отсчета становления государственной службы в Донецкой Народной Республике (далее – ДНР) является принятие Закона «О системе государственной службы Донецкой Народной Республики» от 3 апреля 2015 года, в котором определяются правовые и организационные основы системы государственной службы Донецкой Народной Республики, в том числе системы управления государственной службой Донецкой Народной Республики [1].

Отсутствие единой научной концепции государственного управления обществом в переходный период существенно затрудняет развитие государственности на новых правовых принципах и формирование государственной службы, как важнейшего инструмента преобразований в соответствии с современным требованиями.

Существует множество мнений относительно понятия «государственная служба» в научном мире. Так, ряд учёных утверждают, что государственная служба – это сложная и постоянно развивающаяся система, многогранный и творческий процесс, в котором нет ведущих или второстепенных элементов, каждый из которых несет полную ответственность за качество и эффективность своей административно-исполнительной или законотворческой деятельности. Надежность, стабильность и эффективность власти определяется профессионализмом, компетентностью обеспечивающих ее структур, качеством организации и функционирования государственной службы.

Общество воспринимает государственную службу как механизм правильного исполнения закона, как средство «отыскания истины в деле исполнения поручения государства», – отмечает А. Ф. Кони, – поэтому общество ждет от государственных служащих грамотных и справедливых решений, а не мимолетного мнения, внушенного порывом чувства или предвзятым взглядом» [2, с. 78].

Необходимо согласиться с мнением, что государственная служба как специализированный институт призвана реализовывать, претворять в жизнь, властные полномочия государства. Именно механизм государственной службы играет ключевую роль в деятельности государственной власти. Специально подготовленные государственные служащие реализуют на практике функции государственного управления: от их профессионального мастерства, знаний, деловой этики, честности зависит эффективность государственного управления.

Закон ДНР «О системе государственной службы Донецкой Народной Республики» дает определение государственной службы как профессиональной служебной деятельности граждан ДНР по обеспечению исполнения полномочий ДНР; органов государственной власти ДНР, лиц, замещающих должности, устанавливаемые Конституцией ДНР, законами ДНР для непосредственного исполнения полномочий государственных органов.

Как справедливо отмечает профессор И. Д. Хутинаев, «не является государственной службой профессиональная деятельность на госпредприятиях, не имеющих властных функций. Таковой не является и работа во властных органах на должностях, не относящихся к государственным» [3, с. 201].

Статья 25 Конституции ДНР закрепляет публичные права граждан ДНР, которые в целом объединены в ч. 1 этой статьи институтом участия граждан в управлении делами государства. В ч. 4 этой статьи определено: «Граждане ДНР имеют равный доступ к государственной службе» [4].

Но стоит отметить, что не все формы участия граждан в осуществлении целей и функций государства можно отнести к государственной службе. В демократическом государстве государственный аппарат должен быть широко и тесно связан с обществом, воспринимать его социальный состав, интересы, настроение, взгляды, получать от общества доверие. В нем преобладают государственные должности политического характера. Посредством их исполнения формируется государственная политика, осуществляется законотворчество или иное нормоустановление. Для них устанавливается особый порядок замещения – выборы обществом (гражданами) или по его поручению представительными органами государственной власти. Главный выделяющий и определяющий признак государственной службы – ее привязанность к государственной должности.

Конституционное установление права народа на участие в управлении делами государства – традиционная для западной цивилизации норма права, опирающаяся на римскую традицию республики – «*Respublica est res populi*» (Республика является делом народа). Данная норма получила международное правовое закрепление в актах международного публичного права, Всеобщей декларации прав человека 1948 г. и Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г.

Государственная служба в актах международного публичного права и в Конституции регулируется в рамках института публичных прав граждан в составе института участия граждан в управлении государством наряду с входящими в него институтами избирательного права и воли народа как основы для власти правительства.

Государственная служба устанавливается международным правом еще не как институт, но как публичное право, т. е. право народа на участие в управлении делами государства наряду с другими публичными правами граждан – избирать и быть избранными, обеспечивать связь воли правительства с волей народа [5, с. 54]

В определении Б. М. Лазарева формулировка «служение государству» придает новые импульсы этому сложному явлению. И одновременно сохраняет, резервирует потенциал для расширения диапазона этой формулы [6, с. 216].

Смысл, назначение, цель, задачи и функции государственной службы, не сводятся только к служению одному государству, а предполагают более широкое толкование: служение гражданскому обществу; активное содействие развитию рыночных отношений и борьбе с монополизмом; обеспечение гарантий единства экономического пространства, свободному перемещению товаров, услуг и финансовых потоков, конкуренции.

Существенное значение имеет адекватное, четкое и достаточно полное определение феномена «государственная служба», что предлагает раскрытие сущности государственной службы как определенного явления, воспроизводящего в себе предназначение государства как гаранта суверенитета, целостности и безопасности страны, а также обеспечивающего эффективное управление общественными процессами.

Таким образом, государственная служба – важнейший элемент государственного аппарата – и административно-правовой институт, создаваемый в интересах государства; является олицетворением государства, служит государству и обществу, подконтрольна народу.

Говоря о государственной службе, необходимо рассмотреть такое понятие как «государственный служащий» и определить правовой статус государственного служащего. Согласно Закона ДНР «О системе государственной службы Донецкой Народной Республики» государственный служащий – это гражданин, осуществляющий профессиональную служебную деятельность на должности государственной службы и получающий денежное содержание (вознаграждение, довольствие) за счет средств государственного бюджета.

В научной литературе данное понятие трактуется в широком и узком смысле. В широком смысле государственным служащим признается лицо, которое занимает в порядке, установленном правовыми актами, должность в государственной организации: государственном органе, на предприятии, в учреждении, иной организации. А в узком смысле – гражданин, занимающий в порядке, установленном правовыми актами, должность в государственном органе. При этом под должностью понимается штатная единица государственной организации, которой соответствует служебное положение лица, замещающего ее.

Правовой статус – комплексная характеристика правового положения государственного служащего как субъекта права. Он характеризуется наличием многочисленных параметров и показателей, проявляющихся в связи с замещением государственной должности, выполнением или профессиональным обеспечением полномочий государственного органа. Государственный служащий является лицом, органически интегрированным в систему государственно-служебных отношений, урегулированных публичным правом, нормами конституционного, административного, трудового и иных отраслей права.

В настоящее время вопрос о статусе государственного служащего в соответствии с принципами открытого демократического, правового государства пока не решен. По сути дела проведено лишь «развертывание статуса наемного работника в государственных органах, регулируемого трудовым законодательством, в статус государственного служащего» [7, с. 20].

Исходным пунктом характеристики правового статуса государственного служащего является статус гражданина ДНР, который органически включает в себя:

- а) конституционный статус гражданина;
- б) статус работника в соответствии с нормами трудового законодательства;
- в) административно-правовой статус в соответствии с нормами Закона ДНР «О системе государственной службы Донецкой Народной Республики».

Тем самым статус государственного служащего представляется как трехмерное пространство человека, гражданина и должностного лица, реализующего государственную власть как общественный интерес, оформленный правом.

Важнейшим по значимости признаком, отражающим правовой статус государственного служащего, является занимаемая им государственная должность, определяющая место и роль работника в государственно-служебной иерархии, содержание, возможности и объем его участия в работе того или иного государственного органа [7, с. 24].

Необходимо отметить, что правовой статус различных категорий государственных служащих в наибольшей мере определяется правами и обязанностями, характером служебных полномочий, спецификой юридической (административной, материальной, уголовной) ответственности перед государством и обществом.

Существенной составляющей правового статуса являются законодательно установленные ограничения по должности в связи с прохождением государственной службы – совокупность политических, экономических и организационно-управленческих факторов-запретов, очерчивающих пределы дозволенного в служебной деятельности и повседневном поведении госслужащего. Ограничения устанавливают

границы, выхода за которые либо государство однозначно запрещает, либо не одобряет и не поощряет. Именно ограничения по должности, а не только права и обязанности, подчеркивают своеобразие статуса государственных служащих [8, с. 23].

Органической составной частью социально-правового статуса госслужащего является его «включение» в систему морального и материального поощрения. Это осуществляемая в установленном порядке специальная деятельность государственных органов и должностных лиц, выражающаяся в применении к госслужащему мер морального и материального стимулирования. Его основаниями являются признание заслуг государственного служащего, успешное и добросовестное в течение более или менее продолжительного времени исполнение им своих должностных обязанностей, а также выполнение заданий особой важности и сложности.

Следует заметить, что, несмотря на демократическую ориентированность принципов построения государственной службы как института политической системы, фактическая реализация натывается на препятствия. В системе государственной службы в настоящее время прослеживаются определенные недостатки, требующие радикального решения. Одним из них является недостаточность высокого профессионализма управленческого и технологического процесса, укомплектованности всех участков трудовой деятельности квалифицированными, активно действующими, добросовестными работниками.

Как показывает практика, невысокий уровень материального обеспечения государственных гражданских служащих является одним из главных сдерживающих факторов для привлечения на государственную гражданскую службу высокопрофессиональных и квалифицированных специалистов. Соответствующая тенденция может быть устранена при сокращении численности государственных служащих с одновременным увеличением их денежного содержания [9, с. 179].

В нынешних экономических условиях для реализации данного направления может быть использован механизм проведения внеочередной аттестации государственных гражданских служащих по аналогии с использованием этого механизма при реформировании системы органов внутренних дел в Российской Федерации и создании полиции.

Для совершенствования системы государственной службы важно идти по следующим направлениям. Необходимо формирование детализированной системы квалификационных требований к претендентам на замещение должностей государственной службы и государственным служащим, ориентированной на эффективное осуществление функций государственных органов, предусматривающее решение соответствующих задач. Также важно повысить качество отбора граждан, претендующих на замещение должностей государственной службы. И одним из направлений должно быть повышение престижа государственной службы, совершенствование системы мотивации государственных служащих.

Прочный правовой статус государственного служащего – важнейший фактор высокой эффективности и авторитета государственной службы. Он является производным от самой государственной службы как правового института.

Таким образом, подводя итог, нужно отметить, что государственная служба как правовой институт должна обеспечить стабильное управление; она может играть определённую роль в стабилизации социально-политической жизни, разрешении политических конфликтов, уравнивании действий различных политических сил.

Нужно особо подчеркнуть, что Донецкой Народной Республике необходимо сильное государство, способное обеспечить в обществе, с одной стороны, свободу, многообразие взглядов и политических сил, широкое самоуправление, а с другой – общественный порядок, безопасность, надлежащую кооперацию труда, правовое урегулирование общественных связей, соблюдение законов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Закон Донецкой Народной Республики «О системе государственной службы Донецкой Народной Республики» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dnrsovet.su/zakon-dnr-o-gos-sluzhbe/> – Название с экрана.
2. Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе (Общие черты судебной этики): под ред. В.Г.Базанова. – Тула: Автограф, 2000. – 143 с.
3. Хутинаев И.Д. Институционализация системы государственной власти в Российской Федерации. Монография / И.Д. Хутинаев. – М.:Наука, 2005. – 357 с.
4. Конституция Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/konstitutsiya/> – Название с экрана.
5. Эскиев М.А. Понятие и сущность государственной службы как административно-правового института / М.А. Эскиев // Вопросы экономики и управления. – 2016. – №5. – С. 54-57.
6. Основы права: учебник: под ред. Лазарев Б.М. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮРИСТЪ, 2000. – 305 с.
7. Охотский Е.В. Правовой статус государственного служащего Российской Федерации / Е.В.Охотский // Государство и право. – 2003. – №9. – С.17-26.
8. Козбаненко В.А. Правовое обеспечение статуса государственных и муниципальных служащих: общее и особенное / В.А.Козбаненко // Государство и право. – 2013. – №1. – С.13-24.
9. Карелина А.В. Проблемы подготовки кадров государственных служащих в условиях проведения административной реформы: региональный аспект / А.В.Карелина // Социология власти. – 2009. – №2. – С.178-184.

УДК 343.711.5

Харлампиева А.А.
Научный руководитель: Тютюнник Т.В., к.ю.н., доцент

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КРАЖ ИЗ ПОМЕЩЕНИЙ

Резюме. В данной статье исследуется кража из помещений, определяется субъект, субъективная сторона, объект, объективная сторона и предмет кражи. Также рассматривается понятие «незаконное проникновение» в процессе кражи и определяются методы раскрытия краж из помещений.

Ключевые слова: кража, незаконное проникновение, квалификация, субъект, субъективная сторона, объект, объективная сторона, предмет, осмотр, допрос, изъятие.

В статье 28 Конституции Донецкой Народной Республики [1] закреплено право гражданина на частную (личную) собственность. Это право является одним из множества важнейших прав, гарантирующих статус гражданина Донецкой Народной Республики.

Общеизвестным фактом является то, что имущественные преступления, то есть преступления, совершенные в отношении частной собственности, являются наиболее распространенным видом преступлений. Особенно это актуально в крупных городах, где число такого рода преступлений ежегодно растет.

На современном этапе эффективность решения проблемы в сфере защиты имущественных интересов отдельного гражданина продолжает оставаться достаточно значимой, так как затрагивает интересы общества в целом.

В настоящее время кража является самым распространенным преступлением в Донецкой Народной Республике. Совершаемые преступления в виде кражи тесно связаны с состоянием общества в нашей республике. Предпосылками к краже могут быть:

- низкий уровень экономики, который является причиной совершения краж среди физических лиц;
- деформированное правосознание совершающего кражу лица;

Кража представляет опасность и может нанести значительный ущерб как физическим, так и юридическим лицам. По уголовному законодательству Донецкой Народной Республики (ст. 164 УК ДНР) под кражей понимается тайное хищение чужого имущества [2].

Раскладывая это понятие на две составные части, следует отметить, что тайность (как способ совершения хищения) имеет место в случаях, когда изъятие чужого имущества происходит в отсутствие собственника (владельца), или виновный считает свои действия незаметными для окружающих, а под хищением имеются ввиду совершенные с корыстной целью противоправные действия (безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества).

Сущностное содержание кражи как объективно, так и субъективно заключается в том, что виновный стремится избежать какого-то ни было контакта с лицами (то есть, как уже было сказано выше, происходит тайное завладение имуществом), в собственности или под охраной которых находится похищаемое имущество, или с посторонними лицами, которые, обнаружив факт хищения, могли бы как-то воспрепятствовать ему, оказав противодействие, или способны были бы как очевидцы изобличить преступника.

Тайность хищения можно определить в следующих ситуациях:

- если о совершении хищения не было известно собственнику имущества или третьим лицам (например, товарные излишки, которые еще не были выявлены в процессе инвентаризации);

- если хищение совершалось в присутствии только тех лиц, от которых преступник не ожидал противодействия (его родственники или знакомые);

- если присутствовавшие при совершении хищения лица не осознавали противоправности совершаемых действий (например, хищение картины из музея в присутствии посетителей под видом её изъятия для реставрации).

Теоретически и практически предотвращение краж и их раскрываемость напрямую зависит от профессиональных навыков следователя, развитости научно-технической базы, с помощью которой было бы удобно своевременно и эффективно получать необходимую для следствия информацию, координации действий между «звеньями»-подразделениями органов Министерства внутренних дел (например, между уголовным розыском, уполномоченными участковыми, дознанием, отделом оперативно-розыскной работы).

Самой неблагоприятной кражей мы считаем ту кражу, которая совершается в помещении, так как в результате могут возникнуть разные последствия, которые в дальнейшем можно переклассифицировать в разбой или грабеж.

Согласно разъяснению Пленума Верховного Суда РФ, под незаконным проникновением в жилище, помещение, или иное хранилище следует понимать «противоправное тайное или открытое в них вторжение с целью совершения кражи.

Понятие «незаконное проникновение» характеризует только способ подхода к чужому имуществу, поэтому способ проникновения не играет решающей роли в разграничении составов кражи, грабежа и разбоя. Проникновение в жилище может быть как тайным, так и открытым. Для правильной квалификации, важно установить каким (тайным или открытым) было хищение чужого имущества.

Квалификация проникновения напрямую зависит, от способа ее осуществления. Мы считаем, что под проникновением должно считаться вхождение субъекта путем обмана в чужое жилое помещение. Обманом может быть использование поддельных документов и сведений о роде своей работы (охранник, сантехник и др.)

Под кражей в помещении понимается тайное хищение помимо воли собственника и без причинения вреда последнему. Кража содержит материальный состав

преступления. Согласно ст. 164 УК ДНР, кража как преступление считается оконченной после незаконного проникновения в чужое владение с последующим завладением имущества. После совершения кражи лицо, совершившее данное преступление, может по своему усмотрению либо пользоваться чужим имуществом, либо распоряжаться им (также по своему усмотрению)

Кража, как и любое другое преступление в Особенной части УК ДНР, имеет свой объект, объективную сторону, субъект, субъективную сторону.

Объектом кражи являются действия, направленные на проникновение в чужую собственность с последующим тайным завладением чужим имуществом. Кража отличается от смежных преступлений способом совершения преступного деяния.

Объективная сторона кражи – действия лица, совершившего преступление, направленные на изъятие чужого имущества и обращение его в свою пользу или пользу третьих лиц. Объективная сторона выражается в действиях, посредством которых лицо тайно проникает в чужое жилище и похищает чужое имущество. Своеобразие кражи, отличающее ее от присвоения, растраты и других форм хищения, состоит в способе ее совершения. При совершении хищения путем кражи с проникновением в чужое жилище виновный не наделен никакими правомочиями в отношении имущества, он противоправно и безвозмездно изымает его помимо воли собственника из чужого помещения. Изъятие имущества лицом, не обладающим правомочиями по распоряжению, управлению, доставке или хранению этого имущества, должно квалифицироваться как кража, даже если виновный имел к нему доступ в связи с порученной работой.

Субъектом кражи является вменяемое физическое лицо, которое на момент совершения преступления достигло 14-летнего возраста.

Начиная с 2014 г. уровень жизни граждан Донецкой Народной Республики значительно снизился. Из-за снижения жизненного уровня, безработицы, отсутствия средств, необходимых для обеспечения защиты объектов от преступных посягательств, слабости социальной защищенности и других факторов возросла доля неимущих, потенциально готовых к совершению преступных посягательств на собственность. Можно сделать вывод о том, что в военное время в период интенсивных боевых действий кражи совершаются в значительно большей степени, чем в «мирное время» или более спокойное.

Субъектами кражи могут быть:

- исполнители;
- пособники.

Исполнитель – лицо, совершаемое противоправное деяние, содержащее признаки объективной стороны. Исполнителями могут быть лица, совершающие преступление посредством использования других лиц, которые проникают в чужую собственность и совершают кражу [3]. Сюда же относятся и лица, которые не подлежат уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости и других обстоятельств, предусмотренных УК ДНР. Исполнителем признается лицо, которое занималось взломом двери, и лицо, которое собственно и совершило кражу.

Пособник – лицо, содействующее совершению преступления, которое оказывает помощь иным лицам, участвующим в краже, но одновременно с тем осознает, к каким последствиям могут привести его действия. Пособничество делится на:

– интеллектуальное (выражается в даче советов, указаний, предоставлении информации в отношении совершения преступления). Может осуществляться путем действия;

– физическое (выражается в предоставлении необходимого оборудования для совершения преступления, а также в устранении препятствий). Может осуществляться путем действия или бездействия [4].

Субъективная сторона кражи характеризуется: а) прямым умыслом, б) корыстной целью. Под прямым умыслом подразумевается осознание лицом, совершающим преступление, того, что он тайно и незаконно проникает в чужое владение и при этом совершает кражу в отношении имущества, на которое у виновного лица нет никаких прав.

Методика расследования краж из помещений состоит из таких основных этапов:

1. Осмотр места происшествия. Расследование кражи начинается с осмотра места происшествия. Чтобы расследование было эффективным и успешным, осмотр места происшествия должен осуществляться следственно-оперативной группой, в которую будут входить: оперативные работники уголовного розыска, специалист криминалист, кинолог со служебной розыскной собакой, участковый инспектор.

При осмотре места происшествия требуется установить, каким образом преступник проник в помещение. Также детально исследуются двери, форточки и те места, где лежали украденные вещи, где могут остаться отпечатки пальцев и средства, при помощи которых осуществлялся взлом. Также логично провести осмотр и по прилегающим к месту происшествия периметрам местности.

2. Опрос потерпевших и свидетелей. По прибытию на место происшествия необходимо логически и последовательно выяснить: а) кто первым обнаружил кражу; б) какие изменения произошли в обстановке; в) видел ли кто-нибудь преступников или подозрительных лиц.

Получив информацию об обстановке на месте происшествия, следователь выясняет следующие вопросы: каким образом преступник проник в помещение; каких предметов он касался; в каком направлении он скрылся и мог ли он скрыться незамеченным; какие следы оставлены на месте происшествия и что преступник мог унести с собой или на своей одежде.

При опросе потерпевших следователь задает следующие вопросы, и устанавливает: как и при каких обстоятельствах этим лицам стало известно о краже; когда допрашиваемый видел вещи в последний раз и когда обнаружил их исчезновение. Устанавливается цена похищенного имущества.

3. Изъятие вещественных доказательств. Под изъятием вещественных доказательств мы понимаем способы и методы, при помощи которых будут найдены доказательства и путем установленных нормативными документами правил будет произведено поэтапное изъятие вещественных доказательств, с помощью которых можно будет идентифицировать лицо, совершившее преступление.

Итак, как уже было сказано выше, кража в Донецкой Народной Республике является самым распространенным видом преступления по УК ДНР. Военное время характеризуется снижением экономического уровня жизни в Республике, что приводит к обнищанию граждан, и является предпосылкой для совершения преступлений в виде кражи с проникновением в чужую собственность.

Кража имеет свои специфические особенности, выражаемые через субъект, субъективную сторону, объект, объективную сторону.

Кражу из помещений стоит расследовать поэтапно, а именно: провести осмотр места происшествия, опросить потерпевшего и свидетелей, изъять вещественные доказательства, которые в дальнейшем помогут идентифицировать лицо, совершившее преступление. Раскрываемость такого рода преступлений зависит от действий следователя и в общем всей следственно-оперативной группы на первоначальном этапе расследования, четких постановок задач следственно-оперативной группе, слаженности и согласованности действий всех сотрудников, осуществляющих расследование, выбора наиболее оптимальных направлений поиска преступников, обнаружения мест хранения похищенного, установления каналов сбыта краденых предметов. Все вышеперечисленное зависит от знания следователем криминалистической характеристики преступлений,

разумного использования информации, которая содержится в информационно-поисковых системах, обслуживающих органы внутренних дел.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Донецкой Народной Республики, принята Народным Советом Донецкой Народной Республики 14.05.2014 г. / Официальный сайт Народного Совета Донецкой народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/konstitutsiya/>
2. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики с изменениями, внесенными Законом от 23.09.2014 № 35-1/1 (утвержден постановлением Верховного Совета Донецкой Народной Республики № ВС 28-1 от 19.08.2014) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty-soveta-ministrov/>
3. Криминология: практикум: учебное пособие / С. М. Иншаков и др. – М.: Юнити-Дана, 2015. – 367 с.
4. Криминология: учебник / В. И. Авдийский и др. – Москва: Юрайт, 2015. – 351 с.

УДК 34.01

Хисамутдинов И.Р.

Научный руководитель: Матвиенко Е.А., к.ю.н., доцент

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ И ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ГРАЖДАН

Резюме. Статья посвящена проблеме правового воспитания как средству борьбы с правовым нигилизмом и роли правового воспитания в формировании правосознания и правовой культуры граждан. Рассмотрены формы правового воспитания, такие как правовое образование (обучение), правовая агитация, правовая пропаганда, правовое самовоспитание (самообразование).

Ключевые слова: правовое воспитание, правовой нигилизм, правовое образование, правовая агитация, правовая пропаганда, правовое самовоспитание (самообразование).

В современном обществе правовое воспитание приобретает все большее значение, так как от него в прямой зависимости находится претворение в жизнь идея построения правового государства, а построение и функционирование такого государства невозможно без правового воспитания его общества.

Актуальность проблемы правового воспитания на сегодняшний день, вызвана тем, что сегодня она является одной из актуальных задач в построении правового и демократического государства. Она направлена на формирование в сознании членов общества демократических, правовых и моральных ценностей, устойчивых убеждений в необходимости и справедливости норм права. Правовое воспитание выступает основным средством формирования и повышения уровня правового сознания и правовой культуры граждан, инструментом духовного воспитания личности. От того, как будет осуществляться правовое воспитание граждан нашей Республики, зависит, станет ли Донецкая Народная Республика действительно правовым государством.

Правовое воспитание – это процесс формирования правового сознания и правовой культуры личности, позволяющих человеку ощущать себя юридически дееспособным.

Показателем прогресса любых общественных преобразований является совокупность развития духовной жизни государства, рост культуры общества в целом и его граждан. Никакие материальные блага не могут компенсировать духовного обнищания, уровень «накопления и приумножения» этих благ зависит от уровня культурного развития всех членов общества [1, с. 14].

В научной литературе существует такое понятие как «полная культура», под которой понимается культура целостная, недеформированная, способная формировать

полноценную личность [2, с. 147]. Ее важность на современном этапе становления и развития государственности в Донецкой Народной Республике вызвана, прежде всего, необходимостью преодоления правового нигилизма, а это, в свою очередь, требует повышение уровня правовой культуры общества в целом и каждого его члена в отдельности.

Правовая и общая культура находятся в тесной взаимосвязи. Первая является составной частью общей культуры и вытекающая из нее. Без высокого уровня общей культуры, основой которой являются моральные и общечеловеческие ценности общества невозможно существование высокой правовой культуры и, как следствие, невозможность развития демократических и правовых основ в государстве.

Рассматривая взаимосвязь и взаимодействие права и культуры, В. И. Акуленко указывает на то, что право занимает существенное место в общей культуре общества, является его социальной ценностью и относится к категориям духовной культуры. Именно правом обусловлено понятие правовой культуры, как явления идеологического характера. Право формирует общественное, политическое и правовое сознание личности, прежде всего молодежи. Этим оно способствует развитию общей культуры нации в демократическом и гуманистическом направлениях, утверждения в сознании людей необходимости уважения и защиты социальной справедливости, прав и свобод человека. Вместе с тем именно в законах и других нормативных актах осуществляется закрепление правовых взглядов и духовных ценностей, общей культуры общества [3, с. 442].

В разные периоды времени проблема правового воспитания населения, его связи с правовой культурой и правосознанием, изучалась такими учеными, как В. В. Альхименком, В. Д. Бабкиным, Л. Е. Балиной, А. Д. Бойковой, В. В. Бородиной, А. Ф. Гидой, В. И. Гойманом, В. В. Головченко, С. Д. Гусаревым, К. Ф. Загоруйко, В. П. Зениной, Д. А. Керимовым, А. Б. Козловским, В. В. Копейчиковым, В. А. Котюком, С. М. Легушей, А. А. Лукашем, Д. Марковой, А. В. Мицкевичем, В. М. Обуховым, И. Ф. Рябко, В. П. Сальниковым, А. Ф. Скакун, В. М. Скобелкиной, А. В. Татаринцевым, В. И. Темченко, А. Д. Тихомировым, В. В. Тищенко, В. Т. Томиной, М. И. Штангрет и другими.

В условиях необходимости преодоления явлений правового нигилизма растет необходимость повышения уровня положительной социально-правовой активности граждан, поскольку именно она проявляется в понимании и осознанном отношении к собственным правам и обязанностям, а также добровольности выполнения предписаний закона.

Вместе с этим, правовая активность может быть как эпизодической (действия гражданина по задержанию подозреваемого в совершении преступления), так и постоянной (выполнение функций народного заседателя) [4, с. 472], поэтому при осуществлении правового воспитания следует подчеркивать роль и значение активной правовой позиции и поведения каждого гражданина в любых жизненных ситуациях.

Формирование правовой культуры тесно связано с воспитанием политической культуры, которая включает знания о типах государств, избирательную систему, политические организации и тому подобное. Политическая образованность реализуется через умение отстаивать собственные политические интересы, а также в уважении и толерантном отношении к политическим взглядам, мнениям других людей. Кроме того, формирование политической образованности включает выработку негативного отношения к любым формам насилия: национализма, шовинизма, фашизма, расизма, ксенофобии, что является весьма важным фактором в формировании правового сознания и правовой культуры любого лица.

На повышение уровня правосознания и правовой культуры граждан непосредственным образом влияет надлежащий уровень правового воспитания. Последнее в юридической литературе рассматривают в широком и узком смыслах. В первом случае

под правовым воспитанием понимается влияние всех правовых факторов общественной жизни, включая и правовую систему на формирование у индивидов и коллективов людей определенных правовых качеств, соответствующих достигнутому в обществе уровню правового сознания и правовой культуры. В узком смысле правовое воспитание – целенаправленное, повседневное, систематическое воздействие юридической теории и практики на сознание людей для воспитания в них соответствующего уровня правового сознания, культуры и образцового поведения [5, с. 119].

Учитывая необходимость преодоления массового правового нигилизма и других проявлений деформации правосознания, которые в значительной степени препятствуют развитию правового государства, на наш взгляд, именно правовоспитательное влияние на население едва ли не единственным средством, с помощью которого государство в лице уполномоченных органов способно влиять на формирование правосознания и правовой культуры граждан.

Целью правового воспитания является, безусловно, преодоление различных проявлений деформации правосознания и повышения уровня правовой культуры граждан. Вместе с тем, можно выделить несколько задач, достижение которых будет способствовать наиболее эффективному осуществлению правовоспитательного процесса:

1) гносеологические (от англ. Gnoseological) – направлены на овладение лицом необходимым минимумом правовых знаний из разных областей права;

2) эмоциональные (от англ. Emotional) – направлены на осознание особой ценности права в жизни любого государства, воспитание уважения к праву, чтобы требования последнего стали личным убеждением каждого;

3) бихевиористические (от англ. Behavioural) – направлены на формирование позитивного социально-активного поведения граждан; выработки привычки руководствоваться нормами закона в повседневной жизни, а также привитие навыков правомерного поведения.

В процессе осуществления правовоспитательного процесса для достижения определенных задач необходимо применять эффективные формы правового воспитания. Таких форм насчитывают более 20, но среди них выделяют основные: правовое образование (обучение), правовая агитация, правовая пропаганда, правовое самовоспитание (самообразование).

Рассматривая правовое воспитание как основное средство, направленное на повышение правосознания и правовой культуры граждан, считаем необходимым акцентировать внимание на том, что они должны осуществляться среди всех слоев населения, а не только тех, которые учатся.

Учитывая важное значение правового образования в жизни каждого гражданина и государства, следует обратить внимание на то, что получение правовых знаний гражданами только через учебные заведения оставляет без внимания значительную часть населения, то есть лиц, которые уже не учатся. Как следствие, на сегодняшний день правовая образованность взрослого населения находится на крайне низком уровне. Об этом свидетельствует, например, то, что граждане не знают, к каким государственным органам или должностным лицам им следует обращаться за защитой своих нарушенных прав и тому подобное.

Так, например, не вызывает сомнений то, что наиболее надежным и действенным видом защиты нарушенных прав является судебная защита, однако в некоторых случаях более целесообразным является решение проблемы путем направления соответствующего письменного обращения непосредственно к нарушителю или к конкретным государственным органам, которые призваны защищать права граждан в той или иной сфере. Обычно происходит так, что граждане просто не знают, в какой орган обратиться, или обращаются в орган, к компетенции которого относится рассмотрение данного вопроса, поэтому не получают желаемого результата.

Решить указанные проблемы, на наш взгляд, можно с помощью такой формы правового воспитания, как правовая пропаганда, под которой понимается целенаправленная деятельность по формированию у членов общества высокого уровня правосознания и правовой культуры, разъяснение правовой политики и распространение правовых знаний, идей, другой правовой информации с помощью средств массовой информации и других форм доведения правовой информации до широкой общественности [6]. При осуществлении правовой пропаганды, несомненно, важное значение имеет распространение и популяризация правовой информации. Правовая осведомленность и информированность населения является необходимым условием формирования высокого уровня правосознания и правовой культуры.

Похожей, но не тождественной предыдущей форме правового воспитания, является правовая агитация, которая заключается в правовом воздействии на правосознание и настроения членов общества через коллективные и индивидуальные собеседования, выступления на митингах, собраниях с помощью прессы, телевидения и т.д. [6].

Несмотря на то, что, как правило, правовая пропаганда и правовая агитация направлены на широкую аудиторию, эти формы правового воспитания можно считать методами массово-информационного воздействия на население, которые непосредственно влияют на формирование правовой культуры.

Особое место в реализации этих форм правового воспитания, на наш взгляд, принадлежит правоохранительным органам. Так, например, несмотря на то, что правовая пропаганда и «правовая агитация может быть адресована ко всему населению, отдельных групп, коллективов и даже быть индивидуальной» [7, с. 42], ее можно применять в целях профилактики такого опасного формы проявления правового нигилизма, как преступность. Как известно, в соответствии с п. 8 ст. 12 Закона Донецкой Народной Республики «О полиции» на полицию возлагается обязанность «выявлять причины преступлений и административных правонарушений и условия, способствующие их совершению, принимать в пределах своих полномочий меры по их устранению; выявлять лиц, имеющих намерение совершить преступление, и проводить с ними индивидуальную профилактическую работу; участвовать в профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних; участвовать в пропаганде правовых знаний» [8].

В условиях массового правового нигилизма, криминализации общества особое значение приобретает как общая, так и индивидуальная профилактика преступности. Первая направлена на осуществление правовой пропаганды среди населения с целью целенаправленной реализации мероприятий общепрофилактичного воздействия на население путем популяризации правомерного поведения и формирования необходимости положительной социально-правовой активности граждан.

Не менее важное значение в снижении преступности, как одной из самых опасных форм проявления правового нигилизма, имеет индивидуальная профилактика, которая представляет собой целенаправленное воздействие на сознание лиц с антиобщественной направленностью с целью устранения негативных проявлений противоправного поведения и формирование чувства необходимости активного законопослушного поведения.

Таким образом, от эффективности проведения профилактических мероприятий в определенной степени зависит то, насколько граждане в дальнейшем будут действовать в рамках закона. Учитывая изложенное, общую и индивидуальную профилактику преступности можно рассматривать как непосредственный фактор формирования и повышения уровня правосознания и правовой культуры, а, следовательно, как средство преодоления правового нигилизма.

Среди всех форм правового воспитания особое место занимает правовое самовоспитание (самообразование), под которым понимается самостоятельная,

целенаправленная, систематическая деятельность лица с целью овладения ним правовыми знаниями, удовлетворение познавательных потребностей и интересов, всестороннее развитие личности.

Правовое самообразование можно рассматривать не только как специфический вид деятельности информационно-обеспечительного характера, который способствует саморазвитию и самовоспитанию личности, но и как средство повышения правового сознания граждан. Именно поэтому одним из основных направлений работы субъектов правовоспитательного процесса должна стать направленность участников такого процесса к самообразованию по правовым вопросам. Ведь от эффективности правового самовоспитания зависит не только уровень правовой культуры отдельной личности, но и перспективы развития общества в правовом направлении.

Таким образом, рассматривая правовоспитательный процесс как важнейшее условие формирования и развития правосознания и правовой культуры, можно утверждать, что:

– от качества правового воспитания зависит то, насколько успешно участники правовоспитательного процесса усвоили необходимость и ценность права в жизни общества;

– в результате правового воспитания у лица формируется внутренняя убежденность в необходимости выполнения требований закона;

– правильно организованное правовое воспитание способствует выработке критической правовой сознанием, что в будущем способно предотвратить развитие каких-либо отклонений в сознании лица, связанных с антиправовым поведением.

Учитывая изложенное, борьба с правовым нигилизмом при построении молодого демократического государства в Донецкой Народной Республике, является одной из приоритетных задач и должна стать ключевым направлением в современной политике Донецкой Народной Республики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Копієвська О.Р. Правовий вплив на суспільні відносини в культурно-мистецькій сфері / О.Р. Копієвська // Держава і право: Збірник наукових праць. Юридичні і політичні науки. – Випуск 38. – К.: Ін-т держави і права ім. В.М. Корецького НАН України, 2007. – С. 14–19.
2. Братасюк В. Правова культура: залежність рівня її розвитку від зрілості особистісного начала / В. Братасюк, М. Братасюк // Українська наука: минуле, сучасне, майбутнє. Щорічник. – Тернопіль: Економічна думка, 1999. – С. 147–151.
3. Акуленко В. Загальна культура і духовність в контексті правової освіти і культури молоді / В. Акуленко // Соціокультурні чинники розвитку інтелектуального потенціалу українського суспільства і молоді: наук. праці та мат. конф. – К.: Знання, 2001. – С. 442–445.
4. Скакун О.Ф. Теория государства и права / Скакун О.Ф. – Харьков: Консум, 2001. – 656 с.
5. Гусарев С.Д. Теория государства и права Украины / Гусарев С.Д., Олейник А.Ю., Слюсаренко О.Л. – К.: Юринком Интер, 2001. – 176 с.
6. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: учебник / Баглай М.В. – М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА – ИНФА-М), 2001. – 800 с.
7. Подберезький М. Педагогічні аспекти правової соціалізації особистості / М. Подберезький // Новий колегіум. – 2001. – № 1-2. – С. 40–44.
8. Закон ДНР от 03.11.2015. № 85-ІНС «О полиции», принят 07.08.2015 Постановлением Народного Совета Донецкой Народной Республики.

КВАЛИФИЦИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ ГРАБЕЖА

Резюме. В статье рассматриваются некоторые вопросы применения квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков грабежа. Анализируются понятия «жилище» и «помещение или иное хранилище». В статье сформулированы предложения по совершенствованию системы квалифицирующих признаков грабежа в уголовном законодательстве Донецкой Народной Республики.

Ключевые слова: хищение чужого имущества; жилище; насилие, не опасное для жизни или здоровья; крупный и особо крупный размер грабежа.

В части 1 статьи 5 Конституции Донецкой Народной Республики (далее – Конституция ДНР) говорится: «В Донецкой Народной Республике признаются и равным образом защищаются частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности» [1].

Право собственности занимает особое место в системе прав человека, так как является показателем благополучия граждан, регулятором экономических отношений и одним из важнейших конституционных положений, выступающим гарантом стабильного состояния общества и прогрессивного развития личности [2, с. 1].

Посягательства на собственность – традиционные преступления в любом государстве.

Преступность приобретает все новые более опасные качества. Это хорошо видно на примере преступлений против собственности, среди которых особое место занимает грабеж: в течение последних лет наблюдается непрерывный рост случаев совершения этой формы хищения чужого имущества.

Данные по преступности, которые предоставило УМВД РФ по Кировской области, весьма неутешительные. В 2017 году произошло 486 грабежей и 16 грабежей с проникновением [3].

В Украине на 2016 год количество грабежей выросло – на 35,9 % [4].

При этом, грабеж активно проявляется и в Донецкой Народной Республике (далее – ДНР).

Так, за два дня (27.01.2018-28.01.2018 гг.) на территории ДНР сотрудниками органов внутренних дел зарегистрировано 21 сообщение о преступлениях, в том числе 2 грабежа [5].

К этому нужно добавить, что грабежи характеризуются тем, что все чаще эти деяния совершаются с незаконным проникновением в жилище, организованной группой, в крупном размере.

Поэтому своего научного осмысления требуют вопросы применения квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков грабежа.

Действующий Уголовный кодекс ДНР (далее – УК ДНР) в ч. 2 ст. 173 предусматривает следующие обстоятельства, отягчающие ответственность:

- группой лиц по предварительному сговору;
- с незаконным проникновением в жилище, помещение либо иное хранилище;
- с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия;
- в крупном размере.

Особо квалифицированный состав грабежа, по УК ДНР (ч. 3 ст. 173), характеризуется следующими признаками:

- а) совершением организованной группой;
- б) в особо крупном размере [6].

Рассмотрим грабеж, совершенный группой лиц по предварительному сговору. Под хищением, совершенным по предварительному сговору группой лиц, следует понимать такое хищение, в котором участвовали двое и более лиц, заранее договорившихся о совместном его совершении.

В п. 10 постановления Пленума Верховного Суда ДНР от 30.06.2017 г. № 12 «О применении судами законодательства, регламентирующего уголовную ответственность за кражи, грабежи и разбойные нападения» указано, что при квалификации действий виновных как совершение хищения чужого имущества группой лиц по предварительному сговору суду следует выяснять, имел ли место такой сговор соучастников до начала действий, непосредственно направленных на хищение чужого имущества, состоялась ли договорённость о распределении ролей в целях осуществления преступного умысла, а также какие конкретно действия совершены каждым исполнителем и другими соучастниками преступления [7].

При этом, уголовная ответственность за грабёж, совершённый группой лиц по предварительному сговору, наступает и в тех случаях, когда согласно предварительной договорённости между соучастниками непосредственное изъятие имущества осуществляет один из них.

Грабеж, совершенный организованной группой (п. «а» ч. 3 ст. 173 УК ДНР). Совершение преступления организованной группой признаётся в случаях, когда в ней участвовала устойчивая группа лиц, заранее объединившаяся для совершения одного или нескольких преступлений (ч. 3 ст. 34 УК ДНР). В отличие от группы лиц, заранее договорившихся о совместном совершении преступления, организованная группа характеризуется, в частности, устойчивостью, наличием в её составе организатора (руководителя) и заранее разработанного плана совместной преступной деятельности, распределением функций между членами группы при подготовке к совершению преступления и осуществлении преступного умысла.

Пункт 12 вышеуказанного постановления гласит: «При квалификации грабежа, совершенного группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, судам следует иметь в виду, что в случаях, когда лицо, не состоявшее в сговоре, в ходе совершения преступления другими лицами приняло участие в его совершении, такое лицо должно нести уголовную ответственность лишь за конкретные действия, совершённые им лично».

Квалифицированные составы грабежа имеют один специфический, характерный только для грабежа квалифицирующий признак – грабеж, совершенный с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия.

К насилию, не опасному для жизни или здоровья, относится причинение легкого вреда здоровью, не повлекшее расстройства здоровья или утраты трудоспособности [8, с. 235].

В пункте 23 вышеуказанного постановления дается разъяснение, что под насилием, не опасным для жизни или здоровья, следует понимать побои или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему физической боли либо с ограничением его свободы (связывание рук, применение наручников, оставление в закрытом помещении и др.).

Если в организм потерпевшего, с целью приведения его в беспомощное состояние и завладения чужим имуществом, введены сильнодействующие, ядовитые или одурманивающие вещества, не представляющие опасности для жизни или здоровья, содеянное виновным необходимо квалифицировать в зависимости от последствий как грабеж, соединенный с насилием (при этом свойства и характер действия веществ, примененных при его совершении, могут быть установлены с помощью соответствующего специалиста либо экспертным путем) [9, с. 220].

По ч. 2 ст. 173 УК ДНР подлежит квалификации не только применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, но и угроза его применения.

В тех случаях, когда завладение имуществом соединено с угрозой применения насилия, носившей неопределенный характер, вопрос о признании в действиях лица грабежа или разбоя необходимо решать с учетом всех обстоятельств дела: места и времени совершения преступления, числа нападавших, характера предметов, которыми они угрожали потерпевшему, субъективного восприятия угрозы, совершения каких-либо конкретных демонстративных действий, свидетельствовавших о намерении нападавших применить физическое насилие, и т.п. [9, с. 221].

Еще одним квалифицирующим признаком является совершение грабежа с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище.

При рассмотрении грабежа с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище основное внимание необходимо уделить понятийному аппарату, поскольку и в теории уголовного права, и в законе, и в следственно-судебной практике по-разному трактуются понятия жилища, помещения или иного хранилища.

Так, вышеуказанное постановление дает следующие разъяснения: «Под незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище следует понимать противоправное открытое в них вторжение с целью совершения грабежа. Проникновение в указанные строения или сооружения может быть осуществлено и тогда, когда виновный извлекает похищаемые предметы без вхождения в соответствующее помещение».

Понятия «помещение» и «хранилище» раскрываются в примечании к ст. 164 УК ДНР. Под помещением в статьях гл. 21 УК ДНР понимаются строения и сооружения независимо от форм собственности, предназначенные для временного нахождения людей или размещения материальных ценностей в производственных или иных служебных целях.

Круг такого рода строений весьма широк и разнообразен, охватывая собой административные, производственные (цеха, мастерские), торговые (магазины и палатки), учебные либо предназначенные для коммунально-бытового, медицинского, культурного и иного обслуживания населения помещения, а также любые сооружения иного назначения как постоянного, так и временного характера, как стационарного, так и передвижного [10, с. 841].

Характерным признаком помещения является то, что оно обычно используется для размещения как людей, выполняющих свои производственные, профессиональные обязанности, так и материальных ценностей, необходимых для выполнения работы расположенных в них организаций и учреждений.

Хранилище – это хозяйственные помещения, обособленные от жилых построек, участки территории, трубопроводы, иные сооружения независимо от форм собственности, которые предназначены для постоянного или временного хранения материальных ценностей.

Как правило, под хранилищем понимаются различные виды специальных устройств, предназначенных для хранения имущества (товаров, денег, драгоценностей) – сейфы, металлические шкафы, контейнеры, авторефрижераторы, морозильные камеры, специальные железнодорожные вагоны и т.п. К иным хранилищам относятся также участки территории, специально предназначенные для постоянного или временного хранения материальных ценностей.

Теперь рассмотрим более подробно некоторые проблемные вопросы квалификации грабежа с проникновением в жилище.

Прежде всего необходимо отметить, что в отличие от состава кражи законодателем не разграничиваются случаи проникновения в помещение или иное хранилище от случаев проникновения в жилище, что, по нашему мнению, не является верным.

Право на жилище является одним из конституционных прав граждан. Посягательство на указанное право, осуществляемое путем незаконного проникновения в жилище, гораздо опаснее для общества, чем незаконное проникновение в нежилое помещение или иное хранилище [11, с. 83].

Требование о неприкосновенности жилища относится к числу общепризнанных принципов международного права (ст. 12 Всеобщей декларации прав человека, ст. 17 Международного пакта о гражданских и политических правах, ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод) [12, с. 103].

Статья 18 Конституции ДНР устанавливает: «Жилище неприкосновенно. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных законом, или на основании судебного решения». При этом, необходимо уточнить что понимать под «жилищем». Так, в примечании к ст. 142 УК ДНР дается определение понятия «жилища»: «Под жилищем в настоящей статье, а также в других статьях настоящего Кодекса понимаются индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и пригодное для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но предназначенное или используемое для временного проживания». Собственно, формулировка «жилища» в примечании к ст. 142 УК ДНР изложена довольно подробно. Однако возникают ситуации, когда ограничиваться положениями этого примечания не представляется возможным. Если с ч. 1 примечания все ясно, то во второй чувствуется явная законодательная недоработка. Речь идет об «иных помещениях или строениях, не входящих в жилищный фонд, но предназначенных для временного проживания». Что под «иными помещениями или строениями» подразумевает законодатель? Во всех ли случаях проникновение в такие помещения или строения будет считаться проникновением в жилище? Здесь таятся трудности с квалификацией содеянного.

Что касается проникновения в жилище, представляющее индивидуальный дом, квартиру, где люди проживают, как правило, постоянно, то здесь особых проблем с квалификацией преступления нет. Но когда речь идет о незаконном проникновении, например, в садовый или дачный дом, летнюю кухню, баню, иную надворную или хозяйственную постройку, где люди постоянно не проживают, но иногда готовят пищу, остаются на ночлег или даже живут какое-то время, то возникают сложности.

К иным помещениям или строениям, не входящим в жилищный фонд, но предназначенным для временного проживания, относятся дачные жилые помещения (в дачах, дачно-строительных кооперативах, садоводческих товариществах), на отношения по использованию которых жилищное законодательство не распространяется. Указанные помещения не входят в состав жилищного фонда, хотя бы они и были пригодны для круглогодичного в них проживания [13, с. 61].

Нельзя признавать жилищем помещение, не предназначенные и не приспособленные для постоянного или временного проживания (обособленные от жилых построек погреба, амбары, гаражи и другие хозяйственные помещения).

Вместе с тем, например, действия лиц, совершающих грабежи граждан, занятых на строительстве железных дорог, участников геологических и изыскательских партий, охотничьих промыслов, проживающих в вагончиках, сборных домах, палатках и других помещениях, в которых находится их имущество, следует квалифицировать как хищение чужого имущества с незаконным проникновением в жилище [14, с. 163].

Вопрос о том, могут ли быть отнесены к жилищу купе поезда, каюта судна, номер в гостинице, комната в санатории и т. п., в науке уголовного права является спорным.

Все-таки думается, что, исходя из того, что охрана частной жизни гражданина (к которой относится, в частности, неприкосновенность жилища) является приоритетной

задачей нашего государства, а также учитывая, что указанные выше помещения предназначены не для чего иного, как для временного проживания в них людей, можно сказать, что они должны относиться к числу жилищ [13, с. 61–62].

Таким образом, из всего вышеперечисленного следует, что грабеж, совершенный с незаконным проникновением в жилище, является объективно более общественно опасным способом совершения открытого хищения чужого имущества, чем грабеж, совершенный с незаконным проникновением в помещение либо иное хранилище.

Основным доводом данного вывода выступает то обстоятельство, что конститутивным признаком жилища признается его пригодность для постоянного или временного проживания, то есть предназначение жилища для удовлетворения гражданами естественных жизненных потребностей – отдых, сон, гигиена, досуг, общение с близкими, воспитание детей и др. Именно жилище выступает тем уникальным местом, в котором возможно удовлетворение людьми столь важных и одновременно разнообразных потребностей.

Следовательно, необходимо дифференцировать уголовную ответственность за грабеж, совершенный с незаконным проникновением в жилище, помещение либо иное хранилище, дополнив п. «в» ч. 3 ст. 173 УК ДНР признаком «с незаконным проникновением в жилище», соответственно, исключив его из п. «б» ч. 2 ст. 173 УК ДНР.

Хищение, совершенное в крупном размере (п. «д» ч. 2 ст. 173 УК ДНР). В соответствии с вышеуказанным постановлением как хищение в крупном размере квалифицируется совершение нескольких хищений чужого имущества, общая стоимость которого превышает 250 тыс. российских руб., если эти хищения совершены одним способом и при обстоятельствах, свидетельствующих об умысле совершить хищение в крупном размере.

Верховный суд ДНР разъясняет, что, определяя размер похищенного имущества, следует исходить из его фактической стоимости на момент совершения преступления. При отсутствии сведений о цене стоимость похищенного имущества может быть установлена на основании заключения эксперта.

Особо крупный размер грабежа, предусмотренный п. «б» ч. 3 ст. 173 УК, в соответствии с примечанием 4 к ст. 164 УК означает, что стоимость похищенного имущества превышает 1 млн. руб.: «Как хищение в крупном размере должно квалифицироваться совершение нескольких хищений чужого имущества, общая стоимость которого превышает двести пятьдесят тысяч рублей, а в особо крупном размере – один миллион рублей, если эти хищения совершены одним способом и при обстоятельствах, свидетельствующих об умысле совершить хищение в крупном или особо крупном размере».

Рассмотрев квалифицированные признаки грабежа, заметим, что перечень и место в уголовно-правовой норме квалифицирующих признаков при совершении грабежа существенно отличается от признаков кражи. При этом в случае с одним составом преступления законодатель совершение хищения с проникновением в жилище считает более общественно опасным, чем с проникновением в помещение или иное хранилище (в случае с кражей, наказуемой по ст. 164 УК ДНР), а в другом признает за ними одинаковую степень общественной опасности. Такая ситуация не может быть признана оптимальной с точки зрения последовательности уголовно-правового регулирования.

Таким образом, мы предлагаем из ч. 2 ст. 173 УК ДНР исключить признак «с незаконным проникновением в жилище» и разместить его в ч. 3 ст. 173 УК ДНР. Такое решение позволит учесть общественную опасность отдельных способов и последствий совершения грабежа и упорядочить нормы УК ДНР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Донецкой Народной Республики (по состоянию на 09.12.2015 года) // Сборник законодательных актов ДНР. – 2016 г.

2. Пик К.С. Уголовная ответственность за грабеж / К.С. Пик // VII Международная студенческая электронная научная конференция «СТУДЕНЧЕСКИЙ НАУЧНЫЙ ФОРУМ 2015». – 2015. – С. 1-33.
3. Пентин М. В 2017 году стало меньше краж и разбоев, но больше изнасилований и грабежей: [Электронный ресурс]. URL: <https://gorodkirov.ru/content/article/v-2017-godu-stalo-menshe-krazh-i-razboev-no-bolshe-iznasilovanij-i-grabezhej-20170912-1446/> (Дата обращения: 31.01.2018).
4. Геннадий Анищенко «Преступность на Украине. Статистика и динамика»: [Электронный ресурс]. URL: <http://nk.org.ua/politika/prestupnost-na-ukraine-statistika-i-dinamika-79676> (Дата обращения: 31.01.2018).
5. Официальный сайт ДНР «Стражи порядка оперативно раскрыли грабеж и разбой»: [Электронный ресурс]. URL: <https://dnr-online.ru/strazhi-poryadka-operativno-raskryli-grabez-i-razboj/> (Дата обращения: 31.01.2018).
6. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики (от 19.08.2014 по состоянию на 23.09.2014): [Электронный ресурс]. URL: <http://dnr-online.ru/ugolovnyj-kodeks-dnr/> (Дата обращения: 31.01.2018).
7. О применении судами законодательства, регламентирующего уголовную ответственность за кражи, грабежи и разбойные нападения: постановление Пленума Верховного Суда ДНР от 30 июня 2017 г. № 12): [Электронный ресурс]. URL: <https://supcourt-dnr.su/pplenum/o-primenenii-sudami-zakonodatelstva-reglamentiruyushchego-ugolovnyu-otvetstvennost-za> (Дата обращения: 31.01.2018).
8. Брагин А.П. Российское уголовное право: учебно-методический комплекс / А.П. Брагин. – М.: Изд. центр ЕАОИ, 2008. – 426 с.
9. Кочои С.М. Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник. Краткий курс / С.М. Кочои. – М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ», 2009. – 447 с.
10. Бойцов А. И. Преступления против собственности / А.И. Бойцов. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. – 775 с.
11. Салахова Ж.В. К вопросу о дифференциации уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за преступления против собственности, совершаемые с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище / Ж.В. Салахова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 36 (174). – С. 83-85.
12. Вилкова Т.Ю. Принцип неприкосновенности жилища в уголовном судопроизводстве: правовые основы, содержание, гарантии / Т.Ю. Вилкова // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 2 (51). – С. 103-107.
13. Бояркина Н.А. О некоторых вопросах применения квалифицирующего признака «незаконное проникновение в жилище» / Н.А. Бояркина // Сибирский юридический вестник. – 2013. – № 3 (62). – С. 60-64.
14. Щербакова Е.О. Незаконное проникновение в жилище, помещение либо иное хранилище как квалифицирующий признак грабежа чужого имущества / Е.О. Щербакова // Общество и право. – 2007. – № 4 (18). – С. 163-167.

УДК 343.3/.7

Цветкова А.А.

Научный руководитель: Семькина Л.А., к.ю.н., доцент

ИНСАЙДЕРСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ КАК ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 207 УК ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Резюме. В статье раскрыто происхождение категории «инсайдерская информация», проанализированы различные подходы учёных к определению инсайдерской информации как предмета преступления, предусмотренного ст. 207 УК Донецкой Народной Республики. Выявлены основные признаки инсайдерской информации. Дано определение инсайдерской информации как предмета преступления.

Ключевые слова: понятие инсайдерской информации, признаки инсайдерской информации, предмет преступления.

Неправомерное использование инсайдерской информации является уголовно-наказуемым деянием, ответственность за которое предусмотрена в статье 207 Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики (далее – УК ДНР) [1]. Установленный порядок ценообразования на финансовые инструменты, финансовую

валюту и (или) товары является объектом названного преступления, при этом инсайдерскую информацию следует рассматривать именно как предмет, то есть как то, на что направлено воздействие лица, неправомерно использующего её в своих интересах либо в интересах третьих лиц для извлечения прибыли или избежания убытков [2, с. 121]. Следует отметить, что в теории права в целом, и в уголовном праве в частности, не существует единого определения термина «инсайдерская информация». УК ДНР также не даёт определения инсайдерской информации. В связи с указанным возникают проблемы, связанные с определением предмета преступления, предусмотренного ст. 207 УК ДНР.

Категория «инсайдерская информация» является устоявшимся словосочетанием, формируется посредством термина «инсайдер» и берет свое начало в США в 30-х годах XX века [3, с. 9–10]. Термин «инсайдер» происходит от английского «inside» (внутри), является устоявшимся в мировой законодательной терминологии и обычно обозначает круг лиц (как физических, так и юридических), которые имеют доступ к закрытой непубличной информации, касающейся деятельности компании [4]. Соответственно, инсайдерская информация – это внутренняя, корпоративная информация компании.

Первая регламентация понятия инсайдерской информации связана с законом Пекоры 1934 года и была связана с кризисом 1920-х годов, когда банкиры и брокеры использовали пробелы в законодательстве при торгах на фондовой бирже, чем был вызван дисбаланс в функционировании фондового рынка США. Данным законом впервые было запрещено использование инсайдерской информации при выпуске и продаже ценных бумаг и этим самым обеспечивалось равенство инвесторов, а сама инсайдерская информация понималась как информация об эмитенте и выпущенных им эмиссионных ценных бумагах, которая не является общедоступной и ставит лиц, обладающих такой информацией до момента её публичного распространения, в преимущественное положение по отношению к другим участникам торгов [5].

В настоящее время уголовным законодательством запрещено использование инсайдерской информации. Однако, как отмечалось выше, современная юридическая доктрина не содержит единого определения инсайдерской информации, что влечет за собой проблемы установления предмета преступления, предусмотренного ст. 207 УК ДНР.

Ходос Л. В. определяет инсайдерскую информацию как служебную информацию (информацию, составляющую служебную тайну), которая может существенно повлиять на цену акций или же решение потенциальных инвесторов. Ученый в данное понятие включает точную и конкретную деловую и финансовую информацию, которая не была своевременно распространена или предоставлена ее собственником, что оказало влияние на цены финансовых инструментов, иностранной валюты и (или) товаров [6, с. 57].

Понятие и признаки инсайдерской информации обосновываются также В. В. Саенко, который предложил считать инсайдерской информацией любую конкретную необнародованную информацию об эмитенте, его ценных бумагах или договорах относительно ценных бумаг, которая является существенной, то есть в случае обнародования может повлиять на рыночную стоимость ценных бумаг [7, с. 195].

Под инсайдерской информацией В. А. Мартыненко понимает любую непубличную информацию, позволяющую получить прибыль либо избежать убытков лицам, которые обладают подобной информацией, посредством временного информационного преимущества и возможности манипулирования ценами, относительно других участников рынка, публичное раскрытие данной информации способно оказать влияние на ценообразование актива и рынка в целом [8, с. 38]. Но, как отмечает Т. Ч. Ахмедов, данное определение имеет определенные недостатки, так как связывает в себе два различных по характеру и последствиям явления – инсайдерскую торговлю и манипулирование рынком, в то время как последнее связано, прежде всего, с заведомо ложной информацией [9, с. 17].

Наиболее лаконичное определение инсайдерской информации дает С. В. Церенов, по мнению которого инсайдерская информация – это сведения о финансовых инструментах или их эмитентах, не являющиеся общедоступными, которые при раскрытии обществу существенно повлияли бы на цену финансовых инструментов [10, с. 65]. Но следует отметить, что в данном определении упущена важная составляющая – товары и валюта.

В своей диссертационной работе Т. Ч. Ахмедов указывает, что инсайдерской информацией следует считать достоверную информацию, которая не является общедоступной и в случае ее распространения может повлиять на цены валюты, ценных бумаг или товаров [9, с. 21].

Ахмадуллина А. Ф. подразумевает под инсайдерской информацией такую информацию, которая остается закрытой непродолжительное время, в течении которого охраняется в режиме тайны, и в установленные законодательством сроки подлежит раскрытию. Ученый выделяет такие признаки инсайдерской информации:

- ограниченность доступа. Правильность формулировки такого признака опровергает Т. Ч. Ахмедов и утверждает, что наименование должно быть «отсутствие общедоступности информации». Название признака, которое дано А. Ф. Ахмадуллиной и многими другими учеными в определении понятия инсайдерской информации, не отражает реальной сущности понятия. В качестве примера автор приводит ситуацию, когда издание публикует информацию с небольшим тиражом. Такая информация является известной ограниченному кругу лиц, ее прочитавших, однако, не является инсайдерской, поскольку характеризуется признаком общедоступности [9, с. 19];

- способность в случае раскрытия оказать существенное влияние на цены финансовых инструментов, товаров, иностранной валюты;

- точность и конкретность. По мнению Т. Ч. Ахмедова данный признак инсайдерской информации является спорным, поскольку подобный вид информации не всегда обладает точностью и конкретностью, но признак достоверности является обязательным для инсайдерской информации, чем и отличает манипулирование рынком от инсайдерской торговли [9, с. 15];

- нормативная определенность сведений, относимых к инсайдерской информации [11, с. 4].

Ахмедов Т. Ч. считает необходимыми и достаточными первые два признака, которые являются критерием отграничения инсайдерской информации от других видов информации и должны отражаться в структуре определения понятия. Также, помимо вышеназванных признаков инсайдерской информации, исследователь выделяет следующие:

- включение в инсайдерскую информацию сведений об эмитентах ценных бумаг, о ценных бумагах или рыночных условиях и так далее. Однако, исчерпывающий перечень содержания такой информации, по мнению ученого, дать невозможно, поэтому введение указанного признака в определение инсайдерской информации может снизить эффективность применения такого определения в рамках противодействия инсайдерской торговле;

- негативное воздействие на деятельность субъекта хозяйствования [9, с. 20].

Зельцер М. С. относительно информации в целом использует такую категорию как «коммерческая ценность информации» (индикатор полезности информации для использования ее в коммерческой деятельности), называя три критерия ее определения: достоверность, актуальность, полнота информации [12, с. 9]. Так как разновидностью информации является инсайдерская информация, то последняя также должна соответствовать указанным признакам.

Выделяя социальные признаки инсайдерской информации, которые в большинстве своем дублируют вышеназванные признаки, О. Ю. Витко называет и особенный –

способность инсайдерской информации удовлетворять потребности лиц и реализовать их интересы как законные потребности и интересы эмитентов, так и противоправные интересы и потребности лиц, которые при ее помощи хотят осуществить противоправную куплю-продажу ценных бумаг таких эмитентов [13, с. 61].

Харкевич А. А. рассматривает информацию как ценный ресурс, способный приносить пользу ее обладателю [14, с. 54]. Учитывая, что обладание подобного рода информацией сопряжено с возможностью получения значительных выгод, то в инсайдерской информации свойство ценности проявляется особо. В случае раскрытия такая информация окажет влияние на поведение участников рынка, следствием которого станет определенное влияние на конъюктуру рынка. Так как с момента появления до момента раскрытия сведений информацией обладает узкий круг лиц, получивших ее не в результате тщательной интеллектуальной деятельности, а в силу своего служебного и иного «привилегированного» положения, всякие попытки воспользоваться ценными знаниями до официального раскрытия информации необходимо пресекать. Очевидна целесообразность запретов этим лицам использовать информацию до того, как станет общеизвестной с тем, чтобы обеспечить равенство всех инвесторов независимо от связи с источником информации [11, с. 5].

Специфика информации выражена в том, что практическая польза ее заключается не в «самой в себе», а в способности сведений быть использованными при совершении определенных действий [11, с. 5]. Особенностью инсайдерской информации являются установленные запреты на ее использование при заключении сделок, передачу третьим лицам и дачу рекомендаций третьим лицам относительно совершения торговых операций с инсайдерской информацией, то есть ограничения свободного отчуждения и перехода от одного лица к другому. Следовательно, с точки зрения классификации объектов гражданских прав по критерию оборотоспособности, инсайдерская информация не является полностью оборотоспособной [11, с. 5]. Однако, Е. А. Зверева отмечает, что полностью оборотоспособной является информация, которая в соответствии с законодательством подлежит предоставлению или распространению [15, с. 80]. Как выше было установлено, одним из признаков инсайдерской информации является обязательность ее распространения в установленный срок. Исходя из данного положения, А. Ф. Ахмадуллина, беря за основу критерий Е. А. Зверевой, считает инсайдерскую информацию полностью оборотоспособной. Но следует отметить, что утверждение данного рода является спорным, поскольку с момента распространения инсайдерская информация теряет свойственные ей признаки, в том числе и гарантированную охрану, и фактически перестает быть инсайдерской.

Учитывая вышеуказанные положения ученых в сфере исследования инсайдерской информации, следует отметить, что нет единого определения понятия «инсайдерская информация», но имеется единство в подходе к определению признаков данного вида информации. Так, в определениях и признаках, выделяемых исследователями, наблюдается обязательное закрепление таких свойств инсайдерской информации как ограниченность доступа (или отсутствие общедоступности) и способность оказывать влияние на цены валюты, ценных бумаг или товаров. Таким образом, указанные два признака следует отметить как обязательные – наличие которых даст возможность отграничить инсайдерскую информацию от других видов. Остальные же признаки, предлагаемые конкретными учеными, также могут иметь место при определении инсайдерской информации, но носят факультативный характер, не оказывающий значительного влияния на разграничение видов информации.

Итак, проанализировав значительное количество определений можно сделать вывод, что в качестве инсайдерской информацией как предмета преступления, предусмотренного ст. 207 УК ДНР, следует подразумевать разновидность ценностной информации в виде сведений об эмитенте и ценных бумагах, выпускаемых им, которая

отсутствует в свободном доступе, подлежит охране и ограничена в отчуждении и использовании до ее обнародования, а также которая может оказать существенное влияния на цену ценных бумаг, валюты или товаров после ее раскрытия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики от 19.08.2014 (с изменениями от 23.09.2014) [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dnr-online.ru/ugolovnyj-kodeks-dnr/>.
2. Мамочка Е.А. Уголовно-правовое противодействие неправомерному использованию инсайдерской информации / Е.А. Мамочка // Пробелы в российском законодательстве. – 2014. – № 4. – С. 121-124.
3. Дорда С.В. Мова права. Проблема термінологічної точності / С.В. Дорда // Правовий вісник Української академії банківської справи. – 2012. – № 2 (7). – С. 7-10.
4. Романченко О. Инсайдер на ринку банківських послуг: зло, яке не можна подолати / О. Романченко [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ufin.com.ua/analit_mat/gkr/050.htm.
5. Securities Exchange Act of 1934 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://en.academic.ru/dic.nsf/enwiki/353434>.
6. Ходос Л.В. Правове регулювання обігу інсайдерської інформації / Л.В. Ходос // Права інформатика. – 2013. – № 1(37). – С. 56-63.
7. Саснко В.В. Правове регулювання використання інсайдерської інформації на ринку цінних паперів: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.04 / Саснко Володимир Володимирович; Київський національний ун-т ім. Тараса Шевченка. – К., 2002. – 249 с.
8. Мартыненко В.А. Инсайдерство и манипулирование ценами на рынке ценных бумаг: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.10 / В.А. Мартыненко; Российский экономический ун-т им. Г.В. Плеханова. – М., 2007. – 204 с.
9. Ахмедов Т.Ч. Методы противодействия неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком в системе обеспечения экономической безопасности государств: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Ахмедов Тимур Чингизович; С.-Петербург. ун-т МВД России. – СПб., 2015. – 155 с.
10. Церенов С.В. Проблема противодействия коррупции на российском финансовом рынке: инсайдерская торговля и регулирование деятельности инвестиционных аналитиков и рейтинговых агентств / С.В. Церенов // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2010. – № 7. – С. 64–70.
11. Ахмадуллина А.Ф. К вопросу о правовом режиме инсайдерской информации / А.Ф. Ахмадуллина // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2014. – № 4 (81). [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-pravovom-rezhime-insayderskoj-informatsii>.
12. Зельцер М.С. Гражданско-правовой режим информации / дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Зельцер Марина Степановна. – М., 2004. – 165 с.
13. Вітко О.Ю. Відносно дискусійних питань предмета злочину, передбаченого ст. 232-1 Кримінального кодексу України / О.Ю. Вітко // Юридична наука. – 2014. – № 8. – С. 58-62.
14. Харкевич А.А. О ценности информации / А.А. Харкевич // Проблемы кибернетики. – 1960. – № 4. – С. 53-57.
15. Зверева Е.А. Правовой режим информации в отношениях с участием субъектов предпринимательской деятельности / Е.А. Зверева. – М.: Гарант, 2008. – 249 с.

УДК 343.98

Чаленко А.Н.

Научный руководитель: Хань Г.А., к.ю.н., доцент

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ

Резюме. В статье рассмотрены особенности расследования преступлений в сфере высоких информационных технологий. Разобраны основные этапы расследования, и описаны возможные сложности при раскрытии и доказывании киберпреступлений. Дана краткая характеристика состояния законодательства. Предложено решение цифровых следов как доказательств.

Ключевые слова: киберпреступление, киберпространство, компьютерные технологии, виртуальные следы.

В эпоху глобальной компьютеризации уже трудно представить какую-либо сферу деятельности человека без компьютерных информационных технологий. Виртуальной

среде присуще и такое социальное явление как преступность. Преступления в сфере высоких информационных технологий, или как часто говорят: киберпреступления. Данная актуальная тема уже давно будоражит сознания журналистов и киноиндустрию, освещая те или иные инциденты компьютерного мира. Это явление не ново, но хорошо ли данный вид преступлений изучен, систематизирован и поддается квалификации? Преступления, как кривое зеркало отражает технологические, социальные, экономические и политические изменения. Обеспокоившись данной проблемой, признавая необходимость сотрудничества между государствами, частными лицами и организациями в борьбе против киберпреступлений и потребность защищать законные интересы в использовании и развитии информационных технологий, ряд стран в 2001 году в Будапеште подписали Европейскую Конвенцию по киберпреступлениям (преступлениям в киберпространстве). Нельзя недооценивать опасности и масштабов данного рода преступлений. Согласно отчёту Group-IB, одной из ведущих международных компаний по расследованию киберпреступлений, ущерб юридических лиц за 2017 год только по России составил 622 млн рублей [1]. Общая сумма потерь по всему миру от действий киберпреступников составила 1,5 % мирового ВВП [2].

Глобальная сеть Интернет предоставляет безграничные возможности анонимной формы коммуникации, поиска информации об объекте посягательства. Трудность идентифицировать субъекта является главным драйвером, привлекающий всё новых лиц в эту сферу. С развитием технологий, развиваются и совершенствуются методы и подходы к совершению преступлений. В не индексируемой части сети (так называемом «Darknet») уже существуют сложившиеся черные рынки киберпреступности в области цикла создания вредоносных программ, компьютерных вирусов, управления бот-сетями, сбора персональных и финансовых данных, продажи данных и получения денег за финансовую информацию. Для совершения киберпреступлений более не требуется обладать сложными навыками или знание сложных методов. Особенно в контексте развивающихся стран появилась субкультура молодых людей, занимающихся финансовым мошенничеством при помощи компьютеров, многие из которых начинают заниматься киберпреступностью в конце подросткового возраста [3].

Можно много дискутировать о философии, девиантности преступлений в сфере высоких технологий, но за каждым из них стоит реальный человек или группа лиц. И за каждым преступлением стоит реальный мотив. Необходимо отходить от общего стереотипа «хакер-одиночка», навеянного Западным кинематографом. Сегодня в большинстве случаев преступления совершаются именно хорошо организованными преступными группировками. Им присущи некоторые общие черты с традиционными организованными преступными группами. Они имеют организатора или организаторов, исполнителей по направлению, отвечающей специализации данной группы. В данной иерархии те самые «хакеры» часто занимают средние позиции и обеспечивают техническую реализацию противоправных деяний. У них есть мотив, часто это корысть. Преступники стремятся извлечь из содеянного ими как можно большую материальную или иную выгоду имущественного характера путём тайного хищения. Но те методы, которые были выработаны человечеством за многие годы, применяемые для раскрытия преступлений традиционных преступных группировок, невозможно наложить на преступные группы в сфере компьютерных технологий. Киберпреступники действуют в иной среде, в среде киберпространства. Это виртуальное пространство, не имеющее географической привязки, куда все могут попасть через глобальную сеть Интернет. Они имеют абсолютно иные идентифицирующие признаки по сравнению с традиционными идентифицирующими признаками. Вместо фоторобота, отпечатков пальцев, Ф.И.О. и места жительства, на первых этапах расследования киберпреступник будет иметь IP адреса, e-mail, username на различных форумах.

При раскрытии данных преступлений правоохранительные органы сталкиваются с трансграничным характером их совершения. Согласно ч. 1 ст. 218 УПК Украины досудебное расследование на территории Донецкой Народной Республики будет проводиться следователем, под юрисдикцией которого находится место совершения уголовного правонарушения. В таком случае как следователю определить, что является местом совершения преступления? Этим местом будет место нахождения хакера, или это все-таки место, откуда ваши данные исчезают, незаконно копируются или искажаются в результате неправомерных действий преступника? Преступник и жертва могут находиться в разных странах или даже континентах. Тогда правоохранитель не обладает достаточной юрисдикцией для дальнейшего расследования [4].

В уголовном Кодексе Донецкой Народной Республики Глава 28 отведена преступлениям, которые так или иначе можно отнести к преступлениям в сфере компьютерной информации. Статьи данной главы направлены на неправомерный доступ, хранение и распространение компьютерной информации; создание использование и распространения вредоносных компьютерных программ. Дополняет их ст. 171 УК ДНР (мошенничество в сфере компьютерной информации). Квалификация этих преступлений в уголовном Кодексе Донецкой Народной Республики детализирована в недостаточно полном объеме. Необходимо выделить криминалистически значимые элементы характеристики киберпреступлений, такие как: способ совершения преступления; особенности следовой информации и обстановки совершения преступления; личностная характеристика преступника; особенности непосредственного предмета преступного посягательства.

Большой проблемой оборачивается сбор доказательной базы и представления данных доказательств в суде. Для суда, согласно ст. 84 УПК Украины, доказательствами будут фактические данные, полученные в порядке, предусмотренном УПК и подлежат доказыванию. Большинство этих данных будут «виртуальными». Найдя доказательства на жестком диске подозреваемого, их необходимо истолковать юридическим языком и предоставить суду в определённой форме. Виртуальные данные не могут быть вещественным доказательством, только сам жёсткий диск будет иметь такой статус. Но сам по себе он мало что доказывает. Надо законодательно закрепить осмотр электронных данных, в том числе ресурсов глобальной сети Интернет, так как указанные сведения не вполне укладываются в понятие осмотра места происшествия, трупа, местности, помещения, жилища, предметов и документов, а также изъятия таких данных. Часто данное следственное действие не проводится вовсе.

Следователи часто пренебрегают осмотром компьютера потерпевшей стороны. Данные следственные действия необходимо проводить компетентным лицам либо с привлечением эксперта. Ведь на компьютере, на информацию которого было посягательство, может всё ещё хранить следы вредоносных программ (malware – вредоносное программное обеспечение, предназначенное для получения несанкционированного доступа к вычислительным ресурсам самой ЭВМ или к информации, хранимой на ЭВМ). Проанализировав данный программный код можно определить управляющие сервера С&С. Через данные сервера С&С злоумышленник производит контроль и управление вредоносным кодом на компьютере жертвы. В умелых руках аналитиков сетевой безопасности эта нить поможет вычислить IP адрес сети, в которой, предположительно, может находиться рабочий или домашний компьютер злоумышленника. При работе с данным видом доказательств необходимо использовать ряд специальных технических и программных средств, для недопущения умышленного либо неумышленного внесения изменения или уничтожения исследуемых данных.

На практике суды признают в качестве доказательств протоколы осмотров соответствующих носителей, но не признают таковыми конкретные файлы, обнаруженные

в ходе осмотров и содержащие доказательственную информацию. Конкретные файлы, обнаруженные в ходе осмотров, должны иметь самостоятельное доказательственное значение при условии соблюдения порядка и формы их получения [5].

Часто, единственным источником доказательств в таком случае может быть только заключение эксперта по результатам компьютерно-технической экспертизы. Отсутствуют и действенные утверждённые методики сбора доказательной базы. Ни в УПК, ни в законе «О судебно-экспертной деятельности Донецкой Народной Республики», не содержится никаких отдельных упоминаний о компьютерно-технической экспертизе, поэтому они производится по общим принципам.

Эксперту попадают на исследования компьютеры или носители информации, имеющие отношение к уголовному делу, которые следователь счел необходимым изъять у подозреваемого в ходе осмотра согласно ст. 167 УПК. По нормам уголовно-процессуального Кодекса данные предметы (жёсткие диски, системные блоки персональных компьютеров) транспортируются в выключенном и опечатанном состоянии. Включив данную технику, эксперт может и не предоставить вообще никакой информации. Дело в том, что данные на любых носителях могут специально шифроваться злоумышленниками различными криптографическими алгоритмами: AES 128/192/256, DEA, SHA-1 и другими. В зашифрованном виде они не представляют ценности для следствия. Таким способом злоумышленники скрывают следы своего преступления. Правоохранителям редко выпадает возможность застичь подозреваемого за компьютером во включённом состоянии. И этот момент необходимо использовать максимально эффективно. Эксперт должен сразу исследовать данные. Если эксперта в группе в данный момент нет, либо исследование на месте невозможно, то необходимо быстро доставить компьютерную технику в выключённом состоянии, ничего не извлекая из разъёмов и не допуская блокирования рабочего стола учётной записи операционной системы. Ведь когда компьютер включен и за ним работал подозреваемый, то данные, скорее всего, находятся в незашифрованном виде. Технически грамотные злоумышленники могут зашифровать диск, а ключ шифрования замаскировать в USB манипулятор. Без данного ключа данные невозможно будет расшифровать. На допросе подозреваемый может сообщить дознавателям пароль, якобы для разблокирования компьютера, на самом деле это может оказаться пароль для форматирования данных с электронных носителей компьютера. Удалённые данные вместе с ключом шифрования восстановить не удастся даже при побитном восстановлении информации, или данные будут значительно искажены.

Предлагается внести изменения ч. 2 ст. 84 действующего Уголовно-процессуального кодекса.

Возникают и проблемы понимания у юристов, прокурора, суда, ведь большинство терминов для представления всех технических процессов просто отсутствуют в юридическом языке. В отрасли IT встречаются ситуации, когда не только механизм и процесс лежат в области специальных познаний, но там же находятся следствия и выводы. В суде экспертам приходится невольно высказывать своё личное оценочное суждение по обстоятельствам дела, что не допустимо. Так как слова, сказанные экспертом, становятся неопровержимым базисом в умах судей.

Сами эксперты отмечают трудность проведения экспертизы по факту заданных вопросов, поставленных перед ними. Для следователя важно представлять, что именно может компьютерно-техническая экспертиза и чего она не может. И всеми этими основными уязвимостями в области нынешнего законодательства высокомотивированные киберпреступники успешно используют на своё благо. Даже тот не большой процент, дошедших дел до суда, заканчивается в большинстве случаев условным сроком.

Киберпреступления не удастся искоренить ещё долгое время. Как и любое другое преступление – это социальное явление. Там, где есть социум и компьютерные

технологии будут и компьютерные преступления. Высокая латентность данных преступлений не даёт возможности представить картину в полном объёме. Невозможно составить психологический портрет злоумышленников. Данный вид преступлений отходит от жестокости и приобретает интеллектуальный облик. Заниматься данными вопросами должны квалифицированные специалисты в сфере информационных технологий в разных ведомствах. Формировать специализированные подразделения, которые специализировались бы на данном роде преступлений и разрабатывали методики борьбы и профилактики. Современное компьютерное право не успевает развиваться за столь динамичными в плане технологий преступлениями. Но важно осуществлять постоянное совершенствование судебно-следственной деятельности по раскрытию и предупреждению преступлений в сфере компьютерной информации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Group-IB Киберпреступность 2017. Вызовы и решения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dokipedia.ru/document/5152357> (Дата обращения:02.02.2018).
2. ФСБ об ущербах кибератак за последние несколько лет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.securitylab.ru/news/485207.php> (Дата обращения:02.02.2018).
3. Осипенко А. Л., Борьба с преступностью в глобальных компьютерных сетях. – Москва: Норма, 2004. – 432 с.
4. Фурман В. Киберпреступность. Проблемы доказывания // Аналитическое издание «Юрист & Закон». – 2017. – № 45. – 17.
5. Сушко А.Е. Использование компьютерной информации при расследовании преступлений против информационной безопасности: автореф.: 343.985.7 – Уголовный процесс / Сушко А.Е.; Учреждение образования. Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь. – Минск, 2013. – 74 с.

УДК 340.5

Чегоненко А.О.

Научный руководитель: Щербинина Е.В., к.и.н., доцент

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ И ОРГАНОВ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Резюме. В данном исследовании рассмотрено взаимодействие органов прокуратуры и органов государственной власти в Российской Федерации. Установлено, что прокуратура 1) находится в тесном взаимодействии с законодательными органами власти всех уровней, 2) не является органом законодательной ветви власти, так как ей не соответствует ни какой из признаков законодательных органов власти, 3) не имеет права принимать законы, а только осуществляет надзор за их исполнением.

Ключевые слова: органы прокуратуры, органы государственной власти, Федеральный закон, надзор, законность, прав и свободы

Органы государственной власти являются важной составляющей механизма государства, которая наделена государственно-властными полномочиями, соответственно, собственной компетенцией и организационной структурой. Органы государственной власти осуществляют задачи и функции государства, применяя в процессе деятельности адекватные формы и методы работы.

Прокуратура России связана с органами государственной власти. Их взаимодействие базируется на «системе сдержек и противовесов». Возникает вопрос об определении места прокуратуры в этой системе. Целью данного исследования является рассмотрение особенностей взаимодействия органов прокуратуры с органами законодательной власти в России. В юридической литературе данная тема недостаточно разработана. В учебной литературе тема рассматривается с позиции

взаимоотношений прокуратуры с правоохранительными и контроль-надзорными органами.

К органам законодательной власти Российской Федерации относятся: Федеральное Собрание РФ (Совет Федерации и Государственная Дума) – парламент России; субъектов Российской Федерации – законодательные собрания, областные Думы и др. – это органы общей компетенции и только коллегиальные органы. Президент РФ входит в систему органов государственной власти, активно участвует в осуществлении законодательной, исполнительной и судебной власти, но ни к одной из ветвей власти не принадлежит.

В соответствии с Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» прокуратура – единая, федеральная, централизованная система, которая от имени государства осуществляет надзор за соблюдением законности на всей его территории [1]. Это основной принцип построения прокуратуры.

В теории государства и права понятие «законность» характеризуется как метод государственного управления, при котором возникают общественные отношения, посредством издания и соблюдения законов и соответствующих им нормативно-правовых актов. Кроме того, понятие «законность» характеризуется как определенный общественно-политический режим жизни и принцип организации и деятельности субъектов, применяющих право на практике. Законность и проблемы ее соблюдения важны для функционирования государства, поэтому необходим механизм соблюдения законности, который создается путем взаимной работы гражданского общества и государственных институтов, когда каждый выполняет свои задачи и обеспечивает режим законности, установленный в государстве.

Законотворческой инициативой в рамках своей компетенции обладают:

– Президент РФ, который, согласно ч. 3 ст. 107 Конституции РФ, имеет право наложения вето на переданный ему на подписание и обнародование закон:

– Конституционный Суд РФ согласно ст. 125 Конституции РФ имеет право признавать федеральные законы неконституционными. Стоит отметить, что согласно Главы 21 Кодекса административного судопроизводства РФ, решение о несоответствии Конституции региональных законодательных актов могут принимать суды общей юрисдикции и конституционные (уставные) суды субъектов РФ [2]. Принимая во внимание то, что Российская Федерация представляет собой сложное государственное образование, ее высшие органы государственной власти, Президент РФ, не могут единолично, собственными усилиями обеспечить соблюдение законности на должном уровне. Тогда, уместно сказать, что к элементам механизма обеспечения законности необходимо отнести органы, выполняющие правоохранительную функцию, контрольно-надзорную функцию.

Во взаимодействии органов прокуратуры и законодательных органов следует рассматривать следующие направления:

- реализация прокурорского надзора за исполнением законов;
- надлежащая реализация прав и свобод человека.

Надо отметить, что реализация надзора за исполнением законов, является основной функцией прокуратуры, а также является основой стабильности всей законодательной системы. Прокуратура на всей территории России контролирует исполнением законов, и соответствие законам иных нормативно-правовых актов.

Соблюдение прав и свобод человека, закрепленных в Конституции РФ, должны обеспечиваться силами всех органов государственной власти. Обеспечение Конституции РФ, прав и свобод человека осуществляется на двух этапах:

- надзор за соответствием федерального закона Конституции РФ;
- надзор за соответствием федеральному закону всех остальных нормативно-правовых актов. При этом прокуратура РФ реализует свою деятельность на втором этапе.

Так, 23 марта 2015 г. на коллегии Генпрокуратуры Президент Путин В. В. отметил, что надзор за соблюдение прав и свобод человека и гражданина является приоритетом в работе прокуратуры. Он отметил, что на сферу прав человека ежегодно приходится свыше 60 % всех нарушений закона, а в 2015 г. органы прокуратуры выявили 3,2 млн. случаев нарушения прав и свобод граждан[3].

Важной областью сотрудничества законодательных органов и прокуратуры является правотворчество. Прокуратура представляет собой наиболее осведомленный орган о состоянии законности в государстве, непосредственно сталкиваясь с реальными проблемами реализации законов, обеспечивающими права и свободы граждан, владеет информацией о существующих пробелах и коллизиях в действующем законодательстве, могла бы вносить предложения по совершенствованию правовой системы страны. Однако, ст. 104 Конституции РФ определяет жесткий перечень субъектов, обладающих правом законодательной инициативы, в который прокуратура не входит. Это право прокуратуры не подтверждено и в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» и на уровне субъектов РФ. Все же, ряд субъектов РФ в своих конституциях наделяют таким правом, например:

1) прокурора Республики: Республика Башкортостан (ст. 76) [4], Республика Калмыкия (ст. 35 Степного Уложения (Конституции)) [5] и т.д.;

2) прокурора Республики (по вопросам ведения): Республика Алтай (ст.87)[6], Республика Тыва (ст. 108) [7], Чувашская Республика (ст. 85) [8] и т.д.;

3) прокуратуру Республики (по вопросам ведения): Бурятия (ст. 89) [9].

Однако все вышесказанное противоречит ст. 104 Конституции РФ, а ст. 9 закона «О прокуратуре РФ» определяет, что прокурор при установлении в ходе осуществления своих полномочий необходимости совершенствования действующих нормативных правовых актов, вправе лишь вносить в законодательные органы и органы, обладающие правом законодательной инициативы, соответствующего и нижестоящего уровней предложения об изменении, о дополнении, об отмене или о принятии законов и иных нормативно-правовых актов.

Прокуроры могут входить в состав рабочих групп законодательных органов власти, но в отдельных случаях участие прокуратуры таких заседаниях является обязательным.

К примеру, согласно ст. 13 Федерального закона «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» [10] Генеральный прокурор может получить парламентский запрос, ответ на который он может дать в устной форме на заседании соответствующей палаты Федерального Собрания Российской Федерации или в письменной форме не позднее чем через 15 дней со дня получения такого запроса. В соответствии со ст. 15 того же закона, Совет Федерации и Государственная имеют право официально пригласить генерального прокурора на свои заседания, при этом прокурор должен участвовать лично или направить своего заместителя. Прокуроры низших звеньев также могут принимать участие в заседаниях правотворческих органов.

Стоит отметить еще одно направление взаимодействия прокуратуры и законодательной власти: экспертиза законов субъектов РФ, в том числе и антикоррупционная. Такое направление определено ст. 9.1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», а также Приказом Генеральной Прокуратуры России от 28.12.2009 г. №400 «Об организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов» (в ред. от 9.02.2012 г.) [11]. Такое взаимодействие осуществляется через направление в органы прокуратуры с целью рассмотрения соответствующих заключений, проведении сверки количества выявленных фактов коррупции и принятых в соответствии мер. Проводя правовую экспертизу проектов законов и других нормативных актов, прокуратура осуществляет

надзор за издаваемыми нормативными актами, при этом оценивается качество законопроекта. По результатам экспертизы выносится заключение о соответствии проекта закона конституционным нормам, нормам международного права и общепризнанным принципам, об отсутствии пробелов в законодательстве и т.п., а орган или должностное лицо, создавшие такой акт, не позднее десяти дней с момента выявления прокуратурой коррупционных фактов должны внести в него изменения. Аналогичным экспертизам подлежат и нормативные акты законодательных органов власти субъектов РФ.

Еще одним аспектом участия прокуратуры в правотворческой деятельности выступает консультирование разработчиков проектов нормативных актов по правовым вопросам, разъяснение и участие в рассмотрении внесенных прокурором протестов на незаконные нормативно-правовые акты и т.д.

Взаимодействие органов прокуратуры и законодательных органов осуществляется в вопросах снятия неприкосновенности с членов Совета Федерации или Государственной Думы. На основании представления Генерального прокурора РФ такой вопрос может быть рассмотрен на заседании соответствующей палаты на основании ч. 2 ст. 98 Конституции РФ.

Порядок назначения и освобождения от должности Генерального прокурора РФ также представляет собой взаимодействие прокуратуры и законодательных органов, поскольку данная процедура осуществляется при участии Совета Федерации по представлению Президента РФ. А в соответствии с п.7 ст. 12 закона «О прокуратуре» Генеральный прокурор предоставляет ежегодный отчет Федеральному Собранию о состоянии законности и правопорядка в стране, а также о мероприятиях по их укреплению.

Все вышеизложенное позволяет отметить, что прокуратура находится в тесном взаимодействии с законодательными органами власти всех уровней. Совет Федерации назначает и освобождает от должности генерального прокурора. Деятельность Федерального Собрания не является предметом прокурорского надзора. Также стоит отметить, что прокуратура не владеет правом законодательной инициативы, она не может без согласия соответствующей палаты Совета Федерации лишить неприкосновенности депутата или члена Совета. Из всего этого следует, что прокуратура не является органом законодательной ветви власти, так как ей не соответствует ни какой из признаков законодательных органов власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кодекс административного судопроизводства: Федеральный закон от 08.03.2015 N 21-ФЗ (ред. от 28.12.2017) // Режим доступа к журн. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/
2. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-1 (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.08.2017) // Режим доступа к журн. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/
3. Путин оценил масштаб нарушений прав и свобод граждан России. Ведомости от 23 марта 2016 г. // Режим доступа к журн. URL : <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2016/03/23/634792-putin-narushenii-prav-svobod>
4. Конституция Республики Башкортостан от 24 декабря 1993 года №BC-22/15 // Режим доступа к журн. URL: <http://www.lawexpertise.ru/zakonodatelnaya-iniciativa-na-urovne-subektov-rg>
5. Степное Уложение (Конституция Республики Калмыкия): Постановление Законодательного Собрания Республики Калмыкия от 14.08.1995 №8-ЗС // Режим доступа к журн. URL : // Режим доступа к журн. URL: <http://docs.cntd.ru/document/720705887>
6. Конституция Республики Алтай: Государственное собрание Эл-Курултай Республики Алтай от 7 июня 1997 года // Режим доступа к журн. URL : <http://docs.cntd.ru/document/304200009>
7. Конституция Республики Тыва: Закон Республики Тыва от 6 мая 2001 года (с изм. на 07.07.2017 г.) // Режим доступа к журн. URL: <http://docs.cntd.ru/document/906705011>
8. Конституция Чувашской Республики от 30 ноября 2000 года // Режим доступа к журн. URL: <http://docs.cntd.ru/document/804959957>

9. Конституция Республики Бурятия: Закон Республики Бурятия от 22 февраля 1994 года // Режим доступа к журн. URL: <http://docs.cntd.ru/document/802036620>
10. О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: Федеральный закон от 08.05.1994 го № 3-ФЗ (с изм от 29.07.2017 г.) // Режим доступа к журн. URL : <http://docs.cntd.ru/document/9027721>
11. Об организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов : Приказ Генеральной Прокуратуры России от 28.12.2009 г. №400 (в ред. от 9.02.2012 г.) // Режим доступа к журн. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98703/

УДК 342.9

Чегоненко Ю.В.
Научный руководитель: Сынова Е.М., д.ю.н., доцент

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НОТАРИУСА ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Резюме. В данном исследовании рассмотрена ответственность нотариуса за нарушение нотариальных действий в Российской Федерации и Донецкой Народной Республике. Установлено, что 1) необходимо либо снова ввести перечень нотариальных действий, совершаемый государственными нотариусами, либо распространить действие ст.220 УК РФ и на нотариусов, работающих в государственных нотариальных конторах; 2) до момента возникновения рынка страховых услуг, сформировать в Донецкой Народной Республике компенсационный фонд, который может стать дополнительным источником возмещения ущерба, причиненного действиями нотариуса, при совершении им нотариальных действий, либо включить такие возмещения ущерба в расходную часть бюджета Республики, поскольку регламентированная действующим законодательством норма ст. 33 закона ДНР «О нотариате» не исполняется.

Ключевые слова: органы нотариата, государственный нотариус, Федеральный закон, самозанятый нотариус, законность.

Под ответственностью, в общей теории права, принято понимать негативные последствия, претерпеваемые лицом при нарушении нормы права. Целью исследования является сравнительный анализ нотариальной ответственности в Российской Федерации и Донецкой Народной Республике. Недостаточная изученность данного вопроса в юридической науке указывает на актуальность темы.

Говоря об ответственности, следует иметь в виду: защиту прав граждан; наказание лица, нарушившего закон. Это справедливо и в отношении нотариальной деятельности, поскольку она затрагивает права и свободы граждан, а результаты такой деятельности могут привести к серьезному ущербу. Ответственность классифицируется на несколько видов: административная; гражданско-правовая; дисциплинарная; уголовная.

В Российской Федерации основополагающим актом, согласно которого устанавливается административная ответственность, является Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [1]. В него включено большое количество составов административных правонарушений и среди их субъектов есть должностные лица. Невыполнение ими установленного порядка управления влечет к привлечению их к ответственности. КоАП РФ не предусматривает составы ответственности ни для государственных нотариусов, ни для «самозанятых». Поэтому, целесообразнее было бы для нотариуса закрепить самостоятельные составы ответственности за административные правонарушения, субъектом которых он является.

В случае если «самозанятый» нотариус умышленно разгласил сведения о произведенном нотариальном действии, либо осуществил нотариальное действие,

нарушающее законодательство, то согласно Основ законодательства РФ о нотариате (ст. 17) он, несет полную имущественную ответственность за причиненный им ущерб. Источником возмещения такого вреда является страховое возмещение по договору страхования гражданской ответственности нотариуса, а при его недостаточности – за счет страхового возмещения по договору коллективного страхования гражданской ответственности нотариуса, заключенного нотариальной палатой, также в случае его недостаточности – за счет личного имущества нотариуса, а, если его также недостаточно, то за счет средств компенсационного фонда Федеральной нотариальной палаты.

Формирование компенсационного фонда Федеральной нотариальной палаты происходило в течение двух лет в процентном исчислении от взносов нотариусов (не менее 5 % от взносов, которые с 1 января 2016 года направляются в Федеральную палату) и с 1 января 2018 года можно будет производить первые выплаты из него.

В случае если работниками частного нотариуса или лицом его заменяющим, при исполнении ими обязанностей по осуществлению нотариальных действий, то такой нотариус также несет полную имущественную ответственность за виновно причиненный ими вред. При этом частный нотариус имеет право предъявить регрессный иск к лицу, его заменявшему, в размере ущерба, нанесенного таким лицом и компенсированного за счет личного имущества нотариуса.

В настоящий момент минимальный размер индивидуального страхования профессиональной ответственности нотариуса составляет 5 миллионов рублей. К примеру, согласно статистики Федеральной нотариальной палаты, предоставленной Министерством юстиции РФ, в 2016 г. потерпевшим клиента частнопрактикующими нотариусами было выплачено 246,5 тысячи рублей (в том числе 200 тысяч в Воронежской области), 76,2 тысячи взыскал суд. Страховыми случаями признано шесть сделок, а общий размер компенсации составил 666 тысяч рублей[2].

Органы государственной власти, государство не несут ответственность за вред, причиненный самозанятым нотариусом.

Касательно действий (бездействий) нотариуса государственной нотариальной конторы – государство несет ответственность за причиненный им вред в соответствии со ст. 1069 Гражданского кодекса РФ [4]. Также, в этом случае, необходимо применять нормы Трудового кодекса РФ при увольнении такого нотариуса.

В 2016 г. Министерством юстиции РФ был принят Кодекс профессиональной этики нотариусов [5], устанавливающий дисциплинарную ответственность нотариусов за различные нарушения, таким образом, имущественная ответственность нотариуса за свою профессиональную деятельность дополняется дисциплинарной ответственностью. Для государственных нотариусов, привлечение к дисциплинарной ответственности за определенные дисциплинарные проступки, регламентировано нормами Трудового кодекса РФ.

Согласно законодательства России нотариус может быть привлечен к ответственности в судебном порядке за несвоевременное предоставление в налоговый орган необходимых сведений. Так, на основании ст. 129.1 Налогового кодекса РФ [6] неправомерное сообщение лицом сведений, которые лицо должно сообщить налоговому органу влечет взыскание штрафа в размере 5 000 рублей, а при совершении тех же деяний повторно в течение календарного года – 20 000 рублей.

Ст. 220 Уголовного кодекса РФ [7] установлена уголовная ответственность частного нотариуса за злоупотребление полномочиями, для привлечения к которой, кроме совершения предусмотренного ею общественно опасного деяния, необходимо наступление общественно опасных последствий. Государственные нотариусы, в случае злоупотребления полномочиями, подлежат уголовной ответственности в соответствии с главой 30 Уголовного кодекса РФ, как должностные лица за должностные

преступления, при этом должностные полномочия должны быть четко законодательно закреплены. Однако, ранее предусмотренный ст.36 Основ законодательства РФ о нотариате перечень нотариальных действий, совершаемый государственными нотариусами, с 1 января 2015 года утратил силу. В связи с чем, возникают трудности квалификации нарушений, допускающиеся государственными нотариусами. Из всего выше сказанного следует вывод, что необходимо либо снова ввести перечень нотариальных действий, совершаемый государственными нотариусами, либо распространить действие ст.220 УК РФ и на нотариусов, работающих в государственных нотариальных конторах.

Кроме того, поскольку нотариусам законодательно, кроме нотариальной деятельности, запрещено заниматься иными видами деятельности, все же в виде исключения разрешено извлекать доходы от сопутствующих видов деятельности, прямо указанных в законодательстве: например, составлять проекты заявлений, сделок и т.п. (ст. 15 Основ). Но оказывать такие услуги могут не только нотариусы, а и иные лица. Если же при оказании этих услуг нотариус станет злоупотреблять доверием, то ответственность возникает не по ст. 220 УК РФ, а согласно ст. 165 или ст. 201 УК РФ. Уголовная ответственность для нотариуса может наступить и по совокупности преступлений (ст. 183 и 202 УК РФ), когда нотариусом разглашены сведения, являющиеся коммерческой или банковской тайной. Анализируя ст. 202 УК РФ, оценить на практике существенность вреда, причиненного действиями (бездействиями) нотариуса достаточно трудно, поскольку законодательно не закреплено, какой вред можно считать существенным. В каждом конкретном случае это определяет суд, который должен учесть все обстоятельства дела: объем вреда; характер вреда; тяжесть последствий, наступивших для пострадавшего и т.п.

Также может быть учтено и введение в заблуждение относительно законодательства, и разглашение банковской или коммерческой тайны, либо совершение нотариальных действий без наличия необходимых документов, то есть любые незаконные деяния. В ст. 202 УК РФ объективная сторона состава преступления сформулирована так, что невозможно четко определить ни общественно опасное деяние, за которое нотариус может понести уголовную ответственность, ни общественно опасные последствия, в связи с чем, возникает вопрос эффективности данной статьи. Для решения этой проблемы, необходимо установить признаки состава преступления, чтобы не допустить произвольность их толкования.

Стоит отметить, что в Разделе II закона «О нотариате» [8] Донецкой Народной Республики закреплены нотариальные действия, совершаемые нотариусами и иными уполномоченными лицами. В случае причинения нотариусом вреда имуществу гражданина или юридического лица, в результате совершения нотариальных действий либо отказа в совершении нотариального действия, такой ущерб возмещается за счет страховой выплаты по заключенному договору страхования гражданской ответственности нотариуса, в размере реального ущерба, а при недостаточности такой страховой выплаты, разница покрывается за счет имущества такого нотариуса.

Ст. 33 закона ДНР «О нотариате» закрепляет, что без заключения договора страхования гражданско-правовой ответственности, нотариус не вправе выполнять свои обязанности, поскольку он обязан заключить такой договор до начала совершения нотариальных действий. Данная норма в настоящий момент не работает, что, в свою очередь, нарушает права всех участников нотариальных действий, поскольку в Донецкой Народной Республике нет возможности заключить договор страхования гражданской ответственности нотариуса из-за отсутствия рынка страховых услуг.

Таким образом, на современном этапе в ДНР до возникновения рынка страховых услуг на законодательном уровне необходимо закрепить иной источник возмещения ущерба вреда, причиненного нотариусом при совершении им нотариальных действий.

Таким источником может стать создание компенсационного фонда по аналогии с законодательством Российской Федерации, либо включить такое возмещение ущерба в расходную часть бюджета Донецкой Народной Республики.

В ДНР согласно п. 3 ст. 32 закона «О нотариате» нотариус не несет ответственность, если, обратившееся к нему лицо за совершением нотариальных действий: подало недействительные и (или) поддельные документы; подало неправдивую информацию по вопросам, связанным с совершением нотариальных действий; не заявило о наличии либо отсутствии лиц, прав или интересов которых может касаться данное нотариальное действие.

Государство ДНР, республиканский орган исполнительной власти, реализующий государственную политику в сфере юстиции не несет ответственности по обязательствам нотариуса, а нотариус, в свою очередь, не несет ответственность по их обязательствам.

Таким образом, действия нотариуса должны совершаться в строгом соответствии с законом, иначе при злоупотреблении своими полномочиями, возможно наступление уголовной, административной, дисциплинарной ответственности. Для законного ее установления, следует устранить неоднозначность, нечеткость и противоречивость правового регулирования, обеспечить его определенность в сфере ответственности нотариусов. В данном разделе вносятся предложения по изменению законодательства РФ, поскольку необходимо либо снова закрепить перечень нотариальных действий, совершаемый государственными нотариусами, за нарушение которых может наступить ответственность, либо распространить действие ст. 220 УК РФ и на нотариусов, работающих в государственных нотариальных конторах. Также, по итогам исследования, предлагается, до момента возникновения рынка страховых услуг, сформировать в Донецкой Народной Республике компенсационный фонд, который может стать дополнительным источником возмещения ущерба, причиненного действиями нотариуса, при совершении им нотариальных действий, либо включить такие возмещения ущерба в расходную часть бюджета Республики, поскольку регламентированная действующим законодательством норма ст. 33 закона ДНР «О нотариате» не исполняется.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30.12.2001 №195-ФЗ (ред. от 30.10.2017) // Режим доступа к журн. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/
2. О нотариальной безответственности: Статья от 6 июня 2017 г. Российское агентство правовой и судебной информации РАПСИ // Режим доступа к журн. URL: http://www.rapsinews.ru/legislation_publication/20170606/278858716.html
3. Гражданский кодекс РФ (часть вторая): Закон РФ от 26.01.1996 г. №14-ФЗ (ред. от 28.03.2017) // Режим доступа к журн. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/2a21c91b31203c3e3c0c092aca5109f2a5008b7d/#dst102626
4. Кодекс профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации: Министерство юстиции Российской Федерации 19.01.2016 г. // Режим доступа к журн. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189129/
5. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): Закон РФ от 31.07.1998 №146-ФЗ (ред. от 27.11.2017) // Режим доступа к журн. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/d786873fd1360a61e6ed106f7f3f9f2d57694eda/
6. Уголовный кодекс Российской Федерации: Закон РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.08.2017) // Режим доступа к журн. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/f44c42a5fda0cbe1cb21e2547efc79a5c46c66c9/
7. О нотариате: Закон Донецкой Народной Республики № 142-ИНС от 24.06.2016. // Режим доступа к журн. URL: <http://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-notariate/>

Чёрная А.В.

Научный руководитель: Щербинина Е.В., к.и.н., доцент

ПРАВО ЛИЦ НА СВОБОДУ ОТ ПЫТОК, ДИСКРИМИНАЦИИ И ЖЕСТОКИХ ВИДОВ НАКАЗАНИЯ В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА НА ДОНБАССЕ

Резюме. В данном исследовании изучены проблемы применения пыток в период военного конфликта в Украине. Также в статье рассмотрены проблемы подвержения принадлежащих к вооруженным силам сторон бесчеловечному обращению и наказанию, а гражданских лиц – запугиванию, дискриминации, причинению физических и психологических страданий государственными должностными лицами с ведома государства или его молчаливого согласия. Основой данной статьи стали регулярные отчеты международных правозащитных организаций. Установлено, что причиной попираания права лица на свободу от пыток, дискриминации и жестоких видов наказания является ужесточение ответственности должностных лиц за превышение полномочий и попустительство относительно преступлений в период военных действий.

Ключевые слова: ООН, Донбасс, ДНР, ЛНР, пытки, дискриминация.

Статья 5 Всеобщей декларации прав человека закрепляет: «Никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим его достоинство обращению и наказанию» [1]. Аналогичная норма сформулирована в ст. 7 Международного пакта о гражданских и политических правах [2] и ст. 3 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод [3].

Конвенция ООН против пыток 1987 г. определяет пытки как "любое действие, которым лицу умышленно причиняется сильная боль, физическое или нравственное страдание, чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера, когда такая боль или страдание причиняются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия» [4]. Римский статут дает определение пыток как умышленного причинения сильной боли или страданий, будь то физических или психических, лицу, находящемуся под стражей или под контролем обвиняемого (ст. 7 ч. 2) [5].

В сложившейся ситуации военного конфликта на Донбассе данная тема приобрела особо острую актуальность в связи с угрозой шпионажа, диверсий, а также повышенного уровня преступности в сфере незаконного наркооборота и оборота оружия и желанием обеих сторон их предупредить любыми способами.

Согласно отчетам ООН и международных правозащитных организаций, в том числе Amnesty International и Human Rights Watch [6] обе стороны конфликта практикуют длительное произвольное задержание гражданских лиц, которых лишают любых контактов с внешним миром, в том числе с адвокатами и родственниками. В некоторых случаях такое задержание достигает уровня насильственного исчезновения, когда захватившая человека сторона отказывается признавать факт задержания или сообщать что-либо о его судьбе или местонахождении. Большинство таких задержанных подвергаются пыткам или другому недозволенному обращению. Имели место случаи, когда человеку отказывали в медицинской помощи, которая ему требовалась в результате полученных в период задержания травм или в силу хронических заболеваний.

Конституцией ДНР, законами ДНР «О полиции», «О прокуратуре», и другими НПА гарантируется запрет пыток и других видов жестокого обращения. Точно так же и

Украина, являющаяся членом ООН и имеющая «демократичную» конституцию приняла ряд нормативно-правовых актов, которыми запретила применение пыток, принуждение к даче показаний, жестокое обращение, унижающее достоинство и прочие виды наказаний и истязаний.

Право на свободу от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания согласно характеру опосредуемых им благ всегда относилось и относится к основным гражданским (личным) правам и свободам человека. В свою очередь в их системе оно относится к специфической группе прав и свобод, характеризующихся возможностью личности посредством свободного волеизъявления распоряжаться собой, а также защищаться от незаконного вмешательства в сферу индивидуальной жизни, посягательства на нее. К этой группе относится также право на свободу и личную неприкосновенность, право на неприкосновенность жилища, право свободного выезда за пределы государства и беспрепятственного возвращения.

В сложившейся ситуации вооруженного конфликта обе его стороны в попытке обезопасить себя от угрозы проникновения через линию соприкосновения своих территорий создали контрольно-пропускные пункты, так называемые «блокпосты», законодательно установив право граждан, иностранцев и лиц без гражданства на свободное и беспрепятственное пересечение линии соприкосновения через контрольные пункты при условии предъявления документов, удостоверяющих личность, и внесения данных о личности в электронный реестр. Однако в реальности в данных местах действуют иные законы. Гражданские лица при пересечении данных границ регулярно подвергаются произвольному задержанию, допросам, включающим в себя применение физического и психологического насилия. Международными организациями были зафиксированы такие факты как создание СБУ Украины ряда закрытых мест незаконного содержания лиц, которые обвиняются в сепаратизме, доступ куда не предоставляется ни одной международной организации. Также задокументированы и обнародованы факты применения пыток добровольными военизированными организациями батальоном «Азов» и другими относительно гражданских лиц, выезжающих с территории ДНР и ЛНР. В докладах правозащитных организаций отмечаются очень тяжелые условия содержания задержанных, применение насилия и истязаний, а также «исчезновения» людей, то есть нарушение правил заключения и помещения под стражу в части обязанности сообщать родственникам задержанных о их местонахождении. Также известны случаи задержания гражданских лиц с целью фальсификации процедуры «обмена пленными» между сторонами. Совершаются данные преступления как государственными органами Украины, так и вооруженными незаконными формированиями. В ДНР же существует проблема незаконного задержания граждан органами МГБ и превышения сроков содержания их под стражей, применение жестокого обращения с целью получения показаний.

ООН приводит многочисленные факты применения пыток к заключенным в Украине [7]. Кроме того, представители Управления Верховного комиссара ООН по правам человека зафиксировали пытки родственников заключенных. В отчете приводится немало примеров. Работники СБУ задерживали и, вероятно, применили пытки по отношению к женщинам родственницам мужчин, подозреваемых в принадлежности к вооруженным группам или в связях с ними.

В отчете миссии ООН говорится, что сторона обвинения затягивает допрос свидетелей, при этом к пленным применяются незаконные меры принуждения, в том числе лишение свободы, нахождение человека в одиночной камере, которое является видом строгого наказания, во всех случаях без должного юридического обоснования.

В этом же отчете Управление Верховного комиссара ООН по правам человека подтвердило существование незаконных тюрем СБУ, часто расположенных в подвалах

зданий областных управлений спецслужбы, в которых тайно удерживаются заключенные.

По данным управления ООН, Служба безопасности Украины создала ряд закрытых мест незаконного содержания лиц, которые обвиняются в сепаратизме, доступ куда не предоставляется ни одной международной организации.

Как известно, именно вокруг существования таких тюрем в Украине 25 мая разразился международный скандал. Делегация подкомитета ООН по предупреждению пыток приостановила свой визит в Украину из-за того, что ее не допустили в места, где, по ее подозрению, работники СБУ могут незаконно удерживать людей.

Относительно второй стороны конфликта в докладе отмечаются очень тяжелые условия содержания украинских пленных, к которым также, по задокументированным данным, применяется насилие.

Стоит отметить, что в настоящее время не только не принимаются меры по прекращению жестокого обращения, пыток, унижения достоинства, запугивания и дискриминации граждан любого характера, но и активно растет обратный процесс.

Так, принятый Верховной Радой Украины 18.01.2018 года законопроект «Об особенностях государственной политики по обеспечению государственного суверенитета Украины на временно оккупированных территориях Донецкой и Луганской областей» [8] содержит ряд положений, позволяющих силовикам ВСУ совершать действия, не поддающиеся контролю со стороны правозащитных организаций и, собственно, действующего законодательства. Например, такими действиями данный Закон определяет применение в случае крайней необходимости оружие и специальные средства к лицам, совершившим или совершающим правонарушения или другие действия, препятствующие выполнению законных требований лиц, осуществляющих мероприятия по обороне; задержание и доставление вышеупомянутых лиц в органы Национальной полиции Украины. При этом перечень указанных правонарушений не уточнен, то есть подлежит свободной трактовке. Тем самым, попирая элементарные права человека, на свободное передвижение в том числе, данный законопроект, в случае его принятия, даст развернуться вышеописанным ситуациям по унижению достоинства человека и жестокому обращению в более неконтролируемой мере, а лица, реализующие данные действия силовики не будут подлежать ответственности. То есть правительство Украины дает молчаливое согласие на произвол в отношении граждан, пересекающих линию разграничения территории, предполагая заранее, что к таким лицам могут применяться меры воздействия, выходящие за пределы конституционных прав граждан. И если на территории ДНР подобные действия, а именно – установление режима пропуска государственной границы ДНР в определенных районах, а также временное запрещение её пресечения, введение комендантского часа, ограничение или запрещение движения автотранспорта, в том числе установка блок-постов, произведение в необходимых случаях обыски и задержание подозрительных лиц, временное воспрещение любых перемещений транспортных средств в районах боевых действий, обусловлены военным положением (□), с оговоркой относительно их разрешения только в районах боевых действий, то в Украине военное положение не введено, следовательно, принимаемые нормативно-правовые акты противозаконны не только по своей противоречащей доктрине прав человека сути, но и по причине несоблюдения процедуры их принятия.

В докладе ООН от 12 декабря 2017 года обращается внимание на дискриминационные действия относительно граждан республик Донбасса по признакам зарегистрированного места проживания или регистрации в качестве ВПЛ [9]. Данные действия, так как они причиняются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия, причиняющие любого вида страдания, в

том числе нравственного или психического, согласно вышеприведенных международно-правовых актов являются пытками.

В этом отчёте приводятся факты задержаний по политическим мотивам, по фактам шпионажа в пользу одной из сторон конфликта. В докладе есть примеры таких задержаний как в Украине, так и на территории республик. Следует обратить внимание на то, что в Украине не происходит должным образом расследование убийств и криминальных дел, которые происходили с 2014 года по настоящее время. А заключенные по-прежнему содержатся в условиях, которые попадают под понятие жестокого вида наказания и дискриминации, установленных международным законодательством.

Все годы продолжения конфликта проводятся мнимые судебные процессы, но согласно указанным отчетам независимых обозревателей, эффективность в Украине некоторых расследований является проблемой, и это наводит на мысль, что нет действительного желания наказать виновных. В основном в этих делах рассматриваются преступления украинских правоохранителей, военных, сотрудников СБУ. В документах собран целый ряд таких фактов, когда правосудие не свершилось. Приводится в пример дело пограничника Сергея Колмогорова, который совершил убийство, его осудили на 13 лет лишения свободы, но потом отменили приговор. В дело вмешался даже президент Украины Пётр Порошенко.

Кроме этого, в отчетах ООН приведено много фактов жестокого обращения, пыток и издевательств со стороны сотрудников СБУ. В отчёте подчеркивается, что в республиках Донбасса не признают решения судов Украины и «закона Савченко», который был принят в ноябре 2015 года, поэтому в ООН считают, что «содержание вооружёнными группами под стражей осуждённых лиц носило своевольный характер».

Необходимо отметить, что для достижения видимых результатов в области соблюдения прав человека в условиях вооруженного конфликта на Донбассе необходимо решать проблему в целом, однако в существующих на сегодняшний день условиях правительства как Украины, так и ДНР могут принять ряд мер, улучшающих положение пленных, задержанных а также гражданских лиц, опасаящихся пересекать границу. Необходимо безотлагательно принять меры для прекращения всех без исключения насильственных исчезновений, включая официально непризнаваемое задержание любой продолжительности, принять меры по обеспечению того, чтобы никто из лиц, задерживаемых правоохранительными структурами или другими официальными силовыми структурами, не подвергался пыткам или иному недозволенному обращению, покончить с любыми практиками произвольного задержания, включая задержания членами военизированных формирований и сотрудниками любых государственных ведомств, не имеющими полномочий осуществлять содержание под стражей, а также содержание задержанных вне официальных мест содержания под стражей и содержание в полной изоляции, расследовать все заслуживающие доверия заявления о произвольных задержаниях со стороны подконтрольных правительству сил и ведомств; установить и, при наличии достаточных доказательств, привлечь к уголовной ответственности в соответствии с международными стандартами справедливого судебного разбирательства всех лиц, в отношении которых имеются заявления о причастности к такой практике, включая сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих, со стороны которых имеет место попустительство такой практике или соучастие в ней, временно отстранить от исполнения обязанностей должностных лиц, в отношении которых имеются заявления о причастности к любой из вышеперечисленных практик, обеспечить полное знание всеми участниками войсковых и правоохранительных операций применимых норм международного права, а также понимание возможности наступления персональной и командной ответственности за любое их нарушение. Также

необходимо ужесточить уголовную ответственность за применение пыток к гражданским лицам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. – 10 декабря 1998 г.
2. Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 19 декабря 1966 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976 г. – №17(1831). – Ст. 291.
3. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. // Права человека. Сборник универсальных и региональных международных документов. М., 1996
4. Европейская Конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (Страсбург, 26 ноября 1987 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 7 сентября 1998 г., №36, – Ст. 4465.
5. Устав Международного уголовного суда. – М.: Издательство ПРИОР, 2002 – 263 с.
6. Доклад Human Rights Watch, Amnesty International «Вас не существует» Произвольные задержания, насильственные исчезновения и пытки в ходе конфликта на востоке Украины: [Электронный ресурс], США, июль 2017 URL: <http://www.unodc.org/documents/postungass2016/outcome/V1603303-R.pdf>
7. Постановление совета Министров ДНР от 25.05.2014 № 6-5 «О введении на территории Донецкой Народной Республики военного положения»[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mid.donr.su/DOC/20140525.htm>
8. Закон Украины «О создании необходимых условий для мирного урегулирования ситуации в отдельных районах Донецкой и Луганской областей» // Голос України. – 18.01.2018. – № 7164.
9. Доклад Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека о ситуации с правами человека в Украине 16 августа – 15 ноября 2017 г. : [Электронный ресурс], URL: http://www.ohchr.org/Documents/Countries/UA/UARreport20th_RU.pdf

УДК 347.245

Шептунова А.В.
Научный руководитель: Сыркова Е.М., д.ю.н., доцент

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «ОТЧУЖДЕНИЕ ПРАВ НА ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ»

Резюме. Усовершенствование понятия отчуждения прав на земельные участки достигнута путём анализа нормативно-правовых актов Украины и Российской Федерации. В результате исследования можно сделать вывод о том, что закрепление данной нормы в Земельных Кодексах Украины и Российской Федерации объект отчуждения, субъектный состав отношений, возникших в результате отчуждения прав на земельные участки, основания отчуждения прав на земельные участки.

Ключевые слова: отчуждение прав на земельные участки, право пользования земельным участком, оборот земельных участков, аренда земли, землепользование.

При исследовании теоретических основ прав на земельные участки основополагающая роль отводится непосредственно формулировке понятия «отчуждение прав на земельные участки». Поскольку данное определение в нормативно-правовых актах Украины и Российской Федерации (далее РФ) не закреплено, важно определить его смысл с теоретической точки зрения, потому как формирование института отчуждения прав на земельные участки будет способствовать развитию земельного законодательства в целом, соответственно, поможет упростить его применение в юридической практике, так как зачастую, не понимая содержания понятия отчуждения прав на земельные участки, совершаются юридически неверные (в некоторых случаях неправомерные) действия, которые впоследствии ведут к возникновению гражданско-правовых споров и к подаче судебных исков, оснований для которых не возникло бы при правильном толковании и понимании исследуемого понятия. Учитывая всё вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что детализация

понятия отчуждения прав на земельные участки, его научное исследование является важным вопросом, требующий основательного изучения, анализа и закрепления в законодательстве.

Целью работы является выявление юридических признаков определения понятия «отчуждение прав на земельные участки». В украинской и российской практике отчуждение прав на земельные участки является распространенным и играет немаловажную роль в динамике гражданских правоотношений. Однако, несмотря на это, категорию «отчуждение прав на земельные участки» в отечественной гражданско-правовой науке нельзя считать достаточно изученной, поэтому целесообразно будет рассмотреть отдельно понятие «отчуждения» для дальнейшего полного и детального исследования, ведь как справедливо отмечает В. А. Белов, «отчуждение материальных благ невозможно без четкого предварительного различения «своего» и «чужого», т.е. без определения субъективного вещного права, на котором находится вещь у отчуждающего ее лица» [1, с. 8–19].

В гражданско-правовой науке термин «отчуждение», как правило, упоминается при раскрытии содержания субъективного права собственности и оснований его прекращения. Особого внимания заслуживают работы М. П. Имековой «Соотношение гражданско-правовых категорий «распоряжение» и «отчуждение», Я. В. Абрамовой «Приобретение и отчуждение имущества», В. А. Беловой «Гражданско-правовое регулирование отчуждения недвижимого имущества в связи с изъятием земельного участка», Д. А. Верещагиной «Гражданско-правовое регулирование отчуждения недвижимого имущества в связи с изъятием земельного участка», И. Д. Кузьминой «Гражданско-правовой оборот земельных участков под строениями в России».

Так как нет устоявшегося понятия «отчуждение прав на земельный участок», продолжают вестись споры об определении данного понятия, что и обуславливает актуальность исследуемой темы.

Большой юридический словарь понятие «отчуждения» сформулировано следующим образом. Под «отчуждением» в узком юридическом смысле понимается: передача имущества и прав на него в пользование, владение или распоряжение другому лицу; один из способов реализации принадлежащего собственнику (владельцу или пользователю) имущества или прав на них, правомочия пользование, владение или распоряжение другому лицу [2, с. 467].

В Энциклопедическом юридическом словаре подчеркивается, что отчуждение осуществляется главным образом по воле лица, которое отчуждает на основе договора, заключаемого им с приобретателем имущества или прав на него, но в случаях, установленных законом, отчуждение осуществляется помимо воли собственника, т.е. в принудительном порядке [3, с. 220].

В Финансовом энциклопедическом словаре даётся следующее определение: отчуждение – в гражданском праве передача имущества (прав на него) в собственность (пользование) другого лица; один из способов осуществления собственником правомочия распоряжения принадлежащим ему имуществом или прав на них [4, с.504].

Что касается определения понятия «отчуждение прав на земельные участки», то ни в российском, ни в украинском законодательстве нет нормы, которая истолковывала б данное понятие. Согласно ч. 1 ст. 177 ГК Украины имущественные права являются объектами гражданских прав, а в соответствии с ч. 1 ст. 178 ГК Украины объекты гражданских прав могут свободно отчуждаться или переходить от одного лица к другому в порядке преемства или наследования или иным образом, если они не изъяты из гражданского оборота, или не ограничены в обороте, или не являются неотъемлемыми от физического или юридического лица [5].

Таким образом, гражданское законодательство Украины рассматривает отчуждение как один из видов перехода имущественных прав от одного лица к

другому. Термин «отчуждение прав на земельные участки» появился в законодательстве Украины не так давно. Обратимся к ч. 5 ст. 93 Земельного кодекса Украины [6], в которой указано, что право аренды земельного участка может отчуждаться, в том числе продаваться на земельных торгах, передаваться в наследство, вноситься в уставный капитал владельцем земельного участка.

Сравним данную норму с действующим законодательством в РФ. Согласно ч. 9 ст. 22 ЗК РФ [7] при аренде земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, на срок более чем пять лет арендатор земельного участка имеет право, если иное не установлено федеральными законами, в пределах срока договора аренды земельного участка передавать свои права и обязанности по этому договору третьему лицу, в том числе права и обязанности, без согласия арендодателя при условии его уведомления.

Таким образом, законодательство обоих государств предусматривают возможность отчуждения прав на земельные участки.

Анализ гражданского и земельного законодательства даёт основания утверждать, что права на земельные участки могут отчуждаться на основании прав, возникших на основании эфитевзисе, суперфиции.

Согласно ч. 2 ст. 102 ЗК Украины право пользования чужим земельным участком для сельскохозяйственных нужд (эфитевзис) и право пользования чужим земельным участком для застройки (суперфиций) могут отчуждаться или передаваться в порядке наследования. Согласно ст. 407 Гражданского кодекса Украины, право пользования чужим земельным участком для сельскохозяйственных нужд устанавливается договором между владельцем земельного участка и лицом, которое выразило желание пользоваться этим земельным участком (эфитевзис). А в соответствии с ч. 2 ст. 413 ГК Украины право пользования чужим земельным участком для застройки (суперфиций) может отчуждаться или передаваться в порядке наследования, кроме случаев, предусмотренных законом. Таким образом, настоящими статьями установлено, эфитевзис и суперфиций могут отчуждаться и передаваться в порядке наследования.

По мнению П. И. Кулинича эфитевзис – это личный земельный сервитут, который заключается в предоставлении лицу, в пользу которого он установлен, права владения и пользования чужим земельным участком для сельскохозяйственных потребностей. Следовательно, объектом эфитевзиса могут быть лишь права на земельные участки сельскохозяйственного назначения [8, с. 346].

Эфитевзис предоставляет землепользователю не только правомочия относительно владения и пользования земельным участком, но и правомочия относительно их отчуждения. Согласно ч. 1 ст. 411 ГК Украины землепользователь имеет право на отчуждение права пользования земельным участком для сельскохозяйственных нужд, если иное не предусмотрено законом. Следует отметить, что такое отчуждение прав не лишает владельца земельного участка его титула. Более того, оно предусматривает возможность возвращения ему и правомочностей относительно владения и пользования земельным участком.

Проанализировав нормы действующего ЗУ «Про аренду земли» от 06.10.1998 г. № 161-XIV [9, Ст.7–8], можно сделать вывод о том, что данный закон предусматривает переход права на аренду земельного участка. Так, ч. 1 ст. 7 ЗУ «Про аренду земли» предусматривает переход права на аренду земельного участка после смерти физического лица-арендатора, если иное не предусмотрено договором аренды, к наследникам, а в случае их отказа или отсутствия таких наследников – к лицам, которые использовали этот земельный участок вместе с арендатором и изъявили желание стать арендаторами в случае, если это не противоречит требованиям Земельного кодекса Украины и этого Закона.

Как отмечает В. А. Евсегнеев, арендатор земельного участка вправе передать свои права и обязанности по договору аренды земельного участка третьему лицу, в том числе в залог, и внести их в качестве вклада в уставный капитал хозяйственного товарищества или общества либо паевого взноса в производственный кооператив в пределах срока договора аренды земельного участка без согласия собственника земельного участка при условии его уведомления, если договором аренды земельного участка не предусмотрено иное [10, с. 34].

В указанных случаях ответственным по договору аренды земельного участка перед арендодателем становится новый арендатор земельного участка, за исключением передачи арендных прав в залог.

Схожие нормы содержатся и в ч. 2 ст. 615 ГК РФ [11] арендатор вправе с согласия арендодателя сдавать арендованное имущество в субаренду (поднаем) и передавать свои права и обязанности по договору аренды другому лицу (перенаем), предоставлять арендованное имущество в безвозмездное пользование, а также отдавать арендные права в залог и вносить их в качестве вклада в уставный капитал хозяйственных товариществ и обществ или паевого взноса в производственный кооператив, если иное не установлено настоящим Кодексом, другим законом или иными правовыми актами. Арендные права могут быть вложены в уставный капитал хозяйственных обществ целиком или частично.

Проанализировав приведённые выше определения, гражданское и земельное законодательство, можно сформулировать такие существенные признаки определения понятия «отчуждение прав на земельные участки».

1. Объектом отчуждения выступают права на земельные участки

Выделение этого признака следует из анализа норм, закреплённых в ч. 1 ст. 177 ГК Украины, а так же ч. 1 ст. 178 ГК Украины, в которых указано, что имущественные права являются объектами гражданских прав и могут свободно отчуждаться или переходить от одного лица к другому в порядке правопреемства или наследования или иным образом, а ч. 5 ст. 93 ЗК Украины закрепляет, что объектом отчуждения является право аренды земельного участка.

2. Особый субъектный состав отношений, возникших в результате отчуждения прав на земельные участки.

Этот признак означает, что субъектом отчуждения прав на земельные участки является землепользователь, т.е. физическое или юридическое лицо, наделённое правом владения и пользования земельным участком, которое вправе отчуждать права на земельные участки в пользу других лиц. Так, согласно ч. 1 ст. 411 ГК Украины землепользователь имеет право на отчуждение права пользования земельным участком для сельскохозяйственных нужд, если иное не предусмотрено законом. В соответствии с ч. 9 ст. 22 ЗК РФ при аренде земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, на срок более чем пять лет арендатор земельного участка имеет право отчуждать свои права и обязанности по этому договору третьему лицу.

3. Отчуждение прав на земельные участки осуществляется независимо от воли собственника. Необходимость выделения этого признака обуславливается наличием ч. 3 ст. 411 ГК Украины, которая регламентирует, что землепользователь обязан письменно уведомить собственника земельного участка о продаже права пользования им.

4. Наличие определений оснований отчуждения прав на земельные участки. Наличие данного признака обусловлено анализом норм земельного и гражданского законодательства. Так, согласно ст. 407 Гражданского кодекса Украины, право пользования чужим земельным участком для сельскохозяйственных потребностей устанавливается договором между владельцем земельного участка и лицом, которое выразило желание пользоваться этим земельным участком (эмфитевзис). В соответствии с ч. 2 ст. 102 ЗК Украины право пользования чужим земельным участком для

сельскохозяйственных потребностей (эмфитевзис) и право пользования чужим земельным участком для застройки (суперфиций) могут отчуждаться или передаваться в порядке наследования. Согласно ч. 1 ст. 7 ЗУ «Про аренду земельного участка» предусматривает переход права на аренду земельного участка после смерти физического лица-арендатора, если иное не предусмотрено договором аренды, к наследникам.

Проанализировав ч. 1, 2, 4, 5 ст. 411 ГК Украины, следует отметить, что землепользователь имеет право на продажу права пользования земельным участком, таким образом, основанием для отчуждения прав является договор купли-продажи прав на земельный участок.

В соответствии с ч. 5 ст. 93 ЗК Украины право аренды земельного участка может отчуждаться, в том числе продаваться на земельных торгах, а также передаваться в залог, наследство, вноситься в уставный капитал собственником земельного участка

Таким образом, основаниями отчуждения прав на земельный участок являются: договор, правопреемство, наследование, передача прав в залог, внесение прав в качестве вклада в уставный капитал хозяйственного товарищества или общества либо паевого взноса в производственный кооператив.

Итак, учитывая вышеизложенные имманентные признаки исследуемого понятия, а так же существенные подходы к нему в науке и законодательстве, предлагается под отчуждением прав на земельные участки понимать:

«Отчуждение прав на земельные участки – это правомерное действие землепользователя по передаче прав владения и пользования на земельные участки в пользу третьих лиц, на основании договора, наследования или путём внесения в уставной капитал субъектов хозяйствования, осуществляемое независимо от воли собственника, в порядке, установленном Законом».

Предложенное понятие отражает основные юридические признаки, присущие именно отчуждению прав на земельные участки. Для устранения пробелов в законодательстве касательно определения отчуждения прав на земельные участки уместно дополнить главу 15 Земельного Кодекса Украины статьей 93-1 и главу 15 Земельного Кодекса РФ статьей 41-1 (название обеих – «Отчуждение прав на земельные участки»). На данный момент подобных норм в законодательствах обеих стран нет. Предлагается использовать следующее содержание статьи.

1. Отчуждение прав на земельные участки – это правомерное действие землепользователя по передаче прав владения и пользования на земельные участки в пользу лиц, не являющихся собственником земельного участка, на основании договора, наследования или путём внесения в уставной капитал субъектов хозяйствования, в случаях и порядке, предусмотренным Законом.

2. Отчуждение прав на земельные участки осуществляется независимо от воли собственника.

Цель усовершенствования понятия отчуждения прав на земельные участки достигнута путём анализа нормативно-правовых актов Украины и Российской Федерации. В результате исследования можно сделать вывод о том, что закрепление данной нормы в Земельных Кодексах Украины и РФ не только определит объект отчуждения и субъектный состав отношений, возникших в результате отчуждения прав на земельные участки, основания отчуждения прав на земельные участки, но и поможет упростить юридическую практику, так как облегчит правильное понимание содержания данного понятия, что в последствии впоследствии уменьшит количество гражданско-правовых споров и судебных разбирательств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белов В.А. Отчуждение и приобретение по российскому Гражданскому кодексу (понятийно-терминологическая сторона вопроса) // Законодательство. – 2006. – № 7. – С. 8–19.

2. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Д. Зорькина, В. Е. Крутских. М., – 1999. – 467с.
3. Энциклопедический юридический словарь / под общей ред. В. Е. Крутских. М., – 1999. – 220с.
4. Финансовый энциклопедический словарь / под ред. А. Г. Грязновой, Е.В. Маркиной. М., 2004. 504 с.
5. Гражданский Кодекс Украины // Ведомости Верховной Рады Украины (ВВР), – 2003, – № 40–44, – Ст.177-178.
6. Земельный Кодекс Украины // Ведомости Верховной Рады Украины (ВВР), – 2002, –№ 3–4, – Ст.93.
7. Земельный Кодекс РФ // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 октября 2001 г. – N 44, – Ст.93.
8. Кулинич П.И. Личные земельные сервитуты по законодательству Украины // Юридический журнал №10. – 346с.
9. Об аренде земли: Закон Украины 6 октября 1998г. // Ведомости Верховной Рады Украины (ВВР), – 1998, – N 46-47, – Ст.7-8.
10. 10.Евсегнеев В.А. Законодательство об аренде земли // Законодательство и экономика, – N 7, – 2009 год, – 34с.
11. Гражданский Кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 1994 г., – N 32– Ст. 3301.

УДК 340.735(470)

Шмелькова Ю.Э.

Научный руководитель: Щербинина Е.В., к.и.н., доцент

ЭВОЛЮЦИЯ ПРИНЦИПОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ КООПЕРАЦИИ

Резюме. В данном исследовании изучена и проанализирована история зарождение кооперативного движения. Рассмотрены основные предпосылки создания кооперативов и Международного Кооперативного Альянса.

Ключевые слова: кооперация, зарождение, кооперативное движение, роцдейльские пионеры, Международный Кооперативный Альянс.

Кооперативное движение имеет свою историю, современные проблемы и нацелено далеко в будущее. В настоящее время в мире действует более 120 видов и разновидностей кооперативов, число которых превышает 70 тысяч, а число их членов более 800 миллионов.

Термин «кооперация» происходит от латинского слова cooperatio – сотрудничество. В самой основе идеи кооперации лежат представления людей о справедливом и равноправном социально-экономическом устройстве общества. Первым употребил понятия «кооперация» и «кооператив» в тех значениях, которые составляют предмет нашей дисциплины, английский экономист, промышленник, общественный деятель и теоретик кооперации Роберт Оуэн (1771–1858) в начале 1820-х годов [1].

Как сказал канадский кооператор Александр Лейдлоу, основная цель кооперативного движения – помогать создавать лучший мир [2].

Исследователи кооперации как социально-экономического явления к основным ценностям кооперации относят взаимопомощь, взаимную ответственность, солидарность, справедливость, социальную ответственность и заботу, честность, открытость. Кооперация отличается от других форм предпринимательства демократическим подходом к управлению, социальной направленностью своей деятельности, соблюдением особых кооперативных принципов и морально-этических норм.

К середине XIX в. в Европе образование потребительских, производственных и кредитных кооперативов приняло массовый характер. К этому времени сложилась социальная база кооперативного движения, появилось право на создание ассоциаций, облегчилось получение кредита, были приняты первые кооперативные законодательные акты.

Тяжелые условия жизни и труда вынудили трудящихся объединяться в кооперативы. Первоначально кооперативы создавались на средства пайщиков, что являлось ожидаемой реакцией трудящихся на ухудшение условий жизни. Кооперативы, борясь за свою независимость, защищали всех членов организованных потребителей от всех скупщиков и перекупщиков, посягающих на собственность.

Важную роль в процессе зарождения и развития кооперативов сыграл и идеологический фактор. Кооперативные идеологи создали организационно-правовые основы кооперативного движения, отстаивали интересы кооперативов на всех уровнях власти. Социально-экономическая однотипность кооперации во всех странах стала причиной того, что уже Роберт Оуэн выдвинул идею создания Всемирного кооперативного альянса, но его попытки придать кооперативному движению организованный характер не увенчались успехом. Участники кооперативных обществ и союзов разных стран уже в первой половине XIX в. по собственной инициативе начали устанавливать между собой дружеские контакты и деловые связи, изучать и перенимать друг у друга деловой опыт. Кооперативное движение, выходящее за границы своих стран и осуществляемое на мировой арене, начало принимать характер международного. Ключевое понятие, которое характеризовало его уже в то время, – это сотрудничество. Оно заключается в самой идее кооперации, является ее определяющей чертой [3].

Как движение трудящихся масс, кооперация, в первую очередь, оформилась вместе со становлением и развитием буржуазного общества. Общей причиной, побудившей людей объединяться в кооперативы, явились экономические и социальные последствия перехода к капитализму. В обобщенном виде, предпосылки можно классифицировать по следующим критериям:

1. Экономические.

Экономические предпосылки характеризуются высоким уровнем развития товарно-денежных отношений, органически присущий капитализму, развитие рыночной экономики, при этом, нищенское, полуголодное существование, которое нес трудящимся новый строй. Бедственным было положение и мелких товаропроизводителей. Крупная промышленность в конкурентной борьбе разоряла цеховое и домашнее производство кустарей и ремесленников. Сельское население изгонялось с земель и вытеснялось из стран метрополий в колонии, а уцелевшие крестьяне превращались в безземельных батраков или пополняли ряды городского пролетариата. Тяжелые условия жизни заставляли людей объединяться в борьбе за их улучшение. Кооперация стала одной из форм объединения.

2. Социальные.

Развитие капитализма сопровождалось урбанизацией или быстрым ростом городского населения. Это вело к увеличению спроса на потребительские товары, жилье, транспортные или иные услуги. Повышение спроса вело к росту цен. Оставшиеся от феодального времени владельцы магазинов, пунктов общественного питания и ремонтных мастерских основные доходы получали от богатых потребителей и обслуживать нужды простонародья не спешили. В годы кризисов и последующих за ними депрессий положение трудящихся резко ухудшалось. При этом рабочие часто получали зарплату товарами из фабричных лавок по завышенным ценам. Ремесленники были отрезаны от банковского кредита и испытывали постоянную нужду в деньгах для ведения своего хозяйства. Фабричные рабочие и служащие, ремесленники начали учреждать потребительские, производственные и кредитные кооперативы практически одновременно во всех странах Европы.

3. Политические.

Провозглашение государством буржуазно-демократических свобод и появление свободных работников – пролетариев, получивших возможность создавать свои объединения. При этом создание политических организаций властями всех стран в

разной форме преследовалось, а создание неполитических организаций, не борющихся за власть, поощрялось.

4. Финансовые.

Формирование национальных кредитно-банковских систем столичных и провинциальных коммерческих банков с многочисленными филиалами, частных банков и обществ взаимного кредита упростили, удешевили и ускорили предоставление кредита простым гражданам и их организациям, поскольку конкуренция толкала банкиров на расширение клиентуры и систематическое изучение состояния денежного рынка.

5. Правовые.

Широкое развитие акционерных компаний и издание законов, регулирующих их деятельность, позволили регистрировать первые кооперативные организации под видом акционерных компаний. Позднее, с середины XIX в., начало действовать и кооперативное законодательство.

6. Идеологические.

Учение о кооперативном движении и кооперации возникло задолго до создания первых подлинно кооперативных обществ. Многие гуманисты и просветители, выражая сокровенную мечту людей труда о всеобщем счастье, равенстве и справедливости, издавна выдвигали проекты создания идеального государства и устройства разного рода хозяйственных ячеек будущего: ассоциаций, фаланг, товариществ. В XIX в. идеологи кооперативного строительства начали и практическую деятельность по созданию отдельных видов кооперативов: потребительских – Роберт Оуэн, производственных – Луи Блан, кредитных – Шульце-Делич и Фердинанд Райффайзен.

7. Просветительская деятельность.

Издание первыми кооперативами газет, журналов, книг, агитировавших за кооперативный образ жизни, рассказывавших, как создавать кооперативы и управлять ими, как решать экономические и социальные проблемы трудящихся [4].

Все вышеперечисленные предпосылки привели к первым практическим результатам – создание кооперативной собственности путем вложения средств в организацию кооперативов, аренду или покупку помещений, земли, закупку товаров, работа в кооперативах в качестве наемных работников, разработка уставов и законов для кооперативов, защита их интересов в органах власти [1].

Первой практической попыткой осуществления идей сотрудничества кооперативов разных стран стала основанная в 1835 г. в Лондоне Ассоциация всех классов и всех наций, одной из задач которой ставилась пропаганда кооперативных идей в международном масштабе. В 1860 г. на конгрессе Английского кооперативного союза английские кооператоры создали Международный комитет для учреждения международного кооперативного центра. Комитет, как и Ассоциация, просуществовал недолго. Разрозненные, малочисленные и экономически маломощные кооперативы Европы еще не были готовы к широкому международному сотрудничеству [5].

В 1866 г. француз, столяр-краснодеревщик, основатель кооператива «Кредит труду» Жан Пьер Белуз предложил название будущей организации – «Международный кооперативный альянс» [6].

Однако в кооперативном движении развернулась дискуссия о его сущности и задачах будущей деятельности. Ванситарт Нил и Якоб Холиуок считали главной задачей МКА пропаганду кооператива, т.е. участие рабочих в управлении и прибылях и содействие созданию производственных кооперативов. Э. де Буав и некоторые другие кооператоры, пережившие европейские революции середины XIX в., надеялись, что МКА сможет с помощью кооперативных объединений заменить применение силы арбитражем и таким образом нормализовать и привести к социальному миру отношения между трудом и капиталом. Большинство лидеров национальных

кооперативных организаций полагало, что МКА со временем превратится в международный центр взаимовыгодного экономического сотрудничества и обмена опытом. В итоге, предложение Э.де Буава для начала избрать сроком на три года Международный комитет кооперации, который должен был установить связи с ведущими кооперативными организациями в разных странах, на британском кооперативном конгрессе в г.Плимуте не было принято [7].

Инициативу в практическом осуществлении идей международного кооперативного сотрудничества взяли на себя английские кооператоры. В 1889 г. генеральный секретарь кооперативного союза Великобритании христианский социалист Ванситарт Нил создал инициативный комитет по организации Международного союза друзей кооперативного производства. Комитет обратился с воззванием к кооперативным союзам разных стран учредить международный кооперативный центр со штаб-квартирой в Лондоне. В. Нил и его сторонники ставили своей целью создать такое международное кооперативное объединение, которое способствовало бы в первую очередь созданию во всех странах производственных кооперативов. Христианские социалисты того времени видели в развитии этого вида кооперации путь решения социальных проблем общества, возможность устранения противоречий между трудом и капиталом. В производственных кооперативах они увидели возможность привлечь рабочих к участию в прибылях и управлении предприятиями. Они надеялись, что рабочие, став соучастниками владения предприятиями, будут пользоваться получаемыми прибылями наравне с предпринимателями и тем самым ликвидируются противоречия между трудом и капиталом. Христианские социалисты призывали привлекать рабочих к участию в прибылях и управлении, в потребительских кооперативах, осуществлявших производственную деятельность. Но поддержки у членов потребительской кооперации они не нашли, что явилось главной причиной задержки в создании МКА.

Первый учредительный международный конгресс открыл работу 19 августа 1895 г. в Лондоне. В его работе приняли участие 207 делегатов кооперативных организаций от Австралии, Австро-Венгрии, Англии, Бельгии, Голландии, Дании, Италии, Сербии, США, Франции, Швейцарии и наблюдатели от ряда стран, в том числе и России.

Второй этап развития международного кооперативного движения начался в 1896 г. В октябре 1896 г. в Париже состоялся II конгресс МКА. На нем был рассмотрен и принят устав МКА, содержащий формулировки целей, принципов и методов деятельности альянса. Среди целей МКА как центра кооперативного движения выделяли такие как: обмен опытом хозяйственной и организационной деятельности кооперативов разных стран; совершенствование кооперативного законодательства; пропаганда кооперативных принципов; организация экономических связей между кооперативами разных стран; создание кооперативного общественного мнения; участие рабочих и служащих в прибылях в каждой ассоциации.

Устав определял права и обязанности МКА, которые заключались в содействии развитию кооперации, поддержании хороших отношений между организациями, входящими в состав МКА, сохранении кооперативного движения во всех его формах проявления и другие.

В основу международных кооперативных принципов были положены принципы рочдейльских пионеров.

Пионерами кооперации стали ткачи английского города Рочдейл, создавшие в 1844 году потребительский кооператив, члены которого могли в кооперативном магазине покупать товары по «справедливым ценам» и получать долю прибыли пропорционально сумме сделанных покупок.

В 1844 последователи Оуэна в г. Рочдейл (Великобритания) организовали общество потребителей (в него вошло первоначально 28 человек) и назвали его обществом

«справедливых пионеров». «Рочдельские пионеры» сформулировали важнейшие принципы кооперативного движения, утверждавшиеся по мере его развития:

- добровольность участия в кооперативе;
- демократический характер управления и контроля (выборность и подотчётность членам кооператива всех его органов);
- одинаковые права членов кооперативов, независимо от паевых взносов (один член – один голос);
- продажа товаров по среднерыночным ценам и только за наличный расчёт;
- продажа только доброкачественных товаров, чистым весом и точной мерой;
- отчисление доли прибыли на повышение культурного уровня членов общества, постройку школ, читален, библиотек и т. п.;
- распределение основной части прибыли между членами кооператива по количеству приобретённых товаров и др.

Эти принципы получили широкое распространение в кооперативном движении, а именно в уставе МКА провозглашались принципы политического и религиозного нейтралитета кооперации [8].

С созданием МКА усилились международные связи кооперативов. На III конгрессе МКА в 1897 г. голландские кооператоры для перехода от эпизодических торговых контактов к постоянным связям предложили учредить «кооперативные биржи» с образцами кооперативных товаров разных стран.

В 60–80-е гг. XIX в. в кооперативном движении стран Европы сложились два политических направления: социалистическое (пролетарское) и капиталистическое (мелкобуржуазное). В это время в развитых в промышленном отношении странах Европы пролетариат превратился в массовую социальную группу, а в Англии – в большинство населения. Он находился под влиянием идей Интернационала и Парижской коммуны, превращавшей частные предприятия в кооперативные. Рабочая кооперация поддерживала в основном социалистические партии.

Кооперативы как социальный механизм регулирования противоречий и издержек рыночной экономики у разных народов возникли в разное время и в разных социально-экономических условиях, но везде имели одинаковые результаты и порождали одинаковые надежды на лучшее будущее [1].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безгина, О.А. Кооперативное движение в России: теория и история : учеб. пособие / О.А. Безгина. – Тольятти : Изд-во ТГУ, 2012. – 187 с.
2. Печенов С. Кооперация в ДНР – ЗА! [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://delovoydonbass.ru/news/nashi_materialy/cooperation_in_the_npt_for/
3. Ващенко А. Н., Плетнева Т. С. «Основы теории и истории кооперативного движения» учебное пособие – Волгоград: Издательство ВКПК, 1998 год – 74 стр.
4. А. П. Макаренко «теория и история кооперативного движения М: ИВЦ «маркетинг» 1999 – 238 стр.
5. Козлова, Е.Н. Кооперативный мир Н.П. Баллина // Кооперация. Страницы истории: в 3 т. Т. 1. Избранные труды российских экономистов, общественных деятелей, кооператоров-практиков : в 3 кн. Кн. 1. 30–40-е годы XIX – начало XX в. / Е.Н. Козлова. – М. : Наука, 1998. – С. 679–687.
6. К.И. Вахитов. История потребительской кооперации России. 2007
7. Герцен, А.И. Россия // Кооперация. Страницы истории: в 3 т. Т. 1. Избранные труды российских экономистов, общественных деятелей, кооператоров-практиков: в 3 кн. Кн. 1. 30–40-е годы XIX – начало XX в. – М. : Наука, 1998. – С. 148–154.
8. Гиркин В. А. Трансформация потребительской кооперации и ее интеграция в рыночные структуры экономики агропромышленного комплекса: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05: Ставрополь, 2000 – 210 с.

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА КАК ПРИОРИТЕТНАЯ ЗАДАЧА ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Резюме. Статья посвящена исследованию правового механизма обеспечения верховенства права как приоритетной задачи современного правового государства. Проанализирована роль судебной власти в обеспечении принципа верховенства права, заключающаяся в защите общепризнанных прав и свобод человека. В контексте правового механизма обеспечения верховенства права рассмотрено гражданское общество, как важнейший атрибут правового государства. Раскрыта сущность и цель конституционного контроля для обеспечения верховенства права в современном государстве.

Ключевые слова: верховенство права, правовое государство, конституционный контроль, гражданское общество, правоприменение.

Большинство современных государств относит себя к правовым, однако на данный момент в научной среде не выработано единого теоретико-методологического подхода к определению и признакам правового государства. Ряд авторов предполагает, что верховенство закона – это доминант в правовом государстве (но не закон и его правовые указания), другие авторы считают, правовое государство выделяется через государственный суверенитет народа, третья группа считает, что это разделение власти, четвертая группа авторов за основные права и свободы человека, пятые авторы считают, что это отношение к власти лиц, на основании закона. Существует множество других подходов к характеристике правового государства [1, с. 241].

В юридической и политической литературе подтверждается в большинстве случаев то, что можно назвать правовым государством, то, в котором верховенство принадлежит не общим законом, а законам, которые выражают и защищают общественные интересы, а не интересы господствующего слоя. Теоретический интерес в интерпретации данного мнения, заключается в том, что правовое государство неразрывно связано с концепцией верховенства закона, как акта, который был принят законодательным органом в соответствии с демократической процедурой.

Верховенство закона – это первый, и, пожалуй, главный признак правового государства, который является наиболее востребованным в современном научном сообществе и практике государственной деятельности.

Сегодня, Конституция Российской Федерации провозглашает Россию правовым государством (ч. 1 ст. 1). Так же ст. 1 Конституции Донецкой Народной Республики гласит что, ДНР – это демократическое правовое социальное государство.

Конституция Российской Федерации – является правовой основой для всего законодательства, Основной закон укрепил основы социальной, экономической и политической жизни государства, созданной органами государственной власти и управления, а также основные обязанности и права и свободы граждан.

Для того что бы изучить правовые механизмы обеспечения верховенства права, как приоритетной задачи правового государства, необходимо выяснить чёткую суть самого понятия «механизм обеспечения» [2, с. 9–12].

Механизм обеспечения – это совокупность определенных организационных и правовых мер для достижения я каких-либо целей. В нашем случае, механизм обеспечения верховенства права – это определенная система средств и факторов, обеспечивающих необходимые условия уважения права, как важнейшего принципа правового государства.

Главная цель функционирования механизма обеспечения верховенства права – это защита права и законности, внедрения данного принципа в жизни общества и государства, как важнейший механизм их деятельности.

Механизм обеспечения – это сложное структурное образование. В структуре механизма обеспечения верховенства права выделяют следующие элементы:

- общественные нормы;
- гарантии: общие, специальные (юридические), организационные;
- правомерную деятельность органов государственной власти;
- гласность;
- общественное мнение;
- правовую культуру;
- меры правовой защиты;
- меры предупреждения правонарушений;
- юридическую ответственность;
- меры государственного и конституционного контроля и надзора;
- контроль со стороны институтов гражданского общества и др. [3, с. 153].

Наиболее важной предпосылкой для формирования законности и ее характерной черты является наличие целостной системы законодательства, охватывающей все сферы общества. В демократическом государстве, верховенство права должно быть равным для всех граждан. Таким образом, только государство, которое гарантирует равенство всех граждан перед законом может быть по-настоящему правовым.

Для того чтобы государство в полной своей мере считалось правовым, существуют механизмы обеспечения верховенства права, как важнейшей задачи и смысла существования самого института – правовое государство.

Так, нами выделены три основных правовых компонента механизма обеспечения верховенства права как приоритетной задачи правового государства:

1. Конституционный контроль.

Задача исключительной важности для слаженного развития общества является наличие эффективной системы государственной власти, обеспечение взаимосогласованной деятельности законодательной, исполнительной и судебной властей, ясная конституционная регламентация их полномочий и контроль за их выполнением.

Правовое государство, которое, во-первых, признает приоритет закона, а во-вторых, смысл законотворчества является гарантией реализации прав и свобод человека при разумном ограничении власти, а в-третьих, на уровне Основного закона страны, возможность обжалования законов для установления их конституционности, то есть соответствия праву, такое государство можно считать правовым.

Само по себе разделение властей, конституционное закрепление прав человека, реализации приоритетных законов не является, на наш взгляд, основными критериями законности, если в такое положение дел не будет верифицировано.

Разделение властей, без которого невозможно представить существование гражданского общества и демократического государства, в то же время бросает вызов – с помощью необходимой системы сдержек и противовесов сохранить в Конституции баланс между различными органами, обеспечить динамизм и стабильного прогресса общества. На практике, эта проблема разрешима лишь при условии наличия целостной и комплексной системы конституционного контроля. Многие страны с развитой государственности, а также в странах, ставших на путь развития, видели это в течение длительного времени.

Еще Еллинек Г. подчеркнул, что только то государство, в котором законодатель также подвластен и подчиняется закону, как гражданин – можно считать правовым [4, с. 387–388].

Принцип верховенства права является важнейшим принципом правового государства, для которого характерна «связанность» государственных органов, должностных лиц не только актами, обладающими более высокой юридической силой, но и собственными правовыми актами. Но реализация принципа верховенства права

эффективна только тогда, когда существует определенный контроль, который обеспечивает соблюдение закона. Исходя из значимости Конституции, в ее верховенстве и защите заинтересованы все государственные органы, должностные лица и граждане. Однако особую роль здесь играют органы конституционного контроля. Конституционный контроль является важным атрибутом современного демократического конституционного устройства. Без него немыслимо поддержание конституционной законности, а значит и законности в целом.

Российский ученый-юрист С. Котляревский считает, что в правовом государстве с приоритетным принципом верховенства закона обязательно живет деполитизированный суд [5, с. 25–26].

Высшим принципом существования и функционирования верховенства права является верховенство Конституции, которая одновременно является основной шкалой конституционного контроля. Верховенство – это знак, закрепленный в самой Конституции, в наибольшей общности своих действий, которая устанавливает иерархию нормативно-правовых актов, назначаемые Конституцией, как основа правотворчества. Основанием для этого является сам характер Конституции как правового акта, учредительного силу, степени общего действия который выше юридической силы любых иных требований к государственной власти, поскольку сама Конституция является основой.

Для того, чтобы сыграть эту роль, сама Конституция не должна противоречить высшим принципам права, она должен включить их. Конституция является основополагающим правовым механизмом, предназначенный не только создать институты власти, их компетенцию и порядок взаимоотношений, но и гарантировать ограничение власти, чтобы обеспечить такие ограничения государственной власти, которые приводят к близким отношениям и взаимной ответственности государства и личности в управлении обществом и в большей степени вытекает из свободы каждого и всеобщей воли.

Конституция определяет отношения власти и основы их взаимоотношений, которые направлены на обеспечение устойчивого и динамичного развития общества. Конституция призвана очертить границы закона и дать ему внутреннюю определенность, то есть само качество закона.

Верховенство закона в правовом государстве, обладает учредительной силой и тем самым стоит над самим государством, который является правовой основой формирования и исполнения публичной власти, уже в силу того, что обладает признаками такой всеобщности, которая позволит при отсутствии защитных механизмов переместить центр тяжести публичной власти к законодателю и тем самым заменить право законом, и подразумевает функцию защиты конституции как высшей функции правового государства, которая носит контрольный характер.

Содержание и формы конституционного контроля могут варьироваться от одной правовой системы к другой. Конституционный контроль как особая функция обеспечения верховенства права, не может быть основной функцией органов, наделенных полномочиями по принятию нормативно-правовых актов, которые могут стать объектами конституционного контроля [6, с. 158–159].

На основании этого, конституционный контроль должны реализовывать только те органы государственной власти, которые независимы от публичной власти и способны более объективно решать правовые конфликты.

2. Единство судебного правоприменения.

Реализация принципа, провозглашенного на Конституционном уровне, равенства всех перед судом и законом возможно только с помощью единообразного применения нормы права. Единый подход к реализации правовых стандартов в правоприменительной практике необходим для воплощения идей верховенства права, которое должно быть предсказуемым и справедливым, то есть правосудным. Это

объясняет, почему в процессуальном праве существует порядок надзора, то есть пересмотр судебных актов в особом режиме, по причине существования нарушения единства судебного правоприменения.

Применению права в процессе разрешения спора должна предшествовать оценка судом его соответствия правовым принципам и правам человека, которые гарантированы Конституцией. Если суд приходит к выводу, что закон который должен быть применен в конкретном деле, нарушает права человека, он обязан обратиться в Конституционный Суд с целью инициирования процедуры конкретного конституционного контроля [7, с. 88–89].

Единство судебного правоприменения, обусловливается необходимостью эффективной защиты прав человека на основе равенства всех перед законом и судом и служит одной цели – законности, то есть обеспечения верховенства права в правовом государстве.

Основное назначение Института пересмотра судебных актов, в том числе надзорного производства, это исправление судебных ошибок, устранение нарушений правовых норм, правил нижестоящими органами.

Исходя из цели поддержания единства судебного правоприменения – верховенство права на всей территории государства – нарушением единства судебной правоприменительной системы должно быть признано любое ошибочное с точки зрения закона судебное решение.

Таким образом, единство судебного правоприменения следует понимать, как уровень реализации правовых стандартов в правоприменительной практике на основе справедливого судебного разбирательства с целью обеспечения верховенства права на всей территории государства [8, с. 11–12].

3. Гражданское общество

Долгое время в истории социально-политической мысли понятия «государство» и «общество» не были дифференцированы. Только в эпоху просвещения в органической связи с идеей верховенства права сформировалась идея о гражданском обществе. Гражданское общество – это система самостоятельных и независимых от государства общественных институтов и отношений, которые призваны обеспечить условия для самореализации индивидов и коллективов, реализации частных интересов и потребностей [9, с. 37–38].

Гражданское общество имеет сложную структуру и включает в себя экономические, религиозные, семейные, этнические, духовные, нравственные и другие отношения и институты, не опосредованные государством. Оно охватывает жизнь людей, их традиции, обычаи, образование, науку, культуру, которые находятся вне непосредственной деятельности государства.

Интересы и потребности различных групп и индивидов выражаются и осуществляются через институты гражданского общества такие как, семья, церковь, политические партии, профессиональные союзы, различные движения, и другие, таким образом, гражданское общество включает в себя множество коллективов, территориальных общин, культурных и национальных сообществ, то есть множественность социальных субъектов относительно независимых от государства и способные к самоорганизации.

В гражданском обществе в отличие от государственных структур, не вертикальная подчиненности, а совокупность горизонтальных связей – отношений конкуренции и солидарности между свободными и равноправными партнерами.

Основа гражданского общества – это многоуровневая рыночная экономика, плюрализм форм собственности, самостоятельность субъектов хозяйствования, предоставление широкой деловой инициативы граждан. Важным условием функционирования гражданского общества является наличие развитой социальной структуры, отражающей все богатство и разнообразие различных групп и слоев.

Гражданское общество и государство неразрывно связаны и немыслимы друг без друга. Гражданское общество выступает как сфера реализации частных интересов и потребностей – индивидуальных и коллективных, часто противостоящих друг другу. Государство, как выражение воли всего населения призвано примирить, совместить эти интересы, обеспечить консенсус по основным вопросам общественной и политической жизни. Отношения между гражданским обществом и государством зачастую сложны, и часто вступают в конфликт. Саморазвивающаяся система, которой является гражданское общество постоянно испытывает давление со стороны государства [10, с. 87].

При демократическом режиме государство и гражданское общество выступают как равноправные партнеры, как самостоятельные субъекты общественной жизни. Решение социальных проблем осуществляется путем компромисса между государством и обществом. Для посткоммунистических и вновь созданных стран, формирования гражданского общества является сегодня необходимым условием их перехода верховенству права. Попытки внедрения принципов верховенства права в течение короткого времени еще до создания целостного гражданского общества не могут быть успешными и несут угрозу разрушительных последствий.

Подводя итог следует сказать, что правовой механизм обеспечения верховенства права, как приоритетная задача современного правового государства, это не просто комплекс мер по такому обеспечению, это, прежде всего, огромный союз институтов современного государства. Это и конституционность всех решений, законов, и всей деятельности органов государственной власти, это единство беспристрастной и законной судебной системы, абсолютно равной для всех, это грамотное, с точки зрения права, общество, воспитанное в духе верховенства права, уважающее закон и ставившее его на первое место при осуществлении своей деятельности.

Институт верховенства права сложный механизм, который обеспечит работу и нормальное функционирование не только одной страны, а всего мирового сообщества в целом. В этой связи на пути учёных, юристов, политиков, законодателей, и всех стран мира стоит важнейшая задача по выработке единого международного стандарта верховенства права, как неотделимого института в жизни каждого правового современного государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. Учебник для юридических вузов и факультетов. – 6-е изд., изм. и доп., Москва: Норма, 2007. – С. 784.
2. Александров А.А. Верховенство закона и права: проблемы теории и практики / А.А. Александров // Сборник научных статей Международной научно-практической конференции. – М.: РААН, 2016. – С. 350.
3. Правовое государство: происхождение идеи и признаки правового государства // Миронов Д.Н. – Журнал: Вестник Бурятского государственного университета / Выпуск № 2 / 2015 – С. 149-155.
4. Еллинек Г. Общее учение о государстве / Г. Еллинек // Учебное пособие. – СПб.: Юридический центр-Пресс, 2004. – С. 752.
5. Котляревский С. А. Избранные труды / С. А. Котляревский; [сост., автор вступ. ст., коммент. К. А. Соловьев]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. — С. 704.
6. Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс / Н.В. Витрук // Учеб. пособие. – М. : Норма: ИНФРА-М, 2010. – С. 592.
7. Морщакова Т.Г. Верховенство права и конституционные основы единообразия судебного правоприменения // Верховенство права и проблемы его обеспечения в правоприменительной практике: Международная коллективная монография. М., 2009. – С. 301.
8. Вишневский Г.А. Единство судебного правоприменения как способ обеспечения верховенства права / Г.А. Вишневский // Право. Журнал Высшей школы экономики, вып. 2. – 2011. – С. 8-15.
9. Гаджиев К.С. Политология: Учебник для высших учебных заведений. – М.: Логос, 2001. – С. 488.
10. Хоконов А.А. Правовое государство и гражданское общество: некоторые аспекты взаимодействия // Журнал: Армия и общество. – Статья. – Вестник Военного университета. – 2009. – № 3 (19). – С. 87–90.

ОБЩЕОБЯЗАТЕЛЬНОЕ СОЦИАЛЬНОЕ СТРАХОВАНИЕ ЖЕНЩИН С ДЕТЬМИ

Резюме. В данной статье исследуется нормативно правовое регулирование социального обеспечения женщин с детьми. Рассматриваются проблемы социального обеспечения женщин с детьми в Донецкой Народной Республике. Проведен сравнительный анализ между нормами российского законодательства и законодательства Донецкой Народной Республики, которое регулирует социальное обеспечение женщин с детьми.

Ключевые слова: Общеобязательное страхование, социальное обеспечение, государственная помощь.

В современном мире социальное страхование выступает институтом защиты человека, так как является механизмом защиты населения от различных рисков, связанных с потерей трудоспособности и доходов. В настоящее время в Донецкой Народной Республике социальное страхование представляет собой способ реализации конституционного права граждан на обеспечение по возрасту, в связи с болезнью, инвалидностью, для воспитания детей или потерей кормильца, а так же в иных случаях установленных законом.

В статье 32 Конституции Донецкой Народной Республики закреплено, что каждому гарантируется социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом [1].

Право на получение пособия имеют женщины, проживающие на территории Донецкой Народной Республики застрахованные, либо не застрахованные в системе общеобязательного социального страхования. К лицам, не застрахованным в системе государственного социального страхования, относятся:

1. неработающие женщины;
2. студентки ВУЗов I-IV уровня аккредитации и профессионально-технических учебных заведений, клинические ординаторы, аспирантки;
3. безработные;
4. женщины, которые были уволены с работы по причине ликвидации организации, учреждения, предприятия;
5. женщины из числа военнослужащих Вооруженных сил [2].

Незастрахованным лицам пособие по беременности и родам назначается в органах труда и социальной защиты населения по месту регистрации или проживания женщины, которая претендует на получение помощи.

В Донецкой Народной Республике временная нетрудоспособность женщин в связи с материнством подлежит государственному страхованию. Но нехватка государственных средств на выплаты пособий женщинам с детьми является острой проблемой для обеспечения социальной защиты этой группы населения.

Из-за военного времени в нашей стране значительно сократилась возможность предоставления социального обеспечения женщин имеющих детей до 3-х лет, женщин с детьми инвалидами и многодетных семей. Сумма, которая выплачивается государством, не может в полной мере обеспечить тот минимум, который необходим для нормального воспитания ребенка.

В данный момент социальные выплаты и пособия регулируются Указом Главы Донецкой Народной Республики «Об организации назначения и выплаты социальных пособий на территории Донецкой Народной Республики». Виды помощи и суммы выплат по данному указу составляют:

1. Государственная помощь в связи с беременностью и родами – 3 700,00 рублей.
2. Единовременная помощь при рождении ребенка – 20 640,00 рублей (на каждого ребенка).
3. Государственная помощь на ребенка до достижения им трехлетнего возраста – 1 720,00 рублей (на каждого ребенка).
4. Государственная помощь на детей одиноким матерям – 1 000 рублей (на каждого ребенка).
5. Государственная помощь на детей, над которыми установлена опека или попечительство, в том числе:
 - на ребенка возрастом до 6 лет: 5 968,00 рублей (на каждого ребенка);
 - на ребенка возрастом от 6 до 18 лет: 7 440,00 рублей (на каждого ребенка);
6. Государственная помощь на детей-сирот и детей, лишенных родительского попечения которые воспитываются в детских домах семейного типа и приёмным родителям в детских домах семейного типа и приёмных семьях, в том числе:
 - на ребенка возрастом до 6 лет – 5 968,00 рублей (на каждого ребенка);
 - на ребенка возрастом от 6 до 18 лет – 7 440,00 рублей (на каждого ребенка);
 - для лиц, из числа детей-сирот и детей, лишенных родительского попечения, обучающихся на дневной форме обучения возрастом от 18 до 23 лет – 7 048,00 рублей (на каждого ребенка);
 - денежное вознаграждение родителям-воспитателям и приёмным родителям в детских домах семейного типа и приёмных семьях – 1 500,00 рублей (на каждого ребенка);
7. Временная государственная помощь детям, родители которых уклоняются от уплаты алиментов, не имеют возможности содержать ребенка или место жительства их неизвестно – 1 000,00 рублей (на каждого ребенка).
8. Государственная помощь семьям, имеющим трех и более детей – 1 000,00 рублей (на каждого ребенка).
9. Государственная социальная помощь детям-инвалидам, в том числе:
 - государственная социальная помощь детям-инвалидам подгруппы Л с надбавкой на уход возрастом до 6 лет – 4 906,00 рублей;
 - государственная социальная помощь детям-инвалидам подгруппы А с надбавкой на уход возрастом от 6 до 18 лет – 5 642,00 рубля;
 - государственная социальная помощь детям-инвалидам с надбавкой на уход – 3 000,00 рублей;
 - государственная социальная помощь детям-инвалидам – 2 400,00 рублей;
10. Государственная социальная помощь инвалидам с детства, в том числе:
 - государственная социальная помощь инвалидам с детства 1 группы подгруппы А с надбавкой на уход – 5 642,00 рубля;
 - государственная социальная помощь инвалидам с детства 1 группы подгруппы В-4 – 119,00 рублей;
 - государственная социальная помощь инвалидам с детства 2 группы – 3 240,00 рублей;
 - государственная социальная помощь инвалидам с детства 3 группы – 2 100,00 рублей;
11. Государственная социальная помощь лицам, не имеющим права на пенсию, и инвалидам, в том числе:
 - государственная социальная помощь инвалидам 1 группы подгруппы А – 3 200,00 рублей;
 - государственная социальная помощь инвалидам I группы (кроме инвалидов I группы подгруппы А) – 3 000,00 рублей;

- государственная социальная помощь инвалидам 2 группы – 2 500,00 рублей;
- государственная социальная помощь инвалидам 3 группы – 2 100,00 рублей;
- государственная социальная помощь лицам, не имеющим права на пенсию – 2 100,00 рублей;

12. Государственная социальная помощь малообеспеченным семьям – 2 800,00 рублей (на семью).

13. Пособие по уходу за инвалидом 1 и 2 группы вследствие психического расстройства – 2 436,00 рублей;

14. Компенсация по уходу за инвалидом 1 группы и престарелым, достигшим 80-летнего возраста – 30,00 рублей;

15. Пособие на погребение ребенка-инвалида, инвалида с детства, лица, не имеющего права на пенсию, и инвалида, участника боевых действий – 5 000,00 руб. [3].

Сейчас государство предоставляет лицам имеющих детей до 3-х лет, женщинам с детьми инвалидами и многодетным семья возможность получить гуманитарную помощь от государства. Каждый месяц женщина получает, необходимый набор продуктов и вещей для ребенка.

В Российской Федерации социальные выплаты и пособия регулируются Федеральным законом «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» [4].

Виды помощи и суммы выплат по данному закону составляют:

1. Пособие по беременности и родам:

- среднего заработка, на который начисляются страховые взносы на обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством;

- 300 рублей – женщинам, уволенным в связи с ликвидацией организаций, прекращением физическими лицами деятельности в качестве индивидуальных предпринимателей, прекращением полномочий нотариусами, занимающимися частной практикой, и прекращением статуса адвоката, а также в связи с прекращением деятельности иными физическими лицами, чья профессиональная деятельность в соответствии с федеральными законами подлежит государственной регистрации и (или) лицензированию, в течение двенадцати месяцев, предшествовавших дню признания их в установленном порядке безработными;

- стипендии – женщинам, обучающимся по очной форме обучения в профессиональных образовательных организациях, образовательных организациях высшего образования, образовательных организациях дополнительного профессионального образования и научных организациях;

- денежного довольствия – женщинам, проходящим военную службу по контракту, службу в качестве лиц рядового и начальствующего состава в органах внутренних дел, в Государственной противопожарной службе, в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, в таможенных органах.

2. Единовременное пособие женщинам, вставшим на учет в медицинских учреждениях в ранние сроки беременности – 300 рублей;

3. Единовременное пособие при рождении ребенка. В случае рождения двух или более детей указанное пособие выплачивается на каждого ребенка – 8000 руб.

4. Ежемесячное пособие по уходу за ребенком:

- 1 500 рублей по уходу за первым ребенком и 3 000 рублей по уходу за вторым ребенком и последующими детьми;

- 40 процентов среднего заработка, на который начисляются страховые взносы на обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством;

- 40 процентов среднего заработка (дохода, денежного довольствия) по месту работы (службы) за последние 12 календарных месяцев, предшествовавших месяцу

наступления отпуска по уходу за ребенком (месяцу увольнения в период отпуска по беременности и родам)

5. Единовременное пособие при передаче ребенка на воспитание в семью – 8000 рублей;

6. Единовременное пособие беременной жене военнослужащего, проходящего военную службу по призыву – 14 000 рублей;

7. Ежемесячное пособие на ребенка военнослужащего, проходящего военную службу по призыву – 6 000 рублей.

В целях усиления социальной защищенности граждан, воспитывающих детей-инвалидов Президентом России подписан Указ № 175 «О ежемесячных денежных выплатах неработающим трудоспособным лицам, осуществляющим уход за ребенком-инвалидом в возрасте до 18 лет или инвалидом с детства I группы», предусматривающий установление соответствующих выплат [5].

Размер выплат дифференцирован исходя из родственных отношений:

1. родителю (усыновителю) или опекуну (попечителю) ребёнка-инвалида в возрасте до 18 лет или инвалида с детства I группы – в размере 5500 рублей;

2. другим лицам – в размере 1200 рублей. Назначение выплат будет осуществляться в беззаявительном порядке на основании документов, имеющихся в пенсионных делах детей-инвалидов.

В 2018 году выплаты детям сиротам и лицам находящимся под опекой или попечительством финансируются из региональных бюджетов РФ.

В РФ социальное обеспечение женщин с детьми находится на более высоком уровне, чем в Донецкой Народной республике, там наряду с денежными пособиями для граждан предусмотрены и другие формы поддержки. К ним можно отнести оказание определенных социальных услуг, социальные льготы, материнский капитал.

Тема социального обеспечения является очень актуальной и необходимо доступными способами решить проблемы мало обеспеченности женщин с детьми.

В Донецкой Народной Республики социальное страхование женщин с детьми основывается на Конституции Донецкой Народной Республики, Закона «Об основах общеобязательного социального страхования», а также указа Главы Донецкой Народной Республики «Об организации назначения и выплаты социальных пособий на территории Донецкой Народной Республики».

В настоящее время регулирование вопросов по социальным выплатам различным категориям граждан в Донецкой Народной Республике требует усовершенствования путем принятия норм, позволяющих повысить уровень социального обеспечения в республике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Донецкой Народной Республики от 14.05.2014 .URL:<http://donnuet.education/attachments/pdf/constitution-09-12-2015.pdf> (дата обращения 05.02.2018).
2. Закон Донецкой Народной Республики «Об основах обще обязательного социального страхования» № 37-ИНС от 30.04.2015. URL: <http://gisnpa-dnr.ru/npa/0002-37-ihc-20150430/> (дата обращения 05.02.2018).
3. Указ Главы Донецкой Народной Республики «Об организации назначения и выплаты социальных пособий на территории Донецкой Народной Республики» от 29.05.2015. URL: http://doc.dnr-online.ru/wp-content/uploads/2015/03/UkazN162_29042015_change.pdf (дата обращения 05.02.2018).
4. Федеральный закон "О государственных пособиях гражданам, имеющим детей" от 19.05.1995 N 81-ФУРЛ: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6659/. (дата обращения 05.02.2018).
5. Президентом России подписан Указ №175 «О ежемесячных денежных выплатах неработающим трудоспособным лицам, осуществляющим уход за ребенком-инвалидом в возрасте до 18 лет или инвалидом с детства I группы» от 26.02.2013 г. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70223826/> (дата обращения 05.02.2018).

СУЩНОСТЬ ВЕДОМСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ

Резюме. В статье рассмотрена сущность ведомственного контроля. Сделан вывод о том, что при соотношении прокурорского надзора и судебного контроля целесообразнее не их взаимоисключение, а наоборот – сочетание преимуществ этих двух форм контроля в системе обеспечения гарантий законности при расследовании преступлений и, прежде всего, прав и свобод граждан.

Ключевые слова: контроль, ведомственный контроль, обеспечение законности.

Современный этап развития общества характеризуется усвоением мирового опыта в установлении гармоничных отношений между личностью и государством. Обязанности правоохранительных органов Донецкой Народной Республики в области обеспечения прав человека являются результатом длительного процесса становления норм международного и национального законодательства, а также не менее длительного и дискуссионного процесса их согласования.

Система контроля за законностью и обоснованностью действий и решений должностных лиц на досудебных стадиях уголовного процесса включает в себя ведомственный контроль.

Исходя из системного подхода, содержание и значение концепции ведомственного контроля на досудебных стадиях уголовного судопроизводства определяется как спецификой исследуемой системы, так и всем многообразием системных связей, обусловленных, с одной стороны, историческим этапом развития отечественной государственности, а другой, – международным влиянием на правовую, политическую, экономическую ситуацию в государстве.

Отечественная концепция ведомственного контроля на досудебном производстве прошла несколько этапов, связанных с возникновением, становлением и развитием теоретических воззрений на способы обеспечения законности при производстве по уголовному делу. В развитии уголовно-процессуального права можно выделить три периода: досоветский (до октября 1917 г.), советский (октябрь 1917 г. – конец 1991 г.) и постсоветский (с октября 1991 г. – по настоящее время). Подобную градацию приемлемо распространять и на тенденции развития концепции ведомственного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса. В рамках этих исторических периодов с некоторой долей условности можно обозначить пять этапов, каждый из которых обусловлен принятием уголовно-процессуальных законов, имеющих существенное значение для уголовно-процессуального права (Судебных Уставов 60-х годов XIX в., УПК РСФСР 1922, 1923 и 1960 гг.).

Назначение ведомственного контроля на досудебных стадиях уголовного судопроизводства определяется необходимостью разрешения комплекса фундаментальных теоретических и прикладных проблем досудебного производства по уголовному делу, требующих доктринального толкования в условиях существенного роста преступности, проведения правовой реформы, в т.ч. вступления в действие нового уголовно-процессуального закона, принятие которого планируется в Донецкой Народной Республике в ближайшее время. Представляется, что такая концепция не потеряет актуальности в процессе стабилизации криминогенной ситуации в стране, а также в случае внедрения новых уголовно-процессуальных институтов, поскольку служит одним из элементов системы поддержания законности на досудебном этапе уголовного судопроизводства.

При обозначении понятия процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях необходимо исходить из понимания уголовного судопроизводства как

единства урегулированных законом уголовно-процессуальной деятельности и уголовно-процессуальных правоотношений. Сущность процессуального контроля и надзора обусловлена, во-первых, тем, что данная деятельность является разновидностью уголовно-процессуальной деятельности. Далее, уголовное судопроизводство в качестве неотъемлемой характеристики включает контрольный аспект, проявляющийся, в частности, в публичности уголовно-процессуальной деятельности. Кроме того, процессуальный контроль неразрывно связан с реализацией в уголовном судопроизводстве уголовно-процессуальной ответственности. Выработаны две основные конкурирующие позиции: первая состоит в том, что прокурор должен осуществлять только уголовное преследование и процессуальное руководство органами расследования; вторая – рассматривает прокурора как универсальный государственно-правовой институт, осуществляющий надзор за законностью. Если исходить из исторических традиций, а также современного законодательства, на досудебном производстве основной функцией прокурора выступает, надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия, тогда как основополагающая функция – уголовного преследования на данном этапе для прокурора носит дополнительный характер

Рассматривая само понятие ведомственного контроля следует отметить, что определения данного понятия нет в уголовно-процессуальном законодательстве и среди ученых нет единства мнений относительно его правовой природы.

Зеленецкий В. С. и Козьяков И. Н. остановили свой выбор на концепции, согласно которой контроль – это основной элемент в структуре функции управления, который устанавливает степень соответствия фактического состояния системы принятым решением и выявляющий отклонения, а также причины их возникновения с целью дальнейшего их устранения и достижения запланированного результата [1, с. 34–35].

Кирий Л. Н. считает, что под ведомственным контролем за деятельностью органов дознания и досудебного следствия следует понимать деятельность уполномоченных субъектов, направленную на проверку деятельности лица, которое осуществляет дознание, следователя, при осуществлении досудебного производства с целью нормативного урегулирования их деятельности, повышения уровня и качества раскрытия и расследования преступлений, строгого соблюдения законности [2, с. 97].

Ведомственный контроль на начальном этапе досудебного производства представляет собой деятельность по организации своевременной и полной регистрации информации о преступлениях, которые совершены или готовятся, оперативной проверке такой информации и правильного принятия решения. Он основывается на положениях уголовно-процессуального закона, но в основном регламентируется ведомственными нормативными актами. Такой контроль возлагается как на руководителя органа внутренних дел, так и на руководителей подразделений. Основными задачами ведомственного контроля являются обеспечение выполнения требований законов и нормативно-правовых актов, определяющих порядок проведения досудебного следствия; своевременное и качественное принятие и выполнение управленческих решений; повышение общего уровня организаторской и оперативно-служебной деятельности; своевременность принятия мер по устранению недостатков в работе; содействие оптимально верному подбору, расстановке и оценке кадров; борьба с волокитой; оказание практической помощи на местах в устранении установленных недостатков.

По мнению С. Г. Герасименко ведомственный контроль должен выполнять следующие задачи: способствовать оптимальному распределению нагрузки на следователя; осуществлять учет уголовных производств и статистическую отчетность; проводить служебные проверки; рассматривать жалобы на действия и бездействие следователя; способствовать повышению квалификации следователей по процессуальному руководству расследованием: он должен иметь не столько

императивный, как консультативный характер, поскольку большая часть ответственности за полноту, всесторонность и объективность досудебного расследования возлагается именно на следователя [3, с. 193–202]. Достоинством ведомственного контроля на начальном этапе уголовного производства является его непосредственная близость к объекту контролирующей деятельности, что обеспечивает необходимые условия для постоянного наблюдения за выполнением требований уголовно-процессуального закона и быстрого реагирования на его нарушения.

Но, как показывает практика, такой контроль не всегда является эффективным, ведь в деятельности следственных органов сохранился обвинительный уклон, который не исключает предвзятого отношения при решении вопроса о начале досудебного производства и привлечении лица к уголовной ответственности.

Ведомственный контроль включает меры процессуального и организационного характера. Прокурорский надзор является лишь процессуальной деятельностью.

В практике автора встречались случаи, когда ведомственный контроль за законностью действий и решений следователей проводился формально, без изучения и анализа каждого уголовного производства. При этом прокурор, надзирающий за исполнением законов на досудебных стадиях, имеет значительно больший спектр процессуальных полномочий, чем должностные лица, осуществляющие ведомственный контроль в том числе и надзорные полномочия в отношении тех же лиц, осуществляющих ведомственный контроль. Кроме того, прокурорский надзор имеет вневедомственный характер, что значительно повышает его результативность. При этом прокурор не должен подменять деятельность руководителя органа досудебного расследования. Прокуратура – единственный орган, уполномоченный законом вести надзор за точным исполнением законодательства органами внутренних дел, органов безопасности, таможенной службы, других государственных контролирующих органов.

Полномочия прокурора в отношении процесса доказывания на стадии досудебного расследования выражаются в том, что он осуществляет надзор за точным соблюдением органами следствия всех требований закона, регламентирующих доказывание. Следовательно, прокурор в данной стадии не обвинитель, а орган, надзирающий за исполнением законов органами досудебного следствия, который должен проверить, установлены ли обстоятельства, подлежащие доказыванию, а в случае, если это не сделано, принять меры для установления их следователем.

Стоит отметить, что законодатель всегда уделял повышенное внимание необходимости осуществления определенного рода контроля за общим ходом расследования преступлений. Так, В. Назаренко приводит пример Устава уголовного судопроизводства 1864 года, в котором отмечалось, что для обеспечения законности на досудебных стадиях предусматривалось осуществление прокурорского надзора и судебного контроля. При этом прокурорский надзор устанавливался в виде постоянного наблюдения за следствием в месте его производства в виде обязательных указаний для выполнения. Судебный контроль осуществлялся как разрешение на производство ряда действий следователя, рассмотрение жалоб на его действия и заявленных ему отводов [4, с. 4–6]. Можно сделать вывод, что по своей сути эти органы разноплановые по своему характеру и содержанию, своим целям, задачам и направлениями деятельности.

Чернобук В. И. рассматривает судебный контроль как регламентированную Конституцией и УПК уголовно-процессуальную деятельность суда, сущностью которой является контроль за законностью и обоснованностью определенных в законе действий и решений органов досудебного расследования, которые существенно ограничивают конституционные права участников процесса. Эта деятельность направлена на решение правового конфликта, который возникает между сторонами обвинения и защиты на досудебных стадиях уголовного процесса [5, с. 19].

Контрольная функция суда характеризуется следующими признаками:

- во время этой деятельности не решается вопрос о виновности или не виновности лица, привлекаемого к уголовной ответственности;
- основным предметом этой деятельности является проверка правомерности применения к лицам мер процессуального принуждения, ограничивающих конституционные права личности;
- суд осуществляет проверку решений органов досудебного следствия, связанных с окончанием производства по делу в целом на досудебных стадиях процесса.

Прокурорский надзор, по сравнению с судебным контролем, имеет такие преимущества как более широкая сфера прокурорского надзора, постоянство и непрерывность надзора, широкий круг полномочий, позволяющих устранять нарушения законности, большая результативность с точки зрения скорости реагирования прокурора на жалобу, поступившую к нему.

Мы считаем, что существование судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса не должно повлечь ослабление прокурорского надзора. Судебный контроль на этих стадиях носит выборочный характер и часто зависит лишь от того, обратился ли гражданин в суд. Что касается прокурорского надзора, то он носит постоянный и регулярный характер.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод, что при соотношении прокурорского надзора и судебного контроля целесообразнее не их взаимоисключение, а наоборот – сочетание преимуществ этих двух форм контроля в системе обеспечения гарантий законности при расследовании преступлений и, прежде всего, прав и свобод граждан. Такое решение наилучшим образом будет способствовать как интересам обеспечения уголовного преследования, так и защите прав и законных интересов участников процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зеленецкий В.С., И.Н.Козьяков Ведомственный контроль и прокурорский надзор за законностью оперативно- розыскной деятельности: навчальний посібник. -Х.: Восточно-региональный центр гуманитарно-образовательных инициатив, 2003. – 250 с.
2. Кирій Л.М. Відомчий, судовий контроль та прокурорський нагляд за відмовою в порушенні кримінальної справи: дис...канд. юрид. наук.- К., – 2007.- 211 с.
3. Герасименко С.Г. Співвідношення понять «судовий контроль», «прокурорський нагляд» та «відомчий контроль» на досудових стадіях кримінального процесу // Вісник Запорізького юридичного інституту Дніпропетровського державного університету внутрішніх справ.- 2009.- № 1.- С. 193-202.
4. Назаренко В. Судебний контроль при расследовании преступлений // Законность. – 2003. – №6. – С. 4–6.
5. Чернобук В.І. Законність та обґрунтованість процесуальних рішень судді в порядку судового контролю у досудових стадіях кримінального процесу: автореф. дис...канд. юрид. наук.— Одеса, 2007.— 20 с.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Резюме. В данном исследовании рассмотрено правовое регулирование деятельности органов Федеральной службы безопасности Российской Федерации. Проведен анализ нормативно-правовой основы функционирования органов ФСБ

Ключевые слова: правовое регулирование, нормативные правовые акты, органы Федеральной службы безопасности.

В настоящее время Россия находится на новом этапе своего исторического развития. Реформируются основы государственного устройства и управления, осуществляется процесс переоценки национальных ценностей и согласования интересов личности, общества и государства, дальнейшего развития экономических, политических, социально-экономических связей и отношений. Безусловно, на этом пути возникают многочисленные трудности и проблемы. Встречаются они и в сфере организации и функционирования механизма Российского государства. Проблема совершенствования государственного механизма, повышения эффективности деятельности государственных органов, взаимодействия их между собой напрямую связаны с безопасностью страны.

Ведущую роль в складывающихся условиях должно сыграть, прежде всего, само государство как реальный защитник законных интересов своих граждан. Реально эту задачу в состоянии решить только правоохранительные органы – специфически организованные структуры исполнительной власти, наделенные соответствующими правами по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию фактов противоправной деятельности. Ведущая роль в этом деле отведена Федеральной службе безопасности, которая является основным звеном в системе органов, обеспечивающих государственную безопасность Российской Федерации.

Нормативно-правовую основу функционирования органов ФСБ составляют прежде всего:

– общепринятые принципы и нормы международного права (Устав ООН, Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г., Женевские конвенции о защите жертв войны 1949 г. и др.);

– международные договоры;

– Конституция Российской Федерации (п. ж, з, к ст. 83);

– Федеральные конституционные законы (Федеральный конституционный закон от 12 марта 2014 г. № 5-ФКЗ «О военном положении» [1], Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» [2];

– Федеральные законы (от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» [3], от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» [4], РФ от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [5], от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 31.12.2014) «О противодействии терроризму» [6], от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ «О государственной охране» [7], от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ «О внешней разведке» [8], от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» [9] и др.);

– Указы Президента Российской Федерации (от 25.12.2014 № Пр-2976 «О Военной доктрине Российской Федерации» [10], от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [11], от 30 января 2010 г. № 120 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» [12] и др.);

- Постановления Правительства Российской Федерации (от 6 февраля 2010 г. № 63 «Об утверждении инструкции о порядке допуска должностных лиц и граждан Российской Федерации к государственной тайне» [13] и др.);
- конституции (уставы) субъектов Российской Федерации;
- законы субъектов Российской Федерации;
- ведомственные нормативные акты.

Говоря более предметно о правовой основе деятельности органов ФСБ прежде всего, следует назвать отраслевые нормативные акты федерального законодательства. В данную группу, помимо Федерального закона от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности», можно отнести: Федеральный закон от 29 апреля 2008 г. № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» (в ред. 04 ноября 2014 г.) Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (в ред. от 15.02.2016 г.); Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (в ред. от 29.06.2015 г.); Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (в ред. от 22.12.2014 г.).

Далее следуют нормативные акты исполнительной власти (указы Президента РФ и постановления Правительства РФ) в сфере обеспечения безопасности государства касаются в основном внутренних вопросов деятельности органов ФСБ России, среди которых: Указ Президента РФ от 11 августа 2003 г. № 960 «Вопросы Федеральной службы безопасности Российской Федерации» (в ред. от 20.01.2015 г.); Постановление Правительства РФ от 29 декабря 2008 г. № 1041 «Об утверждении требований к транспортным средствам органов федеральной службы безопасности, используемым для проведения неотложных действий по разминированию, пресечению террористических актов и нарушений режима Государственной границы Российской Федерации, и внесении изменения в Правила дорожного движения Российской Федерации»; Постановление Правительства РФ от 12 марта 2008 г. № 166 «О проведении валютных операций Федеральной службой безопасности Российской Федерации» и др.

Следующую группу составляют ведомственные нормативно-правовые акты (приказы ФСБ, совместные приказы ФСБ и других министерств и служб), регламентирующие деятельность органов федеральной службы безопасности РФ, а именно: Приказ ФСБ РФ от 23 декабря 2008 г. № 631 «Об утверждении Инструкции об организации деятельности пограничных органов по административному выдворению за пределы Российской Федерации иностранных граждан или лиц без гражданства»; Приказ ФСБ РФ от 4 декабря 2008 г. № 588 «Об утверждении Инструкции об организации в органах Федеральной службы безопасности работы по оформлению, выдаче и учету удостоверений ветерана боевых действий, их дубликатов и дубликатов свидетельств (удостоверений) о праве на льготы, образцы которых утверждены до 1 января 1992 г.»; Приказ МЧС РФ, МВД РФ и ФСБ РФ от 28 октября 2008 г. № 646/919/526 «Об утверждении требований по установке специализированных технических средств оповещения и информирования населения в местах массового пребывания людей»; Приказ ФСБ РФ от 18 сентября 2008 г. № 464 «Об утверждении Регламента Федеральной службы безопасности Российской Федерации»; Приказ ФСБ РФ от 24 июля 2008 г. № 371 «Об утверждении Порядка обеспечения денежным довольствием военнослужащих органов федеральной службы безопасности»; Приказ ФСБ РФ от 7 июля 2008 г. № 335 «Об утверждении Порядка представления сведений об участниках накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих, изъявивших желание получить целевой жилищный заем»; Приказ

ФСБ РФ от 30 июня 2008 г. № 312 «Об утверждении Порядка организации выплаты дополнительного вознаграждения за выслугу лет военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, и лицам из числа гражданского персонала органов федеральной службы безопасности, расположенных на территориях, подвергшихся радиоактивному загрязнению в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС»; и т.д.

В ст. 3 Федерального закона «О Федеральной службе безопасности Российской Федерации» установлено, что в пределах своих полномочий ФСБ РФ имеет право издавать нормативные правовые акты, которые являются средством юридического выражения государственно-властных полномочий[14]. В соответствии с данными актами реализуется и координируется работа по обеспечению безопасности в Российской Федерации, осуществляется постоянное руководство контрразведывательной, разведывательной, оперативно-розыскной, следственной, административной деятельностью, а также проводятся мероприятия по взаимодействию с государственными и негосударственными структурами в области безопасности.

Нормативные правовые акты ФСБ РФ, издаются на основе и во исполнение законов, указов Президента Российской Федерации и постановлений Правительства Российской Федерации. Направленность данных правовых актов – установление правовых норм либо возникновение конкретных правоотношений для реализации задач в области охраны национальной безопасности.

Важными нормативными правовыми актами, которые издает Федеральная служба безопасности, являются: решения коллегии, приказы, указания, инструкции, положения. Решения коллегии ФСБ России принимаются по наиболее важным, значимым вопросам управления в установленной сфере деятельности и проводятся в жизнь, как правило, приказами руководителя ФСБ РФ единолично.

Разумеется, внутренних приказов ФСБ, касающихся частных вопросов, гораздо больше, приводить весь список нецелесообразно.

Таким образом, правовую основу деятельности органов Федеральной службы безопасности РФ составляют следующие нормативно-правовые акты:

- Конституция Российской Федерации;
- федеральные конституционные законы;
- федеральные законы;
- указы и распоряжения Президента Российской Федерации;
- постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации;
- иные нормативные правовые акты (прежде всего приказы Федеральной службы безопасности);
- международные договора Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О военном положении: Федеральный конституционный закон Рос. Федерации от 2 февраля 2002 г. № 5-ФКЗ (в ред. от 12 марта 2014 г.) // Российская газета. – 2002. – № 21.
2. О чрезвычайном положении: Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ (в ред. от 12 марта 2014г.) // Российская газета. – 2001. – № 105.
3. О безопасности: Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ (в ред. от 05 октября 2015 г.) // Российская газета. – 2010. – № 295.
4. Об обороне: Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 3-ФЗ (в ред. 15 сентября 2015 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 23. – ст.2750.¹
5. О полиции: Федеральный закон Рос. Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (в ред. 15 сентября 2015 г.) Собр. Законодательства Рос. Федерации. – 2011. – № 7, ст. 900; № 27, ст. 3881; № 48, ст. 6730; № 49, ст. 7018, 7020; № 50, ст. 7352; 2012, № 26, ст. 3441; № 50, ст. 6967; 2013, № 14,ст. 1645; № 52, ст. 6953
6. О противодействии терроризму: Федеральный закон Рос. Федерации от 06 марта 2006 г. № 35-ФЗ (в ред. от 31 декабря 2014 г.) //Собр. Законодательства Рос. Федерации. – 2006. – № 31. Ст. 3452.

7. О государственной охране: Федеральный закон Рос. Федерации от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ (в ред. от 12 марта 2014 г.) // Собр. Законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 22. – Ст. 2594.
8. О внешней разведке: Федеральный закон Рос. Федерации от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ (в ред. от 30 декабря 2015 г.) // Собр. Законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 3. – Ст. 143.
9. О Федеральной службе безопасности: Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40 (в ред. от 30 декабря 2015 г.) // Собр. Законодательства Рос. Федерации. – 1995. – № 15. – Ст. 1269.
10. Военная доктрина Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 25.12.2014 № Пр-2976 // Российская газета. – 2014. – № 298.
11. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 // Российская газета. – 2015. – № 297.
12. Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 30 января 2010 г. № 120 // Российская газета. – 2010 – № 21.
13. Об утверждении инструкции о порядке допуска должностных лиц и граждан Российской Федерации к государственной тайне: Постановление Правительства Российской Федерации от 6 февраля 2010 г. № 63 (в ред. от 18.03.2016) // Гарант : [сайт информ.-правовой компании]. – URL: <http://base.garant.ru/12173121>.
14. Федеральной службе безопасности: Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40 (в ред. от 30 декабря 2015 г.) // Собр. Законодательства Рос. Федерации. – 1995. – № 15. – Ст. 1269.

УДК 340.132.1

Юсупова А.А.

Научный руководитель: Матвиенко Е.А., к.ю.н., доцент

ЗАЩИТА ЛИЧНЫХ НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ В ПЕРИОД ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Резюме. В данной статье проведен анализ способов защиты личных неимущественных прав граждан в Донецкой Народной Республике, а также возможность их применения.

Ключевые слова: личные неимущественные права, способы защиты личных неимущественных прав.

В современном цивилизованном демократическом обществе права человека имеют первостепенное значение.

Понятие личности носит скорее нематериальный характер, оно охватывает, прежде всего, духовную сферу человека. Духовные интересы составляют само содержание, саму сущность человеческой личности – то, что дает ей ощущение подлинного «я», и отчего она не может отказаться, не переставая быть самой собой.

В настоящее время в процессе формирования государственности в Донецкой Народной Республике (далее – ДНР), анализ личных неимущественных прав имеет важное значение для науки, законодательства и практики. И, исходя из этого фактора, существует множество институтов и отраслей, которые уделяют немалую роль такой категории как личные неимущественные права.

Основу современного права, и в частности романо-германской правовой системы, составляют правовые учения, созданные в римском праве, которое не содержало норм позитивного права о защите нематериальных благ, но косвенно способствовало развитию этого института путем установления денежных компенсаций за посягательство на жизнь, здоровье и честь человека [1].

В современном праве детальное правовое регулирование категории «нематериальное благо» получило в отраслевом, в основном гражданском законодательстве. Однако регулирование личных неимущественных отношений осуществляется и иными отраслями права, в частности нормами семейного права. Определенное внутреннее единство правовых норм, регулирующих личные неимущественные отношения, как в рамках

гражданского, так и в рамках семейного права, дает основания для того, чтобы считать эти нормы самостоятельными правовыми институтами. Наличие же института нематериальных благ в рамках различных отраслей права, в свою очередь, свидетельствует о том, что правовое регулирование «личных неимущественных отношений осуществляется комплексно, совокупностью норм различных отраслей права». Вместе с тем, как справедливо отмечает Палькина Т. Н., взаимосвязь нематериальных благ в праве недостаточно изучена. К примеру, понятие «нематериальное благо», которое имело бы общеправовое значение для гражданского, семейного и других отраслей права, отсутствует [2].

Личные неимущественные права – это неразрывно связанные с человеком (гражданином) определенные права, такие как право на жизнь, здоровье, личную неприкосновенность и др.

Личные неимущественные права человека – это теоретическая и правовая категория, которая включает в себя множество компонентов, и объединяет в себе положения, которые можно отнести к абсолютно каждому. Например, право на жизнь, которое дается лицу по факту его рождения и является неотчуждаемым и нерушимым.

Понятие и толкование такой категории как личные неимущественные права человека предполагает наличие определенной законодательной нормы. Так, в соответствии со ст. 3 Конституции ДНР «человек, его права и свободы являются высшей ценностью, признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность Донецкой Народной Республики, ее государственных органов и должностных лиц» [3].

Согласно ст. 201 ГК «личными неимущественными благами, которые охраняются гражданским законодательством, являются: здоровье, жизнь; честь, достоинство и деловая репутация; имя (наименование); авторство; свобода литературного, художественного, научного и технического творчества, а также другие блага, которые охраняются гражданским законодательством».

Современное формирующееся гражданское законодательство ДНР включает в себя личные неимущественные права физических лиц, которые подразделяются в Гражданском кодексе на 2 группы:

- 1) личные неимущественные права, обеспечивающие естественное существование физического лица,
- 2) личные неимущественные права, обеспечивающие социальное существование физического лица [4].

Основу первой группы прав – обеспечивающих естественное существование физического лица – составляет критерий, который состоит в биологической сущности человека, который включает интересы необходимые для обеспечения его жизни, и в целом существования. К этим правам относятся: право на жизнь, на охрану здоровья, на медицинскую помощь, на информацию о состоянии своего здоровья, право на свободу, на личную неприкосновенность, право на семью и другие права.

В основе второй группы личных неимущественных прав физических лиц – обеспечивающих социальное существование физического лица – находится та сущность человека, которая определяет его требования нахождения в обществе, то есть те права, которые гарантируют ему нормальное существование и взаимодействие с обществом. К этой группе прав относятся: право на имя, право на уважение чести и достоинства, право на неприкосновенность деловой репутации, право на индивидуальность, на личную жизнь и ее тайну, право на информацию, право на личные бумаги, на тайну корреспонденции, на неприкосновенность жилища и другие права.

Согласно ст. 38 Конституции ДНР «каждому гарантируется государственная защита прав и свобод человека и гражданина. Каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом» [3].

Учитывая современное гражданское законодательство, теория выделяет ряд способов защиты личных неимущественных прав, которые могут применяться в Донецкой Народной Республике.

Для защиты личных неимущественных прав могут применяться общие и специальные способы защиты.

Общие способы защиты гражданских прав, перечисленные в ст. 16 ГК Украины, в той или иной мере, могут применяться и в случае нарушения личных неимущественных прав. Наиболее приемлемым среди них является возмещение морального вреда, причиненного нарушением личных неимущественных прав.

К специальным способам защиты личных неимущественных прав относятся:

- восстановление нарушенных личных неимущественных прав (ст. 276 ГК);

Согласно ст. 276 ГК Украины, нарушитель личного неимущественного права обязан совершить необходимые действия для их немедленного восстановления. Если такие действия не совершаются, суд может вынести решение о восстановлении нарушенного права, а также возмещении морального вреда, причиненного нарушением.

- опровержение недостоверной информации (ст. 277 ГК);

Опровержение недостоверной информации как самостоятельный способ защиты применяется в случае, если личные неимущественные права нарушены в результате распространения о лице и (или) членах его семьи недостоверной информации. Если такая информация распространена в отношении лица, которое умерло, право на опровержение принадлежит членам его семьи, близким родственникам и другим заинтересованным лицам. Конституционный суд разъясняет, что изложение в письмах, заявлениях, жалобах в правоохранительные органы сведений лицом, по мнению которого его право нарушено должностными или служебными лицами, не может считаться распространением информации, порочащей честь, достоинство и деловую репутацию. Пределы распространяемой информации о служебных и должностных лицах могут быть более широкими в сравнении с пределами такой же информации относительно обычных граждан [5].

Порядок опровержения недостоверной информации определен в норме. По общему правилу, опровержение может осуществляться лицом, которое непосредственно распространило информацию, таким же способом, каким она была распространена (если это возможно и целесообразно). В случае, когда лицо, которое является распространителем информации не известен, физическое лицо, чьи права нарушены, имеет право обратиться в суд с заявлением об установлении факта недостоверности такой информации и ее опровержении. В случае обнаружения недостоверной информации в документе, который выдало юридическое лицо, данный документ должен быть отозван. Опровержение осуществляется независимо от наличия вины лица, которое распространило недостоверные сведения. Для предъявления требований об опровержении недостоверной информации, нарушающей личные неимущественные права, установлен срок исковой давности в один год (ст. 258 ГК Украины).

–ответ (ст. 277 ГК);

Ответ является новым способом защиты личных неимущественных прав. Его суть заключается в том, что лицо имеет право на ответ о распространенной информации и ее оценке. Ответ (комментарий, реплика) осуществляется с целью устранить неточности, перекручивания, которые имели место при распространении информации. В ответе лицо указывает свое мнение, собственное толкование обстоятельств дела, комментирует распространенные сведения. Реализация права на ответ осуществляется в порядке, предусмотренном для опровержения недостоверной информации. Это право предусмотрено также ст. 43 ЗУ «О телевидении и радиовещании» [6].

–запрет распространения информации, нарушающей личные неимущественные права (ст. 278 ГК).

Запрещение распространения информации, нарушающей личные неимущественные права, осуществляется, если личное неимущественное право физического лица нарушено в газете, книге, кинофильме, телепередаче и т.п., которые готовятся к выпуску в свет. В этих случаях суд может запретить их выпуск до устранения нарушения права.

Если неимущественное право нарушено в газете, книге, кинофильме, телепередаче и т.п., которые выпущены в свет, суд может запретить (прекратить) их распространения до устранения этого нарушения, а если устранение нарушения невозможно, – изъять тираж газеты, книги и т.п. с целью его уничтожения. Правовые последствия неисполнения решения суда о защите личного неимущественного права предусмотрены законодательством. Так, если лицо, которое суд обязал совершить определенные действия для устранения нарушения личного неимущественного права, уклоняется от выполнения этого судебного решения, суд может наложить штраф в соответствии с ГПК Украины. Уплата этого штрафа не освобождает лицо от обязанности исполнить решение суда. Судебная практика в сфере защиты чести, достоинства и деловой репутации обобщена в Постановлении Пленума ВСУ «О применении судами законодательства, регулирующего защиту чести, достоинства и деловой репутации граждан и организаций» [7].

Вышеуказанные способы защиты личных неимущественных прав, несомненно, хорошо прописаны законодателем, но помимо них также еще существует уголовный способ защиты личных неимущественных прав, который может различаться в зависимости от законодательства государства.

Уголовный способ защиты личных неимущественных прав – это наличие определенной статьи в Уголовном Кодексе государства, которая охраняет личное неимущественное право человека посредством применения к нарушителю данного права санкции указанной в статье.

Защита чести, достоинства и деловой репутации урегулирована в разных странах по разному и личные неимущественные права охраняются с тщательной пристальностью, так как особо опасное поведение может повлечь за собой ряд неблагоприятных последствий для всего общества. Например, защита чести, достоинства и деловой репутации – институт права, нарушение которого влечет за собой ответственность по такой статье как клевета. Данный институт находит отражение в уголовном законодательстве ДНР (ст. 132 Уголовного Кодекса), в ст. 128.1 Уголовного Кодекса Российской Федерации, в то время как в законодательстве Украины такая статья Уголовного кодекса, как клевета, была исключена.

В современном обществе наличие такой статьи в Уголовном кодексе, как клевета, является несомненным плюсом, так как существенный вред, понесенный в силу распространения клеветческих выражений, человеком или организацией, которая имеет определенный статус в деловой среде, подлежит компенсации со стороны субъекта, который данные сведения распространил.

Таким образом, учитывая вышеизложенное, можно сказать, что личные неимущественные права, как теоретическая и практическая категория, связаны с каждым человеком и нашли свое отражение и защиту в законодательстве ДНР. Наличием разных способов защиты, гражданского и уголовного, государство дает понять, что в зависимости от размера ущерба причинного субъекту, а также его личного отношения к недостоверной информации, необходимо применять разные способы защиты, а также понимать, что лицо, которое распространило недостоверную информацию, понесет различную ответственность за совершенное деяние.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воробьев С.М. Предпосылки развития института компенсации морального вреда на ранних этапах становления романо-германской системы права // Гражданское право. – 2010. – №2.

2. Андропов В.В., Гонгало Б.В., Маньлов И.Е. и др. Объекты гражданских прав: постатейный комментарий к главам 6, 7 и 8 Гражданского кодекса Российской Федерации; под ред. П. В. Крашенинникова. -М.: Статут, 2009.
3. Конституция Донецкой Народной Республики от 14 мая 2014 г. [Электронный ресурс] // <http://dnr-online.ru/doc/zakony/>
4. Цивільний кодекс України від 16 січня 2003 р. № 435 // Відомості Верховної Ради України. – 2003. – № 40-44. – Ст. 356.
5. Дуюнов В.К.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: (постатейный)/В.К. Дуюнов и др., отв. ред. Л.Л. Кругликов. – Волтерс Клувер, 2005. – 400 с.
6. Про телебачення і радіомовлення; Закон від 21.12.1993 № 3759-ХІІ // ВВР від 09.03.1994 р. № 10, ст. 43.
7. Про судову практику у справах про захист гідності та честі фізичної особи, а також ділової репутації; Постанова Верховного Суду від 27.02.2009 № 1 // Вісник Верховного суду України від 15.03.2009 № 3, стр. 7.

УДК 342.9

Ющенко В.А.
Научный руководитель: Сынова Е.М., д.ю.н., доцент

К ПРОБЛЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Резюме. Рассматриваются проблемы в сфере безопасности дорожного движения. Анализируются факторы, влияющие на безопасность дорожного движения. Раскрываются способы и средства обеспечения безопасности дорожного движения. Обосновывается необходимость разработки целевой программы в сфере безопасности дорожного движения.

Ключевые слова: безопасность, дорожное движение, правонарушения, ответственность, целевая программа.

В последнее время заострилась проблема безопасности дорожного движения. На автомобильном транспорте из-за многочисленности и подвижности транспортных средств проблема обеспечения безопасности движения является наиболее актуальной. Наблюдается тенденция к стремительному ухудшению ситуации, которая нуждается в безотлагательных мероприятиях реагирования.

В связи с этим во всем мире вопросу безопасности на дорогах отводится особая роль. В Российской Федерации и других странах Евразийского союза применяются комплексные решения, связанные с эффективной организацией дорожного движения, нацеленной на безопасность дорожного движения.

В настоящее время реализуется Глобальный план ООН относительно осуществления Десятилетия действий по обеспечению безопасности дорожного движения 2011–2020 гг. Международным транспортным Форумом разработаны Рекомендации в сфере безопасного движения.

Современный взгляд на проблему безопасности автотранспорта и безопасности дорожного движения показывают, что безопасность автотранспорта и безопасность дорожного движения является серьезной социально-экономической проблемой. Последующее развитие автотранспортной системы и обеспечение ее стабильного функционирования в условиях безопасности автотранспорта и безопасности дорожного движения является стратегической задачей государства [1].

Целью исследования является анализ проблем обеспечения безопасности дорожного движения и обоснование необходимости разработки Республиканской целевой программы в сфере безопасности дорожного движения.

Основными причинами недостаточного уровня обеспечения безопасности дорожного движения, по мнению ученых, являются:

- низкий уровень дорожной дисциплины участников дорожного движения и осознания опасности последствий ее нарушения, в частности несоблюдение установленной скорости движения и правил маневрирования, игнорирование использования ремней безопасности, нарушение режимов труда и отдыха водителями;
- ненадлежащий уровень практического обеспечения неотвратимости наказания за нарушение правил дорожного движения и осознание этого участниками дорожного движения;
- недостаточный уровень координации деятельности органов исполнительной власти относительно решения вопросов безопасности дорожного движения;
- недостаточность финансирования мероприятий, направленных на снижение уровня аварийности на дорогах, и отсутствие системных подходов к проведению анализа эффективности финансирования таких мероприятий;
- низкий уровень использования современных методов подготовки и повышения квалификации водителей, учебы правил дорожного движения граждан;
- недостаточная эффективность системы организационно-планировочных и инженерных мероприятий, направленных на совершенствование организации движения транспорта и пешеходов, создания безопасных условий движения;
- низкий уровень использования автоматизированных средств контроля и регулирования дорожного движения;
- неэффективность системы контроля за безопасностью транспортных средств во время эксплуатации, а относительно некоммерческих транспортных средств – ее отсутствие;
- несовершенство системы оповещения о дорожно-транспортных приключениях и предоставления помощи потерпевшим.

Безопасность дорожного движения касается не только водителей, но и всех «пользователей дорог», т.е. водителей, водителей, велосипедистов, мopedистов, пешеходов, пользователей инвалидных колясок, пассажиров частного и общественного транспорта.

Уровень безопасности поведения пользователей дорог является недостаточно высоким. Данные официальной статистики подтверждают, что почти все зарегистрированные дорожно-транспортные происшествия происходят из-за несоблюдения правил дорожного движения.

Участники движения, особенно водители, системно нарушают правила безопасности, которые имеют прямую связь с вероятностью и тяжестью последствий дорожно-транспортных происшествий.

Среди основных факторов, которые обусловили возникновение такой ситуации можно назвать недостаточный уровень обеспечения безопасности дорожного движения; несовершенство правовой регуляции в сфере профилактики нарушений Правил дорожного движения; дублирование полномочий органов исполнительной власти в сфере обеспечения безопасности дорожного движения и т.п. Кроме того, дороги строят или ремонтируют по устаревшим стандартам (ДСТУ) или даже без соблюдения их требований, а проектировщики ставят в приоритет скорость движения автомобилей, а не безопасность пользователей. Кроме того, на дорогах не обустриваются инфраструктуры средств безопасности: барьеры между направлениями движения, шумовые продольные полосы и др.

Исходя из этого, основная цель стратегия в сфере безопасности дорожного движения должна быть направлена на обеспечение эффективной реализации государственной политики в сфере безопасности дорожного движения, а также минимизацию человеческих потерь и финансовых убытков в результате дорожно-транспортных приключений. Основными направлениями ее реализации и приоритетами работы по повышению уровня безопасности дорожного движения должны стать:

- а) усовершенствование механизма государственной регуляции в сфере обеспечения безопасности дорожного движения;
- б) обеспечение соблюдения правил дорожного движения участниками дорожного движения;
- в) обеспечение соответствия улично-дорожной сети и ее состояния уровню интенсивности дорожного движения;
- г) обеспечение надлежащей подготовки водителей транспортных средств и изучения разными группами населения Правил дорожного движения;
- д) повышение безопасности транспортных средств;
- е) обеспечение предоставления экстренной (безотлагательной) медицинской помощи пострадавшим в дорожно-транспортных приключениях;
- ж) активизация информационно-разъяснительной работы [2].

Разработка стратегии по повышению уровня безопасности дорожного движения даст возможность: повысить уровень безопасности дорожного движения; уменьшить количество дорожно-транспортных приключений и снизить уровень тяжести их последствий; минимизировать человеческие потери и финансовые убытки в результате дорожно-транспортных происшествий; повысить эффективность государственной политики в сфере обеспечения безопасности дорожного движения; улучшить состояние дорожной сети; повысить уровень соблюдения правил дорожного движения его участниками.

Таким образом, реализация стратегии и соответствующего плана мероприятий направлена на существенное улучшение качества государственной политики в сфере безопасности дорожного движения и повышение уровня этой безопасности, что отвечает интересам и ожиданиям общества.

Стратегия повышения уровня безопасности дорожного движения должна быть принята в рамках Республиканской целевой программы и стать документом, который определяет основные принципы и направления реализации государственной политики в сфере безопасности дорожного движения. Исходя из этого, следует отметить, что разработка этой Стратегии будет происходить с использованием общепризнанных методов стратегического планирования, таких, как SWOT-анализ, которые бы позволили обеспечить комплексный анализ ситуации в сфере безопасности дорожного движения, спрогнозировать ее развитие в перспективе, определить вероятные риски и угрозы, а также эффективные механизмы и пути их минимизации [3].

Главные элементы, которые и должна содержать целевая программа, – четко измеряемые цели, описание запланированных действий, их последовательность, а также ответственные лица или государственные органы. В целевой программе должны быть четко прописаны целевые мероприятия, направленные на реформирование государственной системы управления отраслью безопасности дорожного движения, и мероприятия, направленных на развитие постоянной мобильности в городах.

Целевая программа призвана способствовать определенной активизации государственных и негосударственных организаций, заинтересованных в повышении безопасности и культуры дорожного движения, а также совершенствованию законодательной и нормативно-правовой базы в отрасли.

В рамках реализации целевой программы предполагается улучшить уровень подготовки водителей транспортных средств и обеспечить надлежащее изучение разными группами населения Правил дорожного движения. В первую очередь, это касается наиболее уязвимых категорий участников дорожного движения, которыми являются пешеходы и велосипедисты.

В настоящее время в Российской Федерации начинается внедрение систем автоматического оповещения о дорожных происшествиях на автотранспорте, которыми будут оборудованы все новые автомобили.

В Донецкой Народной Республике существует законодательная и нормативно правовая база, которая регулирует общественные отношения в сфере дорожного движения и его безопасности, определяет права, обязанности и ответственность участников дорожного движения, министерств и ведомств, других органов государственной исполнительной власти, предприятий, учреждений и организаций. В первую очередь, это касается Закона ДНР «О дорожном движении», который был принят в 2015 году. В законе определены принципы дорожного движения, цели и задачи государственного управления и регулирования в сфере дорожного движения и его безопасности. В то же время в законе четко не установлена ответственность за невыполнение норм относительно планирования и выполнения мероприятий по повышению безопасности дорожного движения [4].

В настоящее время актуальным является создание эффективной системы управления безопасностью дорожного движения, которая бы базировалась на концентрации полномочий и ответственности в руках единого государственного органа и одновременно обеспечивала бы четкое распределение полномочий между органами исполнительной власти и местного самоуправления и координацию их деятельности.

Это позволит в полной мере использовать лучший мировой опыт и научные достижения в отрасли безопасности дорожного движения, экологической безопасности транспорта и постоянной мобильности и будет способствовать привлечению финансовой помощи для реализации проектов по повышению безопасности дорожного движения.

Основное внимание в сфере безопасности дорожного движения в целевой программе должно быть уделено вопросам технического регулирования в безопасности дорожного движения и образовательной деятельности, работе с целевыми группами участников дорожного движения [14].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блинкин, М.Я. Безопасность дорожного движения: история вопроса, международный опыт, базовые институции / М.Я. Блинкин. – М.: ИД ВШЭ, 2013. – 240 с.
2. Бадагуев, Б.Т. Безопасность дорожного движения: Приказы, инструкции, журналы, положения. М.: Альфа-Пресс, 2012. – 264 с.
3. Горев, А.Э. Организация автомобильных перевозок и безопасность движения: Учебное пособие для студ. высш. проф. образования / А.Э. Горев, Е.М. Олещенко. – М.: ИЦ Академия, 2012. – 256 с.
4. Закон Донецкой Народной Республики «О дорожном движении» № 41-ІНС от 17.04.2015, действующая редакция по состоянию на 21.04.2017 <http://dnrsovet.su/zakon-dnr-o-dorozhnom-dvizhenii/>

УДК 343.2

Яковенко А.М.

Научный руководитель: Тимошенко Н.А., к.ю.н., доцент

МОТИВ И ЦЕЛЬ КАК ЭЛЕМЕНТЫ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ВОИНСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Резюме. В работе представлен анализ значения таких признаков субъективной стороны воинских преступлений как мотив и цель при квалификации совершенных уголовно наказуемых деяний и разграничении между собой смежных составов преступлений. Приводится характеристика составов воинских преступлений, в которых мотив и цель не указаны в качестве обязательного признака субъективной стороны преступления, однако влияют на квалификацию преступного деяния и подлежат установлению.

Ключевые слова: воинские преступления, субъективная сторона преступления, мотив, цель, квалификация преступления.

В соответствии с ч. 1 ст. 392 Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики (далее – УК ДНР) воинскими преступлениями признаются предусмотренные

настоящим Кодексом преступления против установленного порядка несения воинской службы, совершённые военнослужащими, а также военнообязанными во время прохождения ими учебных или поверочных сборов [1].

Санкции статей главы 33 «Преступления против военной службы» УК ДНР предусматривают ответственность вплоть до применения наивысшей меры уголовного наказания – смертной казни, что свидетельствует о повышенной общественной опасности преступных деяний, регламентированных вышеуказанной главой, и требует более ответственного подхода со стороны правоприменителя, при определении вины лица, совершившего деяния, предусмотренного главой 33 УК ДНР.

В данной связи особую актуальность приобретает разграничение воинских преступлений в зависимости от признаков субъективной стороны совершённого уголовно наказуемого деяния, а именно: мотива и цели.

Изучением проблематики методики расследования воинских преступлений с учётом субъективной стороны их составов посвящены работы Карпенко М. И., анализу цели и мотива преступлений против военной службы труды таких учёных как Гладких В. И., Курчеев В. С., Зателепин О. Н. Кроме того, вопросу отграничения составов преступления, предусмотренных главой 33 Уголовного кодекса Российской Федерации посвящено постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 3 апреля 2008 года № 3 «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы», что подтверждает значимость выбранной тематики исследования.

Субъективная сторона преступления является сложным образованием, состоящим из ряда взаимосвязанных социально-психологических элементов: вины, мотива и цели преступления, эмоционального состояния лица в процессе совершения преступления [2, с. 33].

Мотив преступления представляет собой осознанное побуждение лица, в результате которого им совершается общественно опасное деяние (преступление). Формирование мотива преступления у лица осуществляется под воздействием условий, формирующих интересы, потребности, ценностные ориентации личности, искажения и деформации, которые образуют основу криминогенной мотивации и её внутреннюю содержательную сторону, а также условий, непосредственно относящихся к внешнему процессу совершения преступления, создающих конкретную криминогенную ситуацию. Взаимодействуя с личностными особенностями, они вызывают намерение и решимость совершить преступление [3, с. 61–62].

Поскольку мотив является ключевым элементом механизма преступного поведения, криминолог Антонян Ю. М., руководствуясь мотивами преступного поведения, классифицирует следующие типы преступников: корыстолюбивый – лица, совершающие преступления из корысти, алчности, жадности; престижный – лица, совершающие преступления ради занятия более высокого социального положения в обществе; игровой – лица, для которых совершение преступления прежде всего игра, азарт, возможность испытать острые ощущения; защищающийся – лица, которые с помощью преступления пытаются защититься от действительных или мнимых опасностей, угрожающих их жизни, здоровью, чести, социальному положению, материальному благополучию; насильственный – лица, которые испытывают удовлетворение от того, что причиняют другим боль и страдание, сеют смерть; сексуальный – лица, которые совершают преступления ради удовлетворения сексуальной потребности.

Цель преступления – это представление лица об общественно опасном результате, которого оно желает достичь посредством совершения общественно опасного деяния.

Цель тесно связана с мотивом преступления. Исходя из того, что мотив является побуждением к совершению противоправного деяния, цель выступает желательным

конечным результатом преступной деятельности. Установление цели и мотива имеет важное значение для квалификации преступления, дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации наказания.

Данный тезис подтверждается тем, что цель и мотив могут проявлять себя в качестве конструктивного признака состава преступления, отсутствие которого будет свидетельствовать об отсутствии и состава соответствующего преступления. Кроме того, данные категории могут являться признаками, образующими состав преступления при отягчающих обстоятельствах. Вместе с тем, мотив и цель преступления могут также являться обстоятельствами, смягчающими или отягчающими ответственность при назначении наказания [3, с. 62–63].

Как отмечает Зателепин О. Н., особенностью таких признаков субъективной стороны воинских преступлений как мотив и цель является различный способ их отражения в законе. В одних статьях они непосредственно указаны, например, ст. ст. 397, 401, 403 УК ДНР.

В некоторых статьях главы 33 УК ДНР указание на мотив и цель отсутствует, однако они подразумеваются (например, ст. ст. 394, 395, 412, 411, 405 УК ДНР), поскольку их содержание влияет на квалификацию содеянного. Так, в ст. 412 УК ДНР (нарушение правил несения боевого дежурства) цель не указывается в качестве квалифицирующего признака. Вместе с тем, она является фактически «обязательной», поскольку влияет на квалификацию содеянного. Указанное подтверждается тем, что при установлении цели оказания помощи иностранному государству в деятельности, направленной против безопасности Донецкой Народной Республики, преступление может быть квалифицировано по ст. 320 УК ДНР (государственная измена).

В ст. 399 УК ДНР (оскорбление военнослужащего) цель данного преступления также не указывается, но исходя из содержания вышеуказанной статьи, она подразумевается – стремление унижить честь и человеческое достоинство потерпевшего. Отсутствие такой цели в конкретном противоправном поведении свидетельствует и об отсутствии состава данного преступления.

В ст. 397 УК ДНР (насильственные действия в отношении начальника) мотив отражен с помощью обобщающего понятия «в связи с исполнением обязанностей военной службы». Вместе с тем, конструкция «в связи» – многогранна, она обобщает различные по конкретным проявлениям побуждения: месть за служебную деятельность начальника, ненависть, стремление избежать каких-либо неблагоприятных последствий, недовольство служебной деятельностью, несогласие и т.п. Единственное основание отнесения этих побуждений к мотиву «в связи» определяется их происхождением и осознанием виновным того, что его деяние обусловлено таким социальным фактором, как исполнение потерпевшим конкретных обязанностей по военной службе. При этом, как отмечает А. А. Толкаченко, по смыслу действующего законодательства мотив «в связи» не может рассматриваться как составная часть мотива мести. Наоборот, месть должна рассматриваться как составная часть более общего понятия – мотива «в связи» [4, с. 115].

Ключевой функцией мотива и цели является разграничение воинских преступлений между собой, а также их отграничение от смежных общеуголовных деяний. Так, например, если подчинённый применяет насилие в отношении начальника, не находящегося во время исполнения служебных обязанностей и не в связи с исполнением этих обязанностей, без мотива недовольства его служебной деятельностью, то содеянное может быть квалифицировано в качестве общеуголовного преступления. Для отграничения одного преступления против военной службы от другого, как правило, указывается цель [5, с. 92].

Конструктивным признаком состава преступления, предусмотренного ст. 403 УК ДНР (уклонение от воинской службы путём членовредительства или иным способом)

является целью совсем или временно уклониться от исполнения всех или некоторых обязанностей по военной службе.

Если повреждения здоровья, симуляция болезни, подлог документов или иной обман совершены без цели уклонения от несения обязанностей по военной службе, то такие действия не составляют преступления, предусмотренный вышеуказанной статьёй.

Как отмечает Карпенко М. И., неосторожное причинение военнослужащим вреда своему здоровью, если оно способствовало освобождению его от несения военной службы, не представляет состава преступления, поскольку в данном случае отсутствует цель уклонения от несения воинских обязанностей. Симуляция болезни или иной обман, который используется для получения улучшенного питания или другой материальной выгоды, также не подпадает под признаки состава уклонения.

Мотивами уклонения от несения обязанностей по военной службе могут быть в мирное время нежелание переживать трудности военной службы, намерение побывать дома, а в условиях военного положения или боевой обстановки – трусость, шкурничество и т.п. [6, с. 61–62].

При разграничении преступлений, предусмотренных ст. 400 УК ДНР (самовольное оставление части или места службы) и 401 УК ДНР (дезертирство), необходимо исходить из того, что ответственность по ст. 400 УК ДНР наступает лишь при наличии у лица намерения временно уклониться от исполнения обязанностей военной службы и по истечении определенного срока возвратиться к месту службы для прохождения военной службы. При дезертирстве лицо имеет целью вовсе уклониться от исполнения обязанностей военной службы. Если такая цель появилась у военнослужащего после самовольного оставления части (места службы), содеянное следует квалифицировать только как дезертирство [7].

Об умысле на дезертирство могут свидетельствовать такие обстоятельства, как приобретение или изготовление лицом подложных документов, удостоверяющих личность либо свидетельствующих о том, что гражданин прослужил установленный законом срок военной службы или имеет отсрочку от призыва, устройство на работу и т.п. [3, с. 61–62].

В тех случаях, когда лицо совершает перечисленные в ст. 403 УК ДНР действия с целью временно уклониться от исполнения обязанностей военной службы, но в силу каких-либо объективных обстоятельств эти действия обуславливают увольнение его с военной службы, содеянное также подлежит квалификации по ч. 1 ст. 403 УК ДНР.

Если лицо преследовало цель полностью освободиться от исполнения обязанностей военной службы, однако при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от него обстоятельствам, содеянное следует квалифицировать по ч. 1 или ч. 3 ст. 29 и ч. 2 ст. 339 УК ДНР [7].

В ст. 395 УК ДНР (сопротивление начальнику или принуждение его к нарушению служебных обязанностей) содержится два объединённых состава преступления, отличающихся по объективной стороне: 1) сопротивление начальнику или иному лицу, исполняющему возложенные на него обязанности по военной службе; 2) принуждение указанных лиц к нарушению этих обязанностей.

Обязательными признаками субъективной стороны вышеуказанных составов преступлений, что прямо не указано в диспозиции, но подразумевается, являются специальные цели: 1) при сопротивлении – цель помешать начальнику или иному лицу выполнить возложенные на них обязанности военной службы; 2) при принуждении – цель заставить начальника нарушить эти обязанности путём совершения последним незаконных действий.

Проведённое исследование даёт основания полагать, что учитывая специфику и характер преступлений против военной службы, предусмотренных главой 33 УК ДНР,

а также положения ст. 8 УК ДНР, согласно которой основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом [1], при квалификации совершённого преступного деяния, особое значение следует уделять такому элементу состава преступления как субъективная сторона и в особенности её составляющим мотиву и цели общественно опасного деяния.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики от 19 августа 2014 года. – URL: <http://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 02.02.2018).
2. Печников Н.П. Мотив и цели, их значение в уголовном праве России / Н.П. Печников. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2009. – 64 с.
3. Гладких В.И., Курчев В.С. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / под общ. ред. В.И. Гладких. – М.: Новосибирский государственный университет, 2015. – 614 с.
4. Уголовно-правовое обеспечение военной безопасности Российской Федерации (вопросы теории, законодательства и практики): монография. Серия «Право в Вооруженных Силах – консультант» / О.Н. Зателепин. М.: «За права военнослужащих», 2013. – Вып. 135. – 192 с.
5. Военно-уголовное право: учебник. Серия «Право в Вооруженных Силах – консультант». – М.: «За права военнослужащих», 2008. – Вып. 93. – 984 с.
6. Карпенко М.І. Ухилення від військової служби шляхом самокалічення або іншим способом: окрема методика розслідування злочинів, передбачених ст. 409 Кримінального кодексу України / М.І. Карпенко // Юридична наука. – № 12. – 2013. – С. 58-77.
7. О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 3 апреля 2008 года № 3. – URL: http://vsrf.ru/vscourt_detale.php?id=5356 (дата обращения: 02.02.2018).

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**Вестник студенческого научного общества
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
2018. – Вып. 10**

**Том 4
Юриспруденция
Часть 2**

Оригинал-макет подготовлен *А. К. Миронова*

Подписано в печать 02.04.2018 г.
Формат 60×84/8. Бумага офисная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 39,8
Тираж 50 экз. Заказ № 18-

Издательство ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Свидетельство о внесении субъекта
издательской деятельности в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.